ISSN 0038-5034

Советская Археология

1991

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе,
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич,
Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский (отв. секретарь),
Т. М. Потемкина, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
П. П. Толочко, В. Л. Янин

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1991 3

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Санжаров С. Н. К вопросу о культурно-хронологическом членении катакомбных памятников Северского Донца 5
Горбунова Н. Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н. э.— первая половина I тысячелетия н. э.) 20

К XVIII Международному конгрессу византинистов

Макарова Т. И. Княжеские (государственные) мастерские и их роль в сложении орнаментального стиля в прикладном искусстве Древней Руси 31
Винокурова Э. П. От Центра к периферии. Культурные связи на рубеже XVII и XVIII вв. 43
Медынцева А. А. Архангельская ставротека и культ Климента на Руси 56
Даркевич В. П. Византия и Восток 69
Чернецов А. В. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики (так называемый «посох Никиты Новгородского») 84
Плетнева С. А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники 98

Памяти Б. Б. Пиотровского

Горбунова Н. Г., Каспарова К. В., Кушнарева К. Х., Смирнова Г. И. Борис Борисович Пиотровский (1908—1990 гг.) 108
Столяр А. Д. Памяти Бориса Борисовича Пиотровского 112

Дискуссии

Гиря Е. Ю. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня 115
Дороничев В. Б. Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода 130

Публикации

Уткин А. В. Стоянка Яга II близ Вашутинского озера 143
Супруненко А. Б. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области 153
Кузнецова Л. В., Седова М. С. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье 161

© Отделение истории АН СССР, Институт археологии АН СССР,
Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1991 г

Беспалый Е. И., Парусимов И. Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону 179
Могильников В. А., Данченко Е. М., Труфанов А. Я. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа 196
Асланов Г., Кашкай С. Погребения некрополя Мунджуглу-Тепе . 221
Абрамов А. П., Масленников А. А. Амфоры V в. до н. э. из раскопок поселения на мысе Зюк 234
Синюк А. Т., Березуцкий В. Д. Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт 250
Иванов Г. П. Кувсайский могильник VII—VIII вв. в Ферганской области 262

Заметки

Ромашко В. А., Калагина Г. Н. Новая находка карасукского кинжала в Поднепровье 267
Дейвид С. Браунд. Римско-сирийская стеклянная чаша из Лоо близ Сочи 268
Соловьев В. С. Керамическая плитка из Кафыркалы . . . 270
Василев В. Й. Бронзовая накладка в виде человеческой фигуры из Южной Добруджи 273
Чайкина Л. Г. О назначении двух каменных предметов из Рюрикова городища 275

Критика и библиография

Носенко Е. Э. Кельтская археология на страницах журнала «Gallia» . . 279
Скрипкин А. С. *Керефов Б. М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988 288

Хроника

Хартия по охране и использованию археологического наследия 293
Доде З. В., Охонько Н. А. XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Ставрополь, 1990) 296

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1991 3

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Sanzharov S. N. On the cultural and chronological division of the catacomb sites at the Seversky Donets 5
Gorbunova N. G. On the «niche-grave» and «catacomb» burials of the early nomades in Soviet Central Asia (the end of 1st millenium B. C.— the first half of the 1st millenium A. D.) 20

On the 18th International Congres of Byzantynists

Makarova T. I. Princely (state) workshops and their role in the formation of the ornamental style in the applied art of Mediaeval Russia . . . 31
Vinokurova E. P. From the centre to peripheria. Cultural connections in the end of the 17th — beginning of the 18th centuries . . . 43
Medyntseva A. A. The Arkhangelsk relicvarium and the cult of St. Kliment in Russia 56
Darkevich V. P. Byzantium and the East 69
Chernetsov A. V On the evolution and symbolics of pastoral crozier (The so-called crozier of St. Nikita of Novgorod) 84
Pletneva S. A. The relations between the East European nomades and Byzantium in the light of archaeological sources 98

In memory of B. B. Piotrovsky

Gorbunova N. G., Kasparova K. V Kushnareva K. Kh., Smirnova G. I. Boris Borisovich Piotrovsky (1908—1990) 108
Stolyar A. D. In memory of Boris Borisovich Piotrovsky 112

Discussions

Girya E. Yu. The problems of technological analysis of splitting stone products 115
Doronichev V B. The analysis of technology of splitting stone in the Early Palaeolithic. The problem of methodics 130

Publications

Utkin A. V Yaga II settlement near Vashutino lake 143
Suprunenko A. B. An antropomorphic stela of the Early Metals period from Poltava region 153
Kuznetsova L. V., Sedova M. S. Kurgan cemetery of the timber-grave culture near Volchanka village on the left bank of the Volga, Kuibyshev area 161
Bespaly E. I., Parusimov I. N. The assemblages of the pre-scythian and early scythian periods at the Lower Don 179

Mogilnikov V. A., Danchenko E. M., Trufanov A. Ya. Bogochanovo fortiefied settlement and the problem of cultural stratification in the forest zone of the Irtysh basin 196
Aslanov G., Kashkay S. Burials of Munjuglu-tepe necropolis 221
Abramov A. P., Maslennikov A. A. The amphorae of the 5th century B. C. from the settlement at the Ziuk cape 234
Siniuk A. T., Berezutsky V. D. Underground labyrinth shrine of the early phase of the Middle Ages 250
Ivanov G. P. Kuvasay cemetery of the 7th-8th centuries in Ferghana region 262

Notes

Romashko V. A., Kalagina G. N. A new find of Karasuk dagger in the Dnieper basin 267
David C. Brownd. A Syro-Roman glass bowl from Loo near Sochi 268
Solovyev V. S. A ceramic plaque from Kafyrkala 270
Vasilev V Y. A bronze plaque in a form of human figure from Southern Dobruja 273
Chaykina L. G. On the usage of two stone artefacts from Ryurikovo gorodishche 275

Reviews and Bibliography

Nosenko Ye. E. Celtic archaeology in the journal «Gallia" 279
Skripkin A. S. *B. M. Kerefov.* The sites of sarmatian period in Kabardino-Balkaria. Nalchik, 1988 288

Chronicle

International Charter for the protection and management of the archaeological Heritage 293
Dode Z. V., Okhonko N. A. The 16th Krupnov conference on the archaeology of the North Caucasus. Stavropol, 1990 296

С. Н. САНЖАРОВ

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ЧЛЕНЕНИИ КАТАКОМБНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Открытие донецкой катакомбной культуры было осуществлено В. А. Городцовым на основе анализа захоронений эпохи бронзы, совершенных в катакомбных погребальных конструкциях в курганах Изюмского и Бахмутского уездов [1—3, с. 263—270; 4, с. 50]. Суммарная характеристика погребального обряда и сопровождающего инвентаря выделенной совокупности памятников базировалась на разнотипных катакомбных материалах. Как выяснилось позднее, только часть выявленных В. А. Городцовым катакомбных погребений действительно относилась к памятникам донецкой культуры в той интерпретации, в которой она представлена в работах советских ученых [5, с. 31—59; 6, с. 7, 8; 7, с. 407—412] Крупным шагом в разграничении обширного территориального катакомбного массива явилось определение локальных вариантов [8, с. 67—93] Уже в исследовании Т. Б. Поповой регион Северского Донца включал донецкий и харьковско-воронежский варианты катакомбной культуры [8, с. 78—84] С. Н. Братченко, выделив позднекатакомбные погребения бахмутского и манычского типов, подверг катакомбные памятники Подонцовья и Нижнего Подонья еще более дробному членению. Первые получили свое наименование по ряду захоронений, раскопанных по р. Бахмут (правый приток р. Северского Донца), и представляли «своеобразную позднекатакомбную группу, состоящую из нескольких компонентов, еще не слившихся в одно целое, но обнаруживающих заметное единство признаков. Этими компонентами являются, с одной стороны, местный донецкий, но видоизмененный тип, а с другой стороны — пришлые, в основном харьковско-воронежский (среднедонской) и в меньшей мере приазовско-нижнеднепровский» [9, с. 11, 13]. Таким образом, все отчетливее вырисовывается разнохарактерность катакомбных могил среднего течения Северского Донца, в свое время послуживших поводом для выделения только одной катакомбной (донецкой) культуры. Если же обратиться к понятию катакомбной культурно-исторической области [10, с. 325, 326], в которой прежние локальные варианты представлены самостоятельными культурами катакомбного круга [11, с. 165—179], то проявляются различные катакомбные образования в ареале «городцовских мест»: донецкая и харьковско-воронежская (среднедонская) культуры, бахмутские и манычские позднекатакомбные памятники. При разработках вопросов хронологии катакомбных захоронений С. Н. Братченко опирался на богатые металлическими изделиями комплексы Северского Донца. В итоге им была предложена датировка донецкой катакомбной культуры в пределах XX—XVIII вв. до н. э., а бахмутских и манычских памятников — XVII в. до н. э. [5, с. 153] Сложнее обстоит дело с уточнением хронологии харьковско-воронежских комплексов Северского Донца. Они являлись предметом специального изучения в диссертации А. М. Смирнова, где соотнесены с памятниками второго этапа среднедонской культуры по периодизации А. Т. Синюка [12, с. 15] и поздним этапом манычских материалов Подонцовья, синхронизированных со вторым и третьим этапами среднедонской культуры [12, с. 13, 15] Сам же А. Т. Синюк

© С. Н. Санжаров, 1991 г.

отнес второй этап к XVII—XV вв. до н. э., а третий — к XV—XIV вв. до н. э. [13, с. 157] Недавно, стремясь конкретизировать время бытования харьковско-воронежской культуры на левобережье Северского Донца, С. Н. Братченко предложил для ее основного периода хронологический отрезок в пределах 2000—1800 гг. до н. э. [14, с. 29]. Нижнюю дату среднедонской культуры Ю. П. Матвеев увязывает со временем распада донецкой культуры и формирования памятников бахмутского типа в рамках конца XVIII — начала XVII в. до н. э. [15, с. 52].

Дальнейшее вычленение различных подразделений катакомбной культурно-исторической общности из бассейна Северского Донца произошло с обособлением серий раннекатакомбных погребений, определенных С. Н. Братченко [5, с. 142] Ярким примером захоронений этого типа была северская катакомба из низовий р. Бахмут, датированная концом III тыс. до н. э. [16, с. 202—207]. В статье Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова аналогичные материалы отнесены к комплексам, стратиграфически предшествующим классическим донецким погребениям, к так называемому преддонецкому горизонту [6, с. 7], а в работе А. М. Смирнова — к раннекатакомбным преддонецким памятникам [12, с. 4—7] С. Н. Братченко, избегая термин «преддонецкий», на погребениях Подонцовья выделил раннекатакомбный этап донецкой катакомбной культуры (2200/2100—2000 гг. до н. э.), сформировавшийся, по его выводам, на местной позднеямной основе при ограниченной миграции населения из низовий Дона [14, с. 28, 29]. Этим наметилась поляризация взглядов на выявленную раннекатакомбную группу памятников Северскодонецкого региона. Термин «преддонецкий» говорит о том, что комплексы непосредственно предшествуют донецкой катакомбной культуре (Н. А. Николаева, В. А. Сафронов, А. М. Смирнов), а «раннекатакомбный» (относительно Северского Донца) иллюстрирует суждение, в котором раннекатакомбные материалы являются лишь ранним звеном донецких (С. Н. Братченко). За терминологической разницей отчетливо проявляются противоположные позиции на пришлый или автохтонный характер донецкой катакомбной культуры.

В итоге выявление новых памятников катакомбной культурной общности в Подонцовье и их тщательная интерпретация привели к разделению «городцовской» донецкой катакомбной культуры на ряд культур и типов памятников: раннекатакомбных захоронений, донецкой и харьковско-воронежской (среднедонской) культур, бахмутских и манычских позднекатакомбных памятников. Тем не менее процесс культурно-хронологического разграничения всех катакомбных материалов среднего течения Северского Донца полностью не закончен.

Открытие в Бугско-Ингульском регионе ингульской культуры [17, с. 6—7; 18, с. 29—34] привлекло внимание исследователей к позднекатакомбным памятникам, характеризующимся катакомбными погребальными сооружениями с небольшой округлой входной шахтой, преобладанием вытянутого на спине положения умерших и специфическим составом сопровождающего инвентаря. В 1985 г. указанная группа захоронений была определена С. Н. Братченко и О. Г Шапошниковой как поздний этап днепро-азовской катакомбной культуры [7, с. 412—415], ареал распространения которой включает Северное Приазовье, Нижнее и Среднее Поднепровье, степной Крым и Северо-Западное Причерноморье [1] Характерными особенностями поздних днепро-азовских материалов, кроме отмеченных выше, являются так называемые глиняные моделировки лицевых покровов черепов [19, с. 20—22], амфорки и фляги с ушками, чашевидная посуда с орнаментом из прочерченных и врезных композиций и узоров в виде вытянутых горизонтальных овалов [7, с. 412—415]. Примечательными деталями сложных культурных процессов на отмеченных территориях представ-

[1] Следует отметить общность ингульских и поздних, днепро-азовских катакомбных памятников, представляющих собой единый поздний культурно-хронологический пласт с небольшими региональными отличиями.

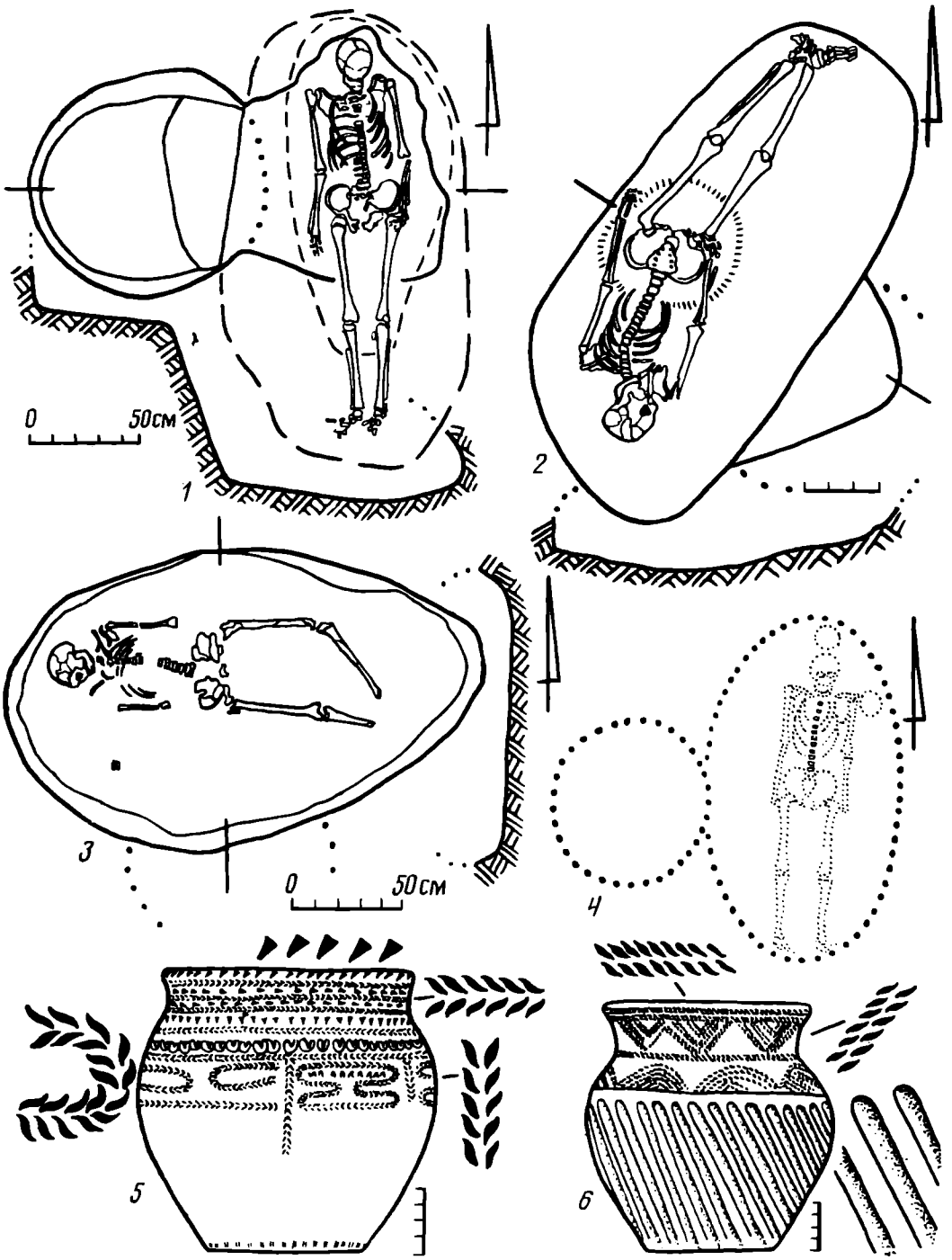


Рис. 1. Погребения и керамика. *1* — с. Октябрьское, кург. 8, погр. 6; *2* — хут. Степной, кург. 3, погр. 2; *3* — с. Приволье, кург 1, погр. 1; *4—6* — д. Переездная, кург. 1, погр. 6 (*4* — реконструкция)

ляются немногочисленные случаи обнаружения погребений в сопровождении инвентаря донецкого типа [20, с. 46, табл. 12; 21, с. 173, рис. 126, *6*; 22, с. 66, рис. 4, *12*; 23, с. 23, рис. 3, *2*; 24, с. 45, рис. 6, *19, 25*] Еще в 50-х годах эти обстоятельства, с одной стороны, дали повод для расширения географического ареала донецкой культуры [25, с. 273], а с другой — поставили вопрос о характере взаимодействий двух значительных культурных образований. И если находки классических донецких памятников в южной зоне днепро-азовской культуры могут привлекаться в решении вопросов генетического порядка или же

Таблица

Основные данные по погребениям Северского Донца позднего этапа днепро-азовской культуры

Курган, погребение	Угол к центру, градусы	Расстояние от центра, м	Глубина от П, А, м	Погребальное сооружение				Положение костяка				Охра	Инвентарь
				форма и размер шахты, м	форма и размер камеры, м	ориентация камер	высота уступа, м	корпус	руки	ноги	ориентация		
Переездная, 1901 г., к. 1, п. 6 (Н-2,1; Д-32 м)	?	?	П — 3,2	Круглая Д-1,1	Овальная 2,5×1,9	С—Ю	?	СП	В	В	ССВ	+	2 сосуда
Степной, 1983 г., к. 3, п. 2 (Н-1,8; Д-35 м)	150	9,1	П—1,5	?	Овальная 2,1×1	ЮЗ—СВ	0,2	СП	В	В	ЮЗ	+	—
Андреевка, 1985 г., к. 1, п. 7 (Н-0,5; Д-24 м)	Ц	Ц	А—1,6	Округлая 1×0,8	Овальная 1,6×1,5	ЮЗ—СВ	0,7	Разрушен			?	+	Сосуд
Октябрьское, 1985 г., к. 4, п. 8 (Н-3; Д-40 м)	142	19,3	Р—4,5 П—2,5 А—2	Круглая Д-0,9	Овальная 2,1×1,3	В—З	0,5	СП	В	В	З	+	Сосуд
Октябрьское, 1985 г., к. 8, п. 6 (Н-0,5; Д-20 м)	245	5	Р—2,3	Круглая Д-1	Овальная 2,1×1,1	С—Ю	0,8	СП	В	В	С	—	—
Приволье, 1985 г., к. 1, п. 1 (Н-0,4; Д-20 м)	Ц	Ц	А—0,8	?	Овальная 2,2×1,4	В—З		СП	В	Л—С ПР—В	З	+	—

Примечание: Н — высота, Д — диаметр, Ц — центр, П — поверхность, Р — репер, А — абсолютная глубина, СП — на спине, В — вытянутый, С — согнутый, Л — левый, ПР — правый.

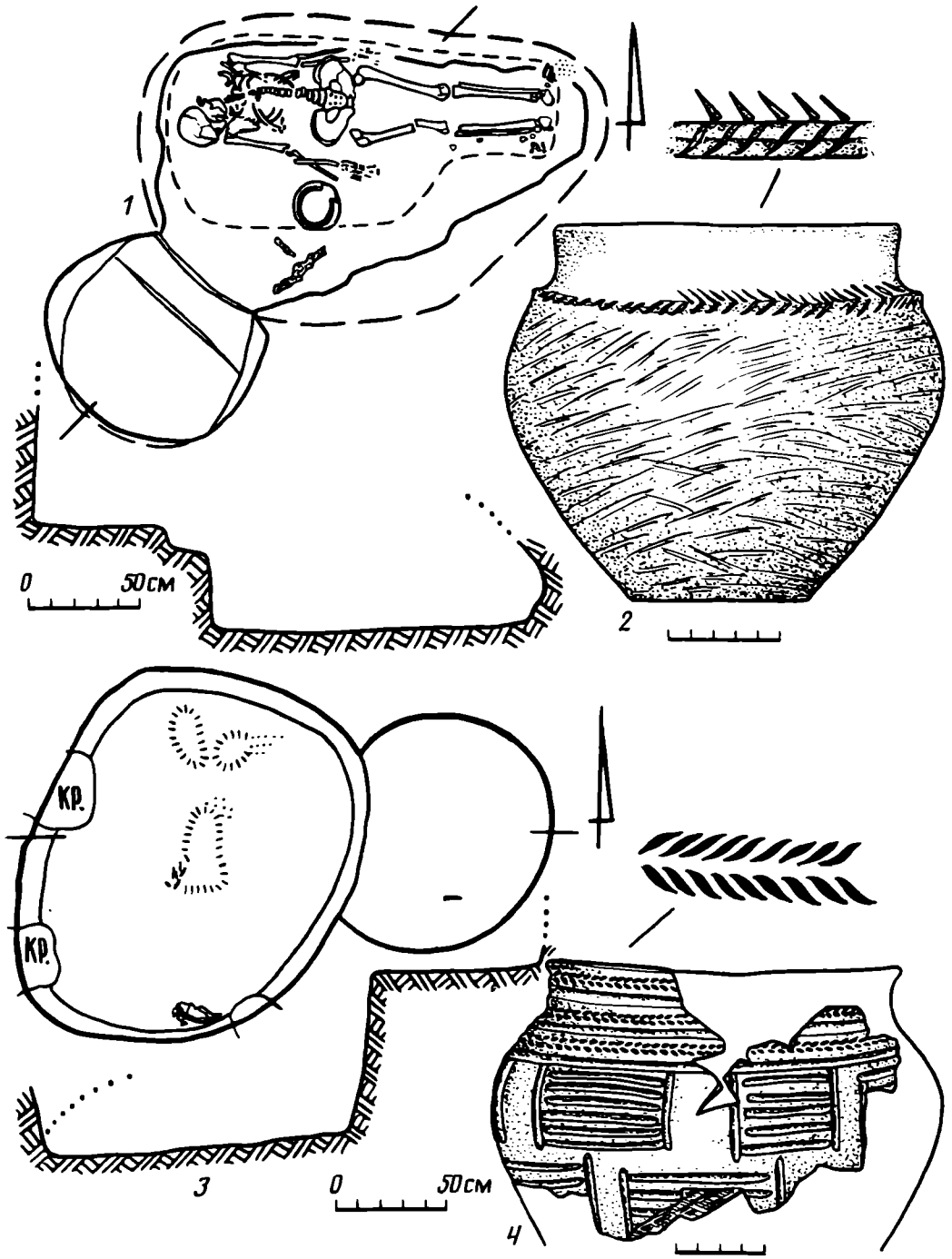


Рис. 2. Погребения и керамика. *1, 2* — с. Октябрьское, кург. 4, погр. 8; *3, 4* — с. Андреевка, кург 1, погр. 7

межкультурных контактов на ранних фазах развития, то документально подтвержденное наличие поздних днепро-азовских погребальных комплексов на территории Северского Донца, в исконном регионе донецкой катакомбной культуры, требует специального объяснения, тем более что еще в конце 60-х годов С. Н. Братченко усматривал «приазовско-нижнеднепровские черты» в смешанном облике памятников бахмутского типа [9, с. 14].

К настоящему времени в ходе полевых работ в Подонцовье получено достаточное количество новых материалов, позволяющих рассмотреть указанный аспект культурных контактов катакомбных племен, а заодно и расширить

общее количество специфических катакомбных подразделений в районе первоначального выделения катакомбной культуры как таковой.

Всего же на территории среднего течения Северского Донца открыто шесть погребений позднего этапа днепро-азовской культуры: Переездная, к. 1, п. 6 (рис. 1, *4—6*) [2, с. 308]; Степной, к. 3, п. 2 (рис. 1, *2*) [26]; Андреевка, к. 1, п. 7 (рис. 2, *3, 4*); Октябрьское, к. 4, п. 8 (рис. 2, *1, 2*), к. 8, п. 6 (рис. 1, *1*); Приволье, к. 1 п. 1 (рис. 1, *3*) [27]. Основные данные по этим памятникам сведены в таблицу. В тех случаях, где прослежены все конструктивные особенности могил, присутствуют округлые входные шахты небольшого диаметра (от 0,8 до 1 м) и овальные погребальные камеры. Две катакомбы являлись основными и размещались в центре подкурганной площадки (Андреевка, к. 1, п. 7, Приволье, к. 1, п. 1). Над ними возведены незначительные по размерам насыпи (высотой 0,5 диаметром 20—24 м). Остальные сооружены в различных секторах более древних курганов, но на значительном расстоянии от центра. Максимальное удаление, по всей видимости, ограничивалось периферией ранних насыпей, в полы которых производился впуск могил. Во всех катакомбах шахты оказались заполненными суглинком и трудно фиксировались в материковом грунте. Входные отверстия (устья) камер перекрывались заслонами из плашек и глиняных пробок. Лишь одно безынвентарное погребение из Приволье (к. 1, п. 1) совершено на незначительной глубине (0,8 м от уровня древнего горизонта). Суммарно данные по абсолютным глубинам захоронений, т. е. глубинам от фиксируемого уровня впуска, близки к 2 м. Длинные оси катакомб направлены по линиям С—Ю (два случая), В—З (два случая), ЮЗ—СВ (два случая). Таким образом, планировка погребений в курганах и особенности катакомбных конструкций захоронений данной группы памятников уже иллюстрируют черты внутреннего единства и, следовательно, свидетельствуют об их культурной однородности.

Все захоронения одиночные, принадлежали взрослым. Погребенных укладывали в вытянутом положении на спине. Основная ориентация — западное и северное направления.

Преобладание одиночных погребений и размещение умерших в вытянутом положении на спине сопоставимы с традициями позднекатакомбных могил Северо-Западного Приазовья [28, с. 7], Северного Присивашья [29, с. 51], Поингулья [18, с. 29—34; 30, с. 11] и Северо-Западного Причерноморья [31, с. 66]. Слабая согнутость ног погребенного из Приволье (к. 1, п. 1) подтверждает наблюдение Д. Я. Телегина и С. Н. Братченко о том, что вытянутое положение нижних конечностей у части умерших исследователями может рассматриваться как вторичное, а первоначальным положением являлось слабоскорченное положение ног, коленями вверх [32, с. 8—10] Исследователи отмечали и неустойчивость ориентации умерших в поздних группах захоронений днепро-азовского типа [28, с. 7; 29, с. 51] Рассматривая примечательные черты скорченного и вытянутого положения костяков в катакомбах Северного Приазовья, Л. С. Клейн пришел к выводу: в регионе представлена картина смешанной культуры, в которой «катакомбная культура донецкого типа является лишь одним из ее компонентов» [33, с. 73, 74]. Заключение С. С. Березанской и О. Г Шапошниковой о близости катакомбной культуры Северо-Западного Приазовья и Нижнего Днепра [25, с. 273] было поддержано А. М. Лесковым. Он указал на территориальное единство этих ареалов, но предпочел говорить о сходстве материалов всей зоны Северного Приазовья с Нижним Поднепровьем [34, с. 12, 13]. Через некоторое время выяснилось, что на основании целого ряда признаков донецкого катакомбного археологического комплекса наиболее связаны между собой донецкая, приазовская и нижнеднепровские катакомбные общности, объединенные Л. С. Клейном в украинскую катакомбную провинцию [11, с. 165—179]. И. Ф. Ковалева проследила появление круглых входных шахт катакомбных сооружений в Орельско-Самарском междуречье «в достаточно раннее время, чтобы в обряде и инвента-

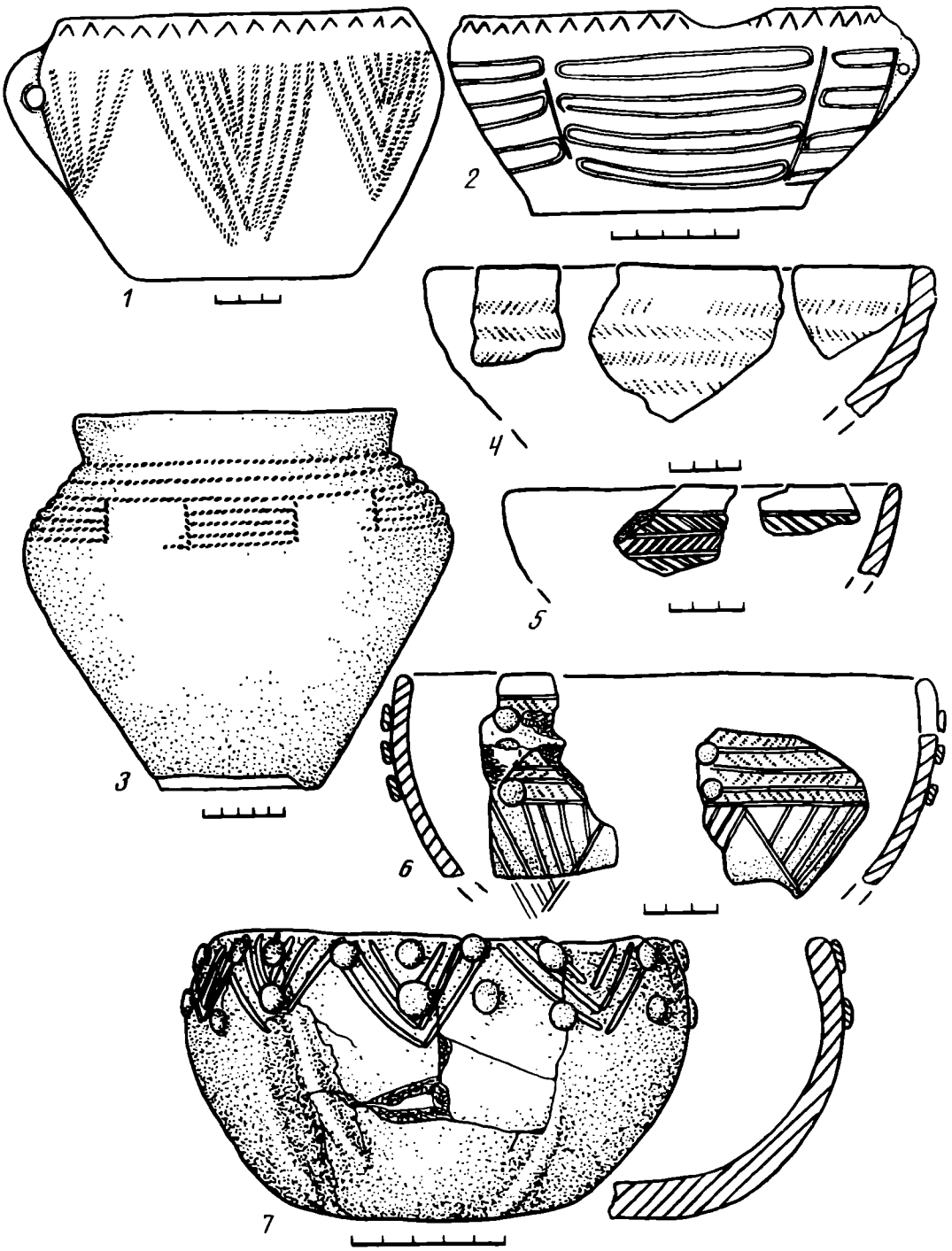


Рис. 3. Керамика. *1, 2* — пос. Райгородок; *3* — пос. Богаевский, Лысый курган, погр. 35; *4—6* — Славяногорское поселение; *7* — с. Полковое, кург. 1, погр. 8

ре могли сохраниться еще ямные черты», и добавила, что «катакомбы с круглой (овальной) шахтой существуют здесь длительное время, становясь на позднем этапе ведущей формой погребального сооружения на обширной территории — от Днепра до Днестра и Крыма, а на востоке — до Дона» [24]. Позднекатакомбные погребения Нижнего Поднепровья с округлыми входными шахтами и вытянутыми на спине (так же как и скорченными) костяками были предметом исследования Ю. А. Шаталина [35, с. 46, 47], Г Л. Евдокимова [36, с. 48—50] и С. Ж. Пустовалова [37, с. 87—109] Материалам степного Крыма, тождественным катакомбным, посвящена специальная работа А. Л. Нечитайло

[38, с. 108—113]. При всем масштабе разворачивающихся обобщающих работ до настоящего времени, к сожалению, остаются неочерченными северные границы распространения памятников позднего этапа днепро-азовской культуры и не дана характеристика ее периодов на всех занимаемых территориях. Для решения поставленных вопросов значительную ценность имеют установленные Г Л. Евдокимовым три основных признака, в общих чертах отделяющие поздний этап рассматриваемой культуры от раннего: 1) распространение катакомбных конструкций с круглой входной шахтой и овальной камерой; 2) преобладание вытянутого на спине положения костяков; 3) наличие керамики неоднородных типов с сильным влиянием донецкой катакомбной культуры [36, с. 49].

В составе инвентаря интересующих нас катакомбных погребений, открытых на Северском Донце, представлена только керамика. В погребальных камерах найдены четыре лепных сосуда с выпуклыми боками и шейкой с нешироким раструбом (рис. 1, *5, 6*; 2, *2, 4*). Максимальный диаметр приходится на верхнюю треть корпуса сосуда. Эту посуду дополняют две чаши из разрушенного могильника около пос. Райгородок в низовьях р. Казенный Торец (рис. 3, *1, 2*) [39, с. 87, рис. 1, *10, 11*]. Райгородские находки с уверенностью можно отнести к материальной культуре рассматриваемой группы захоронений, так как формой, композицией и техникой нанесения орнамента они чужды всем катакомбным культурам и иным типам памятников Северского Донца и обнаруживают близость только с южными позднеднепро-азовскими традициями. Разнообразные орнаменты на сосудах выполнены врезными и прочерченными линиями, оттисками однорядного и спаренного шнура, короткими прочерками и вдавлениями прямоугольного штампа. Поверхность сосуда из Октябрьского к. 4, п. 8 (рис. 2, *2*) покрыта расчесами; в основании шейки по горлу выделен приостренный валик с косыми прочерками. Подобная керамика характерна для погребений бахмутского типа Нижнего Дона и Подонцовья (отдел III, короткошейные горшки) [5, с. 63—69] С. Н. Братченко отмечал, с одной стороны, преемственность бахмутских стройных короткошейных горшков с донецкими формами, а с другой — черты среднедонской катакомбной культуры в орнаментации и типах бахмутских сосудов [5, с. 75] Шейка и плечики фрагментированного сосуда из Андреевки (рис. 2, *4*) украшены поясками оттисков спаренного шнура; его боковины — шахматной композицией из врезных прямоугольников. Такие же сходные зоны имеют место на боковинах бахмутской посуды среди находок из Подонья [5, с. 66, рис. 31, *1, 10*]. Особую близость орнамент андреевского сосуда обнаруживает с узором на горшке из погребения близ пос. Багаевского — Лысый курган, п. 35 (рис. 3, *3*) [5, с. 226, табл. XX]. В украшениях раструбошейного сосуда из Переездной (рис. 1, *6*) совмещены шнуровые и валиковые мотивы, что говорит о его принадлежности к харьковско-воронежской (среднедонской) культуре [40, с. 36, рис. 7, *5*]. Второй сосуд близок к бахмутскому типу (рис. 1, *5*) [2], хотя совершенно новыми элементами здесь представлены расположенные на тулове сосуда горизонтальные фигуры в виде вытянутых овалов, нанесенные спаренным шнуром. В виду явной позднекатакомбной культурной атрибуции погребения из Переездной (к. 1, п. 6), вызывает возражение отнесение последнего к серии захоронений с ямно-катакомбной культурной характеристикой [41, с. 110, 111, табл. I]. Керамика с прочерченными и врезными горизонтальными удлиненными овалами зафиксирована в захоронениях позднего этапа днепро-азовской культуры на территории степной зоны Украины: в Северном Приазовье [42, с. 68, рис. 7, *2*], Нижнем Поднепровье [43, с. 21, рис. 4, *2*] Встречена она в катакомбных погребениях Нижнего Подунавья [44, с. 22, рис. 4, *2*], а также на позднекатакомбном поселении Матвеевка I на Южном Буге [45, с. 141, рис. 5, *6*]

[2] Пользуясь случаем, благодарю С. Н. Братченко за предоставленные рисунки этих находок из его личного архива.

Аналогичные овалы изображены на одной из райгородских чаш (рис. 3, *2*), подтверждая тем самым днепро-азовскую культурную атрибуцию этих находок. Среди позднекатакомбных древностей чаши выявлены в Северном Приазовье Молочанской [46, с. 60, рис. 44, с. 67, рис. 51] и Донецкой [42, с. 68, рис. 7, 2] экспедициями. В их орнаментации использовались елочные узоры, валики с насечками и врезные линии. Налепными ушками с проколами, узорами из заштрихованных треугольников, врезными линиями снабжены позднекатакомбные крымские чаши [29, с. 94, рис. 33, *10*, с. 234, рис. 91, *16*, с. 262, рис. 100, *10*; 47, с. 11, рис. 2—5, с. 38, рис. 27] Сходная посуда с ушками встречена среди инвентаря погребений позднего этапа днепро-азовской культуры Орельско-Самарского междуречья [48, с. 23, табл. 4, 5, 6] и Нижнего Поднепровья [49, с. 65, рис. 4, *5*] В связи с находкой в погребении у Переездной (к. 1, п. 6) сосуда с валиками, шнуровыми фестонами, обращенными вершиною вверх, и треугольниками необходимо указать случаи обнаружения фрагментов чаш также на харьковско-воронежских (среднедонских) катакомбных поселениях Подонья [50, с. 36, рис. 6, *15*, с. 42, 56] Примечательно, что в бассейне Среднего Дона отмечено совместное нахождение чаш и мисок с абашевской керамикой [51, с. 61] Прочерченным орнаментом и гребенкой украшены чаши из катакомбного Славяногорского поселения, расположенного на левобережье Северского Донца (рис. 3, *4—6*) [52] Своеобразным орнаментальным мотивом выделяется одна крупная славяногорская чаша, поверхность которой украшена придавленными налепными шишечками, выстроенными в вертикальные столбцы и вписанными в общий сюжет (рис. 3, *6*). Во всем Северо-Восточном Приазовье известен пока лишь единственный экземпляр чаши с шишечками, да и то из погребения, близкого к культуре многоваликовой керамики (Полковое, к. 1, п. 8) (рис. 3, *7*) [53]. Сосуд имел скругленное дно, от которого вверх поднимались три вертикальных налепа. Аналогичная находка с елочным узором и вертикальными рядами налепных шишечек сделана в погребении многоваликовой культуры в кургане у с. Подгорное (к. 7, п. 2) на Среднем Днепре [54, с. 47, 50, рис. 1, *11*]. С. С. Березанская при выделении групп памятников с многоваликовой керамикой обратила внимание на использование налепных шишечек в орнаментации мисок эпохи средней бронзы [55, с. 37] Такой же орнамент имел место и на реповидном сосуде из Днепропетровского музея (с. Саксаган) [40, с. 41, 38, рис. 8, *8*] Значительно более крупными шишечками оформлена миска с загнутым внутрь краем из Компанийцевского могильника [56, с. 54, 55, рис. *2*] В бассейне Северского Донца налепные шишечки появились еще на кубках донецкой катакомбной культуры [57, с. 256, рис. 1] Прием, имитирующий шишечки, применялся на сосудах раннего периода харьковско-воронежской (среднедонской) культуры (так называемые жемчужные вдавления), но без сочетания с валиковым орнаментом [50, с. 37] Их совместное исполнение было отмечено уже на позднекатакомбной посуде с прочерченными узорами (Кондрашевка, к. 10) [51, с. 87, рис. 38, *6, 7*, с. 90] В степной зоне керамика с шишечками представлена в позднеднепро-азовских погребениях [28, с. 8], а также среди находок на Каменском поселении в Восточном Крыму [58, с. 19—49] Поиск аналогий формам сосудов, орнаментальным сюжетам и технике их выполнения очерчивает круг позднекатакомбных культурных традиций в основном на территориях Северного Приазовья и Приднепровья, Нижнего и Среднего Дона.

Относительная хронологическая позиция погребений позднего этапа днепроазовской культуры в бассейне среднего течения Северского Донца устанавливается по данным курганной стратиграфии. В трех случаях (Переездная, к. 1, п. 6; Октябрьское, к. 4, п. 8, к. 8, п. 6) катакомбные захоронения оказались впущенными в насыпи предшествующего ямного времени. Два погребения (Андреевка, к. 1, п. 7; Приволье, к. 1, п. 1) были основными в курганах. Впускными в эти насыпи являлись погребения эпохи поздней бронзы и средневековья. Одна могила (Степной, к. 3, п. 2) впущена в курган,

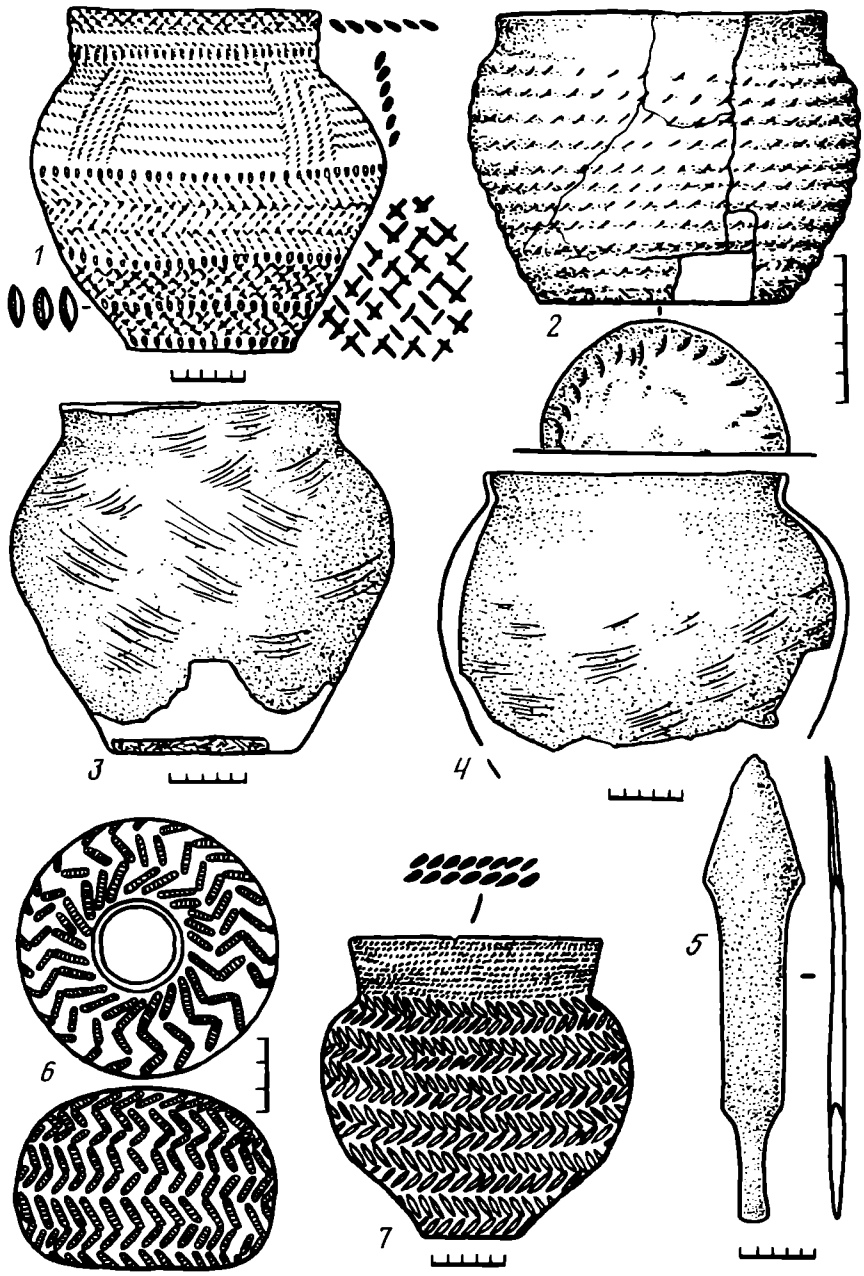


Рис. 4. Керамика и бронзовый нож. *1—5* — хут. Степной, кург 3, погр. 5; *6, 7* — с. Андреевка, кург 2, погр. 7

сооруженный над харьковско-воронежским катакомбным погребением (к. 3, п. 5). Основная катакомба содержала богатый набор инвентаря, состоящий из трех сосудов, орнаментированных валиками, пальцевыми защипами, оттисками однорядного шнура и гребенки в «елочку», жаровни из стенки сосуда с короткой шейкой и длинного бронзового ножа с раскованным окончанием клинка (рис. 4, *1—5)* [26] Ножи этого типа появились в инвентаре развитого этапа донецкой катакомбной культуры на Северском Донце в конце XVIII в. до н. э. [59, с. 152] Следовательно, основное захоронение из Степного может быть датировано в рамках первой половины XVII в. до н. э. Подтверждением непосредственных контактов местных племен Подонцовья с пришлыми днепро-азовскими является присутствие харьковско-воронежской керамики в погребении у Переездной (к. 1, п. 6). Бахмутские элементы в керамическом комплексе

мигрантов говорят о том, что время их прихода может быть отнесено к началу XVII в. до н. э.

Появление позднеднепро-азовских памятников в бассейне Северского Донца ознаменовалось сложными взаимодействиями между различными позднекатакомбными племенами, что, естественно, привело к синкретичности культурных характеристик ряда комплексов. Территориальная близость Северного Приазовья и Среднего Поднепровья к Подонцовью, наличие там сходных погребальных обрядов и посуды свидетельствуют о возможности истока именно из этих зон населения позднего этапа днепро-азовской культуры в направлении Северского Донца. Здесь, в одной из наиболее активных контактных зон, происходило восприятие пришлыми племенами традиций местной позднедонецкой общности и дальнейшая их передача в глубинные регионы днепро-азовских памятников. Этот процесс, вероятно, должен восприниматься в виде второй волны проникновения, вслед за ранее имевшим место распространением собственно донецких памятников в зоны Приазовья и Приднепровья.

В этот исторический период одно только Орельско-Самарское междуречье дает чрезвычайно разнохарактерную культурную картину, в которой хорошо прослеживаются, по мнению И. Ф. Ковалевой, элементы донецких, манычских, среднеднепровских и харьковско-воронежских культурных традиций [24, с. 40 41]. К сожалению, окончательно нерешенной остается проблема характеристики позднекатакомбных манычских памятников Подонцовья. В своем исследовании по Северскому Донцу А. М. Смирнов вычленил из основного состава бахмутского типа погребений захоронения с раструбной керамикой и включил их, помимо погребений с реповидными сосудами, в комплекс памятников манычского круга [12, с. 13]. При всем этом специфическая манычская керамика — реповидные сосуды до сих пор не обнаружены в контактной зоне позднекатакомбных нижнедонских и днепро-азовских племен — в Северо-Восточном Приазовье, тогда как погребения манычского типа с реповидными горшками давно известны во «внутренних» зонах днепрово-азовской культуры [46, с. 102, 122, 123, рис. 80, *1, 3*]. Но ни время, ни характер, ни исходные территории инфильтрации в чужеродную среду этих материалов не уточнены. В то же время решение вопроса о манычских памятниках на Северском Донце, и реповидных сосудах в частности, усложняют требующие подробного анализа случаи находок этой своеобразной посуды в погребениях харьковско-воронежской (среднедонской) культуры на Среднем Дону (Шкурлат, к. 49, п. 1) [13, с. 92, рис. 35, *9—15*] и в Подонцовье (Андреевка, к. 2, п. 7) (рис. 4, *6, 7*) [27]. Есть они и в керамической коллекции однослойного Славяногорского поселения (рис. 5, *1—3*). Тем не менее отмеченное выше должно побудить исследователей более внимательно относиться к объяснению инородных включений в среду днепро-азовской культуры и не спешить истолковывать их исключительно влиянием донецкой культуры. Ведь и предпринятые в свое время попытки синхронизации среднедонской культуры с донецкой оказались преждевременными. Как отмечалось Ю. П. Матвеевым, в среднедонской период катакомбной культуры донецкой общности уже не существовало [15, с. 52] Собственно видоизмененные донецкие элементы могли попасть в среднедонскую среду через позднекатакомбные памятники бахмутского типа.

Разумеется, бассейн Северского Донца не являлся единственной контактной территорией племен позднеднепро-азовской культуры и населения — носителя традиций бахмутской группы памятников. К таким регионам следует отнести уже упомянутые выше Среднее Поднепровье и Северо-Восточное Приазовье, где по рекам Кальмиус и Миус открыты крупные массивы позднеднепроазовских и бахмутских погребений [19, с. 20; 60, с. 44—51]. Однако тема культурных контактов катакомбных племен значительно шире рассматриваемого нами вопроса и является перспективным предметом специального изучения.

Таким образом, раскопками В. А. Городцова в бассейне среднего течения

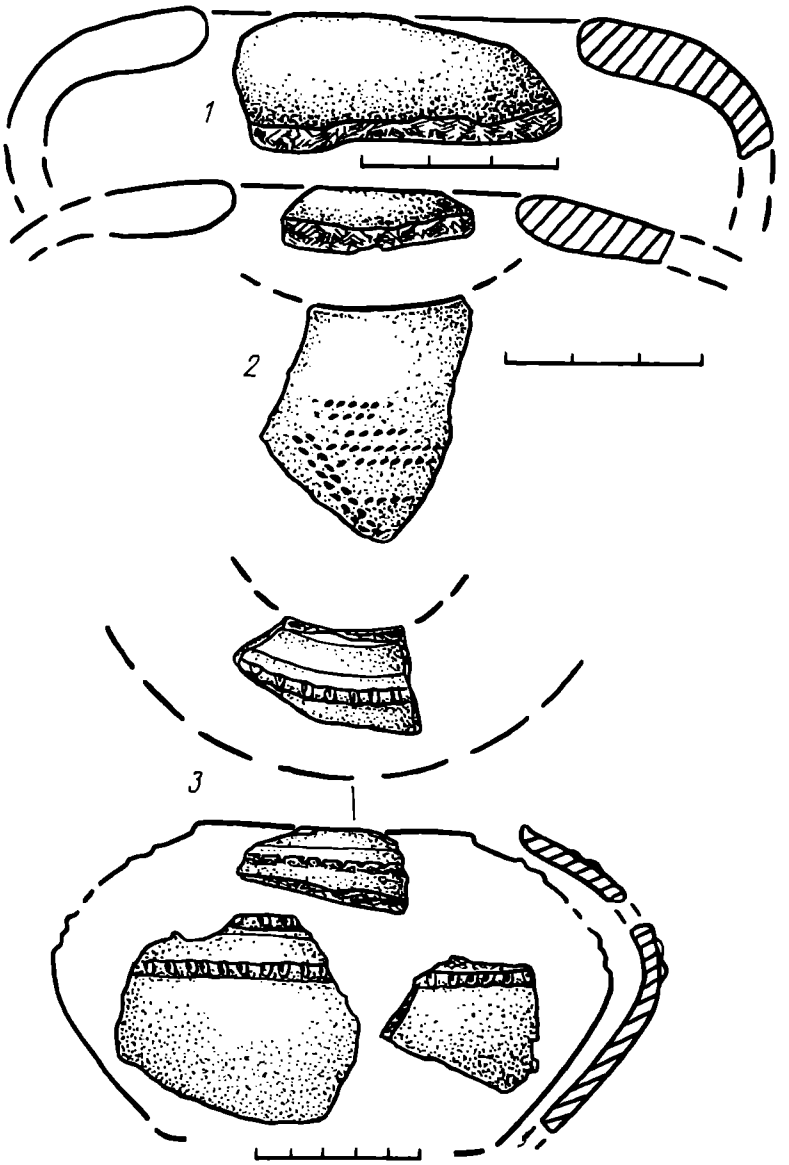


Рис. 5. Реповидные сосуды из Славяногорского поселения

Северского Донца, а позднее другими экспедициями было получено значительное количество разнохарактерных катакомбных погребений и бытовых памятников, интерпретация которых позволяет полнее конкретизировать внутреннюю структуру катакомбной культурно-исторической общности. Наиболее древними здесь являются раннекатакомбные памятники, составляющие содержание раннего этапа катакомбных культур, в частности донецкой [14, с. 28, 29] Погребения, сопровождающий инвентарь и характерный орнамент классической донецкой катакомбной культуры послужили эталоном для выделения вариантов, самостоятельных катакомбных культур и специфических типов погребений. Преимущественно в левобережных районах Северского Донца получили распространение памятники харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуры, для которых отмечена частичная синхронизация с донецкими комплексами [14, с. 29] Вероятно, на заключительном этапе развития донецкой культуры племена харьковско-воронежской культуры проникли на правобережье среднего течения Северского Донца, и в результате взаимодействий с местным позднедонецким населением возникло своеобразное культурное явление эпохи средней бронзы, выделенное С. Н. Братченко в бахмутский тип

памятников со смешанным характером культуры [5, с. 75] Выявленная в Подонцовье и рассмотренная нами группа погребений позднего этапа днепро-азовской культуры применительно к данному региону дает возможность яснее представить содержание культурных процессов в позднекатакомбный период. Если раньше для Нижнего Подонья и Северского Донца признавалась взаимосвязь позднедонецких бахмутских памятников с волго-манычской культурой, приведшая к формированию манычской культурной группы памятников, то в настоящее время уже необходимо говорить, с одной стороны, о конкретном участии позднеднепро-азовской культуры в становлении и развитии бахмутского культурного компонента, а с другой — отметить роль позднедонецких культурных традиций в Поднепровье и Северном Приазовье, т. е. в основном ареале днепро-азовской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. XII АС. М., 1905. Т. I.
2. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Тр. XIII АС. М., 1907, Т. I.
3. *Городцов В. А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.
4. *Городцов В. А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Исторического музея за 1914 год. М., 1916.
5. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1981.
7. *Братченко С. Н., Шапошникова О. Г* Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев: Наук, думка, 1985. Т. I.
8. *Попова Т Б.* Племена катакомбной культуры // Тр. ГИМ. 1955. Вып. 24.
9. *Братченко С. Н.* Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона: Автореф. дис. канд. ист. наук: 5—75 — археология. Киев, 1969.
10. *Шапошникова О. Г* Катакомбна культурно-історична область // Археологія Української РСР Київ: Наук. думка, 1971. Т. I.
11. *Клейн Л..С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры?// Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
12. *Смирнов А. М.* Катакомбные культуры в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. канд. ист. наук, 07.00.06. М., 1987.
13. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.
14. *Братченко С. Н.* Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья // Тез. докл. научно-практ. семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1988.
15. *Матвеев Ю. П.* О происхождении среднедонской катакомбной культуры // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986.
16. *Санжаров С. Н.* Катакомбное погребение близ г. Северска // СА. 1983. № 3.
17. *Шапошникова О. Г* Ингульская культура // Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР «Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.» Ужгород, 1978.
18. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977
19. *Санжаров С. Н.* Некоторые аспекты исследования катакомбных комплексов с моделировкой лица из Донецкого Приазовья // Тез. докл. научно-практ. семинара «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1986.
20. *Качалова Н. К.* Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга (эпоха бронзы) // САИ. 1974. Вып. В 4—12.
21 *Смирнов К. Ф.* Кургани біля м. Великого Токмака // АП УРСР. 1960. Т. VIII.
22. *Ковпаненко Г Т., Качалова Н. К., Шарафутдинова И. Н.* Курганы у с. Новочерноморье Херсонской области // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
23. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Корпусова В. Н.* Курганная группа у с. Приволье // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук, думка, 1980.
24. *Ковалева И. Ф.* Катакомбные погребения Орельско-Самарского междуречья // Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982.
25. *Березанская С. С., Шапошникова О. Г* Рецензия на книгу Поповой Т. Б. Племена катакомбной культуры // СА. 1957. № 2.
26. *Моруженко А. А., Зарайская Н. П., Санжаров С. Н., Посредников В. А* Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвро-

сиевского, Марьинского, Першотравневого и Славянского районов Донецкой области в 1983 г.// Науч. архив ИА АН УССР. Ф—э 1983—50.
27. *Санжаров С. Н., Посредников В. А.* Отчет о работах Северодонецкой экспедиции в 1985 г.// Науч. архив ИА АН УССР. Ф—э 1985—35.
28. *Отрощенко В. В.* Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев: Наук. думка, 1977.
29. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Таврия, 1969.
30. *Шапошникова О. Г., Шарафутдинова И. Н., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Некоторые итоги изучения погребальных памятников эпохи меди — бронзы на р. Ингул // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
31. *Тощев Г Н.* О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
32. *Телегин Д. Я., Братченко С. Н.* Материалы раннего энеолита, погребения ямной и катакомбной культур // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
33. *Клейн Л. С.* О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры // Исследования по археологии СССР. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1961.
34. *Лесков А. М.* Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
35 *Шаталин Ю. А.* К вопросу классификации погребений катакомбной культуры Нижнего Поднепровья // Тез. докл. конф. «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
36. *Евдокимов Г Л.* О культурно-хронологических различиях катакомбных памятников Нижнего Поднепровья, Приазовья и Крыма // Тез. докл. конф. «Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.» Днепропетровск, 1980.
37. *Пустовалов С. Ж.* К методике периодизации катакомбной культуры по данным погребального обряда // Новые методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
38. *Нечитайло А. Л.* О крымском варианте катакомбной культуры // Курганы степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984.
39. *Шаповалов Т. О., Телегін Д. Я.* Матеріали епохи міді — бронзи Донецького музею // Археологія. 1971. № 1.
40. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
41. *Погорелов В. И.* Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. 1989. № 2.
42. *Гершкович Я. П., Шепель Е. А.* Макеевский курганный могильник эпохи бронзы // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
43. *Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Шахров Г Н.* Исследования курганов группы «Долгой могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1987.
44. *Черняков И. Т., Тощев Г. Н.* Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1985.
45. *Никитин В. И.* Матвеевка I — поселение катакомбной культуры на Южном Буге // СА. 1989. № 2.
46. *Вязмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень» // АП УРСР. 1960. Т. III.
47 *Нечитайло А. Л., Бунятян Е. П.* Курганная группа близ с. Чкалово // Курганы степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984.
48. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительных систем учхоза «Самарский» // Курганные древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1978.
49. *Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. 1960. Т. IX.
50. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982.
51. *Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
52. *Санжаров С. Н., Братченко С. Н.* Отчет об исследованиях Славянской экспедиции в 1981 г.// Науч. архив ИА АН УССР. Ф—э 1981—101.
53. *Санжаров С. Н., Косиков В. А., Подобед В. А., Евглевский А. В., Литвиненко Р. А.* Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1986 г.// Науч. архив ИА АН УССР. Ф—э 1986—45.
54. *Марина З. П.* О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982.
55. *Березанская С. С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. 1960. № 4.
56. *Махно Э. В., Братченко С. Н.* Пастове намисто з катакомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. 1977. № 24.
57. *Клименко В. Ф.* Исследования в Донецкой и Харьковской областях // АО—1980. М., 1981.
58. *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 1974. Вып. 16.

59. *Санжаров С. Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. 1988. № 1.
60. *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова. Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1988.

Центрально-Донецкая археологическая
экспедиция, Луганск

S. N. SANZHAROV

ON THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL DIVISION OF THE CATACOMB SITES AT THE SEVERSKY DONETS

Summary

In the beginning of this century a great number of catacomb burials were discovered by V. A. Gorodtsov at the Middle Seversky Donets. They were attributed to the Donets catacomb culture. Now in this area there are investigated and outlined several catacomb cultures and types of burials: early catacomb graves, Donets culture, Kharkov-Voronezh culture, late catacomb graves of Bakhmut and Manych types. Nevertheless the process of division of catacomb sites in this territory is not finished. On the basis of some new materials one more archaeological culture is outlined there. It is characterized by catacombs with round in section entrance shaft, extended position of the dead and specific grave goods. Among ceramic ornamental patterns the most popular are horizontal bands consisting of incised ovals; sometimes they are made in different technique. This group of sites is identified with Dnieper-Azov catacomb culture and is dated to the mid 17th century B. C.

Н. Г. ГОРБУНОВА

О ПОДБОЙНО-КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(конец I тысячелетия до н. э.— первая половина I тысячелетия н. э.)

Вопрос о том, как и когда появились в Средней Азии погребения ранних кочевников в катакомбах и подбоях и кто погребен в них, является предметом дискуссии уже не один десяток лет, с тех пор как А. Н. Бернштамом было начато исследование катакомбных погребений Кенкольского могильника в Таласской долине в Северной Киргизии [1] Истории их изучения касались различные исследователи. Есть и сводные работы [2; 3; 4, с. 57—72], из них наиболее полная сводка только что вышла в серии «Археологии СССР» [5] Поэтому в данной статье нет смысла останавливаться на этом. Часть исследователей относила погребенных в подбоях и катакомбах к местным скотоводческим племенам [4, с. 68—72; 6; 7; 8, с. 170—175], другие полагали, что их оставили различные пришлые племена: гунны [1], усуни [9, 10], юечжи [11, с. 137, 138], сарматы [12, с. 43, 44], особая группа юечжей, относившаяся к сарматскому кругу [13, с. 73; 14, с. 139—141]. Однако, прежде чем решать вопрос об их этносе, необходимо проанализировать черты сходства и различия в культуре погребенных в подбоях и катакомбах Средней Азии. Именно эти типы погребений породили разные гипотезы, хотя почти всюду они сосуществуют с погребениями в грунтовых могилах, являющихся основными в предшествующее время. Погребения в подбоях и катакомбах известны сейчас почти во всех областях Средней Азии: на Устюрте (единичные) [15, с. 190], в Хорезме [16, с. 134—146; 17, с. 111—134], Южной Туркмении (Северной Парфии) [18, 19], Согде [12; 20—22; 23, с. 595; 24, с. 122—156], Бактрии [8, с. 104—135; 25; 26; 27, с. 131—139], на Средней Сырдарье (каунчинская культура [28, с. 163—178; 29, с. 174—240; 30]), в Фергане [4; 31—34], Таласе и Кетмень-Тюбе (кенкольская культура) [35], на Тянь-Шане [36, с. 60—72; 37, с. 112—138], на Алае [36, с. 200—204], Семиречье [9, с. 139—281; 38, с. 136—146]. Датировка их различная — от IV в. до н. э. (Устюрт, Семиречье) до V в. и позднее (в кенкольской культуре и Фергане).

Обоснованием датировок служит керамика (в зависимости от степени разработки ее хронологии в том или ином районе), оружие, зеркала, пряжки (по сравнению с сарматскими), некоторые типы украшений, монеты (последние в Бактрии и Согде, отчасти в Фергане). Неоднократно даты обосновывались по аналогии с ранее раскопанными в Средней Азии памятниками и круг замыкался. Имеются и различия в датировке одних и тех же памятников (например, бактрийских [8, с. 129—134]), но период I—III вв. во всех случаях фигурирует. Для Согда выделены две хронологические группы: II в. до н. э.— I в. н. э. и II—IV вв. н. э. [12, с. 13—17], более ранние и более поздние могут быть выделены и в других районах. В основном в данной статье принимаются датировки, предложенные авторами раскопок, так как пересмотр их почти невозможен из-за недостаточности публикаций.

© Н. Г Горбунова, 1991 г.

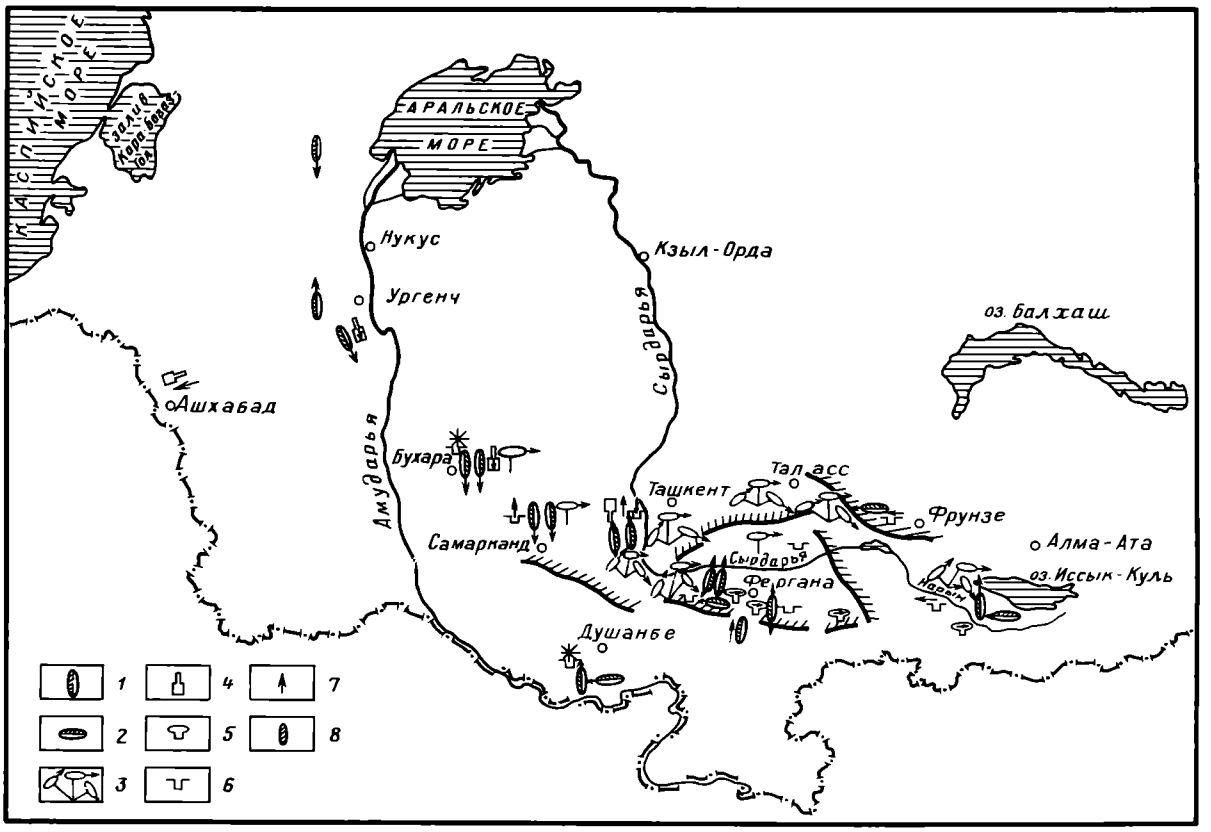


Рис. 1. Погребальные сооружения: *1* — подбой I типа; *2* — подбой II типа; *3* — катакомба I типа; *4* — катакомба II типа; *5* — катакомба III типа; *6* — грунтовая могила; *7* — ориентация погребенных; *8* — погребальная камера

Типы погребальных сооружений уже были выделены ранее [39, с. 159—167; 40, с. 85—97] Рассмотрим их территориальное и хронологическое распределение (рис. 1). Подбои: I тип — в западной или восточной продольной стенке могилы; II тип — в южной или северной стенке могилы. I тип — наиболее ранний, единичный, известен на юго-востоке Устюрта (IV в. до н. э.). Концом I тыс. до н. э.— первыми веками нашей эры датируются они в Согде, Бактрии и Хорезме, несколько позднее, с первых веков нашей эры до IV—V вв.,— в каунчинской культуре, Фергане, Тянь-Шане, Алае (в кенкольской не зафиксированы). То есть их ареал довольно широк, но более ранние появляются поблизости от Амударьи. Второй тип характерен в основном для Семиречья (с IV в. до н. э.), но в более позднее время (в первых веках нашей эры) есть в Фергане, каунчинской культуре, на Тянь-Шане, в Бактрии. Более характерны они определенно для северо-востока Средней Азии. Выделено три типа катакомб. I — камера расположена перпендикулярно к узкому концу длинного ступенчатого дромоса, вытянута в направлении запад — восток (кенкольский тип), но известна ориентировка камеры и север — юг (Фергана). Этот тип катакомб характерен для северо-востока Средней Азии (кенкольская и каунчинская культуры, Тянь-Шань, Фергана), но зафиксирован и в Согде. В последнем сейчас предложены даты II в. до н. э.— I в. н. э. [22, 24], не исключено, что есть более ранние и в кенкольской культуре. II тип — камера является продолжением узкой части дромоса, вытянута в направлении север — юг Наиболее ранние из них известны в Согде (5); к первым векам нашей эры в Хорезме относятся 29 катакомб (часть к I в. до н. э.), в Парфии — 13. В каунчинской культуре их всего 6. III тип — катакомбы подобны кенкольским, тоже перпендикулярны к дромосу, но дромосы короткие, вход большей частью открытый (первые века нашей эры, Фергана, Тянь-Шань).

Таким образом, для восточной части Средней Азии оказываются более характерными катакомбы I и III типов и подбои обоих типов; для западной — катакомбы II типа и подбои I типа. В Бактрии катакомбы не зафиксированы. Почти во всех районах вместе с подбоями и катакомбами в могильниках имелись грунтовые могилы, большей частью (но не всегда!) составлявшие незначительный процент от общего числа могил (рис. 1).

Основная поза погребенных в могилах разных типов — на спине, с вытянутыми руками и ногами. Однако ноги могут быть раздвинуты или скрещены, руки (одна или обе) или под тазом, или на лобке. Ориентировка умерших различна, в первую очередь определяется расположением камер. Для подбоев I типа — южная или северная, для II — западная. Хронологическая последовательность смены южной ориентировки северной отмечена только для Согда и Хорезма [12, 41], хотя примеров и не очень много. Южная ориентировка для катакомб II типа и подбоев I типа отмечена в Хорезме и Фергане [7], в то время как в каунчинской культуре и сооружениях этих типов ориентировка северная. В Бактрии в подбоях I типа — северная, II — западная. В катакомбах кенкольского типа — восточная, но в Фергане и Кетмень-тюбе встречается западная, а в Фергане отмечена еще и южная [40, с. 90]. Погребения большей частью одиночные, хотя есть и коллективные — одновременные и последовательные. Погребенных укладывали как прямо на землю, так и на камышовые подстилки, на доски, в колоды и дощатые гробы. Погребения в колодах и гробах явно преобладают в районах Таласа, Кетмень-тюбе, Ферганы, в остальных районах они единичны. Можно, конечно, предположить, что это связано с их сохранностью в различных природных условиях (степные или горные районы).

Для всех рассматриваемых погребений характерно помещение в могилу части туши барана. Но различны части туши и ее место в могиле. В Хорезме, Согде, каунчинской культуре и Бактрии помещали передние ноги с лопаткой, иногда ребра в районе головы погребенных (иногда у руки — в Хорезме), но в первых трех с ними обычно помещали нож, тогда как в Бактрии нож, видимо, привешивали к поясу. В Фергане в могилы помещалась та же часть туши, но на деревянных блюдах, столиках, в корзинках вместе с ножом, в ногах или головах погребенных. Иная часть туши — череп, таз, крестец, а иногда и целая туша помещались на деревянном столике, нередко с ножом, в головах погребенных почти во всех могилах Тянь-Шаня, реже Таласа, Семиречья. В катакомбах Южной Туркмении отмечена посыпка дна могилы мелом или известью, в Согде в могилах встречались куски гипса или мела.

Ассортимент погребального инвентаря мужских и женских погребений в основном повторяется в разных районах. Но есть некоторые отличия как в самом наборе, так и в типах категорий вещей и их месте в могилах (последнее не всегда может быть учтено из-за разграбленности могил). Количество сосудов обычно колеблется от 1 до 2—3 (редко больше). В Бактрии и Семиречье они стоят всегда в головах погребенного; в Согде, Хорезме и на Тянь-Шане — большей частью в головах, изредка в ногах; в каунчинской и кенкольской культурах, в Фергане — в головах, ногах, сбоку. Наиболее типичны всюду кувшины с ручкой или без нее, хотя типы их и сочетания с другими сосудами различны. В Бактрии это кувшин и бокал, реже горшки, миски, двуручные сосуды, фляги. Вся керамика круговая. В Согде — большей частью кувшин с ручкой и бокал для ранней группы, кувшины, горшки, фляги для более поздней. Вся посуда гончарная, лепные только курильницы. В Хорезме — кувшины без ручек, горшки, фляги как лепные, так и гончарные, лепные курильницы. В каунчинской культуре лепные кувшины с ручками, кружки, горшки, миски, фляги, курильницы. В кенкольской — лепные кувшины, высокие кружки, горшки, фляги, курильницы; миниатюрные сосуды и чаши встречаются редко. В Фергане — кувшины многочисленных типов: круговые и лепные, большей частью без ручек; горшки с орнаментом и без него; миски, миниатюрные сосудики, фляги двух типов. Миски здесь часто ставили на кувшин или кувшин

закрывали камнем. В Семиречье — лепные кувшины, чаши, кружки, котелки. Особо следует отметить, что курильницы, явно связанные с культом огня, отмечены не всюду и различны по типам. В Хорезме они цилиндрические, реже прямоугольные [16, 17]. В каунчинской культуре кроме таких же есть в виде усеченного конуса, горшочки с выступами-лопастями, бокалообразные с налепами и многочисленными отверстиями [29, с. 216], последние есть и в кенкольской культуре [42, рис. 13]. В Согде найдены прямоугольные и бокаловидные курильницы, а также подобная каунчинской (горшочек с выступами). Неоднократно находили донца хумов с угольками, которые ставили, видимо, вместо курильниц [12, 20, 21]. В Фергане, Семиречье, на Тянь-Шане и Алае, в Бактрии их нет. Деревянная посуда, столики, туалетные принадлежности и корзины в основном зафиксированы в тех же могильниках, где погребенные лежали в гробах и колодах, т. е. в северо-восточных районах. В то же время алебастровые сосудики найдены только в погребениях Хорезма и Парфии.

Вторая категория инвентаря — оружие. В положении его в могилах есть некоторые различия. Так, кинжалы в Бактрии, Парфии, Согде и каунчинских памятниках помещали справа у руки или бедра, в последних и поперек живота. В Фергане и на Тянь-Шане кинжал лежал слева у бедра или груди, но в Фергане и поперек живота (последнее, возможно, хронологический признак). Меч лежал только слева в Бактрии и Парфии. В Согде, если меч без кинжала — то слева, если с кинжалом — справа. Справа и слева лежали мечи в каунчинских памятниках и Фергане. Наконечники стрел обычно находились в разных местах, но большей частью около ног. Количество их незначительно — от одного до семивосьми, не более. Лук помещали слева на Тянь-Шане, справа или на крышке гробов в Фергане. В Согде в ранней группе были найдены накладки на лук только в одном случае. Сейчас их известно больше [23], в Бактрии и Парфии накладок на лук не обнаружено совсем. В Хорезме и каунчинских памятниках они многочисленны, но место их в погребении не установлено. В Семиречье найдены только обломки двух кинжалов неясной формы.

Различны и типы оружия. Так, кинжалы с прямыми перекрестьями и навершиями разной формы (серповидное, плоское круглое, волютообразное, сердцевидное) известны в основном в Бактрии (35 экз.) и Согде (5 экз., по публикации О. В. Обельченко [43]). Кроме того, кинжалы с серповидным навершием известны в каунчинском памятнике [29, табл. XXXIV, *3*] и в Хорезме [16, табл. III, *10*]. Кинжалы с прямым перекрестьем найдены в Фергане [7, рис. 13]. Мечи с прямым перекрестьем и серповидным или плоским круглым навершием есть в Согде [43], Бактрии, Хорезме, каунчинских памятниках. В последних известны также мечи с навершием из камня [44, с. 155] и с инкрустацией из золота [30]. Кинжалы и мечи без перекрестья и навершия известны повсеместно. Из числа железных наконечников стрел для Бактрии и Согда ведущими являются трехперые с опущенными жальцами, реже трехперые с прямым основанием пера. Последние — единственный тип наконечников в хорезмийских могильниках. В каунчинских памятниках наряду с такими же, как в Бактрии и Хорезме, изредка встречаются трехгранные. Наибольшее количество типов стрел известно в Фергане и кенкольской культуре [45, 46]: трехперые с прямым или скошенным основанием пера, лавролистные с упором, ромбические, пулевидные, трехгранные, четырехгранные. Трехперых с опущенными жальцами в Фергане немного, в кенкольских памятниках их нет, зато есть стрелы со свистунками. Костяные наконечники стрел известны в кенкольских памятниках и по одному в каунчинском и в Семиречье.

К числу предметов быта и туалета относятся ножи, пряслица, шилья, зеркала, косметические приборы и пр. Ножи известны повсеместно, но в могилах их помещали в разных местах. В Бактрии — около пояса; в Хорезме, Согде, Каунчи, Фергане, на Тянь-Шане небольшие ножички лежали рядом с костями барана. В то же время в Фергане найдены очень крупные ножи, лежавшие

иногда по два-три в могиле, но тоже в разных ее местах. Ножи в Фергане имели деревянные или костяные рукоятки, причем костяные либо из двух фигурных пластин, скрепленных штифтами [7], либо в виде трубочек с орнаментом [33, с. 27, табл. 5] Последние за пределами Ферганы в Средней Азии известны только как отдельные находки. Особо следует выделить известные в Средней Азии только в Фергане железные ножи с бронзовой составной рукояткой с плоским навершием [33, табл. 4] из женских погребений. Оселки встречаются редко. Пряслица в разных районах — различного типа. Наиболее типичны глиняные дисковидные в Хорезме, цилиндрические и конические в каунчинских памятниках, цилиндрические на Тянь-Шане, каменные полусферические и усеченно-конические в Хорезме, цилиндрические в каунчинских и кенкольских памятниках и на Тянь-Шане, дисковидные в Семиречье. Наиболее близки пряслица каунчинские и кенкольские. Наибольшее количество пряслиц, в основном глиняных биконических, покрытых красным ангобом с кольцевыми врезными линиями на широкой части конуса, найдено в Фергане [33, табл. 8] Из Бактрии, Согда и Парфии пряслица не известны.

Бронзовые зеркала найдены во всех районах в женских погребениях, целые и в обломках, но типы их различны. Зеркала «сарматского типа», дисковидные с ручкой и без ручки, с валиком, конической выпуклостью, т. е. более характерные для среднесарматского периода, известны в Бактрии, Согде, Хорезме, каунчинских памятниках, частично в Семиречье. Но для Семиречья известны и свои зеркала, с нижней петельчатой ручкой [9, табл. XI, *33*]. В то же время в каунчинских памятниках и Фергане есть «сарматские» зеркала, за исключением зеркал с коническим выступом в центре (в Каунчи одно), выделенных Б. А. Литвинским в «бактрийский» тип [33, с. 84, 85]; но есть и зеркала «позднесарматского» типа — дисковидные с ручкой-петелькой, с рельефным орнаментом и плоские дисковидные (здесь в отличие от сарматских последние более поздние [33]). Особенностью Ферганы, а вслед за ней и каунчинской и кенкольской культур является наличие китайских зеркал [33, с. 98—104; 34, с. 95—97]. Косметический набор — сурьматаш и кусочек графита — известны в основном в Фергане и в ближайших к ней районах [47]. Известны также находки целого ряда предметов: шкатулки из костяных пластин (Фергана, Хорезм), деревянные гребни (Фергана), костяные гребни с головками лошадей (каунчинский памятник), пинцеты, ножницы (каунчинские памятники и Бактрия), острога (каунчинский памятник), лука седла и рукоять нагайки, украшения узды (кенкольская культура), удила (каунчинская и кенкольская культуры), прибор для добывания огня (Фергана [7, с. 60, 61]. Предметы одежды сохраняются обычно плохо. Найдены обрывки одежды, отпечатки ткани на железных перстнях, пряжках, костях. Анализ тканей из ферганских могильников показал, что они в основном хлопчатобумажные [33, с. 55], хотя в некоторых случаях есть и другие, в том числе и китайский шелк [7]. Лучше сохраняются дополнительные элементы одежды, такие, как пряжки поясов или обуви (у мужчин) и украшения (большей частью у женщин). Многочисленны пряжки: железные, бронзовые, латунные, костяные. Наибольшее их разнообразие наблюдается в бактрийских комплексах [25, 25] поясные железные и латунные кольцевидные и петлевидные, железные прямоугольные и трапециевидные, пластинчатые с прорезью и крючком-выступом, с петлями на обороте, фигурные, в том числе с протомами животных: бронзовые: кольцевидные, прямоугольно-рамчатые с изображением верблюда, роговая пластинчатая, золотая с изображением головы кабарги. Обувные кольцевидные латунные с язычком и без него, петлевидные. Одна узкая пластинчатая фигурная с зигзагообразными прорезями. Близки к ним согдийские [12, 20, 21, 24] — железные кольцевидные с подвижным язычком (есть и с фигурной рамкой), пластинчатые железные и костяные, в том числе с гравированными изображениями. Но обувных пряжек здесь не найдено. Железные округло-рамчатые пряжки с язычком найдены повсеместно. В Хорезме кроме них еще есть овально-рамчатые и в более поздних погребениях щитко-

во-рамчатые. В Фергане, каунчинской и кенкольской культурах, на Тянь-Шане — овальные и округло-рамчатые пряжки со щитком и без него, с прогнутым язычком, иногда выходящим за пределы рамки. В каунчинской культуре есть также прямоугольно-рамчатая с вогнутыми длинными сторонами, фигурная, с иглой-хоботком, костяная пластинчатая с рисунком [29]. Прямоугольно-рамчатые железные и бронзовые пряжки известны на Тянь-Шане. Бронзовые щитково-рамчатые с инкрустацией и зернью в кенкольских памятниках. Все эти пряжки поясные, но в каунчинском памятнике и на Тянь-Шане зафиксированы и обувные [29, с. 227; 37, с. 126]. В Семиречье найдена только одна пряжка-обойма [9, табл. II, 12].

Выделим специально женские украшения: головные налобные повязки и серьги. Первые неоднократно находили в погребениях ферганских могильников — это полоски ткани с нашивными бронзовыми бляшками различной формы [34, с. 184]. Части диадемы найдены в Бактрии [25, табл. X, *1*; 26, табл. XLII, *2—4*]. В кенкольском памятнике Шамси найдено сложное головное украшение [48, рис, 140]. Больше ни в одном районе головных украшений не найдено. Изредка встречаются бронзовые и железные шпильки. Особенно характерны железные шпильки с утолщенной головкой в Семиречье [9, табл. I, *4*] (такие шпильки типичны для Ферганы V—III вв. до н. э. [49, рис. 3, *1—5*]). Серьги: наиболее простые из них в виде бронзовых или латунных колечек находятся почти повсеместно, но типы их несколько различны. В Хорезме — только колечки в полтора оборота в более ранних могильниках, в более поздних — простые колечки и колечки с навитой проволокой и подвеской. В Бактрии колечки из латуни, серебра, золота имеют иногда закрученные концы в виде витков, иногда на них надета бусина. Наиболее типичны для Бактрии, в могильниках Бешкентской долины, серьги в виде кольца с амфоровидной подвеской, ручки которых — стилизованные фигурки дельфинов [8, с. 129]. По одному экземпляру — серьги в виде птицы с распростертыми крыльями, с инкрустацией [25, табл. LIX, *6*] и бусина в золотой плетенке [50, с. 130]. В Вахшской долине в могильнике Ксиров найдены серьги — летящий петушок с полулунными подвесками [27, рис. 2]. Из Согда известна только одна серьга в виде сердоликовой бусины, надетой на золотой стержень, прикрытый колпачком с рифленой поверхностью [21, рис. 15]. Немногочисленны серьги и в каунчинских памятниках: колечки из проволоки с подвеской-жемчужиной [29, рис. XXXIV, 14], в виде диска с подвесками [51, с. 55]. Спиралевидные колечки с несомкнутыми концами с подвесками или петельками известны в Семиречье [9, табл. XI] В Фергане, как и в Бактрии, большое разнообразие серег: кольцевидные, кольцевидные с припаянными шариками, с закрученными спиралью концами, наиболее типичные для Ферганы — известные только здесь — бобовидные с дужкой, калачиковидная серьга с инкрустацией и зернью [32, с. 30—36; 34, с. 184]. В кенкольской культуре и на Тянь-Шане — калачиковидные серьги с инкрустацией и зернью [42, рис. 7, *5*].

Нагрудные украшения представлены ожерельями из разных бус, большей частью стеклянных одноцветных, реже полихромных, мозаичных, много бисера, бус с внутренней позолотой. Среди каменных — сердоликовые шаровидные и 14-гранные, пиритовые, янтарные, хрустальные, из местных пород камня. Бусы из раковин каури довольно редки. В Фергане в ожерелья включали бронзовые бубенчики, китайские монеты «у-шу», известны центральные подвески в виде железных фигурок пластин или очень крупных бусин [34, с. 185]. Центральные подвески, возможно, были характерны и для других районов. Оригинальное ожерелье из костей черепахи и пяточных костей грызунов известно в каунчинском памятнике [29, с. 259]. Застежки-фибулы типа Авцисса известны по одной в каунчинской культуре [44, рис. 4, *11*] и Западной Фергане. Иной формы фибулы, двухчастные с инкрустацией, найдены в Бактрии [26, табл. XLII, *1*]; гантелевидные застежки в каунчинской, кенкольской культурах и Фергане. Украшениями являлись также различные подвески из бронзы в виде

человеческих фигурок, сжатой в кулак руки или ног, найденные в Фергане; медальоны с инкрустацией и зернью — в Фергане, каунчинской и кенкольской культурах; колокольчики в Бактрии и каунчинской культуре. Украшения из костей орла и медвежьих клыков — в кенкольской и каунчинской культурах и на Тянь-Шане [37, с. 16; 42, с. 69].

Наручные украшения: браслеты, кольца, перстни. Браслеты из бусин на запястьях рук отмечены повсеместно. Менее известны металлические браслеты, и своеобразие их пока определить трудно. Наибольшее разнообразие их типов известно в Фергане и Бактрии: бронзовые браслеты с утолщенными концами, с замком из проволоки, с замком в виде гераклова узла (только Фергана), с окончанием в виде стилизованных изображений змей. В этих же двух районах известны и железные браслеты. В других районах железные браслеты пока не известны. Кольца и перстни также найдены во всех районах. Большей частью это кольца железные или бронзовые пластинчатые, а перстни бронзовые, латунные, железные, с расширенной дужкой. И опять-таки наибольшее разнообразие их известно в Фергане и Бактрии, где есть перстни нескольких разных типов, с гравированными изображениями на щитках. И если изображение на бактрийских перстнях связано с эллинистической тематикой, то ферганские перстни имеют прямые аналогии в Восточном Туркестане. Особую группу составляют перстни с инкрустацией и зернью. Наиболее характерны они для кенкольской культуры, но известны в Фергане и на Алае.

Помимо всех перечисленных категорий находок имеются и специфические, характерные только для одного какого-то района или культуры. Это матерчатые наглазники и шелковые ткани китайского производства (кенкольская культура и Фергана), золотые лицевые маски в кенкольской культуре и на Алае. Глиняные и алебастровые фигурки из Ферганы, где они известны и на поселениях. Подобные фигурки известны и в других районах, но там они происходят только с поселений (см. сводку [52, с. 90—97]). В ферганских, кенкольских и алайских могильниках найдены также и стеклянные сосуды.

Анализ погребальных сооружений и инвентаря выявляет определенные различия в культуре скотоводов разных районов Средней Азии в рассматриваемый период. Часть этих различий имеет хронологический характер, о чем свидетельствуют типы оружия, пряжек, некоторых украшений.

Можно предполагать, что абсолютная хронология сарматского оружия не обязательно должна соответствовать абсолютной хронологии среднеазиатского, но схема его развития явно повторяется, что позволяет выделить часть погребений Бактрии и Согда как ранний пласт в рассматриваемых памятниках. Отмеченное Б. А. Литвинским и А. В. Седовым отсутствие кинжалов с кольцевидным навершием в Бактрии, действительно, скорее всего характерно именно для Бактрии, так как такие кинжалы известны в Согде и Хорезме и в двух грунтовых могилах на Узбое [53, рис. 38, *2, 6*] В последних они находились вместе с мечами с прямым перекрестьем без навершия, т. е. в том же сочетании, что и кинжалы с сердцевидным навершием в Бактрии [8, табл. XIII, *28*, XXXIX—*X*]. Это подтверждает высказанную Б. А. Литвинским и А. В. Седовым идею о своеобразии развития именно бактрийских типов оружия [8, с. 132, 133]. Бронзовые (латунные) кольцевидные пряжки с выступами-пуговицами имеют близкое сходство с раннесарматскими пряжками [54, рис. 3, *1*], но в отличие от них не имеют крючка. Петлевидные пряжки отдаленно напоминают рамчатые пряжки из Южного Приуралья [55, табл. 8, *15, 16*], где есть, как и в Бактрии, железные, тоже имеющие неподвижный крючок. Так что можно говорить лишь о сходном типе, где главное — отсутствие подвижного язычка. Назначение подобных пряжек тоже разное: раннесарматские — поясные; южноуральские в основном тоже поясные, хотя использовались, как и в Бактрии, для обуви [55, с. 44]. Пластинчатые также ближе всего к раннесарматской группе [54, рис. 2]. Определенное сходство с раннесарматскими имеют и пряжки с изображением верблюда [54, рис. 2, *6*].

Не исключено, что отсутствие в бактрийских могильниках накладок на лук и единичная такая находка в ранней группе Согда свидетельствуют также в пользу принадлежности их к раннему хронологическому пласту, учитывая, что такие накладки появляются только в конце среднесарматской культуры. Видимо, некоторые погребения и в других районах могут быть отнесены к раннему пласту, например погребения в грунтовых могилах и катакомбах второго типа Шаушукумского могильника каунчинской культуры [28, с. 179; 29, табл. XXXIV]. К наиболее позднему пласту, несомненно, относятся погребения кенкольской культуры с украшениями, выполненными в полихромном стиле, поздними типами оружия, в том числе и наконечников стрел. Их даты скорее всего не ранее IV—V вв. и позднее.

Между этими крайними точками и располагаются все остальные могильники, абсолютные даты которых лежат в пределах I—IV вв. Из них следующими за ранним пластом идут, видимо, хорезмийские, такие, как Туз-Гыр и Тумек-Кичиджик, с подбоями и катакомбами первого типа (здесь есть кинжал с кольцевидным навершием, но еще нет щитково-рамчатых пряжек), парфянские, а затем остальные.

Таким образом, могильники раннего пласта (II в. до н. э.— I в. н. э.) известны сейчас в основном в Приамударьинском районе и, видимо, Семиречье; среднего (I—III вв. н. э.) — почти повсеместно, позднего (IV—V вв.) в основном в северо-восточных районах. Могильники, где есть и подбои, раскопанные в последние годы на Нижней Сырдарье (джатыасарская культура), пока не опубликованы.

Но помимо хронологических различий имеются и территориальные, и по существу каждая из упоминавшихся культур локальна, хотя общие элементы между ними есть. Прежде всего это погребальные сооружения и некоторые черты погребального обряда (определенная часть туши барана, гробы и колоды, использование огня), позволяющие выделить западные, приамударьинские группы и северо-восточные, а также район скрещения культур — Средняя Сырдарья и отчасти Согд. Несколько обособленной является бактрийская группа, не имеющая катакомб.

Гораздо более дробную картину дает анализ погребального инвентаря, так как здесь между группами имеются только элементы сходства по разным его категориям. Наибольшее сходство в оружии, наименьшее — в украшениях и почти полностью отсутствует в керамике. И по инвентарю наибольшее число сходных элементов отдельно в западных группах и северо-восточных, хотя имеются и отклонения; например, распространение курильниц в Парфии, Хорезме, Согде, но также и в каунчинской и кенкольской культурах. Или алебастровые сосудики, известные только в Хорезме и Парфии. Разные типы зеркал для западных и северо-восточных групп при наличии и тех и других на Средней Сырдарье. Типы пряслиц, сходные в каунчинской и кенкольской культурах, но также и на Тянь-Шане и отчасти в Хорезме (и отсутствие их в Согде и Бактрии). Можно было бы еще приводить примеры, но и так очевидно, что сходные элементы не всегда строго повторяют имеющиеся ареалы западной и северо-восточной групп, что свидетельствует о сложности и многоплановости процесса их сложения. Но несмотря на эти отклонения, существование различий в обоих блоках, западном и северо-восточном,— реальность.

Особенностью западных групп является наличие черт сходства в их культуре с ранне- и среднесарматской, хотя имеются и отличия: неполное сходство в погребальных сооружениях и погребальном обряде (только индивидуальные насыпи, нет многотипности грунтовых могил, подбои и катакомбы в большом числе, отсутствуют погребальные кострища, ограниченное применение меловой подсыпки). В погребальном инвентаре нет предметов конской упряжи, малочисленны наконечники стрел, совершенно иная глиняная посуда.

В северо-восточных группах прослеживаются черты сходства в основном с позднесарматской культурой, но и здесь они неполные: значительно больше

катакомб, смешанная ориентировка погребенных, большее число погребенных в гробах и колодах, отличие в типах железных наконечников стрел, единичные случаи помещения деталей узды, совершенно иная глиняная посуда (сходство только в кружках со «звериными» ручками каунчинской культуры), своеобразие женских украшений. Кроме того, характерным для северо-восточных групп, особенно для Ферганы и кенкольской культуры, является значительное число предметов центральноазиатского происхождения: китайские зеркала, монеты, ткани, а также прибор для добывания огня, неизвестный сарматам, но распространенный в Сибири [56, с. 78]. И все же сходство с сарматской культурой очевидно для обоих блоков культур среднеазиатских скотоводов. Учитывая различные даты, вряд ли стоит объяснять это сходство только участием сармат в разгроме Греко-Бактрии. Причины этого сходства многообразны: традиционность проникновения на территорию Средней Азии скотоводческих племен еще с эпохи бронзы (срубной культуры в западные районы, андроновской — в северо-восточные и Согд), существовавшая и в сакское время (савроматы Южного Приуралья — саки Приаралья — Согд, с одной стороны, и Восточный Казахстан — Семиречье — северо-восток Средней Азии — с другой). Эта традиция была обусловлена, видимо, сначала поисками новых пастбищ, затем путями кочевания, трассы которых нередко совпадают с известными поздними трассами кочевок населения Средней Азии, торговыми путями, проходившими по Средней Азии, особенно по Сырдарье, и далее на Урал. Районы Средней и Нижней Сырдарьи были наиболее открыты для всевозможных контактов.

Таким образом, разнообразие культур среднеазиатских скотоводов определялось различием природных условий (степи, предгорья, горы), диктовавшим пути кочевий, разницей положения в отношении древних государств, а следовательно, большей или меньшей экономической зависимостью, которая могла приводить и к нивелировке целого ряда черт материальной культуры, направлением постоянных связей как в результате кочевок, так и торговли и, наконец, постоянным притоком новых племен, появлявшихся в большом количестве в периоды политических кризисов. Но возможность их вторжения и прохождения через территорию исконных среднеазиатских скотоводов, тоже вовлекавшихся в это движение, во многом облегчалась традиционностью связей последних с племенами, обитавшими в различных частях степного пояса. Однако это уже тема специального исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л.: Эрмитаж, 1940.
2. *Обельченко О. В.* К изучению курганных погребений в Средней Азии // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1964. Вып. 4.
3. *Обельченко О. В.* Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1965. Вып. 6.
4. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
5. *Вайнберг Б. И., Горбунова Н. Г., Мошкова М. Г* Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1990.
6. *Сорокин С. С.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА, 1956. № 26.
7. *Баруздин Ю. Д.* Кара-Булакский могильник // Изв. АН КиргССР. 1961. Т. III. Вып. 3.
8. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984.
9. *Акишев К. А., Кушаев Г Д.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963.
10. *Заднепровский Ю. А.* К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1979.
11. *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе: Наука, 1964.
12. *Обельченко О. В.* Культура древних кочевников долины Зеравшана: Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1982.

13. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977
14. *Мандельштам А. М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978.
15. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент: ФАН, 1978.
16. *Лоховиц В. А.* Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979.
17. *Лоховиц В. А., Хазанов А. М.* Подбойные и катакомбные погребения группы могильников Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979.
18. *Маруценко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад: Наука, 1959.
19. *Мандельштам А. М.* Мешрепитахтинский могильник // КСИА. 1971. Вып. 128.
20. *Обельченко О. В.* Кую-Мазарский могильник // ТИИА АН УзССР. Ташкент, 1956. Вып. VIII.
21. *Обельченко О. В.* Лявандакский могильник // ИМКУз. Ташкент; ФАН, 1961. Вып. 2.
22. *Иваницкий И. Д., Инноваткина О. Н.* Раскопки кургана Сирлибай-Тепе // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1988. Вып. 22.
23. *Манылов Ю. П.* Раскопки кулкудукской курганной группы в Центральных Кызыл-Кумах // ИМКУз. Ташкент: ФАН, 1990. Вып. 23.
24. *Пугаченкова Г А.* Древности Мианкаля. Ташкент: ФАН, 1989.
25. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136.
26. *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // ТТАЭЭ АН СССР и ИИ АН ТаджССР. Т. 7 Л.: Наука, 1975.
27. *Денисов Е. П.* Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 // АРТ. Душанбе: Дониш, 1978. Вып. XVIII.
28. *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // ТХАЭЭ. М.: Наука, 1971. Т. VII.
29. *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968.
30. *Лунина С. Б.* Погребальный инвентарь Актамского могильника (Пскентский район) // Материалы по археологии Средней Азии. Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1983.
31. *Литвинский Б.А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
32. *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
33. *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
34. *Gorbunova N. G.* The culture of Ancienf Ferghana VI century B. C. VI century A. D. // BAR Int. s. 281. L., 1986.
35. *Кожомбердыев И. К.* Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н. э.— VII в. н. э. долины Кетмень-Тюбе): Дис. кин в форме научного доклада. Л., 1986.
36. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26.
37. *Кибиров А. К.* Археологические работы на Тянь-Шане // ТКАЭЭ. М.: Наука, 1959. Т. II.
38. *Максимова А. Г.* Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
39. *Заднепровский Ю. А.* Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. д н. э.— IV в. н. э.) // Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе: ИЛИМ, 1975.
40. *Горбунова Н. Г* О типах ферганских погребальных памятников // АСГЭ. 1981. № 22.
41. *Юсупов Х.* Курганы Шасенем-Кыра // История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
42. *Кожомбердыев И. К.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Наука, 1963.
43. *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4.
44. *Оболдуева Т Г* Курганы на арыке Джун // СА. 1988. № 4.
45. *Кожомбердыев И. К., Худяков Ю. С.* Комплекс вооружений кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987
46. *Горбунова Н. Г., Брыкина Г А.* Ферганские железные наконечники стрел первых веков нашей эры // Древности Евразии в скифско-сарматское время. М.: Наука, 1984.
47 *Горбунова Н. Г.* Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
48. Памятники культуры и искусства Киргизии // Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983.
49. *Горбунова Н. Г* Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. 1962. № 5.
50. *Медведская И. Н.* Раскопки Шаартузского отряда в 1977 г. // АРТ Вып. XVII. Душанбе: Дониш, 1983.
51. *Воронец М. Э.* Отчет археологической экспедиции музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревской в 1947 г. // ТМИУзССР Ташкент: Наука. 1951. Вып. 1.
52. *Брыкина Г А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1989.
53. *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад: Ылым, 1986.
54. *Мошкова М. Г* Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78.

55. *Геннинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Свердловск: УГУ, 1970. Вып. 10.
56. *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. // ТТКАЭЭ. 1962—1966 гг. Л.: Наука, 1970. Т. III.

Государственный Эрмитаж, Ленинград

N. G. GORBUNOVA

ON THE «NICHE-GRAVE» AND «CATACOMB» BURIALS OF THE EARLY NOMADES IN SOVIET CENTRAL ASIA

(The end of the ist millenium B. C.— the first half of the ist millenium A. D.)

Summary

The article is devoted to the discussional question of the emergence of niche-grave and catacomb burials. The ethnic origin of the dead in these burials is also obscure. The author analyses bibliography of the problem and also presents some new ideas. The similarities and differences of material culture corresponding either to niche-grave or to catacomb burials are characterized. Three types of catacombs and two types of niche-graves are outlined in Chorezm, Sogdiana, Bactria, Ferghana valley, the Middle Syr-Daria and adjacent mountainous regions. The characteristic combinations of these types demonstrate, that there existed two main areas — western and eastern ones. The eastern part of the Soviet Central Asia is characterized by the 1st and the 3d types of the catacomb and both types of niche-graves. The western part is characterized by the 2nd type of catacombs and the 2nd type of niche-graves. The analysis of the grave furniture (pottery, weapons, ornaments, Chinese mirrors) supports this division. The author demonstrates some links with sarmatian culture for both groups of the nomades of the Soviet Central Asia. Early and middle sarmatian elements are traced in the western group, while late sarmatian are typical of the eastern one. Some Central Asiatic links are to be also underlined. The author points to the variety and mixed character of the cultural groups of nomades in Soviet Central Asia. These features are based on the different environment, their relations with neighbouring ancient states and constant contacts with the nomades of the Asian steppes.

К XVIII Международному конгрессу византинистов

Т. И. МАКАРОВА

КНЯЖЕСКИЕ (ГОСУДАРСТВЕННЫЕ) МАСТЕРСКИЕ И ИХ РОЛЬ В СЛОЖЕНИИ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО СТИЛЯ В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ведущая роль княжеских или царских (государственных) мастерских в прикладном и монументальном искусстве — явление повсеместное. В средние века оно явственно прослеживается и в Византии, и на Руси. О ведущей роли государственных мастерских прямо говорят такие первоклассные источники, как «Книга Эпарха», содержащая незаменимые данные о ремесле Константинополя в X в. Этому источнику посвящена серьезная работа М. Я. Сюзюмова [1]. Несколько позже вышла книга А. П. Каждана, в которой ведущая роль государственных мастерских в Византии была подкреплена свидетельствами другого письменного источника — «Книги церемоний» [2, с. 342]

Столь прямыми свидетельствами о подобном институте на Руси мы не располагаем. Однако есть некоторые косвенные данные письменных источников, указывающие как будто на существование княжеских ювелирных мастерских, во всяком случае в XIII в.

Интересен с этой точки зрения летописный рассказ (1288 г.) о Волынском князе Владимире Васильковиче. Перечисляя драгоценные оклады икон и служебных книг, кресты, служебные сосуды, «цаты с финиптом», летописец подчеркивает, что они были сделаны по повелению князя. Тяжело заболев, Владимир Василькович золотую и серебряную посуду «сам перед своима очима поби и полья в гривны» [3, с. 914]. Оба эти известия могут быть поняты только в том случае, если признать, что в распоряжении князя была своя мастерская, где работали по золоту и серебру, с драгоценными камнями и не менее драгоценной эмалью (финиптом). Еще более выразительно свидетельствует о ювелирной мастерской великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты краткое упоминание в его Духовной грамоте о наследстве, которое досталось его старшей дочери Фетинье. Вместе с золотом ее матери, княгини Елены, она получила новое монисто, которое, «сковах» сам великий князь [4, с. 9].

Всесторонний анализ произведений древнерусского ремесла, накопившихся в музеях к 40-м годам нашего столетия, предпринятый Б. А. Рыбаковым, привел его к выводу о наличии вотчинного княжеского ремесла на Руси в XI—XII вв. [5, с. 492—497]. Общеизвестно, что в период феодализма накопление богатств выражалось в накоплении драгоценных металлов и других драгоценностей. Вероятно, правы те историки, которые полагают, что это было следствием некоторой социально-экономической неразвитости общества. Однако не следует забывать, что накопление ценностей выражалось в накоплении не столько самих драгоценных металлов, сколько в создании художественных

© Т. И. Макарова, 1991 г.

произведений очень высокого класса. Все это наравне с монументальным строительством финансировалось княжеской властью и составляло существенную статью расходов, сравнимых, очевидно, только с военными затратами.

Время показало, что расходы эти окупились сторицей: усилиями княжеской власти была создана та сокровищница шедевров, которая стала вечным источником для художественного творчества русского народа.

Особое место среди мастеров, создававших эти шедевры, занимали ювелиры, работавшие в редких, сложнейших техниках средневековья — черни и перегородчатой эмали — финифти. До нас дошло около 500 произведений, выполненных ими. Большинство их обнаружено в кладах, поспешно зарытых в трагические времена татаро-монгольского нашествия и так и не вернувшихся к своим владельцам. Только в исключительных случаях редкие произведения сохранили до наших дней музеи, как это случилось с облачением митрополита Алексея или с Мстиславовым Евангелием.

Однако находки ювелирных изделий, выполненных в редких техниках, не всегда являются свидетельством местного изготовления. Они могут быть и привозными. Так, значительную часть найденных в 1978 г. в Болгарии, в Преславе, первоклассных украшений с эмалью болгарские археологи склонны связывать с импортом из Византии [6, с. 81—106].

Местное производство, если оно существовало, должно проявиться в общности стиля его изделий с современными, бесспорно местными, произведениями. Оно должно обнаружить зримую линию эволюции своих изделий, региональные особенности, а иногда и неоспоримые свидетельства местного изготовления в виде надписей.

Для выяснения всех этих аспектов необходима разработка основного инструмента аналитического исследования в археологии — типологии для ювелирных изделий, изготовленных в наиболее сложной технике перегородчатой эмали и черни [7, 8] В основу ее последовательно положены материал, из которого выполнено изделие (отдел), функциональное его назначение (группа), форма изделия (тип), ее особенности (подтип) и орнаментация (вид).

Подавляющее число изделий, занявших свое место в этой системе, сделано из золота и серебра. По назначению они относятся к предметам церемониального убора феодальной верхушки общества и предметам, связанным с богослужением (кресты, богослужебные книги, облачения). Чаще всего они украшены перегородчатыми эмалями. Серебряные изделия с чернью можно отнести к светскому богатому убору. Это перстни со знаками собственности, принадлежащими часто разным членам одной семьи, части одежд с бармами, украшенными сценами Деисусных композиций — прообразы оплечий парадных одежд Московской Руси, женские украшения, связанные с праздниками, полными языческих реминисценций. Существенной особенностью всех этих изделий оказывается ощутимая их эволюция, особенно заметная в рамках выделенных единиц типологии. Эволюция эта сказывается прежде всего в постепенном усовершенствовании формы изделия и отдельных ее деталей, таких, как, например, устройство оправы, обрамляющей пластину с эмалью или чернью, или способ крепления пластины в изделии. Таким образом, эволюция прослеживается как в важных, конструктивных признаках (форма изделия), так и в мелких признаках, говорящих иногда очень много о принадлежности произведения прикладного искусства к тому или другому кругу изделий [9, с. 16—20].

Еще заметнее эволюция в орнаментации, выражающаяся в постоянном усложнении первоначальных мотивов на вещах высокого класса и, наоборот, в упрощении их до потери смысла и полного искажения на изделиях подражательных, делавшихся простыми городскими мастерами. И в том и в другом случае в них легко угадывается изначальный образец, что и позволяет говорить об эволюции орнаментации на произведениях одного ремесла. Все это создает зримое впечатление реального существования вещей во времени, со

свидетельствами убедительного начала их изготовления, постепенного его совершенствования или деградации.

Выстроенные в единые типологические ряды, произведения с эмалью и чернью красноречиво демонстрируют два стиля орнаментации Древней Руси, известные по монументальному искусству и по книжной миниатюре. Это так называемый «византийский» стиль, полно отраженный в декоре перегородчатых эмалей и поэтому удачно называемый «финифтяным» [5, с. 392, 393] и тератологический стиль украшений с чернью, представляемый иногда как нечто совершенно отличное от византийского [10, с. 220]. Действительно, на первый взгляд звериная орнаментация украшений с чернью резко отлична от растительно-геометрической орнаментации эмалей. Анализ этих стилей орнаментации привел к выводу, что каждый из них представляет собой единую систему, в которой отдельные элементы связаны закономерностью общего развития от простого к сложному. Однако сами эти элементы — одни и те же (крин и его половинка — полукрин), только в финифтяном орнаменте они подчинены зеркальной симметрии, а в тератологическом — осевой симметрии, взорвавшей статистические композиции «византийского» стиля эмалевой орнаментации [11, с. 370—378].

Обе системы орнаментации, «византийская» и тератологическая, или «звериная», запечатленные мастерами эмальерного и черневого дела, оказываются звеньями одного эволюционного ряда, а вся она в целом — ветвью орнаментального древа Руси, общего для всех областей искусств. Действительно, связь декора золотых и серебряных изделий с эмалью и чернью с орнаментом лицевых рукописей XI—XIII вв. так тесна, что отдельные композиции ювелирных изделий представляются просто калькой книжных миниатюр.

Не менее яркие примеры взаимопроникновения стиля орнаментации из одной области искусства в другую, в данном случае из ювелирного дела в лицевое шитье, дает анализ замечательного произведения московского шитья — хоругви с двусторонним изображением архангела в лоратном одеянии с зерцалом и мерилом [12, с. 89, табл. 1]. На одной стороне архангел первоначально был изображен на черном фоне шелка, чрезвычайно напоминая серебряные медальоны барм с таким же изображением архангела en face, с распростертыми крыльями, с мерилом и зерцалом, данными также на фоне, покрытом чернью [8, табл. 50, № 271, 278]. Сходство композиции и общих пропорций статичной, монументальной фигуры столь велико, что прежнюю датировку хоругви началом XIV в. следует, очевидно, углубить до XIII в., к которому по сопутствующим находкам должны быть отнесены бармы с архангелом. В пользу этой передатировки говорит и удивительно реалистическое изображение на лоре архангела хоругви металлических дробниц, совершенно идентичных дробницам со стеклянными вставками, находимым в домонгольских кладах [13, с. 24, 121; 14]. Для нас важна в данной работе констатация убедительной связи ювелирного дела с разными областями прикладного искусства Руси не только в чистой орнаменталистике, но и в сюжетных изображениях.

А это значит, что дошедшие до нас произведения золотых и серебряных дел мастеров представляют собой часть древнерусского местного художественного ремесла высокого класса. В становлении его безусловно принимали участие иноземные мастера. В летописях есть упоминания о призыве «мастеров из грек» применительно к строительному делу, мы знаем иконописцев-греков, не только знаменитого Феофана, но и новгородского Олесия Гречина [15, с. 136—155]. Нет никакого сомнения, что греческие эмальеры стояли у истоков финифтяного дела Руси. Среди вещей, найденных в кладах, Н. П. Кондаков выделяет произведения, сделанные явно в византийских мастерских [16, с. 88], а также произведения, выполненные на Руси, но греческим эмальером. В частности, это касается одного золотого колта с изображением популярного в византийском искусстве павлина. Сюжет этот на древнерусских колтах ни разу

больше не встречен. Зато птичка, изображенная на другой стороне колта с павлином, останется излюбленным сюжетом разнообразных произведений древнерусского эмальерного дела. Колт с павлином, найденный в составе клада 1896 г. на городище Княжа Гора, выпадает из коллекции древнерусских колтов не только по сюжету, но и по размерам: он намного меньше обычных колтов. Форма его, слегка суженная вверху, тоже необычна, а для жемчужной обнизи сделаны не четыре, как обычно, а пять петель. Наконец, что самое важное, колт с павлином уникален по высокому мастерству исполнения [7, с. 31, табл. 3, *8—9*].

Есть вещи, выдающие руку русского мастера, ученика греческого эмальера. Так, на двух колтах удалось зафиксировать попытку заменить тиснением труднейший процесс выкладывания перегородками рисунка, в совершенстве разработанный на византийских эмалях [7, с. 25, 26, табл. 2, *3—4*]. В настоящее время появились конкретные свидетельства участия выходцев с арабского Востока в ювелирном деле Киева: найдена литейная форма с написанным арабской вязью именем владельца [17, с. 50—52]. Действительно, анализ изделий с чернью приводит к выводу о тесной связи первых русских изделий черневого дела с традициями Ближнего Востока, воспринятыми ранее мастерами-оружейниками Хазарии [8, с. 25—38]. Давно высказанное предположение о восточных истоках русской черни [18, с. 101] нашло подтверждение на конкретном материале самих этих произведений.

Следует сказать, что и искусство зерни, освоенное с таким блеском русскими серебряниками второй половины X — начала XI в., видимо, не обошлось без участия ювелиров соседнего Великого Моравского государства. Об этом косвенно говорит внезапное появление на Руси парадного зерневого убора, в то время как изделий, свидетельствующих о постепенном освоении этой сложной техники, неизвестно. Очевидно и Великая Моравия, и Русь оказались теми странами, где получили успешное развитие традиции ювелирного дела сасанидского Ирана.

Привлечение мастеров из соседних стран было частью государственной политики, которую конкретно осуществляли княжеские (государственные) мастерские. Так ювелирное дело Руси получало свою долю мирового наследия в этом искусстве и само выходило на уровень достижений современных соседних государств в художественной обработке драгоценных металлов.

В то же время княжеские мастерские стали школами, в которых формировались кадры мастеров, поднимавших ремесло в удельных княжествах и вотчинных центрах. В этом можно убедиться на конкретных примерах. Так, несмотря на малочисленность находок изделий с перегородчатой эмалью во Владимире, есть все основания считать их местным подражанием украшениям с эмалью киевской школы. Преемственная их связь с киевскими мастерскими несомненна. Она выражается и в форме двух найденных во Владимире колтов с эмалью, в иконографии изображений святых Георгия и Дмитрия, упрощенном варианте орнаментальной композиции, разработанной киевскими ювелирами. Зато цветовая гамма владимирских колтов отличается чертами местного своеобразия: нигде мы не находим аналогий употребленному на них грязноватому синему тону и пепельной эмали в сочетании с традиционными эмалями красного, бирюзового и желтого тонов.

В становлении эмальерного дела во Владимире принимали участие далеко не первоклассные мастера. Их появление во Владимире во второй половине XII в. убедительно связывается с уводом мастеров из Киева Андреем Боголюбским после разгрома города в 1169 г. [5, с. 499]. Не менее убедительно демонстрируют киевские традиции и произведения черневого дела Владимира. Редкие вещи, выполненные в техниках эмали и черни, связываемые с Владимиром, особенно интересны тем, что могут дать нам ответ на происхождение ряда изделий, выполненных в этих техниках позднее, в XIII и XIV вв. Это епитрахиль из Отроча монастыря в Твери и дробницы облачения московского

митрополита Алексея, дающие представление о последних ступенях искусства перегородчатой эмали, относящихся уже ко временам Московской Руси.

По-другому сложилась судьба эмальерного дела в Рязани. Найденные там произведения с эмалью патрональные, т. е. заказные, что явно указывает на факт существования специальных княжеских мастерских в этом городе. Это два медальона барм с изображениями святых Ирины и Варвары, обнаруживающие стилистическую связь с работами Лазаря Богши, создателя креста Евфросинии Полоцкой. Неповторимое своеобразие цветовой гаммы, построенной на полутонах, позволяет видеть в них произведения самостоятельной, но традиционно связанной с Киевом эмальерной мастерской. О деятельности ее в Рязани свидетельствуют и парные подвески к иконе в виде колтов с изображениями святых Бориса и Глеба, повторившие колористическое своеобразие рязанских эмалей: здесь использованы все оттенки голубого — темный, приглушенный, светлый и зеленоватый. Эти произведения позволяют считать, что рязанские эмальеры работали в русле киевских традиций, но явно самостоятельно.

Еще выразительнее говорят об этом рязанские украшения с чернью. Все они относятся к середине XII в., т. е. к эпохе расцвета черневого дела в Киеве. Следов постепенного освоения техники черни в Рязани нет, создается впечатление, что она появилась здесь в готовом виде. Три первоклассных обруча с чернью, найденных в Рязани, тесно связаны с киевскими традициями, но все же образуют самостоятельный стилистический вариант, с оригинальным развитием этих традиций. Вероятно, какой-то ювелир, учившийся в великокняжеских киевских мастерских, работал в Рязани во времена расцвета искусства черни, т. е. в середине XII в. Искусство черни явно пустило корни в Рязани: на других украшениях с чернью, найденных там, хорошо прослеживается упрощение сложнейшей техники, в которой сделаны вещи киевской школы. Это дает нам право считать их более поздними, но не позднее 30-х годов XIII в., когда Рязань была стерта с лица земли Батыевым нашествием. Нет сомнения, что в Рязани работали мастера черневого дела, делавшие предметы церемониального убора для ближайшего окружения княжеского дома.

Большую роль сыграли киевские ювелиры в становлении черневого дела Галицкой земли. Возможно даже, что в княжеских мастерских Галича работали ученики киевского мастера, автора уникальных обруча и колтов из клада 1893 г. [8, с. 121, 122] Галичане повторяли на ряде дошедших до нас образцов композиционное решение этого обруча, обработку фона резцом в чередовании с чернью по гравировке и даже такие детали, как рифленые шарниры, впервые примененные киевским мастером. Судя по украшениям с чернью, найденным в Галицкой земле, приемы чернения были усвоены там позже, чем во Владимире и Рязани. Об этом говорит упрощение технологии их изготовления и явное вырождение декора. Вероятно, возникновение галицких мастерских черневого дела было связано с притоком мастеров под покровительство Даниила Галицкого после татаро-монгольского вторжения.

Таким образом, хронологические реперы и эволюция самих украшений дают нам право видеть в отдельных чертах киевского наследия в ювелирном деле мастерских удельных княжеств не случайные единичные явления, а реально существовавшую связь великокняжеских мастерских с мастерскими удельных княжеств.

Продолжить эту цепочку передачи приемов и навыков от мастера к мастеру позволяют также изделия вотчинных мастерских. Стараясь изготовить похожее на столичное украшение, провинциальный мастер, употребивший драгоценное сырье и по мере своего умения передовую технику, все же не может повторить ни его форму, ни сюжет. Последний он часто просто не понимал. Так, среди серебряных колтов, попавших в клад из с. Городище Хмельникой обл., есть именно такие непонятые сюжеты. На одном из колтов с каймой из крупных полых шариков, неумело заглубленных между двумя пластинами, помещена

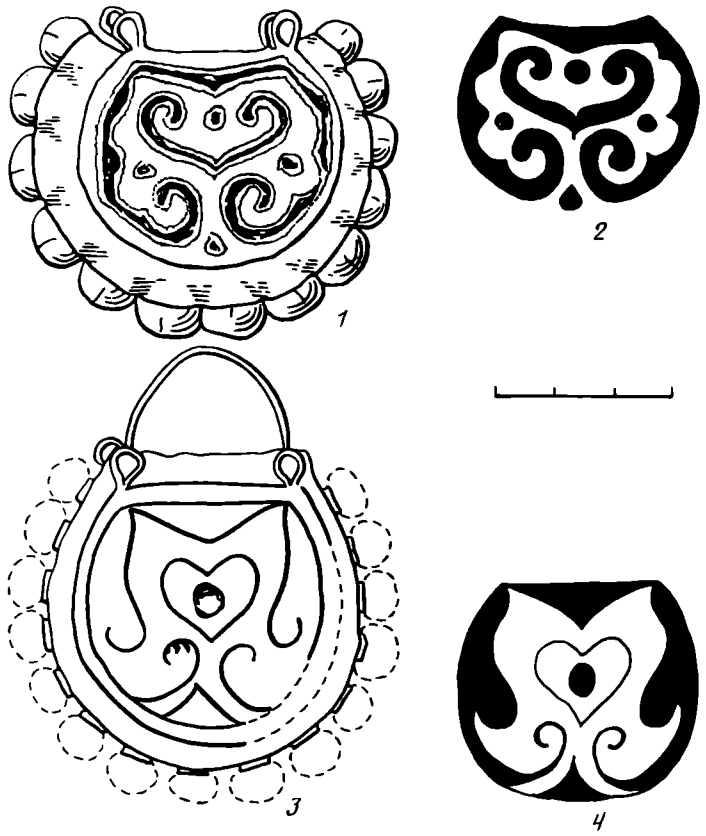


Рис. 1. Крины на колтах с чернью. *1* — колт из с. Городище Деражнянского р-на Хмельницкой обл.; *2* — реконструкция орнамента; *3* — колт из с. Старая Буда Звенигородского уезда Киевской губ.; *4* — реконструкция орнамента

композиция с гравировкой на черненом фоне. Для осознания ее требуется расшифровка. На первый взгляд центром ее является сердцевидная фигура в обрамлении волнистой ленты неопределенных очертаний и четырех точек (рис. 1, *1*). Мастер не сумел выделить главного — пышного крина (рис. 1, *2*) из-за неумения покрывать чернью большие плоскости. Этот же недостаток был у мастера, изготовившего колты из другого клада (рис. 1, *3*). Он изобразил гравировкой сердцевидную фигуру, окружив ее разомкнутыми линиями неопределенных очертаний. Отсутствие черненого фона лишило изображение смысла. Исправив его ошибки, мы получим вариант той же композиции с пышным крином, который не сумел передать мастер из с. Городище (рис. 1, *4*). Так основной элемент «византийского» растительного орнамента, завоевавший в X—XI вв. все области прикладного искусства Византии и сопредельных с ней стран [19, с. 132], столетием позже проникает через посредство связанных со столичными мастерскими вотчинных мастеров в далекие от стольных городов уголки Руси. Как видно, путь этот был нелегкий, он шел через приблизительное копирование без понимания сути сюжета, но все же был уже намечен. Это был путь от великокняжеских мастерских через удельные к вотчинным, что кажется несомненным по крайней мере для ювелирного дела.

Но как воспринимали и воспринимали ли вообще эти новые для Руси веяния люди, жившие вдали от княжеских дворов и их искусных мастеров?

Обратимся к городскому ремеслу, ярче всего представленному благодаря раскопкам в Новгороде. Прикладное искусство Новгорода дает нам образцы изделий высокого класса. На предметах прикладного искусства Новгорода мы встречаем прекрасные изображения ростка-крина и бегунка-лозы. Это много раз издававшиеся произведения резьбы по дереву: цера с уравновешенной композицией из пятилепестковых кринов в петлях побега-лозы и колонна с четким

изображением древа-пальметты [20, № 22, 202] Оба эти образца художественной резьбы по дереву относятся к XI в. и свидетельствуют об активном внедрении растительной орнаментации в прикладное и, вероятно, в монументальное искусство Новгорода уже в то раннее время.

Примеры столь же высоких образцов прикладного искусства дает металлопластика и резная кость XII в. Литьем из бронзы и сплавов исполнены писала и булавки [20, № 14, 141, 144] с четкими кринами разных рисунков. Пышными кринами украшен фрагмент ризы, найденный в усадьбе новгородского художника Олисея Гречина второй половины XII [20, № 63]. Эти крины — пальметки в медальонах выполнены в совершенно византийских традициях [19, с. 139, рис. 13, 14]. Четко и искусно вырезана на кости лоза на гребне XII в. [20, № 188].

Все эти произведения выполнены мастерами-профессионалами, вполне освоившими образы растительного декора. По-другому обстояло дело с рядовыми, домашнего уровня мастерами, самостоятельно украшавшими предметы каждодневного быта. И дело в этом случае не только в недостатке навыков в том или ином ремесле — они часто просто не понимали сюжета, который хотели воспроизвести. Однако интерес переноса этих отдаленных реплик на классическую растительную орнаментацию как раз в том, что она наглядно показывает пути, по которым шли в творчество городских народных масс сюжеты и образы, которые разрабатывали мастера-профессионалы.

Основную массу рядовых украшений новгородцев составляют традиционные украшения населявших его этносов. Это браслетообразные и ромбощитковые височные кольца кривичей и словен новгородских, ажурные привески, булавки и фибулы финно-угорских и балтских народов, «гибридные» изделия скандинавского облика [21, с. 180—185].

Попадаются семилопастные и семилучевые височные кольца вятичей и радимичей. Только в середине XII в. в этот устоявшийся этнографический набор украшений вторгается новый элемент: колты, обручи, перстни и бармы, воспроизводящие в дешевом материале предметы драгоценного убора из золота и серебра, известные нам по кладам [22, с. 149—159] На этих «имитационных» изделиях любопытно постоянное нарушение традиций в орнаментации украшений с отработанной схемой декора. Так, медальоны барм сохраняют такие черты, как деление обрамляющего медальона поля на отсеки, напоминающие о петлях для жемчужной обнизи или ложные жемчужины, имитирующие эту обнизь. Однако сам медальон орнаментирован сюжетом, совершенно на бармах из кладов не употреблявшимся: это идущая, в профиль птица вместо процветшего древа или святого [22, рис. 3, *1, 3*]. Столь же не типичен для колта геометрический орнамент в виде сетки [23, рис. 1, *6*] или обруч с зернью, похожий на обруч, найденный в Верхнем Прикамье и представляющий собой, по мнению В. Ф. Генинга, реплику на русские украшения, выполненную в Волжской Болгарии [24, с. 135, 136, рис. 7].

Эти вещи — не копии княжеско-боярского убора, а свободные его вариации. Вместе с ними пришли в ювелирное дело Новгорода сюжеты, до этого не встречавшиеся: богатый растительный орнамент в виде разной конфигурации кринов, бордюры из лозы, звериные и «чудовищные» композиции с плетением. Все эти сюжеты «византийского» орнамента и нарождающейся тератологии в XII в. уже украшали лицевые рукописи, проникали с византийскими тканями, стеклянной и поливной посудой. Пожалуй, в «имитационных» украшениях они демонстрировали наиболее демократический, доступный широким слоям населения вариант декора, уже слагающегося в стиль.

Так широко распространенные дешевые украшения становились своеобразными пропагандистами и разносчиками проникавшего во все сферы жизни нового художественного языка в форме его кратчайшего выражения — орнамента. Постепенно элементы так называемого «византийского» орнамента осваивались простыми городскими мастерами, далекими от привилегированного вотчинного ремесла.

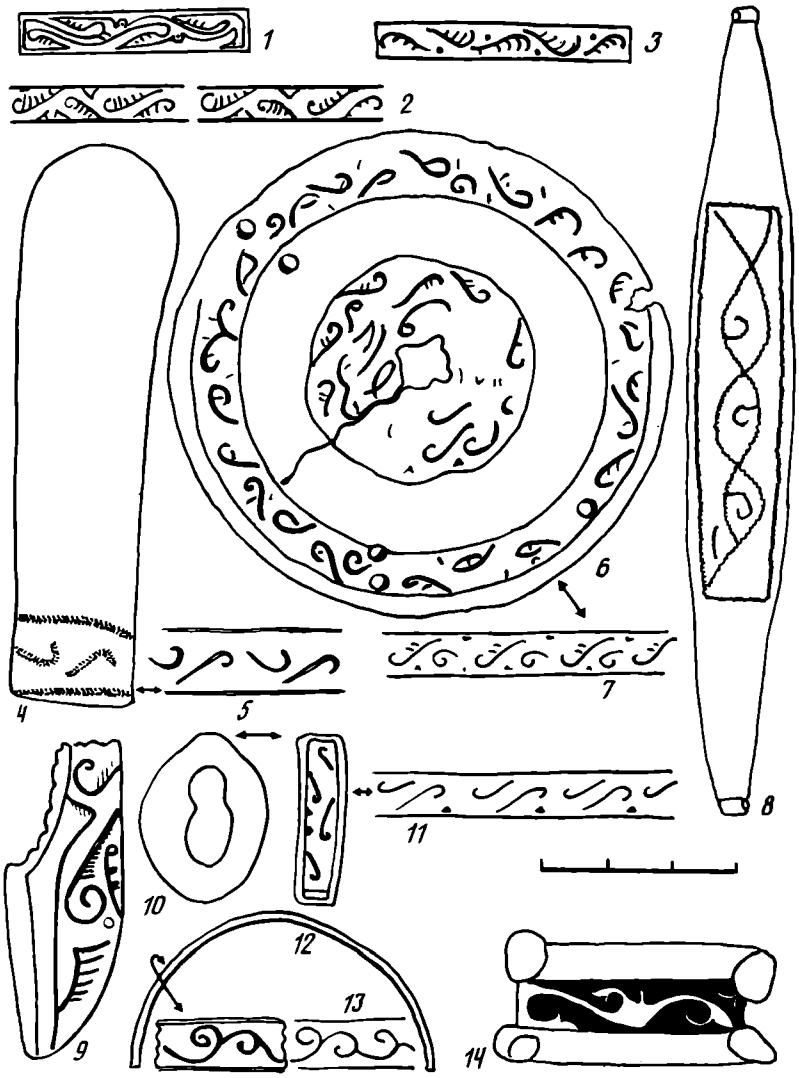


Рис. 2. Лоза-бегунок на украшениях и предметах быта. *1* — обруч из клада 1970 г. на Болоховском городище; *2* — обруч из Рязанского клада 1970 г.; *3* — обруч из Тереховского клада 1876 г.; *4* — бронзовая обоймица рукояти ножа (Новгород, 1958 г., Неревский раскоп, пл. 7, кв. 1820, № 83); *5* — реконструкция орнамента; *6* — медная пластина (Новгород, 1957 г., Неревский раскоп, пл. 18, кв. 1352, № 1138); *7* — реконструкция орнамента; *8* — металлический пластинчатый браслет (Новгород, 1957 г., Неревский раскоп, пл. 21, кв. 1323, № 1075); *9* — наконечник бронзовых ножен (Новгород, 1957 г., Неревский раскоп, пл. 21, кв. 1332, № 1144); *10* — обоймица костяной рукояти ножа (Новгород, 1958 г., Неревский раскоп, пл. 15, кв. 1561, № 115); *11* — реконструкция орнамента; *12* — металлический пластинчатый браслет (Новгород, 1957 г., Неревский раскоп, пл. 28, кв. 1336, № 1077); *13* — реконструкция орнамента; *14* — фрагмент бронзового амулета в виде ножен (Новгород, 1956 г., Неревский раскоп, пл. 23, кв. 1301, № 20)

Один из популярнейших сюжетов растительного орнамента с XI в., воспринятый во всех областях ремесла и искусства, от керамики и металла до мозаики и фресок,— виноградная лоза. В своем хорошо выраженном варианте это бесконечный побег, «бегунок», с листьями, попеременно отгибающимися то вверх, то вниз. Прекрасно изображалась лоза на обручах с чернью: иногда совершенно реалистически [8, с. 89, рис. 42, № 232], иногда более обобщенно (рис. 2, *1*). Есть и геометризированные варианты того же сюжета (рис. 2, *2, 3*). В этих случаях он доводится до крайнего схематизма и только ритмически повторенные детали — треугольники, штрихи, точки — придают простым скобкам, повернутым поочередно то вниз, то вверх, очевидное сходство с классическим бегунком-лозой.

Этот простой сюжет, как и росток-крин, составляет второй элемент растительного орнамента и, так же как о крине, о нем можно сказать, что он

вечен. Однако до XI в. в древнерусском прикладном искусстве, как и крин, он не имел широкого распространения, только начиная с этого времени лоза-бегунок завоевывает все области прикладного искусства.

На Неревском раскопе Новгорода в отложениях XI—XV вв. этот сюжет встречен на разных бытовых вещах из металлов и кости. Лучшие его примеры дошли на фрагментарно сохранившихся изделиях из бронзы. Это классическая лоза с побегами и листьями и ее графический эквивалент с типичными штрихами (рис. 2, *9, 14*). В еще более упрощенном виде лоза изображена, а вернее, идея лозы закодирована на металлической обоймице ножа, где тщательно изображены две скобки-завитка, обращенные одна вверх, другая вниз (рис. 2, *4, 5*). Реконструировать ее легко: ей не хватает только дополнительных точек и черточек для полного сходства с лаконичной лозой черненых обручей. Интересно, что этот простой сюжет иногда совсем не воспринимался мастером. Он воспроизводил основные его элементы, но не мог воспроизвести ритмическое их повторение, составляющее суть бесконечного побега. Так, на костяной, другой обоймице ножа изображены треугольнички и крючковатые скобки, повернутые вниз или вверх без четкого чередования, которые легко было превратить в бегунок (рис. 2, *10, 11*). В другом случае мастер решил пустить по краям круглой пластины тот же бегунок, разбросав в беспорядке его элементы-скобки (иногда с черточками) и штрихи (рис. 2, *6, 7*). Есть и другие попытки изобразить бегунок как побег с усиками отростков. Такие попеременно отгибающиеся усики придают сходство с лозой простому петлеобразному бордюру (рис. 2, *8—14*).

Как видно, основные сюжеты растительного орнамента переносились с вещами народного обихода по всей Руси. Роль простых городских мастеров в этом непрекращающемся процессе была громадна. Ведь такие хранилища орнаментального искусства, которые копились в рукописях трудами профессиональных художников-миниатюристов, так же как в иконописи и монументальной живописи, были доступны далеко не всем. В отдаленные от стольных городов уголки Руси орнаментальные сюжеты искусства, формировавшегося под эгидой княжеской власти, несло ремесло. Как мы видели на примере орнаментации отдельных его изделий, путь от центра к периферии прослеживается достаточно четко.

Орнаментальные мотивы несли с собой не только красоту, но и мысль. Крин с почкой в разных стадиях ее распускания и роста был простым изображением зарождения и роста, своеобразным символом жизни [25, с. 576]. Бегунок-лоза тоже подсмотрен в природе и перенесение его в орнамент в разных вариантах — своеобразное изобретение кратчайшего образа другой идеи. Вероятно, она дополняла идею рождения и жизни: лоза говорила о бесконечности жизни, ее ритмическом повторении на земле. Эти простые истины объясняют и секрет повсеместности и вечности основных мотивов растительного орнамента, завоевавшего все области византийского искусства с X—XI вв. [19, с. 132, 133] и переданного им с произведениями художественного ремесла близлежащим странам, в том числе и Руси.

Располагая всем богатством орнамента Древней Руси, трудно представить конкретные пути проникновения и развития отдельных сюжетов. Кажется, что они жили на изделиях древнерусских мастеров всегда. Но при первых же попытках классификации орнамента это впечатление изчезает. В. М. Василенко в книге, посвященной прикладному искусству народов, населявших Восточную Европу с первых веков нашей эры до XIII в., очень убедительно показал, что древнейший пласт орнамента — геометрический с использованием «звериных» сюжетов [26, с. 114]. Правда, наиболее выразительные примеры геометрической и «звериной» орнаментации дает нам металлопластика не славянских, а живших вместе и рядом с ними балтских, финских, германских и тюркских народов. Однако характерно, что самые ранние произведения древнерусского ювелирного дела — племенные височные кольца и амулеты — также сох-

ранили типичные черты геометрического орнамента и звериных сюжетов. Этот древнейший пласт орнаментации как бы подстилает тот слой растительной орнаментации, который донесли до нас лучшие произведения искусства Древней Руси XI—XIII в. Сам же растительный орнамент появляется в XI в. с набором отработанных сюжетов и образов, постепенно подчиняя геометрическую орнаментацию и звериные сюжеты ритмике своих композиций.

Вопрос об истоках орнамента Древней Руси еще предстоит исследовать, но представляется несомненным, что прививка растительных сюжетов от древнего, но живого древа орнамента Византии произошла именно в период становления древнерусской государственности и в прямой связи с нею.

На конкретных примерах судьбы двух основных сюжетов растительного орнамента — крина и бегунка-лозы мы можем убедиться, как нелегко она осваивалась мастерами, далекими от княжеских мастерских. Возникает вопрос, правомерно ли наделять орнамент на бытовых вещах той же сложной символикой, которую он призван выражать в «большом» искусстве: на стенах храмов, на важнейших атрибутах христианского культа? Сама устойчивость основных орнаментальных сюжетов говорит в пользу их далеко не только декоративной значимости. Логично предположить, что популярные мотивы орнаментации «большого» искусства на бытовой вещи несли одну и ту же смысловую нагрузку. Сама же орнаментация использовавшихся в обиходе вещей была «бытовой ветвью» разветвленного древа орнамента Древней Руси в целом.

Та же устойчивость основных его мотивов наблюдается на поминальных крестах XIV—XV вв., которым в последнее время уделено серьезное внимание в работах Б. А. Рыбакова и Г К. Вагнера [23, 27] Орнамент на них ближе к орнаментации бытовых предметов, чем к декору монументального искусства, представляя как бы промежуточное звено между этими двумя областями орнаменталистики.

Знаменитые Людогощинский, Алексеевский кресты и крест дьяка Бородатого близки по композиции: они как бы вписаны в круг. Символический смысл этой композиции Г К. Вагнер видит в том, что круг в ней олицетворяет небо, а вписанный в него крест сообщает всей композиции значение «старой символико-космологической системы» [23, с. 116, 117]. Остается добавить, что все эти кресты украшены растительной орнаментацией с побегами лозы и разнообразными мотивами кринов. Если круг означает небо, то бегунок на нем несет идею бесконечности, если крест — древо, то крины подчеркивают этот его смысл «древа животного».

Посмотрим, как выражались эти идеи на упомянутых крестах. На кресте дьяка Бородатого 1458 г. это хорошо выполненный бордюр из слегка геометризованных побегов. Они скорее напоминают разлапистые ветви хвойных деревьев, чем побег лозы с усиками-завитками (рис. 3, *1*). Но принцип построения самого бегущего стебля с симметрично отогнутыми ветвями сохранен.

На Алексеевском кресте (1359—1388 гг.) лоза дана в классическом, но несколько геометризованном лаконичном варианте (рис. 3, *2*). Именно здесь она заполняет ободок круга, в который вписан крест, и лучше всего выражает графически идею бесконечности [27, с. 44—46, № 53, табл. XVI, *3*].

Самой богатой растительной орнаментацией украшен Людогощинский крест 1359 г. [23, с. 121, 122, рис. 73, 74; 27, с. 43, 44, № 51, табл. XLI, *1*]. Вся его поверхность занята сплошным ковром орнамента, состоящего из кринов, его половинок, веточек, представляющих собой их модификацию. На отдельных участках креста хорошо расположена лоза из тех же веток с точками отростков (рис. 3, *3—5*).

Итак, растительный декор, украшавший изделия, создававшиеся в народной среде, был посильным воспроизведением орнаментации драгоценных произведений княжеских мастеров, будь то ювелиры, живописцы или скульпторы. И все же с тезисом А. И. Некрасова о том, что вся история искусств народности сводится к искусству просвещенного общества [28, с. 3], безоговорочно

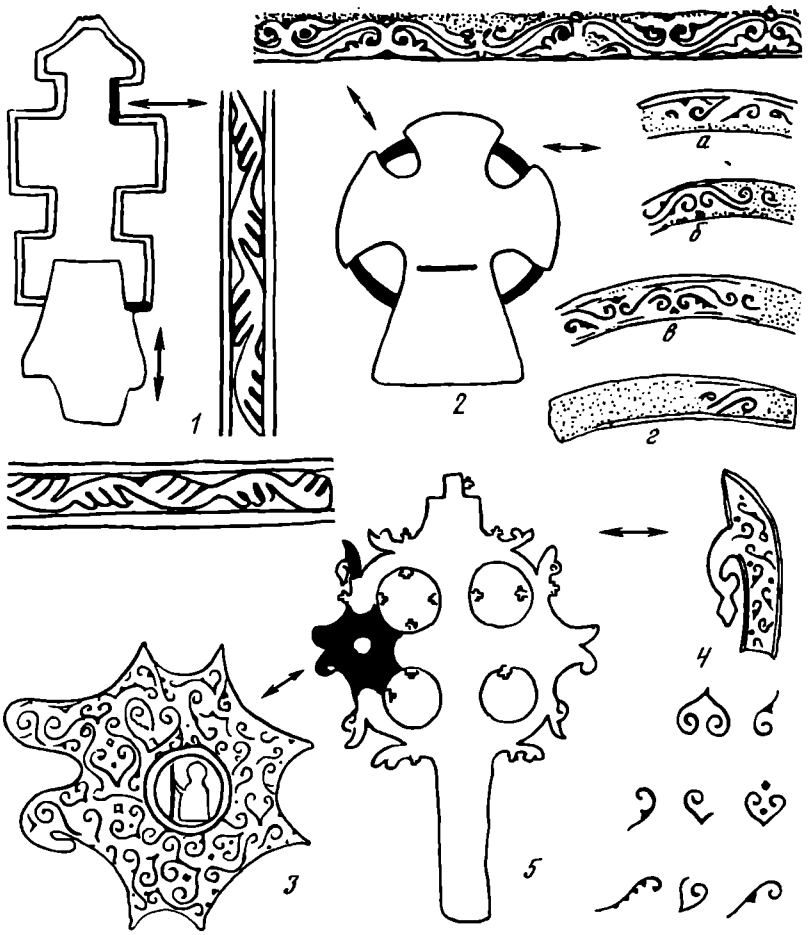


Рис. 3. Растительный орнамент на поклонных крестах. *1* — фрагменты лозы на кресте дьяка Бородатого 1458 г.; *2* — фрагменты лозы на Алексеевском кресте 1359—1388 гг.; *3—4* — детали орнаментации Людогощинского креста 1359 г.; *5* — основные элементы орнаментации Людогощинского креста

согласиться нельзя. Если принять его целиком, придется сбросить со счетов древние навыки декоративного искусства, которые приобретались многими поколениями русских людей при занятии домашним ремеслом — ткачеством, плетением, гончарством. Эта многовековая традиция домашнего ремесла и подготовила почву для восприятия тех импульсов от столичного и вотчинного ремесла, которые были постоянной его питательной средой с самого момента возникновения русской государственности.

На конкретных примерах сюжетов растительного орнамента мы видим, как воспринимались в широких слоях городского населения Руси образы художественного декора, запечатленные на стенах храмов Владимира и Юрьева Польского. Того самого декора, безудержная стихия которого, по справедливому замечанию Г К. Вагнера, и определила развитие русского орнамента в последующие столетия [23, с. 96]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сюзюмов М. Я.* Ремесла и торговля в Константинополе //Византийский Временник. 1951. IV
2. *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии. М.: Наука, 1960.
3. ПСРЛ. 1962.
4. *Базилевич К. В.* Имущество Московских князей XIV—XVI вв. // Тр. ГИМ. Вып. 3. Разряд общий исторический. М., 1926.
5. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

6. *Тотев Тотю.* Преславското съкровище. ИНМВ, кн. 22. Варна, 1987.
7. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975.
8. *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986.
9. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971.
10. *Шепкина М. В.* Тератологический орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга, М., 1974.
11. *Макарова Т И.* Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
12. *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М.: Искусство, 1971.
13. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.-Л.: Наука, 1954.
14. ОАК за 1903 г., СПб., 1903.
15. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
16. *Кондаков Н.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896.
17. *Гупало К. М., Ивакин Г Ю., Сагайдак М. А.* Дослидження Київського подолу (1974—1975) // Археологія Києва. Київ, 1979.
18. *Rosenberg M.* Niello seitedem Iahe 1000 naeh CHR. T. II. Frankfurt am Main, 1925.
19. *Банк А. В.* Опыт классификации византийских серебряных изделий X—XII вв. // Византийский Временник. 1971. № 32.
20. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.
21. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.), М.: Наука, 1981.
22. *Седова М. В.* «Имитационные» украшения древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
23. *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV вв. М., 1980.
24. *Генинг В. Ф.* Серебряный браслет из Верхнего Прикамья // КСИИМК. 1955. № 57.
25. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
26. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I век до нашей эры — XIII век нашей эры. М., 1977.
27. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. //САИ. 1964. Вып. Е-1244.
28. *Некрасов А. Н.* Очерки декоративного искусства Древней Руси. М., 1924.

Институт археологии
АН СССР, Москва

T. I. MAKAROVA

PRINCELY (STATE) WORKSHOPS AND TNEIR ROLE IN THE FORMATION OF THE ORNAMENTAL STYLE IN THE APPLIED ART OF MEDIAEVAL RUSSIA

Summary

There is no direct information about the existence of princely (state) workshops in Mediaeval Russia in written sources. But the Russian jewellery made of precious metals in the most complicated techniques, such as cloisonnè enamel and niélloò is such an evidence itself. The practice of organizing princely workshops attracting best Russian and foreign artisans led to formation of local art schools developing their own traditions and transferring them from one generation of jewellers to another. Princely workshops were of great importance for the Russian nation as a whole since their production was used as standard models for mass-production in the towns of Mediaeval Russia. A process of penetration of some technologies and motifs worked out in princely workshops to the wide masses of folk applied art is demonstrated in the article on the examples of jewellery and floral motifs. Such processes reflect the leading role of these central workshops in the formation of the ornamental style of the epoch.

Э. П. ВИНОКУРОВА

ОТ ЦЕНТРА К ПЕРИФЕРИИ. КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НА РУБЕЖЕ XVII и XVIII вв.

Роль Москвы как центра художественной жизни Руси XVII в. хорошо известна. Во второй половине столетия особое значение приобретает придворное искусство, сосредоточенное вокруг царской и патриаршей резиденций. Оружейная палата Московского Кремля с ее развитой системой жалованных и кормовых изографов и мастеров, с обширным комплексом художественных мастерских привлекала и вбирала в себя лучшие творческие силы, которые можно было охватить окрест. Благоприятная атмосфера терпимости, созданная в Оружейной палате ее руководителем (1645—1680) боярином Богданом Матвеевичем Хитрово [1, с. 345—383], способствовала процветанию талантов, совершенствованию мастерства, свободному развитию разных стилевых устремлений. Здесь уживались как художники, приглашенные из Польши, Белоруссии, Украины, так и представители традиционно русских художественных школ. Идеологическое противостояние «западников» и «традиционалистов» сделалось краеугольным камнем всей русской художественной культуры второй половины и рубежа XVII и XVIII вв., но в Оружейной палате они объединялись под эгидой высокого профессионализма, отмеченного индивидуальностью и природной одаренностью. Важнейшие государственные заказы выполнял и скрипторий Посольского приказа [2—4], в котором содержался свой штат квалифицированных золотописцев, орнаменталистов, каллиграфов. Деятельность «Верхней» (1679—1683 гг.) дворцовой типографии [5, с. 255—276; 6, с. 163—165; 7; 8] и государева Печатного двора [6, с. 155—162, 166—169; 9, с. 492—496] вдохновлялась той же идеей отбора лучших сил, нацеленных на созидание книжности. При дворе подвизалась блестящая когорта умственных деятелей: философы, поэты, переводчики, богословы. Весь цвет русской образованности концентрировался вокруг Московского Кремля.

Искусство царских изографов и патриарших мастеров в настоящее время все более привлекает внимание исследователей [1] Немалый интерес в науке вызывает проблема западных влияний и собственных культурных достижений, а также связанная с ней тема противоборства эстетических концепций, развивающих идею церковного и светского начала (так называемого «обмирщения») в искусстве. Гораздо реже затрагивается вопрос о значении московского придворного искусства для русской культуры своего и последующего времени.

Высокий художественный уровень этого искусства, главенствующая роль Москвы в сравнении с другими культурными центрами не подвергаются сомнению. В научной литературе вполне утвердилось и даже становится расхожим

[1] В последние годы в ряде музеев Москвы и Ленинграда проведена серия выставок по искусству XVII и рубежа XVII—XVIII вв.: «Русская живопись XVII—XVIII вв.» (1977 г., ГРМ), «Русское искусство эпохи барокко. Конец XVII — первая половина XVIII в.» (1984 г., ГЭ), «Царские мастера XVII в». (1989 г., ГИМ), «Иконостас Смоленского собора XVI—XVII вв». (1989 г., ГИМ), «Русские святые» (1989 г., ГТГ, ГРМ, ГИМ, Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева), «Русские мастера живописи и гравюры XVI—XVIII вв.» (1989 г., ГИМ) и др. По выставкам были проведены конференции, изданы каталоги [10—12]

© Э. П. Винокурова, 1991 г.

определение Московской Оружейной палаты как русской «Академии художеств XVII века». Но какой смысл вкладывается в это понятие и какими путями она осуществляла свою миссию Центра — эти вопросы освещены недостаточно. Между тем они имеют важное значение для понимания закономерностей развития искусства как Древней Руси, так и нового времени. Возникнув на исходе Средневековья и всецело принадлежа ему, московское придворное искусство второй половины XVII в. в то же время оказало сильное влияние. на художественные процессы в России последующих столетий, особенно первой половины XVIII в., когда складывался и утверждался новый тип культуры. Ее эволюция пошла своим чередом, но всякий раз, как возникает вопрос о самобытных формах искусства, не укладывающихся в прокрустово ложе общепринятых европейских стилей [13, с. 618], мы с неизбежностью обращаем свой взор к истоку, к московской «Академии художеств XVII века».

Под «Академией» на Руси в XVII в. меньше всего можно подразумевать некое административное учреждение. Здесь скорее усматривается общественный институт, направлявший культурные процессы в обществе авторитетом непревзойденного образца. Известно, что равнение, оглядка на образец были характерной чертой всего жизненного уклада Древней Руси. Этот порядок распространялся как на повседневную бытовую жизнь человека, так и на сферу его интеллектуальной деятельности. «Противу образца» оценивали работу мастера и назначали ему соответствующую оплату. Тем же критерием руководствовались при переводе ученика в мастеры. Дурной пример служил «образцом наоборот». На этом изнаночном поведенческом образе зиждилось по сути русское скоморошество. Сравнение с образцом как общепринятая и понятная форма восприятия отражено и в строе летописных повествований. Например, отмечая под 1479 г. строительство Успенского собора в Кремле, летописец не довольствуется только описанием храма: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством, и высотою и светлостию, и звоностию, и пространством», хотя оно (на наш сегодняшний взгляд) в полной мере передает и неповторимость творения Аристотеля Фиораванти, и восхищение собором автора этих замечательных строк. Но как бы в оправдание себе и подтверждение своих слов он добавляет: «Такова же преже того не бывала на Руси», не забывая при этом указать на образец: «опричь Владимирскиа церкви» [14, с. 201], чтобы дать привычную опору представлениям читателя. Сила примера была столь притягательной, что без всяких законодательных актов обеспечивала добровольное следование образцу.

Строгий отбор творческих личностей, формировавших кремлевскую литературно-художественную среду, несомненно, способствовал рождению произведений высокого уровня («лучших образцов»), созданию рафинированного искусства. Но, несмотря на обслуживание сравнительно узкого круга именитых заказчиков, оно не было замкнутым в себе. Вкусы и эстетические «нормы», которые вырабатывались в этой среде, расходились волнами из Кремля по столице и дальше, на окраины.

Процесс восприятия и усвоения лучших художественных образцов шел разными путями. Через систему ученичества, принятую в Оружейной палате [15],— не все выученики попадали в жалованные мастера, оседая в городских посадах, но высокие навыки мастерства и профессиональную школу проходили все. Через практику артельной работы по оформлению храмов — кремлевских мастеров нередко выписывали знатные заказчики в свои вотчины, куда они направлялись целыми бригадами иконописцев, резчиков, позолотчиков, подмастерьев (имярек «со товарищи»). Через ведущих провинциальных мастеров, которые, будучи призваны в Москву для выполнения больших государевых работ по договору, возвращались домой до следующего подряда, обогащенные всеми изысками столичного искусства. Через копирование, переписку и чтение иконописных подлинников [16—19], приобретших в XVII в. исключительно важное значение, что еще раз подтверждает пристрастие к образцам. В подлинни-

ках закреплялись приемы и техника всевозможных художеств, изводы лицевых канонических изображений, орнаментальные композиции, выполненные лучшими знаменщиками двора. По примеру столичных и под их влиянием создавали свои подлинники иконописцы и других центров [20], откуда они расходились дальше. Приобщению к московской «Академии художеств» содействовали архипастыри, стоявшие во главе отдаленных епархий, настоятели провинциальных монастырей [21, с. 346—347, 366, 367, 591—604 и др.; 22, с. 185—197; 23] Распространение созданных при дворе «образцов» литературы и искусства поддерживалось и «сверху»: царскими указами, патриаршими грамотами и проповедями, постановлениями церковных соборов [24, с. 36]

Существовал еще один — «неофициальный» канал перенесения столичных идей и воззрений из Центра на периферию, который в этом аспекте при всей своей известности оказался вне поля зрения исследователей. Речь идет, как ни парадоксально, о церковном расколе, старообрядческом движении, которое как раз противостояло новым веяниям, культивируемым и поощряемым при дворе.

Нет нужды говорить о том, сколь мощным был центробежный поток переселенцев и сколь налаженной была система связей, соединявших их с единомышленниками центральных районов. Об этом существует большая специальная литература. Раскол пошел из Москвы. В столице и самом Кремле, в ближайшем окружении царя и патриарха еще долго оставалось немало сочувствующих и прямых сторонников, скрытых и явных, «старой веры». Еще больше противников церковной реформы находилось в городах, монастырях, сельских приходах [25, с. 93—106, 116—207] На севере возник прецедент восставшего Соловецкого монастыря, из Пустозерска летели филиппики протопопа Аввакума. Создавалась живая цепочка связей сверху донизу, обратно и вширь, благодаря которой не только осуществлялась «идеологическая поддержка», но и передавалась новейшая художественная информация «из первых рук», попадая в самые глухие провинции России — места средоточия старообрядцев.

Одно из таких отдаленных поселений, организованное в известный Выго-Лексинский киновный монастырь, возникло в период с 1684 по 1716 г. [2] Пример Выга чрезвычайно показателен для характеристики процессов, о которых говорилось выше. На нем в дальнейшем мы и сосредоточим свое внимание.

По размаху хозяйственной и торговой деятельности Выговский монастырь приравнивается к Соловецкому [28, с. 167]. Он владел обширными рыбными, зверобойными, соляными промыслами на Белом море и в озерах Карелии. Монастырские лодьи ходили к берегам Кольского полуострова, на Новую Землю, Канин Нос и Грумант (Шпицберген). Продажа рыбы, соли, пушнины приносила монастырю большие доходы [28, с. 70; 29, с. 169; 30, с. 62—63] Выговцы вели торговлю с Москвой, Петербургом, Нижним Новгородом, Казанью, Архангельском и другими крупными городами, где имели собственные пристани, постоялые дворы, складочные места [29, с. 70] Влияние монастыря распространялось вплоть до Урала и Сибири [29, с. 73] Нити его связей тянулись и за границу: в Польшу, Швецию, Турцию [27, с. 6; 29, с. 23].

Не менее впечатляет картина миссионерской деятельности монастыря. Нередко она совмещалась с хозяйственной. Постоянно в течение года представители монастыря находились в дальних выездах по разным монастырским нуждам [29, с. 61, 65, 69]. Нет сомнения, что, будучи людьми книжными, они высказывались и на темы духовного жития. Практиковались также специальные поездки по России, в которые отправлялись наставники, члены киновии с целью проповедей, обмена и покупки предметов культа: книг, икон, крестов [29, с. 75;

[2] В 1684 г. поставлен на Выге первый скит, названный Даниловым по имени его основателя Даниила Викулина. В 1706 г. в 20 верстах от Данилова на р. Лексе (приток Выга) основано второе крупное поселение общежительского комплекса — «Пречестная обитель девственных лиц» [26, с. 276, 277; 27, с. 20]

31, с. 153]. Помимо устной проповеди в монастыре с первых же дней его существования была налажена проповедь письменная. Размножались переписыванием от руки сочинения самого разнообразного характера: от посланий «расколоучителей» до сочинений отечественной патристики и произведений великих христианских проповедников, как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов. Стали появляться и собственные литературные сочинения, откликавшиеся на животрепещущие вопросы веры, церкви, экзегетики. Раскол вызвал к жизни огромнейшую полемическую литературу. Выг имеет к ней самое ближайшее и непосредственное отношение. Здесь складывались поколения писателей, была создана целая литературная школа [32, 33]. Но возникала она из проповеднических побуждений и как средство защиты, оправдания и увековечивания своей христианской миссии. Для миссионерства складывалась благоприятная почва и в самом монастыре. Выг сделался местом паломничества, благодаря распространившемуся преданию о «подлинных» дарах святого Причастия [3], якобы принесенных сюда соловецким старцем Корнилием [4], легендарным основателем выговского поселения [5] По большим праздникам сюда стекалось на богомолье огромное количество народа [29, с. 71; 34, л. 59], что давало возможность открытых проповедей, установления различных контактов. В такие дни многие перекрещивались [34, л. 59], связывая свою судьбу со старообрядчеством. Святые дары привлекали к Выгу многих богатых покровителей [6], которые присылали в монастырь щедрые вклады. Так, Н. А. Демидов с Урала «жаловал: ово даянием пенязей, ово медью и железом, ово же хлебом при волжских промыслах» [29, с. 71; 35, т. 2, № 6, с. 184]. Многие из благотворителей проводили здесь остаток дней, находя упокоение на выговском погосте [7]

Широкий коммуникативный канал, образованный торговлей и миссионерством, служил одновременно средством культурного обмена и общения.

Принято считать, что старообрядцы ориентировались в искусстве на «дониконовские» образцы. Логика этой дефиниции казалась столь бесспорной, что повод для научного обсуждения проблемы никогда не возникал. Между тем если задаться вопросом, что понимать под «дониконовскими» образцами, то окажется, что убедительно ответить на него затруднительно. В самом деле, художнический плюрализм, процветавший в Оружейной палате, о котором говорилось выше, позволял мастерам традиционного направления развивать и совершенствовать свое искусство в прежнем духе. Иными словами, «дониконовские» образцы могли свободно конвертироваться и до, и во время патриарха Никона, и после его низложения. Более того, этому способствовал сам Никон. Ведь это не кто иной как он публично и собственноручно выкалывал глаза новописанным иконам и предавал их аутодофе [25, с. 100]. Таким образом, грань между «дониконовским» и «постниконовским» даже по одному приведенному примеру оказывается размытой.

Пожалуй, единственная область искусства, где указанная грань имеет четкие очертания,— это печатная книга, ее орнаментальное оформление. Собственно, с исправления богослужебных книг [8] формально и начался церковный

---

[3] Ходило предание, что эти Дары через запечение их частиц в хлебы чудесно сохраняются в монастыре и что нигде уже этого таинства не имеется [34, л. 58 об]

[4] По другим источникам, Дары унес не Корнилий, а Авраамий, также выходец с Соловков [29, с. 70, 71; 34, л. 58 об.].

[5] По преданию, Корнилий поселился на Выге еще до прихода Даниила Викулина. Старец почитался в обители, но основателем в Летописце не зафиксирован. Отмечена лишь дата его смерти [26, с. 276].

[6] Ко времени закрытия скитов на Выге (1854 г.) насчитывалось 22 таких покровителя из числа санктпетербургских и архангельских купцов [34, л. 18 об., 58 об., 59 об., 60, 60 об., 61, 61 об.].

[7] Над склепом с прахом одного из таких благодетелей — «именитого гражданина» Феоктиста Долгого с девятью родственниками — была воздвигнута часовня в 1791 г., одновременно с часовней над могилами самих устроителей монастыря Даниила Викулина, братьев Андрея и Семена Денисовых. Часовня уничтожена в 1839 г. при ликвидации общежительства [34, л. 8, 8 об., 19].

[8] Первая новоисправленная книга — Псалтырь издана 11 февраля 1653 г. Изменения в богослужебных текстах и новые обряды утверждены церковным собором, созванным патриархом Никоном в 1654 г. [25, с. 96]

раскол. По московским церквям был разослан рескрипт патриарха, повелевавший отправлять службу отныне по новым правилам [9] Другим предписанием было велено свозить старые книги из церквей и монастырей России на Печатный двор для уничтожения [6, с. 162]. Новые книги должны были и по внешнему виду отличаться от прежних. Для этого в 1678 г. была полностью заменена их орнаментация, а также введен особый знак отличия, который так ли иначе включался в орнаментику книжных заставок,— четырехконечный (латинский) крест [36, с. 26].

Казалось бы, вот сфера приложения, в которой должна ясно проявиться «дониконовская» приверженность старообрядцев. Действительно, старообрядческие типографии использовали для перепечатки исключительно книги старой печати с неисправленным текстом и с орнаментацией, не отмеченной «антихристовой печатью» — четырехконечным крестом. «И никогда и нигде,— пишет исследовательница печатной орнаментики А. С. Зернова,— старообрядцы не употребили ни одной заставки конца XVII или начала XVIII в. с четырехконечным крестом» [36, с. 26]. И все же... При более внимательном рассмотрении искусства орнаментального оформления книги у старообрядцев можно убедиться, что именно ближайшие по времени художественные памятники последней четверти XVII — начала XVIII в., причем «чуждой» придворной среды, служили им наиболее предпочтительными образцами.

Печатные книги, переиздававшиеся малыми тиражами в подпольных старообрядческих типографиях, не могли покрыть дефицита «правильных» текстов, в которых остро нуждались старообрядцы. Поэтому первое, чем были озабочены основатели Выговской обители,— это устроение собственной библиотеки и налаживание ручной переписки книг [37, с. 1480]. Эта деятельность, продолженная последующими киновиархами общины, привела к формированию одной из образцовых монастырских библиотек Севера [10], а также повлекла за собой создание уникального скриптория «в лесной глуши», унаследовавшего лучшие традиции древнерусской книжной графики. В Выго-Лексинском монастыре был выработан знаменитый поморский стиль каллиграфики (вязи) и орнамента, который А. А. Сидоров характеризовал как последний взлет высокого искусства художественного оформления книги, процветавшего на Руси с первых веков христианства и во все последующие времена [5, с. 231]

В конце 1670-х — 1680-е годы в большом изобилии ходили по Москве орнаментальные гравюры на меди, имевшие стандартные размеры книжных кодексов и предназначавшиеся для вклеивания в рукописные книги в качестве начальных листов — заставок-рамок. О них писали в свое время Д. А. Ровинский [41, т. 3, с. 423, 424, № 1041] и А. И. Соболевский [42, с. 69] Металлографика, связанная с техникой углубленной печати, в 1680-х годах XVII в. еще только начинала осваиваться русскими книжниками [8, с. 460, 461]. Первые гравюры создавались для изданий «Верхней» кремлевской типографии, находившейся в личном ведении царя и располагавшейся непосредственно в царских покоях («наверху») [7, с. 54—56]. В этих изданиях объединились усилия трех крупнейших художников двора, светил московского художественного Парнаса, олицетворявших новейшие воззрения в области литературы, эстетики, изобразительного искусства: Симеона Полоцкого, чьи сочинения воплощались в печатном слове, Афанасия Трухменского, автора резьбы по металлу,

---

[9] Известная «Память», составленная патриархом Никоном, была разослана сразу по выходе Псалтыри, в феврале-марте 1653 г., до утверждения нововведения церковным собором [25, с. 95]

[10] Устроителем и хранителем (экклезиархом) библиотеки был один из основателей монастыря, видный наставник и начетник киновии Петр Прокопьев [29, с. 32]. В 1730-х годах библиотека насчитывала 257 книг. Ее каталог собственноручно составил киновиарх Семен Денисов (1730—1741). Копию с каталога снял Григорий Яковлев, поселенец Выга, позднее оставивший раскол и написавший в 1748 г. покаянное сочинение, подав его в Синод. К сочинению и была приложена указанная опись библиотеки [38, с. 125—134]. Ко времени закрытия скитов на Выге в 1850-х годах число книг уменьшилось до 150. Их перечень составлен при опечатывании скитов и конфискации имущества монастыря [39]. Список книг был обнаружен и опубликован Е. В. Барсовым в 1877 г. [40].

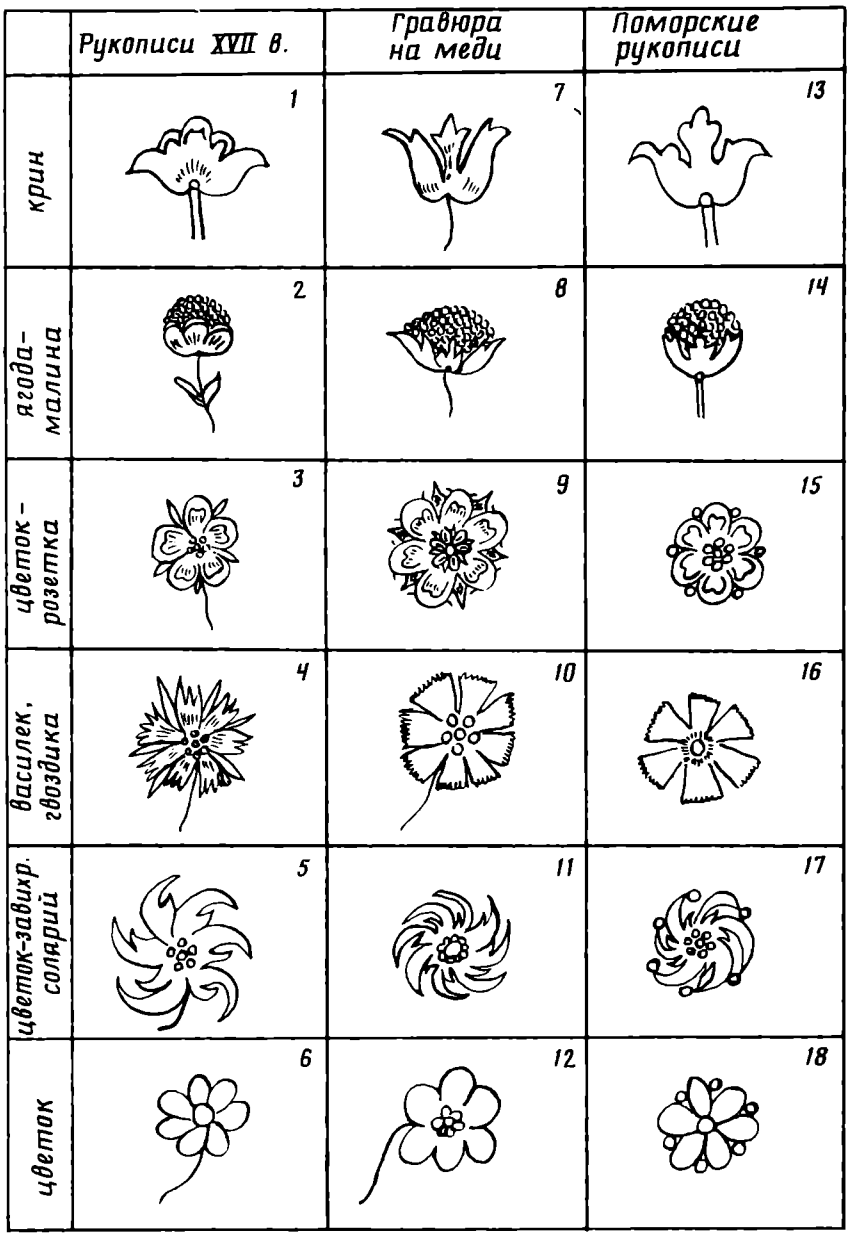


Рис. 1. Источники растительных мотивов в книжной орнаментике второй половины XVII—XIX в. *1* — Житие Иоанна Дамаскина. 1640-е. ГИМ; *2, 3, 4, 5* — Евангелие. 1677—1678. ГММК; *6* — Азбука. 1698. ГИМ; *7* — Сборник «Праздники» на крюках. ОР ГБЛ: Леонтий Бунин. Заставка-рамка. Гравюра на меди. 1680-е годы; *8, 11* — Синодик Фотия. 1695. ОР ГПБ. Леонтий Бунин. Заставка-рамка. Гравюра на меди; *9* — Учение и хитрость ратного строения пехотных войск. 1648—1649. ГБЛ. Григорий Благушин. Титул. Гравюра на меди; *10, 12* — Букварь Кариона Истомина. 1692—1694, ОРК ГПБ. Леонтий Бунин. Титул. Гравюра на меди; *13—16* — Сборник «Праздники певческие», первая четверть XVIII в. ИРЛИ; *17* — Сборник «Праздники», начало XIX в. ИРЛИ; *18* — Сборник. XIX в. ИРЛИ

и Симона Ушакова, по рисункам которого были исполнены гравюры [8, с. 459—465, ил.; 43] Здесь важно подчеркнуть, что печатные листы, о которых идет речь, и иллюстрации к изданиям царской печатни были выполнены в одной и той же, редкой для того времени технике гравюры на меди. Более того, они принадлежали к произведениям одного и того же высшего художественного круга, поскольку автором орнаментальных листов, как показало недавнее исследование [44, с. 263—274], был известный московский гравер Леонтий Бунин, знаменщик и «резец» Оружейной палаты.

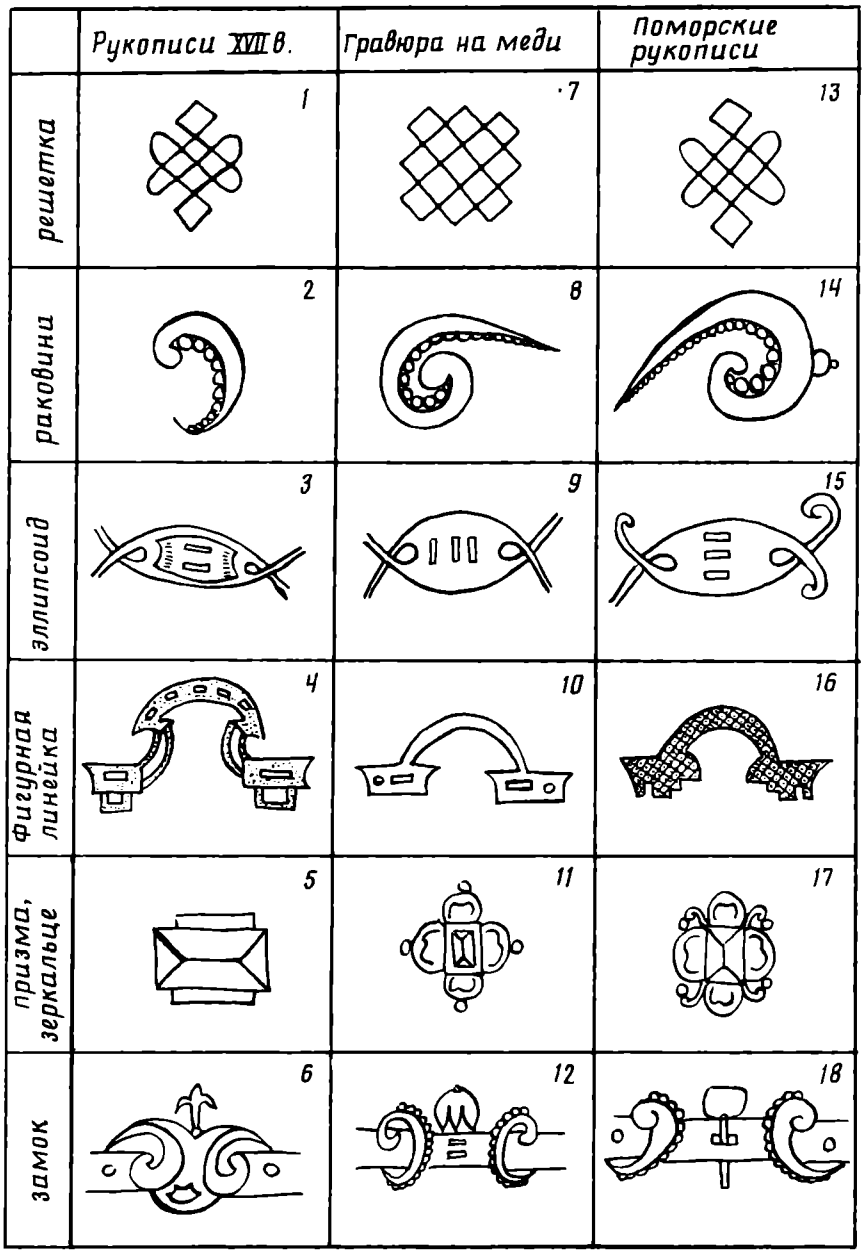


Рис. 2. Источники геометрических мотивов в книжной орнаментике последняя четверть XVII—XVIII в. *1* — Азбука. 1698. ГИМ; *2, 3, 4* — Книга о девяти музах и семи свободных художествах. 1672. ГИМ; *5* — Толковая псалтырь. 1692. ГИМ; *6* — Евангелие. 1677—1678. ГММК; *7, 9* — Букварь Кариона Истомина. 1692—1694. ОРК ГПБ. Леонтий Бунин. Титул. Гравюра на меди; *8, 11, 12* — Сборник «Праздники» на крюках. ОР ГБЛ. Леонтий Бунин. Заставка-рамка. Гравюра на меди. 1680-е годы; *10* — Сборник «Праздники» на крюках. ИРЛИ. Леонтий Бунин. Заставка-рамка. Гравюра на меди. 1680-е годы; *13* — Книга Матфея Правильника. XVIII в. ОДРИ ГРМ; *14—18* — Сборник «Праздники певческие». Первая четверть XVIII в. ИРЛИ

Орнаментация гравюр Леонтия Бунина была выполнена в стиле раннего московского барокко [45, с. 266—269], характерного для роскошных царских рукописей 70-х годов XVII в., создававшихся лучшими изографами и орнаменталистами Оружейной палаты (рис. 1, 2). Эти уникальные памятники вряд ли покидали пределы Кремля, но гравюрам Леонтия Бунина назначалась иная судьба. Обретаясь в свободной продаже на московских рынках [42, с. 69; 46, с. 154], они становились достоянием демократических слоев населения. Здесь их приобретали и старообрядцы. В этом трудно сомневаться, поскольку

дошедшее до нас старообрядческое литературно-художественное наследие содержит большое количество рукописных книг, в которых начальными листами и титулами глав служат указанные орнаментальные гравюры на меди. Не всегда их с достоверностью можно отнести к произведениям Леонтия Бунина. Порой они отличаются более примитивной манерой исполнения, нередко качество гравюр уступает резцу блестящего мастера. Однако стилистика барокко, отмеченная индивидуальностью большого художника, проступает в большинстве вклеенных в книги листов. По всей вероятности, Леонтий Бунин «задал образец», который затем могли копировать, варьировать, упрощать менее искусные резчики либо ученики, помощники гравера (рис. 1, 2).

Не прошли мимо бунинских листов и выговские миссионеры, посещавшие Москву. В поморских рукописях печатные титулы встречаются довольно часто. Заметим при этом, что выговцев, наиболее радикальных последователей раскола, не смутили ни откровенно светская («латинская») нарядность гравюр, ни пресловутый четырехконечный «крыж», которым, как и заставки новоисправленных печатных книг, были отмечены орнаментальные композиции Леонтия Бунина. Популярность этих гравюр в низовом слое рукописной книжности рубежа XVII—XVIII вв. была столь велика, что не может быть объяснена одной практической целесообразностью готовой формы книжного декора. Они как бы вышли за рамки своей утилитарности — быть заглавными листами рукописных книг Орнаментальные заставки становились *образцами* для художественного творчества, чему немало способствовала именно их нарядность — она импонировала традиционному для Руси восприятию книги как симбиоза текста и художественного оформления, которое меньше всего мыслилось в виде «стандартных» ка́лек декора, что, несомненно, имело место при использовании тиражированных начальных листов. И выговцы вступили на этот творческий путь. Гравюры на меди сделались прототипом поморского стиля орнамента [44], сыграв определенную роль в его становлении (рис. 1, 2). Таким образом, исток этого искусства следует искать в Москве, в придворной художественной среде последней четверти XVII в.

В свете сказанного вопрос о «дониконовской» ориентации старообрядцев приобретает иное содержание и не может решаться столь однозначно, когда в силу вступают законы творчества. Пример художественной деятельности отдаленного северного монастыря убеждает нас в этом. Коммуникативный канал от провинции к центру, созданный старообрядцами, действовал как живая нить связей между прошлым и будущим, как способ приобщения разных слоев общества к высшим достижениям национальной духовной культуры. Его возникновение явилось не столько следствием конфессиональных разногласий, сколько отражением характерных для Руси закономерностей культурного развития. Единство культуры, расслоившейся позднее на «верховую» и «низовую», на светскую и церковную, на рубеже XVII и XVIII столетий еще не было утрачено. И поморский орнамент — отнюдь не уникальный случай, демонстрирующий это единство. Пожалуй, наиболее ярким и убедительным примером может служить литературное творчество протопопа Аввакума, выговских писателей братьев Денисовых и других представителей этой школы, в сочинениях которых прослеживается общий стиль эпохи, окрашенный ренессансно-барочными новациями. То же можно сказать о меднолитой мелкой пластике, процветавшей в Выговском монастыре [37, с. 1483—1488; 47; 48], к сожалению, очень мало еще изученной. С догматической точки зрения ее старообрядческое содержание весьма относительно, за некоторыми исключениями [48], а стилистика лицевых изображений и орнаментального декора восходит все к той же школе царских изографов последней четверти XVII в. [49, с. 17, 18; 50] Прямые переработки некоторых композиционных построений, характерных для икон этой школы, видим в акварельных настенных лубках и «картинах» — излюбленном творчестве выговских художников. Так, по образцу созданной Симоном Ушаковым иконы «Насаждение древа государства Рос-

сийского» (1668 г.) [51, с. 376—381, ил.], положившей начало своеобразному жанру «древ» [11] в русской живописи последней четверти XVII — начала XVIII в. [24, с. 35], на Выге появляется картина «Древо рода Андрея Денисова» — идейного вдохновителя и строителя киновии. Картина была чрезвычайно популярна и повторялась во множестве интерпретаций [54, воспр.: 55, с. 20; 56; 57; 58, воспр.: 59, ил. 78, 79; 60, с. 5]. Причем и здесь она имела тот же смысл и значение: триумф и прославление государственности в лице здравствующей династии Романовых в «Древе Российском», апофеоз и возвеличивание пустынножительства в лице родоначальника обители в «Древе Поморском». «Древо Российское» возрастает над стенами Московского Кремля, «Древо Выговское» осеняет панораму опального града-крепости — оплота русского благочестия.

Художественный комплекс Выга еще ждет своего исследователя. Помимо трех отмеченных школ, сформировавшихся в монастыре (литературной, орнаментальной и литой мелкой пластики), здесь была создана иконописная палата [37, с. 1481, 1482], развивалось шитье шелками и золотом [34, л. 11, 17 об.; 37, с. 1488, 1489; 61, л. 112; 62, с. 78], резьба [37, с. 1489, 1490; 63, с. 165; 64; 65, с. 18, 19] и роспись [37, с. 1481; 66, с. 50—59; 67; 68; 69, с. 67—75, ил. 67—72; 70 с. 119; 71, с. 138, 139; 72, с. 58—62] по дереву и бересте, искусство кожаных книжных переплетов с золотым тиснением [37, с. 1479; 62, с. 78, ил. между с. 78 и 79; 73, с. 293, № 51, 52, табл. XXXV; 74, с. 10, 12, ил.]. На Выге существовала наряду с другими аналогичными на Севере [12] общеобразовательная школа грамоты [28, с. 199], где ученикам кроме преподавания обычных предметов прививались навыки каллиграфики при переписке и украшении книг. Замечательная по своему времени библиотека, литературные занятия, начетничество и учительствование способствовали формированию благоприятной атмосферы для развития словесных наук. Большое значение придавалось искусству полемики, культуре речи, ораторскому умению [32, с. 4, 15, 31] [13] Андрей Денисов, писатель и киновиарх Выгореции (1703—1730), за красноречие и дар проповедника был прозван вторым Златоустом [29, с. 41, 61]. Свои способности блестящих полемистов выговцы не раз показывали в «разглагольствиях» о вере [78, с. 161—168; 79, с. 53—65], специально устраиваемых представителями официальной церкви с целью посрамить старообрядцев, уличить их в невежестве, что, однако, им, как правило, не удавалось. Знаменитые «Поморские ответы» [80—83], написанные на Выге в 1722 г. [14] по требованию иеромонаха Неофита [85, стб. 472—485, № 403/262 от 21 июня 1721/17 марта 1747], вошли в сокровищницу древнерусской литературы как образец полемического жанра конца XVII — начала XVIII в. В «Поморских ответах», кроме того, содержались первые образцы палеографического анализа текста [86; 87; 88, с. 34]

Выговский монастырь был подлинным центром культурной жизни на Севере. Поморский орнамент оказал благотворное влияние на многие виды народного изобразительного творчества XVIII—XIX вв., что не раз отмечали исследователи [67, с. 51—53; 68, с. 13, 16; 69, с. 67—69, 72, 75, 76, 79, 88, 89; 72,

---

[11] См., например, миниатюру «Древо родословное Иисуса Христа» или «Древо Иесеево», созданную Федором Евтихеевым Зубовым для знаменитого Евангелия 1677—1678 гг., содержащего 1200 миниатюр [52, с. 233, рис. 8; 53, с. 141, ил. 98].

[12] В 1723 г. такая школа была учреждена при Александро-Свирском монастыре, в 1724 — в слободе Петровских заводов, к 1717 г уже существовала школа грамоты при Палеостровском монастыре [28, с. 196, 198, 199]

[13] В выговской библиотеке содержались новейшие учебники риторики [36, с. 132; 40, с. 24]; «Наука предивная Раймунда Люллия» в переводе и переработке Андрея Белобоцкого (1690-е годы), Софрония Лихуда (1698 г.), Стефана Яворского (1699 г.), Феофана Прокоповича (1706—1707 гг.), монаха Чудова монастыря Косьмы (1710 г.). О риториках на Выге см. [75; 76, с. 10, 11; 77, с. 25, 47], о русских риториках XVII—XVIII вв. см. [76; 77, с. 21—54].

[14] Есть некоторые сведения [31, с. 152] о том, что более ранние Ответы, так называемые «Дьяконовские» [84, с. XII, XV], запрошенные нижегородским епископом Питиримом от керженских старообрядцев 1 января 1716 г. и поданные ему 15 мая 1719 г., также были составлены на Выге самим настоятелем пустыни Андреем Денисовым.

с. 58—62; 89, с. 106; 90; 91, с. 214, 215; 92]. Поморская пластика сделалась образцом для подражания в многочисленных литейных мастерских, возникавших на протяжении XVIII в. не только в северных, но и других окраинных областях России, где расселялись старообрядцы [15], а в конце столетия вернулась в Москву, возродившись в произведениях ювелиров Преображенской общины [37, с. 1489, 1490]. Сочинения поморских писателей, многократно переписанные от руки, расходились далеко за пределы монастыря, вызывая ответную волну, подвигая единомышленников к письменному и устному фольклорному творчеству. Иными словами, мы снова встречаемся все с тем же феноменом «образца», столь характерного для русской художественной жизни. Восприняв лучшие традиции московского придворного искусства, Выговский монастырь сделался в XVIII в. как бы копией в миниатюре, «филиалом» Оружейной палаты, взяв на себя функции прежней «Академии художеств», которые она не могла уже выполнять в силу изменившихся в официальных кругах представлений о культуре и цивилизации. Тем самым в низовых слоях общества не только была продолжена линия преемственности в искусстве, но продлен еще почти на два столетия сам механизм его развития, в котором сила примера, «лучшего образца» играла столь существенную роль, в котором Центр и периферия не были разделены пропастью отчуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трутовский В. К.* Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Московская Оружейная палата // Старые годы. 1909. № 7—9.
2. *Белокуров С. А.* О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. Отд. 4.
3. *Калишевич З. Е.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в. М.: Наука, 1961.
4. *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. Вып. 8.
5. *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
6. *Рогов А. И.* Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 2.
7. *Черная Л. А.* Верхняя типография Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М.: Наука, 1982.
8. *Гусева А. А.* Оформление изданий Симеона Полоцкого в Верхней типографии (1679—1683)// ТОДРЛ. 1985. Т. 38.
9. *Сидоров А. А.* Графика XVII в.// История русского искусства. Т 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
10. Русская живопись XVII—XVIII вв. из собраний Государственного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева / Сост. Ананьева Т. А., Бекенева Н. Г., Легинова А. С. Л.: ГРМ, 1977.
11. Русское искусство эпохи барокко. Конец XVII — первая половина XVIII в.: ГЭ, каталог выставки / Автор вступит. статьи Побединская А. Г. Л.: Искусство, 1984.
12. Русские мастера живописи и гравюры XVI—XVIII вв.: Каталог выставки. Государственный ордена Ленина Исторический музей / Авторы-составители: Трутнева Н. Ф., Швецова М. М. М.: Внешторгиздат, 1989.
13. *Воронин Н. Н.* Итоги развития древнерусского искусства // История русского искусства. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
14. ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859.
15. *Селезнева И. А.* О постановке обучения в золотом и серебряном деле Москвы XVII в.// От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX в. М.: Наука, 1984.
16. *Покровский Н. В.* Лицевой иконописный подлинник и его значение для временного церковного искусства. СПб.: Изд-во ОЛДП, 1899.
17. *Нилова О. К.* Иконописный подлинник в живописи конца XVII — начала XVIII в.// Науч. конф. «Русское и зарубежное искусство XVIII в.». ЛГУ, декабрь 1984.

[15] Знакомство с памятниками медной пластики разных регионов Союза показало, что изделия поморского типа встречаются практически повсеместно [49, с. 2—3] Широкую картину распространенности поморских образцов меднолитой пластики представил прошедший в декабре 1989 г. в Центральном музее Древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева «Всесоюзный семинар по вопросам изучения, хранения и реставрации памятников медного художественного литья (мелкой пластики) XI—XIX вв.».

18. *Гренберг Ю. И., Киселев Н. А.* Письменные источники по технологии древнерусской живописи в публикациях русских исследователей XIX—XX вв. (Исторический очерк) // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация, М.: ВНИИР, 1985. Вып. 10.
19. *Изопольская Н. В., Киселев Н. А.* Русский иконописный подлинник (Исторический обзор) // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. М.: ВНИИР, 1985. Вып. 10.
20. *Такташева Л Е.* Неизвестные памятники русского иконописания XVII—XIX вв. в собрании музеев Палеха и Холуя // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1983. Л.: Наука, 1985.
21. *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908.
22. *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л.: Наука, 1977.
23. *Покровский Н. Н.* Новые материалы из истории сибирской культуры конца XVII в.// Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985.
24. *Данилова И. Е.* XVII век и его культура // История русского искусства. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
25. *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII в. М.: Наука, 1986.
26. К истории поморского согласия. I. Лексинский летописец // *Бонч-Бруевич В. Д.* Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола. СПб., 1908.
27 *Смирнов П. С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909.
28. Очерки истории Карелии. Т 1. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957
29. *Островский Д.* Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914.
30. *Соколовская М. Л.* О характере управления крупной феодальной вотчиной на русском севере в первой половине XVIII в.: По материалам Выго-Лексы // Проблемы истории СССР: Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1977.
31. *Усов П. С.* Помор-философ // Исторический вестник. 1886. Т. 24. № 4.
32. *Дружинин В. Г* Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб.: Тип М. А. Александрова, 1911.
33. *Понырко Н. В.* Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ИРЛИ, 1979.
34. ОР ГБЛ. Ф. 17 (Е. В. Барсова). Ед. хр. 55. Описание Даниловского и Лексинского раскольнических монастырей (1854 г.).
35. *Барсов Е. В.* Семен Денисов Вторушин — предводитель русского раскола XVIII в.// Тр. Киевской духовной академии. 1866. Т. 1. № 2. Отд. 3; Т. 2. № 6. Отд. 4; № 7. Отд. 2; Т. 3. № 12. Отд. 5.
36. *Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков / Под ред. Сидорова А. А. М.: Изд-во ГБЛ, 1952.
37 *Дружинин В. Г* К истории крестьянского искусства XVIII—XIX вв. в Олонецкой губернии: Художественное наследие Выгорецкой поморской обители // Изв. АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Серия 6. Т. 20. № 15—17.
38. *Яковлев Г* Испытание о раскольнических мнениях и исповедание о единой соборной истинной православной церкви, вкупе и извещение праведное о расколе беспоповщины в лето 1748-е нелицемерное мое и чистое пред Господом Богом, многогрешного Григория Яковлева сына. М., 1888.
39. ОР ГБЛ. Ф. 17 (Е. В. Барсова). Ед. хр. 39. Список раскольнических книг и икон, препровожденных с 1857 г. из Олонецкой духовной консистории в семинарское правление.
40. *Барсов Е. В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выго-Лексинской библиотеке // ЛЗАК: 1872—1875. СПб., 1877. Вып. 6. Отд. 3.
41. *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. В 5 т. СПб., 1881—1893.
42. *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография: курс лекций. СПб.: Имп. Археол. ин-т, 1908.
43. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М.: Наука, 1982.
44. *Винокурова Э. П.* К вопросу о генезисе поморского орнамента // Литература Древней Руси. Источниковедение: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Лихачев Д. С. Л.: Наука, 1988.
45. *Винокурова Э. П.* Сборник XVII в. из Латгалии с гравированными на меди заставками-рамками // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990.
46. *Карский Е. Ф.* Славяно-кирилловская палеография. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.
47 *Винокурова Э. П.* Рукопись о поморском литье В. Г Дружинина // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1988. Т. 41.
48. *Винокурова Э. П.* Поморские датированные складни // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989.
49. *Винокурова Э. П.* Основные принципы классификации русской медной художественной пластики конца XVII—XVIII в.: Автореф. дис. канд. искусствовед. Л.: Ин-т им. И. Е. Репина, 1989.
50. *Винокурова Э. П.* Модель меднолитого складня конца XVII — начала XVIII в. «Двунадесятые праздники» // Древнерусская скульптура: Проблемы и атрибуция. М.: НИИ искусствознания Мин. культуры СССР, 1990.
51. *Данилова И. Е., Мнева Н. Е.* Живопись XVII в.// История русского искусства. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
52. *Мнева Н.* Изографы Оружейной палаты и их искусство украшать книги // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сб. науч. трудов по материалам Государственной Оружейной палаты / Под ред. Богоявленского С. К., Новицкого Г А. М.: Искусство, 1954.

53. *Брюсова В. Г* Федор Зубов. М.: Искусство, 1985.
54. ОР БАН. Собр. Ф. А. Каликина, № 117 Древо рода Андрея Денисова.
55. Старообрядческий церковный календарь на 1971 год.
56. ГИМ ИЗО, инв. № 23812. Древо рода Андрея Денисова.
57. ГИМ ОПИ. Ф. 1, № 126. Древо рода Андрея Денисова.
58. ОР ГБЛ. Б/№. Древо рода Андрея Денисова.
59. Лубок: Русские народные картинки XVII—XVIII вв./ Автор текста и сост. альбома Овсянников Ю. М.: Сов. художник, 1968.
60. Старообрядческий церковный календарь на 1970 год.
61. ОР ГБЛ. Ф. 17 (Е. В. Барсова). Ед. хр. 915. Описание Олонецкой губернии (1816 г.).
62. *Малышев В. И.* Как писали рукописи в Поморье в конце XIX — начале XX в.: К вопросу об изучении техники и быта поморского иконописца // Изв. Карело-Финской н.-и. базы АН СССР. 1949. № 1.
63. *Уханова И. Н.* Слюда в русском народном искусстве // Музей народного искусства и художественные промыслы.: Сб. тр. НИИХП. М.: Изобр. искусство, 1972. Вып. 5.
64. *Жижина С. Г* Северная резная береста XVIII—XIX вв.: Автореф. дис. канд. искусствовед. М.: Ин-т Истории искусств Мин. культуры СССР, 1976.
65. ГИМ ИЗО, инв. № 23812. Древо рода Андрея Денисова.
Л., 1983. Т. 48.
66. *Большева К. А.* Крестьянская живопись Заонежья // Крестьянское искусство СССР. Л.: Академия, 1927.
67. *Вишневская В. М.* Из истории северного живописного орнамента // Памятники культуры русского Севера: Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. в г. Архангельске. М., 1966.
68. *Вишневская В. М.* Свободные кистевые росписи // Русское народное искусство Севера: Сб. статей. Л.: Сов. художник, 1968.
69. *Вишневская В. М.* Резьба и роспись по дереву мастеров Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1981.
70. *Жегалова С. К.* Художественные прялки // Резьба и роспись по дереву: Сокровища русского народного искусства. М.: Искусство, 1967.
71. *Жегалова С. К.* Русская народная живопись. М.: Просвещение, 1975.
72. *Попова З. П.* Расписная мебель // Резьба и роспись по дереву: Сокровища русского народного искусства. М.: Искусство, 1967.
73. *Симони П. К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно: Тексты. Материалы. Снимки. СПб., 1903.
74. *Е. О.* Поморские рукописи, их миниатюры и орнаментация // Золотое Руно. СПб., 1907. № 10.
75. *Понырко Н. В.* Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. 1981. Т. 36.
76. *Вомперский В. П.* Риторики в России XVII—XVIII вв./ Отв. ред. Толстой Н. И. М.: Наука, 1988.
77. *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М.: Наука, 1990.
78. *Чистович И. А.* Выговская раскольническая пустынь в первой половине XVIII столетия // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Июль—сентябрь. Отд. 1.
79. *Бацер М.* Выгореция. Петрозаводск: Карелия, 1986.
80. Поморские ответы. М.: Христианская тип. при Преображенском Богадельном доме в Москве в лето 7419 (1911).
81. Поморские ответы. М.: Тип. Н. Н. Рябушинского, Моск. старообрядческое братство Честного и животворящего Креста Господня, 1911.
82. Поморские ответы: Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита. Уральск: Старообрядческая тип. Симакова, 1911.
83. *Дружинин В. Г* Подлинная рукопись «Поморских ответов» и ее издание. СПб.: Тип. Импан, 1912.
84. Ответы Александра Диакона (на Керженце), поданные Нижегородскому епископу Питириму в 1719 году. Нижний Новгород, 1907.
85. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святого правительствующего Синода. Т. 1. СПб., 1868.
86. *Дружинин В. Г.* Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1923.
87 *Дружинин В. Г* Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII в.// ЛЗАК. 1923—1925. Л., 1926. Вып. 25.
88. *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М.: Госполитиздат, 1956.
89. *Пихоя Р. Г* Книжно-рукописная традиция Урала XVIII — начала XX в. (К постановке проблемы) // Источники по культуре и классовой борьбе феодальнего периода. Новосибирск: Наука, 1982.
90. *Уханова И. Н.* К вопросу о взаимосвязи поморской миниатюры и памятников прикладного искусства русского Севера в XVIII в.// Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам работы ГЭ за 1966 г. (22—24 мая 1967 г.). Л.: Сов. художник, 1967.
91. *Уханова И. Н.* Книжная иллюстрация XVIII в. и памятники народного декоративно-прикладного искусства русского Севера (Северная Двина) // Русское искусство первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования / Под ред. Алексеевой Т. В. М.: Наука, 1974. Вып. 2.
92. *Бударагин В. П., Маркелов Г В.* Орнаментика крестьянских рукописных книг XVIII—XIX вв.// ТОДРЛ. 1985. Т. 38.

Государственный исторический музей,
Москва

E. P. VINOKUROVA

FROM THE CENTRE TO PERIPHERIA. CULTURAL CONNECTIONS IN THE END OF THE 17th — BEGINNING OF THE 18th CENTURIES

Summary

The development of Russian art in the end of the 17th — the beginning of the 18th centuries was extremely complicated with a lot of tendencies. A new type of culture was being formed, but it also included the old traditions having their strong potenttions mainly in the lower strata of society. The main role in formation of traditional Russian culture during the Modern history was played by the art of the Moscow court and the residence of Moscow Patriarch in the second half of the 17th century. The selected artisans concentrated around the Armoury of the Moscow Kremlin and produced a number of masterpieces which formed the aesthetic views of the time. This caused the formation of local styles and art schools in provintion. The spread of new ideas from the centre to peripheria was reinforced by the christians of Old Belief who moved from Moscow to the outlying districts. Their economic and missionary activities created a communicative channel for participation of lower strata of people in provintion in the highest achievements of the culture of Moscow Great principality.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

АРХАНГЕЛЬСКАЯ СТАВРОТЕКА И КУЛЬТ КЛИМЕНТА НА РУСИ

Архангельская ставротека — небольшой (99×81 мм) серебряный с позолотой ящичек-пенал для хранения частичек креста господня — была обнаружена Н. Н. Померанцевым в фондах Архангельского краеведческого музея в 1963 г. [1] В том же году она поступила на реставрацию в Государственные центральные научно-художественные мастерские им. Э. А. Грабаря (ГЦНХРМ). К сожалению, до сих пор она не вызвала должного внимания среди историков искусства, хотя сразу после реставрации была опубликована в почти одновременно вышедших статьях В. Г. Пуцко [1, с. 241—245; 2, с. 53, 54] и А. Ф. Червякова [3, с. 188—193]. Несколько позднее о ней вскользь упоминает Г Н. Бочаров в монографии, посвященной истории древнерусского художественного металла [4, с. 291—295].

Все исследователи считают ее работой новгородского мастера домонгольского времени. Но в оценке художественных особенностей ставротеки и ее датировке наблюдаются некоторые разногласия. А. Ф. Червяков и В. Г Пуцко определяют ее как произведение XII в., с учетом данных палеографии подписей — первой половины XII в. Г Н. Бочаров склонен датировать ее несколько более поздним временем — началом XIII в. Все исследователи отмечают сложный, многослойный характер этого памятника, влияние образца, который определяют по-разному. В. Г Пуцко видит в нем византийское произведение XI в. из серии массовой продукции. Г Н. Бочаров считает ставротеку памятником переходного типа, обнаруживающим связь между византийскими произведениями XI—XII вв. и народной новгородской культурой XIII в.

Происхождение ставротеки, ее бытование неизвестны. Предполагают, что в фонды Архангельского музея она попала в 30-е годы XX в., когда формировался этот музей.

Загадочная судьба реликвария, отсутствие подобных памятников среди дошедших до нас произведений древнерусского прикладного искусства, определенные разногласия в оценке ее художественных особенностей и датировке заставляют еще раз обратиться к ставротеке, учитывая сюжеты и особенности как изображений, так и надписей. Как уже было сказано выше, ставротека представляет собой небольшой ящичек-пенал с выдвижной крышкой (рис. 1). На ней помещено чеканное изображение святого в епископских одеждах с колончатыми надписями по сторонам: ΔΓΗΟCΣ ΚΛΟΥΜΕΝΣΤΣΪ Внутри ставротеки, под выдвижной крышкой, пластина с крестообразной прорезью для частей креста, по сторонам которого чеканные изображения Константина и Елены с надписями, частично утраченными, но легко восстанавливаемыми [ΑΓ]ΗΟ[CΣ] ΚΟC[ΤΑΝΤΗΝΣ] [ΑΓ]ΗΟCΣ ΗΕΛΕΝΑ Над вершиной креста — монограммы: IC XC. Вверху по сторонам креста поясные фигуры архангелов. Изображение Михаила сохранилось почти полностью, с остатками надписи (МН)Х от изображения архангела Гавриила уцелела только часть нимба и крыло, над ним остатки букв [Г]ΑΒΡ В крестообразном углублении, предназначенном для реликвий, тонированный под кипарис липовый

[1] В настоящее время находится в экспозиции этого музея (инв. № 148).

© А. А. Медынцева, 1991 г.

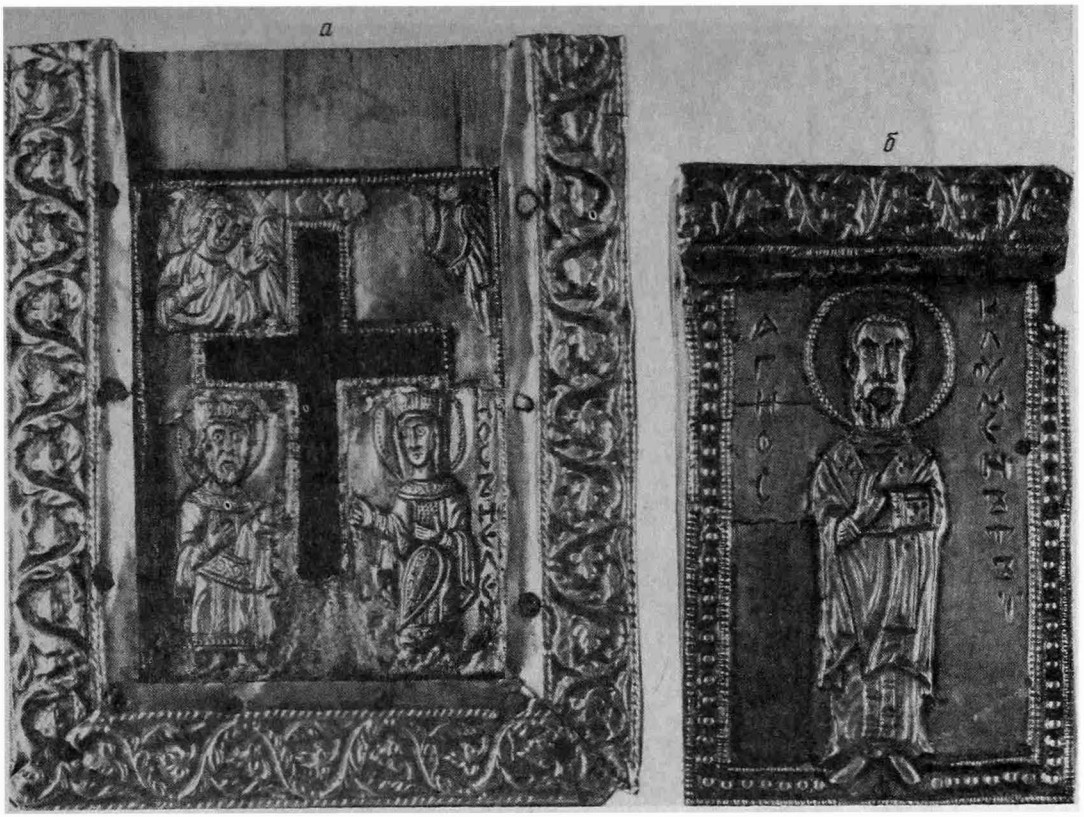


Рис. 1. Ставротека из Архангельского краеведческого музея. *а* — внутренняя часть; *б* — лицевая пластина-крышка (фото после реставрации)

крест, на обороте ковчежца на деревянной пластине тушью изображен крест и надпись почерком XVII в. ТС ХС NHKA; О NТРЬ КРТЬ І ОБРАЗЫ ЦРЬ КОNСТАNТN І ЄЛЄNА ниже еще одна, к сожалению, выскобленная и потому нечитаемая, возможно, владельческая [3, с. 190].

Необходимо отметить разновременность деталей и восстановленные утраты. Ставротека впервые подверглась реставрации на рубеже XVI—XVII вв., об этом свидетельствуют медная позолоченная басма по краям реликвария с орнаментом из вьющейся виноградной лозы, стилизованная под древность. Это окаймление грубо прибито гвоздями к деревянному основанию. Крышка с изображением Климента и внутренняя пластина с крестообразным проемом и образами Константина и Елены — древнейшие. Более тщательно исполнено изображение Климента. Оно довольно плоскостно, святой представлен во весь рот в строго фронтальной позе. Пропорции заметно нарушены: голова крупная, занимает $\approx 1/4$ высоты фигуры, но сама фигура довольно стройна и пропорциональна, увеличена лишь благословляющая кисть правой руки с неумело изображенными пальцами. Особое внимание мастер уделил лицу святителя — оно удлиненное, с длинным прямым носом, большими миндалевидными глазами и четкими изогнутыми бровями. Лоб сравнительно небольшой, волосы короткие и густые, изображенные мелкими плотными прядями. Такие же густые и плотные усы, борода пышная, лопатообразная. Но нижняя часть ее утрачена и заменена при последней реставрации тонированной пластиной. Вероятно, первоначально борода была более длинной и несколько сужающейся, как можно судить по направлению линий, изображающих отдельные пряди (рис. 2)[2]. Нимб большой, правильной формы, изображен жгутом. В левой руке святителя евангелие

[2] На фото до реставрации у Климента висячие усы, лоб и нос искажены вмятиной металла. Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Н. Овчинникову, предоставившему негативы ставротеки до реставрации, а также дирекции и сотрудникам фотоархива ГЦХНРМ.

Рис. 2. Изображение св. Климента (фрагмент, фото до реставрации)

с крестом, изображенным пятью точками, такие же точки изображают кресты на омофоре. Ноги маленькие, выступающие из-под одежды, слегка развернуты ступнями в разные стороны. Вся пластина окаймлена двойной полоской жгута с крупными точками между ними, имитирующими жемчужную обнизь. К древнейшему орнаментальному оформлению, некогда закрывавшему поля изделия, принадлежат остатки орнамента из вертикально стоящих листьев, сохранившиеся над головой Климента. Изображения на внутренней пластине более мелки и схематичны (рис. 1, *а, б*). Фигуры еще более приземисты (головы занимают $\approx 1/3$ высоты фигур), ноги неумело развернуты в стороны у изображения Константина и повернуты вправо у Елены (рис. 2, 3). Руки святых, указывающие на крест, преувеличенно большие, лица вытянутые, с длинными прямыми носами. Глаза намечены кружками с точками в центре, нимбы — углубленной линией и дополнены рядом точек. Святые изображены в царских одеждах, на голове у Константина венец, у Елены — стемма. Одежды плоскостны, украшены точечным и растительным орнаментами (пояс у Константина), складки их схематичны.

На первый взгляд внутренняя пластина кажется сделанной другим мастером, но общий плоскостной характер чеканки, особенности изображения ликов святых, фигур, даже точечный орнамент на рукавах и особенно надписи, исполненные одним почерком, говорят о работе одного и того же мастера.

Рис. 3. Изображение св. Константина (фрагмент, фото до реставрации)

Все исследователи отмечают архаический характер надписей. Действительно, буквы по пропорциям близки к квадрату, петли ѣ геометричны, перекладины Н горизонтальны и расположены посередине буквы. О возможном сохранении редуцированных может свидетельствовать «вставной» ъ между согласными в имени «Климент». Особенно нужно отметить Є с «переломом» в центральной части — такое начертание очень архаично, изредка встречается на древнейших русских монетах и в надписи конца X в. на одном из новгородских цилиндров [5, с. 55]. Близко по форме к памятникам этого круга М с широко расставленными, наклонными к центру мачтами. По общему стилю надписи на ставротеке напоминают почерки надписей на окладах Корсунских икон из Новгорода [6, с. 70—74], но в отличие от последних в надписях на ставротеке нет ярко выраженных признаков начертаний X—XI вв. Поэтому с палеографической датировкой — не позже середины XII в.— можно полностью согласиться. Резчик надписей — не грек, хотя использует греческое «агиос» в титуле святых, в том числе и в титуле Елены (вместо агиа). Исследователи отмечали, что о русском мастере говорит и диалектная форма имени — Клоуменѣтѣи. Однако происхождение этой формы пояснения не получило. Проще всего объясняется написание ОУ вместо Н,У или і, это так называемое псевдокорректное написание [7, с. 249], когда мастер вместо «ижицы» в протографе

пишет ОУ, так как для русского писца «ижица» была равнозначна «У». Сложнее объяснить появление ѣ̈ в конце имени, фонетически не оправданного. Остается предположить, что мастер, следуя надписи-протографу, исправил У на ОУ написал конечный ѣ и добавил ї согласно русскому произношению этого имени «Климентий». Иначе трудно объяснить подобное написание.

Мастер следовал архаическому образцу не только в надписях, но и в исполнении изображений. Исследователи отмечают такие архаические детали, свойственные византийскому искусству XI в., как открытые венцы на головах Константина и Елены и торакион — деталь парадного облачения императрицы, по форме напоминающая щит. Говоря об этом, В. Г Пуцко справедливо замечает, что в данном случае для датировки эти черты не имеют решающего значения, так как это воспроизведение византийского образца на Руси [1, с. 245]. Действительно, подобные детали в русских произведениях встречаются и позднее, например на каменной иконке с образами Константина и Елены, найденной в Полоцке в археологических слоях конца XII—XIII в. [8, № 348]. Тем не менее все авторы, даже Г Н. Бочаров, датирующий ставротеку более поздним временем, отмечают и другие черты, находящие аналогии в более ранних произведениях византийского искусства. Из древнерусских аналогий Г Н. Бочаров называет новгородские кратиры, В. Г Пуцко — оклады Корсунских икон из Новгорода и отдаленное сходство, не выходящее за пределы иконографического типа с изображением Климента на мозаиках Софии Киевской, более близкое с фигурой Климента из росписи конца XII в. церкви Спас-Нередицы в Новгороде. Называют также и такие иконографические аналогии в памятниках станковой живописи XIII в., как изображение Климента на полях иконы «Спас на престоле» (ГТГ) и образы Иоанна Лествичника, Георгия и Власия на иконе того же названия (ГРМ). Но Г Н. Бочаров при этом замечает, что, хотя изображения ставротеки с перечисленными фигурами сближает фронтальность построения, плоскостность, застылая неподвижность контуров, большеголовость, немногочисленность складок одеяний, изображения ставротеки при этом отличаются более тонкой и детальной разделкой драпировок [4, с. 294]. Указанные авторы считают ставротеку типично новгородским произведением с чертами художественного примитива, расходясь лишь в датировке. На наш взгляд, более оправданна датировка В. Г. Пуцко (не позже середины XII в.), о чем говорит и палеография надписей, и такие детали, находящие аналогии в ранних произведениях торевтики, как орнаменты одежд и оформление арок над святыми и на окладах Корсунских икон, и особенно такая характерная особенность, не отмеченная другими исследователями, как первоначальное оформление краев ставротеки вертикально стоящими листьями — довольно редкая черта, встречающаяся в ранних византийских, грузинских, древнерусских памятниках (к последним принадлежат и оклады Корсунских икон из Новгорода [9, с. 74—76]).

Можно указать еще одну аналогию изображениям ставротеки — миниатюру Изборника 1076 г. на л. 128 [10, табл. XLII, XLIII]. При всей разнице в жанре, и вероятно, художественном мастерстве мы можем заметить определенное сходство в фигурах Климента на ставротеке и святителей, изображенных на миниатюре. Мы видим те же статичные, фронтальные, большеголовые фигуры с удлиненными ликами и клинообразными бородами, с небольшими, слегка выступающими из-под одежд ногами, тот же восточный тип лица с миндалевидными глазами и изогнутыми над ними бровями. Но, вероятно, исследователи правы, относя исполнение ставротеки к XII в., а перечисленные архаические черты считая проявлением влияния прототипа.

В недавнее время при раскопках Новгорода обнаружена мастерская, где работал художник Олисей в конце XII, на рубеже XII—XIII вв. Этой мастерской предшествовала ювелирная, условно названная «мастерская бубенчиков». В слоях, связанных с мастерской Олисея, найдено два фрагмента бронзового оклада. Оклад был предназначен для небольшой иконы (высотой около 13—

14 см) с изображением св. Николая. Поля чеканного оклада украшает рельефная полоса из ложновитого жгута с крупными рельефными «бусинами», имитирующими драгоценные жемчуг и скань, точно такая же, как на ставротеке. Так же, в виде ложносканых жгутов, оформлены нимб и очертания фигуры святого. Сохранилась и надпись, сделанная в технике чеканки: NHKOΛA ΔГНОСѢ; близки по начертаниям к надписям ставротеки буквы а, ѣ и особенно К. Фрагменты окладов обнаружены внутри мастерской (яр 12—*23*, 14—*215*), в слоях, датирующихся по уточненным данным [3] дендрохронологии 1125/30—1185/90 гг. [11, с. 129, 130]. Эта находка, представляющая аналогию декоративному оформлению ставротеки, подтверждает датировку ее XII в.

Но определение художественных истоков образца, на который ориентировался мастер, представляется довольно спорным. Историками искусства уже давно определено, что памятники древнейшей поры не имели стилистического единства. Особенно определенно это демонстрирует монументальная живопись. Наряду с произведениями, связанными с чисто византийским искусством, ориентированным на эллинистическую традицию, в искусстве Руси древнейшей поры выявлено небольшое число произведений, истоки художественного стиля которых отыскиваются на христианском Востоке. Прежде всего имеются в виду некоторые фресковые изображения Софии Киевской, фреска Константина и Елены из Мартироевской паперти Софии Новгородской и некоторые другие [12, с. 155, 158; 13, с. 152] Г И. Вздорнов к этому же типу памятников относит миниатюру из Евангелия попа Домки, отмечая, что определение подобных произведений затруднено, так как характерные признаки этого искусства: восточный тип ликов, нарушение пропорций, перепутанная система складок одежды, не отражающей естественного движения тела и т. д.,— легко спутать с примитивом, обусловленным недостаточным профессионализмом мастеров, ориентировавшихся и в том и в другом случае на простонародные непритязательные вкусы [14, с. 201—222] Именно таким образом склонны объяснять художественные особенности ставротеки В. Г Пуцко и Г Н. Бочаров. Однако при этом нельзя не обратить внимания на довольно выдержанный стиль изображений и тонкость чеканки, тщательность орнаментальной отделки одежд, особенно на лицевой пластине. В то же время нарушенные пропорции фигур с большими головами и увеличенными кистями рук, удлиненные, чисто восточные лики, особенно Климента с пышной клинообразной бородой, находят больше аналогий с изображениями миниатюры из Евангелия Домки, чем с современными ставротеке произведениями из Новгорода, такими, как Корсунские оклады и новгородские кратиры. Сближает эту миниатюру с изображениями ставротеки и такая характерная деталь, как точечный ободок нимбов, имитирующий жемчужную обнизь.

В последние годы среди произведений мелкой каменной и металлической пластики также наметилась группа, где отчетливо сказываются восточнохристианские корни. В этих произведениях с подчеркнуто архаизирующими формами некоторые исследователи видят продукцию Киевской мастерской. Это прежде всего двусторонняя бронзовая иконка из собрания Третьяковской галереи в Москве (рис. 4) и некоторые иконки из Княжьей Горы [15, с. 169—171]. Т. В. Николаева определяла их более широко — как южнорусскую группу, связанную с такими центрами культуры, как Тмутаракань, Киев и средневековый Херсонес [8, с. 18, 19, табл. 4]

К этой же группе нарочито архаизированных памятников можно отнести известную иконку Глеба-Давыда из Тмутаракани [8, № 1] и бронзовый образок из раскопок К. К. Костюшко-Валюжинича в Херсонесе [16, № 578]. С изображениями ставротеки перечисленные образки объединяет статичность, нарушенные пропорции фигур — с большими головами и увеличенными кистями рук, такие детали, как оформление глаз кружком с точкой (образы Константина и Елены ставротеки). Но следует подчеркнуть, что сходство изображений

[3] Уточненные стратиграфические даты представлены А. С. Хорошевым.

Рис. 4. Металлическая иконка из собрания Третьяковской галереи (оборотная сторона)

ставротеки и перечисленных образков довольно отдаленное, не выходящее за рамки общей передачи фигур и ликов, в то время как детали — оформление одежды с более подвижными и разработанными складками, тонкой орнаментацией и вниманием к деталям — указывают на традиционные памятники древнерусской торевтики XII в. Поэтому сходство с «архаизированными» памятниками говорит лишь об ориентации на прототип, переработанный в соответствии с требованиями другого времени.

Определение этого прототипа невозможно без оценки культа Климента — папы Римского тесно связанного с «просвещением» славян, именем Кирилла-Константина, и историей появления самой ставротеки в Северной Руси.

Возле изображения святителя, заменившего собой обычную для ставротек композицию — распятие, помещена лишь краткая надпись — «Агиос Климент», не поясняющая, какой из святителей с этим именем имеется в виду. При первой публикации В. Г Пуцко определил его как изображение Климента — папы римского, ссылаясь на иконографическое сходство с одноименными изображениями Софии Киевской и церкви Спас-Нередицы в Новгороде. Другие исследователи не останавливались на этом вопросе. Между тем восточнохристиан-

ские святцы знают и других святителей с этим именем, прежде всего Климента — епископа Анкирского (23 января) и Климента — епископа Охридского (23 ноября). Вероятно, легко решается вопрос о возможности отождествления фигуры ставротеки с Климентом Охридским (Величским). Этот Климент — один из учеников славянских просветителей Кирилла (Константина) и Мефодия — после изгнания из Моравии нашел пристанище в Болгарии. О его жизни и просветительской деятельности там известно довольно много, так как сохранились обширные жития и его собственные литературные произведения. Просветительская деятельность Климента нашла широкое признание и поддержку в Болгарии. Предполагают, что он был канонизирован вскоре после смерти, последовавшей 27 июля 916 г., так как в месяцеслове Ассеманова евангелия (X—XI вв.) он уже назван святым [17, с. 321—325] Поэтому формально можно предполагать, что он был изображен на ставротеке. Но древнейшие русские святцы этого святого не знают, в том числе наиболее подробные, сохранившиеся в месяцеслове Мстиславова евангелия (1117 г.). В них упоминается лишь Климент — папа римский (23 ноября) и Климент — епископ Анкирский — 23 января (18, л. 176б, л. 189а). Последний из святых упоминается в летописи под 1190 г. [19, стлб. 408]

Однако следует учесть, что для русского христианства, особенно домонгольского времени, наиболее популярен был культ Климента — папы римского, тесно связанный как с «просвещением» славянства, так и с крещением Руси и корсунским походом Владимира. Литература о хазарской миссии Кирилла-Константина, во время которой им были обретены в Корсуни мощи Климента Римского, достаточно обширна, и в настоящей работе нет необходимости подробно останавливаться на истории открытия мощей и анализе источников по этому вопросу. Можно назвать недавно вышедший труд «Сказания о начале славянской письменности» [20] и обобщающую работу С. Б. Бернштейна [21] Здесь необходимо лишь коротко остановиться на исторических фактах, известных по литературным произведениям и другим источникам.

Климент — четвертый папа римский и ученик апостола Петра — в правление императора Траяна (98—117 гг. н. э.) был сослан в Херсонес, бывший в то время местом ссылки христиан и преступников. Но Климент, даже работая на каменоломнях, не оставил проповеди христианства, за что был подвергнут мучительной смерти, а тело его, с якорем на шее, было брошено в море. К 860 г., когда Константин по пути в Хазарию остановился в Корсуни, никто о Клименте уже не помнил — ни местные жители, ни епископ. Константин, имея какие-то сведения, со всем «клиром и народом» на корабле отправился искать останки святого. Как описывает это событие «Итальянская легенда», 30 декабря 860 г., когда море утихло, Константин с жителями Херсона и клиром «прибыл к острову, где должно находиться тело мученика... Они обошли остров... и начали копать тот холм, где можно было предполагать нахождение столь большого сокровища... пока не показалась светлая голова мученика... Постепенно были откопаны все остальные части мощей. Наконец показался и сам якорь, с которым святой был брошен в море...» [21, с. 71]. Урна с мощами Климента «с песнями и славословием» была перенесена в главный храм Херсона (Корсуни). С тех пор Климент — папа римский стал одной из почитаемых местных святынь Корсуни, и какая-то часть мощей была взята Константином с собой и сослужила добрую службу в миссионерской деятельности. Константин, подарив мощи римскому папе, обеспечил себе на какое-то время его покровительство. Встретить процессию с мощами вышел сам папа Адриан. Мощи были помещены в храм, посвященный Клименту, где был позднее похоронен и сам Константин, получивший в монашестве имя Кирилл. Папа Адриан признал славянскую литургию, освятил церковные книги на славянском языке. Три дня в различных церквах Рима служили литургию по-славянски [20, с. 90, 91]. Таким образом, дипломатический талант Кирилла сделал имя папы Климента и его мощи покровителями славянского просвещения,

почитаемыми во всем славянском мире, особенно в областях первоначальной проповеднической деятельности солунских братьев.

В Корсуни мощи Климента также оставались одной из почитаемых местных святынь более 100 лет. И только после похода Владимира на Корсунь, согласно «Корсунской легенде», мощи Климента и мифического «ученика его Фива» были перенесены в Киев [19, стлб. 116] и, вероятно, переданы Владимиром Десятинной церкви вместе с другими корсунскими святынями. Во всяком случае, Титмар Мерзебургский, посетивший Киев в 1018 г., называет Десятинную церковь, где был похоронен сам Владимир и его жена византийская принцесса Анна, храмом Климента [22, с. 436]. Вероятно, в этой церкви был устроен специальный придел, посвященный Клименту, где и покоилась рака с мощами.

Проблема подлинности мощей вызывала сомнения на Западе, где также имелись мощи Климента, еще в XI в. Во Франции сохранилась легенда, согласно которой Роже Шалонский, посетивший Киев в 1048 г. в составе свадебного посольства за дочерью Ярослава Мудрого Анной, получил поручение проверить слухи о наличии мощей св. Климента в Киеве. По его сообщению, действительно, в Киеве находились мощи святого и сам Ярослав показал ему голову Климента и мощи ученика Фива, погибшего вместе с учителем [23, с. 15, 16].

Независимо от вопроса подлинности мощей следует признать, что они находились в Киеве, вероятно, уже со времен Владимира и пользовались известностью и глубоким почитанием. Сохранилось и русское сочинение «Слово на обновление Десятинной церкви», созданное в XI в. клириками этой церкви, где Климент прославлялся как заступник Русской земли, так как Русь представлялась автору единственной обладательницей святыни, что давало ей преимущество перед другими странами [24, с. 174, 175; 25].

Помимо литературных и летописных свидетельств имеются и другие подтверждения популярности культа Климента Римского на Руси. В частности, в Софии Киевской на почетном месте, в алтаре, среди святителей, отцов церкви и первомучеников, в нижнем поясе апсиды, находится мозаичное изображение Климента — папы римского. В. Н. Лазарев отмечал, что его наличие — явное отступление от принятого в Византии подбора святителей и является отражением местного культа мощей [12, с. 35]. Изображение сохранилось лишь частично (утрачена нижняя часть), но колончатые надписи КΛΗΜΙ[С ΠΑΠΑС РО]ΜΗС не оставляют сомнений в определении святого. Он представлен стоящим в полный рост, в строгой фронтальной позе, в святительских ризах. Но на этом сходство с изображением ставротеки кончается. Фигура Климента на мозаике правильно выдержанных пропорций, небольшая голова с густыми недлинными волосами и тонзурой. Лицо с невысоким лбом и небольшими высячими усами.

Ясно, что мастер, сделавший ставротеку, ориентировался на другой иконографический образец. Тот же иконографический тип святого, что и в Софии Киевской, повторяется в церкви Спас-Нередицы в Новгороде. Здесь он также помещен в алтаре, изображенным в полный рост, в нижнем ярусе святителей, с кудрявыми короткими волосами. Правая рука касается евангелия, находящегося в левой. Однако пропорции большеголовой фигуры с увеличенными кистями рук, восточный тип лица отдаленно напоминают изображение ставротеки. Интересно, что В. К. Мясоедов аналогию живописной манере мастера находил в технике некоторых энкавстических икон IX—X вв. из монастыря св. Екатерины на Синае [26, с. 16].

Надпись при изображении укорочена: ΑГІѠС ΚΛΗΜЄΝΤ с декоративными точками и росчерками в конце каждого слова, без титула «папа римский», хотя в данном случае сомнений именно в таком определении не возникает. Такие же укороченные надписи продолжают использоваться и позднее, например на полях упомянутой иконы из Третьяковской галереи. Особенно показательной в этом отношении является фресковая роспись церкви Симеона

Богоприимца в Новгороде (XV в.). В росписи церкви, построенной в память погибших от чумы в 1467 г., изображены фигуры или полуфигуры святых по месяцеслову, в честь которых давались имена. Изображение Климента Римского здесь находится в северном люнете среди святых, день памяти которых приходится на 20—30 ноября (подписи отсутствуют). Среди январских изображений на месте, соответствующем 23 января, изображен не Климент Анкирский, а Павлин Милостивый [27, с. 253, 254, 257]

Из приведенных примеров следует, что более популярный на Руси культ Климента Римского заслонил собой одноименного святого, епископа Анкирского, хотя последний и был известен по месяцесловам, и обозначение «св. Климент» обозначало Климента Римского.

Это обстоятельство отражено и в Новгородских летописях в известии о построении церкви Климента. В. Г Пуцко исполнение ставротеки связывает с построением церкви Климента в Старой Ладоге или одноименной в Новгороде по инициативе архиепископа Нифонта. Действительно, помещение изображения Климента на лицевую сторону ставротеки вместо обычного распятия не могло быть случайным и скорее всего связано со строительной деятельностью Нифонта. Как установил Н. В. Холостенко по данным требников, закладка мощей и других святынь была необходима при обрядах, обязательных при построении храма и его освящении [28, с. 199—202]. Вероятно, и реликварий с частицей креста господня был предназначен для церкви Климента, построенной Нифонтом. Скорее всего это была церковь Климента в Старой Ладоге, о закладке которой сохранилось известие в составе Новгородской первой летописи: «В лето 6651 (1153). Иде боголюбивый Нифонт в Ладогу и заложи церковь святого Климента». Она же названа «каменной» под 6664 (1156) в сообщении о смерти Нифонта [29, с. 213, 214]. Известие о построении Нифонтом в 1153 г. церкви Климента в Новгороде на Иворовой улице не вызывает доверия, так как дошло до нас только в составе более поздней, Новгородской третьей летописи [30, с. 190, 191]. Достоверные сведения о постройке этой церкви относятся к 1326 г. [29, с. 340] При описании пожара 1217 г на Торговой стороне, который затронул древнейшую часть Плотницкого конца, церковь Климента не упомянута [4]; это говорит о том, что в это время она еще не существовала. Таким образом, ставротека скорее всего была заказана для церкви Климента в Старой Ладоге. Существование этой церкви подтверждается и археологическими раскопками, и документальными сведениями [31, с. 1—6] Летописец называет ее просто церковью св. Климента. Но посвящена она была Клименту — папе римскому, что следует из переписной книги 1646 г. [32, с. 42].

События, предшествующие закладке этой церкви Нифонтом, были драматичными и происходили на фоне междоусобной борьбы Мономашичей с Ольговичами, в них оказался замешан и новгородский епископ Нифонт. В 1147 г. Изяслав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, своей властью, минуя Константинопольского патриарха, с шестью епископами ставит русского митрополита Клима Смолятича — «черноризца и схимника, книжника и философа», какого прежде на Руси не было [33, стлб. 341] Против выступил только смоленский епископ — грек Мануил. О реакции новгородского епископа Нифонта ничего в Ипатьевской летописи не сказано. Дальнейшие события освещают уже новгородские летописи.

В 1149 г. его вызывает в Киев новопоставленный митрополит. Летописец объясняет этот вызов тем, что Нифонт не признавал законность поставления митрополита без санкции Константинополя: «Не достойны есть стал... ни ставлен». В Киеве Нифонт был «посажен» в Печерском монастыре и только в 1150 г. был отпущен Юрием Долгоруким, захватившим Киев [30, с. 214, 215] Спустя 3 года он уже закладывает церковь Климента в Старой Ладоге. Мотивы этого поступка, вероятно, следует искать в религиозной полемике

[4] Устное сообщение М. И. Петрова.

этого времени. Дело в том, что в дискуссии по поводу правомерности поставления митрополита, минуя патриарха, одним из главных аргументов было наличие в Киеве мощей св. Климента. Черниговский епископ Онуфрий, ссылаясь на то, что греки ставят митрополита «рукою св. Иоанна», настаивал на правомочности поставления киевской святыней. Собор епископа согласился с ним «и тако сгадавше... главою св. Климента поставиша митрополитом» [33, стлб. 341].

Таким образом, церковно-политические события того времени обратили пристальное внимание на культ Климента. Вероятно, и на самом соборе, и на обряде поставления, и находясь на покаянии в Печерском монастыре, Нифонт должен был близко ознакомиться как с самими произведениями Климента Римского, его жизнеописанием, так и с историей открытия его мощей и перенесения их в Киев, с произведениями клириков Десятинной церкви, прославляющих Климента. Возможно, ему удалось приобрести какие-то святыни, связанные с его именем. По возвращении в Новгород архиепископ Нифонт закладывает церковь Климента в Старой Ладоге, дав новый толчок популярности этого святого в Северо-Западной Руси. Перед этим в Новгороде им была поставлена и церковь Константина и Елены [30, с. 215] Вряд ли совпадение с обоими сюжетами изображений ставротеки было случайным. События церковно-политической истории подтверждают связь изготовления ставротеки с культом Климента Римского и строительной деятельностью архиепископа Нифонта.

Как говорилось, мастер, изготовивший ставротеку, ориентировался на более древний образец. Но этим образцом не было изображение Климента в Софии Киевской. Естественно предположить, что им было изображение Климента, фреска или икона, находящиеся в Десятинной церкви. Случаи воспроизведения в мелкой пластике почитаемых иконописных оригиналов отмечаются исследователями [34, с. 113—124; 35, с. 86—97]

Художественное убранство Десятинной церкви нам известно лишь по летописным упоминаниям и остаткам мраморных колонн, мозаичных и шиферных полов, найденных при ее раскопках. Найдены и фрагменты фресковой росписи. На основании этих фрагментов Н. П. Сычев предположил, что они были исполнены в той самой манере, где наиболее ярко проявлялась связь с восточнохристианским искусством [36, с. 91—104] Изображение Климента на крышке архангельской ставротеки — новое, хотя, конечно, не бесспорное тому подтверждение.

Относительно путей проникновения элементов восточнохристианского искусства на Русь высказывались различные мнения. Одни исследователи предполагали влияние константинопольских образцов, где были представлены различные направления смешения «эллинистического стиля с восточными формами» [37, с. 10], другие — связь с культурой балканских славян [35, с. 86—97], третьи — прямые контакты с произведениями искусства этого круга путем паломничества через Афон и Палестину [14, с. 217—222]. Вероятно, все они имели место в проникновении традиций восточнохристианского искусства и усвоении его русскими мастерами.

Но в данном случае, поскольку прослеживается историческая и художественная связь этого нестандартного памятника с Десятинной церковью, возможно проявление и других традиций, так как Десятинная церковь стояла особняком от ортодоксального византийского православия, ориентируясь больше на Корсунь и западные славянские области. Это проявилось как в самом институте «десятины», неизвестном чисто греческой церковной организации, так и в ряде особенностей религиозно-философской доктрины, в частности в повышенном интересе к Ветхому завету, в особой направленности летописных и религиозно-литературных произведений, создававшихся при Десятинной церкви [38]. Но, конечно, наиболее ярко ее связь с Корсунью и областями первоначальной проповеди христианства среди славян проявилась в самом почитании херсонского мученика Климента, исторически связывавшего эти три

древнейших культурно-религиозных центра: Корсунь — Киев — Моравию. Климент — папа римский почти не был известен византийскому ортодоксальному христианству, но пользовался глубоким почитанием именно в этих областях. Получив на Руси XI в. несколько иную интерпретацию — покровителя апостола Русской земли, он, несомненно, являлся проявлением кирилло-мефодиевской традиции [25, с. 30].

Возвращаясь к ставротеке из Архангельского музея, следует подчеркнуть, что в изображении Климента мастер, вероятно, ориентировался на прототип-икону или фреску, находившиеся в Десятинной церкви. В данном случае нелегко определить, в Новгороде или Киеве была сделана ставротека. Однако, учитывая грекофильскую направленность новгородского искусства эпохи Нифонта, трудно представить, что мастер из владычных мастерских мог изготовить такую вещь. Скорее всего она была изготовлена в мастерских при Десятинной церкви и приобретена Нифонтом в Киеве, хотя настаивать на таком предположении нельзя.

Остается сказать несколько слов по поводу названия самой ставротеки. Как видим, наименование «новгородская» вряд ли соответствует действительности, «архангельская» — указывает лишь на место хранения. Вместе с тем нельзя забывать, что она была заново открыта и возвращена истории благодаря энтузиазму заслуженного деятеля искусств Н. Н. Померанцева, и может быть правильнее именовать ее «Померанцевской» в знак уважения к его памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пуцко В. Г.* Новгородская ставротека // Byzantinoslavica. Praha, 1969. XXX. 1—2.
2. *Пуцко В. Г* Ставротека домонгольского времени // Декор. искусство СССР. 1970. № 8.
3. *Червяков А. Ф.* Ставротека из Архангельского краеведческого музея // Византийский временник. 1971. 31.
4. *Бочаров Г Н.* Художественный металл Древней Руси. М.: Наука, 1984.
5. *Медынцева А. А.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984. № 4.
6. *Медынцева А. А.* Оклады «корсунских» икон из Новгорода // СА. 1988. № 4.
7. *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен. М.: Изд-во МГУ, 1969.
8. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластина из камня XI—XV вв.// САИ. 1983. Вып. Е1-60.
9. *Банк А. В.* Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI—XV в.// Древнерусское искусство. М.: Наука, 1977.
10. *Стасов В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884.
11. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
12. *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М.: Искусство, 1960.
13. *Дмитриев Ю. Н.* Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование (работы 1945—1948 годов) // Практика реставрационных работ. Сб. 1. М., 1950.
14. *Вздорнов Г И.* Миниатюра из Евангелия попа Домки и черты восточнохристианского искусства в новгородской живописи XI—XII вв.// Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968.
15. *Пуцко В. Г.* Киевская сюжетная пластика малых форм (XI—XIII вв.) // Зборник посветен на Бошко Бабиќ. Прилеп, 1986.
16. *Банк А. В.* Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Ч. 2. М.: Сов. художник, 1977.
17. *Райков Божидар.* Ранни календарни вести за Климент Охридски // Климент Охридски. София, 1966.
18. Апракос Мстислава Великого / Отв. ред. Жуковская Л. П. М.: Наука, 1983.
19. ПСРЛ. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
20. Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. Королюк В. Д. Вступ. статья, перевод и комментарии Флори Б. Н. М.: Наука, 1981.
21. *Бернштейн С. Б.* Константин-Философ и Мефодий. М.: Изд-во МГУ, 1984.
22. *Titmari Merseburgensis episcopi.* Chronicon. B., 1966.
23. *Пирлинг О.* Россия и папский престол. М., 1912.
24. *Лавров П. Л.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсона. М., 1911.
25. *Бегунов Ю. К.* Русское слово о чуде св. Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция. Slavia, Praha. 1974. № 1.

26. *Мясоедов В. К.* Государственный Русский музей // Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925.
27. *Герасимов Н. Н.* Фрески Симеона Богоприимца // Памятники культуры. Новые открытия 1978. Л.: Наука, 1979.
28. *Холостенко Н. В.* Мошеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
30. НЗЛ, Новгородские летописи. СПб., 1879.
31. *Сабанеев Д. А.* Заметки о древней Климентовской церкви близ Ст. Ладоги // ЗРАО. Нов. сер. Т. 1. СПб., 1886.
32. *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.
33. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843.
34. *Зоценко В. Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
35. *Пуцко В.* Преславска матрица и въпросът за иконографските образци в изкуството на древний Киев.// Археология, год XXV Кн. 1—2. 1983.
36. *Сычев Н. П.* Древнейший фрагмент русско-византийской живописи // Seminarium Kondakovium. Prague, 1928.
37. *Ainalov D. V* Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. B.; Lpz., 1932.
38. *Кузьмин А. Г* Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI в.// ВИ. 1971. № 10.

Институт археологии
АН СССР, Москва

A. A. MEDYNTSEVA

THE ARKHANGELSK RELICVARIUM AND THE CULT OF ST. KLIMENT IN RUSSIA

Summary

The article is devoted to the study of stavrotheca — a relicvarium for keeping pieces of Our Lord's cross. The relicvarium now is in the local lore muzeum of Arkhangelsk. After the analysis of the details of the artefact the author claims that it was made in mid 12th century for Nifont, the bishop of Novgorod as a gift for the church of St. Kliment in Staraya Ladoga. It had the prototype in one of the images of Desyatinnaya church in Kiev. The emergance of the relicvarium as well as the foundation of the church of St. Kliment is connected with the cult of this martyr from Khersones. His relics were kept in Desyatinnaya church in Kiev.

В. П. ДАРКЕВИЧ

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК

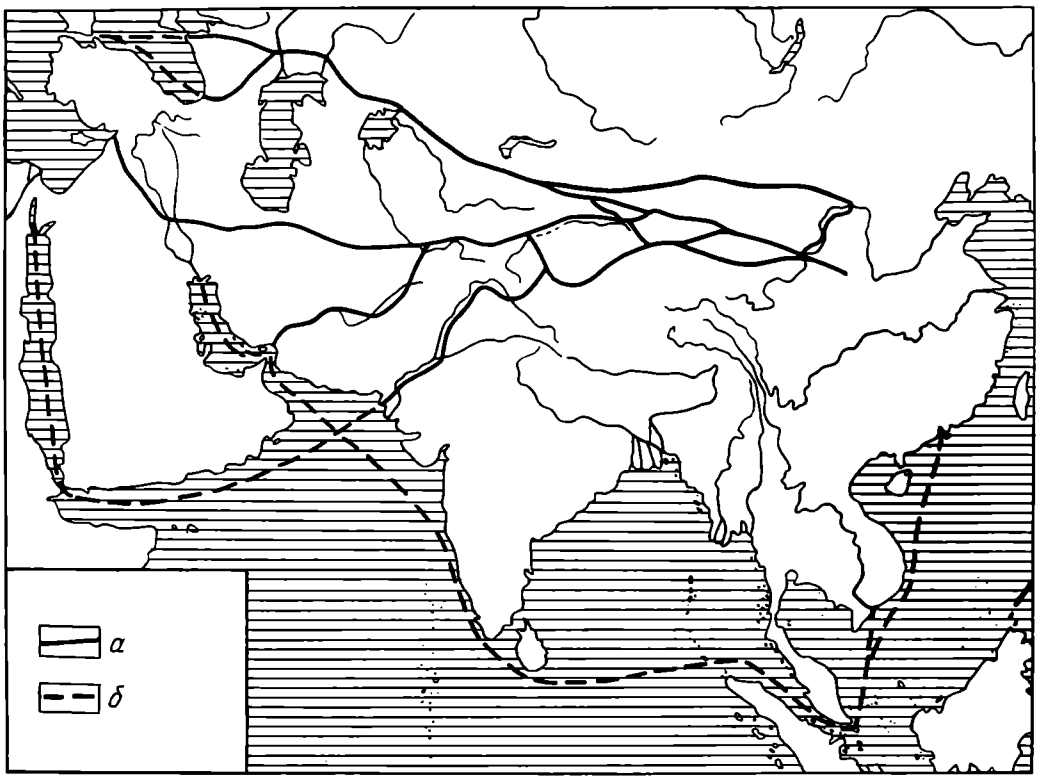
Ключевое положение Византии на рубежах Европы, Азии и Африки, посредническая роль Константинополя между Востоком и Западом способствовали открытости византийской культуры. Большую роль в ее формировании и эволюции всегда играли восточные традиции. В свою очередь арабы, завоевавшие восточносредиземноморские области империи, приобщились к византийской цивилизации, усвоив многие ее достижения. Синкретическая арабо-мусульманская культура создавалась многими народами в результате взаимного общения различных этнических и религиозных групп. Влияние ранневизантийских традиций распространилось на многие стороны жизни Омейядского халифата, феодализирующаяся верхушка которого еще только вырабатывала собственные формы управления, правовых отношений, духовной и материальной культуры.

Проблема культурных связей Византии и Востока тесно связана с историей литературы и искусства Древней Руси. Ряд византийских литературных памятников, восходивших к восточным архетипам, был известен в переводах: «История иудейской войны» Иосифа Флавия, повесть о Варлааме и Иосафе, «Повесть об Акире Премудром», «Стефанит и Ихнилат» — сборник назидательных притч-басен о животных. При исследовании многочисленных ориентализмов в искусстве Руси следует принимать во внимание, что часто моделями для мастеров служили византийские изделия (шелка, резная кость, украшения и утварь из драгоценных металлов), впитавшие азиатские орнаментальные мотивы и образы экзотической и фантастической фауны.

Особое значение в исследовании византийско-восточных связей приобрели свидетельства археологии, нумизматики, истории искусства, которые непрерывно пополняются новыми материалами.

Отношение носителей христианской византийской культуры к культуре ислама отмечено печатью острой военной, политической и идеологической конфронтации. Мусульмане рассматриваются как «нечестивые варвары», как внешняя враждебная сила. При этом акцент делается на конфессиональных, а не на этнических различиях. Однако различия в языке, религии, образе жизни, мировосприятии, психологическом складе народов не исключали многообразных контактов с арабским, иранским, закавказским, среднеазиатским Востоком, который представлял собой пеструю мозаику разнородных цивилизаций. Странам, покоренным мусульманским завоеванием, принадлежала активная роль в восточной и средиземноморской торговле — весьма уважаемом занятии, ибо сам пророк будто бы сказал: «Купец равно блажен в сем мире и в будущем»; «Кто зарабатывает деньги, угоден Аллаху». Военные столкновения Византии с арабами, захватившими важнейшие провинции империи — Сирию, Палестину, Египет, а с XI в.— с турками-сельджуками не могли прервать обоюдного торгового и интеллектуального обмена. Происходило взаимовлияние обогащавших друг друга культур, особенно на почве Константинополя, где осуществлялись широкие межэтнические контакты. Непроницаемого барьера, отделявшего исламский мир от греко-христианского мира Византии, не

© В. П. Даркевич, 1991 г.



Великий шелковый путь и его ответвления: *а* — сухопутные пути; *б* — морские пути

существовало. Показательна апокрифическая легенда о поездке сподвижников пророка Мухаммеда в Константинополь к «царю Румов», изложенная авторами второй половины IX в.: арабским купцом-путешественником Ибн Вахба и историком ад-Динавари. В одном из отделений шкатулки, которую император показал пришельцам, хранилась статуэтка основателя ислама, при виде которой арабы-мусульмане пролили слезы умиления.

Во второй половине IX—XII в. сношения Византии с Ближним и Средним Востоком активизировались: оживилась международная торговля, процесс культурного обмена стал интенсивнее.

Торговые связи Византии простирались далеко за пределы халифата: они охватывали Эфиопию, Индию, о-в Цейлон (Шри-Ланка) и «Поднебесную империю». Торговля на дальние расстояния была связана с риском, но зато сулила из ряда вон выходящие прибыли. От Китая к Средиземноморью протянулся трансконтинентальный Великий шелковый путь, который более 1500 лет служит связующей артерией между отдаленными народами (рисунок). Путь, вдоль которого развивалась сеть «караванных городов», начинался от северо-западных границ Китая и шел по краю пустыни Гоби, приводя в Самарканд, Иран и Сирию. По нему двигались купеческие караваны, дипломатические посольства с богатыми дарами, артели ремесленников, приглашенные владетельными лицами, паломники к святым местам, миссионеры, труппы бродячих актеров. Представители владений, через которые пролегал путь, прилагали все усилия для его безопасности.

Сухопутная дорога вдоль Евфрата, ведущая к гаваням Персидского залива, связывала Шелковый путь с городами Малой Азии и Сирии. Функционировала и древняя караванная трасса в Сирию через Иран. Иранцы и кочевые тюркские племена активно участвовали в передвижениях по Шелковому пути. Как свидетельствуют археологические находки в высокогорных аланских могильниках, в VI—IX вв. существовал северокавказский путь мировой торговли шелком. Он пересекал с юга на север всю Среднюю Азию, проходил по северному

побережью Каспийского моря, затем по северокавказским предгорьям и через перевалы Западного Кавказа выводил в Абхазию. Отсюда добирались морем до Трапезунда и следовали в Константинополь либо сухопутной дорогой, либо морем [1]. Китайские, согдийские, персидские шелковые ткани из Византии проникали в Западную Европу. Возможно, из Китая при посредничестве арабских торговцев в Византию ввозили шелк-сырец. Шелк-сырец (метакса), доставлявшийся в Константинополь, попадал в руки перекупщиков-метаксопратов («Книга эпарха», X в., гл. VI, VII). Из Китая вывозили и картины на шелке (обрывки картины с изображением всадника в горах обнаружены в северокавказском могильнике Мощевая Балка). Византийцы являлись посредниками между Западом и Востоком в торговле китайским фарфором, ювелирными изделиями и драгоценными камнями Индии. В свою очередь византийские товары достигали Дальнего Востока: в танскую эпоху в Китае носили стеклянные бусы, изготовленные в сирийских центрах. Из богатого погребения в провинции Шаньси происходит византийское золотое ожерелье-пекторалъ VI — начала VII в. В суйской могиле близ Чанъани был найден золотой солид Юстиниана II; византийская золотая монета обнаружена в погребении танского времени в том же регионе [2, с. 339].

Анализ стиля, содержания и смыслового значения изображений на «гибридных» произведениях художественного ремесла предоставляет возможность судить о характере контактов между Востоком и Западом. Например, появление на иранской и среднеазиатской серебряной посуде VII—VIII вв. персонажей из цикла Диониса-Вакха было обусловлено оживлением отношений с Византией. Так, на найденном в с. Григоровское на Урале серебряном блюде IX—X вв. евангельские композиции восходят к сирийским, персидским и среднеазиатским образцам. Сосуд исполнен в среде тюрко-согдийских несториан Семиречья — членов еретической секты, распространившей свое влияние от Сирии до Китая [3]. Сирийцы, этот народ книжных людей — переводчиков и миссионеров, подобно живому мосту соединяли не только Византию и Иран: они преодолевали огромные расстояния, организуя свои колонии в иноземных городах на Шелковом пути. С VII—VIII вв. сирийцы-несториане основывали общины и торговые фактории в городах Китая. Византийское влияние обнаруживается в согдийском текстильном орнаменте: с сиро-египетскими и константинопольскими шелками связывают ткани с композицией «Жертвоприношение Авраама».

Не раз византийские экономические интересы приходилось защищать с оружием в руках: войны с «сарацинами» сменялись мирными соглашениями, которые греческие послы умели превосходно использовать в интересах империи. В середине XI в. вплотную к границам царства ромеев подступили тюркские племена сельджуков, захвативших Иверию, Армению, Иран, Сирию и разгромивших византийские войска в битве при Манцикерте (1071 г.). Войны с «безбожными исмаилитами» сменялись периодами относительного затишья: турки поступали на службу к императорам ромеев, принимали громкие титулы константинопольского двора.

Широкая зона с ее текучими, изменчивыми границами, разделявшая владения Византии и сельджуков, обладала не только особой этнической, социальной, политической, но и синкретической культурной структурой. Так, скрещение армянской, византийской и мусульманской культур с конца XI в. сильно ощущалось в Киликии, где «византинизмы» приобрели специфические черты. И Армения, и Грузия были тесно связаны с Византией. В IX—X вв. армянские эмигранты селились в Константинополе, во Фракии и Македонии. Архитектор Тиридат принял участие в реставрации купола Святой Софии. Не исключено, что некоторые постсасанидские декоративные мотивы проникли в византийское искусство через посредство армянских мастеров. Возможно, армянские связи с Македонской династией, возросшее число высших армянских сановников при дворе Константинополя способствовали распространению среди столичной знати восточных обычаев и мод. В то же время византийская христианская иконо-

графия оказывала постоянное воздействие на монументальную живопись и книжную миниатюру Великой Армении и Киликии. Активность политических притязаний Византии в Закавказье вплоть до последней трети XI в. сопровождалась широкой экспансией византийской культуры. Миниатюристы, исполнявшие заказы грекофильской армянской и грузинской знати, ориентировались на образцы эпохи «Македонского ренессанса». Некоторые художники Закавказья работали в греческих скрипториях Константинополя. В своих произведениях чеканщики и эмальеры Грузии и Армении подвергали творческой переработке византийские прототипы [4].

Константинополь, перекресток культур, огромный рынок средневековья, перевалочный пункт на путях, что вели с Востока, обладал неодолимой притягательной силой для арабов, тюрок, славян, выходцев из Скандинавии — викингов, ставших элитой личной охраны императора. В пестрой уличной толпе привлекали внимание и восточные купцы — «агаряне» в черных плащах и сандалиях кирпичного цвета. Согласно арабскому путешественнику Табари, в 896/897 г. в Константинополе пребывало много сирийцев-мусульман. По свидетельству «Книги эпарха» (гл. V, § 2), сирийские купцы жили в Константинополе иногда до 10 лет. «Книга эпарха» подробно рассказывает о корпорации прандиопратов, которая монополизировала торговлю привозимыми из Сирии галантерейными товарами и готовыми одеждами. Торговые поселения христиан-сирийцев (арамеев) существовали не только в городах Месопотамии, но и Средней Азии, вплоть до Китая. В Константинополе и Афинах в X—XI вв. процветали колонии мусульманских купцов. В городе на Босфоре, центре православия, построили мечеть. Константин Багрянородный относит ее основание ко времени осады Константинополя арабским военачальником Масламой в 717 г. Арабский географ конца X в. Мукаддаси подтверждает сообщение Константина: «Мы должны упомянуть о Константинополе, ибо в нем есть принадлежащий мусульманам дом, в котором они собираются и открыто исповедуют ислам...». Этот «дом палаты» находился у ипподрома, напротив царского дворца. По свидетельству Мукаддаси, «в нем знатные и благородные мусульмане помещались, когда попадут в плен, чтобы таким образом находиться под его защитой и покровительством...» [5, с. 205, 206] В комплекс «дома палаты», безусловно, входила и мечеть. По данным поэта и историка Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, константинопольскую мечеть обновил Константин Мономах. Император повелел украсить ее лампадами, пригласить проповедников и назначить им жалованье. Согласно рассказу арабского ученого Марвази (рубеж XI—XII вв.), мусульманам отвели в Константинополе особое место для жилья («хан»). Остатки мечети X—XI вв. обнаружены в Афинах.

Важнейшим пунктом торговли с Востоком являлся Трапезунд, где, по свидетельствам арабских географов X в. Масуди и Истахри, ежегодно устраивали ярмарки, куда стекались византийские, мусульманские и армянские купцы. По словам Истахри, греческие ткани, ввозимые из Византии в Халифат, проходили через Трапезунд. Через этот порт попадали в Константинополь восточные благовония («Книга эпарха», гл. X, § 2). Сухопутная дорога связывала Константинополь с Атталией, портом на южном побережье Малой Азии, куда заходили корабли с Кипра и других восточносредиземноморских гаваней. В тулунидском Каире целый квартал принадлежал греческим купцам.

На караванах верблюдов из Ирака, Ирана и Аравии в гавани сирийского и малоазийского побережий доставляли изюм, урюк, миндаль, финики, вино, «сарацинские», т. е. происходящие из стран халифата, ткани, багдадские гладкие и пушистые ковры, готовые одежды. Из Селевкии и Антиохии большие и малые корабли перевозили товары к Босфору. Из Египта шло зерно, из глубин Африки — золотой песок и слоновая кость, из Индии — жемчуг, пряности, благовония, всевозможные заморские диковины. В IX—X вв. торговлю с Индией вели через посредство мусульманских и еврейских торговцев халифата. «Книга эпарха» перечисляет восточные благовония, пряности, красители и некоторые

лекарственные вещества, которые продавали столичные мировары — торговцы парфюмерией. В Константинополе торговали едким индийским перцем, нардом из Лаодикеи, ароматной корицей с Цейлона и из Средней Азии, гвоздикой с Молуккских островов. С Явы и Суматры доставляли алоэ, из Тибета — растительный мускус, из Ирана — лазурь — синее красящее вещество, из Аравии — благовония — ливан и душистую смолу — смирну (мирру). Приморскую Сирию с Южной Аравией связывал караванный «Путь благовоний», который проходил вдоль западного побережья Аравийского полуострова и по Красному морю. По нему в Переднюю Азию доставляли товары из «страны царицы Савской» (Йемен), Черной Африки и Эфиопии. Египет и прибрежная Сирия поставляли все виды пурпура, используемого для окраски тканей.

Уже в VII в. арабы получили непосредственный выход к Средиземному морю, Индийскому и Атлантическому океанам. Значительная часть их торговли осуществлялась при помощи судоходства — вначале каботажного, а затем и в открытом море. К X в. арабская торговля охватила все регионы византийского культурного круга. «Багдад и Александрия устанавливали цены (по крайней мере на предметы роскоши) для человечества того времени» [6, с. 365] Арабы, неуемные искатели новых путей и рынков, точно оценивали мировую конъюнктуру, изыскивали средства для расширения торговых связей. До X в. включительно наряду с византийским флотом они господствовали на Средиземном море, которое бороздили их военные и торговые суда. Один из кораблей, затонувший в XI в. около Серче Лимани (Турция), исследован методами подводной археологии в 1977—1979 гг. Его основной груз составляла стеклянная посуда, происходившая с Ближнего Востока (фрагменты примерно от 10 тыс. сосудов). В изобилии обнаружены восточные глазурованные чаши и блюда, стандартные стеклянные гирьки, употреблявшиеся в мусульманских странах. Корабль вез и другой груз — вино в амфорах, которые, судя по надписям на них, были изготовлены в Византии. Со дна извлекли золотые мусульманские и медные византийские монеты, византийские свинцовые печати. Свыше 900 рыболовных грузил помечены клеймами с христианскими символами. Кому бы ни принадлежало потерпевшее катастрофу судно, его груз свидетельствует о крупной оптовой торговле стеклянной и поливной посудой, изготовленной в мастерских Ближнего Востока [7, с. 6]

Сравнительное изучение памятников архитектуры, изобразительного искусства и археологии на широких территориях, в том числе в пограничных ареалах, наглядно показывает, как происходил процесс взаимообогащения культур народов Европы и Азии. При этом ярче оттеняются взгляды и вкусы местных мастеров, стремившихся переосмыслить и преобразовать иноземные реалии.

Омейядские халифы и их наместники многое заимствовали у покоренных народов, приобщаясь к разнообразным благам городской цивилизации. На первых порах завоеватели принимали местные формы архитектуры, перерабатывая их в соответствии с мусульманским вероучением.

Памятники раннемусульманского культового зодчества в Сирии создавали путем перестройки больших христианских церквей. При возведении мечети Омейядов в их столице Дамаске (705—715 гг.) базилику Иоанна Крестителя преобразовали в колонную («дворовую») мечеть. Продольные колоннады трехнефной базилики, превратившиеся в колоннаду молитвенного зала мечети, оказались расположенными поперек движения к михрабу: ориентировка здания изменилась. Мозаики мечети Омейядов обнаруживают связь с эллинистическими прототипами: пейзаж с рекой на переднем плане и группами деревьев включает причудливые здания с двухъярусными колоннадами, узорчатыми карнизами, фантастическими башнями со слегка вогнутыми коническими куполами. Эти мозаики местной сирийской школы, которая продолжала существовать и после завоевания Сирии арабами (к ней принадлежат и мозаики мечети Скалы в Иерусалиме), бросают свет на погибшее искусство иконоборцев. Другой пример перестройки большой христианской базилики — мечеть ал-Акса

в Иерусалиме, обновленная во второй половине VIII в. Сирийские центрические церкви в Эзре (510—515 гг.) и Босре (512—513 гг.) указывают на местные истоки композиции знаменитой центрально-купольной мечети Скалы (Куббат ас-Сахра), построенной в Иерусалиме в 687—691 гг. В основе храмов — своего рода ротонда, окруженная обходной галереей (в мечети Скалы — две галереи), которая заключена в кубический (в мечети — в восьмигранный) массив внешних стен. В основе центрических композиций раннесредневековых сирийских и месопотамских монументальных церквей и ранних мечетей эпохи усиления халифата (VII—VIII вв.) лежал принцип обширного внутреннего пространства. Всем этим зданиям присущи стремление к замкнутости, отсутствие разработанных фасадов («бесфасадность»). Пространство под куполом служило главным помещением для молящихся. Архитектура мечети Скалы близка к другим ранневизантийским центрально-купольным постройкам: церкви Сергия и Вакха в Константинополе (около 527 г.) и церкви Сан Витале в Равенне (526—547 гг.), но отличается от них иной трактовкой массы здания [8].

Монументальная светская живопись Омейядов, восходящая к эллинизирующим ранневизантийским и отчасти сасанидским традициям, отразила все стороны дворцовой жизни и особенно развлечения повелителя (росписи Кусейр-Амры — загородной резиденции омейядских халифов в Иордании, первая половина VIII в.; фрески замка Каср аль-Хайр аль-Гарби в Сирии, около 730 г.). Подобная настенная живопись, сочетавшая отвлеченные композиции и изобразительные мотивы, получила права придворного искусства. Сюжетными изображениями украшали стены дворцов правителей и знати, жилых домов горожан, бань и других светских построек. Общими темами с дворцовым искусством императоров-иконоборцев являлись репрезентативные образы государя в окружении приближенных, царские охоты, животные и птицы среди растений [9]

Дипломатические связи с арабами, а затем с турками-сельджуками, которых старались привлечь богатыми дарами, способствовали проникновению мусульманских архитектурных форм в столицу империи.

Как на Востоке, так и в Византии от придворного церемониала неотделима наука «создания чудес», призванная придавать блеск царской власти. Ал-Багдади сообщает, что когда в 917 г, из Константинополя в Багдад прибыли византийские послы, им показали дворец, где посреди водоема стояло дерево с 18 золотыми и серебряными ветвями, усыпанными разноцветными листьями. На ветвях сидели золотые и серебряные птицы. Стоило подуть ветру, как листья приходили в движение, а птицы начинали щебетать. Сходное описание чудесного дерева находим в «Шах-наме» Фирдоуси: «За троном шаха установили дерево, которое простерло тень над венцом и троном. Его ствол — серебряный, ветви его — из рубина и золота, на них — разнообразные гроздья самоцветов. Все листья и плоды из сердолика и изумруда свисают сверху, как серьги» [10, с. 92]

Космологическая символика тронной сцены под деревом, связанная с универсальными мифологическими представлениями о единстве царя и мирового дерева жизни как центра мира, вероятно, не была чужда мировоззрению византийцев. Одним из чудес, вызывавших изумление иноземных послов, стал знаменитый трон василевса. И правители стран ислама, и византийская государственная власть стремились средствами искусства воздействовать на психику «варваров», что передано в относящемся к 949 г. рассказе Лиутпранда, посла итальянского маркграфа Беренгария. По его словам, трон в зале Магнавра «как бы охраняли необыкновенной величины львы, не знаю — из бронзы или из дерева, но позолоченные. Хвостами они били по полу и, разинув пасть, подвижными языками издавали рычание. И вот в этот зал в сопровождении двух евнухов я был приведен пред лик императора. Когда при моем появлении зарычали львы, защебетали птицы, каждая на свой лад, я не испытал никакого страха, никакого изумления, потому что обо всем этом был осведомлен теми, кто это

хорошо знал. Но вот когда, склонившись пред императором, я в третий раз отвешивал поклон, то, подняв голову, увидел его, кого только что видел сидящим на небольшом возвышении, сидящим теперь чуть ли не под потолком зала и одетым в другие одежды. Как это случилось, я не в состоянии был понять» («Антаподосис») [11, с. 63]. Сходство сложных механизмов на мусульманском Востоке и в столице Ромейской империи может объясняться как взаимообменом в области технических новшеств, так и параллелизмом развития придворной культуры.

«Несмотря на... подчеркнуто трансцендентный характер художественного образа, последний никогда не становился в Византии абстрактной формой. Его основой всегда оставалась человеческая фигура, и именно это отличает Византию от Востока, где чистый орнамент и отвлеченная геометрическая трактовка нередко получали преобладание» [12, с. 18, 19]. Поэтому арабо-мусульманское искусство, в котором превалировали условно-декоративные формы, не могло оказать серьезного влияния на религиозное образотворчество Византии, входившее составной частью в сложную теологическую систему. Связи с искусством народов ислама, который категорически запрещал изображение живых существ, но способствовал развитию декоративности, не затрагивали основ традиционной христианской иконографии.

Художественные контакты Византии и мусульманского Востока отчетливо проявились в области светского императорского искусства, в котором в эпоху Македонской и Комниновской династий возрастает удельный вес восточных элементов. При постоянных связях с Багдадом внешняя сторона жизни аббасидских халифов, обставлявших свои дворцы с баснословной пышностью, ее праздничность привлекали высшее общество Византии. Политический престиж василевсов требовал такого же блеска и безудержной роскоши, какой окружали себя халифы и мусульманские князья. По словам Никиты Хониата, Мануил I Комнин «воздвиг и отлично украсил большую часть и тех великолепных зданий, которые стоят по берегам Пропонтиды и в которых ромейские цари ищут отдохновения, проводя здесь лето, как древние персидские властители в Сузах и Экбатане» [13, с. 266]

Усвоение и переработка в творческой атмосфере Константинополя и других крупных центров империи элементов художественной культуры Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии сказывались в формах светской утвари и украшений, технике и системе их декора, мотивах растительного и «звериного» орнамента. По эстетическим принципам византийская орнаментика X—XII вв. начинает сближаться с мусульманским декоративным искусством, которое тяготело к линеарности, а не к объему и основывалось на сложных геометрических построениях. Оно не терпело пустых пространств, заполняя плоскости сплошным ритмичным узором с симметричной гармонией и контрастным сопоставлением локальных цветов.

В искусство Византии ориентализмы проникали разными путями: 1) вывоз произведений прикладного искусства, используемых в качестве образцов местными художниками, способствовал обогащению их репертуара; 2) в Константинополе и других городах империи работали сирийцы, армяне, арабы, персы, сельджуки; на бронзовых дверях из Амальфи, исполненных в Константинополе (вторая половина XI в.)., читалось имя мастера: «Симеон сириец»; 3) космополитическое население Константинополя способствовало усвоению восточных обычаев и мод, бытовых реалий; столичные мимы даже создали собирательные комические образы «араба» и «армянина»; 4) источники сохранили сведения об арабских наемниках, мелких эмирах, служивших императору,— отсюда ценность восточного оружия в Византии.

Знакомство с искусством сасанидского Ирана, переданное через посредство позднейших омейядских, аббасидских и фатимидских образцов, охватило прежде всего предметно-декоративную сферу. Исламские запреты изображать живые существа не распространялись на украшения бытовых предметов, тканей,

керамики. Поскольку главной статьей торговли с Востоком были шелковые ткани, которые в Византии пользовались огромным спросом, то восточную и византийскую текстильную продукцию отличает особая близость. Группа византийских шелковых тканей, греческие надписи на которых выдают их происхождение, относится ко времени Македонской династии (на некоторых вытканы имена императоров). Исполненные в царских мастерских — гинекеях, они украшены изображениями слонов, львов, грифонов, восходящими к сасанидским шелкам. Если бы не надписи, а также не некоторые особенности техники и красочной гаммы, эти материи можно было бы отнести к сасанидским или их мусульманским имитациям. Начиная с X в. шелковые ткани с мотивами зверей, вписанных в круги, прочно вошли в обиход императорского дворца.

Сасанидские реминисценции, в том числе зооморфные и растительные орнаменты, прочно удерживались в прикладном искусстве народов ислама. Персы, арабы, сельджуки подражали повергнутым царям царей зороастрийского Ирана: они заимствовали титулы шахиншахов, носили крылатые короны, зачитывались поэмами, в которых прославлялись Сасаниды и их доблестные предки. Политические и религиозные потрясения VII в. далеко не сразу отразились в художественном ремесле Ближнего и Среднего Востока. Так, в мастерских Ахваза, города на юго-западе Ирана, продолжали изготовлять шелка по сасанидским моделям. Мусульманские князья усваивают костюмы из тканей, орнаментированных медальонами со зверями и птицами. Подобные материи служили образцами константинопольским мастерам. В свою очередь шелка византийского производства пользовались спросом в халифате. Известно, что в 768 г. на шелковые ткани обменяли христианских пленников.

Как на Востоке, так и при императорском дворе Константинополя образы реальных и фантастических животных на тканях сохраняли значение геральдических эмблем. Львы олицетворяли идею власти царя или героя. Царственное величие воплощали и орлы, символы небесной силы, огня и бессмертия, атрибут правосудия в светской эмблематике. Грифоны по сторонам древа жизни, символизировавшие могучих бдительных стражей, украшали одеяния императора, кесаря и других высших сановников. В эпоху Комнинов на одеждах придворных появляются изображения двуглавых орлов — мотива, популярного в искусстве Малой Азии. При последних Комнинах двуглавый орел стал их геральдической эмблемой. В греческих гинекеях подражали восточным шелкам с фигурами собаки-птицы Сенмурва — священного благостного существа, отразившего древнейшие космологические представления иранцев и сочетавшего символы всех стихий: крылья птицы, морду собаки и рыбий хвост. Возможно, при Сасанидах Сенмурв служил царской эмблемой. На византийских тканях VII—VIII вв. особое признание получил восточный сюжет героической царской охоты на львов в заповедных парках-парадизах («охота Бахрама Гура»). В противоположность античной традиции изображение предмета превращается в символ, своего рода «иероглифический знак», обладающий четким силуэтом и легко опознаваемый. Мир экзотических и фантастических животных пользовался огромной популярностью и в Византии, и на Востоке, где символизм был душой искусства. Львы и барсы, грифоны и слоны, сенмурвы и геральдически распластанные орлы, крылатые кони и павлины украшают драгоценные шелковые облачения и страницы рукописей, широко распространяются в архитектурном декоре и прикладном искусстве.

Не позднее VII в. среди византийцев появляется восточная мода — узкие кафтаны, характерные для тюркских конных лучников азиатских степей и, вероятно, проникшие на запад через посредство персов. Как можно судить по «Книге церемоний» и иконографическим материалам, во времена македонских императоров входят в повсеместный обиход парадные одеяния иранского происхождения. Греческая знать начинает носить кафтаны и длинное платье из парчи с узкими рукавами до запястий, украшенное орнаментом из медальонов с животными. Принятие восточных мод византийской аристократией убедительно дока-

зывается миниатюрами греческих рукописей. Так, в сборнике «Слов» Иоанна Златоуста (Париж, Национальная библиотека), который принадлежал Никифору III Вотаниату (1078—1081 гг.), четверо сановников вокруг императора представлены в шапочках и парчовых одеждах «иранского» покроя, орнаментированных львами в кругах и листьями плюща. В IX—X вв. униформой легкой греческой кавалерии становится скарамангий — перехваченный в талии кафтан с тесными рукавами. Скарамангий одевал и сам василевс, когда выезжал на коне, сопровождаемый кортежем приближенных и высших чинов армии. «Книга церемоний» утверждает, что скарамангий — официальный костюм магистров армии, стратигов, членов синклита, патрикиев и царских кувикуляриев (спальников). Возможно, удобные для верховой езды «персидские» костюмы типа скарамангия введены в Византии вождями вспомогательной варварской конницы [14, 15].

Параллельно с возрождением античных традиций в художественном ремесле при императорах Македонской династии усиливаются ориентализирующие черты. Дворцовое искусство Аббасидов, при которых расцветали придворная поэзия и музыка, проникнутые гедонистическими настроениями, утверждало величие сильнейшей державы ислама. Призванное доставлять чувственное наслаждение зрителям, оно отделялось резкой гранью от религиозного искусства с его иконоборческими тенденциями. Аристократическое искусство Аббасидов прославляло знатность и богатство повелителя, повышая его авторитет в глазах подданных. Властитель представал на троне в кругу семьи и приближенных, во время пиршества с участием музыкантов и танцовщиц, на войне и охоте. Таковы настенные росписи дворца Джаусак, раскопанного археологами в столице аббасидских халифов Самарре (836—839 гг.) к северо-западу от Багдада. Придворный художественный стиль периода расцвета Аббасидского халифата красноречиво воплотился в архитектуре, монументально-декоративной резьбе и живописи дворцов Самарры.

До X в. официальное искусство Византии служило орудием общественной пропаганды и, канонизируя образ автократора, не затрагивало его личной жизни. Интимность, гедонизм мусульманского придворного искусства оставались чужды имперскому гражданскому пафосу. Но постепенно древнеримские традиции изживают себя. С XI в. наряду с триумфальными темами (царские победы над варварами; всадник-самодержец празднует триумф; побежденные приносят дары в знак подчинения; торжества на ипподроме в честь «вечного победителя»; сцены героической охоты на крупных хищников; василевс, коронуемый Христом) появляются чисто светские, повествовательные сцены из жизни государей [16—18].

В эпоху Комнинов задачи императорского искусства Константинополя и придворного искусства ислама еще более сближаются. Вместо триумфальных образов власти и побед, вознесенных на недосягаемый пьедестал, в искусстве светского направления начинают преобладать сцены пиршественного церемониала, безопасных охотничьих потех и батальных подвигов, но перенесенных на почву народного эпоса («Дигенис Акрит») [19] По-видимому, искусство Ирана, хранившее сасанидские традиции,— главный источник восточных черт в искусстве Комнинов. Иранское влияние проникало через Киликийскую Армению и сельджукские территории Малой Азии, где в Конье (Иконии) — столице султаната Сельджукидов — жило много иранцев — грамотеев и каллиграфов.

Сравнительный анализ произведений прикладного искусства убедительно доказывает взаимовлияние византийских и восточных образов. При этом следует придерживаться строгой исследовательской методики. Менее всего значима общность сюжета: образы танцовщиц или охотничьи сцены можно найти в искусстве всех времен и народов. Несравненно более важно сходство иконографических и стилистических деталей, в особенности мелкие признаки исполнения, детали орнамента и пр. Важно и совпадение изображенных бытовых реа-

лий: корон, украшений, предметов вооружения, музыкальных инструментов, типичных для того или иного региона.

Например, два широких браслета с перегородчатой эмалью, найденных в Салониках, украшены пальметтами и цветками-звездами в постсасанидском стиле, распространенными в декоре периода Македонской династии. О популярности этих мотивов свидетельствуют тончайшие плетения с листьями и цветами в инициалах и заставках греческих рукописей конца IX—XI в. Некоторые из этих манускриптов выполнены по заказу императоров или высших сановников. Однако самобытный орнамент столичных миниатюр не находит точек соприкосновения с арабскими и персидскими книгами. Скорее он сформировался в результате взаимодействия с прикладным искусством — перегородчатыми эмалями, тканями и т. д. Запрет изображать живые существа в религиозном искусстве ислама привел к большей свободе восточных миниатюристов в иллюстрировании книг светского содержания: исторических хроник, эпоса, поэм, сборников басен и нравоучительных новелл. Не исключено, что иллюстрации к арабским рукописям, подобным «Макамат» аль-Харири, сыграли свою роль в усвоении придворным искусством Византии образов пирующего царя, охотника с соколом, развлекающих государя танцовщиц и акробатов, а также сцен «звериного гона» и торжественных приемов во дворце. Из комбинаций этих стандартных мотивов складывались богатые содержанием сюжетные композиции. С другой стороны, отмечено воздействие восточновизантийской школы Эдессы, Мардина и Дийарбакира на иранскую иллюстрацию XIII в.

Для архитектурного декора византийских церквей X—XII вв., особенно расположенных на территории Греции, характерен псевдокуфический узор, повторяющий начертания арабского шрифта [20]. Почерк «куфи», прямолинейный, угловатый, монументальный в своих формах, возник еще в VII в. и в связи с декоративной направленностью средневекового искусства Ближнего и Среднего Востока получил художественную разработку во всех странах мусульманского мира. Эстетически воспринимаемые орнаментализированные надписи покрывали стены монументальных построек; содержащие различные благопожелания, они украшали предметы быта. Надписи располагали в виде фризов или панно; каллиграфические элементы входили в узор, состоящий из геометрических и растительных мотивов, сливаясь с ним в единую орнаментальную композицию. Куфические и псевдокуфические элементы в архитектуре Греции делятся на шесть основных категорий. 1. Подлинные арабские надписи на каменных плитах конца IX — начала XI в. Плиты с изречениями из Корана найдены при раскопках афинской агоры и на о-ве Эвбея. Два мраморных фрагмента с верхними частями букв обнаружены при раскопках церкви в Коринфе (X в.?). Эти памятники можно связать с арабами, проживавшими в Греции (с колониями купцов или пленников?). 2. Псевдокуфические мотивы на керамических рельефных плитках, вкрапленных в наружную поверхность стен. Афины: церкви св. Апостолов на агоре, первая четверть XI в., Капникарея, третья четверть XI в., св. Феодоров, 1065 г.; католикон монастыря Дафни, четвертая четверть XI в.; церкви XI—XII вв. на островах Эвбея, Андрос, в Беотии; монастырь Хосиос Лукас в Фокиде, вторая четверть XI в.; церковь Панагии Халкеон в Салониках, 1028 г., а также церкви XI—XII вв. на о-ве Керкира и на Пелопоннесе: в Арголиде, Мессении, на п-ове Мани. Узоры, имитирующие арабские надписи и буквы, выполненные куфическим шрифтом, не содержат какого-либо текста. Они превращены в чистый орнамент, естественно сочетающийся с кладкой храма. 3. Кирпичная декорация наружных стен, происходящая от сильно стилизованных псевдокуфических элементов. Она представляет собой декоративные дорожки из кирпичей между рядами кладки — меандры или более сложные узоры, отдаленно напоминающие мусульманский каллиграфический орнамент. Этот тип декора в храмах XI—XIII вв. типичен для греческой школы византийского зодчества (Афины, Эвбея, Фокида, Фессалия, Магнисия, Эпир, Арголида, Лакония, Мессения, Мани и др.). 4. Скульптурные каменные карнизы,

архитравы, капители с псевдокуфическими элементами. Подобные архитектурные детали в сохранившихся церквах или найденные при археологических исследованиях известны на территории всей материковой Греции и на о-ве Эвбея. 5. Каменные рельефные плиты от алтарных преград, парапетов и саркофагов с псевдокуфическими бордюрами (хранятся в афинском Византийском музее, в музеях Коринфа и Мистры). 6. Псевдокуфические надписи во фресковых росписях церковных интерьеров, относящиеся к XI—XIV вв. (церковь Апостолов в Афинах, монастырь Дафни, Хосиос Лукас в Фокиде, храмовая живопись Македонии, Эпира, Лаконии).

Псевдокуфические мотивы в архитектурном декоре охватывают все провинции материковой Греции и ближние острова. Они представлены большим количеством памятников, связанных с увлечением узорной замысловатой красотой арабского художественного мира. Распространение имитаций куфических надписей в греческой орнаментике отражает влияние образцов каллиграфии на восточных тканях и в книжной миниатюре, где архитектурные фасады украшены эпиграфическими фризами на стенах, минаретах, балконах и дверях (рукописи «Макамат» аль-Харири, XIII в.), а также в византийской поливной керамике с псевдокуфическими бордюрами по краю бортика чаш. Прототипами служили произведения прикладного искусства Ближнего и Среднего Востока, в частности поливные сосуды IX—XIII вв., чей эпиграфический декор зачастую представляет собой не надписи, а подражание им. Распространение в Греции ложнокуфических узоров не нуждалось в присутствии мастеров из стран ислама. Псевдоарабские надписи, довольно точно воспроизводящие куфический шрифт или превращенные в орнамент, встречаются в византийской резной кости (на щитах святых воинов триптиха X в. с изображением сорока мучеников севастийских, Государственный Эрмитаж), в иллюстрациях греческих рукописей X—XI вв. Нельзя исключать и воздействия на греческое зодчество исламского архитектурного декора Северной Месопотамии, Сирии, Ирана, сельджукской Малой Азии, который состоит из геометрической плетенки, стилизованных растительных мотивов и надписей (резьба по стуку, кладка из фигурных кирпичей или покрытые рельефным узором терракотовые плитки).

В пластическом убранстве церквей X—XIII вв. получили распространение мотивы «звериного стиля», генетически восходящие к образотворчеству Древнего Востока, но переданные через посредство постсасанидских образцов [21—23]. Иранизирующее течение в архитектурном декоре представлено двумя большими мраморными рельефами конца IX — X в. (Стамбул, Археологический музей) с изображением сенмурвов. Из константинопольской северной церкви монастыря Липса, превращенной турками в мечеть Фенари-Исса, происходит несколько скульптурных фрагментов с традиционными иранскими мотивами (Стамбул, Археологический музей). Церковь основана в 908 г. видным сановником при дворе Льва VI — протоспафарием Константином Липсом. На одном фрагменте сохранилось крыло павлина, украшенное пышной пальметтой, на другом — заглубленная в фон фигура утки, инкрустированная цветной пастой. Лента на ее шее — типично сасанидская деталь. В руинах церкви конца македонского периода, раскопанной в Севастии во Фригии, обнаружены столбы алтарной преграды с зооморфными мотивами. Они исполнены гравировкой на мраморе, контуры рисунка заполняла цветная мастика. В переплетающиеся медальоны вписаны сенмурвы. Два симметричных льва помещены на рельефе музея в Халкис на о-ве Эвбея. Характерны для византийских монументальных рельефов геральдические изображения фантастических существ и зверей по сторонам древа жизни. На мраморной плите от алтарной преграды X—XI вв. Византийского музея в Афинах представлена симметричная композиция из двух львов. Стоя на задних лапах, хищники лакомятся плодами дерева, из-под корней которого вытекает источник. Композицию обрамляют псевдокуфические надписи. Другой рельеф Византийского музея — лев, пожирающий лань,— относится к числу сцен, излюбленных на Востоке. Лев, вцепив-

шийся в бегущую лань, вырезан на плите Музея турецкой и исламской культуры в Стамбуле; там же хранится рельеф с изображением быка, разрываемого двумя львами. На происходящем из Греции барельефе-стеле X—XI вв. (Лувр) представлены бык, два льва и два орла, рвущие друг друга.

Мраморная плита со львом, пожирающим лань, в числе других рельефов вмонтирована в кладку стены церкви Панагии Горгоэпикос в Афинах (так называемая Малая Митрополия), построенной в XII в. Разновременные рельефы, в том числе от алтарных преград разрушенных афинских церквей, образуют уникальное убранство фасадов храма, объединяющее позднеантичные, раннехристианские и восточные мотивы. Это подлинный музей византийской декоративной скульптуры, возрожденной при македонских императорах. К фантастической фауне мусульманского Востока относятся крылатые сфинксы, полудевы-полульвицы, обычные на иракских, сирийских и иранских бронзовых изделиях XII—XIV вв., а также на керамике Ирана того же времени. Сфинксы, сидящие по сторонам древа жизни, вырезаны на плите западного фасада Малой Митрополии. Похожие создания с человеческой головой в короне, львиным туловищем и крыльями, распространившиеся в мусульманском искусстве с конца XII в., украшают фрагменты малоазийского серебряного кувшина (Государственный Эрмитаж), иранскую шелковую ткань XII в. (Вашингтон, Музей тканей). В сельджукском декоре Малой Азии сфинксы и крылатые львы выступали как благожелательные существа. На другом рельефе Малой Митрополии видим орлов, борющихся со змеями,— мотив, чрезвычайно распространенный в мифологии и искусстве стран Азии. В древних мифологических структурах орла связывали с вершиной мирового древа, а хтоническую змею — с его корнями. В средневековье этот сюжет символизировал борьбу Христа с Сатаной.

Эстетике ислама не противоречат и принципы византийского архитектурного декора: преобладают плоские одноплановые рельефы на слегка углубленном гладком фоне. Источниками композиций в монументальной скульптуре могли служить ткани, особенно с животными и птицами. Павлины, клюющие плоды райского древа жизни (евхаристический символ бессмертия), на мраморной плите из музея в Воло подражают мотивам восточных шелков. Рядом с птицами вырезана псевдокуфическая надпись. Популярный в византийском искусстве павлин считался царской птицей. Рельефы церкви в Скрипу в Фокиде (874 г.), украшенные медальонами с животными внутри и сплошным растительным орнаментом, также напоминают узоры тканей. Известно, что Фивы и Коринф являлись ведущими провинциальными центрами византийского текстильного производства. Ткани могли стать одним из тех промежуточных звеньев, откуда скульпторы Греции черпали мотивы ближневосточного происхождения. Прототипами служили и произведения прикладного искусства, привезенные с Востока, или же их византийские реплики (египетские сосуды X—XI вв. из горного хрусталя, поливная керамика, художественный металл).

В X в. в Константинополе наладили производство полихромных керамических поливных плиток с орнаментом из розеток и пальметт, входивших в декоративное убранство зданий. Византийская архитектурная керамика пользовалась большим спросом: облицовочные плитки вывозили в Болгарию (Преслав) и даже в мавританскую Испанию. Установлено константинопольское происхождение поливных плиток в декоре соборной Большой Мечети в Кордове (заложена в 785 г., наиболее важные достройки относятся к X в.).

Узорно-сказочные восточные мотивы, утратившие первоначальный смысл, получили распространение на глазурованной посуде, которая представляла широкий низовой слой художественного творчества. Находки при археологических раскопках в Коринфе, Константинополе, на афинской агоре, в Херсонесе дают отчетливое представление об обиходной керамике, в декоре которой преобладают фольклорные звериные образы, дополненные растительными и геометрическими плетениями.

Уже наиболее ранние типы византийской поливной керамики, появляющей-

ся в период Македонской династии, тесно связаны с произведениями, изготовленными в Персии, Месопотамии, Египте (имитации куфических надписей) [24, 25]. Из раскопок в Коринфе происходит как импортная иранская посуда с люстровой росписью, так и местные имитации исламских изделий. На протяжении всего существования византийской поливной керамики (штампованной, граффито, полихромной) греческие гончары продолжали вдохновляться азиатскими моделями, хотя в целом она вполне оригинальна. Белоглиняные поливные блюда IX—X вв. с рельефным штампованным орнаментом обнаруживают сходство с восточной столовой посудой из металла. Благодаря сочетанию высокого рельефа и резьбы керамические блюда напоминают произведения торевтики, где выполненный чеканкой рельеф дополняли гравировкой. Парные изображения львов, орлиноголовых грифонов и птиц на днищах блюд восходят к излюбленным в искусстве Ближнего и Среднего Востока геральдическим композициям. Диковинные звери по сторонам дерева или цветка в изделиях гончаров играли роль неусыпных охранителей, оберегов содержимого сосуда. Увлечение экзотической фауной Востока продолжалось в XI—XIII вв., когда греческие керамисты перешли к производству монохромной и полихромной посуды, орнаментированной врезными линиями (граффито). Коронованные девы-птицы на блюдах из Херсонеса напоминают «сирен» в персидском художественном металле и керамике XII—XIII вв. К азиатским образам восходят крылатые сфинксы, барсы, зайцы среди растительных разводов. К восточным орнаментальным мотивам на керамике типа граффито относятся причудливые ленточные плетения, заимствованные из иранских и египетских люстровых изделий, псевдокуфические бордюры, плавно изгибающиеся стебли с пальметками, фоны из мелких спиральных завитков, аналогичных черневым завиткам в торевтике. Хотя в развитии византийской глазурованной керамики определенную роль сыграли сирийские, месопотамские и египетские изделия, иранское влияние явно доминировало. При археологических исследованиях в Коринфе найдено большое количество фрагментов иранской поливной посуды XI—XII вв., в том числе с росписью люстром, служившей образцами местным гончарам. В XIII в. в Коринф попадал и китайский фарфор.

Разноэтничный состав населения Византии, непрестанный демографический обмен между отдельными ее областями, развитая торговля и обширные дипломатические связи, привлечение на императорскую службу ремесленников и военных наемников разных стран — все эти факторы объединяли население империи в один культурный круг, внутри которого постоянно происходили ассимиляция и творческая переработка разнородных элементов.

Взаимообмен культурными богатствами — одно из главных условий развития средневекового общества. В процессе постоянных контактов с другими народами складывалась византийская цивилизация, культурные ценности которой распространялись и за ее пределы. И хотя Византия и мусульманский Восток представляли два особых мира, как будто непримиримо враждебных и несочетаемых, многообразное общение между ними не прекращалось. В ходе эволюционного обновления византийской культуры связи с арабскими странами и Ираном сыграли далеко не последнюю роль. Как и людей Запада, византийцев не покидало чувство очарования восточным миром, его мудростью и красотой. Сказочный Восток, этот край больших надежд, привлекал неисчерпаемыми богатствами: из далеких легендарных земель везли золото, слоновую кость и драгоценные камни, пряности и плоды.

Греческие художники усвоили искусство орнаментальной арабески, включавшей целую энциклопедию геометрических, растительных и звериных форм. Арабесковые композиции, близкие по ритмике и образному строю восточной музыке и поэзии, привнесли в византийское искусство тенденцию к орнаментализации изобразительных мотивов. В первую очередь это коснулось прикладного искусства и архитектурного декора. Заимствованные греческими ткачами доисламские зооморфные образы орнаментализируются и приобретают иной

смысл. Византийцы, живо ощущая притягательность восточного узора, этой «музыки для глаз», перенимали его стилистику: мерный ритм и повторяемость элементов, боязнь пустоты, плоскостно-силуэтную трактовку фигур. Изобразительные и орнаментальные мотивы, выработанные искусством Востока, получили распространение как в придворном искусстве Константинополя и светской знати, так и в демократической ремесленной среде горожан, переосмысливавших их в духе фольклорно-поэтических представлений.

Следует отметить, что связи с мусульманским Востоком не могли затронуть основ глубоко религиозного византийского искусства, призванного уводить верующего из реального мира в мир сверхчувственный. Художественная культура эпохи Македонской и Комниновской династий, впитывая некоторые восточные элементы, перерабатывала их в соответствии с собственными вкусами. Примеры заимствований дают представление прежде всего о миропонимании самих византийских мастеров, стремившихся передать в каждом образе «высшую истину» и «мысленную красоту».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иерусалимская А. А.* Великий шелковый путь и Северный Кавказ. Л., 1972.
2. *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. М., 1981.
3. *Даркевич В. П., Маршак Б. И.* О так называемом сирийском блюде из Пермской области // СА. 1974. № 2.
4. *Der Nersessian S.* Armenia and the Byzantine Empire. Cambridge, 1947.
5. *Розен Р. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883.
6. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
7. «Museum». 1983. № 137.
8. *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983.
9. *Grabar A.* L'iconoclasme byzantin. Dossier archéologique. P., 1957.
10. *Шукуров Ш. М.* «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М., 1983.
11. Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972.
12. *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. I. М., 1986.
13. Русск. пер.: Хониат Никита. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. I (пер. под ред. В. И. Долоцкого). СПб., 1860.
14. *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour de Byzance // Byzantion. T. I. Paris; Liège, 1924.
15. *Cumont F* L'uniforme de la Cavalerie orientale et le Costume byzantin // Byzantion. T. II. Paris; Liége, 1926.
16. *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantine. P., 1936.
17. *Grabar A.* Le succès des arts orientaux à la cour byzantine sous les Macédoniens // Münchner jarbuch der bildenden Künst. Folge 3. B. 2. München, 1951.
18. *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1978.
19. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
20. *Miles G. C.* Classification of islamic elements in byzantine architectural ornament in Greece // Actes du XII-e Congrès international d'études byzantines. T. III. Beograd, 1964.
21. *Тальбот Райс Д.* Иранские элементы в византийском искусстве // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.; Л., 1939.
22. *Miles G. C.* Byzantium and Arabs: relations in Crete and the Aegean Area // Dumbarton Oaks Papers. № 18. Wash., 1964.
23. *Grabar A.* Le rayonnement de l'art sassanide dans le monde chrétien // Atti del convegno internazionale sul tema: «La Persia nel Medioevo» (Roma, 31 marzo — 5 aprile 1970). Roma, 1971.
24. *Talbot Rice D.* Byzantine glazed Pottery. Oxford, 1930.
25. *Morgan Ch.* The byzantine Pottery // Corinth, Results of Excavation. V. XI. Harward: Harward Univ. Press, 1942.

Институт археологии
АН СССР, Москва

V. P. DARKEVICH

BYZANTIUM AND THE EAST

Summary

The article deals with a problem of economic and cultural interconnections beetween the Byzantine empire and the East from the borders of Asia Minor to China. The author uses the data of written sources, archaeology, history, architecture, painting and applied art which testify the variety of contacts of Byzantium with the Arab, Iranian, Transcaucasian and Central Asiatic cultural circle. These contacts were especially intensive in the 10th — 12th centuries. Some examples of eastern influences of the period of Macedonian and Komnen dynasties give the reader the idea of the process of transformation of some eastern motifs according to the local traditions.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ЭВОЛЮЦИИ АРХИЕРЕЙСКОГО ПОСОХА И ЕГО СИМВОЛИКИ

(так называемый «посох Никиты Новгородского»)

Древнерусским посохам духовных и светских лиц автор уже посвятил несколько публикаций [1—3]. При этом преимущественное внимание было уделено имеющемуся на них декору (зооморфным мотивам, а также композициям, иллюстрирующим повествовательный текст). Данная статья посвящена епископскому посоху, представляющему наибольший интерес с точки зрения его позиции в типологическом ряду архиерейских жезлов. Внимания исследователей заслуживают и сюжетные изображения на посохе, представленные каноническими образами христианской иконографии.

Так называемый посох Никиты Новгородского (рис. 1—3), сохранившийся в качестве реликвии в ризнице Софийского собора (в настоящее время — в Новгородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике), неоднократно привлекал к себе внимание исследователей [4, с. 157—160; 5, с. 259; 6, с. 122, 123, табл. XXII, *2*; 7, с. 99, 100, рис. 84—86], однако не получил до сих пор убедительной и однозначной трактовки. Этот посох не может быть отнесен к числу выдающихся произведений прикладного искусства. Тем не менее он представляет значительный интерес как памятник церковной археологии, проливает свет на эволюцию и символику архиерейского жезла. Особого внимания заслуживает вопрос о датировке посоха и в связи с этим о своеобразном наборе имеющихся на нем священных изображений.

Древнерусские архиерейские жезлы помимо своего самостоятельного значения привлекают к себе внимание еще по той причине, что их изучение может дать представление о несохранившихся посохах византийских епископов. Этот символ архиерейской власти, несомненно, был издревле известен в Византии. Однако конкретных данных о византийских епископских жезлах не дает ни церковная археология, ни иконография (посох не входил в число непременных атрибутов святителей и епископов ни на иконах, ни на миниатюрах).

Многие особенности посоха Никиты, как и практически любого русского памятника церковной археологии, теснейшим образом связаны с византийской традицией. Так, в данном случае два изображения святых, судя по особенностям сопровождающей надписи, воспроизводят образец византийского происхождения (по-видимому, произведение мелкой пластики), имевший греческие надписи. Особый интерес представляет неоднозначное и вместе с тем явно неслучайное отношение резчика и заказчика к иерархическому соотношению святых русского и византийского происхождения, о чем будет сказано дальше.

Посох традиционно рассматривается как реликвия, связанная с новгородским епископом Никитой. Однако имеющаяся на нем резьба несомненно должна быть датирована более поздним временем, чем деятельность этого святого, занимавшего новгородскую кафедру в 1096—1109 гг. Это очевидно, поскольку среди изображений святых на рукояти посоха представлены Петр — митрополит Московский (+1326) и Сергий Радонежский (+1392). Учитывая историю посмертного почитания Никиты, следует остановиться на дате 30 апреля 1558 г., когда произошло «обретение мощей святителя Никиты, новогородского чудо-

© А. В. Чернецов, 1991 г.

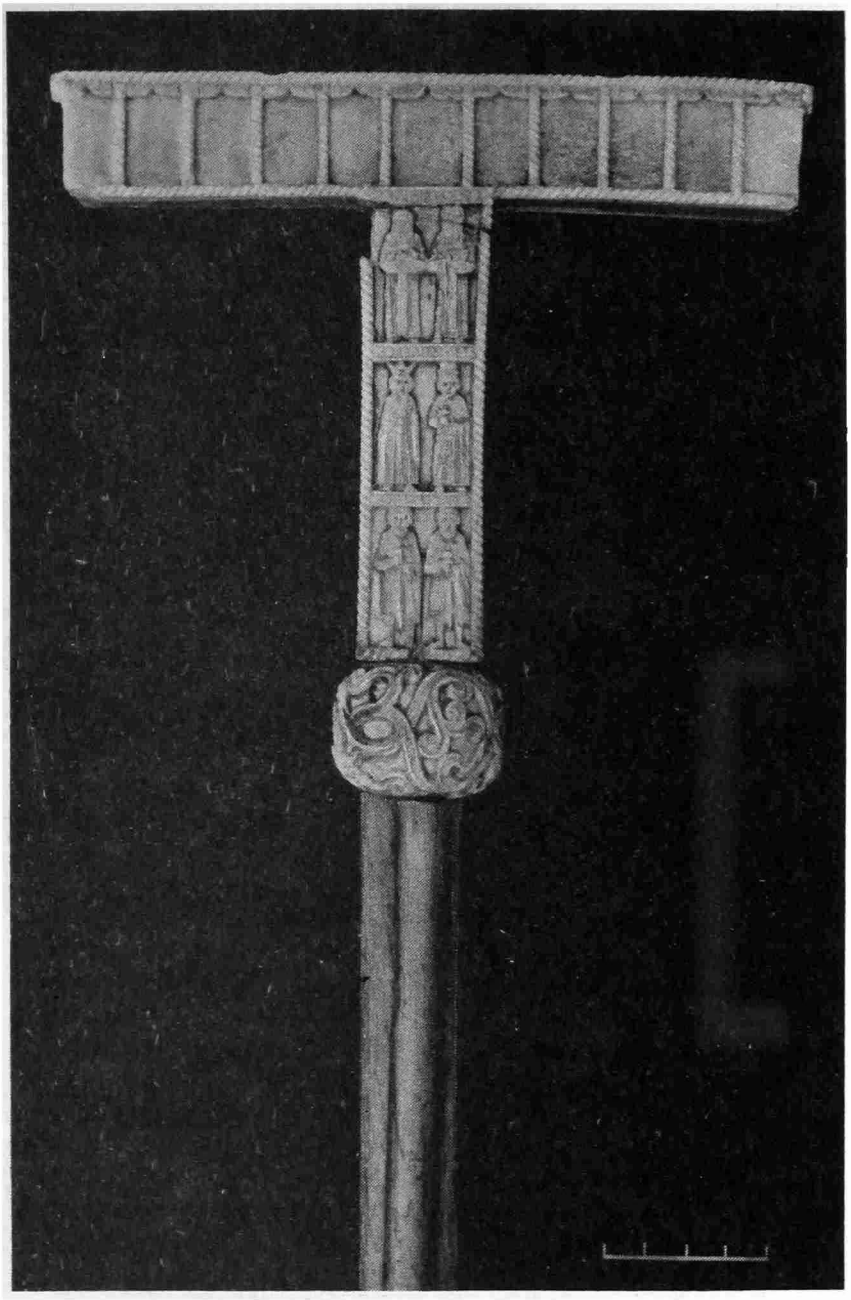


Рис. 1. Верхняя часть посоха Никиты

творца». Эта торжественная акция была связана с событиями Ливонской войны. В «Сказании об обретении мощей святителя Никиты» рассказывается, что в день этого события Никита явился русским воинам «в полцех русских ездя на коне на берегу реки Наровы в ризах святительских, у него же несть брады (черта традиционной иконографии Никиты.— *А. Ч.*), в руце имея жезл с крестом, прогоняя латин от полков русских» [8, с. 10]. Этот текст показывает, что обретение мощей использовалось в политических целях, причем была подчеркнута воинская символика жезла святителя. Составитель сказания воспроизвел литературный мотив, ранее использовавшийся русскими книжниками в связи с Куликовской битвой, где в той же роли выступал митрополит Петр [1, с. 106, 107, рис. 8; 9, с. 160]

Можно предположить, что посох Никиты был изготовлен в связи с обретением его мощей или же что в это время произошло приурочение к этому святому реликвии, с ним первоначально не связанной. В дальнейшем будет показано,

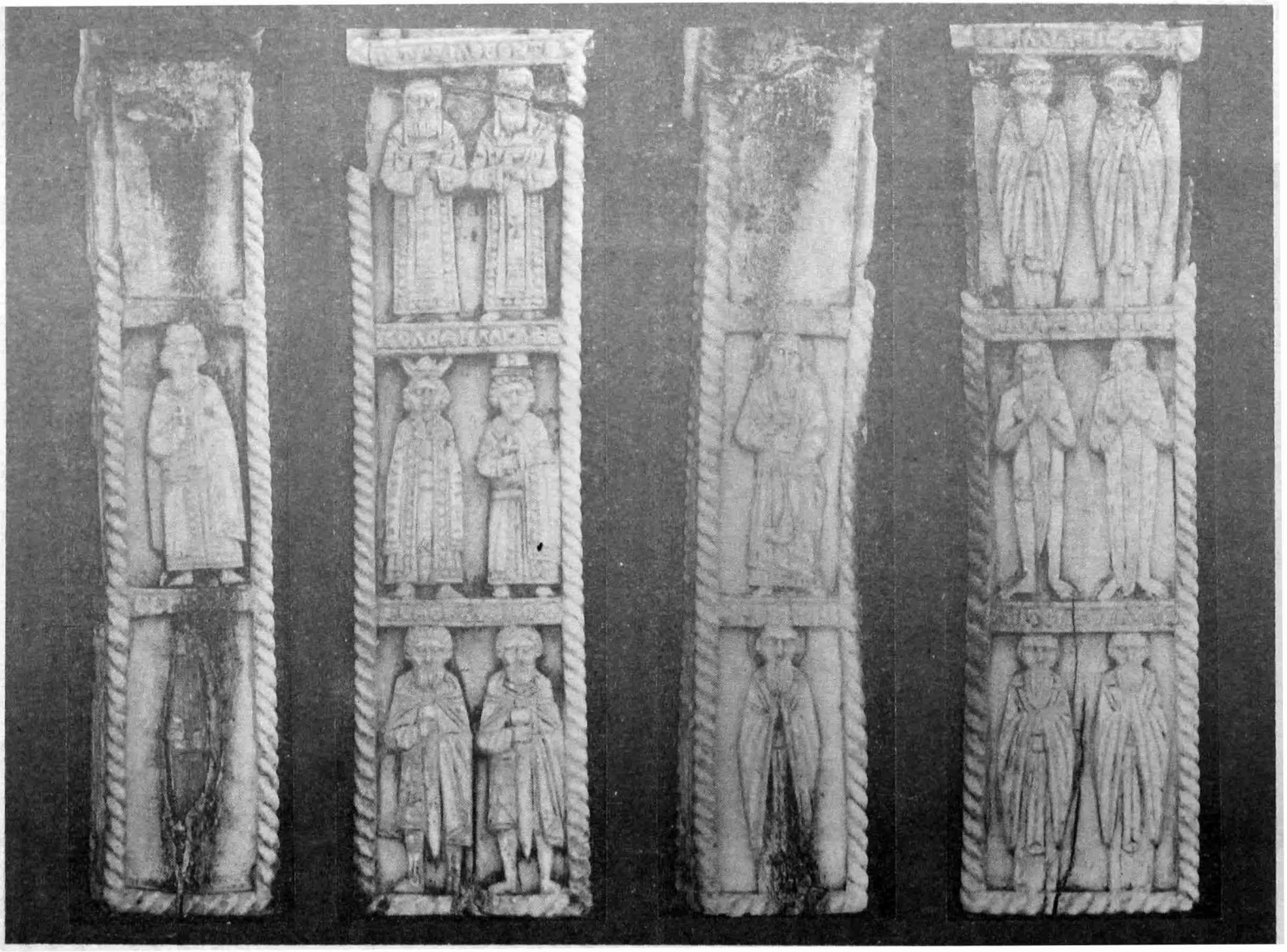


Рис. 2. Изображения святых на посохе Никиты

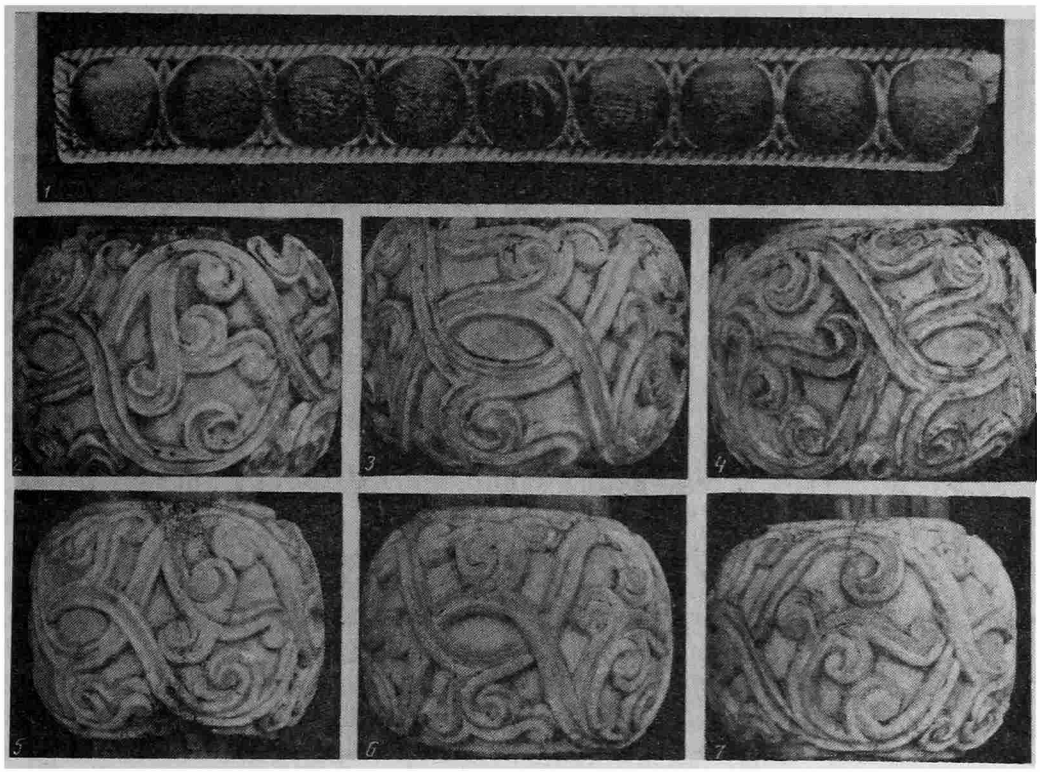


Рис. 3. Детали посоха Никиты. *1* — вид рукояти сверху; *2—4* — верхнее «яблоко»; *5—7* — нижнее «яблоко»

что наиболее вероятна вторая из этих версий.

Перейдем к рассмотрению посоха и имеющейся на нем резьбы. В отличие от других изучавшихся автором резных посохов, посох Никиты не имеет резных костяных цилиндрических колен и украшен исключительно глухой, а не прорезной резьбой. Основа посоха деревянная, резьбой украшены его рукоять и костяные «яблоки».

Несмотря на столь значительные отличия, оформление посоха Никиты в известной мере перекликается с особенностями исследовавшихся ранее посохов. Глухая резьба представлена на рукояти посоха Стефана Пермского. Рукоять посоха Геронтия и в настоящее время (после ремонта начала XVIII в.), и первоначально была украшена резьбой напроем. Вместе с тем она перекликается с резьбой посоха Никиты по характеру изображений. Костяное «яблоко» представлено на посохе Стефана, оно единственное на посохе и несет на себе надпись.

Длина сохранившейся части посоха Никиты 115 см (нижний конец утрачен — обгрызен паломниками). Посох имеет Т-образную рукоять, без каких-либо признаков изгиба перекладины книзу. Т-образная верхняя часть, по-видимому, изготовлена из лосиного рога и имеет прямоугольное сечение.

Длина костяной рукояти посоха по вертикальной оси 14 см, ширина верхней перекладины 18,2, ширина рукояти под перекладиной 3, ее толщина 2,2 см. Высота перекладины 3,1 см, толщина также 2,2 см. Ниже рукояти расположены три резных «яблока», изготовленных, по-видимому, из моржового клыка. Первое костяное «яблоко» помещено непосредственно под рукоятью. Его размер по вертикальной оси 3,3, максимальный диаметр в поперечном сечении 4,2 см; соответствующие размеры второго «яблока» 3,1 и 4,2 см. Размеры третьего «яблока» несколько меньше, чем первых двух, соответственно 2,9 и 3,9 см. Расстояние между первым и вторым «яблоками» 34 см, между вторым и третьим — 31,3 см. Основной ствол посоха образован тремя деревянными стержнями, округлыми в сечении.

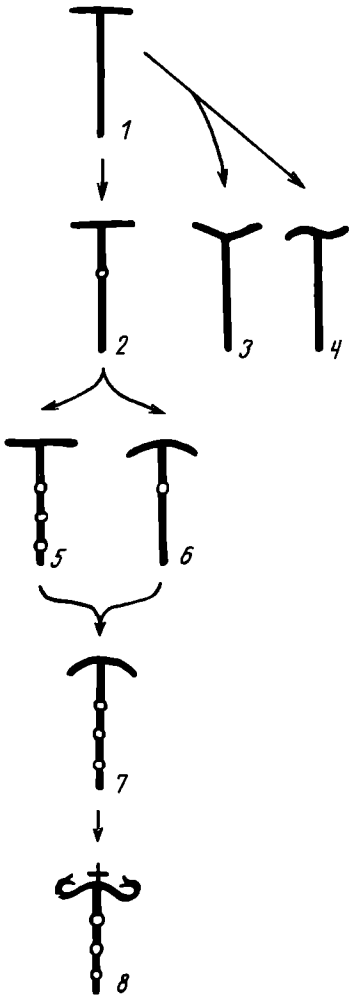


Рис. 4. Схема типологического развития Т-образных посохов

Наиболее любопытной особенностью формы посоха Никиты является прямая перекладина его рукояти, не имеющая характерного изгиба концами книзу, что было обычно для посохов православных епископов до XVII в. В настоящее время невозможно построить надежно доказанную типологию епископских посохов с конкретными хронологическим привязками. На сегодняшний день возможно лишь создание гипотетической схемы их эволюции (рис. 4).

Очевидно, на первое место должен быть поставлен исходный тип простейший тип Т-образного посоха, без изгиба рукояти и без дополнительных украшений (рис. 4, *1*). Такие посохи не являлись специфической принадлежностью епископов. В иконографическом материале начиная с XIII в. они представлены в руках случайных светских персонажей старцев, рядовых монахов и т. п. [10, табл. 107; 11, л. 141 об. и др.]. Отметим подобный посох у светского персонажа на тератологическом инициале XIV в. [12, табл. LXV, *17*]. Здесь показано устройство посоха: он разделен черточками на отдельные колена, по-видимому, костяные цилиндрические накладки, известные по резным посохам XV в. [1—3]. На фреске середины XVI в. (Воронец, Румыния) в виде простого Т-образного посоха с прямой рукоятью без «яблок» представлен жезл архиерея (митрополита Григория Рошка) [13, табл. 36]. Простейшая форма Т-образного посоха в конце XV в. была использована для великокняжеской регалии Ивана III [2, с. 7, 8, табл. 7]. При этом прослеживается определенная связь с епископским жезлом — декор великокняжеского посоха обнаруживает значительную близость с декором посоха митрополита Геронтия, хотя вместе с тем отличие посоха светского правителя от архиерейского жезла выражено вполне отчетливо.

На миниатюрах Лицевого летописного свода отличие епископских посохов от княжеских и царских подчеркивается тем, что концы рукоятей первых изогнуты книзу, а вторых — кверху (причем для тех и других представлены исключения с прямой рукоятью) [14, с. 119, 135, 136]. Возможно, посохи с отогнутыми кверху концами рукояти (рис. 4, *3*) — условная иконографическая черта, не имевшая соответствия в реальных вещах. То же, возможно, относится к специфическим жезлам, символизирующим на миниатюрах Свода власть веча. На трех миниатюрах Лицевого свода они представлены с S-образно изогнутой рукоятью (наподобие ручки современных тростей — рис. 4, *4*) [14, с. 125, 126, рис. 35; 15, л. 834; 16, л. 1184 об.]. На миниатюре Радзивилловской летописи (конец XV в.) жезл в роли символа веча представлен с простой прямой рукоятью [14, с. 39, 40, рис. 10] Отметим посох с рукоятью, концы которой изогнуты кверху на сербской иконе конца XIV в. «Предста царица» [17]. Значение этого посоха не может быть трактовано однозначно, так как иконография отражает представление о Христе и как о царе, и как об архиерее.

Т-образные посохи духовных лиц были известны также в Западной Европе [18, с. 3]. Здесь, в частности, встречаются подобные посохи с круглым украшением («яблоком») ниже рукояти (рис. 4, *2*) [19, илл. 60]. На Руси Т-образные посохи с одним «яблоком» в верхней части также известны, хотя здесь более распространена форма посоха с несколькими «яблоками», расположенными равномерно на основе посоха. Т-образные посохи с одним «яблоком» и слабо-

изогнутой рукоятью (рис. 4, *6*) довольно часты на миниатюрах Лицевого летописного свода (А. В. Арциховский даже считает этот тип господствующим [14, с. 135, 136]; это не совсем точно — многие епископские посохи на миниатюрах изображены без «яблок»; в отдельных случаях показано несколько «яблок»). Так называемый посох Стефана Пермского (60-е годы XV в.) имеет одно костяное «яблоко», украшенное позолоченными металлическими накладками в верхней части, ниже — ряд плоских «обоймиц» [3]. Посох митрополита Петра вообще лишен «яблок», на нем имеются только обоймицы [20, с. 34, 35] Фигура, напоминающая навершие Т-образного посоха с одним «яблоком», встречается на каменных надгробиях конца XV — начала XVI в. из Твери [21, с. 27—31]. На этих изображениях рукоять прямая. На золоченных дверях Благовещенского собора Московского Кремля (первая половина XVI в.) процветший жезл Аарона (кн. Числ, 17, 8) имеет в верхней части единичное «яблоко» [22, табл. 11]. Концы рукояти посоха изогнуты кверху. На более поздних золоченых дверях Успенского собора Московского Кремля и Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме, сделанных в конце XVI в. по образцу дверей Благовещенского собора, жезл Аарона не имеет «яблок»; изгиб рукояти концами кверху сохранен.

Важнейшим доказательством бытования на Руси епископских посохов с прямой рукоятью является посох Никиты (рис. 4, *5*). Здесь, однако, мы имеем дело с той стадией типологического развития, когда посох имеет не одно, а несколько «яблок». В дальнейшем обе тенденции типологического развития — изгиб рукояти концами книзу и увеличение числа «яблок» — объединяются. Классический тип древнерусского архиерейского жезла представлен посохом Геронтия (рис. 4, *7*) [2, с. 7, табл. 1]. Отметим, что в данном случае самое верхнее «яблоко» имеет свою специфику — оно хрустальное, тогда как нижележащие — серебряные золоченые. Изгиб рукояти посоха книзу был известен в Византии. Симеон Солунский пишет о сходстве рукояти епископского жезла с якорем [23, с. 265].

В XVII в. форма русских епископских посохов претерпевает дальнейшие изменения. Появляются изогнутые рукояти, вначале книзу, а затем вверх и внутрь и завершающиеся змеиными головками (рис. 4, *8*). В середине рукояти подобных посохов обычен крест [20, табл. X, *5*; 24, с. 34]. Такие посохи осуждались старообрядцами как новшество, связанное с Никоном, причем изображения змей представлялись им доказательством нечестия [25, с. 92; 26, с. 8] [1] Известны изображения демонов с подобными жезлами в старообрядческих рукописях [27, табл. 189, 213; 28, с. 529; 29, л. 176] В литературе, однако, указывалось, что подобные навершия архиерейских жезлов известны в более раннее время и имеют греческое происхождение [20, с. 34, 35]. Типологический переход от посохов с рукоятью, изогнутой книзу, к посохам «со змеями» не вполне ясен. Не исключено влияние католических посохов с навершиями-волютами, которые в данном случае как бы удвоены. В связи с этим вопросом отметим также особенности так называемой «мечевидной» фигуры, встречающейся на амулетах-змеевиках с изображениями Косьмы и Дамиана и единичного неизвестного святого [21, с. 115; 30, с. 358—362] Основная часть навершия фигуры сходна с рукоятями епископских посохов, отогнутыми книзу, но над нею в середине представлены завитки, закрученные навстречу друг другу, к центральному элементу, что напоминает расположение змей и креста на позднейших архиерейских жезлах.

Посохи с рукоятью, изогнутой книзу, могли иметь на концах рукоятей изображения звериных морд. Такую рукоять имел до ремонта начала XVIII в.,

---

[1] «Никон патриарх со властьми зделал посохи со змиями, и то они взяли от жидовства, по чину егда Моисей вознесе змию во пустыни» [25, с. 92]; «Никон, отметнув святый жезл Петра чудотворца, повеле его своим страдником в нужную яму вкинути (на самом деле этот посох сохранился и даже подвергся поновлению в 1677 г., причем архаичный тип рукояти был сохранен.— *А. Ч.*), а на своем скверном жезле змии антихристови немецкою хитростию устрои» [26, с. 8]

судя по описи 1690 г., посох Геронтия («во главе (т. е. на перекладине рукояти) по концам резаны две главы львовые») [5, с. 259, 260]. Текст описи характеризует первоначальную рукоять посоха, изготовленную в конце XV в. Архиерейский жезл с рукоятью, завершающейся зооморфными головами, может рассматриваться как достаточно близкий типологический предшественник посоха «со змеями».

Переходим к описанию резных изображений на посохе Никиты. Рукоять посоха оконтурена вдоль своих граней выпуклым валиком, разделанным косыми нарезками. С обеих сторон перекладина рукояти разделена на 11 киотцев, разделенных между собой такими же валиками. В верхних частях киотцев имеются надписи, причем они разорваны посередине клиновидным заострением, как бы придающим киотцам в верхней части вид килевидной арочки. На нижней части рукояти, вытянутой по вертикали, киотцы не имеют заострений в верхней части; верхние киотцы отделяются от нижних не валиком, а надписями. На верхней грани рукояти посоха имеются 9 круглых киотцев.

Все киотцы на перекладине рукояти в настоящее время лишены каких-либо изображений. Можно было бы предположить, что изображения наклеивались и впоследствии были утрачены. Действительно, перекладина изготовлена из той части рога, на которой сильно выступает губчатая структура, в силу чего она мало пригодна для миниатюрной резьбы. Вместе с тем есть основания полагать, что этих резных изображений вообще не было и работа по украшению посоха не была окончена. Об этом свидетельствует то, что на одной из сторон перекладины рукояти подписи вырезаны только в трех центральных киотцах, хотя несомненно, что все 11 киотцев были предназначены для изображений святых.

Отметим, что среди сохранившихся резных изображений на нижней части рукояти, вытянутой по вертикали, одно, по-видимому, изготовлено на отдельной пластинке и наклеено. Это изображение святого Бориса, слегка перекосившееся в киотце. Очевидно, на место, выделенное для этого святого, пришелся участок с губчатой структурой. Полные фигуры других святых на этой части рукояти (за исключением, возможно, утраченного изображения Сергия) были вырезаны непосредственно на роговой основе рукояти.

Незавершенный характер резьбы посоха является аргументом против того, чтобы считать, что он был изготовлен в ходе подготовки к торжественной церемонии обретения мощей. Думается, что в таком случае работа над реликвией была бы доведена до конца. Отметим, что незавершенные изделия древнерусского прикладного искусства иногда встречаются даже среди тех из них, отделка которых отличается исключительной детализацией (складень Лукиана 1412 г., верхний святой на правой створке) [31, с. 91, рис. 2].

Рассмотрение резьбы начнем с разбора надписей, имеющихся на посохе. На той стороне перекладины рукояти, где надписи имеются во всех киотцах, они читаются следующим образом: 1 (начало утрачено) — ОМ (или ОЛЛ), 2 — ВАСЛПІ, 3 — ПЕТР, 4 — МИХ, 5 — МР ѲУ, 6 — ІС ХС, 7 — ІѡNA, 8 — ГАВР, 9 — ПАВЛ, 10 — ІВNАЗ, 11 — ГРИГ Надписи позволяют восстановить изображения обычной иконографии деисуса. Несмотря на не вполне четкие и правильные надписи, все персонажи, кроме самого первого, могут быть уверенно определены следующим образом: Василий Кесарийский, апостол Петр, архангел Михаил, Богородица, Христос, Иоанн Креститель, архангел Гавриил, апостол Павел, Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин. Первый персонаж по соблюдавшемуся в композиции деисуса принципу симметрии должен быть святителем, подобным Василию Кесарийскому, Иоанну Златоусту и Григорию Назианзину. Наиболее вероятные варианты — Афанасий Александрийский и Николай Мирликийский. По-видимому, в данный деисус входил последний — плохо читаемые буквы «ОМ» или «ОЛЛ», вероятно, представляют собой окончание имени Никола («ОЛА»).

Надписи на трех центральных киотцах с другой стороны перекладины ру-

кояти читаются: ПЕТР, IC XC, ПАВЛ. Чтение надписей и установление персонажей сомнений не вызывает. Очевидно, в данном случае предполагалось представить разновидность деисуса, причем Христос изображался в окружении апостолов. Отметим, что в данном случае все 12 апостолов не могли быть изображены, так как киотцев только 11, причем один из них был предназначен для изображения Христа.

Киотцы, в которых предполагалось поместить изображения святых, имеются не только на фронтальных поверхностях перекладины рукояти, но и на торцовых ее гранях, причем сохранилась только одна надпись. Если считать лицевой стороной рукояти ту, на которой представлен обычный деисус с Иоанном Крестителем и Богородицей, то сохранившаяся надпись расположена на правом конце перекладины. Она читается ЕГОРЕ.

Перейдем к надписям на нижней части рукояти, вытянутой по вертикали. В каждом киотце на фронтальных сторонах представлены по две фигуры святых, а на торцовых — по одной. Следуя уже принятому допущению о том, какую сторону рукояти рассматривать как лицевую, начнем с надписей на ней сверху вниз: ПЕТРЪЙЛЕВОНТЕ, ВОЛОДИМГЛѢБ; ФЕДОРЪФЕДОРЪ. На оборотной стороне: ЕѲИМЬКАІСАВА; АНУФРЕИМАКАР; ѡНТОНЕѲЕДОСЕ. На торцовых гранях: на правой — СЕМИѡЪГ; АРСЕНЕІ, на левой — БОРИСЪ; СЕРГЕИ.

Идентификация большей части святых трудностей не вызывает. Представленные в виде святителей Петр и Леонтий — несомненно Леонтий Ростовский и Петр, митрополит Московский; Владимир, Борис и Глеб — бесспорно русские князья, причисленные к лику святых. Евфимий Великий и Савва Освященный — известные основоположники традиций монашества. Онуфрий и Макарий Египетский — известные египетские пустынники, обычно изображавшиеся парой. Антоний и Феодосий — несомненно основатели Киево-Печерского монастыря. Изображенный рядом с ними Сергий, по-видимому, также русский подвижник — Сергий Радонежский. Два Федора, которым придан совершенно одинаковый облик воинов с небольшой бородой, очевидно, Феодор Тирон и Феодор Стратилат. Менее ясен Арсений, представленный в виде монаха, рядом с изображениями русских святых. На торцовой поверхности перекладины рукояти предполагалось поместить изображение Георгия Победоносца; по-видимому, в другом, несохранившемся торцовом киотце должен был быть изображен еще один святой воин, наиболее вероятно — Димитрий Солунский.

Начертания букв на посохе Никиты не дают оснований для бесспорной датировки по палеографическим данным. Это обусловлено специфическим примитивизированным начертанием букв в резьбе по кости. Следует учитывать встречающееся в резьбе по кости и дереву длительное сохранение архаичных палеографических черт. Все же отметим, что по некоторым показателям начертания букв на посохе Никиты более архаичны, чем надписи на посохе Стефана Пермского (изготовлен до 1473 г.). В данном случае используется одномачтовое (как в резьбе троицкого резчика середины XV в. Амвросия), а не трехмачтовое Т; перекладины букв И и Н имеют менее значительный перекос, чем в надписях посоха Стефана. Так же, как и в надписях на посохе Стефана, многочисленны ошибки. В вещевой палеографии середины XVI в. грубые ошибки в надписях становятся гораздо более редкими, чем в XV в. и в более ранее время (по-видимому, к этому времени произошло значительное распространение грамотности в среде ремесленников). Таким образом, палеографические данные свидетельствуют приблизительно о середине XV в. как о наиболее вероятной дате изготовления посоха.

Чрезвычайно интересна особенность надписи над изображением Евфимия и Саввы — «ЕѲИМЬКАІСАВА». Предположение, что святого могли назвать уменьшительным именем «Ефимька», кажется крайне маловероятным. Подобные примеры в русской эпиграфике неизвестны, хотя случаи искаженного написания имен святых нередки. Если отбросить эту возможность, то тогда вся

надпись может быть прочтена только одним образом: «ЕѲИМЬ КАІ САВА», где «καί» — греческое слово, в переводе соответствующее русскому союзу «и». Русский союз «и» действительно имеется в подобной позиции в другой надписи того же посоха — «ПЕТРЪІЛЕВОНТЕ». Хотя среди надписей на русских иконах греческие слова встречаются (преимущественно ἅγιος — святой), случай употребления единичного греческого слова в подобном контексте остается уникальным. Можно полагать, что изображения в данном киотце и сопровождающие их надписи воспроизводят византийский оригинал (на все изображения рукояти посоха влияние этого оригинала распространить нельзя, поскольку среди изображений имеется значительное число русских святых).

Перейдем к рассмотрению изображений святых. Оба святителя представлены в саккосах, в клобуках, с омофорами, украшенными четырехконечными крестами. Концы омофоров украшены каймой в несколько рядов. Снизу и с боков саккосы украшены рядами бусин (жемчужин). Подобным образом оформлены и завершения рукавов. Персты правой руки обоих святителей сложены для благословения; левой рукой оба придерживают на груди книгу. Князья Борис и Глеб представлены в плащах и княжеских шапках, под плащами подпоясанные кафтаны. По краям и кафтанов, и плащей декоративная кайма, сходная с имеющейся на саккосах святителей. В правой руке оба князя держат крест (символ мученичества), левой поддерживают полу плаща изнутри. В соответствии с иконографической традицией Глеб—юный, безбородый, а Борис — с бородой. Одежда и головной убор Владимира отличаются от представленных у двух описанных князей. На его голове корона с тремя треугольными зубцами (царский венец), в роли верхней одежды выступает не плащ, а кафтан, имеющий рукава преувеличенной длины (сравни одежды «неверных» князей на шестом колене посоха Стефана Пермского) [3, с. 228, рис. 10.] Судя по наличию короны, Владимиру хотели придать облик царя. Верхний кафтан с преувеличенными рукавами мог фигурировать в древнерусском искусстве так же, как царская одежда; в букваре Кариона Истомина изображение подобного кафтана сопровождается подписью «диадима» [32, табл. XX]

Воины, как и князья Борис и Глеб, представлены в плащах, но без расшитой каймы по краям. В правой руке оба держат за рукоять меч, лезвием книзу. Под плащами видны кольчуги или пластинчатые доспехи, доходящие приблизительно до колен. Оба воина представлены с обнаженными головами, с небольшими бородами. Обувь трактована обобщенно. Все пять сохранившихся фигур преподобных — Евфимия, Саввы, Антония, Феодосия и Арсения — отмечены исключительным однообразием. Все они представлены в схиме с обнаженными головами (куколь откинут назад). Руки сложены перед грудью и полностью скрыты краями мантии. Некоторые различия прослеживаются только по длине бороды. Отшельники Онуфрий и Макарий изображены в соответствии с иконографической традицией обнаженными, их руки представлены в молитвенном положении перед грудью. У обоих отшельников показаны длинные волосы, спускающиеся на плечи; исключительно длинные бороды — у Онуфрия чуть ниже колен, у Макария до земли. Тело Макария представлено заросшим волосами. Трактовка ног у этих святых несколько более подробная, чем у всех прочих персонажей на рукояти посоха,— на их левых ступнях выделены пальцы (т. е. показано, что святые босы).

Последний персонаж, представленный в резьбе посоха,— Симеон. Он представлен в иконографическом типе пророка, в хитоне и гиматии. У Симеона большая борода и длинные, спускающиеся на плечи волосы. Одна рука перед грудью в благословляющем жесте, вторая опущена, держит свиток. Подобный облик характерен для некоторых изображений Иоанна Крестителя [33, табл. 59]. В данном случае перед нами Симеон Богоприимец. В надписи «СЕМИѡЪГ» (наличие «ъ» после гласной — явная ошибка) следует сделать конъектуру и читать вместо «ъ» сходное по начертанию «б».

Резьба на посохе Никиты по стилю отличается от декора посохов, изго-

товленных кремлевскими мастерами (для которых характерна значительно более объемная трактовка образов), и приближается к графичному стилю резьбы на посохе Стефана Пермского. Такой стиль был широко распространен в русской миниатюрной резьбе по дереву и кости XV—XVI вв.

Несмотря на отсутствие многих изображений в киотцах рукояти посоха Никиты, имеются определенные основания для того, чтобы восстановить характер ряда отсутствующих изображений. Несохранившееся изображение Сергия Радонежского, по-видимому, было сходно с изображениями других преподобных на рукояти посоха (поскольку все сохранившиеся, представляющие святых как византийского, так и русского происхождения, имеют вполне однообразный облик). Судя по размерам киотцев на перекладине рукояти, в них должны были находиться не полные фигуры, а полуфигуры. В лишенных надписей круглых киотцах на верхней грани рукояти, вероятно, должны были находиться изображения шестикрылых ангелов. Кроме самой формы этих киотцев в пользу такого предположения свидетельствует наличие изображений таких ангелов на том же месте рукояти посоха Геронтия. Шестикрылые ангелы в кругах изображены также на рукояти посоха Стефана Пермского (но на боковых ее поверхностях).

Резьба посоха Никиты обнаруживает значительное сходство с декором рукояти посоха Геронтия как до, так и после ремонта начала XVIII в. Это композиции типа деисуса из полуфигур святых на перекладине рукояти и ряды полных фигур святых на примыкающей к ней верхней части посоха, а также изображения шестикрылых ангелов. Резьба обоих посохов, а также опись первоначального вида одного из них, перекликаясь и взаимно дополняя друг друга, показывают наличие у них общего прототипа, имевшего устойчивую иконографическую схему. Есть основания видеть в подобном наборе изображений на епископских посохах отражение древней традиции, весьма вероятно бытование архиерейских жезлов с подобными изображениями в Византии. Об этом косвенно свидетельствует наличие редкого эллинизма в надписи на рукояти посоха Никиты, указывающего на использование резчиками византийского образца.

Отметим существование непринципиального различия декора посохов Никиты и Геронтия. Священные изображения на рукояти последнего как до, так и после ремонта были резаны «на подзоре медном золоченом», т. е. здесь была использована резьба напроем, а не глухая, как на посохе Никиты. Форма рукояти посоха Никиты и общий характер изображений на ней, как это было справедливо отмечено Г. Н. Бочаровым, имеют сходство с деревянными и каменными памятными и придорожными крестами [7, с. 99; 34, с. 116, 118, рис. 65].

Необходимо отметить, что композиции типа деисуса и отдельные фигуры святых не были непременной принадлежностью рукоятей всех епископских посохов XV в. Об этом свидетельствует серебряная рукоять посоха новгородского епископа Евфимия II, изготовленная в 1436 г. [35, с. 19, табл. V, *1*], которая была украшена декоративной надписью и монограммой владыки, а также рукоять посоха Стефана Пермского [3, с. 220, рис. 3], на которой представлены изображения шестикрылых ангелов в кругах, надпись и растительный орнамент.

Оценивая набор святых, представленный на посохе Никиты, имеет смысл сопоставить его с известными двусторонними таблетками Новгородского Софийского собора (рубеж XV—XVI вв.). На них мы видим парное изображение двух святых Феодоров, изображение Бориса, Владимира и Глеба, что находит близкое соответствие в размещении аналогичных образов на посохе. Как и на посохе, на таблетках вместе изображены Евфимий и Савва, Петр и Леонтий, Антоний и Макарий (к этим парам на таблетках в каждом случае добавлен третий святой). Показательно, что Петр митрополит представлен в паре с Леонтием, при отсутствии Алексея митрополита [36, табл. VII, XIII, XVIII, XX, XXII] Очевидно, в ряду образцов, использовавшихся для создания резьбы посоха,

были произведения иконописи или миниатюры, связанные с церковными святцами, вероятно, те же самые, которые использовались и при создании таблеток.

«Яблоки» посоха Никиты несут на себе сходный орнамент, представляющий собой разновидность вьюна, осложненного закрученными отростками. Этот орнамент состоит из двух переплетающихся стеблей, которые при этом образуют то большие, то малые петли. Внутри каждой большой петли помещается один крупный побег, с двумя небольшими закрученными отростками и одним более длинным, центральным, вытянутым в продольном направлении и также закрученным на конце. Наряду с таким тройным побегом внутрь каждой большой петли обращены также еще по два малых одинарных закрученных отростка. Кверху и книзу от малых петель отходят крупные тройные побеги, аналогичные крупному побегу внутри больших петель. При этом верхний и нижний побеги развернуты в противоположные стороны.

Г Н. Бочаров предполагает, что рукоять посоха Никиты, которую он датирует XVI в., и его «яблоки» разновременны, и относит последние ко времени исторического епископа Никиты, т. е. к рубежу XI—XII вв. [7, с. 99, 100]. При этом в качестве аналогии приведен орнамент фресковой росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде. Определенные основания для такого разделения дает тот факт, что «яблоки» и рукоять изготовлены из разного материала (лосиный рог и моржовый клык). Представляется, что, прежде чем допустить такой хронологический разрыв между изготовлением рукояти и яблок, следует выяснить, не могут ли они относиться к одному и тому же времени. Более или менее сложные разновидности вьюна характерны для декоративного искусства XV в. Побеги с тремя закручивающимися отростками, из которых средний отличается значительной длиной, известны в резьбе по камню XV в. [37, с. 197, рис. 129]. Вьюн с крупными побегами, обращенными внутрь вогнутой части побега, куда обращены также мелкие закрученные отростки, как и на «яблоках» посоха Никиты, то противопоставленные крупному побегу, то закрученные в ту же сторону, представлены на детали оклада иконы рубежа XIV—XV вв. из собрания Загорского музея [38, с. 136, рис. 66]. Таким образом, декор «яблок» имеет аналогии в памятниках той же хронологической группы, что и изображения и надписи рукояти, и, очевидно, должен датироваться тем же временем.

Рассмотрим особенности расположения святых на рукояти посоха Никиты. Остановимся на менее традиционном наборе образов, помещенных под обоими деисусами. Сразу же бросается в глаза принципиально различный набор святых на обеих фронтальных поверхностях рукояти. На одной стороне образы святых образуют своеобразную социальную пирамиду. Ее возглавляют русские святители, ниже представлены русские князья, под ними — святые воины. На другой стороне представлены исключительно монахи, причем среди них русские занимают место в самом нижнем ярусе. В верхнем ряду изображены основатели монашеских традиций, в среднем — выдающиеся отшельники, в самом нижнем — основоположники русского монашества. Таким образом, две стороны рукояти представляют собой, с одной стороны, иерархию земную, с другой — духовную, иноческую (напомню, что сан монаха рассматривался как «ангельский» образ). Наличие среди представителей земной иерархии святителей вполне естественно, так как епископы были облечены значительной мирской властью. Несмотря на то что епископы давали обет безбрачия и, как правило, поставлялись из числа монахов, они, как представители белого духовенства, могли в известном смысле быть противопоставлены монахам — подвижникам по преимуществу.

Та сторона рукояти, изображения на которой отражали представление о земной иерархии, несла в верхней части обычный, основной вариант композиции деисуса. Очевидно, именно эта сторона рукояти была основной, лицевой. Имеющиеся на ней изображения были адресованы массе верующих; они указывали на главенствующую роль епископского сана, причем отмечено его иерар-

хическое превосходство по отношению к княжескому достоинству. Вторая сторона рукояти была соответственно обращена к самому владельцу посоха, несла на себе те образы, которым поклонялся сам епископ. Деисус, в котором все предстоящие — апостолы, очевидно, отражает богословское обоснование власти епископа преемственностью сана от апостолов. Образы, расположенные под ними, представляют святых, отмеченных не церковным саном, а высокими духовными достоинствами, смиренное подражание которым было необходимо для идеального епископа. Характерно, что на лицевой стороне рукояти, изображения на которой носят скорее экзотерический характер, вверху «социальной пирамиды» представлены русские святые (святители и князья), а внизу — византийские (святые воины). Вместе с тем на оборотной стороне, изображения которой носят скорее эсотерический характер, соотношение византийских и русских святых обратное.

Подобная иерархия ценностей тяготеет скорее к XV в. и более ранним традициям, а не к середине XVI в., когда в среде русского духовенства получают значительное распространение представления о превосходстве отечественной религиозной традиции над современной греческой, авторитет которой на Руси был подорван Флорентийской унией и турецким завоеванием.

Таким образом, особенности расположения изображений святых наряду с уже упоминавшимися данными палеографии и стилистическими особенностями резьбы посоха Никиты свидетельствуют в пользу того, что он был изготовлен не в середине XVI в. в связи с обретением мощей святого, а значительно раньше и, вероятно, происходит из числа вещей, хранившихся в Софийской ризнице без достоверных сведений о их происхождении. Остановимся еще на некоторых особенностях набора святых. Среди них можно попытаться выделить патрональное изображение, связанное с конкретным новгородским архиепископом. По-видимому, его не следует искать в традиционном наборе святых в составе обоих деисусов; с другой стороны, для него следует предполагать заметное место. По-видимому, патрональным следует считать одно из двух изображений монахов в верхнем киотце нижней части рукояти, вытянутой по вертикали, на ее внутренней стороне, а именно Евфимия, святого, соименного двум новгородским епископам XV в.— Евфимию I (1424—1429) и Евфимию II (1429—1458). Напомню, что соответствующее парное изображение святых сопровождается надписью, содержащей интересный эллинизм, и, по-видимому, скопировано с византийского образца, возможно, привезенного на Русь как патрональное изображение, специально предназначенное для владыки. Из двух Евфимиев в данном случае следует предпочесть второго в силу соображений, которые будут приведены ниже.

Наряду с патрональным изображением, которое может быть связано с конкретным новгородским епископом, рукоять посоха Никиты несет также изображения, которые неожиданны для вещи новгородского происхождения. Это изображения центральнорусских, в частности московских, святых: Леонтия Ростовского, Петра митрополита и Сергия Радонежского. Последнее из этих изображений свидетельствует о том, что посох не может датироваться ранее середины XV в. (т. е. возможность его принадлежности Евфимию I отпадает) Наличие московских святых (при отсутствии новгородских) на памятнике эпохи, отмеченной чрезвычайным развитием новгородского сепаратизма, должно быть связано с какими-то серьезными основаниями.

Можно предположить, что наличие московских святых — аргумент в пользу позднего происхождения посоха Никиты, и объяснить архаичные черты в его декоре, иконографии и надписях консерватизмом отдельной захудалой мастерской. Однако для XVI в. рядом с изображением Петра митрополита следовало бы ожидать в качестве пары не Леонтия Ростовского, а ставшего чрезвычайно популярным Алексея митрополита. Кроме того, в середине XVI в., в эпоху самодержавного правления Ивана Грозного, вряд ли возможно было создание «социальной пирамиды», на которой подчеркивается приоритет епископов

над властью русских князей (и среди них Владимира, представленного в виде царя).

Пытаясь разрешить данный вопрос, можно предположить создание посоха в мастерской или монастыре, связанных с промосковскими кругами или ориентирующихся в силу каких-то причин на митрополита. Возможен, однако, еще один ответ на этот вопрос.

Известно, что в конце 40-х — начале 50-х годов в Новгороде находил прибежище и поддержку претендент на великокняжеский престол Дмитрий Юрьевич Шемяка. Известна и связанная с ним вкладная вещь (плащаница), оставшаяся в Новгороде [39, с. 43]. Изображение среднерусских и московских святых было бы вполне естественно для вещи, связанной с Шемякой как заказчиком. Это касается и наиболее неожиданного изображения на посохе, представляющего Сергия Радонежского. Известно, что Дмитрий Юрьевич был тесно связан с монахами Сергиева монастыря и они одно время оказывали ему явно благоприятствие. Если принять предположение о связи посоха с Шемякой, то изображение Георгия Победоносца, которое должно было находиться на торцовой части перекладины рукояти, можно рассматривать как патрональное по отношению к его отцу, Юрию Дмитриевичу; вероятное допущение, что несохранившийся киотец на другом торце рукояти нес изображение Дмитрия Солунского (поскольку другие популярные святые воины — два Феодора — изображены на ином месте рукояти), позволяет реконструировать на посохе образ, патрональный по отношению к самому Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Принимая предложенные допущения, можно объяснить и тот факт, что посох остался незавершенным, бурными событиями, развернувшимися вокруг Шемяки, и его внезапной смертью в 1453 г.

Несмотря на то что на посохе Никиты отсутствуют изображения новгородских святых, а московских присутствуют, одна черта в имеющихся на нем изображениях может отчасти объясняться все-таки тем, что посох был изготовлен в Новгороде. Это уже упоминавшаяся «социальная пирамида», которая подчеркивает приоритет власти епископа по отношению к власти князя. Подробные представления были нехарактерны для Москвы, где, начиная со времен Калиты, митрополиты определенно сознавали свою зависимость от великого князя. Представления о епископе как верховном главе светских властей существовали в Новгороде, где именно епископ являлся номинальным главой государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чернецов А. В.* Три резных посоха XV в.// СА. 1980. № 2.
2. *Чернецов А. В.* Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров). М.: Наука, 1987.
3. *Чернецов А. В.* Посох Стефана Пермского // ТОДРЛ. 1988. Т. 41.
4. Древности Российского государства. М., 1849. Отд. 1.
5. Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2.
6. *Покровский Н. В.* Древняя ризница новгородского Софийского собора // Тр. XV АС в Новгороде 1911. М., 1914. Т. 1.
7. *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М.: Наука, 1969.
8. *Никольский А. Н.* Сказание об обретении мощей святителя Никиты новгородского чудотворца // ИОРЯС. СПб., 1905. Т. X. Кн. 2.
9. Никоновская летопись, ПСРЛ. М., 1965. Т. 11.
10. *Овчинников А. Н.* Суздальские златые врата. М.: Искусство, 1978.
11. Киевская псалтырь 1397 г. М., 1979.
12. *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени. СПб., 1887.
13. *Musiescu M. A., Ulea S.* Voronet. Bucharest, 1971.
14. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
15. Лицевой летописный свод. Хронографический том ГПБ. F IV 151.
16. Лицевой летописный свод. Хронографический том БАН. 17.17.9.
17. *Осташенко Е. Я.* Об иконографии типа иконы «Предста царица» Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Вопросы атрибуции. М.: Наука, 1979.
18. *Watts W. W.* Catalogue of pastoral staves. Victoria and Albert Museum. L., 1924.

19. *Sauerlander W.* Rzeźba średniowieczna. Warszawa, 1978.
20. Савва, епископ Можайский. Указатель обозрения Московской патриаршей (ныне синодальная) ризницы. М., 1863.
21. *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.
22. *Суслов В. В.* Памятники древнерусского искусства, изданные Императорской Академией художеств. СПб., 1909. Вып. 2.
23. *Голубцов А. П.* О происхождении, значении и устройстве архиерейского посоха / Богословский вестник. Троице-Сергиев, 1909, июнь.
24. *Троицкий И. И.* Церковно-археологические памятники, хранящиеся в ризнице Тульского архиерейского дома // Древности. Тр. МАО. М., 1886. Т. XI. Вып. 1.
25. Симеон Полоцкий. Жезл правления, утверждения, наказания, казнения. М., 1666.
26. *Мельников П. И. (Печерский А.).* Очерки поповщины // Полн. собр. соч. СПб., 1898. Т. XIII.
27. *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI по XIX в. М., 1884. Т. II.
28. Димитрий (Туптало), епископ Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1847.
29. Древлехранилище Пушкинского дома. Рукопись XVIII в. Собр. Заволоко. № 257
30. *Спасский И. Г.* Три змеевика с Украины // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
31. *Николаева Т. В.* Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана // СА. 1968. № 1.
32. *Тарабрин И. М.* Лицевой букварь Кариона Истомина // Древности. Тр. МАО. М., 1916. Т. XXV
33. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М.: Сов. художник, 1968.
34. *Леонов А. И., Померанцев Н. Н.* Деревянная скульптура // Русское декоративное искусство. От древнейшего периода до XVIII в. М., 1962. Т. 1.
35. *Покровский Н.* Заметки о памятниках псковской церковной старины // Светильник. 1912. № 5—6.
36. *Лазарев В. Н.* Страницы истории Новгородской живописи. Двусторонние таблетки из собора св. Софии в Новгороде. М.: Искусство, 1983.
37. *Бибикова И. М.* Резьба по камню // Русское декоративное искусство. От древнейшего периода до XVIII в. М., 1962. Т. 1.
38. *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси XIII—XVI вв. М.: Наука, 1976.
39. *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — начала XVI в.// САИ. 1971. Вып. Е1-49.

Институт археологии
АН СССР, Москва

A. V CHERNETSOV

ON THE EVOLUTION AND SYMBOLICS OF PASTORAL CROZIER
(the so-called crozier of St. Nikita of Novgorod)

Summary

According to local tradition the crozier in question was ascribed to St. Nikita, bishop of Novgorod (1096—1109). But the crozier bears the images of some Russian saints of 14th century. In 1558 the solemn exhumation of relics of St. Nikita took place. The author proves that the crozier was made in mid 15th century for some other bishop and later was associated with Nikita in connection with discovery of his relics. The crozier is made of wood, it has bone handle and spherical carved ornaments. The set of sacred images is traditional one, evidently it reflects the decoration of earlier Byzantine bishop's croziers. The inscription near one of the images reflects the existance of Greek prototype (conjunction «KAI» i. e. «and», which is unusual in the inscriptions of Russian origin). Some details of the crosier's form give information about the evolution of Orthodoxal bishops' staves.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ОТНОШЕНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ С ВИЗАНТИЕЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Вопросы взаимоотношений развитых, «цивилизованных» стран со степными варварами — «кентаврами», судя по дошедшим до нас довольно многочисленным сведениям древних и средневековых сочинений, не кажутся в наши дни неясными и малоисследованными. Практически почти в каждой книге, касающейся кочевнических степных обществ, большое место уделяется характеристике их политических, торговых, культурных контактов с соседними государствами и народами, а также торговым связям с дальними странами. То же можно сказать и о монографиях, посвященных истории или культуре соседних со степняками «цивилизованных» государств древности и средневековья. Целые разделы в них отводятся разнообразным связям с кочевыми народами.

Средневековые авторы чаще и охотнее всего писали о внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях степняков с их странами. Именно эта информация превалирует в сочинениях греко- и латиноязычных авторов, писавших или упоминавших о восточноевропейских кочевых и полукочевых объединениях. Особенно ценно в этих разновременных сочинениях то, что они освещают различные хронологические «срезы» связей своего государства, в частности Византийской империи, со степью, а это значит, что в совокупности они дают возможность исследовать явление в соответствии с эволюционными процессами, протекавшими внутри кочевнических обществ.

Привлечение археологических источников к разрешению разных аспектов данной проблемы играет обычно только вспомогательную роль, поскольку до нас доходит очень незначительное количество предметов, которые свидетельствуют об общении кочевого населения с Византией. Однако определенный набор фактов все же есть, и он позволяет, как мне представляется, по-новому осмыслить их в свете предлагаемой в этой работе общей концепции кочевничества.

Кроме того, рассмотрение археологических материалов на фоне более или менее полных сведений, получаемых из письменных источников, представляет интерес чисто методологический, а именно — насколько археологический материал может отразить то или иное историческое явление, известное нам благодаря свидетельствам древних сочинений.

Мне уже не раз приходилось писать о различных стадиях в развитии кочевнического общества, причем самой высшей является по существу уже не кочевая, а смешанная — пастушеско-земледельческая экономика, а образ жизни соответственно полуоседлый или оседлый. С изменениями стадии экономического развития менялись социальный строй, культура, политика степных сообществ. Это четко прослеживается на ряде конкретных примеров, особенно относительно тех народов, о которых сохранилось много разнообразных, в том числе и археологических, источников [1]

Кочевники на первой стадии передвигались по степи круглый год, занимая под кочевки огромные пространства. Основной их целью был захват новых пастбищ. Поэтому все попадающиеся в степях на пути этого живого вала

© С. А. Плетнева, 1991 г.

поселения, пашни, сады и города сметались с лица земли. Это были действительно нашествия варваров, двигавшихся всей массой — с семьями, челядью, бессчетными стадами [1, с. 13—35] Столкнувшись с сильной цивилизацией и к тому же не менее сильным военным сопротивлением, кочевники обычно отступали и только бурлили у стен пограничных крепостей и недоступных крупных городов. Именно это происходило с разными этническими кочевыми объединениями, сталкивавшимися с окраинными восточными и частично северными провинциями и пограничными районами Византии на протяжении всего средневековья — от IV до XII в. включительно. В основном это были крымские и частично таманские (бывшее Боспорское царство) земли, где в торговых портовых городах с их обширными округами политическая власть и экономика были византийские. На севере кочевые волны постоянно бились вдоль всей северной границы империи, постепенно заполняя все степные «уголки» Подунавья и Прикарпатья [2, с. 40—170, 336—353].

Поскольку круглогодичное кочевание продолжалось и после захвата новых земель, причем иногда довольно длительное время (до 100 лет), от подкочевывавшего, уже хорошо известного по письменным источникам населения для археологов не оставалось почти никаких следов. Разбросанные на нестабильных еще территориях отдельные захоронения находят редко и случайно. Еще более редко встречаются в них имперские вещи. Погребения V—VI вв. вообще отличаются весьма характерной имущественной нивелированностью, «дешевой роскошью» отдельных украшений, явно изготовленных местными степными мастерами [3—5] Объясняется это прежде всего общественными отношениями (военной демократией), обуславливавшими относительное экономическое равенство. Что же касается отсутствия по-настоящему драгоценных (литых золотых и серебряных) вещей, то это, видимо, следует объяснять тем, что степняки, как уже говорилось, заинтересованы были более всего в получении земель-пастбищ. Они их и добывали. Разгромленные и сожженные поселки, небольшие городки не давали особенно роскошной добычи, ограничивавшейся обычно разными тканями, хлебом, вином, специями, не сохранявшимися в могилах. Отдельные вещи византийского производства, конечно, попадали иногда в руки захватчиков. Это были чаще всего предметы воинских поясов: отдельные пряжки и бляхи, отлитые из золота и серебра. Создается впечатление, что они их брали на поле боя с убитых врагов, а не в разоренных поселках, где богатые воины не жили.

Несмотря на скудные археологические материалы, которые дошли до нас, мы все же можем говорить о том, что никакого византийского влияния на кочевников, находившихся на первой стадии, не прослеживается. Правда, одежду кочевнические военачальники, да и простые всадники, если представлялась возможность, предпочитали шить из роскошных византийских тканей, а не из грубых кож.

Крайне существенным представляется нам отметить обратное явление, а именно — несомненное влияние кочевнической культуры, прежде всего на византийскую моду. Уже в VII в. в империи получила распространение характерная кочевническая одежда — кафтаны, называвшиеся там «скарамангиями». Они были удобной всадниической одеждой, их и носили, как правило, всадники — как простые воины, так и аристократы и даже сам император [6, с. 584—586] Хорошо известно также, что не только византийская армия, но и воины всех так или иначе соприкасавшихся с кочевниками стран охотно заимствовали у кочевников характерное степное оружие: в V в.— тяжелые гуннские луки, в VII в.— железные крепкие стремена, а немного позже — неизменно сопутствующие последним сабли [2, с. 113] Это и понятно, так как бороться с врагами следовало, естественно, владея не только своим, но и их оружием. Как ни странно, но обратного движения оружия из Византии в степь проследить не удается. Очевидно, следует признать, что кочевников вполне удовлетворяло именно их вооружение, соответствующее снаряжению их коней

и к тому же приносящее им частые победы над любым противником, в том числе и над византийскими прекрасно вышколенными войсками.

До сих пор не обнаружено в степях более или менее выразительных археологических следов взаимодействия Византии с овладевшими в X в. восточноевропейской степью печенегами, хотя благодаря Константину Багрянородному мы знаем о «дарах» византийских правителей, подносившихся печенежским ханам и даже простым проводникам торговых караванов, проходивших через неспокойные кочевья [7, с. 37, 41]. Все время пребывания в восточноевропейских степях печенеги оставались на первой стадии кочевания. Добычей их, получаемой от разорения небольших поселков, как и у более ранних кочевников, были в основном продукты питания и одежда. То же получали они, по-видимому, и в «дарах». Все это не доходит до археологов.

Драгоценные вещи иногда, конечно, попадали в руки печенегов, но их военачальники находились на той ступени социального развития, когда не создавались еще семейные сокровища в качестве экономической основы власти. Видимо, поэтому, несмотря на тяжелые военные поражения печенегов и фактическое изгнание их с занятой территории, они не оставили после себя зарытых сокровищ: все приобретаемое они носили на себе и уносили с собой в походы на новые земли.

Аналогичные процессы характерны и для половцев, завладевших восточноевропейской степью примерно в середине XI в. В настоящее время мы не можем выявить в степях захоронения, относящиеся к XI — первой половине XII в.— времени, когда половцы находились на первой стадии кочевания, хотя более поздних погребений половецкой эпохи известно в степях довольно много.

Периоды нашествий, постоянных военных действий постепенно переходили в следующую стадию — стадию полукочевой экономики, которая отличалась прежде всего появлением относительно стабильных семейных (аильных) летних и зимних становищ, а также определенными маршрутами перекочевок, т. е. ограничением территории кочевания. Весьма существенным для изменения «международных» связей является и образование в степях объединений государственного типа. Так, начиная со второй половины VII в. с Византийской империей воевали уже не разрозненные орды, уничтожавшие все на пути своего следования, а вполне оформившиеся молодые и очень сильные государственные объединения: на северо-западе — Аварский каганат и Дунайская Болгария, на северо-востоке — Великая Болгария и Хазарский каганат. Факт существования этих государств, неоднократные рассказы о столкновениях и связях их с Византией того времени хорошо известны по письменным источникам [2, с. 103—133, 157—193]. Археологически эти взаимоотношения выражены, как мне кажется, довольно отчетливо благодаря находкам в степях остатков богатых захоронений или кладов, состоящих почти полностью из драгоценных вещей византийского производства. Это результат имперской дипломатии, организующей союзнические миры с беспокойными соседями путем поднесения ежегодных богатейших даров (подкупов или откупов). Дары предназначались уже не всем воинам и не делились как добыча, их получали наиболее сильные и дееспособные военные вожди и их семьи. В кочевнических обществах это вызывало активизацию имущественного расслоения, а следовательно, и формирование родовой аристократии. Постепенно в руках одной или нескольких семей накапливались огромные богатства. Состояли они не только из роскошных тканей и амфор с вином. В дары входило и большое количество золотых и серебряных сосудов, многочисленные украшения. При погребениях ведущих членов аристократических семей какая-то часть этих сокровищ помещалась в могилы. Могилы вождей были, как и рядовые захоронения того периода, разбросаны по степям и по возможности скрыты для предотвращения грабежа и осквернения. Случайность открытия погребений местными жителями, как правило, приводит к тому, что погребения и их инвентарь бывают сильно

разграблены и археологическому полевому исследованию не могут уже быть подвергнуты. Это обстоятельство, а также «скрытость» захоронений приводят к возникновению путаницы понятий в определении роскошных, случайно обнаруженных сокровищ. Долгое время все они именовались «кладами», поскольку остатков самого захоронения, т. е. костей человека, коня, мелких недорогих вещичек, а также следов трупосожжений и пр., обычно не доходит и не доходило до археологов и первых издателей этих сокровищ. Однако все-таки современными исследователями по ряду мелких сохранившихся признаков большинство таких кладов было, по-видимому, верно определено как захоронения (трупоположения или трупосожжения) или поминальные погребальные сооружения [8—10]. Были среди этих памятников и настоящие клады, т. е. специально зарытые сокровища, являющиеся основой экономической силы той или иной аристократической семьи, спрятанные ею от разграбления в пору какой-то опасности.

Все известные сейчас захоронения и клады этого типа датируются сравнительно узким промежутком времени — VII — первой половиной VIII в., т. е. временем активного формирования в степях перечисленных выше государственных объединений.

Наиболее слабым и, главное, кратковременным среди них была Великая Болгария, но именно с ней особенно «заигрывали» при византийском дворе. По письменным источникам известно о присвоении первым ханам Великой Болгарии Органе и Кубрату высоких придворных чинов, а также о воспитании юного Кубрата при дворе императора, видимо, в духе византийской культуры [2, с. 157—160] Пожалуй, отношения с Великой Болгарией, начиная с первых шагов ее образования в крымско-приазовской степи, можно считать плодом успешной и целенаправленной политики византийских дипломатов. Долгое время им приходилось общаться с ордами кутригуров, оногуров (утигуров), болгар, натравливая их друг на друга, используя иногда в борьбе против той или иной сильной степной группировки и т. д. Значительно перспективнее и выгоднее было объединение этих орд под властью византийских вельмож болгаро-оногурского происхождения, какими были Органа и Кубрат. Все объединенные орды стали союзниками империи, грабежи портовых крымских городов и поселков прекратились. Мало того, Великая Болгария стала щитом Византии, препятствующим продвижению на запад (в Крым и Северное Причерноморье) Хазарского каганата.

Вещественным свидетельством материального обеспечения союзнических отношений с властителями Великой Болгарии является знаменитый Перещепинский клад (Полтавская обл.), состоявший в основном из серебряных и золотых сосудов и драгоценных украшений [11, 12] Среди последних особый интерес предетавляют два перстня с монограммами Органы и Кубрата. Очевидно, клад был какой-то частью фамильного сокровища, возможно, доставшегося одному из наследников Кубрата, ушедшему из Приазовья на северные окраины степи.

Археологически зафиксированы в Крыму и на Тамани земледельческие поселения и городки VII в., характеризующиеся провинциально-византийской культурой, а также синхронные им поселения, принадлежавшие оседающим кочевникам, возможно древним болгарам [13, с. 9—13] Можно уверенно говорить, что процесс оседания происходил здесь под влиянием местного земледельческого, сильно византинизированного населения. Воздействие византийской бытовой культуры на болгар прослеживается прежде всего благодаря некоторым дошедшим до нас приемам домостроительства. Это каменные цоколи глинобитных домиков и даже полуземлянок, двучленность некоторых из них, т. е. пристройки «сеней», служивших рабочими помещениями, сооружение печей нового типа — из кирпича или камня [13, с. 40, 44, рис. 12, 15] Кроме того, весьма типичен керамический комплекс этих поселений, мало отличающийся от византийского: пифосы, амфоры, кувшинчики — в основном тарная

посуда. Это, как мне представляется, свидетельствует о непосредственном и постоянном общении жителей тех и других поселений, вероятнее всего, в рамках естественно складывающихся торговых отношений. Торговые и иные связи распространялись не только среди оседавшего населения, но и в кочевых ордах болгар и других известных по источникам этносов, входивших в Великую Болгарию. Подтверждением этому служат находки амфорных обломков (VII в.), обнаруживаемых на поверхности кочевий, открытых по берегам Азовского моря [14, с. 15].

Так обстояли дела вдоль границ северо-восточных провинций империи. Здесь отчетливо выявляется культурно-экономическая роль Византии в активизации процесса оседания кочевников и установлении торговых связей между имперскими провинциями и оседло-кочевым населением.

Помимо разноэтничного населения Великой Болгарии через вторую полукочевую стадию экономического развития прошло в восточноевропейских степях несколько крупных этносоциальных объединений, как синхронных Великой Болгарии, так и более поздних. Однако их связи с Византией не прослеживаются. Видимо, кочевые (и полукочевые) этносы, находящиеся на значительном расстоянии от империи, не подвергались такому мощному «облучению культурой», какое фиксируется археологами в Крыму. Почти совсем нет его в Хазарии «дагестанского периода», в которую культурные импульсы поступали из соседних Албании и Армении. Маленькие христианские храмики, открытые на языческом могильнике Чир-Юрта [15, с. 158—163], были, видимо, выстроены в результате миссионерской деятельности епископа Исраила, прибывшего из Албании.

Миссия епископа Исраила подробно описана в «Истории агван» Моисеем Каганкатваци [15, с. 188—210] Он же подробно рассказал и о совместных военных действиях хазарских (тюркских) войск с византийским императором Ираклием [15, с. 109—114, 149—150]. Тем не менее, кроме нескольких подражаний золотым византийским монетам VII в., обнаруженным в разграбленных и, по-видимому, первоначально богатейших погребениях Чирюртского могильника [16, с. 63—87], вещественных материалов, подтверждающих факты тесных культурных или политических общений Византии с Хазарией того времени, мы указать пока не можем.

Правда, факт чеканки в молодом формирующемся государстве монет, являющихся подражаниями византийским, может быть косвенным свидетельством довольно тесных политических контактов Хазарии с империей. Однако, возможно и иное толкование: первые самостоятельные от Тюркского каганата хазарские правители, всемерно отталкиваясь от византийского вмешательства в свои дела, пытались чеканкой аналогичной монеты продемонстрировать императору равенство с ним.

Более выразительные следы отношений восточноевропейских кочевников с Византийской империей сохранились в погребениях половецкого времени второй половины XII — первой половины XIII в. Массовые раскопки (и связанное с этим уничтожение) степных курганов, ведущиеся в последние десятилетия новостроечными экспедициями, дали значительное количество разновременных средневековых кочевнических захоронений, в том числе и половецкого времени. К сожалению, материалы раскопок мало издаются и почти не обрабатываются: сведения о них помещались только в АО. Однако даже эти отрывочные и краткие данные, доходящие до специалистов, позволяют отметить, что во многих открытых погребениях сохранились остатки костюмов, как правило кафтанов, сшитых из роскошных византийских тканей [17]. Эти находки прекрасно подтверждают наши заключения о получении кочевниками из Византии даров или добычи прежде всего в виде дорогих тканей. Их получали после похода при дележе все воины — участники похода или посольства, и потому в степях их было огромное количество. Об этом свидетельствует также известный отрывок из «Слова о полку Игореве», где автор рассказывает о захваченном у

половцев «полоне», среди которого были наряду с красавицами-девками и «златом» названы «паволоки» (шелковые ткани) и «оксамиты» (гексамит — драгоценная византийская ткань). Тканей было так много, что опьяневшие от победы русские воины начали ими «мосты мостити по болотам...» [18, с. 13].

Мы довольно хорошо представляем себе костюм половецких воинов и их жен благодаря дошедшим до нас половецким статуям. Он очень устойчив и традиционен. Покрой одежды фактически не менялся, так как она была, вероятно, особенно удобна для степняка. И мужчины, и женщины носили брюки, рубахи и кафтаны до колен [19, с. 49—51]. Примерно во второй половине XII в. у половцев появилось явно под влиянием византийского придворного ритуала нововведение в костюме — характерные горизонтальные, довольно широкие нашивки на верхнюю часть рукава — «клавы» [20, с. 30]. В Византии их имели право носить только высокие придворные чины, богатые аристократы. С ростом имущественного неравенства, с выделением на полукочевой стадии экономического развития влиятельных аристократических родов половецкая знать охотно заимствовала этот обычай, позволяющий ей выделяться среди простых воинов не только роскошью тканей, но и знаками отличия. Характерно, что клавы в равной степени нашивались и на женскую одежду, что является дополнительным доказательством равноправия женщин в половецком обществе.

Таким образом, появление на рукавах клавов означает значительно более существенное явление, чем просто украшение костюма. Представляется, что византийское влияние в какой-то степени начало сказываться и на изменениях в общественных отношениях половцев. Проникновению этого влияния способствовало и то, что половцы стали постоянно сталкиваться с византийцами (купцами и дипломатами) в портовых городах Приазовья и Крыма, к стенам которых подкочевывали вплотную для торговли скотом, мехами и захваченными рабами. Русские фактически были вытеснены из этих городов, Тмутараканское княжество исчезло с лица земли. В одной из своих работ я уже писала, что время жизни этих городов в XII в. и вплоть до монгольского нашествия можно даже называть «половецким», так как половцы играли в них видную роль [21, с. 71] Что касается военных столкновений или военных союзов с Византией, то они были очень редкими. Они достаточно освещены в источниках и литературе. Как уже говорилось, обычно такие действия сопровождались драгоценнейшими дарами ханам — руководителям военных предприятий. К сожалению, археологи всего только один раз обнаружили и вскрыли настоящее захоронение очень крупного степного владетеля, несомненно богатого хана. Это — знаменитое Чингульское захоронение. Интересно, что золотые и серебряные произведения прикладного искусства, датирующие погребение концом XII — первой половиной XIII в., сделаны были не только в Константинополе, но и в других европейских художественных центрах [17, с. 31, 32], что, очевидно, свидетельствует о военных связях этого хана с европейскими государствами. Не исключено, что хан участвовал в крестовых походах, возглавляемых Фридрихом Барбароссой и Ричардом Львиное Сердце (конец XII в.), а возможно, вместе с крестоносцами грабил в 1204 г. Константинополь. Впрочем, надо сказать, что в большинстве более или менее богатых вещами погребений второй половины XII в. находят предметы, сделанные в Византии, в основном ткани и отдельные украшения. Все это — свидетельства связей половцев, скорее всего торговых, с византийскими купцами, приезжавшими в причерноморские города, но возможно, конечно, и другое объяснение: часть этих предметов попадала к знатным половцам в виде добычи. Следует помнить, что получить эту добычу (или дары?) они могли не непосредственно из Византии, а на Руси, имевшей с Византией самые разнообразные контакты. Русь была полна византийскими товарами разной ценности, которые при почти ежегодных грабежах половцами ее земель, а также при заключении миров и брачных договоров между князьями и ханами в изобилии поступали в степные кочевья.

Со временем, когда все раскопанные половецкие захоронения будут должным образом исследованы, очевидно, появится возможность составить карту распространения в Половецкой земле византийских и древнерусских изделий, которая даст новый, очень интересный источник о взаимоотношениях этих государств со степью.

Воздействие византийской культуры, как материальный, так и духовной, становится особенно сильным и заметным на третьей стадии развития кочевнической экономики, которую можно квалифицировать как полуоседлую, а в ряде мест и оседлую, с пастушеским (отгонным) скотоводством. Следы этого воздействия неплохо прослеживаются археологически.

На территории восточноевропейских степей на третьей стадии развития находился ряд этносов, входивших в Хазарский каганат (VIII—X вв.), а также предкавказские аланы, в X в. сумевшие создать самостоятельное государство.

Естественно, культурные связи каганата с Византией особенно активизировались в зонах непосредственных контактов. Произошло это после продвижения каганата на земли побежденной им Великой Болгарии — в Приазовье и Крым. Прежде всего, как и в период существования Великой Болгарии, византийская культура влияла на быт. Население в хазарское время практически осталось в Крыму тем же (в основном болгарским), с небольшими, видимо, включениями хазар. О последнем говорит факт появления и широкого распространения всюду в Приазовье нового архитектурного приема в сложении кладок — так называемой «елочки», принесенной хазарским населением из Восточного Предкавказья, где она зафиксирована на ряде памятников VII в. Влияние Византии с установлением новой власти и приходом нового населения явно выросло, причем оно проникло во все сферы деятельности осевшего населения [13, с. 46—53 и сл.] Так, во-первых, жилища, как и в предыдущую эпоху, были в основном глинобитные на каменных цоколях, но это были уже наземные «пятистенки», близкие по планировке домам крымских городов. Это сходство увеличивалось наличием у каждого домика небольшого огороженного двора с хозяйственными постройками или врытыми в землю пифосами. Таким образом, бытовая культура крымского древнего населения очень сильно влияла прежде всего на чисто бытовое устройство недавними кочевниками своих усадеб. Во-вторых, под воздействием процветавших в византийских провинциях ремесел на крымских землях Хазарского каганата и на Тамани появились собственные ремесленники, в мастерских которых изготовляли продукцию, явно подражающую византийской,— от горшков, украшенных линейным орнаментом, до разнообразной тарной посуды. Эти мастерские существовали и развивались во все время господства каганата на этой территории. В-третьих, помимо производственной деятельности не без влияния Византии активизировалась в каганате как внешняя, так и внутренняя торговля.

Несмотря на раннее появление в каганате «престижного» денежного чекана, о чем уже говорилось выше, он не получил дальнейшего практического широкого распространения. Отдельные находки золотых монет или их подражаний неоднократно попадались в погребениях хазарских воинов VIII—IX вв. Почти все они датируются временем наиболее близких политических контактов Хазарии с Византией — концом VII — первой половиной VIII в. Думается, эти монеты по-прежнему были «престижными», т. е. играли роль знаков достоинства хазарских аристократов (как клавы у половцев), а не обменного фонда [22, с. 181, 182] Поэтому о торговле позволяют судить не монетные находки, а распространение на огромной территории каганата амфор, обломки которых встречаются даже в самых отдаленных от крымских византийских провинций северных районах каганата. Интересен тот факт, что амфоры нередко бывают не крымского производства, а собственно византийского, а это означает, что развозимые в них продукты скорее всего производились в империи. Важно отметить также неравномерность распространения аморфного материала на поселениях каганата. Амфор мало или почти нет в обычных открытых

поселениях; как правило, они попадаются только на городищах, которые скорее всего принадлежали феодализирующейся знати каганата. Кроме того, процент амфор от остальной керамики уменьшается по мере удаления от Приазовья, где он достигает 50—70% всех керамических находок, причем в этой пропорции он равно характерен как для рядовых поселений и кочевий, так и для городов. Все это позволяет ставить вопрос прежде всего о различной степени влияния и силы связей Византии с разными районами каганата. Естественно, самые далекие из них связаны были с империей очень слабо [14, с. 129—131] Торговые византийские караваны не доходили до них, а дорогие и редкие товары, перевозимые в амфорах, получали там только владельцы замков, причем скорее всего путем внутренней торговли. Тем не менее «дыхание» Византии достигало, хотя бы и таким путем, самых отдаленных уголков каганата. Правда, это было поверхностное знакомство с некоторыми предметами, изготовлявшимися в далекой богатой стране. Воины северных и северо-восточных областей вряд ли бывали даже изредка у южных границ каганата. У них были свои враги, свои соседи, которых следовало держать в страхе или повиновении.

Совсем иная картина складывалась, как мы видели, вокруг границ Византии, поблизости от ее крымских провинций и городов, к портам которых постоянно подходили византийские суда, наполненные товарами. Вместе с ними широкой волной проникала в каганат христианская религия. Мы знаем, что и в самом Крыму существовало несколько епархий, которые, естественно, оказывали громадное воздействие на духовную жизнь всего крымского населения. Археологически это подтверждается обнаруженными на поселениях хазарского времени христианскими храмами [13, с. 133—139] Следует признать, что это не вполне обычное явление, поскольку уже начиная с IX в. официальной религией в Хазарии стал иудаизм. Однако, судя по археологическим данным, он не оказал влияния на мировоззрение основной массы населения каганата: погребальная обрядность осталась языческой и соблюдалась свято. Только в Крыму в христианских храмах, расположенных на хазарских поселениях, хоронили уже в обычных христианских могилах. Кроме того, христианство стало активно распространяться в Хазарском каганате, или, вернее, на его бывшей территории, после его разгрома и падения в 60-х годах X в.— в «постхазарский период» (вторая половина X—XI в.). Это четко выявляется благодаря раскопкам беловежского могильника, размещавшегося рядом с хазарским городком Саркелом, взятым князем Святославом в 965 г. и переименованным после этого в Белую Вежу. По антропологическому материалу могильник принадлежал местному населению, вовсе не истребленному Святославом и продолжавшему жить в городе. Могильник, датирующийся концом X — началом XII в., явно сильно христианизирован, хотя в большинстве христианских погребений сохраняются некоторые черты языческой обрядности [23]. Христианизация в Саркеле не может быть результатом древнерусского влияния, так как самих русских в городе было очень немного, на Руси в правление Святослава христианская религия не была господствующей, да и позже вряд ли Владимиру и Ярославу приходило в голову заботиться о душах своих далеких степных подданных. Дел было много и в самом Киеве.

В то же время мы знаем, что Саркел с самого своего возникновения был теснейшим образом связан с Византией, поскольку и построен был, по свидетельству Константина Багрянородного, под присмотром и по советам византийских архитекторов [7, с. 171; 24, с. 7, 8]. Письменные источники неоднократно рассказывают о путях и методах проникновения византийского влияния и христианской религии в Хазарию: вслед за первопроходцами-купцами шли проповедники-миссионеры, а затем строители, возводившие на освоенной земле прежде всего храмы. В Саркеле, несмотря на уже принятый каганом иудаизм, планировали, видимо, выстроить храм, о чем говорят нам находки обломков мраморных колонн, явно привезенных из крымской провинции империи [24, с. 22, 23, рис. 12]. Поскольку на вскрытой площади остатки храма не

удалось обнаружить, мы можем сейчас только предполагать существование намерения отстроить его в городке. Как бы там ни было, но очевидно, что христианство было хорошо известно саркельским жителям, крепко связанным уже с самого начала жизни в городе с Крымом и самой Византией. Это подтверждается многочисленными находками в культурном слое Саркела (IX в.) привозных из Крыма и Византии амфор, а также различных предметов быта и христианского культа византийского происхождения (иногда довольно дорогих).

Возможно, что толчком для активного обращения жителей в христианство стал разгром, учиненный Святославом в городке. Известно, что бедствия, обрушившиеся на людей, нередко способствовали принятию ими той или иной религии близкого им могущественного государства. Для саркельцев такой религией стало христианство. И если наличие христианского храма в городе осталось недоказуемым, то существование христианских священников подтверждается, как нам кажется, большим количеством на беловежском могильнике христианских захоронений: так хоронили, как правило, «отпетых», а отпевать могли только священники.

Несмотря на активное и глубокое проникновение в экономическую, культурную и духовную жизнь южных областей каганата в период его расцвета и после падения, Византия все-таки не стала в нем превалирующей силой, поскольку сам каган и его окружение были иудеями, а занимавшее далекие от империи земли многоэтничное население крепко держалось за обычаи и верования своих отцов.

Однако Византия нашла в восточноевропейских степях регион и народ, на силу которого в какой-то степени можно было рассчитывать в борьбе против беспокойных степняков-соседей ее северо-восточных провинций. Этим народом стали аланы, обитавшие в предгорьях Кавказа, у южных границ Хазарии. Какое-то время аланская земля входила в состав каганата, являясь, как и крымские владения, одной из южных областей Хазарии. Волей хазарских правителей часть алан была переселена на северные рубежи государства — в лесостепи Донского бассейна [25, с. 97] Тем не менее аланы не растворились в массе тюркоязычного населения каганата. Эта стойкость объясняется высокой материальной и бытовой культурой алан, оседло-пастушеской экономикой и постоянными политическими контактами предкавказских алан с Византией [26] Последние выразились прежде всего в обращении алан в христианство. Археологически это прослеживается благодаря довольно многочисленным христианским храмам и окружающим их христианским же захоронениям [27]. Подавляющее большинство их, естественно, относится к периоду существования Алании как самостоятельного государства, освободившегося от власти каганата во второй половине X в. Несмотря на христианизацию Алании, большинство народа придерживалось вплоть до XIII в. языческого погребального катакомбного обряда. Однако в него постепенно проникали элементы христианской обрядности: нательные крестики, образки и иконки, кресты, прочерченные на стенах погребальных камер, и пр. Так, археологически вполне отчетливо выявляется духовное воздействие Византийской империи на Аланию, подтверждающее хорошо известные по письменным источникам культурные и политические связи этих государств.

Итак, на третьей стадии социально-экономического развития в полуоседлых и оседлых степных этносоциальных формированиях под влиянием Византии изменялась не только материальная, но и политическая, а также и духовная культура, что, как мне кажется, достаточно убедительно прослеживается на археологическом материале. Видимо, следует признать, что чем развитее экономически, социально и культурно были степные народы или конгломераты этносов, тем значительнее и крепче устанавливались контакты между ними и Византией, тем полнее воспринимались ими культурные импульсы, посылаемые в степь из этой великой державы средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.
2. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во ГЭ, 1962.
3. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
4. *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южно-русских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1.
5. *Амброз А. К.* Степные древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
6. *Чекалова А. А.* Быт и нравы // Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М.: Наука, 1989.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989.
8. *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М.: Наука, 1982.
9. *Грінченко В. А.* Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. III.
10. *Сміленко А. Т* Глодоські скарби. Київ: Наук. думка, 1965.
11. *Бобринский А. А.* Перещепинский клад // МАР. 1914. № 34.
12. *Вернер Йоахим.* Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат-хан на Българите. София: Изд-во БАН, 1988.
13. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наук. думка, 1990.
14. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967
15. История Агван Моисея Каганкатваци писателя X века. СПб., 1861.
16. *Магомедов М. Г* Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983.
17. *Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я.* Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія. 1986. № 53.
18. Слово о полку Игореве // Под ред. Андриановой-Перетц В. П. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
19. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.
20. *Kondakov N. P.* Les costumes orientau a la cour d'Byzance // Byzantion. T. 1. Paris-Diege, 1924.
21. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
22. *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Сборник статей в память профессора М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
23. *Артамонова О. А.* Могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. 1963. № 109.
24. *Артамонов М. И.* Саркел-Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
25. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Изд-во ХГУ «Вища школа», 1985.
26. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Изд-во ИР, 1971.
27. *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Изд-во ИР, 1977.

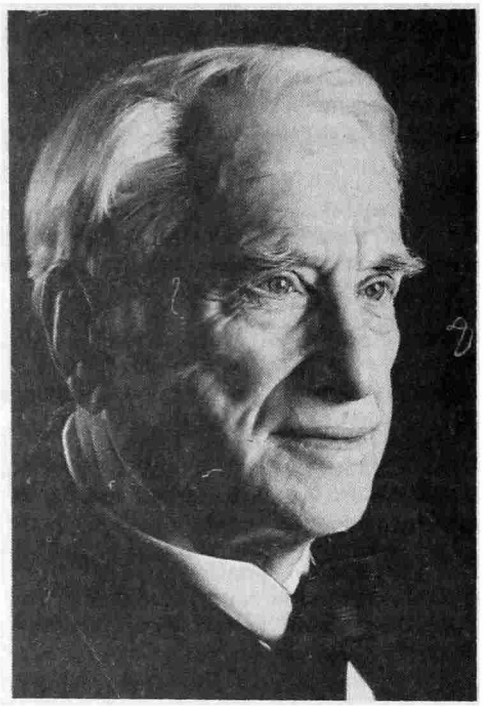
Институт археологии
АН СССР, Москва

S. A. PLETNEVA

THE RELATIONS BETWEEN THE EAST EUROPEAN NOMADES AND BYZANTIUM IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Summary

Archaelogical traces of the connections between the East European nomades and Byzantium turned few scholars' attention up to now. This should be explained by little expressivness of the materials testifying these links. It is known that the nomades moving in the steppes all the year round did not leave any sites in the periods of their invasions. Consequetly their contacts with the neighbouring peoples were also traceless. During the second stage of nomadism which is characterised as seminomadic one the relations with the bordering peoples began to establish. A lot of precious artefacts and fabrics were got from Byzantium in the steppes, and the archaeologists find them in hoards and burials. The Byzatine cultural influence on this stage is noticed mainly in the territories close to Byzantine provinces. During the third stage (semisedentary and agricultural-cattlebreeding) the Byzantine influence caused changes not only in the material culture, but also in the spiritual being of the steppe inhabitants, who have been included in a number of powerful states. It should be underlined that in some cases only archaeological data give a possibility to realize the degree of spiritual influence of Byzantium and the ways of its penetration in the steppe culture.



БОРИС БОРИСОВИЧ ПИОТРОВСКИЙ
(1908—1990 гг.)

Борис Борисович Пиотровский умер 15 октября 1990 года.

Не стало ученого с мировым именем, археолога и востоковеда, директора Эрмитажа — известного всем как человека настоящей интеллигентности, редкого обаяния, прекрасного чувства юмора, начисто лишенного административного барства. И так трудно представить себе, что его уже нет, что нужно сесть и писать некролог, когда Борис Борисович и сейчас все еще стоит перед глазами — живой, веселый, всегда готовый к общению. Может быть, именно поэтому, мы так долго не могли за это взяться. О Б. Б. Пиотровском написано так много и как о ярком талантливом ученом, и как об историке культуры, игравшем огромную роль в международных культурных связях, возглавлявшем музей такого масштаба как Эрмитаж. В чем-то неизбежно повторение, кроме, пожалуй одного: впервые мы пишем о нем, когда его уже нет с нами...

Б. Б. Пиотровский родился 14 февраля 1908 года в Петербурге в семье преподавателя математики и механики в военно-учебных заведениях Бориса Брониславовича Пиотровского. Своей матери, Софье Александровне Завадской, педагогу по профессии, он обязан своим начальным образованием. Его родители, глубоко интеллигентные люди, были носителями той культуры, которую мы теперь называем петербургской. Семейные устои, традиции формировались не только родителями, но и дедами — генералами русской армии, с детства приучавшими маленького Бориса и его братьев к будущим превратностям судьбы.

В 1915 г. семья Пиотровских переехала в Оренбург, а в 1921 г. вернулась в Петроград. И здесь в школе Борис Пиотровский впервые увидел египетские

© Н. Г Горбунова, К. В. Каспарова, К. Х. Кушнарева, Г И. Смирнова, 1991 г.

древности (фигурки ушебти), показанные учительницей на уроке истории. Может быть, это впечатление имеет внутреннюю связь с появлением 14-летнего Бориса Пиотровского в Эрмитаже, где в 1922 г. он начал заниматься египетской иероглификой под руководством известного египтолога и глубокого знатока Древнего Востока Н. Д. Флиттнер.

Дальнейшее образование он получает уже на историко-лингвистическом факультете ЛГУ (1925—1930 гг.), где учится у таких крупнейших ученых как археолог А. А. Миллер, востоковеды В. В. Струве, Н. Я. Марр и С. А. Жебелев. Уже в 1927—1929 гг. Борис Борисович помимо специализации в египтологии — своей основной профессии — получает первые практические и теоретические знания в области археологии, широкую лингвистическую подготовку.

В 1928 г. студент Б. Пиотровский пишет свою первую статью о термине «железо» в древнеегипетском языке, получившую высокую оценку его учителей. Статья была опубликована в 1929 г. в «Докладах АН». Не меньшее значение имела и его статья о барельефе Аменхотепа в Карнакском храме. С этого и начался путь в науку молодого ученого. В 1929 г., еще до окончания Университета, Борис Борисович был принят младшим научным сотрудником на работу в Академию истории материальной культуры. Именно тогда его учителя Н. Я. Марр и И. А. Орбели привлекли внимание начинающего исследователя к малоизвестному еще государству Урарту, памятники которого были открыты в то время только за пределами нашей страны.

Обладая уже большим полевым опытом, Борис Борисович в 1939 г. приступил к раскопкам холма Кармир-Блур (урартской крепости Тейшебаини), определившим на многие годы главное направление его исследований. Полевые работы были прерваны Великой Отечественной войной, и обработка, осмысление добытых материалов продолжались уже в осажденном Ленинграде. Здесь он остался, так как партизанский отряд, в который входил Б. Б. Пиотровский, был расформирован, а он был назначен начальником противопожарной команды МПВО Эрмитажа, в штате которого он работал еще с 1931 г. Бориса Борисовича очень беспокоило, что все материалы, добытые до войны, могут погибнуть в блокадном Ленинграде. Поэтому работа над монографией «История и культура Урарту» стала главной его целью в это время. Она была завершена и опубликована уже в Ереване в 1944 г. и в том же году защищена в качестве докторской диссертации, сразу выдвинувшей его в ряды ведущих археологов. Это исследование открыло новое направление в отечественной археологии и урартоведении. В ней во всей полноте были реализованы прекрасные качества ученого — его талант и высокий профессионализм. И не удивительно, что уже в 37 лет он был избран членом-корреспондентом АН Армянской ССР (1945 г.).

Вскоре после войны оперативно начали выходить отчеты о продолжавшихся раскопках Кармир-Блура — Борис Борисович считал необходимым быстрее донести до исследователей результаты своих открытий, еще до своих окончательных обобщений. Блестящим завершением исследований урартских памятников стали книги «Ванское царство» (1959 г.) и «Искусство Урарту» (1962 г.). В них на основе анализа новейших уникальных археологических материалов, письменных источников, глубокого понимания истории и искусства Древнего Востока, многие страницы истории и культуры Урарту были по существу воссозданы впервые. Исследователю удалось во многом понять роль и место государства Урарту в контексте истории Древнего Востока. Недаром «Ванское царство» опубликовано во многих странах (Италия, Англия, Германия, США и др.). Эти исследования сыграли большую роль в изучении проблем армянского этногенеза, связей урартского и армянского этносов. Материалы, полученные при раскопках, стали основой создания экспозиции по культуре Урарту в Эрмитаже и музее истории Армении, а сами раскопки — эталоном в ближневосточной археологии.

Исследования Бориса Борисовича в Армении имели и другой очень важный аспект. Кармир-Блур на многие годы стал центром археологических исследова-

ний Закавказья. Именно здесь, под его руководством была создана школа археологов Армении. Здесь начинали свой научный путь многие археологи Ленинграда и других городов Советского Союза.

История Урарту — не единственная исследовательская тема Б. Б. Пиотровского. На основе курса, прочитанного на историческом факультете ЛГУ, он в 1949 г. издает книгу «Археология Закавказья», по которой учились многие поколения археологов, историков, этнографов. Удивительно, что в своей основе она не устарела и может лишь дополняться новыми фактами. Среди других проблем, постоянно интересовавших Бориса Борисовича, были и вопросы происхождения скифского искусства и его связи с культурой Урарту и Передней Азии, и вопросы развития и роли скотоводства в истории общества.

Любовь к египтологии Б. Б. Пиотровский пронес через всю жизнь. В начале 60-х годов осуществилась его юношеская мечта — он едет в Египет, где возглавляет Советскую археологическую экспедицию по спасению памятников Нубии, работавшую в зоне затопления Асуанской плотины. Экспедицией был обследован древний путь к золотым рудникам Вади-Аллаки. Результатом этой работы стала книга «Вади-Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии» (1983). Нубийские коллекции, единственные в СССР, тоже пополнили фонды Эрмитажа.

В Египте Борис Борисович занимался изучением сокровищ Тутанхамона, что привело его к интересным открытиям: часть предметов была сделана из нубийского золота, путь к которому лежал через Вади-Аллаки; он также поставил вопрос о том, что среди вещей, найденных в гробнице, были и дары иноземных правителей.

А кто не знает его статьи «Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза», сохраняющей значение основной обобщающей сводки и по сей день.

Широкий диапазон исследований, прекрасное знание коллекций Эрмитажа, любовь к вещам и умение их «видеть» привели Б. Б. Пиотровского к пониманию и осмыслению общих вопросов процесса развития и взаимосвязей культур, о чем он постоянно говорил в своих научных докладах, на открытиях выставок и просто в личных беседах. Именно поэтому вполне заслуженно Борис Борисович возглавил Научный Совет по комплексным проблемам Истории мировой культуры АН СССР.

Немыслимо привести в этой короткой статье список всех должностей и званий Б. Б. Пиотровского. Напомним лишь главные: с 1953 по 1964 год — заведующий ЛОИА, с 1964 г. — директор Эрмитажа; с 1957 г. он член редакционной коллегии журнала «Советская археология»; с 1968 г. он бессменно возглавлял кафедру Древнего Востока ЛГУ; он председатель ЛО Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, член Международного Совета музеев; академик АН Армении (1968 г.) и АН СССР (1970 г.), член Президиума АН СССР (1980—1985 гг.), в 1983 г. был удостоен звания Героя Социалистического труда. Он был избран членом-корреспондентом, почетным членом, почетным доктором, иностранным членом многих Академий, археологических и искусствоведческих институтов и обществ разных стран: Индии, Англии, Германии, Египта, Италии, Франции, Испании, Бельгии, США.

Из 82 лет своей жизни свыше 60 Б. Б. Пиотровский был связан с Эрмитажем, где он начинал школьником-практикантом, был младшим и старшим научным сотрудником, заведующим Отделом Востока, заместителем директора по науке и 26 лет возглавлял Эрмитаж, продолжив блестящую плеяду его директоров. Он хорошо знал все разнообразные виды музейной работы, участвовал в создании многих экспозиций, естественно, играл активную роль в научной работе музея, был редактором ряда изданий Эрмитажа, ответственным редактором «Археологического сборника», с его 17 номера.

Расширение культурных международных связей страны, а значит и Эрмитажа пришлось в основном на время директорства Бориса Борисовича, который принимал в этом активное участие, организуя различные между-

народные выставки, знакомившие посетителей Эрмитажа с культурой и искусством многих народов. Сокровищницы не одного музея мира открылись для советских людей благодаря Б. Б. Пиотровскому. Вспомним хотя бы «Сокровища гробницы Тутанхамона», на организацию которой он потратил много сил и сам писал к ней путеводитель. А сколько раз он открывал в разных странах выставки «Золото скифов», к каталогам которых писал вступительные статьи. Многочисленные командировки за рубеж связаны были не только с открытием различных выставок или переговорами о них, но и с выступлениями и докладами, лекциями, неизменно привлекавшими внимание ученых, широкой общественности. А 24 серии телевизионного фильма об Эрмитаже с непосредственным участием Б. Б. Пиотровского приблизили Эрмитаж к людям, живущим в самых отдаленных уголках нашей страны, узнавших и полюбивших Бориса Борисовича.

С юности Борис Борисович увлекался рисованием и у него сохранилось множество записных книжек, в которых он не только подробно описывал свои путешествия, впечатления, встречи с людьми, но и сопровождал их своими удивительными изящными легкими лаконичными рисунками. Всем, кто знал его близко, знакома его манера постоянно что-то рисовать, в том числе и шаржи, сопровождая их собственными стихами.

Помня о том, какую роль для него сыграл в отрочестве Эрмитаж, Б. Б. Пиотровский любил общаться с детьми, бывал в школьном кабинете Эрмитажа, понимал огромное значение этой стороны воспитания детей.

Но этому ученому с мировым именем, занимавшему должность директора такого музея как Эрмитаж, приходилось решать и основные производственно-технические вопросы. Пожалуй, главным из них стала работа по началу реконструкции постепенно разрушавшихся зданий музея. Именно Б. Б. Питоровскому удалось добиться выделения необходимой валюты для заключения договора с иностранной фирмой, проводившей реконструкцию одного из зданий Эрмитажного театра. К сожалению, открытия его Борис Борисович уже не дождался.

Огромная занятость не позволила Борису Борисовичу завершить все свои научные планы. Они остались в его архивах, его записных книжках, незаконченных работах.

Есть такое известное изречение: «Если хочешь узнать человека, сделай его начальником». Б. Б. Пиотровский долго был начальником, и не малым, но прежде всего, он оставался человеком. В его кабинете было три двери. Они были открыты не только для бесчисленных иностранных делегаций, зарубежных и советских ученых, представителей различных музеев, что закономерно для директора Эрмитажа, но открыты и для всех сотрудников и посетителей. И всех он терпеливо выслушивал, и чем «ранг» человека был ниже, тем, пожалуй, у него было больше шансов быть выслушанным. И с чем только к нему не обращались и свои, и посторонние, с какими бедами и просьбами! Конечно, не всем он мог помочь, и это его всегда огорчало; не со всеми он соглашался, но с ним можно было спорить, и спорить на равных...

Борис Борисович был удивительно добр к людям, прост и демократичен в обращении — директор Эрмитажа из старой петербургской интеллигенции. Находясь много лет на административных постах, Борис Борисович неоднократно оказывался в трудных ситуациях, вызванных сложностями и превратностями политической жизни прошлых лет. И всегда он проявлял мудрость, старался не обострять обстановку, не создавать атмосферу преследований и гонений. Так, в период, когда начались отъезды за рубеж, в Эрмитаже не было ни собраний, ни публичных осуждений, о которых всем достаточно хорошо известно.

Эрмитаж был главным домом Бориса Борисовича, он остался в нем навсегда, и хочется верить, что лучшие эрмитажные традиции, которые он так старался сохранить, останутся здесь и впредь.

Государственный Эрмитаж,
Ленинград

Н. Г Горбунова, К. В. Каспарова, К. Х. Кушнарева, Г И. Смирнова

ПАМЯТИ БОРИСА БОРИСОВИЧА ПИОТРОВСКОГО

Ушел от нас подлинный патриарх отечественной археологии, классик исследования древней истории. Но живет в науке его исключительный фундаментальный вклад — воссоздание прошлого Урарту как исторической реальности. Без научного подвига всей его жизни начало цивилизации в нашей стране — государственность Урарту — оставалось бы невидимым, столь же «темным и непонятным», как и история мидян по давнему хрестоматийному суждению Иловайского. Навечно остался Борис Борисович и в стенах Эрмитажа, который был его большой судьбой. Только навсегда утрачена волнующая возможность живой встречи с ним — замечательным человеческим Явлением, воспринимаемым как общее интеллектуальное достояние. Яркая и обаятельная личность, носитель мудрости и добра. Открытый для свободного человеческого общения и наделенный силой духовной гравитации, он притягивал к себе широчайший круг людей, независимо от их специальности и положения в обществе. Воплощение самой высокой культуры, одаренный чувством тончайшего юмора, участливый и гуманный и, наряду с этим, способный опять же с поразительной естественностью припечатать нечто недостойное крепчайшим словцом, в его устах утрачивающим пошлое звучание. Очень простой и, вместе с тем, чрезвычайно сложный, с множеством гармонически сплетающихся личных граней.

Однако общие слова явно недостаточны для передачи впечатляющей самобытности Бориса Борисовича, а полное воплощение его духовного облика было бы под силу, наверное, только большому художнику слова. Поэтому, с сердечной болью вспоминая его, ограничимся лишь некоторыми характерными штрихами.

Уникальной была его доступность — не преднамеренная и задуманная, а как бы отражающая врожденное естество. В каждом собеседнике — будь то государственный деятель, Арманд Хаммер или вахтерша эрмитажной охраны — ему прежде всего виделась неповторимость индивидуальности. В этом зримо выражалось имманентное уважение к исключительности каждой человеческой судьбы.

Таким же естественным настроем была благожелательность — стремление помочь даже мало знакомому человеку. Но только если просьба отвечала его моральным заповедям справедливости и личной скромности. В каждом случае он очень строго решал этот вопрос для себя и, при положительном выводе, к результатам своего участия относился не безразлично. Тогда же, когда он практически сделать ничего не мог, уже само его неподдельное сочувствие заключало в себе вдохновляющую поддержку и врачевало порой нелегкие переживания. А его обращения за помощью и содействием — всегда в собственной редакции, обязательно рукописные, выполненные удивительно четким прямым почерком, словно запечатлевшим графическую строгость иероглифики — обязательно сохранялись, да и сохраняются сейчас как дорогие реликвии.

Постоянство нравственных критериев. Пройдя выдающийся жизненный путь, неоспоримо став ученым мирового масштаба (что так редко в нашей действительности) и одним из лидеров культурного строительства наших дней, он для всех знавших его издавна, своих сверстников оставался тем же Борисом, признающим общение только на равной основе.

Такой же была его верность давним, теперь уже вроде бы лишним обязанностям, несмотря на стремительно нарастающий груз новых дел. Так, начав в 1947 г. на кафедре археологии истфака ЛГУ чтение оригинального курса «Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.» (изданный в 1949 г., он и поныне сохраняет значение единственного классического пособия), Борис Борисович по собственной воле продолжал встречи со студентами-археологами до последних лет. И это как начало, передаваемое

© А. Д. Столяр, 1991 г.

будущему, оставляло особый след в сознании молодой археологической поросли.

Научное свободомыслие и аргументированный плюрализм составляли саму повседневную атмосферу его деятельности. Он побуждал студента, либо аспиранта к дискуссии с собой, поддерживал все ростки новой мысли. Под его крылом, при его решающем содействии организовывались конференции и симпозиумы — в том числе по тематике и методическим установкам, достаточно далеким от его собственных занятий, а то и противоположным его представлениям. Со свойственной ему прямотой Борис Борисович мог в узком кругу не совсем одобрительно отозваться об авторе какой-то работы («Уж что-то очень сложно он это закручивает...»). И тут же поставить его доклад первым на пленарном заседании научной сессии и открыть пути для его незамедлительной публикации.

Широта мысли и особое отношение к науке как абсолютной ценности проявлялось не только в том этическом ключе, что он никого не преследовал и не создавал вокруг себя какую-то «силовую группу», а вступал в научное единоборство в одиночку и, случалось, соглашался с противоположным мнением, если оно оказывалось доказательным. Еще рельефнее эти качества проявлялись в активной форме. Так, археологу следующего поколения, с которым у него сложились, по независящим от обоих причинам, очень прохладные отношения, он в решающей момент, исходя из принципа научной свободы, щедро, без всяких раздумий протягивает руку помощи. Тем определилась судьба «молодого» ученого, по двум диссертациям которого последовательно, с разрывом в двадцать лет оппонировал Борис Борисович совсем не формально, а в каждом случае многим обогатив мышление своего подопечного.

Тот же пиетет к человеческой мысли, уважение ее индивидуальной неповторимости обусловили обычно незамечаемое, но также очень значительное альтруистическое дело его жизни, ориентированное на будущее. Он сохранил Эрмитаж как особый духовный «заповедник», редкую в эти десятилетия экологическую нишу, где могли существовать и нестандартно проявлять себя личности, никак не вписывающиеся в рамки догматической идеологии и диктата «теории социалистического реализма». Только сейчас с горечью думается о том, что некоторые сохраненные таким образом «мальчики», благодаря нелегкой для директора защите ставшие «мужами науки», не ответили доброй признательностью за этот щедрый, многолетний, никак не подчеркивавшийся гуманизм.

Три последних директора Эрмитажа, выполнявших эту многотрудную и очень сложную миссию на протяжении почти 60 лет, были археологами по специальности. Знаменательно для нас, что, будучи очень разными и действуя в постоянно меняющихся социальных условиях, они, благодаря своим патриотизму, культуре и интеллекту, самоотверженно, можно сказать, на глазах у всех с честью выдерживали такое многолетнее испытание. А драматургия в отношениях главы музея и стоящих над ним партийно-государственных начальников, опасавшихся идеологических диверсий и наделявших себя чувством чрезмерной ответственности, была прочно закодирована устоями бюрократической системы. И за сохранение традиций, известного суверенитета жизни и престижа музея каждому директору приходилось сполна платить надрывом сил, нервами, здоровьем, а двум предшественникам Пиотровского и своей несправедливой отставкой.

Десятый по счету директор, выполнивший в жизни Бориса Борисовича немалую роль — Иосиф Абгарович Орбели — защищал Эрмитаж всем своим бурным темпераментом, с предельной для эпохи другого «великого Иосифа» смелостью; следующий за ним Михаил Илларионович Артамонов незыблемо твердо и откровенно, без колебаний и компромиссных поисков противостоял всем повелениям, по его мнению, неприемлемым для чести музея и его вклада в культуру нашей страны и всего Мира.

Борису Борисовичу в силу общей природной мягкости его характера не был

свойственен такой открытый героизм (его личность настолько богата, что и в таком поминальном слове не нуждается в искусственных, деформирующих истинный облик дополнениях). Но и двенадцатому директору фатально и неукоснительно приходилось отстаивать принципиальные позиции и известную самостоятельность Эрмитажа как подлинной сокровищницы мировой культуры.

Одна из расплат за такое эмоционально насыщенное борение пала на 70-летие Бориса Борисовича. По всем номенклатурным нормам той поры ему уже давно, тем более к этой дате полагалась Звезда Героя, но официально такого юбилея вообще не было. Этот год (1978), как директор пояснял всем, «не Год лошади, а по воле ЮНЕСКО Год Джорджоне». Он, игнорируя рекомендуемое свыше умонастроение, был тверд в своем решении поместить на новогоднем поздравлении Эрмитажа, рассылаемом музеям Мира, репродукцию «Юдифи» — одного из особых шедевров великого мастера кисти. Расплата наступила незамедлительно и вольность наказана сурово — полным официальным забвением заслуженного всей достойной жизнью чествования. И тогда спонтанно произошло нечто неожиданное, убеждающее в том, что человеческая признательность и благодарность не умерли и в это хмурое в Ленинграде время. Эрмитажники при широчайшем участии самого разного люда «со стороны» устроили опальному шефу недельное торжество, такое яркое по искренности, бурным чувствам, творческим выдумкам, что с ним не мог равняться самый высокий официоз. И это неподкупное, идущее от сердец «старых и малых» поздравление прибавило немало сил и воли Борису Борисовичу в его нелегком служении Отечеству.

Как же в итоге можно определить самое главное в богатой личности Бориса Борисовича, перед которой многие и очень многие в неоплатном долгу? Пожалуй, наиболее основательно такое щедрое сплетение человечности и самобытности назвать аристократическим демократизмом как высшей формой проявления человеческого духа.

Именно таким Борис Борисович сохранен в памяти тех, кого жизнь наделила счастьем встречи с ним. Именно это восприятие хочется передать тем, кто в будущем достойно продолжит его великое дело самоотверженного служения Науке и Культуре.

Ленинградский государственный университет

А. Д. Столяр

Дискуссии

Е. Ю. ГИРЯ

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОДУКТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ

В 1928 г. Г. А. Бонч-Осмоловским была высказана мысль о том, что «в зависимости от различных стадий культурного развития» процесс расщепления «производился при помощи различных технических приемов, отражавшихся в форме отщепов. Эти различия в форме являются совершенно несомненными вещественными фактами, в то время как приемы обработки до сих пор остаются для нас неясными; мы можем судить о них лишь предположительно, исходя из морфологических особенностей отщепов» [1, с. 148]. К сожалению, эта точка зрения не нашла поддержки. До сих пор в советском палеолитоведении под характеристикой «приемов», «технологии изготовления» понимается типология нуклеусов, сколов-заготовок и, что встречается довольно редко, описание некоторых форм отщепов. Представление о технологии как о чем-то большем, чем просто морфология продуктов расщепления, как о способе расщепления — такое понимание технологии каменных индустрий отсутствует полностью. Оно не представлено ни в типологическом направлении, где во главу угла поставлена задача составления и сличения тип-листов, ни в экспериментальном, где основное внимание уделяется не столько изучению реально древних способов производства, сколько исследованию самой возможности физического моделирования реплик тех или иных артефактов из различных материалов.

Постановка задачи эксперимента на возможность изготовления реплики артефакта определенного вида в работах В. А. Городцова, С. А. Семенова и учеников его школы понятна и исторически оправдана как первый подход к решению проблемы. Но экспериментатор, ставящий перед собой подобные задачи, решающий их путем физического моделирования, столь же беззащитен перед критикой, сколь и аналитик-типолог, домысливающий возможность того или иного технологического процесса. То же самое можно сказать и по поводу этнографических параллелей. Этнографические свидетельства, проецируемые на факты глубокой древности, могут восприниматься всерьез только с преамбулой: не исключено, что...

Сущность процесса расщепления заключается в возникновении внутри обрабатываемого предмета трещины, отделяющей от него скол,— плоскости, рассекающей его на части. Целесообразное расщепление предполагает умение не только производить эту трещину, но и целесообразно размещать ее на предмете расщепления, управлять ею. Намеренное изготовление любых изделий, даже самых примитивных форм, путем краевого скалывания может быть рассмотрено как процесс управления *плоскостью расщепления* [1] — трещиной, с помощью которой предмету расщепления придается желаемый облик. Каждый негатив скола на предмете расщепления (как и брюшко на отщепе) — это следы

[1] Не путать с поверхностью расщепления.

© Е. Ю. Гиря, 1991 г.

и результаты прохождения в данном сечении плоскости расщепления, направленной (размещенной) мастером именно таким образом. Вне зависимости от того, что предполагалось — получение скола определенной формы или же изменение морфологии самого предмета расщепления, плоскость расщепления, ее морфология и ориентация на предмете расщепления являлись целью мастера. Образование одной плоскости расщепления — минимальный акт в изготовлении любого типа изделия, минимальная технологическая задача. Умение ориентировать эту плоскость, контролировать ход этой трещины внутри материала — вот в чем суть искусства расщепления, средство для достижения любых целей, доступных обработке такого вида. Изучение технологии расщепления поэтому не может не быть прежде всего выяснением способов управления плоскостью расщепления вообще, а анализ конкретных древних индустрий должен предполагать установление конкретных вариантов такого управления.

Возможно ли решать подобные задачи чисто типологически? Современный житейский опыт, хотя и является продуктом исторического развития древнего, не совпадает с ним. Особенно велик разрыв в традиции обработки камня расщеплением и работы каменными орудиями. Попытки преодолеть этот разрыв в рамках современного опыта, даже усиленного многолетней практикой типологического анализа, приводят к созданию в археологии иллюзорных конструкций, возникновению мифов о возможности тех или иных вариантов расщепления. Такие мифы стимулируются необходимостью как-то «заполнить» образовавшиеся в объяснительном аппарате лакуны. К таким мифам в первую очередь я отношу само представление о возможности реконструкции приемов расщепления камня средствами типологического анализа. Простой анализ форм артефактов неспособен установить между ними и между их элементами реальные причинно-следственные связи, выделить действительно значимые признаки из множества второстепенных. Стремясь обнаружить «реально работающие» признаки, типологи обычно прибегают к статистике и разнообразным методам машинной обработки информации. Весьма популярно стремление охватить максимально возможное количество признаков; предполагается, что уж что-то да «сработает», в то время как максимальное количество признаков обеспечивает максимальную мощность «фонового шума». Кроме того, типолог чаще всего не в состоянии объяснить, на что «работают» признаки, статистически выделенные им как значимые.

Восполнить недостатки рационального познания можно только через практику. Выявление технологически значимых признаков — тех, что влияют на плоскость расщепления, параметров, изменение которых ведет к изменению формы этой плоскости или изменению ее положения на предмете расщепления, отбор таких реально работающих признаков — дело эксперимента. Но не всякого. Если у типолога, стремящегося к изучению технологии, иллюзия понимания законов расщепления возникает на основе длительного наблюдения готовых форм, то у экспериментатора могут возникнуть иллюзии иного рода. Умение расщеплять кремень не спасает от возможности заблуждений по поводу законов расщепления до тех пор, пока не будут установлены взаимосвязи между определенными действиями по расщеплению и четкими последствиями в изменении морфологии продуктов расщепления. Такие причинно-следственные связи могут быть установлены через точно контролируемый эксперимент. Это чисто физические эксперименты, для их проведения требуются высокоизотропные виды сырья и специальные приборы. Результаты таких экспериментов могут быть достаточно полно объяснены только с привлечением знаний «сопромата». С формальной стороны, это классические естественнонаучные эксперименты, в которых экспериментатор непосредственно изучает исследуемый объект или процесс. Закономерности, установленные в подобных экспериментах, являются основой для выделения способов управления плоскостью расщепления вообще — общих законов расщепления изотропных тел. К таким закономерностям, например, можно отнести: влияние угла приложения силы к поверхности пред-

мета расщепления на степень разворота конуса Герца; зависимость длины скола от значения угла скалывания и удаленности точки удара от края площадки и т. д.

Исследователь, проводящий технологический анализ, нуждается в знании физических закономерностей расщепления изотропных тел. Понимание законов расщепления на уровне научного знания, использование достижений современных физических дисциплин сокращают путь познания этих закономерностей от миллионов лет, как это происходило в древности, до временны́х рамок разработки одной научной темы в наши дни. Физические закономерности расщепления могут быть изложены по форме: если — то; приемы расщепления предполагают изложение в виде: для того чтобы..., необходимо... Для установления палеотехнологии необходимо прежде всего определение конечной цели расщепления, а это во всех случаях — создание той или иной морфологии.

Каждая конечная морфология может предполагать наличие определенного способа ее достижения, либо, наоборот, различными способами можно достигать достаточно однородных результатов в изменении морфологии продуктов расщепления. Если типология имеет дело с изучением готовых форм, в лучшем случае с их эволюцией, то технологический анализ предполагает своим предметом не констатацию самого факта изменения формы, а выяснение способов целесообразного формообразования — приемов расщепления, с помощью которых данная морфология была создана. Никогда и нигде технология не была самоцелью, она — способ достижения какой-либо цели, выполнения задачи, которую перед технологией может ставить функция в самом широком смысле этого слова.

Конечная цель технологии расщепления — создание нужной формы — выполняется через достижение минимальных технологический целей — управлением конкретными плоскостями расщепления. Целенаправленно ориентированные отдельные плоскости расщепления создают общую морфологию продуктов расщепления, так как каждая такая плоскость, минимальный акт расщепления, является результатом, средством и целью расщепления одновременно. Последнее утверждение звучит несколько непривычно, но на нем следует остановиться особо. Именно снятие одного скола как раз и является основным источником информации о приемах расщепления, именно оно позволяет восстановить конкретную причинно-следственную связь между каким-либо действием по расщеплению и изменением морфологии продуктов этого процесса — связи между способом расщепления, с одной стороны, и ориентацией и морфологией конкретной плоскости расщепления — с другой (имеются в виду положение ее на предмете расщепления, ее длина, ширина, характер рельефа, очертания в плане и профиле). Анализируя археологические коллекции, наблюдая отдельные выполненные в древности плоскости расщепления, по их морфологии, по расположению на предмете расщепления технолог может определить именно тот способ обработки, благодаря которому эта плоскость образовалась именно в этом месте и в таком виде. Возможность установления связи способ расщепления — морфология продуктов расщепления основывается прежде всего на том, что во всех изотропных материалах плоскость расщепления формируется в основном по одним и тем же законам — законам расщепления изотропных тел.

Итак, что же в конечном счете заставляет плоскость расщепления изменять свою ориентацию и морфологию? Причин тому много: это и качество сырья, и наличие включений, и само состояние сырья (наличие трещин и т. д.); спектр этих переменных очень широк, если анализируется процесс образования одной конкретной плоскости расщепления внутри конкретной отдельности горной породы. Но если отбросить случайности, то, опираясь на всеобщее свойство расщепляемых пород — их изотропность, можно выделить те основные переменные, которые будут значимы при образовании плоскости расщепления в любом виде материала, лишь бы он обладал хотя бы небольшой степенью изотропности.

Таких переменных немного: 1) форма предмета расщепления; 2) техника скола [2]: направление, сила и качество внешнего воздействия (удара или давления) и место приложения этого воздействия на поверхности предмета расщепления.

Как видно, перечисленные факторы достаточно банальны, к пониманию их технологической значимости археологи пришли уже давно. Но как определить характер скалывающего удара исходя из формы изделия? И в чем значение той или иной формы заготовки орудия или, скажем, пренуклеуса? Эти задачи под силу только анализу, вооруженному данными эксперимента, позволяющему выявить реально значимые причинно-следственные связи.

Начнем с формы предмета расщепления. Форма предмета расщепления — один из факторов, управляющих плоскостью расщепления, одна из переменных, определяющих формообразование этого же предмета в ходе расщепления. Тавтология? Отнюдь нет. По сути дела речь идет о двух морфологиях: морфология до расщепления (м I) и морфологии этого же предмета после расщепления (м II). Морфология предмета расщепления — морфология I является одним из факторов, определяющих положение плоскости расщепления, ориентирующих разлом внутри этого предмета и тем самым создающих новую морфологию продуктов расщепления — морфологию II. Последняя состоит уже из двух частей: имеющей позитив плоскости расщепления (брюшко скола) и имеющей негатив этой плоскости. Эту зависимость легко продемонстрировать на уже повсеместно принятом положении о влиянии исходной формы сырья на результаты расщепления. К примеру, необходимо получить два полушария с помощью одной плоскости расщепления; естественно, что исходной формой для такого расщепления может стать только сфера. Поэтому зависимость, названную выше, можно прочесть и в обратном порядке: при целесообразном расщеплении для достижения определенной морфологии продуктов расщепления требуется строго определенная морфология предмета расщепления, т. е. морфология II определяет морфологию I и наоборот. Формально эту зависимость можно записать как

$$\text{м I} \longleftrightarrow \text{м II}$$

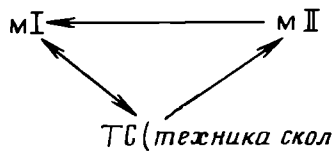
В процессе изготовления орудий чаще всего естественная форма материала не позволяет сразу же получить желаемый результат и требует искусственного создания новой морфологии предмета расщепления — такой морфологии, которая позволит направить плоскость расщепления именно таким образом, чтобы достичь конечной цели. Создание этой новой искусственной или же выбор подходящей естественной морфологии и есть выполнение части технологической необходимости. Особо важные элементы морфологии предмета расщепления, управляющие направлением и характером распространения плоскости расщепления,— угол скалывания (угол между площадкой и поверхностью скалывания) и рельеф поверхности скалывания.

Иные факторы, влияющие на морфологию и направление плоскости расщепления: место приложения усилия и характер самого воздействия — обобщенно можно назвать «техникой скола». Под данными терминами я понимаю широко известные в археологической литературе технику удара, технику удара с посредником и технику отжима сколов. Каждая из этих техник скола как понятие попала в археологию из этнографии и довольно прочно закрепилась в археологической терминологии. По морфологии отдельных плоскостей расщепления: характеру ударного бугорка, степени изгиба плоскости, рельефу ударной волны, а также по некоторым деталям строения места приложения силы на предмете расщепления: углам скалывания, рельефу поверхности скалывания — можно вполне определенно выделить ударную и отжимную техники скола. Их археологичность может быть без труда доказана анализом древних продуктов

[2] Не путать с техникой расщепления и приемом скалывания.

расщепления, их сравнением с экспериментальными образцами. В отличие от отбойника и отжима техника посредника, точнее — критерии ее выделения, еще недостаточно ясна. Эта техника скола, во всяком случае пока, представлена чисто этнографически. Не исключено, что ею пользовались в верхнем палеолите для получения пластин, хотя такие же пластины, имеющие точечные площадки, могут быть получены и отбойником. Различать же плоскости расщепления, полученные отбойником и посредником, достаточно сложно, так как в основе обеих техник скола лежит удар. Более четкое различие можно констатировать пока лишь между отжимом и ударом. При отжиме возможен контроль не только точки приложения силы к поверхности предмета расщепления, но и направления развития плоскости расщепления, а также ее длительности.

Очевидно, что без взаимодействия оба названных фактора управления плоскостью расщепления просто бессмысленны. Способ управления плоскостью расщепления как раз и состоит в сочетании определенной техники скола с той или иной морфологией предмета расщепления, направленном на достижение заданной морфологии продуктов расщепления. Таким образом, минимальный прием обработки, минимальный технологический акт — создание одной трещины, одной плоскости расщепления, в ходе изготовления орудий может быть представлен в виде



Важно подчеркнуть, что все связи, показанные на этой схеме, имеют и прямое, и обратное значение. Оба фактора, определяющих формирование плоскости расщепления, в высшей степени взаимосвязаны: некоторые специфические типы конечной морфологии могут быть получены только с помощью определенной техники скола, и, напротив, отдельные техники скола могут успешно применяться только с соответствующей им исходной морфологией предмета расщепления. Утрированный, но показательный пример: человек не в силах отжать скол шириной в ладонь, для этого требуется ударная техника скола — такой отщеп может быть отбит. Но в то же время для получения очень тонкой и длинной пластины требуется именно отжим, так как использование отбойника приведет к фрагментации заготовки еще в период снятия.

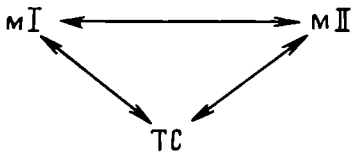
Одна и та же морфология предмета расщепления (м I) в сочетании с различными техниками скола (ТС) приведет к различным результатам в морфологии продуктов расщепления (м II). И естественно, одна и та же техника скола, примененная к предметам расщепления, имеющим различную морфологию, не даст идентичных результатов. Сказанное вовсе не исключает возможности создания идентичных морфологий с помощью различных технологий, но в таком случае различие проявится в морфологии других продуктов расщепления — отходов. Под отходами производства я имею в виду ту часть морфологии II, которая не является целью расщепления,— это могут быть и негативы, и позитивы. К примеру, с помощью одной и той же ударной техники скола изготавливаются пуанты леваллуа: цель — позитив морфологии II (пуант), отход — негатив той же морфологии (нуклеус). Первая технология — пуант изготавливается путем расщепления призматического ядрища, вторая технология — расщепление дисковидного нуклеуса. Цели расщепления идентичны, а способы их достижения — разные. Различие технологий может быть прослежено по различию негативов морфологии II — нуклеусам.

Почти никогда цель расщепления не достигается путем снятия одного лишь скола — созданием одной лишь плоскости расщепления. Но во многих случаях эта цель создается окончательно одним решающим снятием, при этом целью может быть и негатив морфологии II (как, например, это происходит при изго-

товлении резца, ножа костенковского типа, наконечника типа Фолсом и т. д.), и позитив, как в уже приводившемся примере с пуантами. Создание всех этих конечных морфологий — целей расщепления объединяет одно: для того, чтобы эта последняя, кардинально изменяющая морфологию предмета расщепления плоскость расщепления образовалась в нужном месте и создала необходимую морфологию II, исходная морфология предмета расщепления (м I) тщательно готовится множеством иных плоскостей расщепления. В принципе любая морфология, реализованная цель — готовый результат расщепления предполагает выбор или же, что случается гораздо чаще, изготовление исходной морфологии. Из чего следует, что управление плоскостями расщепления в ходе изготовления каменных орудий может быть разделено на два вида — два предназначения тех или иных плоскостей: 1) плоскости расщепления, создание которых направлено на управление другими плоскостями расщепления — на создание исходной морфологии I (это те, что создают сколы подготовки-подправки), и 2) плоскости расщепления, создание которых направлено непосредственно на изготовление конечных морфологий. Поэтому тут уместно отметить, что морфология II лишь тогда совпадает с конечной морфологией, когда данная плоскость расщепления создает окончательно именно ту морфологию, которая была принята за цель обработки.

В тех случаях, когда конечная морфология достигается созданием не одной, а многих плоскостей расщепления, значение технологической необходимости приобретает сам характер сочетания данной техники скола с исходной морфологией предмета расщепления. Это может выражаться в технологической необходимости более или менее строгого соблюдения той или иной последовательности снятий для достижения конечной цели расщепления. Внутри систематической, регулярной, серийной последовательности скалывания могут быть выделены отдельные циклы — повторы определенных сочетаний сколов. Существует и иной вид последовательности снятия сколов — конкретно-ситуационный, он не предполагает общей регулярности, но тем не менее его нельзя назвать «бессистемным» или «случайным», поскольку каждый скол, снятый мастером в ходе расщепления, имеет не случайное происхождение. Расположение каждого скола при этом виде последовательности снятий подчиняется своей отдельной конкретной технологической необходимости, связанной с получением нужной морфологии II. При этом соблюдение регулярной последовательности снятий невозможно без наличия предварительной морфологии, уже имеющей некоторую регулярность, созданную конкретно-ситуационным расщеплением или уже удачно подобранную.

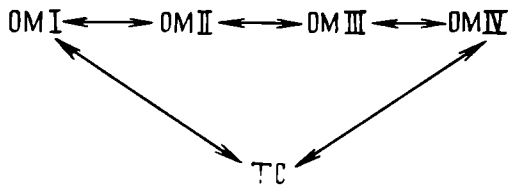
Таким образом, кроме исходной морфологии и техники скола на результат расщепления может оказывать влияние и третий фактор — последовательность снятия — порядок различных сочетаний двух предыдущих факторов. Поэтому, рассматривая последовательность снятий как один из способов управления многими плоскостями расщепления, формирование одной законченной морфологии можно выразить как



повторенное «*n*» раз в *x* последовательности

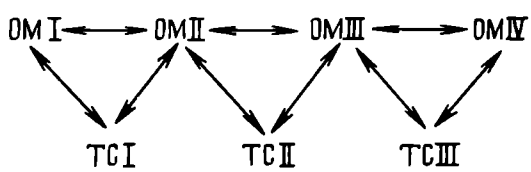
где *n* — число плоскостей расщепления, их количество, которое понадобилось для изготовления конечной морфологии; *x* — порядок этих плоскостей, их последовательность на предмете расщепления и взаиморасположение. Создание каждой отдельной плоскости расщепления определяется морфологией I и техникой скола, но после каждого снятия одна из частей морфологии II — негатив или позитив (к примеру, нуклеус или скол) — превращается в морфологию I для следующей плоскости расщепления. Такой путь изменения общей морфологии (ОМ) предмета расщепления, когда конечная морфология достигается

планомерным снятием сколов как бы в одну фазу, постепенно от скола к сколу, можно назвать «перманентным». Достижение некоторых целей расщепления, таких, как получение отжимных пластин, изготовление тонких бифасов и т. д., в отличие от перманентного способа изменения общей морфологии, связано с технологической необходимостью обязательного создания целого ряда подготовительных морфологий. Сейчас в палеолитоведении принято выделять первичную и вторичную обработки, но на деле при анализе палеоиндустрий порой приходится сталкиваться и с третичными, и с четвертичными обработками. Поэтому такой вид изменения морфологии предмета расщепления я называю просто «стадиальным» (без указания номера обработки). Стадиальное расщепление предполагает не только исходную и конечную морфологии предмета расщепления, но и промежуточные общие морфологии, без создания которых не достичь конечной цели расщепления. Переход от одной промежуточной морфологии к другой при стадиальном расщеплении может быть рассмотрен как перманентное расщепление, если он осуществляется созданием многих плоскостей расщепления. Формально стадиальное расщепление может быть показано как



где ОМ I — исходная общая морфология, ОМ II и ОМ III — промежуточные, а ОМ IV — конечная.

Способ управления плоскостью расщепления в процессе создания каждой промежуточной (подготовительной) морфологии может и не совпадать с предыдущим или последующим, но поскольку ни одна из таких стадий расщепления не имеет самостоятельного значения, все они в комплексе и составляют технологию изготовления. Например, возможен такой вариант технологии:



Критерием выделения таких стадий служит обоснование их технологической необходимости: для создания такой-то морфологии II необходимы такие-то морфология I и техника скола. Из чего следует, что человек, стремящийся к изучению палеоиндустрии, не сможет познать предмет исследования, если не сумеет восстановить морфологию I и технику скола по морфологии II (негативам и позитивам) — по морфологии изделий, продуктов расщепления. Прежде всего ему потребуется установить цель расщепления — конечную морфологию и отходы ее производства (что, собственно, и составляет морфологию II), после чего установить причинно-следственную связь этой морфологии с исходными формами. Именно благодаря обоснованию технологической необходимости той или иной исходной морфологии в археологических коллекциях, представляющих каменные индустрии, могут быть выделены такие формы, как пренуклеус, заготовка наконечника или другого орудия. В отличие от типологического анализа технологический восстанавливает не «филогенетические ряды» форм, а ряды взаимосвязанных причин возникновения конкретных морфологий. Поэтому технологическая связь может быть восстановлена между двумя типологически различными артефактами. Не менее важную роль технологическая необходимость играет при установлении технологической связи между отдельными элементами морфологии одного артефакта. В таком случае

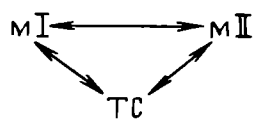
она — один из источников объяснения формообразования артефактов — продуктов расщепления. Такие (технологические) связи могут совпадать или перекрещиваться с иными видами связей внутри контекста данной индустрии, но технологическая связь имеет одно, достаточно весомое преимущество: она раскрывает именно тот способ формообразования, который обеспечил саму возможность появления данной индустрии со всеми ее формами. Технологическая необходимость, таким образом, выступает как наименьшая единица технологического анализа. И поскольку причинно-следственные связи между однородными действиями по расщеплению и однородными изменениями в морфологии продуктов расщепления в древности ничем не отличались от таковых в наше время, то и технологическая необходимость, с которой приходилось сталкиваться древнему мастеру, будет идентична той, с которой сталкивается современный исследователь. Последнее верно лишь в том случае, когда цели и средства современного расщепления совпадают с таковыми в древности. Понятие технологической необходимости всегда связано с какой-либо целью, состоящей в обработке — в изменении морфологии, поэтому приемы расщепления можно характеризовать как реализацию, выполнение ряда определенных технологических необходимостей. Границы действия технологического анализа могут быть определены рамками наличия или же отсутствия технологической необходимости, когда ее место занимает функциональная или какая-либо иная необходимость, непосредственно или же опосредствованно влияющая на формообразование.

Палеотехнология как установленный стереотип поведения может рассматриваться как целостно (и в этом случае выступать при характеристике памятника наравне с типами орудий) так и со стороны структуры ее элементов и их качеств (в этом смысле технологический прием выигрывает в сравнении с формальным типом, поскольку выражает не только данное в артефактах явление, но и его сущность). Таким образом, палеотехнология — это конкретный способ управления плоскостью расщепления, состоящий в определенном сочетании морфологии предмета расщепления и техники скола, направленный на достижение необходимой морфологии продуктов расщепления посредством выполнения комплекса технологических необходимостей, связанных с достижением этой цели. Поэтому анализ палеотехнологий расщепления, с моей точки зрения, и должен состоять в установлении этих неизвестных: цели расщепления и технологически необходимых техники скола, морфологии I и т. д.

Определение цели расщепления — начало технологического анализа, в ходе которого через выявление технологических необходимостей раскрываются способы достижения этой цели не вообще, а в данном археологическом контексте. Учитывая возможность недоброкачественности материала, ошибок расщепления, влияние конкретной формы сырья и т. д., палеотехнология расщепления не может быть выделена на основе анализа отдельных артефактов, даже если это полный ремонтаж. Более того, в чистом виде она может быть и не представлена в продуктах расщепления, дошедших до археолога, поскольку, например, подготовка и расщепление каждого ядрища могли зависеть и от исходной формы сырья, и от случайных включений, и от ошибок расщепления (ныряющее окончание скола, заломы на поверхности скалывания и т. д.). Но тем не менее если эти ядрища служили для получения заготовок единого типа, то только обобщенный способ их получения и может быть назван «технологией». Таким образом, технология может быть выделена только из контекста, который восстанавливается через анализ артефактов, признанных предназначенными для одной цели, для получения идентичной морфологии. Это узкий технологический контекст. Чаще всего каждая индустрия направлена на изготовление орудий различных типов, установление приемов достижения которых позволяет реконструировать более широкий технологический контекст данного памятника. Уровень развития обработки камня расщеплением, установление традиций производства выявляются посредством анализа технологических контекстов различных памятников.

Подобно тому как наиболее общие законы расщепления изотропных тел нельзя установить чисто рациональным путем, не прибегая к эксперименту, конкретный прием расщепления не может быть выделен чисто теоретически. Технологический анализ всегда опирается на результаты эксперимента, проведенного очень давно или поставленного специально для конкретного анализа палеотехнологии. Для выяснения признаков употребления той или иной техники скола, влияния исходной морфологии предмета расщепления на морфологию продуктов этого процесса, для установления результатов конкретного сочетания определенной техники скола с определенной морфологией предмета расщепления, т. е. для выяснения конкретного способа управления плоскостью расщепления, и служит эксперимент. Необходимость в эксперименте возникает также (и чаще всего) при выяснении специфики расщепления конкретного вида сырья, того же, из которого изготовлены изучаемые артефакты. В тех же случаях, когда технологические необходимости, связанные с созданием той или иной морфологии продуктов расщепления, ясны исследователю, он может проводить технологический анализ палеоиндустрий и не прибегая к физическому моделированию, а используя уже накопленный в предыдущих экспериментах багаж информации.

Сказанное вовсе не означает, что древние приемы расщепления — палеотехнологии могут быть восстановлены путем проведения таких же экспериментов, как и те, что направлены на изучение общих законов расщепления изотропных тел. В физических экспериментах исследователь имеет возможность непосредственно манипулировать изучаемым объектом либо изменять изучаемый процесс, в то время как палеотехнология как процесс прошлого не дана исследователю в готовом виде, ее нельзя подвергнуть непосредственному анализу. И в то же время палеотехнология — это использование все тех же общих законов расщепления изотропных тел, но только использование не вообще, а в определенных целях и определенным способом. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать технологический эксперимент как надежный источник информации о прошлом, если, конечно, он опирается не на фантазии археолога, а имеет более весомое основание в археологическом источнике. И в самом деле, если в формуле общего закона целесообразного расщепления



неизвестен один из членов, то вполне возможно восстановить его экспериментально. Например, обнаружив в археологическом источнике морфологию II (негативы и позитивы) и определив технику скола, мы через эксперимент можем определить морфологию I.

Мои представления о роли эксперимента в археологии несколько отличаются от официальных. Эксперимент необходим не только в технологических исследованиях, но и в трасологии, стратиграфии, планиграфии и любых других видах археологических изысканий, где может быть создана экспериментальная ситуация, когда для продолжения исследования необходимо установление какой-либо причинно-следственной связи. Отсюда следует и другой вывод: те исследования, которые не предполагают установления причинно-следственной связи, закономерностей, присущих изучаемому объекту, не могут быть названы экспериментальными в научном смысле этого слова, даже если они и состоят в физическом моделировании и оперировании созданными моделями. Они могут быть названы экспериментальными лишь в одном значении «проба», «попытка».

Возможности эксперимента в археологии ограничены рамками изучения древнего материального производства, что не обесценивает этот метод. Именно таким путем могут изучаться палеотехнологии. Он позволяет восстановить

древние стереотипы поведения в области материального производства, а такая информация о наиболее древних этапах развития человеческого общества не может быть получена ни из этнографических, ни из каких-либо иных источников. На основе эксперимента могут быть выделены как функционально, так и технологически значимые признаки в морфологии археологических источников (артефактов и следов), причем это будут реально значимые признаки, которые не могли не влиять на функцию или же технологию в древности.

Археологический эксперимент, как и все иные виды археологических исследований, изучает объективную реальность прошлого, отталкиваясь от археологических источников — неполных, информативно скупых остатков прошлого. Непосредственное экспериментирование с прошлым невозможно, археологи экспериментируют лишь с моделями древних первичных объектов и процессов. Классическим археологический эксперимент не назовешь — в нем нет непосредственного взаимодействия экспериментатора с объектом изучения, взаимодействие происходит с его заместителем — моделью. Эксперименты такого рода в философии именуются модельными [2, с. 65] Археолог может изучать прошлое только через модельный эксперимент. Иных видов эксперимента в археологии не может быть.

Специфика модельного эксперимента обусловлена тем, что кроме обычной процедуры он требует еще и теоретического доказательства отношения подобия между моделью и натурным объектом, а также обоснования возможности переноса информации, полученной от модели, на этот объект. В приложении к археологии это выглядит как необходимость обоснования отношения подобия между моделью и первичным объектом в прошлом, а также возможности переноса полученной информации на прошлое. Модель в археологическом эксперименте строится лишь по тем данным, которые были получены из археологического источника. Модели, построенные на основе информации, происходящей из иных источников, не археологических по природе — этнографии, здравого смысла или еще каких-либо, не могут служить надежным объектом для экспериментирования, поскольку информация, полученная от таких экспериментов, не может быть связана с археологией. Полученные данные нельзя будет экстраполировать на прошлое.

Если обычно ученый имеет дело с двумя объектами — моделью и оригиналом, то археолог вынужден изучать первичный объект или процесс в древности по модели, построенной на основании данных, полученных из археологического источника. Исследование включает три феномена: археологический источник и его модель (непосредственно), а также оригинал — объект или процесс в прошлом (опосредованно) Реализованные цели древних мастеров, их зафиксированное в археологическом источнике поведение учитываются программой современного моделирования. Они же являются основой и поводом для выработки рабочей гипотезы. Обнаружение первых и разработка второй в совокупности составляют экспериментальную ситуацию, т. е. положение, при котором проведение эксперимента принципиально возможно.

Исходя из модельности археологического эксперимента, для обеспечения полноправного существования экспериментальных данных в археологии любая экспериментальная процедура, к какому бы виду исследования она ни относилась, должна включать в себя следующие стадии: изучение археологического источника и его контекста, выработка рабочей гипотезы и образование экспериментальной ситуации; построение модели изучаемого объекта в прошлом, проверка рабочей гипотезы через оперирование моделью, фиксация результатов; доказательство отношения подобия между моделью и изучаемым первичным объектом через археологический источник, обоснование правомочности переноса данных эксперимента на прошлое, интерпретация новых данных в археологическом контексте.

Все субъективное в археологическом эксперименте не касается, не подменяет собой ни объекта исследования, ни его модели. Субъективность может

иметь место лишь в момент выработки рабочей гипотезы и создания экспериментальной ситуации — это момент творчества археолога, когда он должен найти и выделить такие стороны археологического источника, которые позволяют через эксперимент получить новые данные об основном объекте исследования — предмете или процессе в прошлом. Выбор исходных данных для построения модели субъективен, без сомнения, но не сами данные. Да и субъективен он может быть лишь отчасти, так как это должны быть такие данные, которые будут необходимы и достаточны для обоснования правомочности переноса информации, получаемой при эксперименте с моделью, на изучаемый первичный объект или процесс в древности. Таким образом, произвол субъективного выбора признаков ограничивается вполне объективным контекстом археологического источника, полнота которого определяет и степень достаточности, и необходимость тех параметров изучаемого явления, которые выбраны для моделирования, т. е. определяет саму возможность постановки эксперимента.

Именно с таких позиций рассматриваю я и технологический эксперимент. Как и любой вид археологического эксперимента, он должен включать в исследование как минимум три феномена: источник, объект изучения в прошлом (палеотехнология) и его модель. С источником все более или менее ясно — это артефакты, продукты расщепления. А вот что моделируется? Их морфология?— нет и еще раз нет. Именно в выборе такой стратегии экспериментального расщепления и состояла основная ошибка опытов и В. А. Городцова, и С. А. Семенова, где во главу угла ставилось именно создание формы, идентичной древней, к примеру получение бифаса, скребла, скребка и т. д. И я не ошибусь, если скажу, что большая часть археологов-«каменщиков» имеет такие же представления о функции эксперимента в палеолитоведении и сейчас. Но ведь такая же микропластинка может быть и отжата от десятка различных видов нуклеусов, и случайно получена с помощью отбойника в ходе производства ашельского бифаса. Моделирование формы как таковой слишком мало что доказывает. Для изучения приемов расщепления необходимо моделировать не форму, а различные технологии. Эксперимент в таком случае может и не предполагать реплицирования, полного повторения морфологии археологического образца в модели, а лишь воспроизводить отдельные стороны технологического процесса, что не исключает и моделирования целого комплекса способов управления плоскостью расщепления. И в том, и в другом случае основной задачей эксперимента остается выяснение наличия или же отсутствия какой-либо конкретной технологической причинно-следственной связи. Именно поэтому я настаиваю на четком отграничении того, что называется «изготовлением реплик древних орудий в условиях, максимально приближенных к древности», от моделирования технологий расщепления.

Физическое моделирование технологии расщепления — процесс, подчиненный нуждам технологического анализа той или иной археологической индустрии. Его цель — установление конкретных технологических необходимостей: ведь сам по себе технологический анализ может быть рассмотрен как мысленный эксперимент по расщеплению. От типологического анализа его отличает то же, что и изготовление реплик от моделирования технологии: в одном случае мы имеем дело с исследованием, нацеленным на установление причинно-следственных связей (технология), в другом — нет. Анализ технологии расщепления — это прежде всего установление технологических связей между отдельными формами продуктов расщепления внутри определенной индустрии. Являются ли эти связи причинно-следственными? Бесспорно. Так, определенная исходная морфология предмета расщепления является одной из причин определенной конечной морфологии продуктов расщепления. Как уже указывалось, восстановление технологической связи между отдельными формами продуктов расщепления в археологической коллекции должно сопровождаться обоснованием технологической необходимости, скажем необходимости морфологии I для получения

морфологии II при определенной технике скола. Определив конечную цель расщепления, в данном археологическом контексте исследователь-технолог должен определить тот способ управления плоскостью расщепления, благодаря которому древнему мастеру удалось достичь конечной морфологии продуктов расщепления. То есть необходимо выяснить, в какой технике скола достигнута данная конечная морфология, какова была исходная, играла ли при этом решающую роль последовательность скалывания. С этой точки зрения анализируются вся коллекция расщепленного кремня, все продукты расщепления, происходящие из данного памятника. Выявляются формы, соответствующие теоретическому облику морфологии I (исходной), т. е. те, которые потенциально могли бы быть «заготовками» морфологии II (конечной). Представление о такой теоретической форме складывается у исследователя на основе понимания технологической необходимости, на основе личного опыта расщепления, знания общих законов расщепления, а также на основе опыта анализа других археологических коллекций. Но все это в данном случае не имеет прямого доказательного значения; эта информация — лишь повод и основание для создания рабочей гипотезы. Представление о технике скола — второй составляющей способа управления плоскостью расщепления — формируется при анализе характера остатков плоскостей расщепления: негативов и позитивов снятий, создающих морфологию II. Как уже указывалось, при этом учитывается и величина негативов сколов, и характер ударного бугорка, и ударной волны и т. д., вплоть до угла скалывания. Выяснение теоретической модели морфологии I и анализ техники скола, с помощью которой создавалась морфология II, в совокупности позволяют сформировать представление о морфологии тех сколов, которые необходимо было бы снять, если предполагаемая морфология I действительно являлась исходной для производства морфологии II, принятой за конечную цель расщепления. Обнаружение сколов с такой морфологией среди продуктов расщепления изучаемой индустрии превращает гипотезу о том, что морфология I является исходной по отношению к морфологии II, в утверждение: да, форма I является исходной для изготовления формы II в данном археологическом контексте, между ними установлена технологическая связь. Сколы, позволяющие доказать реальность, археологичность этой связи я называю «технологически значимыми». Технологически значимые — это морфологически устойчивые сколы выполнения той или иной технологической необходимости. К таким сколам можно отнести, например, весьма часто встречаемые в пластинчатых индустриях реберчатые сколы, назначение которых в превращении пренуклеуса в нуклеус. «Таблетка» — скол выполнения технологической необходимости изменения угла скалывания или геометрии площадки нуклеуса. Реберчатые сколы — для формирования рельефа поверхности скалывания, это наиболее часто встречаемые разновидности, которые в отдельных случаях, в конкретных приемах получения призматических пластин, могут иметь не только некоторые морфологические особенности, но подчас и различное технологическое значение. Различные приемы расщепления предполагают различные типы таких сколов. Так, например, при анализе кремневого инвентаря трипольской мастерской Бодаки мною был выделен как технологически значимый скол, имеющий назначение в уплощении тыла площадки нуклеуса. Анализ неолитической индустрии Матвеева Кургана позволил установить морфологически устойчивую категорию сколов, имеющих назначение в поднятии рельефа поверхности скалывания нуклеуса, увеличении степени ее выпуклости. Технологически значимые сколы, несмотря на свою морфологическую устойчивость, не являются сами по себе конечной целью расщепления, что, впрочем, не означает, что некоторые из них не могли бы быть использованы в качестве орудий или же заготовок для них. Но первичное их назначение — создание иной морфологии, необходимости получения которой эти сколы обязаны своим происхождением.

Но вернемся к технологическому анализу каменной индустрии: удалось установить технологическую связь между морфологией I и морфологией II, дока-

зать реальность этой связи путем выделения технологически значимых сколов — это ведь почти «ремонтаж» данной индустрии, только в сильно «обобщенной» форме. Существует мнение, что отдельный складень, если это собрание достаточно большого количества сколов, сам по себе является уже готовым образцом реконструкции палеотехнологии расщепления. Ведь в таком случае и доказывать-то ничего не надо — знай себе подбирай сколы. И это так, если понимать технологию как констатацию, как описание последовательности смены форм. В этих рамках ремонтаж — не требующее никаких более доказательств свидетельство. С моей точки зрения, последовательность снятий — это только часть технологической информации, но не вся она. Для изучения палеотехнологии расщепления результаты ремонтажа (складни) должны быть подвергнуты такому же анализу, что и неремонтажированные продукты расщепления. Но и в этом случае информация о расщеплении, полученная при анализе отдельного складня, может и не отражать технологии расщепления, характерной для данной индустрии, поскольку это — лишь единичное конкретное воплощение идеи, возможно, неудачное или незаконченное. Между тем деление продуктов расщепления на технологически взаимосвязанные группы позволяет в максимальной мере избавиться от таких случайностей и предоставляет возможность более обоснованно судить о той палеотехнологии, продуктом которой является данная каменная индустрия. Но ремонтаж, выделение стадий расщепления — это все-таки еще не технология. Описание палеотехнологии, исходя из сказанного, состоит в обосновании выделения составляющих способа управления плоскостью расщепления. Таким образом, результат технологического анализа — обобщенное изложение тех мер по управлению плоскостью расщепления, следы использования которых удалось точно и с достаточной степенью уверенности зафиксировать в археологическом источнике.

Большое разнообразие палеотехнологий предполагает не меньшее количество технологических необходимостей, установить и объяснить которые должен технолог. Отказываться от физического моделирования технологий сегодня, по-видимому, рано. Пока нет возможности моделировать с помощью ЭВМ расщепление любых исходных форм сырья любых качеств с помощью любой техники скола, отказаться от эксперимента — значит, потерять единственный способ верификации теоретических по сути предположений о способах управления плоскостями расщепления. Корректно проведенный эксперимент не просто иллюстрирует теорию, а именно доказывает или опровергает ее состоятельность и идентичность тому способу обработки, который использовался в древности для создания той или иной индустрии. В ходе технологического анализа исследователь сталкивается с артефактами — продуктами расщепления, способ изготовления которых ему неясен. Он выдвигает рабочую гипотезу о возможном способе управления плоскостью расщепления. Моделируется технология расщепления — тот или иной вид последовательности скалывания в сочетании с определенной морфологией I и какой-либо техникой скола. Полученная морфология II — морфология продукта расщепления — должна быть по основным признакам идентична морфологии артефактов. В этом случае гипотеза принимается — модель признается соответствующей оригиналу — палеотехнологии. Вот сжатое описание эксперимента. При этом основными признаками могут считаться лишь те, появление которых исключено при ином способе управления плоскостью расщепления.

Итак, имеется две процедуры исследования: 1) технологический анализ — мысленный эксперимент по расщеплению, цель которого — изучение палеотехнологий; 2) эксперимент — физическое моделирование палеотехнологии, призванное установить конкретные причинно-следственные связи — конкретные технологические необходимости. Задачи эксперимента полностью подчинены требованиям технологического анализа, для проведения которого необходимо: определить цель (цели) расщепления — конечную морфологию, исходные формы, технологически значимые сколы и т. д. Успешность проведения технологиче-

ского исследования зависит, следовательно, не только от способностей и эрудиции исследователя, но прежде всего от степени полноты археологического источника. Ведь не каждая археологическая коллекция имеет в своем составе все перечисленные технологические категории артефактов. Скорее, наоборот,— наличие всех этих групп в одной коллекции — редкое исключение. Зачастую отсутствие той или иной категории артефактов в коллекции — признак, характеризующий предназначение памятника: так, на мастерской представлены, как правило, лишь исходные формы и технологически значимые сколы вместе с иными отходами производства и не представлены конечные формы. В могильнике, напротив, более вероятно обнаружение конечных форм при отсутствии иных категорий. Одна и та же палеоиндустрия может, таким образом, быть представлена различными археологическими коллекциями. На практике не всегда возможно с достаточной степенью уверенности выделить цель расщепления. Реальные палеоиндустрии зачастую не только имели множество целей расщепления, но и предполагали наличие помимо морфологии I и II еще и III и IV, а иногда и более, что при отсутствии конечных или же промежуточных морфологий в материалах коллекции может привести к признанию исходных форм за возможные конечные и т. д. Положение тем не менее не безвыходное: всякая мастерская предполагает наличие стоянки, равно как и всякий могильник предполагает наличие места, где изготавливали кремневый погребальный инвентарь. И если до сих пор эти памятники не известны, то не исключено, что они будут открыты в будущем, а возможно, и опознаны среди уже открытых. В данном случае на помощь в изучении узкого технологического контекста может прийти анализ технологических контекстов различных памятников. В ходе такого анализа может решаться вопрос не только о схожести или же различии разных индустрий с технологической точки зрения, но и вопрос о принадлежности коллекций двух различных памятников к одной палеотехнологии (или даже одной палеоиндустрии). Методика подобного исследования пока остается совершенно неразработанной, но, безусловно, и при сравнении узких технологических контекстов, и при сравнении контекстов различных памятников вопрос о родстве, схожести или различии не может решаться иначе как путем установления целей расщепления, технологических необходимостей и т. д., т. е. тем же путем, что и анализ простейших технологических цепочек.

Конкретный способ изучения той или иной палеотехнологии — дело творчества археолога, что, конечно, не исключает необходимости доказательности и принципиальной проверяемости любого положения. И это не должно вызывать удивления — ведь неудивительно, что пещерные памятники раскапываются не по той же методике, что стоянки открытого типа или курганы. Сам объект исследования диктует тот или иной способ его познания, и если при изучении одной технологии значимость будет иметь длина скола в отношении к его изгибу, то в иных случаях такое отношение может оказаться за рамками технологической необходимости. Постоянно значимыми всегда остаются лишь наиболее общие законы расщепления — зависимость между м I, м II и ТС, равно как и законы расщепления изотропных тел, конкретное проявление которых требует дальнейшего уточнения, что, конечно же, связано с привлечением специалистов-физиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бонч-Осмоловский Г А.* Об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. 1928. № 2—4.
2. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.—Л., 1966.

Ленинградское отделение
Института археологии
АН СССР

E. Yu. GIRYA

THE PROBLEMS OF TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF SPLITTING STONE PRODUCTS

Summary

Splitting stone for producing tools can be characterized as a process of mastering a splitting plane and a crack dividing stone in two parts — positive and negative ones. The formation of such a crack is a minimal technological task. Mastering the orientation of a plane and control of its morphology are the means of making tools of various forms. The main role in formation of a plane belongs to some factors: initial form of a stone to be split; direction, force and quality of a blow or a pressure; the place for applying force on the surface of a stone. The aim of a technological analysis is to define palaeotechnology. The study of this subject allowes to characterize the aims of splitting and connected technological aspects of it. The experimental simulation of ancient splitting technology is necessary for more full knowledge of mastering splitting plane. Ancient technology of making stone tools can be restored in such a way.

В. Б. ДОРОНИЧЕВ

АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИИ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: ПРОБЛЕМА МЕТОДА

В статье рассматриваются существующие методы исследования раннепалеолитических нуклеусов и сколов с тем, чтобы выявить тенденции развития этих методов и найти фокус, к которому они направлены. Из названия статьи следует, что этот фокус автор связывает с проблемой метода. Слово «проблема» предполагает принципиальную новизну решения, поэтому речь пойдет о новом методе. Содержание статьи — не историографический анализ сложения разных методов и развития основанных на них научных представлений о технике расщепления камня раннего палеолита. Мой подход будет состоять в другом: во-первых, охарактеризовать методы, применяемые сегодня; во-вторых, обозначить наиболее прогрессивные, с моей точки зрения, тенденции изменения этих методов; в-третьих, определить содержание, как я его себе представляю, того нового метода, к которому эти тенденции ведут.

Начну с характеристики методов исследования техники первичного расщепления. Можно выделить шесть таких методов: 1 — планиграфический, 2 — ремонтаж, 3 — экспериментальный; 4 — этнографический, 5 — типологический, 6 — технологический. Планиграфический анализ мест расщепления и обработки камня позволяет судить об условиях осуществления этих процессов на палеолитических поселениях, а также иногда о средствах, применяемых при этом. Однако он, как правило, не дает информации о самом процессе расщепления. Такую информацию дает ремонтаж нуклеусов и сколов. Это, строго говоря, не метод исследования, а способ материальной реставрации, аналогичный реставрации форм сосудов по фрагментам керамики. Такая реставрация всегда конкретна: она позволяет судить о процессе расщепления данного нуклеуса или последовательности скалывания данной группы сколов. Однако расщепление каждого нуклеуса — процесс в чем-то индивидуальный, а технология расщепления — процесс, основанный на повторяющихся приемах и стадиях расщепления, повторяемости, при которой многообразие индивидуальных отклонений значительно нивелировано. Методы, позволяющие представить технику расщепления как такой процесс, имеют решающее значение в археологическом познании, поскольку вскрывают традиционно закрепленные нормы производственного поведения коллективов первобытных людей.

Первый из этих методов, экспериментальный, заключается в материальном копировании палеолитических нуклеусов и сколов. Направление его развития — создание копий, максимально приближенных к оригиналам. Это направление основано на том методологическом принципе, что совпадение материальных объектов (современной копии и палеолитического оригинала) в принципе означает совпадение процессов их создания: действий современного экспериментатора и первобытного мастера. Второй метод, этнографический, основан на наблюдениях, связанных с техникой расщепления камня у первобытных народов современности и экстраполяции этих данных на ископаемую первобытность на основе того же методологического принципа, что и в экспериментальном методе. В своем обзоре я рассмотрю только экспериментальный метод, а в отношении

© В. Б. Дороничев, 1991 г.

этнографического ограничусь сказанным. Это обусловлено тем, что в развитии эксперимента выявляются интересующие нас прогрессивные тенденции, которых нет в этнографическом наблюдении. Эти тенденции будут анализироваться позже.

Рассмотрим следующий метод — типологический. Основное отличие типологии нуклеусов и сколов от их экспериментального моделирования, на мой взгляд, заключается в двух моментах. Первое: типология представляет технику расщепления прежде всего как группировку форм нуклеусов и сколов, а эксперимент — как процесс формообразования. Второе: типология имеет смысл лишь в отношении техники расщепления палеолита, а эксперимент всегда связан с расщеплением камня в настоящее время. Учитывая эти два момента, можно заключить, что основное направление совершенствования типологии — создание наиболее логичных и адекватных научным знаниям о технике расщепления группировок палеолитических нуклеусов и сколов.

А теперь обратимся к интересующим нас тенденциям развития экспериментального и типологического методов. Курс этих тенденций — сближение обоих методов на новой методической основе — технологическом анализе. Первая тенденция связана с раскрытием возможностей типологии как метода анализа систем. В области теории она проявляется в формировании представления о технике расщепления как системе, в области прикладных исследований — в группировке не только форм нуклеусов и сколов, но и существующих между ними технологических связей (направлений формообразования). Вторая тенденция связана с конкретизацией эксперимента как одного из компонентов комплексного исследования археологических комплексов. Она проявляется в использовании экспериментального метода для моделирования формообразования нуклеусов и сколов конкретных археологических памятников.

Эти тенденции, насколько можно судить, активно начали формироваться в 60-е годы. В это время Ф. Борд публикует известную схему подготовки черепаховидного нуклеуса и скалывания отщепа леваллуа [1]. Несколько позже он и Д. Крэбтри изучают нуклеусы и сколы позднеперигордийского комплекса в Корбьяке (Дордонь), осуществляют экспериментальное моделирование их формообразования и публикуют статью о стадиях подготовки нуклеусов этого памятника [2]. В эти же годы польский археолог Р. Шильд изучает динамику подготовки использования и переоформления нуклеусов позднепалеолитических комплексов Мазовии (Польша). Эти исследования приводят его к созданию метода динамического технологического анализа, или классификации [3, с. 60] Тогда же появляются работа японского ученого К. Хаяси о стадиях подготовки клиновидных нуклеусов из позднепалеолитических — мезолитических комплексов Японии [4] и единственная в советской литературе публикация Р. Х. Сулейманова, в которой делается попытка применить основы технологического анализа для выявления динамики формообразования мустьерских нуклеусов [5]

Появление этих разработок не было случайным явлением. Тенденция изучать технику расщепления как процесс, т. е. как технологию расщепления, основывалась, с одной стороны, на попытках типологов выявить технологические закономерности, приводящие к появлению тех или иных форм палеолитических нуклеусов и сколов, с другой — на стремлении экспериментаторов использовать свои общие представления о закономерностях расщепления камня применительно к конкретным археологическим материалам. Технологическое направление изучения техники расщепления продолжало развиваться в 70—80-е годы и к настоящему времени имеет немало сторонников и довольно широкий спектр методических разработок. Насколько мне известно, в наиболее организованном виде, как метод исследования, оно оформилось в динамическом технологическом анализе Р. Шильда. Поэтому на работе последнего «Введение в динамический технологический анализ...» [3] остановлюсь подробнее.

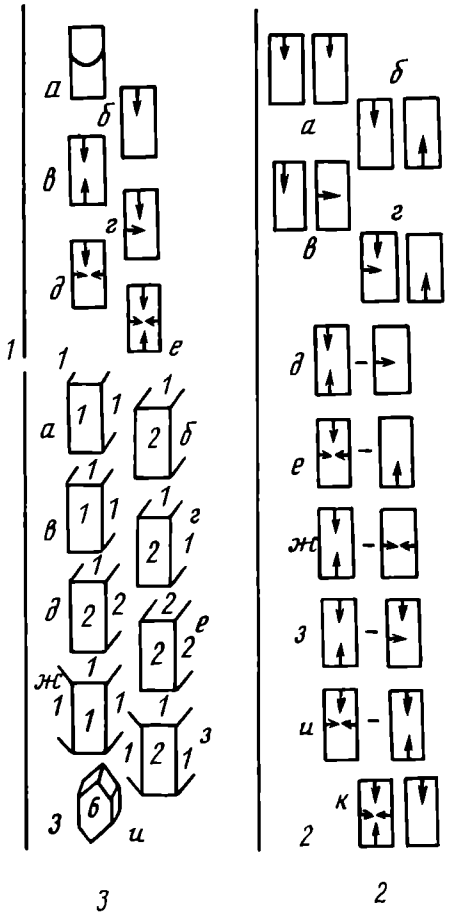


Рис. 1. Типы нуклеусов и их условные изображения. *1* — односторонние: *а* — с одним негативом; *б* — одноплощадочные; *в* — двухплощадочные встречного скалывания; *г* — двухплощадочные продольно-поперечного скалывания; *д* — трехплощадочные; *е* — многоплощадочные; *2* — двусторонние: *а* — одноплощадочные; *б* — двухплощадочные альтернативного скалывания; *в* — трехплощадочные (продольно-поперечный + одноплощадочный); *д* — трехплощадочные (встречного скалывания + одноплощадочный); *е* — четырехплощадочные (трехплощадочный + одноплощадочный); *ж* — четырехплощадочные (встречного скалывания + встречного скалывания); *з* — четырехплощадочные (встречного скалывания + продольно-поперечный); *и* — многоплощадочные (трехплощадочный + встречного скалывания); *к* — многоплощадочные (многоплощадочный + одноплощадочный). *3* — многогранные: *а* — двугранные двухплощадочные; *б* — двугранные трехплощадочные; *в* — трехгранные трехплощадочные; *г* — трехгранные четырехплощадочные; *д* — трехгранные пятиплощадочные; *е* — трехгранные шестиплощадочные; *ж* — четырехгранные четырехплощадочные; *з* — четырехгранные пятиплощадочные; *и* — многогранные шестиплощадочные

Как сообщает автор, с идеей динамического технологического анализа он выступил в 60-х годах. Суть его идеи состояла в том, что классификацию каменных изделий (нуклеусов, сколов, орудий) надо производить по признакам, связанным с технологическими процессами по созданию, использованию и переделыванию этих изделий. Другими словами, группировка форм артефактов (определение места артефактов в тип-листе) должна производиться в соответствии с их положением в рамках этих процессов. Классификации изделий, таким образом, должна предшествовать реконструкция, насколько она возможна в каждом конкретном случае, «технологии нуклеусов и орудий». Р Шильд называет два основных способа такой реконструкции: 1) ремонтаж, 2) «реконструкция технологии через „чтение" индивидуальных историй артефактов, сообщенных в их признаках» [3, с. 58]. Для нуклеусов такими признаками являются негативы сколов, для сколов — огранка спинки, для орудий — ретушь. Эти реконструкции должны быть строго конкретны, т. е. производиться для каждого археологического комплекса в отдельности, независимо от знания технологии, применяемой в других комплексах, так же как и от общих представлений о способах обработки камня. Такой подход позволит правильно определять морфологически сходные, но технологически разнородные категории изделий. Р. Шильд отмечает, что его метод является «интуитивной» классификацией, поскольку основан не на измерениях и статистике, а на общих знаниях о технологии расщепления камня («использование этого метода в технологически неподготовленных руках может дать мало пользы») и умении соотнести эти знания с конкретными археологическими материалами, не навязывая первых вторым [3, с. 59]. Конечной целью динамического технологического анализа является: «показать намерения мастера путем группировки вместе объектов, происходящих от схожих функций в процессе подготовки, использования и переоформления нуклеусов и орудий» [3, с. 59].

Мои собственные разработки в области техники расщепления камня были начаты в 1980 г. Потребность заняться исследованиями в этой области возникла у меня вследствие неудовлетворенности типологическим методом анализа нуклеусов. Основное возражение вызвал распространенный взгляд на нуклеусы

как на целостные формы, подобные типам орудий (здесь можно сослаться на работы В. П. Любина, И. И. Коробкова, В. Н. Гладилина и др.). При таком подходе основное внимание уделяется построению как можно более логичной и всеохватной классификации типов нуклеусов (рис. 1) и новаторство видится в критике недостатков типологических систем предшественников и создании собственной, более логичной и всеохватной типологии. Следующий пункт моих возражений касался того широко применяемого исследователями методического принципа, когда непосредственно из списка типов нуклеусов делаются заключения о технике расщепления камня. А поскольку набор типов нуклеусов в любом археологическом комплексе оказывается весьма разнообразным, то обычно делается вывод, что первобытные люди конкретной стоянки владели одновременно несколькими техниками расщепления и без особого труда переключались с одной на другую [6, с. 20]

Изучив многие работы советских и зарубежных исследователей, я пришел к выводу, что принцип видеть за разнообразием типов нуклеусов разнообразие техник расщепления основан на господствующем представлении о самой структуре техники расщепления. Согласно ему, техника расщепления состоит из двух компонентов: 1) способов подготовки нуклеусов к расщеплению (техники подготовки), 2) способов скалывания заготовок и подправки нуклеусов (техники скалывания). Я обратил внимание, что за пределами понятия конкретной техники расщепления отмечается еще третий компонент — последовательность срабатывания, или утилизации, нуклеусов. Он не включается в структуру какой-то конкретной техники расщепления, а рассматривается как своеобразный «стержень», на который «нанизываются» различные техники расщепления в процессе раскалывания камня (нередко — одного куска породы). Например, начиналось расщепление в леваллуазской технике получения пластин (нуклеусы одно- и двухплощадочные параллельного скалывания), в середине использовалась мустьерская техника (нуклеусы радиальные и вееровидные одно- и двусторонние), а завершалось все бессистемным раскалыванием (многогранные, ортогональные и прочие нуклеусы) либо снятием одного крупного леваллуазского отщепа (нуклеусы черепаховидные). Название понимаемых таким образом техник расщепления «приемами», «способами», «принципами» и т. д. сути не меняет.

Считается, что последовательность срабатывания нуклеусов — процесс практически не восстановимый, так как нуклеус представляет собой обычно конечный, нередко значительно переработанный продукт расщепления. Поэтому является правилом оговаривать процесс утилизации, делать предположение о его содержании, но не исследовать. Исключениями в советской литературе являются, пожалуй, лишь попытка Р. Х. Сулейманова проанализировать типологическую изменчивость нуклеусов Оби-Рахмата и графически отобразить процесс их утилизации [7, с. 78, рис. 5] да экспериментальные разработки В. Е. Щелинского [8]

Вывод, который я сделал из этого наблюдения, состоял в том, что разнообразие техник расщепления, видимое за разнообразием типов нуклеусов, возникает потому, что в структуру техники расщепления не включают последовательность срабатывания нуклеусов. А ведь именно этот технологический процесс, основное содержание которого состоит в освоении на нуклеусах новых участков расщепления, как показали многочисленные эксперименты, является главной причиной, порождающей многообразие типов нуклеусов в комплексах раннего палеолита. Исходя из изложенных выше наблюдений, я решил рассмотреть структуру технологии расщепления (поскольку речь пойдет о технологических процессах, то в дальнейшем будет использоваться термин «технология» вместо «техника», тем более что понятие «техника расщепления» кроме собственно технологии включает еще технику скола и ряд других условий расщепления камня) как состоящую из трех компонентов: технологии подготовки нуклеусов к расщеплению, технологии скалывания заготовок и подправки

нуклеусов и технологии срабатывания, или утилизации, предмета расщепления. А поскольку говорится о структуре, то потребовалось определить критерий ее целостности, дающий основание для отделения одной технологии расщепления от другой. Таким критерием является общеметодологический принцип системности, суть которого в данном случае состоит в том, что каждая технология расщепления должна рассматриваться и как система, т. е. в качественном единстве и взаимосвязи определенных технологий подготовки, скалывания и утилизации. Если какой-то из этих трех компонентов отсутствует, то нельзя говорить и о технологии расщепления, как, например, нельзя назвать технологией расщепления «бессистемное завершающее расщепление» или снятие одного крупного отщепа на заключительной стадии утилизации дисковидного нуклеуса.

Далее встал вопрос о единице анализа компонентов этой системы. Я обратил внимание, что утилизация нуклеусов в раннем палеолите осуществлялась, как правило, путем создания новых ударных поверхностей и включения их в процесс скалывания заготовок. Поэтому наиболее логичной, на мой взгляд, единицей анализа технологии расщепления является морфологическая структура, состоящая из одной ударной поверхности и негативов снятых с нее сколов, т. е. одной поверхности скалывания. Для обозначения этой структуры мною был использован термин «система снятий». Этот термин ввел в научный оборот В. П. Любин, определив «систему снятий сколов в параллельном направлении» наряду с критерием количества и порядка расположения ударных площадок как основание классификации леваллуазских нуклеусов [6, с. 24, 26, 27] Система снятий, видимо, понималась им не просто как совокупность негативов сколов, а как сочетание этих негативов и ударной площадки, с которой они технологически связаны, поскольку типологическое значение этого понятия «регламентируется расположением и количеством ударных площадок» [6, с. 27]; в систему снятий, очевидно, включались и негативы сколов подправки поверхности скалывания. Взяв за основу понятие «система снятий», я расширил его содержание, распространив этот термин не только на «системы снятий сколов в параллельном направлении» (системы параллельных снятий), но и на системы с одним снятием (сочетание одного негатива и одной ударной площадки), системы с конвергентными снятиями (системы конвергентных снятий) и системы с чередующимися снятиями (сколы идут в противоположных направлениях, как бы от «ребра», а ударными поверхностями служат негативы предшествующих снятий).

Использование системы снятий как основной единицы анализа позволяет изучать технологию расщепления как систему, состоящую из трех взаимосвязанных технологических процессов: 1) технологии подготовки — последовательности подготовки нуклеусов к расщеплению (подбор сырья, подготовка его к собственно скалыванию «сколов-заготовок», если таковая присутствует, пробное скалывание); 2) технологии скалывания — последовательности скалывания в одной системе снятий (подбор или оформление, а затем подправка ударных поверхностей, определенная последовательность снятия сколов с ударных поверхностей, подправка поверхностей скалывания); 3) технологии утилизации — последовательности изменения количества и расположения систем снятий на нуклеусах, которая выражается в односторонней, двухсторонней или многогранной (в разных плоскостях) основных формах утилизации. Две последние технологии осуществляются параллельно при расщеплении каждого конкретного нуклеуса, отражая, с одной стороны, процесс получения сколов как функциональную цель техники расщепления, с другой — процесс срабатывания предмета расщепления.

Данное понимание технологии расщепления не имеет ничего общего ни с рассмотрением ее как простого суммирования итогов «чтения» индивидуальных историй раскалывания каждого конкретного куска породы (нуклеуса, в широком смысле), ни с иерархическим структурированием процесса расщепления

камня и его результатов на соподчиненные по принципу пирамиды уровни «принципов», «способов», «групп» и т. д., ни с интуитивным конструированием этого процесса на основе логики: «я так думаю — значит, так оно и есть». Как уже указывалось выше, мое понимание технологии расщепления исходит из того, что она составляет часть более широкого понятия «техника расщепления» и является логическим обобщением какого-то объема информации, полученного путем статистических (даже простейших) расчетов для каждого из трех составляющих ее технологических процессов.

При таком подходе классификация нуклеусов как целостных форм не только отходит на второй план, уступая ведущее положение анализу систем снятий, но и непосредственно подчинена этому анализу. Нуклеусы как целостные формы (-типы) используются только для изучения количества, порядка расположения и характера технологических взаимосвязей представленных на них систем снятий, т. е. для анализа технологии утилизации. В отношении двух других технологических процессов нуклеусы представляют лишь первичный материал для получения конкретных значений аналитических критериев (признаков). Эти значения заносятся в общие матрицы данных и в дальнейшем рассматриваются как исходная эмпирическая совокупность для статистических расчетов. Все выводы по технологиям подготовки и скалывания основаны на усредненных величинах, полученных в результате этих расчетов. Таким образом, речь идет о средних, т. е. наиболее характерных для данной коллекции нуклеусов, значениях разных критериев и, следовательно, об их наиболее типичном соотношении. Такой подход имеет место и в отношении технологии утилизации, которая дает представление не о конкретных «историях» срабатывания каждого нуклеуса, а о наиболее типичной последовательности осуществления этого процесса.

Теперь перейдем непосредственно к методике динамического технологического анализа (ДТА) нуклеусов. Автор имел возможность опробовать этот метод на материалах нескольких раннепалеолитических комплексов: обсидианового местонахождения Джрабер VII, Армения (131 нуклеус); нижнего культурного слоя раскопа 1 открытой стоянки Кетросы, Юго-Западная Украина (30 нуклеусов); местонахождений Абадзехского (три коллекции по 184, 166 и 382 нуклеуса), Фортепьянковского (139 нуклеусов), Курджипского (102 нуклеуса) и Шаханской мастерской (55 нуклеусов [10]) в Прикубанье [1]

В результате этих опытов эмпирическим путем мною был отработан определенный набор аналитических критериев.

А. Критерии, характеризующие нуклеус в целом. 1 — форма сырья: а) естественная отдельность породы (галька, желвак, кусок и т. д.); б) искусственная отдельность породы (расколотая галька, отщеп и т. д.); в) неопределимая; 2 — вид сырья (порода и ее специфика); 3 — величина нуклеуса — наибольшее сечение (L).

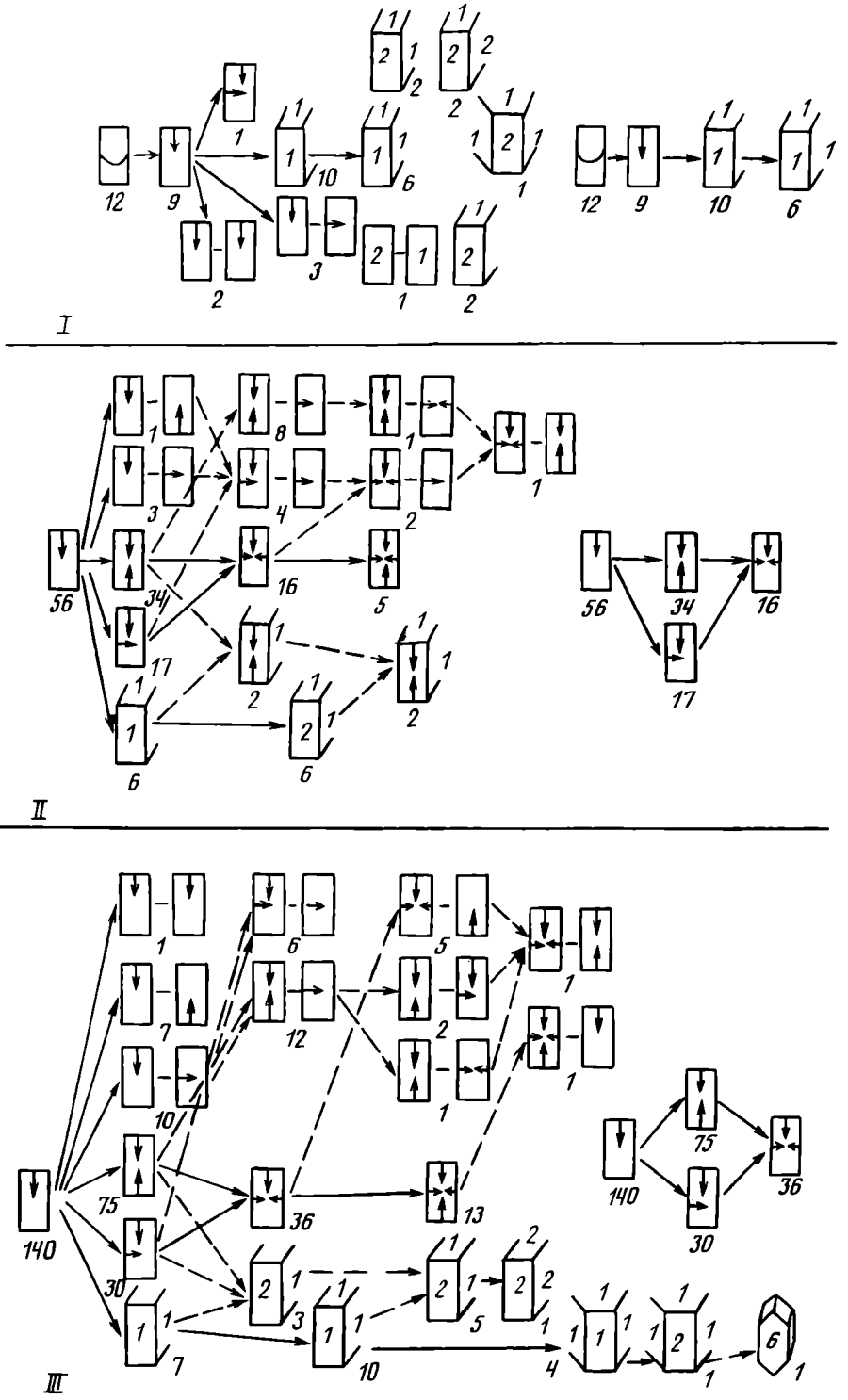
Б. Критерии, характеризующие ударные поверхности систем снятий. 4 — характер оформления ударной поверхности: а) естественная, б) оформленная одним, двумя, тремя, четырьмя и т. д. сколами; в) оформленная неопределимым количеством сколов; г) фасетированная (мелкие фасетки ретуши); д) неопределимая; 5 — наличие подправки по краю ударной поверхности (при наличии более крупных сколов оформления этой поверхности): а) подправленная таким-то количеством мелких сколов или ретушью; б) неподправленная; в) наличие подправки неопределимо; 6 — угол наклона ударной поверхности к поверхности скалывания — $\angle\alpha$

В. Критерии, характеризующие поверхности скалывания систем снятий. 7 — показатель выпуклости поверхности скалывания $\angle\beta$ [7, с. 79, 80]; 8 — рас-

[1] Все материалы, кроме указанных в [9, 10], не опубликованы. Они происходят из раскопок В. П. Любина, Н. К. Анисюткина, П. У Аутлева, Л. В. Головановой. Автор приносит им благодарность за разрешение использовать эти материалы.

положение негативов на поверхности скалывания: а) один негатив, б) параллельное, в) конвергентное, г) чередующееся, д) неопределимое; 9 — наличие негативов подправки поверхности скалывания: а) их размеры, б) расположение, в) технологическая необходимость, г) другие характеристики.

Необходимого и достаточного для любой коллекции нуклеусов набора критериев я не даю, да его и не может быть. Каждый исследователь в праве сам формировать свой набор аналитических критериев, руководствуясь единственным правилом — чтобы они работали, т. е. помогали выяснению характеристик названных технологических процессов, а не служили лишь



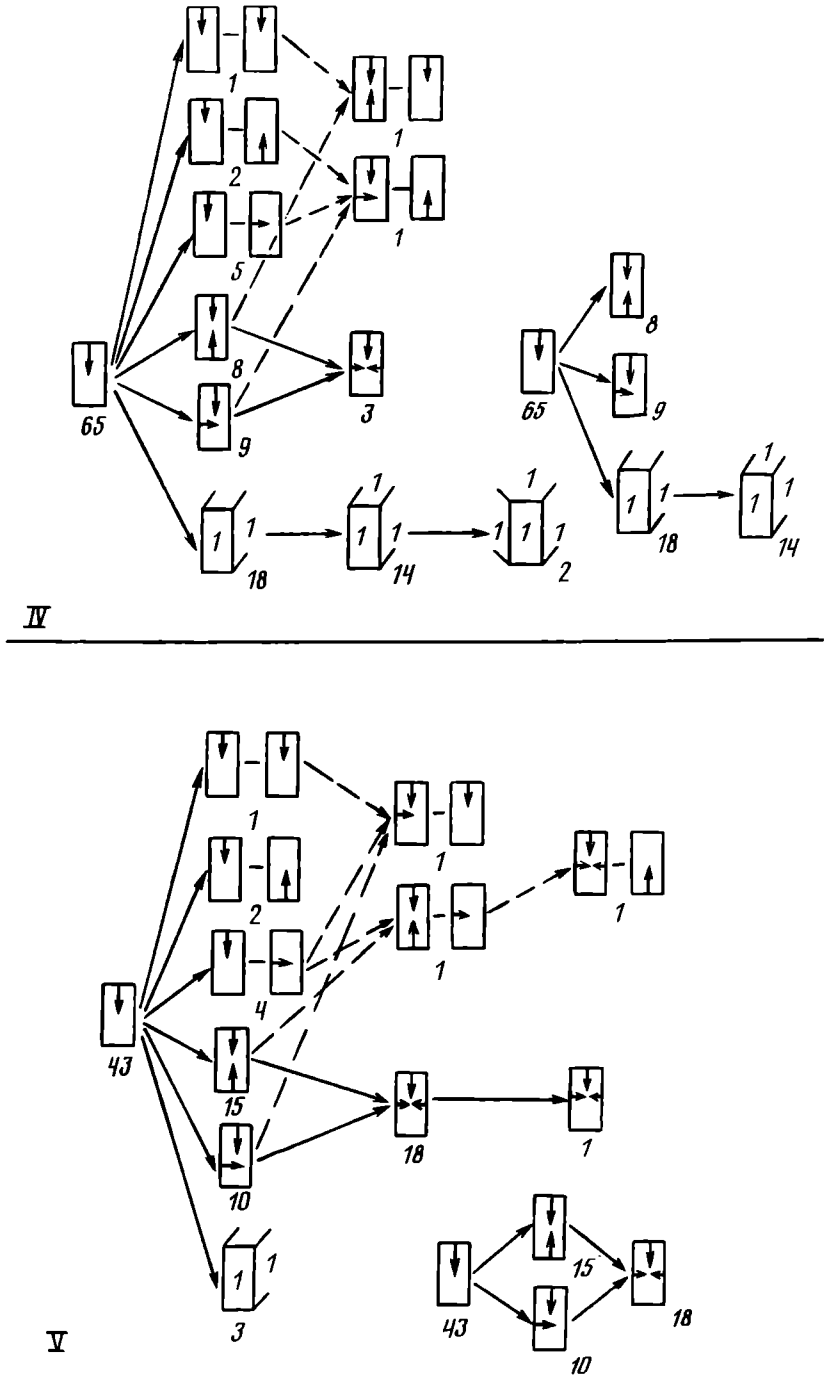


Рис. 2. Схемы технологий утилизации нуклеусов. *I* — Шаханская мастерская; *II* — Абадзехское (166); *III* — Абадзехское (382); *IV* — Фортепьянковское; V — Курджинское местонахождения

«шагами» классификации.

Не для каждой системы снятий, прежде всего по причине их разной сохранности, могут быть получены значения всех критериев, но это и не требуется, так как анализ технологии расщепления производится по усредненным величинам.

Содержание начального этапа реализации метода ДТА составляют выделение систем снятий на нуклеусах и сбор данных по каждому критерию. Задача выделения систем снятий в изученных мною коллекциях практически сводилась

к визуальной фиксации групп параллельных и конвергентных негативов или одного негатива, которые технологически связаны с достаточно четко локализуемой на нуклеусе одной ударной поверхностью. Система снятий может быть иногда представлена только ударной поверхностью, в тех случаях, когда негативы снятых с нее сколов перекрыты последующими снятиями (обычно от этих негативов остаются устьевые участки с выемкой от ударного бугорка) В систему снятий включаются также негативы подправки поверхности скалывания, если имеются достаточно четкие морфологические критерии для выделения этих негативов именно как следов подправки. Общих знаний о закономерностях расщепления камня здесь недостаточно, поскольку отсутствие конкретных морфологических критериев может привести к той самой ошибочной экстраполяции, о которой предупреждал Р. Шильд.

После выделения систем снятий и составления матриц данных, в которые вносятся значения приведенных выше критериев, производится статистическая обработка этих данных, на основании которой определяется технология скалывания [2] Диагностическим показателем, позволяющим разделять в первом приближении системы снятий разных технологий скалывания, исходя из опыта моей работы, является $\angle\beta$. После определения характеристик технологии скалывания начинается анализ технологии подготовки. Следует отметить, что в изученных мною коллекциях технология подготовки была очень слабо выражена. Дальнейший ход технологического анализа связан с изучением технологии утилизации, основой для которого служит список типов нуклеусов. Анализ технологии утилизации осуществляется отдельно для систем снятий разных технологий скалывания. Строятся вероятностные схемы утилизации нуклеусов, отражающие изменение расположения систем снятий, увеличение их количества, а также иные характеристики, которые могут быть связаны со степенью сработанности нуклеуса. Заканчивается анализ технологии утилизации созданием обобщенной схемы этого процесса, учитывающей только те типы нуклеусов, которые обладают большим статистическим весом. Это позволяет отразить основные (типичные) закономерности срабатывания нуклеусов. Завершается технологический анализ обобщением характеристик технологий подготовки, скалывания и утилизации и определением на этой основе характеристик объединяющей их технологии расщепления.

В качестве примеров изложу результаты проведенных мною технологических анализов нуклеусов Абадзехского (коллекции по 166 и 382 нуклеуса), Фортепьянковского, Курджипского местонахождений и Шаханской мастерской. Как показала недавно Л. В. Голованова, первые три комплекса образуют абадзехскую локальную группу позднеашельских памятников. По технологии расщепления, характеру заготовок и набору орудий они сходны между собой и отличаются от хаджохской группы, в которую входят Среднехаджохская и Шаханская открытые стоянки и Шаханская мастерская [11]

Начнем с Шаханской мастерской, материалы которой опубликованы [10] Как показал технологический анализ нуклеусов, характеристики технологии расщепления этого памятника следующие. 1. Очень слабо выраженная технология подготовки, которая практически сводилась лишь к подбору подходящих предметов расщепления, обычно небольших естественных отдельностей серого кремня плохого качества (обломков желваков, реже — целых желваков или кусков). 2. Простота технологии скалывания — ее характеристики: а) редкость оформления ударных поверхностей серией сколов; преобладание ударных поверхностей, которые специально не оформлялись (негативы предшествующих сколов или естественные поверхности раскола) либо делались одним относительно крупным сколом; б) очень часто с одной ударной поверхности снимался только один скол (систем с одним снятием — 45 из 105), но преобладало скалывание нескольких отщепов в параллельном направлении (систем парал-

[2] Болеее подробно о методах статистической обработки см. [9]

лельных снятий — 54) в плоских, преимущественно слабовыпуклых (среднее значение $\angle\beta$ — 217°, а предельно допустимые границы случайного колебания среднего значения заключены в интервале от 208 до 226°) [3] поверхностях скалывания; в) подправка поверхностей скалывания отсутствовала. 3. Срабатывание нуклеусов (технология утилизации) осуществлялось преимущественно путем скалывания сколов под углом к предшествующим (ортогональным способом), при этом нередко негативы предыдущих снятий использовались как ударные поверхности (таких ударных поверхностей — 21 из 84); срабатывание в одной поверхности практически отсутствует, а двусторонняя утилизация (в двух параллельных поверхностях) выражена очень слабо (8 двусторонних нуклеусов, из них около половины по своей морфологии приближаются к двугранным). Технология расщепления Шаханской мастерской явно не леваллуаская и не клектонская. Аналогий ей я не знаю и предлагаю условно обозначить ее как «шаханскую» технологию расщепления (рис. 2, *I*).

Теперь перейдем к коллекциям нуклеусов Абадзехского местонахождения и начнем с той, которая опубликована. По этой коллекции (166 нуклеусов) характеристики технологии расщепления выглядят следующим образом. 1. Технология подготовки выражена очень слабо — она сводилась к подбору подходящих предметов расщепления (кусков желвачного кремня довольно высокого качества, серых и коричневых цветов с различными переходными оттенками), предварительная подготовка поверхностей расщепления отсутствовала. 2. Технология скалывания довольно простая: сначала серией мелких и средних сколов, реже — одним относительно крупным сколом оформлялись ударные поверхности (систем снятий с ударными поверхностями, оформленными сколами,— более 70%), затем с них производилось скалывание нескольких сколов в параллельном направлении и преимущественно в уплощенных поверхностях скалывания (среднее значение $\angle\beta$ — 203°, а предельно допустимые границы случайного колебания среднего значения лежат в интервале 201—205°); морфологически выраженные следы поправки поверхностей скалывания не обнаружены. 3. Технология утилизации состояла в одностороннем срабатывании предмета расщепления, когда скалывание производилось только на одной поверхности (противоположная поверхность являлась тыльной стороной); срабатывание осуществлялось путем создания по краю этой поверхности новых ударных площадок и их использования; двусторонний и многогранный способы утилизации играли очень незначительную роль (рис. 2, *II*).

Технология расщепления, присущая индустрии Абадзехского местонахождения, по моим наблюдениям, распространена довольно широко в комплексах позднего ашеля — первой половины мустье. Однако при традиционном подходе, основанном на типологическом методе анализа нуклеусов, ее не выделяли, поскольку видели не единую технологию расщепления, а комбинацию как минимум двух техник расщепления: леваллуазской (нуклеусы одно-, двух- и трехплощадочные с плоскими параллельными негативами снятий) и радиальной, или мустьерской (нуклеусы дисковидные одно- и двусторонние многоплощадочные, по моей терминологии). Поэтому я предлагаю условно обозначить эту технологию расщепления термином «абадзехская».

Как показал анализ коллекций нуклеусов Абадзехского (382 экз.), Фортепьянковского и Курджипского местонахождений, обитатели их использовали в принципе одинаковую технологию расщепления. Для раскалывания на всех трех памятниках выбирались преимущественно естественные отдельности породы. Лишь единичные нуклеусы оформлены на крупных сколах: Абадзехское местонахождение — 13 экз., Фортепьянковское — 11 экз., Курджипское — 9 экз. Для каждого комплекса характерно свое, видимо местное, сырье. На

[3] Возможная вариация значений $\angle\beta$ заключена в интервале от 180 (плоская поверхность) до 360° (круговая поверхность). Значения 260—280° соответствуют полукруговой поверхности скалывания.

Таблица 1

Местонахождение	Ударные поверхности систем снятий, %, (экз.)				
	корка	негативы предыдущих снятий	оформленные сколами		ретушированные
			один скол	два — пять сколов	
Абадзехское	14,0 (89)	—	24,3 (154)	23,6 (150)	38,1 (242)
				61,7	
Фортепьянковское	30,2 (57)	5,8 (11)	39,7 (75)	14,3 (27)	10,0 (19)
				24,3	
Курджипское	18,3 (26)	1,4 (2)	25,4 (36)	23,9 (34)	31,0 (44)
				54,9	

Абадзехском местонахождении использовались большие угловатые куски желвачного кремня — 95% (305 нуклеусов), на Фортепьянковском сырьем служили крупные округлые кремневые гальки — 76,6% (85 нуклеусов), на Курджипском — в основном небольшие плоские плитки кремня — 45,5% (45 нуклеусов) [4] Однако качество сырья почти не оказывало влияния на технологию расщепления. Во всех комплексах для технологии скалывания характерны оформление ударных поверхностей несколькими мелкими сколами и даже достаточно частое их ретуширование (табл. 1).

Как видно из табл. 1, большая близость значений показателей отмечается для Абадзехского и Курджипского местнонахождений. Фортепьянковское местонахождение заметно отличается от них, и на этот факт следует обратить внимание, так как он может иметь хронологическое значение.

Технология скалывания во всех комплексах основана на параллельном способе снятия заготовок. В Абадзехском местонахождении на 2/3 систем снятий представлены негативы параллельных сколов; в коллекции Фортепьянковского местонахождения параллельные системы снятий составляют 69,9% (151 экз.), в Курджипском — 76,9% (140 экз.) Остальное количество приходится на системы снятий с одним негативом, которые могут рассматриваться как пробные или неудачные, так как большинство их встречается в сочетании с системами параллельных снятий на одном нуклеусе. Единичны системы конвергентных снятий — они, по-видимому, являются случайными отклонениями от основного способа параллельного скалывания.

Измерения показателя выпуклости поверхностей скалывания — $\angle\beta$ обнажили значительную вариацию этого признака. На системах снятий нуклеусов Абадзехского местонахождения $\angle\beta$ изменяется в пределах 180—279°, как и в коллекции Фортепьянковского местонахождения — 180—278° (плоская — полукруговая поверхности скалывания); на системах снятий Курджипского местонахождения вариация менее значительна — от 180 до 234°. Но вычисление средних значений и максимальных допустимых границ случайных колебаний среднего значения показало, что во всех памятниках представлен способ параллельного скалывания в уплощенных поверхностях (табл. 2).

Срабатывание нуклеусов (технология утилизации) во всех комплексах осуществлялось преимущественно с одной поверхности. Двусторонний и много-

[4] Процентное соотношение видов сырья рассчитано относительно числа нуклеусов, у которых удалось определить вид исходного предмета расщепления.

Таблица 2

Местонахождение	Угол $=\beta_{ср}$, град	Граница вариации угла $\beta_{ср}$, град
Абадзехское	207	205—209
Фортепьянковское	205	201—209
Курджипское	201	198—204

гранный способы утилизации применялись не часто. Они, видимо, отражают прежде всего попытки поиска новых подходящих для расщепления участков и составляют вспомогательный способ скалывания заготовок. На эту мысль наводит тот факт, что у значительной части двусторонних и многогранных нуклеусов только на одной поверхности бывает оформлена система параллельных снятий, а с другой поверхности снято не более одного-двух сколов (рис. 2, *III—V*).

Применение одинаковых в основных чертах технологий подготовки, скалывания и утилизации нуклеусов в рассмотренных комплексах, несмотря на использование разного сырья, позволяет предполагать наличие устойчивой производственной традиции — «абадзехской» технологии расщепления камня, в развитии которой, возможно, со временем удастся выделить два этапа: фортепьянковский и абадзехский.

В заключение нескольких слов о преимуществах изложенного метода по сравнению с традиционным, основанным на классификации типов нуклеусов. Почти всем, кто занимался типологией нуклеусов, известно, как трудно соблюдать здесь объективные критерии, особенно когда имеешь дело с нуклеусами достаточно сработанными, а таких нередко бывает большинство. Исследователям приходится оговаривать наличие переходных форм, возможность трансформации нуклеусов одних типов в другие, а в целом признавать условность типологического анализа нуклеусов [6, с. 20] Иное дело — предлагаемый метод. Недостатки типологического метода оборачиваются в нем достоинствами. Во-первых, четкость определения типов нуклеусов, к которой стремятся исследователи и которой они не могут полностью достичь ввиду упомянутых выше причин, не имеет при технологическом анализе ведущего гносеологического значения, поскольку классификации нуклеусов отводится второстепенная роль. Во-вторых, нечеткость, «размазанность» границ между типами, наличие переходных форм нуклеусов, т. е. те причины, которые искажают логичный, правильный строй типологических систем, вносят в них элемент условности, для технологического анализа представляют большой интерес в плане дополнительного обоснования взаимосвязей разных форм нуклеусов в процессе расщепления. В-третьих, закономерностью развития типологических систем является их детализация — процесс, который приводит к вовлечению в оборот все новых и новых критериев классификации. В результате остро встают вопросы значимости критериев, их иерархичности, весового ранжирования. Технологический анализ снимает основную часть этих вопросов, так как ограничивается минимумом критериев, значимость которых определяется их работоспособностью при выявлении технологических взаимосвязей форм нуклеусов и исследовании систем снятий. Технологический анализ направлен не на детализацию классификаций, а на обобщение технологических взаимосвязей форм нуклеусов, а также сколов. Один из его основных принципов можно определить как «презумпцию единства», т. е. исходным является предположение, что все нуклеусы данного комплекса технологически взаимосвязаны, представляют единую технологию расщепления. Вся процедура технологического анализа «раскручивается» вокруг этого предположения.

Использование систем снятий как основных единиц анализа в сочетании с системной трактовкой технологии расщепления и при условии соблюдения

достаточно четких количественных и качественных критериев, строгих логических конструкций и статистических процедур позволяет переводить морфологию нуклеусов на язык технологических процессов, устанавливать взаимосвязь этих процессов в рамках конкретных технологий расщепления, а в сочетании с экспериментом как способом проверки результатов технологического анализа и объяснения технологической необходимости и значимости тех или иных характеристик технологий подготовки, скалывания и утилизации, видимо, позволит в итоге адекватно показать «намерения мастера».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bordes F.* Typologie du paleolitique ancien et moyen // Public. de loins. de Prehist. de l'Univ. de Bordeaux. 1961. Mem. 1.
2. *Bordes F., Crabtree D.* The Corbiac blade technique and other experiments. Tebicoa. 1969. 12.
3. *Schild R.* Introduction to Dynamic Technological Analysis of Chipped Stone Assemblages. Unconventional Archaeology (New Approaches and Soals in Polish Archaeology). 1980.
4. *Hayashi K.* The Fukui microblade technology and its relationships in Northeast Asia and North America // Arctic Antropology. 1968. V 5. № 1.
5. *Сулейманов Р. Х.* О нуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат // КСИА. 1968. Вып. 114.
6. *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. 1965. № 131.
7. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
8. *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
9. *Дороничев В. Б.* Изучение техники расщепления нуклеусов как системы взаимосвязанных технологических процессов (по материалам Абадзехского местонахождения в Майкопском районе) // Вопросы археологии Адыгей. Майкоп, 1985.
10. *Дороничев В. Б., Голованова Л. В.* Шаханская позднеашельская мастерская // КСИА. 1987. Вып. 189.
11. *Голованова Л. В.* Ашельские памятники Северного Кавказа: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1986.

Государственный музей этнографии
народов СССР, Ленинград

V. B. DORONICHEV

THE ANALYSIS OF TECHNOLOGY OF SPLITTING STONE IN THE EARLY PALAEOLITHIC. THE PROBLEM OF METHODICS

Summary

There are six methods of study of splitting stone technology: 1 — planigraphic, 2 — remontage, 3 — ethnographic, 4 — experimental, 5 — typological, 6 — technological ones. The author consideres the three latter methods to be the main ones, because they show splitting stone as a technological process and characterize some traditionally fixed stereotypes of productive behaviour of the ancient people. Some tendencies in the development of experimental and typological method draw them nearer on a new basis which consists of technological analysis. The author uses this method, the main principles of which were characterized dy Polish archaeologist R. Shild in 60-s. The method of technological analysis worked out by the author is described in details applied to Early Palaeolithic cores. The technology of splitting stone is treated as a system including three interconnected processes: prepairing, splitting, utilization technologies. There are given the examples of applying technological analysis in studying the collection of cores from four Late Acheulian sites of the North Caucasus. The advantages of this method are shown as compared to the typology of cores.

Публикации

А. В. УТКИН

СТОЯНКА ЯГА II БЛИЗ ВАШУТИНСКОГО ОЗЕРА

В 22 км к северо-северо-западу от г. Переславля-Залесского находится Вашутинское озеро — типичный для центра Русской равнины водоем позднеледникового происхождения.

Сток воды из озера идет через речку Вашенку в Нерль Малую, левый приток Клязьмы. Площадь его современного водного зеркала около 310 га, средняя глубина не более 3,5 м [1] Берега озера по всему периметру слегка заболочены, а с юга и севера к нему примыкают два небольших верховых болота. Северное известно под названием Яга [1] На его склоне в 2 км к юго-западу от д. Романово находится стоянка Яга [2]

Стоянка занимает центральную часть узкой песчаной косы, окруженной с трех сторон болотом. Коса является остатком берегового вала древнего озера. Она вытянута в широтном направлении на 160 м и при максимальной ширине 10—12 м и возвышается над уровнем болота на 1 м. Коса заросла густым еловым лесом, который четко выделяется на фоне лиственных зарослей болота.

Стоянка открыта автором в июне 1981 г. [3] В последующие 1982—1983 гг. Верхневолжская экспедиция ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова провела на ней раскопки [4, 5] Вскрытая площадь составила 80 м^2 (приблизительная же площадь стоянки около 500—600 м^2).

Раскоп был заложен в центральной, самой возвышенной части косы, которую он перерезал поперек. В раскопе (по гребню вала) прослежена следующая стратиграфия: 0,07 м — дерновый покров с редкими находками; 0,07—0,20—0,29 м — желтовато-рыжий песок с находками (у северного и южного бортов раскопа толщина песка колебалась от 5 до 16 см); 0,20—0,29—0,60—0,66 м — черный песок с многочисленными находками (культурный слой); к югу и северу мощность слоя постепенно уменьшалась, и он тонкими (3—5 см) языками выклинивался в болото; 0,60—0,66—0,69—0,81 м — мелкая (0,7—0,9 см в поперечнике) галька без находок, смешанная с ожелезненным песком (донный озерный грунт); галька залегала пятном причудливой конфигурации только в западной половине раскопа; ниже пепельно-белый песок без находок (материк).

При раскопках найдено 3620 предметов [3] Основная масса находок — керамика, коллекция которой насчитывает 3390 экз. (93,62%). Керамика типо-

---

[1] В основе гидронима Яга лежит, по-видимому, диалектное северорусское слово «ягра́» — «низкая коса, заливаемая речным разливом или морским приливом» [2] Старожилы же окрестных деревень название Яга объясняют как сокращенный вариант более пространного названия «ягодное болото». Однако это объяснение следует отнести к так называемым этиологическим рассказам.

[2] Стоянка Яга I была расположена на низком берегу болота, примерно в 0,5 км к востоку от второй. Культурный слой полностью выпахан. На пашне собрана небольшая коллекция фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, два обломка шлифованных топоров (или долот) из сланца, около трех десятков отщепов, осколков и невыразительных кремневых орудий.

[3] Коллекция находок хранится в Переславль-Залесском историко-художественном музее.

© А. В. Уткин, 1991 г.

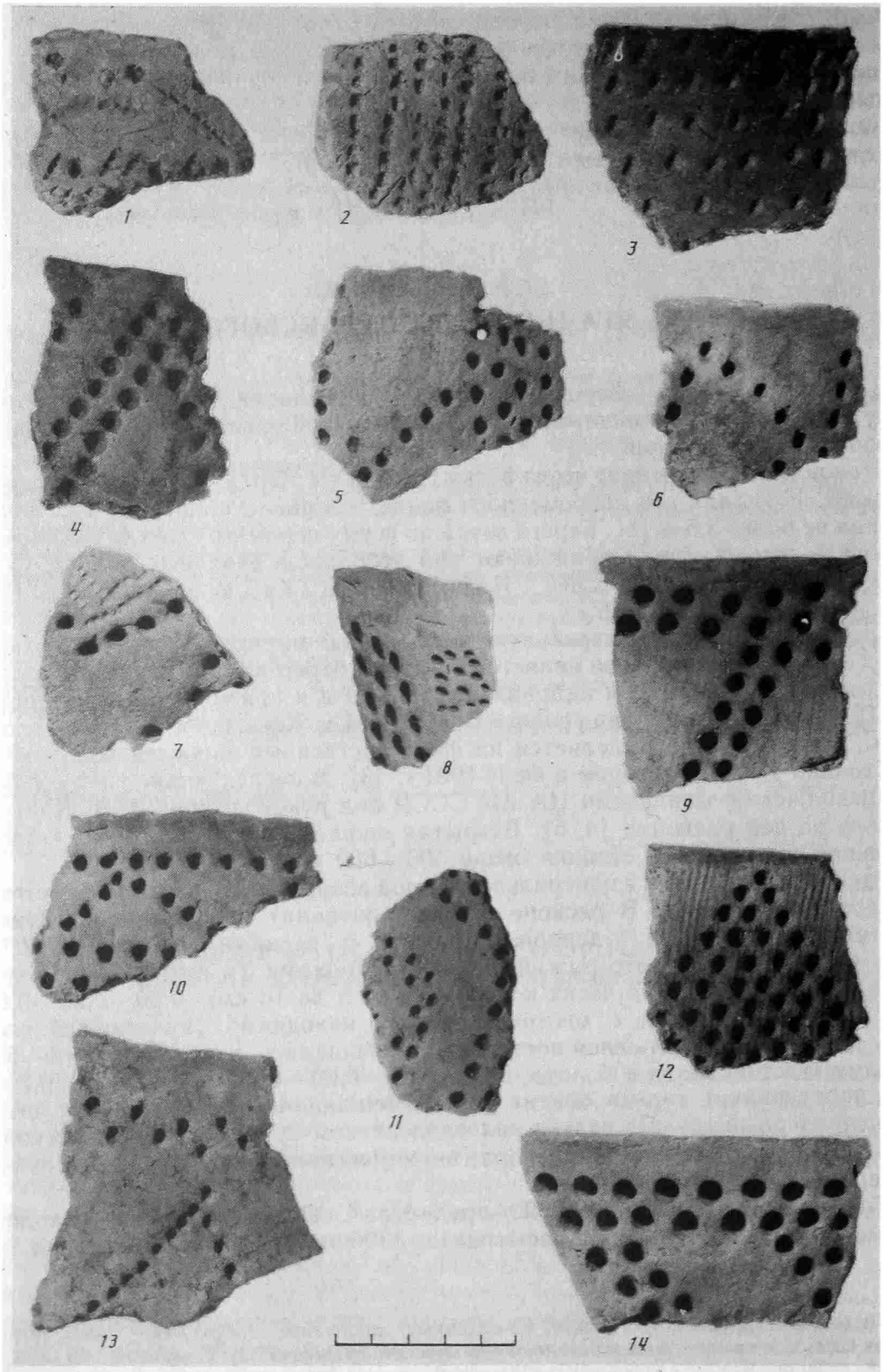


Рис. 1. Керамика «ложнотекстильная» (*1*), волосовская (*2, 3*) и с редкоямочным орнаментом (*4—14*)

логически неоднородна и относится к различным культурно-хронологическим комплексам.

Самой поздней керамической группой являются обломки древнерусской

посуды XI—XIII вв.— 36 экз. (1,06% всей керамики). Они залегали по гребню косы, в основном в нижней части дёрнового слоя, и происходят от 7—9 плоскодонных круговых горшков с эсовидным профилем, украшенных линейным и волнистым орнаментом.

Керамика эпохи поздней бронзы — 31 экз. (0,87%), собрана в желтовато-рыжем песке в наиболее возвышенной части стоянки и представлена 29 «ложнотекстильными» и двумя позднефатьяновскими обломками. Для первых характерен «сетчатый» фон внешней поверхности и слабые следы заглаживания на внутренней. В качестве примесей к глине отмечена только дресва, сильно измельченная и плохо промешанная. Толщина стенок не превышает 4—6 мм, обжиг хороший ровный, черепки плотные. На некоторых фрагментах по «сетке» нанесен разреженный ямчатый орнамент. Ямки неглубокие, с округлым дном и неправильными в плане краями. В одном случае ямчатые вдавления комбинируют с зубчатыми оттисками, которые образуют горизонтальный зигзаг (рис. 1, *1*), а один обломок венчика дополнительно украшен поясом выпуклин-«жемчужин». Все венчики слабо профилированы (обломки днищ отсутствуют).

Позднефатьяновские черепки являются фрагментами высокой шейки от одного сосуда. Они тонкостенны (5 мм), с примесью мелкозернистого песка, имеют красновато-серый цвет. Поверхности хорошо заглажены, внешняя украшена широким заштрихованным зигзагом, ограниченным двумя горизонтально прочерченными линиями. Под нижней идет пояс «бахромы» из продолговатых вдавлений, расставленных попарно. Край венчика слегка утолщен, срез округлый, неорнаментирован.

Обломки энеолитической волосовской посуды также немногочисленны — 48 экз. (1,41%). Почти все фрагменты найдены в желтовато-рыжем песке в южной части раскопа (со стороны древнего озера). Толщина стенок обычно колеблется в пределах от 7 до 9 мм. Черепки серо-коричневого цвета, в изломе черного, очень непрочные. Примеси точно не определены. Визуально прослеживаются только редкие, микроскопических размеров пустоты, оставшиеся, очевидно, после выгорания органики (скорее всего растительной трухи). На внутренней поверхности большинства фрагментов сохранились следы заглаживания. Следы четкие, состоят из коротких «мазков», оставленных касанием зубчатого штампа. Внешняя поверхность некоторых обломков орнаментирована зубчатыми линиями (рис. 1, *2*), некоторых — неглубокими ямчатыми вдавлениями (рис. 1, *3*). Ямки в плане овальные, с округлым дном. Часть фрагментов, главным образом мелких и плохой сохранности, не имеет орнамента.

Венчиков найдено 3 экз. Один — с нарезным орнаментом — от небольшого сосуда, имевшего форму миски; другой — от горшка с Г-образным краем. Третий фрагмент имеет утолщенный верх и слегка намеченную шейку (рис. 1, *3*). Найден также один неорнаментированный обломок плоского днища.

Коллекция позднельяловской керамики состоит из 3083 черепков (90,94%). Они были распространены по всей площади раскопа и толще культурного слоя, но наибольшая их концентрация зафиксирована на контакте желтовато-рыжего и черного песка. Керамика состоит из двух различных типологических групп.

К первой отнесено 927 обломков с редкоямочным орнаментом (рис. 1, *4—14*). Все черепки тонкостенные (4—6 мм), имеют светло-коричневый цвет, очень плотные и звонкие. В качестве примесей использовался промытый озерный песок и реже, в виде исключения, мелкодробленая дресва. Обе поверхности хорошо заглажены, на внешней в редких случаях сохранилась штриховка (рис. 1, *12*).

Основным и практически единственным элементом орнамента являются ямки. Они разнообразны: в плане имеют форму правильного круга, вытянутого овала, подтреугольника или капли; нанесены или перпендикулярно к поверхности сосуда, или под углом. При этом у них у всех коническое дно, а на внутренней поверхности черепков четкие рельефные выпуклины. Комбинаций

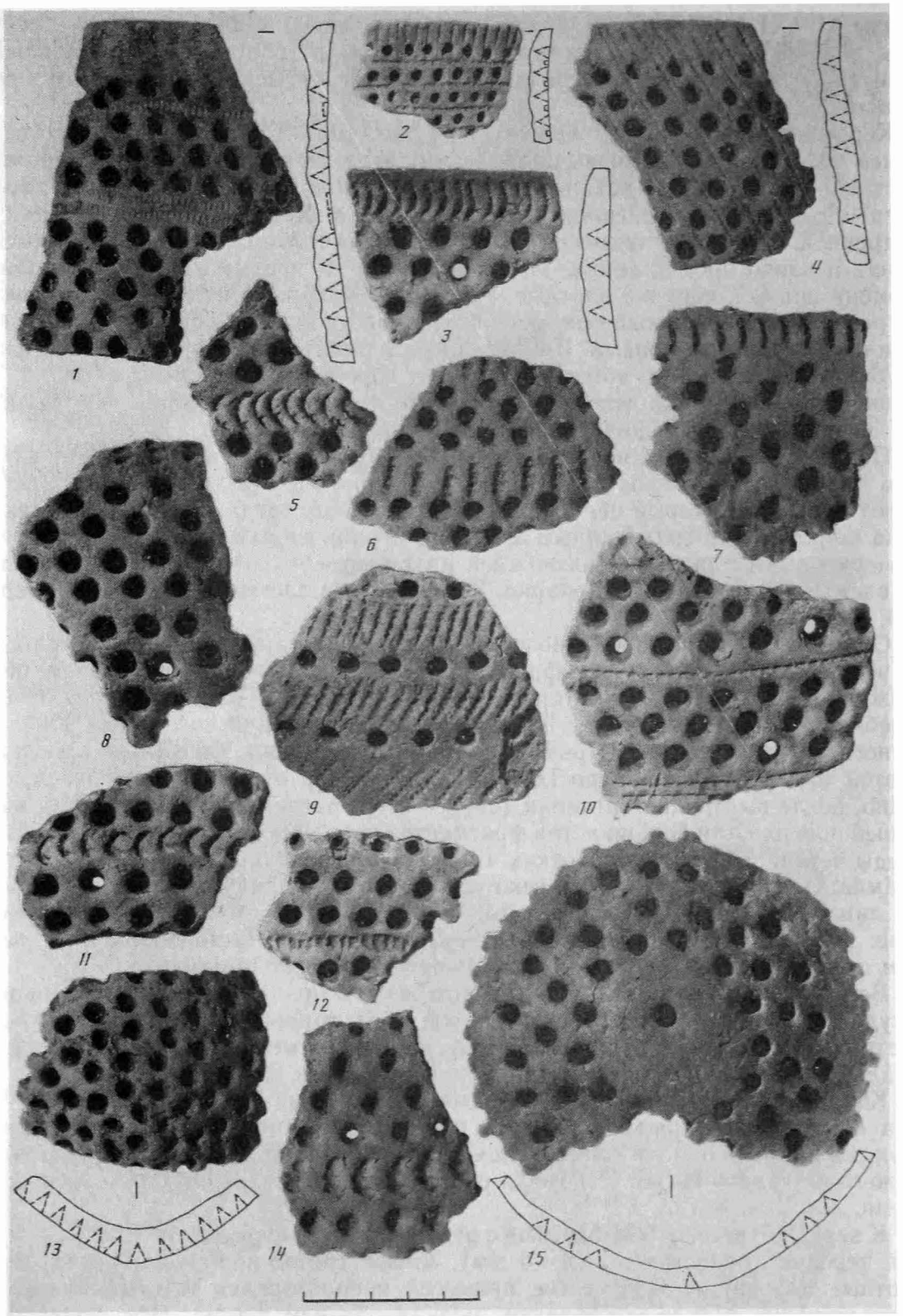


Рис. 2. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом

из резко различных по форме ямок на одном и том же фрагменте не встречено [4], т. е. орнаментация каждого сосуда производилась только одним инстру-

[4] На некоторых фрагментах глубина (и соответственно размеры) ямок различна (рис. 1, *8*, *12*), что создает ложное впечатление применения различных инструментов.

ментом (пуансоном, заостренной палочкой, белемнитом и т. п.). Этим же инструментом, очевидно, наносился орнамент и по срезу венчика, только в данном случае делались оттиски плоско наложенным концом острия, в результате чего получались короткие гладкие вдавления со сходящимися под острым углом бортами. На некоторых черепках ямки сопровождаются тонкими ногтевидными оттисками. Последние, как правило, являются отпечатками ногтя большого пальца и нанесены древним мастером одновременно при вдавлении ямок. Ритмичная повторяемость «ямка — оттиск» позволяют предполагать, что ногтевидные отпечатки нанесены сознательно и являются элементом орнамента [5]

Крайне редко для украшения посуды использовались лунницы и зубчатые оттиски. Они применялись в основном для украшения срезов венчиков и только на трех фрагментах стенок комбинируют с ямками (рис. 1, *7*).

Ямки не заполняют всей поверхности сосуда, а образуют несложные геометрические фигуры — ромбы, треугольники, овалы, зигзаги и т. п., которые хорошо «читаются» на фоне неорнаментированных полей. К сожалению, из-за фрагментированности обломков невозможно представить полную орнаментальную композицию сосудов. По этой же причине невозможно точно восстановить и форму самой посуды, которая по наиболее крупным обломкам венчиков (рис. 1, *4, 6, 9, 10, 12—14*) и днищ реконструируется лишь приблизительно, как сосуды вытянутых пропорций (?), со слабым прогибом под венчиком и слегка раздутой верхней частью тулова, плавно переходящего в округлое или (чаще) острое дно.

Ко второй группе льяловской керамики отнесено 2156 фрагментов с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 2). Основная масса обломков имеет стенки толщиной 6—8 мм. Изготовлены они из глины с примесью крупной и мелкой дресвы. Черепки прочные, почти все без исключения темно-красноватого цвета. Каждый фрагмент, включая керамическую крошку, орнаментирован. Орнамент состоит из нескольких элементов: ямок, оттисков зубчатых штампов (или их заменителей — перевитой веревочки, аммонитов), лунниц, ямчатых вдавлений и отпечатков гладкой заостренной палочки. Ямки глубокие, в плане круглые или слегка овальные, нанесены перпендикулярно к поверхности сосуда и имеют коническое или округлое дно, на обороте оставляют негативы в виде «жемчужин». В композиции узора ямки занимают ведущее положение. Из них составлены (в шахматном или построчном порядке) зонные пояса или ими полностью, от края до дна, покрыта вся поверхность сосуда.

Оттиски же зубчатых штампов выполняют подчиненную роль. Они образуют разделительные пояса между ямочными зонами или украшают края и срезы венчиков. Составлялись пояса двояко: в первом случае наносились вертикальные или наклонные ряды коротких гребенчатых оттисков, во втором — делались длинные горизонтальные отпечатки (на конец одного оттиска накладывалось начало другого и т. д. или накатом дисковидного круглого штампа наносился единый сплошной оттиск). Обе эти разновидности поясов-разделителей часто комбинируют на одном сосуде, но как показал просмотр фрагментов, они всегда наносились одним и тем же штампом (рис. 2, *2*). Иногда гребенчатые оттиски, образуя параллельные линии, перекрывали ямочное поле (рис. 2, *4*).

Заменители зубчатого штампа применялись значительно реже, а их оттиски подражали «гребенке» как разделителю. Такую же роль в композиции выполняли и лунницы, часть которых, кстати, имеет зубцы (рис. 2, *14*).

Сосуды, судя по обломкам венчиков, днищ и наиболее характерным фрагментам стенок, были средних размеров и имели полуяйцевидную и митровидную формы.

Верхневолжская керамика (рис. 3) представлена 192 экз. (5, 66%). Основ-

[5] Хотя не исключено, что появление ногтевидных оттисков имеет и чисто технологическое происхождение: у мастера штамп оказался коротких размеров, и он, держа его близко к острию, оставлял отпечатки ногтя на поверхности сосуда непроизвольно.

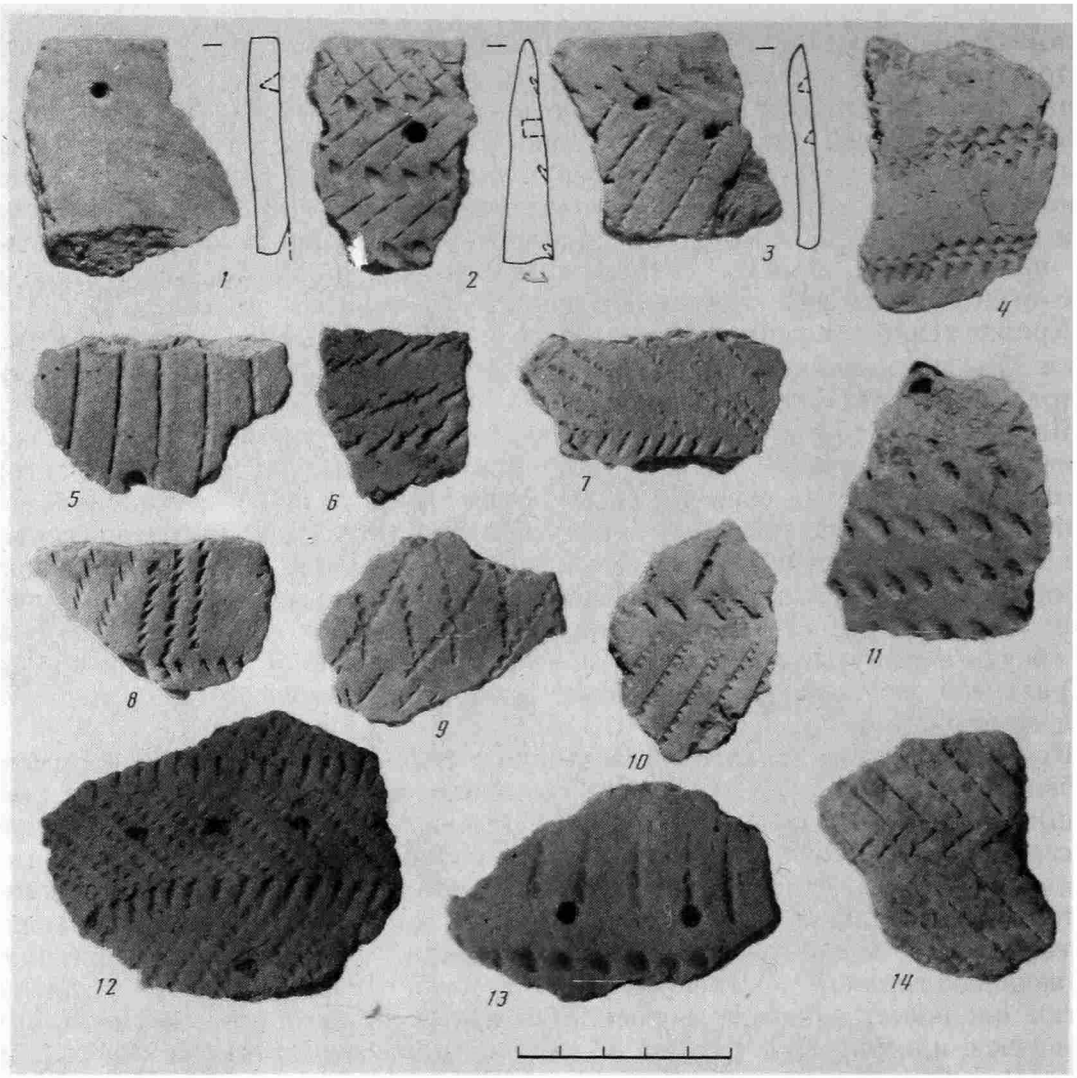


Рис. 3. Верхневолжская керамика

ная ее масса залегала в центральной части вала на глубине — 25—40 см. Фрагменты не составляли каких-либо скоплений, а встречались разрозненно.

Обломки красновато-розового или желтовато-коричневого цвета. Толщина стенок 6—9 мм. Обжиг слабый. Примеси сложные: шамот, органика и мелкая дресва. Но доминируют фрагменты с одним шамотом. Внутренняя поверхность черепков имеет слабые «расчесы», внешняя заглажена ровно и часто ангобирована.

Орнаментировались сосуды по-разному. Для этого использовались в основном два элемента — мелкозубчатый оттиск и тычок-накол. Мелкозубчатые оттиски выполнены аккуратными штампами и имеют различные очертания: длинный широкий, длинный узкий и слегка изогнутый короткий. Тычки-наколы наносились острым концом палочки. Они неглубокие, каплевидной в плане формы.

Большинство фрагментов украшено длиннозубчатыми оттисками, которые нанесены наклонно и образуют неширокие зональные пояса. При этом иногда нижний пояс по отношению к верхнему выполнен в зеркальном отражении (рис. 3, *12*), а на одном обломке зона имеет вид ромбической решетки, образованной разнонаклонными оттисками (рис. 3, *9*). Зоны разграничены разделительными поясами, составленными из коротких изогнутых зубчатых оттисков, тычков-наколов, ямчатых вдавлений или их комбинаций. В 16 случаях подобная композиция выполнена пунктирными (рис. 3, *14*), в двух — прочерченными линиями.

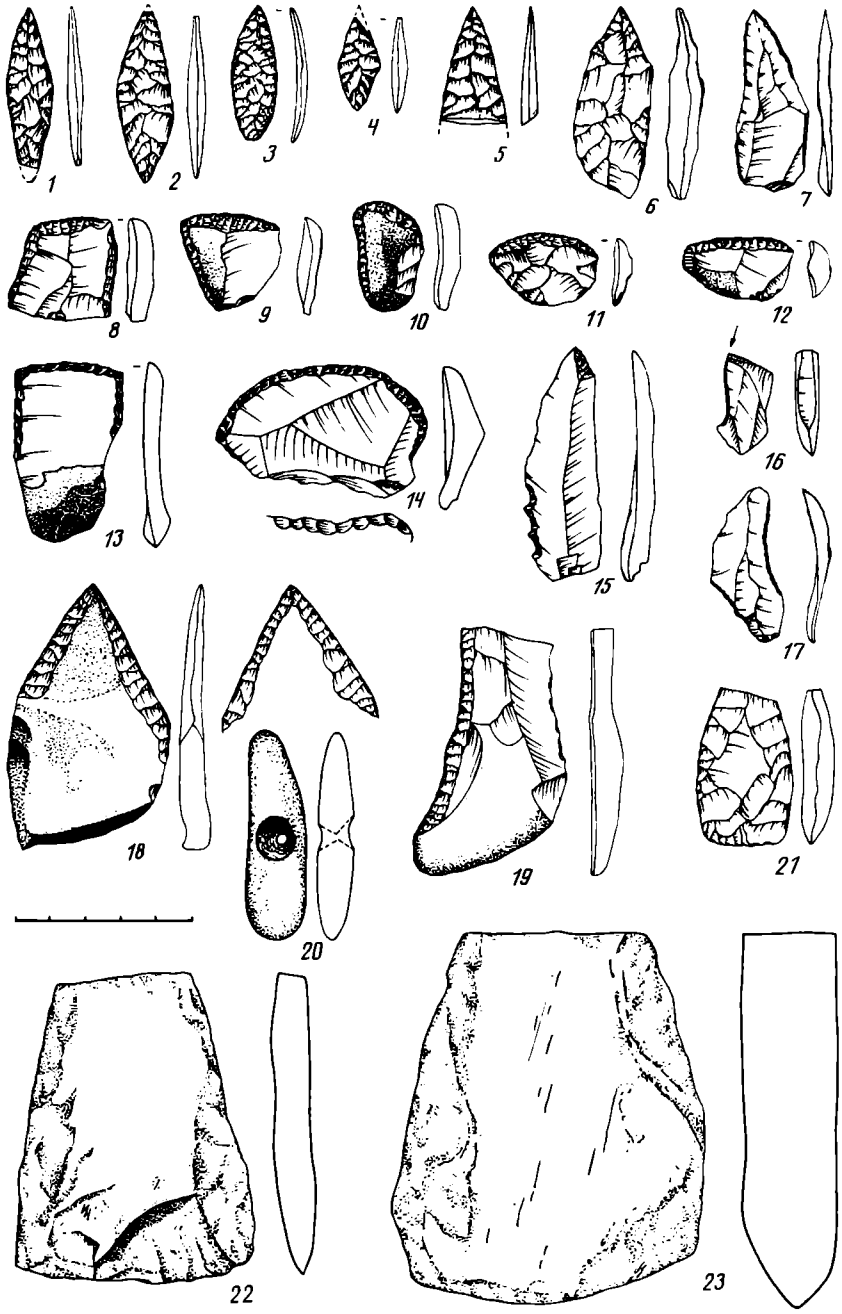


Рис. 4. Наконечники стрел (*1—4*), дротика (*5*), острия (*6, 7*), скребки (*8—14*), скребок-скобель (*15*), резец (*16*), ножи (*17—19*), камень со сверлиной (*20*), топоры (*21—23*)

Короткозубчатый и тычково-накольчатый орнамент в «чистом» виде встречен на единичных фрагментах. Для первого характера в основном однообразная композиция — горизонтальные одиночные пояса, параллельные друг другу (рис. 3, *4, 6*). Для второго — разреженные разнонаклонные строчки (рис. 3, *8*) или имитация шнура. Кроме того, один обломок венчика украшен только рядом редких цилиндрических ямок (рис. 3, *1*) и около десятка черепков не имеют орнамента.

Формы и размеры сосудов не воосстанавливаются даже приблизительно. В коллекции имеется восемь обломков венчиков с прямыми и приостренными

неорнаментированными срезами (рис. 3, *1—3*), одно округлое и два плоских днища с тычковыми наколами.

Орудия труда и их обломки составляют 1,85% всех находок (67 экз.). Изготовлены из валунного кремня низкого качества, светло-зеленых сланцев и розового песчаника. Основные технические приемы обработки материала характерны для развитого и позднего неолита. Типичным для него является и набор орудий.

Наконечников стрел найдено 7 экз. (рис. 4, *1—4*); от дротиков дошли только два обломка — острие и средняя часть пера (рис. 4, *5*). Все, варьируя в размерах, имеют однообразную листовидную форму и обработаны с двух строн плоской сплошной ретушью, иногда небрежно.

Скребков — 15 экз. (рис. 4, *8—14*). Изготовлены на отщепах средних размеров подпрямоугольной, овальной, реже треугольной формы. Лезвия прямые или дугообразные (у большинства изгиб дуги незначительный), ретушированы ровными узкими фасетками. Почти у всех орудий боковые края имеют регулярную подправку.

Ножей — 4 экз. Два массивных, сделаны из ярко-желтого кремня в волосовской технике. Один с вогнутым, тщательно обработанным со спинки лезвием (рис. 4, *19*). У второго (на естественной плоской гальке) ретушированы с двух сторон только сходящиеся рабочие края (рис. 4, *18*). Прочие ножи — обломок и целый экземпляр — на небольших отщепах случайных форм (рис. 4, *17*).

Резцов — 4 экз. Все однолезвийные, на естественном сломе заготовок — отщепах (рис. 4, *16*), ножевидной пластинке и обломке узкого рубящего орудия.

Острий — 5 экз. Четыре из кремня (рис. 4, *6, 7*) и одно сланцевое. Использовались в качестве проколок и один экземпляр — как развертка.

Топоров — 4 экз. Два из них кремневые, небольших размеров. Один ретушировал с двух сторон широкими сколами, а рабочий конец дополнительно подправлен мелкими (рис. 4, *21*). Второй грубо обитый, переделан из шлифованного орудия. Два других топора (функционально колуны) массивные, трапециевидной формы, изготовлены из розового песчаника. (Для топора, изображенного на рис. 4, *23*, заготовкой послужил обломок шлифовальной плиты.)

По одному экземпляру представлены: комбинация концевого скошенного скребка на пластине с трехфасеточным скобелем (рис. 4, *15*), высокий вкладыш, сланцевая галька с просверленным (с двух сторон) отверстием в центре (рис. 4, *20*), каменный курант — упор для сверла (диаметр углубления около 3, глубина 1,5 см), длинный (29×4,5×1 см) оселок из глинистого сланца, которым протачивали желобки на деревянных и костяных поделках, и отбойник с одним забитым участком поверхности.

Прочие находки, отнесенные к орудиям,— это обломок трехгранной ножевидной пластинки со следами утилизации по краям, пара неясных заготовок, семь осколков шлифовальных плит и отщепы с нерегулярной ретушью (10 экз.), эпизодически использовавшиеся в качестве режущих или скоблящих инструментов [6]

Большая часть орудий безусловно синхронна и сопутствует позднельяловской керамике. И лишь некоторые экземпляры с определенной долей осторожности можно соотнести с другими комплексами: верхневолжской культуры — изделия на ножевидных пластинках (4 шт.), а волосова — массивные ножи (рис. 4, *18, 19*), да три-четыре скребка типа изображенных на рис. 4, *9, 13, 14*.

Кроме материальных остатков в раскопе прослежено 11 кострищ и одна яма типа очажной диаметром около 1 и глубиной 0,47 м. Ее заполнение состояло из черного сильно гумусированного песка и микроскопических угольков. Находки отсутствовали. Кострища в плане имели округлую или овальную форму. Размеры колебались от 0,9×0,66 до 1,48×1,24 м при мощности 0,05—0,21 м.

[6] Отходов производства при раскопках найдено 163 экз. (4,52% всех находок). В основном мелкие осколки, отщепы случайных очертаний, чешуйки и две неудачно отжатые пластинки.

В некоторых встречены разрозненные обломки керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией, отщепы и осколки, попавшие из культурного слоя, а рядом иногда лежали небольшие полуобожженные камни. Кострища и яма находились в основании слоя и относятся к началу его отложения (т. е. к позднельяловскому времени). По площади раскопа они располагались без какой-либо определенной системы, некоторые кострища частично перекрывали друг друга, а у двух с юго-восточных сторон отходили клиновидные углисто-зольные выдувы длиной 20—24 см. Все это свидетельствует о том, что костры горели на открытом воздухе, горели недолго; через какой-то (относительно небольшой) отрезок времени их разводили вновь, не всегда попадая на место предыдущих.

В целом стоянка Яга II является типичным памятником Волго-Окского междуречья. Близкие, а порой и тождественные аналогии ее материалам имеются на многочисленных стоянках центральной части региона и особенно бассейна верховий Клязьмы и смежных северных территорий [6, с. 98—100].

Типологически самые ранние находки относятся к верхневолжской культуре. Однако слой этого времени никак не выражен [7] и характер поселения не вполне ясен (скорее всего оно являлось кратковременным стойбищем).

В конце IV — первой половине III тыс. до н. э. на косе появляется позднельяловская стоянка, которая, судя по материалам (обилие обломков посуды, ничтожно малое количество невыразительных, часто сломанных орудий, небольшой процент отходов производства и тонкие линзы костров на открытом воздухе), возникла и функционировала с самого начала как сезонный лагерь рыболовов-охотников, промышлявших на мелководье озера.

На рубеже атлантического и суббореального периодов Вашутинское палеозеро, подобно соседнему Берендеевскому, сокращается [7], его северная часть интенсивно заболачивается, береговой вал становится малопригодным для жизни человека и поселения более позднего времени возникают уже в другом месте — на «Романовском берегу» (Вашутинская стоянка [8]), а Яга II посещается лишь эпизодически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фортунатов М. А., Московский Б. Д.* Озера Ярославской области (кадастровое описание и краткие лимнологические характеристики) // Озера Ярославской области и перспективы их хозяйственного использования. Ярославль, 1970.
2. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.
3. *Уткин А. В.* Исследования на юге Ярославской области // АО—1981. М., 1983.
4. *Уткин А. В.* Исследования на юге Ярославской области // АО—1982. М., 1984.
5. *Уткин А. В.* Исследования на юге Ярославской области // АО—1983. М., 1985.
6. *Сидоров В. В.* География неолита Подмосковья // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
7. *Нейштадт М. И., Завельский Ф. С., Микляев А. М., Хотинский Н. А.* Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М.: Наука, 1969.

Управление культуры облисполкома,
Иваново

[7] Верхневолжский культурный слой, очевидно незначительный по мощности, был полностью разрушен в льяловское время.

[8] Стоянка Вашутинская находится примерно в 2 км к юго-юго-востоку от Яги II. Открыта М. И. Смирновым в 1927 г., в 1959 г. раскапывалась И. К. Цветковой, а в 1983—1985 гг.— Д. А. Крайновым.

A. V. UTKIN

YAGA II SETTLEMENT NEAR VASHUTINO LAKE

Summary

The materials excavated at Yaga II settlement on the low bank of Vashutino palaeolake (Klyazma basin) are presented. The main part of them are the sherds of the Upper Volga and the late Lyalovo cultures, the latter dominate. The pottery of the late Volosovo culture, the Bronze Age and the Mediaeval period of the 11th-13th centuries also were found. There are few stone implements. The initial settlement on the low bank should be dated to the Early Neolithic, evidently during the end of the Upper Volga cultire the site was a temporal camp. In the end of the 4th and the first half of the 3nd millenia B. C. here was a regularly attended seasonal camp of the fishers and hunters. During the transition from Atlanticum to Subboreal Vashutino lake diminished in its dimentions, its northern part turned into a bog, the bank became uninhabited. The settlements of later epochis were located in other places on the banks, and Yaga II was attended episodically.

А. Б. СУПРУНЕНКО

АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ИЗ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ

В результате полевых исследований последних лет и случайных находок значительно увеличилось количество известных антропоморфных стел — ярких образцов древнего монументального искусства. Среди каменных изваяний выделяются стелы с богатой иконографией эпохи раннего металла [1, с. 64—69], находки которых — довольно редкое явление. Недавно на Полтавщине обнаружен новый уникальный памятник монументальной скульптуры [2, с. 13, 14; 3, с. 45], яркое свидетельство идеологических представлений племен рубежа энеолита — бронзы [1]

Обнаруженная во время сельскохозяйственных работ на полях колхоза «Авангард» Карловского р-на Полтавской обл. скульптура относится по типу к антропоморфным с гравированными изображениями [4, с. 177—179]. Она была обнаружена в 1,2 км к юго-востоку от с. Федоровки, на второй надпойменной террасе р. Орчик, правого притока р. Орели. Недалеко от места находки расположены два распаханных кургана высотой 1,2 и 1,5 м. Вероятно, стела когда-то украшала вершину одного из них или находилась в насыпи [5, с. 4]

Стела изготовлена из плиты крупнозернистого песчаника подпрямоугольной формы, немного сужающейся книзу. Высота ее 133 см; наибольшая ширина в плечах 51, в нижней части 30 см; толщина соответственно 15 и 21 см. Лицевая и обратная стороны плоские, боковые закруглены. Подшлифованная поверхность местами повреждена, детали изображений невыразительны (рис. 1, 2).

Изображениями покрыта лишь верхняя часть стелы. Нижняя, высотой 40 см, четко отделена выступом в 2—3 см, утолщена и грубо обработана. Вытянутая форма, сужающийся конец и отсутствие рисунков на нем свидетельствуют о том, что стела устанавливалась в вертикальном положении [6, с. 3, 4]

Рисунки, нанесенные на стелу, исполнены при помощи орудия в виде нешироко зубильца, с дальнейшей подшлифовкой поверхности скульптуры. К сожалению, голова и правое плечо стелы не сохранились. Следует отметить, что поверхность скола песчаника здесь довольно сильно выветрена. Это позволяет предположить, что нанесение повреждений совершено еще в древности.

На прямом левом плече стелы рельефом передан рисунок: две полуовальные линии-валики, один из которых (внешний) разделен поперечными насечками. Изображение отделено, вероятно от выступа головы, поперечной канавкой шириной до 2 см.

На верхней части лицевой плоскости скульптуры заметны следы рельефного валика, который также мог выделять выступ головы. Почти на уровне груди стелу пересекает поперечная прямая канавка шириной 3 и глубиной 1,5—2 см (рис. 1, *1*; 2, *1*).

Изображения рук, согнутых в локтях, занимающих частично и боковые стороны стелы, переданы в технике выпуклого рельефа высотой 0,5—1 см (как

[1] Хранится в фондах Полтавского краеведческого музея, инв. № А 2371.

© А. Б. Супруненко, 1991 г.

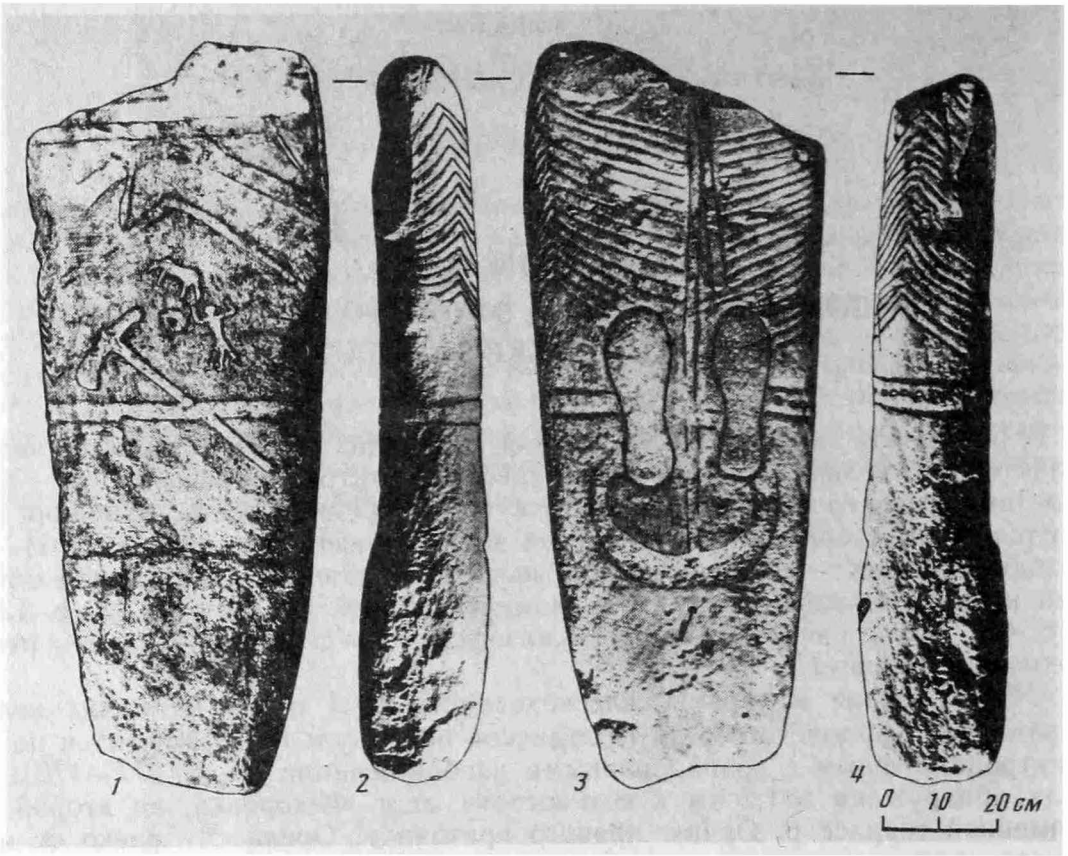


Рис. 1. Стела из Федоровки. *1* — лицевая сторона; *2, 4* — левая и правая боковые; *3* — обратная сторона

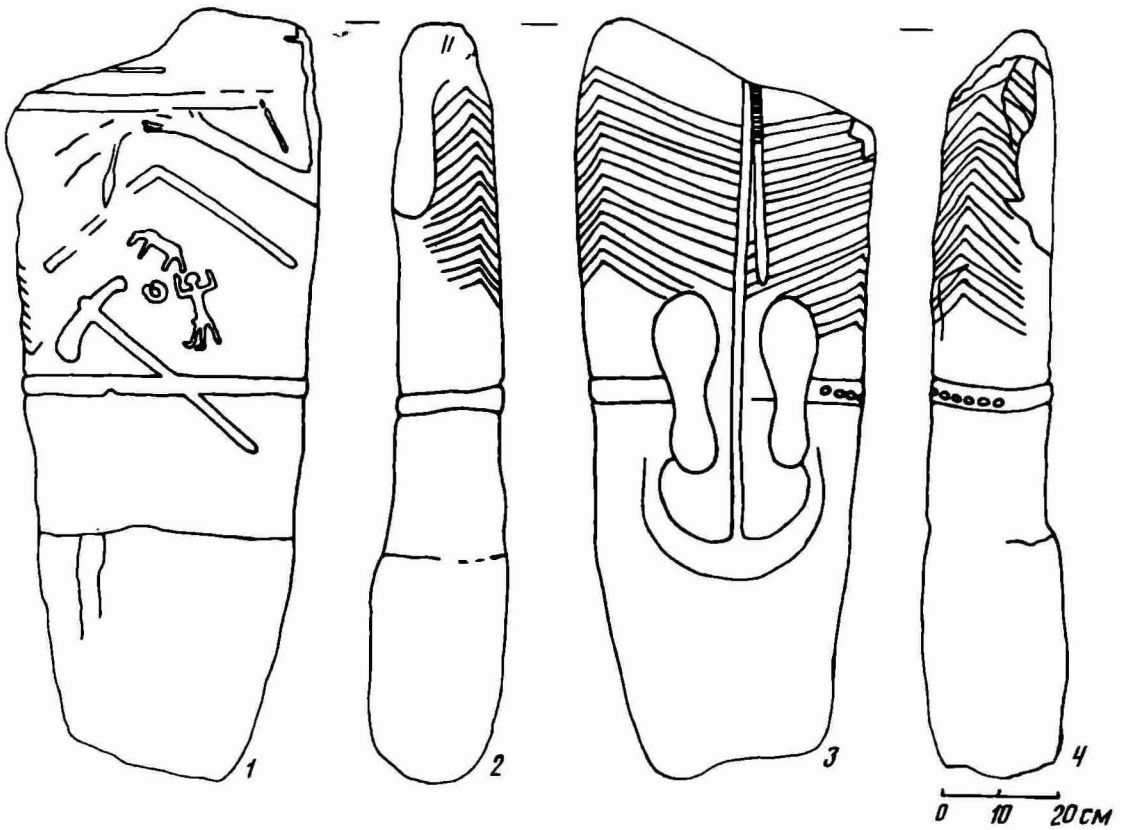


Рис. 2. Стела из Федоровки (прорисовка)

Рис. 3. Изображения на лицевой плоскости стелы (фрагмент)

и все остальные рисунки лицевой стороны). Они сложены на груди на одном уровне. Кисть левой руки раскрыта: сохранились изображения безымянного пальца и мизинца. Кисть правой руки стерта. От этого места вертикально вниз отходит изображение копья или стрелы на коротком древке. Выше левой руки расположен неустановленный предмет в виде рельефного валика длиной 8 см. Ниже, под руками, параллельно последним, проходят два рельефных валика шириной до 1,5—2 см. Поверхность скульптуры под правой рукой повреждена, часть изображений отсутствует.

В центре расположена сцена, изображающая человека с хвостом и животного (рис. 3). У человека подняты вверх руки, сзади хвост, голова показана в виде округлого выступа, изображены стопы ног, подчеркнут фаллос. Фигура человека повернута в сторону животного, изображенного в профиль с опущенной головой и длинным хвостом. Под ним, перед фигурой человека, круглое углубление диаметром 2 см, обрамленное рельефным валиком шириной 2—2,5 см.

Через все стороны стелы проходит рельефно изображенный пояс, за который «заткнут» вислообушный топор. Обух топора повернут к центру, лезвие расширенное, конец рукояти, пройдя через втулку, выступает над лобовой частью.

На обратной стороне стелы, над поясом, так называемое «древо жизни», исполненное в технике углубленного рисунка. Оно представляет собой четко выделенную канавкой, которая проходит вертикально через центр стелы и находит завершение в изображении дугообразного углубления в виде ягодичной

области человека, основную полосу-ствол, от которой к боковым сторонам отходят под углом в 70° вверх выгравированные параллельные линии — слева 13, справа 14. При этом из общего числа внизу исключены три полосы слева и шесть справа, которые не доходят до осевой канавки-ствола. Справа от нее расположено изображение предмета в виде палки длиной 32 и шириной 2 см, с 13 поперечными насечками вверху (рис. 1, *3*; 2, *3*).

Пояс пересекают рисунки правой и левой стоп ног носками вверх, длиной 32—33 см, оконтуренные канавкой шириной 1—2 см.

На боковых сторонах стелы показаны полосы, являющиеся продолжением линий обратной плоскости, только изображенных сломанными под углом к параллельным канавкам «древа жизни» (рис. 1, *2, 4*; 2, *2, 4*). На поясе с правой стороны и обратной плоскости стелы семь кольцевой формы углублений диаметром до 3 см (рис. 1, *3, 4*; 2, *3, 4*).

Изображения на стеле имеют по иконографии аналогии среди ряда скульптур эпохи раннего металла. А наличие рисунков (человек с хвостом и животное) и расположение большинства изображений на стеле ставят скульптуру из Федоровки в ряд с таким уникальным памятником, как Керносовский идол [7, с. 36—46].

Изображения рук, сложенных на груди, и пояса мы находим на стелах из Араканцево [8, с. 104], Казанков [9, с. 262, рис. 75], Керносовки, Натальевки [10, с. 17, 19] и др. Рисунок копья расположен на лицевой грани Керносовского идола. Изображение предмета в виде палки с поперечными насечками вверху на обратной плоскости Федоровской стелы напоминает известные на скульптурах рисунки пастушьих посохов-герлыг (Араканцево, Крым) [11, с. 28] Жаль, что в данном случае точного определения дать невозможно: верхняя часть изображения отсутствует. Рисунки вислообушных топоров за поясом известны на стелах из Керносовки, Хаманджии в Румынии [12, с. 82]

На лицевой стороне стелы наиболее интересна сцена с изображением человека с хвостом — мужчины с поднятыми вверх руками. Подобный сюжет известен на Керносовском идоле и указывает, по мнению исследователя, на принадлежность человека с хвостом к служителям культа [7, с. 40, 42, 44] Вместе с тем обращает на себя внимание в рисунке человека изображение фаллоса — свидетельство культа плодородия. Интересно, что мужское начало в культе плодородия непосредственно связывается с астральными культами [13, с. 166] Помещенный рядом рисунок животного рассматривается нами как изображение коня, чему не противоречат его детали: пропорции тела, длинный хвост. Изображения коня широко известны на плитах Каменной Могилы [14, с. 66, 92, 93], плите из Усатовского кургана [15, с. 35, 36, 40, табл. 2, рис. 1; 16, с. 14, 15, рис. 1], Керносовской стеле. Помещенное посредине лицевой стороны скульптуры круглое углубление в виде пупка может трактоваться и как солярный символ.

Свидетельства, касающиеся небесного коня, связанного с солнцем, плодородием, а также выступающего в роли посредника между миром живых и небесной обителью предков, известны в литературе. Считается, что культ коня возник в IV тыс. до н. э. в Евразийских степях, в центре доместификации лошадей у предков индоиранцев, а потом, видоизменяясь, распространился по всему свету [17, с. 31, 45—48; 18, с. 3—20] Многочисленные примеры связи коня с солнцем в мировоззрении ираноязычных народов собраны А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской [19, с. 109, 110]. Возможно, что описанная композиция представляет сцену поклонения солнцу и коню, или коню — посреднику между землей людей и небом предков.

На обратной плоскости стелы помещены изображения контуров стоп ног человека. Такие рисунки встречаются на ряде стел (Араканцево, Старые Трояны, Чобручи [8, с. 105], Баратовка, Керносовка, Марьино [20, с. 227—231], Хаманджия, Плачидол [21, с. 133, 135, 143, рис. 3, 11, *в*], некоторые скульптуры Западной Европы [22, с. 181]), плитах Каменной Могилы [14, с. 66, табл. XXI, с. 71, 72, табл. XXII—XXIII, с. 91—94, рис. 59, 60], камне «Щеглец» из Мытно

[23, с. 130—137], многочисленных петроглифических изображениях [24, с. 50; 25, с. 70]. Известны рисунки стоп из охры в ямных погребениях на Южном Буге, Ингуле [1, с. 68, 69], ямно-катакомбном погребении возле Северска на Донетчине [26, с. 205, 206, рис. 3].

По поводу изображения стоп недавно появилась гипотеза о религиозно-космогоническом их характере и их интерпретация как аватары (реального воплощения) [1, с. 69], дающего жизнь солнечного божества, шагающего по вселенной [27, с. 14].

Изображения стоп на стеле из Федоровки пересекают пояс, который связывается исследователями вместе с рисунками топоров, посохов с атрибутами власти. Вероятно, в данном случае мы наблюдаем определенную связь изображений стоп — символов великого божества плодородия — с атрибутами власти и господствующих форм хозяйствования [27, с. 12] Вместе с тем интересен и тот факт, что кольцевых углублений — изображений каких-то отверстий или украшений на поясе — всего семь, т. е. число, которое входит в магию «космических» или «лунных» чисел [28, с. 43]

Пояс на стеле по вертикали между контурами стоп пересекает ствол символического «древа жизни». Такие изображения, в целом характерные для стел с богатой иконографией (Араканцево, Керносовка, Натальевка и др.), есть и на каменных ящиках кеми-обинской культуры (погр. 3, кург. 1 у Староселья [29, с. 48—65], погр. 1, кург. 1 у Старогорожено [30, с. 102—106] и др.), стелах из Нальчикского кургана [31, с. 109—124].

«Древо жизни», или «мировое древо», считается «одним из наиболее распространенных воплощений универсальных знаковых комплексов» древности, «образом некоей универсальной концепции, определявшей в течение долгого времени модель мира в мифологических традициях Старого и Нового Света» [32, с. 26] «Мировое древо» символизирует пространственную структуру мира, а его тройное членение (соответственно ветви — ствол — корни), пишет В. Н. Топоров, идеально отвечает представлению о динамической целостности мира, может рассматриваться как «модель... любого динамического процесса, предполагающего триаду: возникновение — развитие — упадок» [32, с. 26]. Дуговидное углубление ниже пояса стелы, от которой отходит ствол, может рассматриваться как изображение корней «древа жизни» и атрибут подземного царства; середина изображения — ствол, пересекаемый поясом с рисунками стоп, символизирует земную жизнь людей под властью великого божества; верхняя часть — ветви — солнце, месяц, звезды, т. е. космогонические представления создателей изображения.

С открытием календарных основ росписи на каменных ящиках кеми-обинской культуры и плитах Нальчикской гробницы исследователи указывали на необходимость анализа графики эпохи раннего металла, в которой прослеживаются числовые закономерности, связанные с повторением календарных чисел 5, 7, 12 и кратных им, которые могут нести в себе графическую запись элементов или целых календарей [33, с. 48] Рассматривая «древо жизни» на Федоровской стеле [2], удалось проследить определенные календарные основы символики графического изображения [33, с. 42—52; 35, с. 33, 34].

Сумма линий-канавок с левой и правой сторон «древа жизни» составляет 27 Это отвечает количеству суток драконического месяца [36, с. 34—36] Суммы линий слева и справа (учитывая изломанные под углом к канавкам обратной стороны стелы линии боковых сторон) составляют соответственно 26 и 28, которые при сложении единицы (графически — ствол «древа») будут составлять 27 и 29. Это, как известно, отвечает количеству суток в драконическом и синодическом месяцах лунного года. С правой стороны «древа» сумма линий— 28, т. е. количество суток в усредненном месяце $(27+29)/2$. Общее количество

[2] При подсчетах использована методика, разработанная для анализа позднепалеолитической графики, при помощи которой обнаружены древнейшие в мире календари [34, с. 41—48, 118—146]

линий, которые не доходят до ствола справа,— 12 (а учитывая нижнюю, изломанную дважды,— 13), слева — 6. Сумма этих цифр — 18 отвечает количеству безмесячных ночей лунного года. Интересно, что, умножив суммы линий справа — 28 и 12, мы получаем 336, что составляет количество лунных ночей в лунном году из 354 суток. Заметим, что общая сумма линий, которые доходят вверху до ствола, вместе с последним составляет 55 и отвечает числу дней, показывающих отставание лунного года от солнечного за 5 лет.

Естественно, что приведенная интерпретация небезупречна. Но присутствие календарных основ в графике изображения «древа жизни» возможно.

Решая вопрос о назначении антропоморфных стел эпохи энеолита — бронзы, исследователи считали последние изображениями умерших старейших и выдающихся членов рода [22, с. 52], мастеров и удачных охотников [37, с. 30], вместилищем духовной субстанции покойного [38, с. 27—35] В то же время существовала и другая версия: стелы рассматривались как изображения различных божеств [12, с. 83; 39, с. 27]. Эта версия в отношении стел с богатой иконографией в настоящее время стала господствующей [40, с. 211]

Рисунки канонизированных атрибутов власти и оружия, изображение служителя культа и коня на лицевой плоскости стелы из Федоровки являются отражением религиозных верований через призму реальной жизни и господствующих форм хозяйства, а символические рисунки обратной стороны — отражением мировоззрения, космогонических представлений и, возможно, представлений о времени. Таким образом, Федоровская стела — это скульптура божества с телесными атрибутами человека [41, с. 38].

Среди группы стел с богатой иконографией идол из Федоровки выделяется значительным количеством изображений, уступая лишь Керносовской стеле. А композиция при участии человека — служителя культа и коня как свидетельство приручения и использования последнего является уникальной.

В литературе существует несколько точек зрения относительно культурной принадлежности подобных скульптур. Д. Я. Телегин связывает антропоморфные стелы с памятниками нижнемихайловского типа [6, с. 16,17], ряд исследователей определяют их культурную принадлежность в основном древнеямной или кеми-обинской культурами и датируют концом III — началом II тыс. до н. э. [22, с. 179, 180; 42, с. 86; 43, с. 38—47]. Причину широкого распространения стел эпохи раннего металла видят в существовании общей религиозной идеи изображения антропоморфизованных божеств, которая распространилась на значительной территории, в обществах, находящихся на одной ступени исторического развития [44, с. 19, 20]

Изображение вислообушного топора за поясом на лицевой стороне Федоровского идола аналогично по форме каменным полированным топорам кеми-обинской культуры. Близки к топору на рассматриваемой стеле клевцы междуречья Куры и Аракса, топоры майкопской культуры [45, с. 80—82, рис. 1—3], датированные последней четвертью III тыс. до н. э. [46, с. 19, 20]. Многочисленные аналогии изображениям на идоле (стопы, «древо жизни») можно найти в ямной [33, с. 47] и кеми-обинской культурах позднего их этапа [9, с. 362; 47, с. 334—336]. Это позволяет датировать публикуемую стелу концом III— первой третью II тыс. до н. э., что не противоречит данным абсолютной датировки памятников ямной культуры [48, с. 64], датировке Керносовского идола, кеми-обинских погребений первых старосельского [35, с. 35—37] и старогороженского [49, с. 26] курганов. Окончательное же решение вопроса о культурной принадлежности скульптуры возможно после исследования курганов у с. Федоровка.

В заключение отметим также, что находка Федоровской стелы — одна из самых северных на Левобережье Днепра. Кроме нее на Полтавщине известна лишь одна примитивная скульптура рубежа энеолита — эпохи бронзы из Поворсклья, обнаруженная возле с. Бурты Полтавского р-на Полтавской обл. [50, с. 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ричков М. О.* Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфных стелах доби раннього металу // Археологія. 1982. № 38.
2. Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки / Сост. Гороховский Е. Л. и др., Полтава, 1985.
3. *Супруненко О.* Рідкісна іконографія // Пам"ятники Украіни. 1986. № 3.
4. *Формозов А. А.* О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6.
5. Научный архив Полтавского краеведческого музея. Д. 04—166.
6. *Телегін Д. Я.* Енеолітичні стели і пам"ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. № 4.
7. *Крылова Л. П.* Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
8. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980.
9. *Щепинський А. О.* Кемі-обинська культура // Архиологія Украінськоі РСР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1971.
10. *Крылова Л. П.* Каменные бабы: Каталог. Днепропетровск: Промінь, 1976.
11. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
12. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
13. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.) Л.: Наука, 1970.
14. *Рудинський М. Я.* Кам"яна Могила. Киев.: Вид-во АН УРСР, 1961.
15. *Патокова Э. Ф.* Изображение животных на памятниках Большого Куяльника — Усатова // МАСП. 1957. Вып. 1.
16. *Петренко В. Г* Каменная плита с изображениями из Усатово // Северное Причерноморье (Материалы по археологии). Киев: Наук. думка. 1984.
17 *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М.: Наука, 1977
18. *Даниленко В. М., Шмаглій М. М.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Европи // Археологія. 1972. № 6.
19. *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970.
20. *Щепинский А. А.* Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма // СА. 1961. № 2.
21. *Topčeva G.* Monuments sculpturax en Bulgarie du Nord-Est de lâge du Bronza // Studia pragistorica. Sofia, 1981 № 5—6.
22. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству // МИА. 1969. № 165.
23. *Формозов А. А.* Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики // СЭ. 1963. № 5.
24. *Мартиросян А. А., Исраелян А. Р.* Наскальные изображения Гегамских гор // Археол. памятники Армении. 1971. Т. 6. Вып. II.
25. *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
26. *Санжаров С. Н.* Катакомбное погребение близ. г. Северска // СА. 1983. № 3.
27. *Титова Е. Н.* Об интерпретации и хронологии комозиций со ступнями из Каменной Могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
28. *Фролов Б. А.* Астральные мифы и рисунки // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982.
29. *Шилов Ю. О.* Перший та четвертий старосільскі кургани // Археологія. 1977. № 22.
30. *Шапошникова О. Г., Хоменко В. Н., Балушкин А. М.* Курганная группа близ с. Старогожено // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
31. *Чеченов И. М.* Гробницы эпохи ранней бронзы в г. Нальчике // СА. 1970. № 2.
32. *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982.
33. *Дворянинов С. А.* Энеолитические календари на юге европейской части СССР // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытноообщинного строя. Киев: Наукова думка, 1980.
34. *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
35. *Шилов Ю. А.* Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана № 1 у с. Староселье // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
36. *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М.: Наука, 1985.
37. *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.) Нальчик: Эльбрус, 1973.
38. *Довженко Н. Д.* Поховання з антропоморфними стелами у світлі етнографічних матеріалів // Археологія, 1979. № 32.
39. *Щепинський А. О.* Антропоморфні стели Північного Причорномор"я // Археологія. 1973. № 9.
40. *Формозов А. А.* Нальчикский курган // ВИ. 1973. № 12.
41. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1936.
42. *Златковская Т Ю.* К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы // СЭ. 1963. № 1.
43. *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3.
44. *Рычков Н. А.* К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.

45. *Батчаев В. М., Кореневский С. Н.* Находка оригинального топора в майкопском погребении у с. Лечинкай // КСИА. 1980. Вып. 161.
46. *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка // Тез. докл. на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962.
47. *Щепинский А. А.* Кеми-обинская культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка. 1985.
48. *Телегін Д. Я.* Датування археологічних пам"яток на Україні методами точних наук // Вісн. АН УРСР 1982. № 11.
49. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка. 1977
50. *Сидоренко Г. О., Махно Е. В., Телегін Д. Я.* Довідник з археології України. Полтавська область. Киев: Наук. думка. 1982.

Полтавский областной
краеведческий музей

A. B. SUPRUNENKO

AN ANTHROPOMORPHIC STELA OF THE EARLY METALS PERIOD

Summary

A unique sculpture of the Early Metals period was discovered in the Orel basin near Fedorovka village (Karlovka district, Poltava region). The stone stela bears a number of images on the front, back and both sides. The arms of the human image are clasped on its chest, it has a spear or an arrow and a battle-axe under the belt. The feet are depicted with incised lines. Among the scenes there should be mentioned the images of a human fugure with the tail, a horse, and so-called „tree of life" The latter has some detailes connecting it with some primitive calendar systems. The most close analogy for this sculpture is the stela from Kernosovka, similar pictures are discovered also on the number of stelae dated to the end of the 3rd — the first third of the 2nd millenia B. C., which is the most probable date for the stela in question.

Л. В. КУЗНЕЦОВА, М. С. СЕДОВА

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ У С. ВОЛЧАНКА В КУЙБЫШЕВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Могильник располагался в 2,5 км к юго-западу от с. Волчанка Красноармейского р-на, на небольшой возвышенности, вытянутой с севера на юг. В 250 м к востоку от него находится небольшое озеро, вероятно старица р. Малая Сухая Вязовка (бассейн Волги, левый берег). Памятник был полностью исследован в 1979 г. экспедицией Куйбышевского госуниверситета [1] Всего вскрыто 12 насыпей, две из которых — № 5 и 11 — оказались естественными всхолмлениями. Курганы 1—4, 6 и 7 вытянуты неровной цепочкой по линии СЗ—ЮВ, а курганы 8—10 и 12 сконцентрированы небольшой группой на юго-восточном конце цепочки. Протяженность могильника с северо-запада на юго-восток — 350 м.

Основные размеры курганных насыпей приведены в табл. 1.

Таблица 1

Размеры курганных насыпей, количество погребений	№ кургана									
	1	2	3	4	6	7	8	9	10	12
Диаметр современной насыпи, м	19	18	18	20	26	19	20	19	19	18
Диаметр насыпи по погребенной почве, м	16	15	14,5	14	15,5	13,5	13	15,5	15	17
Высота современной насыпи, м	0,2	0,24	0,21	0,24	0,46	0,21	0,16	0,32	0,3	0,21
Количество погребений	2	1	15	8	4	5	8	1	1	4

По своим размерам выделяется курган 6, он самый высокий, в него было впущено погребение кочевника. Не исключено, что насыпь досыпана кочевниками. Следов досыпки при раскопках проследить не удалось. Остальные насыпи вне зависимости от количества совершенных над ними захоронений имеют примерно одинаковые параметры.

К у р г а н 1 (в центре цепочки). Под его насыпью на уровне погребенной почвы обнаружены остатки деревянной плахи длиной 0,7 и диаметром 0,09 м. В кургане было совершено два погребения, оба они основные. Насыпь кургана и погребенная почва сильно переработаны землероями, нарушены также очертания могильных ям и сами погребенные.

Погребение 1 (в восточном поле кургана) Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 2,7×1,8 м и была углублена в материк на 0,8 м, ориентирована по линии С—Ю. В заполнении встречены обломки деревянных плах и жердей диаметром 0,05—0,1 м, часто в вертикальном положении, у западной стенки концентрировались угольки, у северной стенки — линза золы мощностью 0,05 м. На дне ямы прослежены остатки подстилки из коры белого цвета, ребро животного, угли и охристые вкрапления. В заполнении ямы встречена кремневая пластиночка с обломанным верхом. Костей скелета человека не обнаружено.

© Л. В. Кузнецова, М. С. Седова, 1991 г.

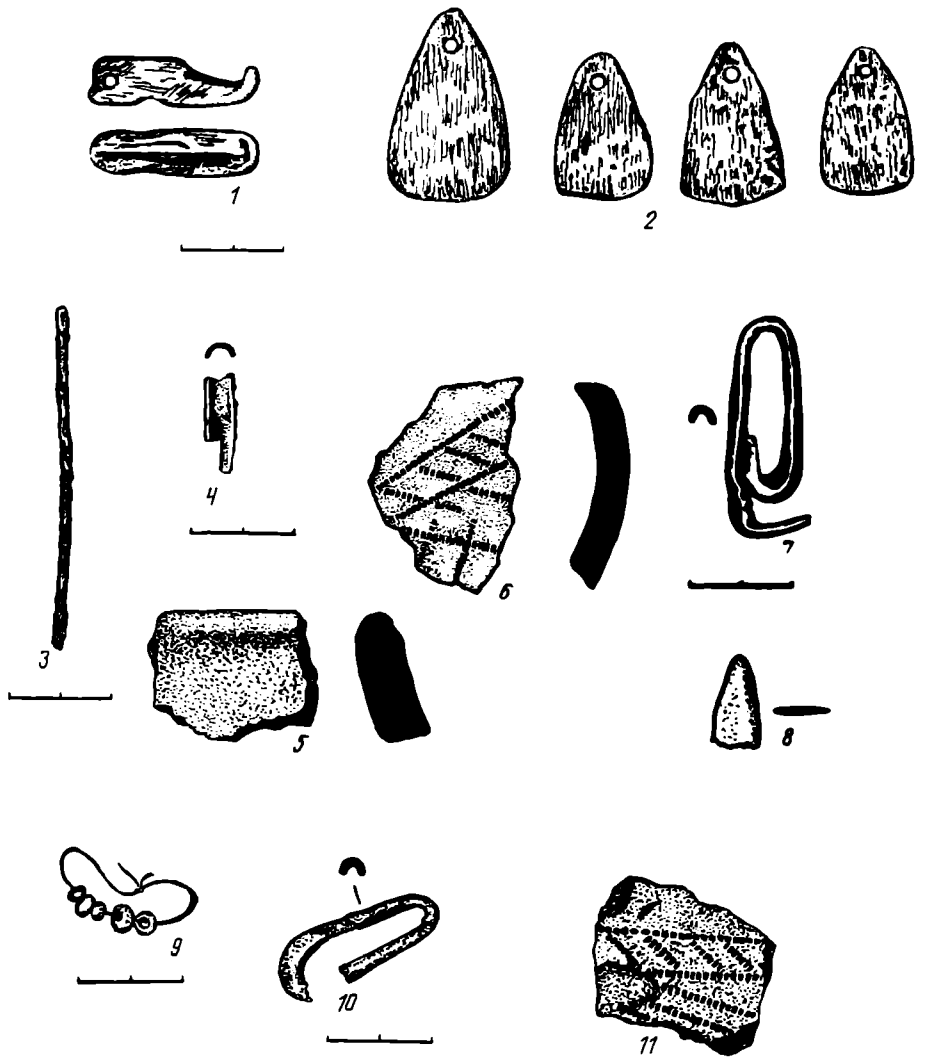


Рис. 1. Вещи из погребений. *1—3* — кург. 6, погр. 2; *4* — кург. 4, погр. 8; *5* — кург. 2, погр 1; *6* — кург. 2, погр. 1; *7* — кург. 4, погр. 8; *8* — кург. 7, погр. 4; *9* — кург. 4, погр. 4; *10* — кург. 4, погр. 6; *11* — кург. 2, погр. 1 (*1, 2* — кость; *3, 4, 8, 10* — бронза; *5, 6, 11* — керамика; *7* — бронза в золотой фольге; *9* — стеклянная паста)

Погребение 2 (в заданном поле кургана, ближе к его центру). На уровне погребенной почвы над могильной ямой обнаружены обломки деревянных плах и кости животных. Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,95×1,7 м и была углублена в материк на 0,62 см, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Костяк разрушен грызунами, сохранились две перекрещенные человеческие бедренные кости в западном углу и кость предплечья возле северной стенки ямы. Поза и ориентировка погребенного не фиксируются. Местами по дну ямы и на костях прослеживалась подстилка из коры. Иногда она располагалась в два слоя, между ними находился темно-серый золистый слой мощностью 0,001—0,007 м. Ближе к восточному углу ямы прослежен отпечаток кожи темно-желтого цвета, в форме сегмента. Основание его равно 0,22, а высота — 0,1 м, на подстилке из коры встречались вкрапления охры.

Курган 2 (к западу от кургана 1, в центре цепочки). Под ним было совершено одно погребение, расположенное в центре кургана. Могильная яма имела подпрямоугольную форму и размеры 2,25×1,9 м, ее глубина в материке была 0,54 м, ориентирована по линии С—Ю. Погребение сильно нарушено норами землероев. В заполнении могилы встречены обломки дерева, фрагменты

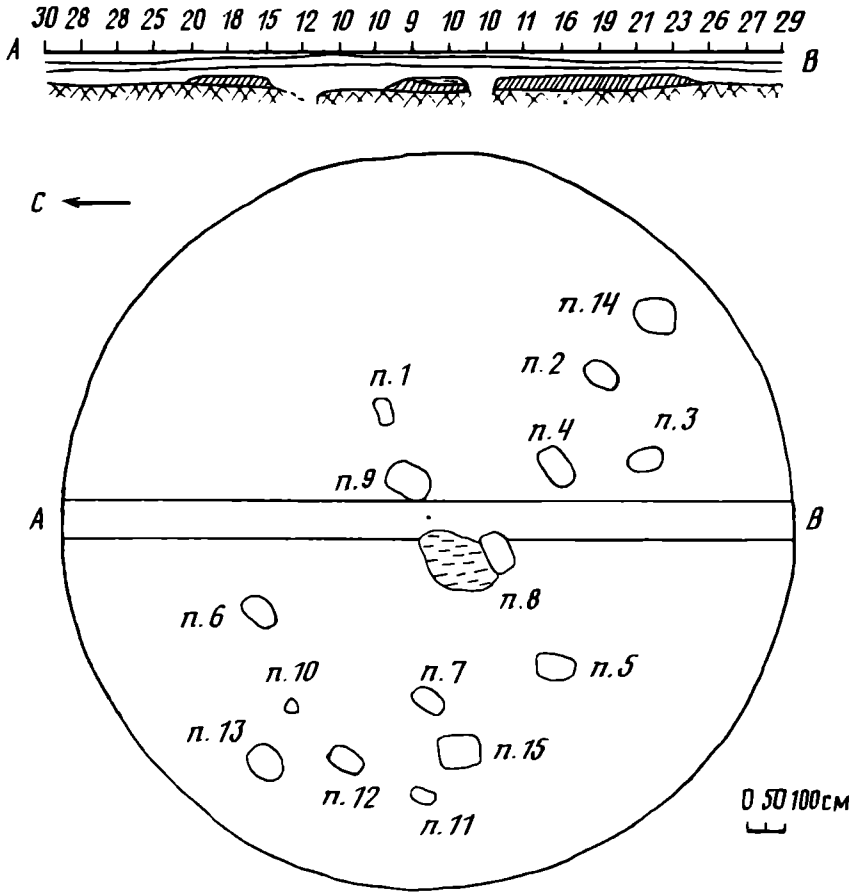


Рис. 2. Курган 3. Общий план

двух сосудов, человеческие кости. На дне ямы у западной стенки — скопление тазовых костей и нижних конечностей двух взрослых погребенных. Положение и ориентировка их не фиксируются (рис. 1, *5, 6, 11*).

К у р г а н 3 (к западу от кургана 2). Под его насыпью совершено 14 погребений и одно погребение впущено в насыпь. Погребения занимали не всю площадь, перекрытую насыпью, а располагались довольно компактной полосой шириной 9 и длиной 18 м, ориентированной по линии СЗ—ЮВ. Площадь, на которой совершены погребения, здесь и далее в тексте авторы называют погребальной площадкой. Она очерчивается условно по крайним точкам наиболее удаленных от центра могильных ям. Конфигурация и ориентировка погребальной площадки, взаиморасположение на ней погребений характеризуют общую тенденцию образования кладбища до перекрытия его насыпью кургана (рис. 2).

Погребение 1 (северо-восточный край площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы 0,72×0,42 м, глубиной 0,22 м в материке, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне ямы обнаружен костяк подростка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток, ноги сильно согнуты в коленях, руки кистями, видимо, находились перед лицом. Недалеко от колен стояли два лепных сосуда (табл. 2).

Погребение 2 (юго-восточный конец площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 0,95×0,62 м и была углублена в материк на 0,2 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне ямы лежал плохо сохранившийся скелет подростка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях. Перед лицом погребенного находился лепной сосуд, другой располагался у таза (табл. 2).

Погребение 3 (центральная часть площадки). Могильная яма в форме неправильного овала имела размеры 0,85×0,55 м и была углублена

Таблица 2

Промеры сосудов, мм

№ п. п.	№ кург.	№ погр.	№ сосуда	H_1	H_2	H_3	$Д_1$	$Д_2$	$Д_3$	$Д_4$	Орнамент
1	3	1	1	104	—	—	120	99	—	—	—
2	3	1	2	60	—	—	114	80	—	—	—
3	3	2	1	76	—	—	122	70	—	—	—
4	3	2	2	189	87	23	168	117	187	168	—
5	3	3	Сосуд	78	—	—	139	88	—	—	—
6	3	4	1	71	—	—	102	77	—	—	—
7	3	4	2	155	—	—	174	92	170	—	—
8	3	5	Сосуд	100	—	—	137	71	—	—	+
9	3	6	1	129	97	—	151	102	171	—	+
10	3	6	2	68	57	—	130	91	131	—	+
11	3	7	1	80	—	—	114	80	—	—	—
12	3	7	2	158	92	21	161	108	167	151	+
13	3	8	1	111	—	—	144	81	—	—	—
14	3	8	2	69	—	—	104	67	—	—	—
15	3	9	1	92	62	12	133	75	145	129	+
16	3	9	2	166	147	—	177	85	179	—	—
17	3	10	Сосуд	52	—	6	78	62	—	74	—
18	3	11	1	101	79	—	108	77	124	—	—
19	3	12	1	144	100	11	155	98	169	—	+
20	3	12	2	75	56	—	110	76	111	—	—
21	3	13	1	73	—	—	102	64	—	—	—
22	3	13	2	134	104	—	158	85	160	—	—
23	3	14	Сосуд	82	—	—	140	80	—	—	—
24	3	15	»	136	104	—	147	85	157	—	+
25	4	1	1	129	90	—	140	90	142	—	—
26	4	2	Сосуд	114	104	—	140	80	138	—	+
27	4	6	1	109	75	10	127	82	131	—	—
28	4	6	2	164	104	13	157	92	164	155	+
29	7	1	1	112	77	—	162	86	165	—	—
30	7	1	2	97	65	—	128	75	115	—	+
31	7	1	3	156	135	—	171	106	105	—	—
32	7	2	1	112	64	15	137	104	161	138	+
33	7	2	2	124	102	—	154	82	156	—	—
34	7	3	Сосуд	154	92	18	195	86	214	—	+
35	8	1	1	71	53	—	97	62	99	—	—
36	8	1	2	117	74	—	119	69	125	—	—
37	8	2	1	86	66	—	106	68	110	—	—
38	8	2	2	114	84	—	134	61	143	—	—
39	8	3	1	73	—	—	108	60	—	—	—
40	8	3	2	98	85	—	132	75	135	—	—
41	8	5	1	68	57	—	112	65	113	—	—
42	8	7	1	72	—	—	101	71	—	—	—
43	8	7	2	?	?	—	141	?	150	—	+
44	8	8	1	138	91	—	157	95	167	—	+
45	8	8	2	72	63	—	94	70	101	—	—
46	9	1	1	194	—	—	186	92	—	—	+
47	12	1	Сосуд	90	51	15	106	63	102	97	+
48	12	2	1	98	81	—	133	90	138	—	—
49	12	2	2	167	133	—	188	114	198	—	+
50	12	3	1	95	57	9	125	86	140	121	+
51	12	3	2	179	—	—	163	94	—	—	—
52	12	3	4	118	71	—	154	109	158	—	+

Примечание. По каждому сосуду сделано от пяти до семи промеров: H_1 — полная высота сосуда; H_2 — высота сосуда от дна до максимального диаметра тулова; H_3 — высота горла (от устья до обреза венчика); $Д_1$ — диаметр венчика; $Д_2$ — диаметр дна; $Д_3$ — диаметр максимально расширенной части горла; $Д_4$ — диаметр устья. Количесто промеров зависит от формы сосуда. По полной программе обрабатывались сосуды горшечной формы, по сокращенной — баночной.

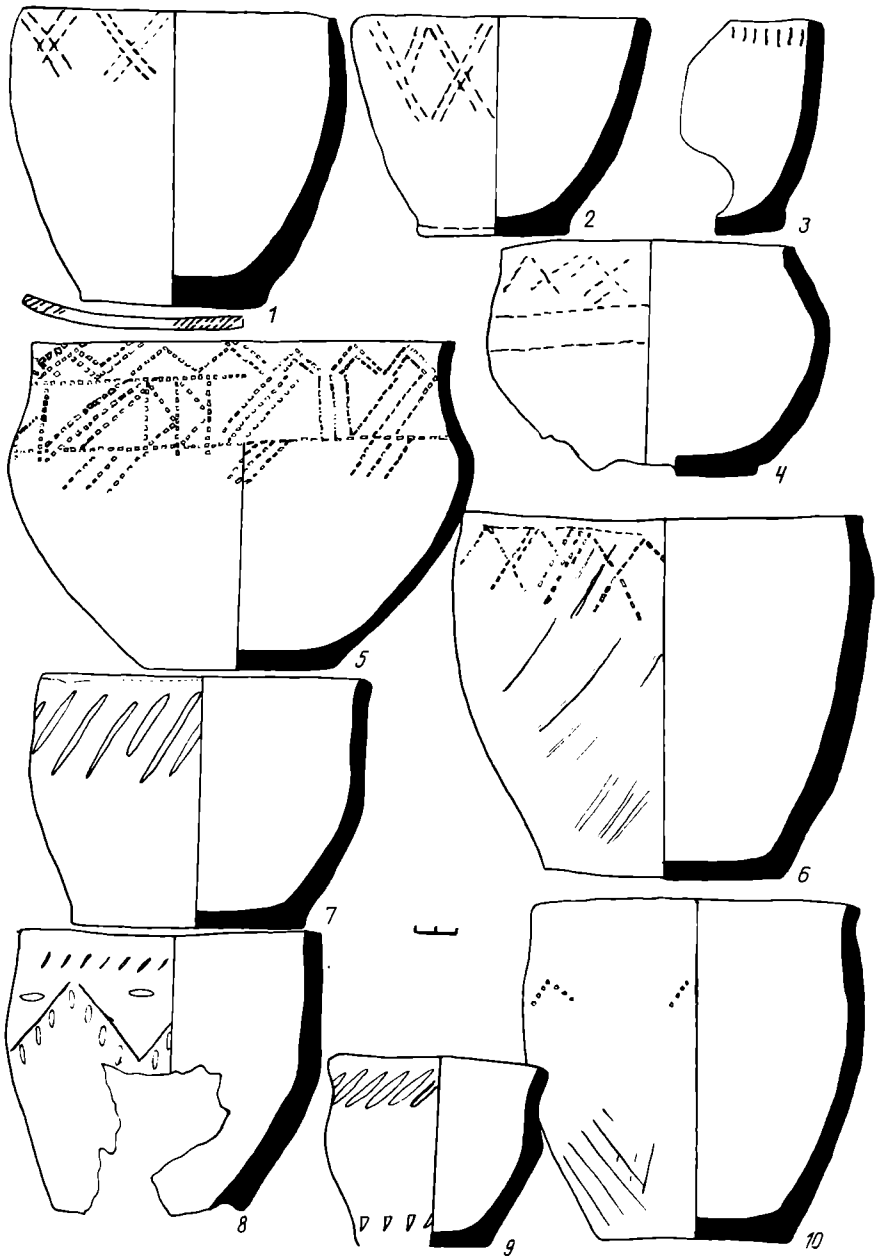


Рис. 3. Сосуды из погребений. *1* — кург. 3, погр. 15; *2* — кург. 3, погр. 5; *3* — кург. 12, погр. 3, сосуд 3; *4* — кург. 7, погр. 2, сосуд 1; *5* — кург. 7, погр. 3; *6* — кург 12, погр. 2, сосуд 2; *7* — кург. 12, погр. 3, сосуд 4; *8* — кург. 8, погр. 7, сосуд 2; *9* — кург 12, погр. 1; *10* — кург. 4, погр. 6, сосуд 2

в материк на 0,07 м, ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. На дне ямы лежал костяк подростка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-северо-запад. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. В районе кистей находился лепной сосуд (табл. 2).

Погребение 4 (центральная часть площадки). Могильная яма прямоугольной формы имела размеры 1,2×0,71 м и глубину в материке 0,25 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречались обломки крупных бревен (диаметром до 20 см), лежащих в продольном и поперечном относительно оси ямы положении. На дне ямы обнаружен костяк подростка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и, вероятно, лежали кистями перед лицом. В погребении обнаружено два лепных сосуда

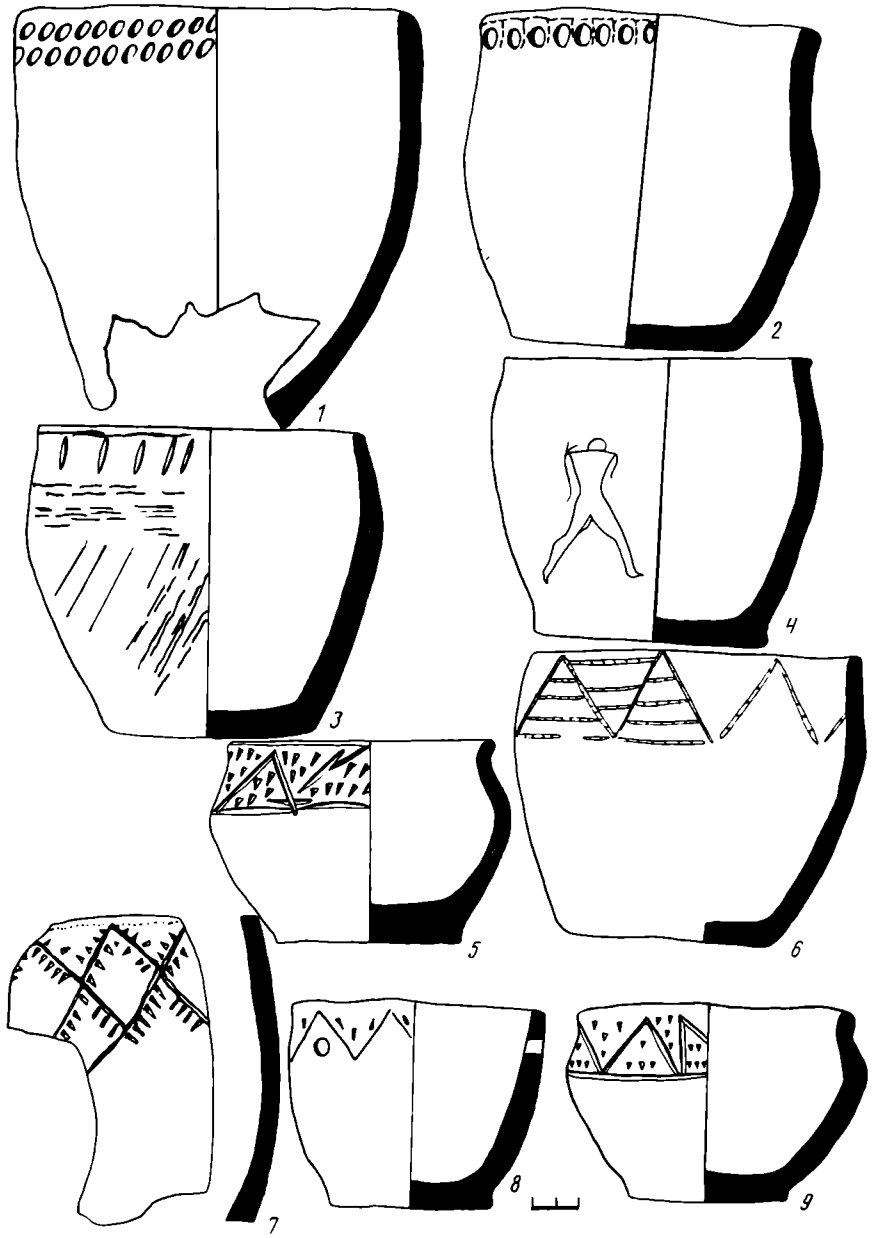


Рис. 4. Сосуды из погребений. *1* — кург 9, погр. 1, *2* — кург 3, погр. 7, сосуд 2; *3* — кург 3, погр. 12, сосуд 1; *4* — кург. 8, погр. 5, сосуд 2; *5* — кург 12, погр. 3, сосуд 1; *6* — кург. 8, погр. 8, сосуд 1; *7* — кург 4, погр. 7; *8* — кург 7, погр. 1, сосуд 2; *9* — кург 3, погр. 9, сосуд 1

(табл. 2). Сосуд 1 находился в вертикальном положении у локтей погребенного, а сосуд 2 лежал на боку в ногах погребенного.

Погребение 5 (юго-западный край площадки). Могильная яма имела размеры 0,85×0,7 м и была углублена в материк на 0,25 м, ориентирована по линии С—Ю. В заполнении ямы встречались кусочки дерева. На дне могилы лежал костяк подростка в скорченном на левом боку положении, головой на север. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. В районе кистей рук погребенного находился лепной сосуд (табл. 1; рис. 3, *2*)

Погребение 6 (северо-восточный край площадки). Могильная яма в форме неправильного овала имела размеры 0,95×0,58 м и была углублена в материк на 0,22 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне могилы находился костяк

подростка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и лежали, вероятно, кистями перед лицом. У лица погребенного стояло два лепных сосуда (табл. 2).

Погребение 7 (северо-западная половина площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 0,87×0,6 м и была углублена в материк на 0,35 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении ямы встречались кусочки коры белого цвета. Погребенный подросток лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. У кистей рук находился лепной сосуд (№ 1), у колен — второй сосуд (табл. 2; рис. 4, *2*).

Погребение 8 (центральная часть площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,18×0,75 м и была углублена в материк на 0,3 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Погребенный подросток лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и притянуты кистями к лицу. В погребении обнаружено два сосуда. Сосуд 1 находился у кистей рук, а сосуд 2 — у колен (табл. 2).

Погребение 9 (центр кургана). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,15×0,95 м и была углублена в материк на 0,65 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне могилы на подстилке из коры белого цвета лежал костяк подростка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. В заполнении могилы найдены раковины. В районе колен погребенного стоял глиняный лепной сосуд 1 (рис. 4, *9*), сосуд 2 находился рядом с ним и был перевернут на бок (табл. 2).

Погребение 10 (в насыпи кургана). Очертания могильной ямы проследить не удалось. Погребенный младенец лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях. Перед лицом его находился лепной сосуд (табл. 2).

Погребение 11 (северо-западный край площадки). Могильная яма неправильной формы имела размеры 0,65×0,45 м и была углублена в материк на 0,1 м, ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Погребенный ребенок лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях. У рук погребенного — развалы двух лепных сосудов (табл. 2).

Погребение 12 (рядом с погребением 11). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,0×0,6 м, глубина ее в материке 0,35 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении обнаружена деревянная плаха, лежащая поперек длинной оси могилы. Погребенный подросток лежал в скорченном на левом боку положении, головой, вероятно, на северо-восток. Руки согнуты в локтях. Сосуд 1 находился в южном углу могилы (рис. 4, 3), сосуд 2 — в районе рук (табл. 2).

Погребение 13 (северо-западный край площадки). Могильная яма округлой формы имела размеры 1,0×0,9 м и глубину в материке 0,7 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Стенки ямы ко дну слегка скошены. В заполнении найдены бусина из стеклянной пасты и зуб животного. На дне ямы на подстилке из коры белого цвета лежал костяк ребенка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. У рук погребенного находилось два лепных сосуда (табл. 2).

Погребение 14 (юго-восточный край площадки) Могильная яма округлой формы имела размеры 1,15×1,0 м и была углублена в материк на 0,5 м, ориентирована по линии С—Ю. Погребенный подросток лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. В районе рук погребенного находился лепной сосуд.

Погребение 15 (западный край площадки). Могильная яма подквадратной формы имела размеры 1,2×0,97 м и была углублена в материк на 0,18 м, ориентирована по линии ССВ—ЮЮВ. Погребение сильно разрушено землероями. В заполнении норы у западной стенки могилы найдены бабки животных. Погребение парное. Костяк одного скелета сохранился частично. По оставшимся

костям можно судить, что погребенный лежал в скорченном на правом боку положении. Общая ориентировка тела по линии СВ—ЮЗ. Второй костяк почти не сохранился, за исключением черепа, который утратил свое первоначальное положение и лежал лицевой частью вниз, за черепом первого погребенного. В северо-восточном углу могилы на боку лежал глиняный сосуд (табл. 2; рис. 3, *1*).

К у р г а н 4 (западный конец цепочки). Под его насыпью совершено восемь погребений. Они расположены в пределах погребальной площадки длиной около 17 и шириной около 8 м, вытянутой по линии ЮВ—СЗ. В центре площадки находилось погребение 8, оно было центральным и относительно насыпи (рис. 5, *2*).

Погребение 1 (юго-восточный конец площадки у основания насыпи кургана). Могильная яма овальной формы имела размеры 1,0×0,75 м и глубину в материке 0,2 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне могилы на подстилке из коры розовато-коричневого цвета обнаружен костяк ребенка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях. Перед лицом погребенного стояло два лепных сосуда, под ними на дне ямы угли. В ногах скопление бабок животного (табл. 2).

Погребение 2 (рядом с погребением 1) Могильная яма овальной формы имела размеры 1,2×0,75 м, глубина ее в материке 0,27 м, ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Стенки ямы слегка расширяются ко дну. На дне находился костяк подростка в скорченном на левом боку положении, головой на северо-северо-восток. Положение рук не определяется вследствие плохой сохранности костяка. У рук находился лепной сосуд (табл. 2).

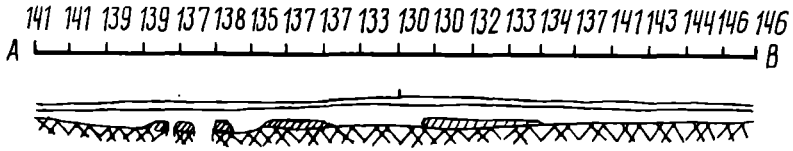
Погребение 3 (северо-западный конец площадки). Могильная яма овальной формы имела размеры 1,0×0,6 м и была углублена в материк на 0,05 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне ямы лежал костяк взрослого человека в сильно скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. Вещей в погребении не обнаружено.

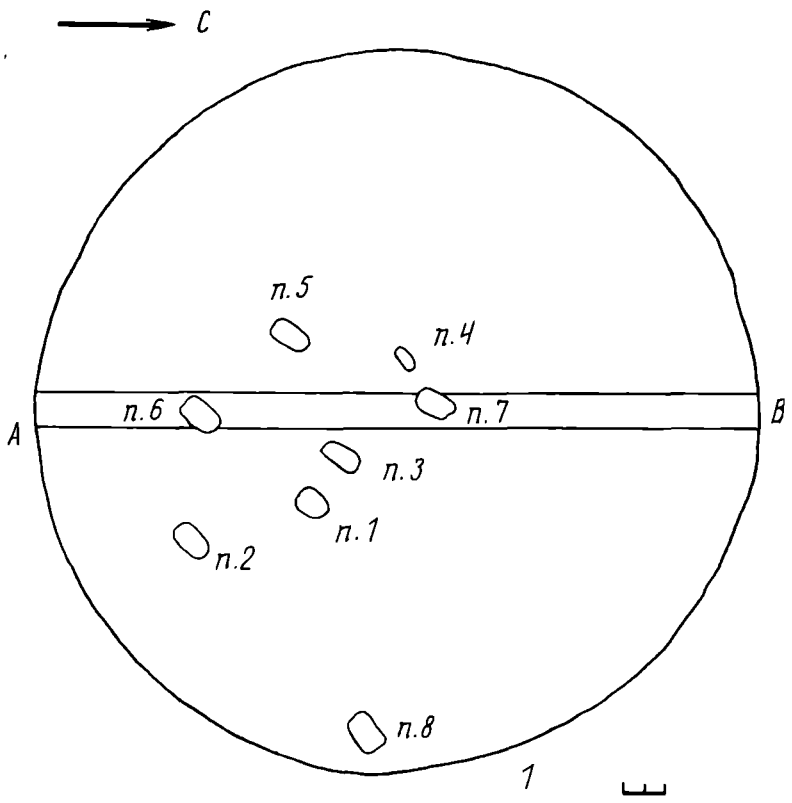
Погребение 4 (между погребениями 2 и 8). Могильная яма по форме близка к овалу, ее размеры 1,0×0,75 м, глубина в материке 0,25 м. На дне могилы на подстилке из коры белого цвета лежал костяк взрослого человека в скорченном на левом боку положении, головой на север. Положение рук не фиксируется. За спиной погребенного лежал обломок деревянной плашки, ориентированной поперек длинной оси могилы. Скелет частично покрывала кора белого цвета. В районе груди обнаружены четыре бусины из стекловидной пасты. Они округло-биконической формы, имеют диаметры 4—5 мм, цвет их желтовато-белый, местами зеленоватый (рис. 1, *9*).

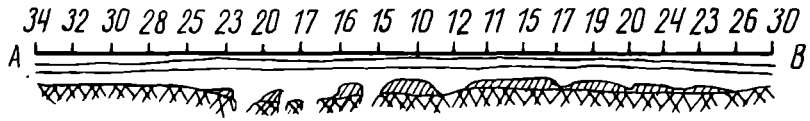
Погребение 5 (северо-западный край площадки). Могильная яма округлой формы имела размеры 0,57×0,48 м, была углублена в материк на 0,05 м, ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Костяк почти не сохранился. Судя по всему, погребение принадлежало младенцу. На дне могилы найдены обломки от двух лепных сосудов.

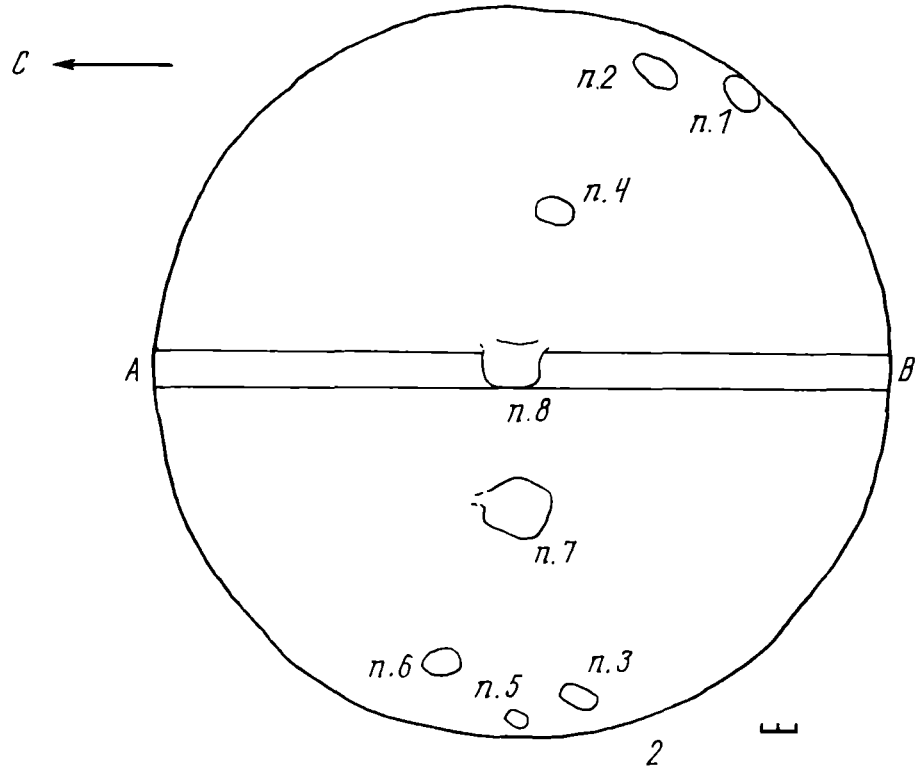
Погребение 6 (рядом с погребением 5). Могильная яма овальной формы имела размеры 1,09×0,75 м и глубину в материке 0,3 м, ориентирована по линии С—Ю. На дне ямы лежал костяк подростка в скорченном на левом боку положении, головой на север. Руки согнуты в локтях. Под головой у виска найдена желобчатая подвеска в полтора оборота (в обломках). Длина ее 3,4 см, ширина в верхней части 0,6, в нижней — 1,2 см. Ширина желобка 0,7 см, концы приострены (рис, 1, *10*). У лица и в районе живота погребенного находились глиняные лепные сосуды (табл. 2; рис. 3, *10*).

Погребение 7 (между погребениями 6 и 8). Могильная яма неправильной формы имела размеры 1,65×1,6 м и глубину в материке 0,4 м, ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. В заполнении ямы встречались куски деревянных плах толщиной 0,02—0,07 м, ориентированные в основном по линии В—З и


141 141 139 139 137 138 135 137 137 133 130 130 132 133 134 137 141 143 144 146 146
A
B


C
п.5
п.4
п.6
п.7
A
B
п.3
п.1
п.2
п.8
1
E


34 32 30 28 25 23 20 17 16 15 10 12 11 15 17 19 20 24 23 26 30
A
B


C
п.2
п.1
п.4
A
B
п.8
п.7
п.6
п.5
п.3
2
E

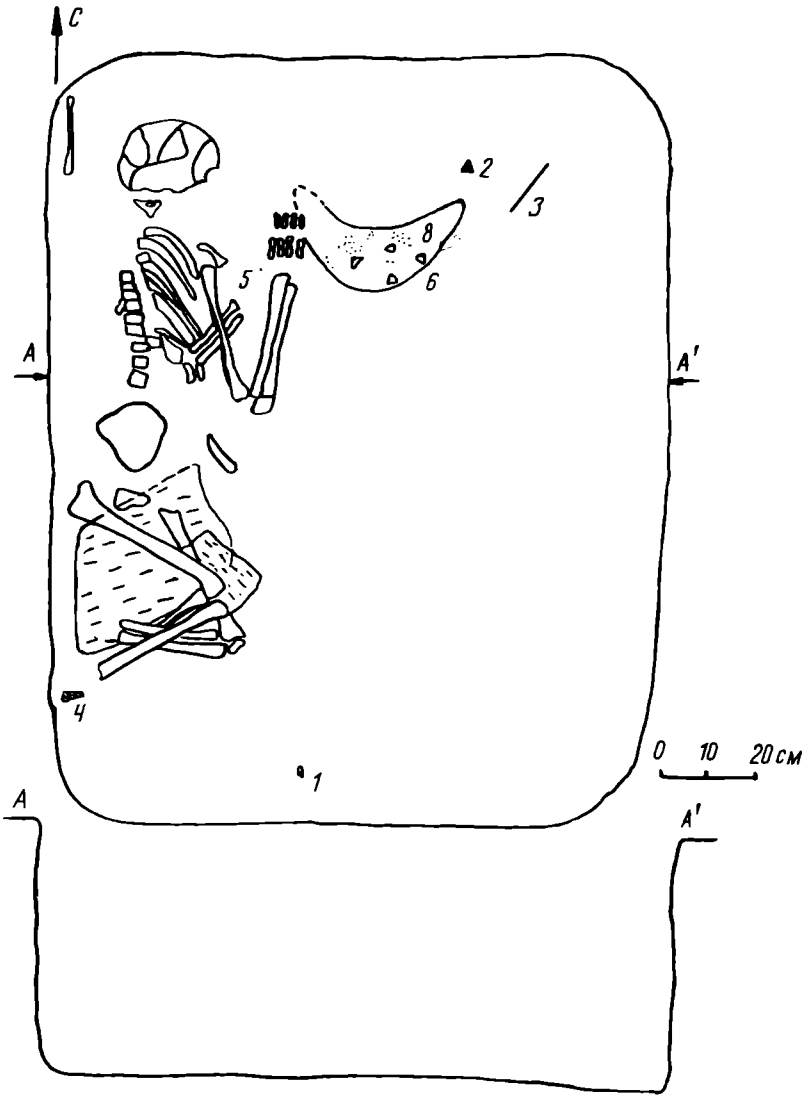


Рис. 6. Курган 6, погребение 2. *1* — позолоченная подвеска; *2* — обломок браслета; *3* — бронзовая игла; *4* — обломок глиняного сосуда; *5* — браслет из бус; *6* — бусы и костяные подвески

СЗ—ЮВ, некоторые имеют вертикальное положение. Это остатки рухнувшего перекрытия. Погребение парное, на подстилке из коры белого цвета лежали два скелета взрослых людей в скорченном на левом боку положении, головой на север. У левого костяка скорченность слабая. В районе шеи и рук его находилось около 200 штук сурьмяных бус [1] и бус, сделанных из стекловидной пасты, обломки бронзового желобчатого браслета и в районе ступней — фрагменты глиняного сосуда. Пастовые бусы аналогичны найденным в погребении 4.

Второй погребенный находился на некотором расстоянии от первого, рядом с ним имелись обломки лепного сосуда (табл. 2; рис. 4, 7). Из сурьмы изготовлено около 200 бусин. Они имеют цилиндрическую форму и форму усеченного конуса. Их диаметр около 2, высота 3—4 мм. Браслет сохранился очень плохо, ширина желобка 0,4—0,6 см, в сечении округлый.

Погребение 8 (в центре кургана). Могильная яма имела размеры 1,6×1,2 м и была углублена в материк на 0,32 м, ориентирована по линии С—Ю. В запол-

[1] Химический состав бус определен И. С. Дробязко на кафедре металловедения Куйбышевского политехнического института. Основной их компонент — сурьма, присутствуют серебро, индий и кадмий. Сплав в образцах литой, заэвтектический.

нении обнаружена деревянная плаха, ориентированная по линии В—З. На дне ямы лежал костяк взрослого человека в скорченном на левом боку положении, головой на север. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. Под черепом обнаружена подвеска в полтора оборота, обернутая золотой фольгой. Она сделана из желобчатого стержня, полуовального в профиле. Длина подвески 34 мм, наибольшая ширина в нижней части 13 мм, концы приострены. В районе груди обнаружено пять бусин из стекловидной пасты, аналогичных вышеописанным. На левую руку погребенного был надет желобчатый бронзовый браслет, от которого сохранилась металлическая труха (рис. 1, *4, 7*).

Курган 6 (в центре цепочки, рядом с курганом 1). Погребальная площадка, на которой располагались погребения, имела размеры 9,5×12,5 м и находилась в южном поле кургана, рядом с его центром. Под насыпью обнаружено три погребения, одно было впущено в насыпь. Центральная часть кургана разрушена норами и позднейшими перекопами. В плане она представляла огромное темное пятно на светлом материковом суглинке. В этом месте в кургане было совершено два погребения.

Погребение 1 принадлежало кочевнику и было впущено в насыпь кургана. Подробно описано И. Н. Васильевой [2].

Погребение 2 (западный край площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,65×1,3 м и глубину в материке 0,55 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречались обломки дерева, кусок деревянной плахи прикрывал ноги погребенного. Погребение сильно разрушено землероями. В их норах обнаружены: обломки бронзовой подвески в полтора оборота, обернутой золотой фольгой, обломок бронзового желобчатого браслета шириной 6 мм, в разрезе он имеет овальную форму, обломок бронзовой иглы (диаметр 2 мм) с ушком, фрагмент керамики. На дне ямы на подстилке из коры обнаружен костяк взрослого человека в скорченном на левом боку положении, головой на север. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. Скорченность костяка слабая. На запястье правой руки погребенного находился браслет, состоящий из трех ниток бус: внешние ряды — из сурьмяных бус, внутренний — из бус стекловидных пастовых. У кистей рук погребенного находился предмет, сделанный, вероятно, из кожи. От него сохранился тлен коричневато-рыжего цвета в форме нарушенного сегмента размером 35×14 см (рис. 6, *8*). Этот предмет был расшит сурьмяными и пастовыми бусами, по размерам и технологии схожими с вышеописанными в погребениях 4 и 7 кургана 4. Кроме бус на площади сегмента находились пять костяков подвесок. Четыре из них были изготовлены на плоских костяных пластинах подтреугольной формы и имели размеры 2,2×3,6; 1,7×2,7; 3,1×2,0; 2,9×1,8 см. Пятая подвеска также имела отверстие для подвешивания и по форме напоминала башмачок с загнутым носиком (рис. 1, *1—3*), ее размеры 3,3×2,8 см.

Погребение 3 (в центре кургана, на восточном краю площадки). Очертания ямы прослеживались плохо, она, вероятно, была подпрямоугольной формы и имела размеры 1,2×0,95 м, глубина ее в материке 0,45 м, ориентирована по линии С—Ю. В центре могилы на сохранившемся участке дна на подстилке из коры белого цвета обнаружена лучевая кость руки человека. В норе найден невыразительный фрагмент стенки сосуда.

Погребение 4 (южный конец площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,8×1,4 м и глубину в материке 0,45 м, ориентирована по линии С—Ю. На дне ямы на подстилке из коры обнаружен костяк взрослого человека в скорченном на левом боку положении, лицом вниз. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. Вещей при погребенном не было.

К у р г а н 7 (юго-восточный конец цепочки). Под его насыпью обнаружено пять погребений. Погребальная площадка, на которой они расположены, имела размеры примерно 4—6×13,5 м и была вытянута по линии СЗ—ЮВ, она несколько смещена от центра кургана (рис. 7, *2*).

Погребение 1 (юго-восточный край площадки). Могильная яма подпрямо-

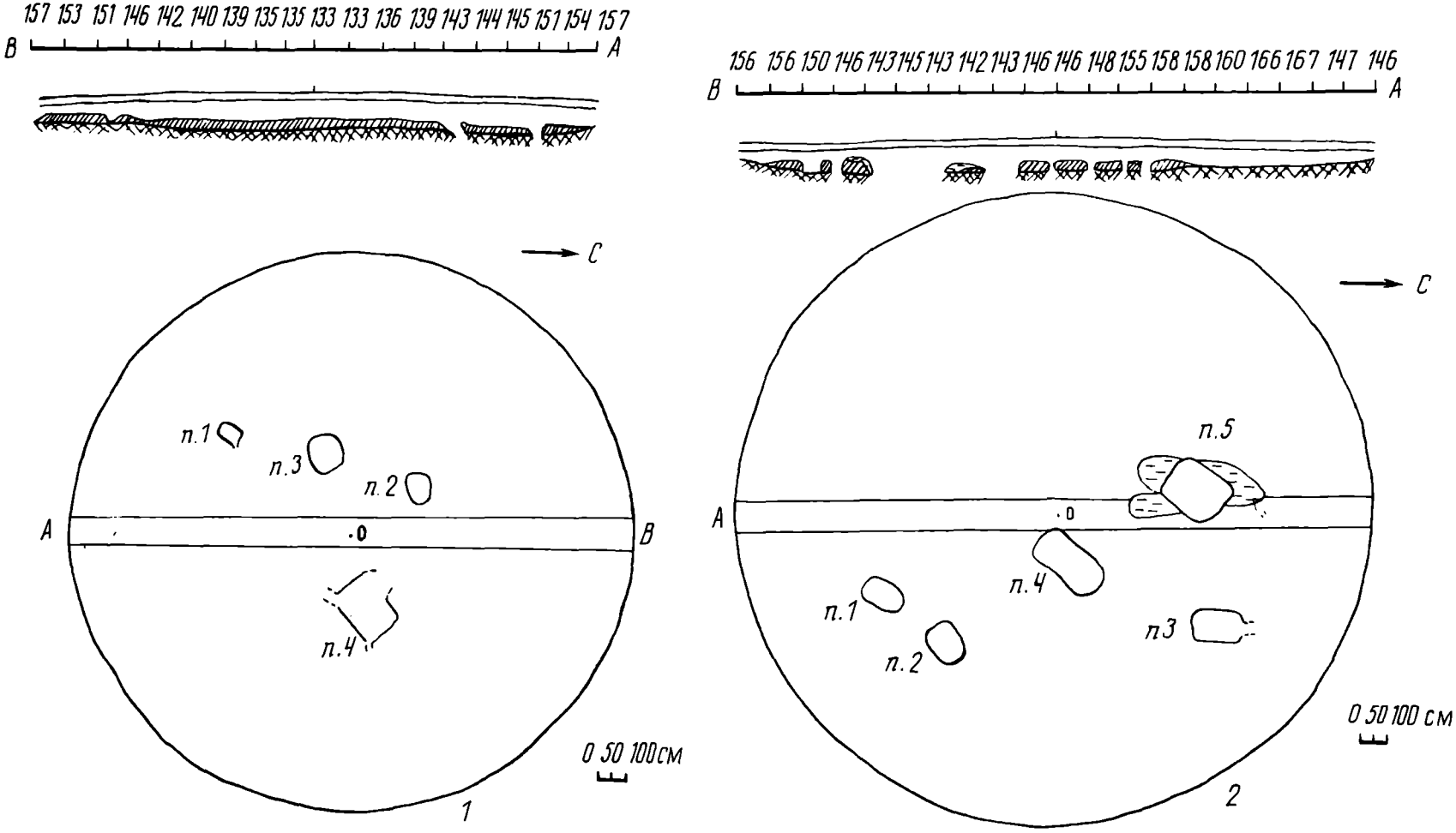


Рис. 7. *1* — курган 12; *2* — курган 7

угольной формы имела размеры 1,38×0,8 м и глубину в материке 0,3 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. На дне ямы обнаружен костяк взрослого человека в скорченном на левом боку положении, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. В районе кистей погребенного лежал глиняный сосуд, два других сосуда стояли у колен (табл. 2; рис. 4, *8*).

Погребение 2 (юго-восточный край площадки, рядом с погребением 1). Могильная яма подквадратной формы имела размеры 1,3×1,05 м и глубину в материке 0,4 м, ориентирована по линии СВВ—ЮЗЗ. В заполнении могилы встречались обломки деревянных плах, ориентированных в различных направлениях. На дне могилы на подстилке из коры с вкраплениями мела обнаружен костяк погребенного — взрослого человека — в сильно скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями под черепом. Перед скелетом, на уровне груди, и позади него, на уровне таза, находилось два глиняных лепных сосуда (табл. 2; рис. 3, *4*).

Погребение 3 (северо-восточный край площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,5×1,0 м и глубину 0,45 м, ориентирована по линии С—Ю. В заполнении встречались обломки деревянных плах. Скелета в могиле не обнаружено, однако в норе, пересекавшей могилу, найдены обломки человеческих костей. В северо-восточном углу ямы стоял лепной сосуд. В его заполнении содержался слой коры белого цвета, возможно, он был покрыт куском коры (табл. 2; рис. 3, *5*).

Погребение 4 (центр погребальной площадки, на уровне центра кургана). Могильная яма подпрямоугольной формы сильно разрушена норами. Ширина ее около 1,25, глубина в материке 0,43 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречались мелкие кусочки дерева. На дне на подстилке из белой коры находились остатки человеческого костяка. Вероятно, он был положен на левый бок, головой на северо-северо-восток. В районе тазовых костей погребенного был найден обломок плоского бронзового предмета подтреугольной в плане формы, с прямоугольным сечением. Он напоминает обломок конца стилетообразного орудия или серпа. Максимальная его ширина 0,8, длина сохранившейся части 1,07, толщина пластины 0,2 см (рис. 1, *8*) У северо-восточной стенки находился обломок бронзовой пронизки и бусина из стекловидной пасты, аналогичная вышеописанным. Пронизка сделана из свернутого в трубочку тонкого бронзового листа. Сохранившаяся ее длина около 0,4, диаметр 0,3 см. Бусина аналогична вышеописанным.

Погребение 5 (северо-западный край площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,9×1,7 м и глубину в материке 0,8 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Заполнение могилы сильно переработано норами землероев, в нем встречались обломки костей человеческого скелета. На дне ямы на подстилке из белой коры лежала согнутая в колене нога человека.

К у р г а н 8 (к юго-востоку от кургана 7). Под его насыпью совершено восемь погребений. Семь из них расположены на погребальной площадке, имевшей размеры 8,5×5 м и сдвинутой к юго-востоку от центра насыпи. Площадка ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Погребение 8 находилось на краю, у основания кургана (рис. 5, *1*).

Погребение 1 (центр площадки). Могильная яма округлой формы имела размеры 0,87×0,7 м и глубину 0,42 м в материке, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Края ямы сужаются ко дну. В заполнении ее встречались обломки дерева. Погребенный подросток лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-северо-восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. У лба погребенного и в районе локтей находились глиняные сосуды (табл. 2).

Погребение 2 (юго-восточный края площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,0×0,6 м и была углублена в материк на 0,25 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении могилы встречена деревянная плаха, лежащая по диагонали могилы. Скелет погребенного плохо сохранился.

Вероятно, он лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. У лица погребенного находилось два сосуда (табл. 2).

Погребение 3 (центр площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,1×0,55 м и глубину в материке 0,55 м, ориентигрована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении обнаружены обломки деревянных плашек, лежащих в различном направлении. На дне ямы обнаружены остатки скелета подростка. По ним можно судить, что он лежал на боку, в скорченном положении, головой на северо-восток. У лица погребенного находилось два лепных сосуда (табл. 2).

Погребение 4 (центр кургана). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 0,7×0,4 м и была углублена в материк на 0,12 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Костяк погребенного ребенка почти не сохранился. По останкам костей можно предположить, что он лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. У головы погребенного находился развал лепного сосуда.

Погребение 5 (юго-западный край площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,05×0,63 м и глубину в материке 0,4 м, ориентирова по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречены кусочки дерева. Скелет подростка лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Перед лицом погребенного находилось два лепных сосуда (табл. 2). На поверхности сосуда 2 была прочерчена фигура идущего человека (мужчины) (рис. 4, *4*), высота фигурки около 7 см.

Погребение 6 (рядом с погребением 5). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 1,04×0,6 м и глубину в материке 0,5 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречались обломки деревянных плах, на некоторых из них сохранилась кора. Костяк подростка лежал в скорченном на левом боку положении головой на северо-восток. Перед лицом погребенного находилось два глиняных лепных сосуда.

Погребение 7 (северный край площадки). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 0,9×0,75 м, глубина ее в материке 0,15 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Погребенный подросток лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях. У лица погребенного находилось два лепных сосуда (табл. 2; рис. 3, *8*).

Погребение 8 (за пределами площадки). Могильная яма сильно разрушена норами землероев. Ее размеры 1,0×0,75 м, глубина в материке 0,8 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречены обломки деревянных плах. Костяк почти не сохранился, поза и ориентировка не восстанавливаются. В северо-западном углу могилы обнаружено два лепных сосуда (табл. 2; рис. 4, *6*).

К у р г а н 9 (к юго-западу от кургана 8, на юго-восточном конце цепочки). Под его насыпью совершено одно погребение, сооруженное на юго-восточном краю кургана. Могильная яма неправильных очертаний, ее стенки сильно нарушены норами землероев. Размеры ямы 1,2×0,9 м, глубина 0,22 м в материке, ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. На небольшом сохранившемся кусочке дна зафиксирована кора белого цвета. На коре развал глиняного сосуда (табл. 2; рис. 4, *1*). Костяк погребенного не обнаружен.

К у р г а н 10 (на юго-восточном конце цепочки). В центре кургана вскрыто одно погребение, сильно нарушенное норами. Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 2,08×1,6 м и глубину в материке 0,52 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Могила сильно разрушена, и только в ее центре сохранился участок дна, покрытый корой белого цвета. На нем остатки скелета взрослого человека. Судя по сохранившимся костям, он был положен в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях. В районе кистей и на костях таза обломки лепного сосуда.

Рис. 8. Предмет из кожи (курган 6, погребение 2). *1* — пастовые бусы; *2* — сурьмяные бусы

Курган 12 (на юго-восточном конце могильника). Под его насыпью совершено четыре погребения. Все они находятся возле центра кургана. Погребения 1—3 вытянуты в цепочку по линии ССВ—ЮЮЗ, погребение 4 расположено к востоку от цепочки.

Погребение 1. Яма подпрямоугольной формы, размерами 0,77×0,55 м, глубина в материке 0,18 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречены обломки деревянных плах, ориентированных в различных направлениях. Погребенный подросток лежал в скорченном на левом боку положении, головой на северо-северо-восток. В районе рук погребенного находился развал лепного сосуда (табл. 2; рис. 3, *9*).

Погребение 2. Яма неправильно-округлых очертаний, размерами 0,9×0,9 м, глубина в материке 0,15 м, ориентирована по сторонам света. На дне ямы находился скелет подростка в скорченном на левом боку положении, головой на восток. Руки согнуты в локтях и лежали кистями перед лицом. У рук находился сосуд 1, а в районе колен — сосуд 2 (табл. 2; рис. 3, *6*).

Погребение 3. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,2×1,05 м, глубина в материке 0,22 м, ориентирована по линии ВСВ—ЗЮЗ. В могильной яме двойное захоронение. Оба костяка находились в скорченном на левом боку положении, в ряд. Руки согнуты в локтях и находились кистями перед лицом. Головой оба ориентированы на восток — северо-восток. У лба первого погребенного стоял сосуд, 1, в ногах — сосуд 2. У лба второго костяка находился сосуд 3, а в ногах — сосуд 4 (табл. 2; рис. 4, *5*; 3, *3, 7*).

Погребение 4. Очертания могильной ямы сильно изменены ходами землероев. Ее размеры примерно 1,95×1,45 м, глубина в материке 0,55 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. В заполнении встречены обломки деревянных плах. Скелет погребенного почти не сохранился. Вероятно, он был положен головой на северо-восток. Вещей при погребенном не обнаружено.

Все погребения могильника, за исключением впускного в курган 6, совершены по обряду, характерному для племен срубной культуры. Маломощные насыпи, а также небольшие размеры и глубина могильных ям не дали возможно-

сти проследить последовательность захоронений внутри курганов. Могильные выкиды зафиксированы только в курганах 3 и 7, в обоих случаях — на уровне погребенной почвы; впускным в насыпь было погребение 10 кургана 3. Однако сравнительное однообразие погребального ритуала, отсутствие случаев нарушений одних погребений другими, соблюдение планиграфии при формировании кладбища под каждой насыпью позволяют предполагать относительную одновременность совершения захоронений под одной насыпью. В шести курганах (1, 3, 4, 7, 8, 12) хорошо фиксируются погребальные площадки, которые занимают примерно 1/3 подкурганного пространства. В четырех курганах они ориентированы по линии СЗ—ЮВ, в двух — СВ—ЮЗ. Погребения расположены неправильными рядами, перпендикулярно к длинной оси площадки. При наличии в кургане социально значимого погребения оно занимает центральное положение на площадке и под насыпью (под социальной значимостью авторы понимают усложненный погребальный обряд: наличие дерева и подстилки и богатство сопровождающего инвентаря). Погребения курганов 3, 8 и 12 отличают упрощенность и стандартность погребального ритуала.

Погребальный интентарь могильника характеризуется наличием в нем только двух категорий вещей: керамики и украшений. Украшения: желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота (бронзовые и обернутые золотой фольгой), бусы сурьмяные и из стеклянной пасты — имеют широкое распространение в памятниках срубной культуры. На территории Среднего Поволжья сурьмяные и пастовые бусы обнаружены в Федоровском II могильнике, в могильниках Золотая Нива I, Лузановка, I Кировский, Луначарский, Подстепки I, Александрова III, Канадей II [2] За редким исключением, бусы клались в погребения с признаками социальной значимости, погребальный обряд которых имел архаические черты (подстилка, охра, деревянное перекрытие), в наборе с бронзовыми украшениями.

Уникальным представляется предмет из кожи (курган 6, погребение 2), расшитый бусами и подвесками из кости. Он имел форму сегмента, часть его не сохранилась (рис. 8). Нашивки из сурьмяных и стеклянных бус сосредоточены в центральной части сегмента без какой-либо закономерности, бусы предварительно были нанизаны на нити. Поверх бус по средней горизонтальной линии сегмента прикреплялись три плоские костяные подвески подтреугольной формы, четвертая подвеска находилась как бы между ними, но несколько ближе к краю. У противоположного края находилась костяная подвеска в форме туфельки. Относительно назначения кожаного предмета можно предполагать, что это был головной убор или нагрудное украшение.

В погребении 5 кургана 8 на сосуде 2 изображена фигурка человека (мужчины) с признаками пола. Вероятно, человек нарисован со спины. Степень изобразительности частей тела неодинакова: голова в виде полукруга, руки едва намечены одним штрихом, плечи переданы схематично. Очень четко и реалистично прорисованы ноги. Правая нога опирается на всю ступню, левая приподнята и опирается на носок, т. е. фигура изображена шагающей, удаляющейся от зрителя (рис. 9).

Подчеркнуто неравноценное изображение разных частей тела позволяет предполагать, что рисунок несет семантическую нагрузку. Изображение нанесено на погребальный сосуд с напутственной пищей и могло иметь смысл напутствия умершему, уходящему в царство мертвых. Доминированное положение ног в системе рисунка обозначает знак пути в царство мертвых. Идея пути туда у индоиранцев связана с культом бога Ямы — первого из умерших, их царя, первым нашедшим путь мертвых. Мотивы этого верования прослеживаются во

[2] Материалы не опубликованы.

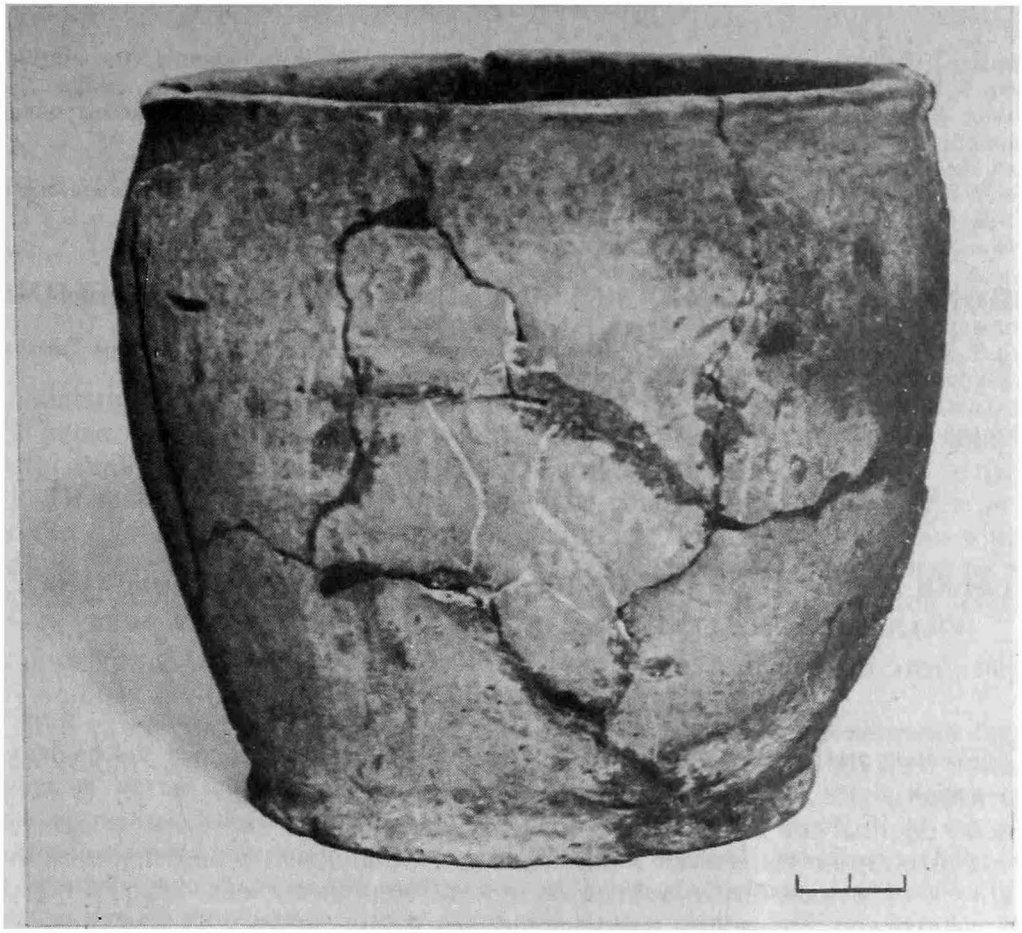


Рис. 9. Сосуд с изображением человека. Курган 8, погребение 5

многих гимнах «Ригведы», например в «Похоронном гимне», который исследователи «Ригведы» истолковывают как напутствие умершему [3, с. 199]

«Ступай, ступай прежними путями,
Где прошли наши предки»
(«Ригведа», X.14.7).

Рисунок человечка нанесен острым предметом по сырой глине. Изображения на сосудах срубной культуры известны из могильника Александровка в Куйбышевской обл. [3], из раскопок Л. Л. Галкина [4, с. 189—196], И. П. Лихачева, Д. И. Эварницкого [5, с. 137—142], А. Д. Пряхина [6, с. 33—36]

Волчанский могильник в целом отличает единообразие погребального обряда и инвентаря. Обращает внимание преобладание детских погребений — 67%. Курганы 3 и 8 полностью детские.

Отсутствие датирующих вещей не позволяет точно определить время сооружения могильника. Однако ряд архаических черт: небольшое количество погребений под одной насыпью — одно—пять, в одном случае восемь (исключение составляют курганы 3 и 8 — детские кладбища); сооружение надмогильных деревянных конструкций; подстилка из коры; следы огня, зола, угли, подсыпка мела и охры; северо-восточная, северная и восточная ориентировка костяков — находят аналогии в обряде предшествующих древнеямной и полтавкинской культур [7, с. 49; 8, с. 175—183] и позволяют отнести могильник к раннему периоду срубной культуры.

[3] Материалы не опубликованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кузнецова Л. В.* Отчет об исследованиях Волчанского курганного могильника в Красноармейском районе Куйбышевской области в 1979 г. Архив ИА АН СССР. Р-I, № 7450, 7450а.
2. *Васильева И. Н.* Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
3. Ригведа: избранные гимны / Пер. и комментарии Елизаренковой Т. Я. М., 1972.
4. *Галкин Л. Л.* Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА. 1977 № 3.
5. *Формозов А. А.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы // СА. 1958. № 2.
6. *Пряхин А. Д.* Поселения Абашевской общности. Воронеж, 1976.
7. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
8. *Иванов В. А., Пестрикова В. И.* Новый памятник ямной культуры в Куйбышевском Заволжье // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Куйбышевский государственный университет

L. V. KUZNETSOVA, M. S. SEDOVA

KURGAN CEMETERY OF THE TIMBER-GRAVE CULTURE NEAR VOLCHANKA VILLAGE ON THE LEFT BANK OF THE VOLGA, KUIBYSHEV AREA

Summary

The publication presents the materials of the fully excavated cemetery near Volchanka village, Kuibyshev region, dated to the Bronze Age. The cemetery consisted of 10 barrow mounds, each containing one to 15 graves. As a rule the dead were placed in contracted position on their left side, head pointing north-east. The grave goods included pottery, bronze and bone ornaments, beads made of glass-paste and antimony. On one of the vessels there was an image of moving male figure, incised on unbaked clay. The authors suggest this image to be connected with the cult of the dead. The cemetery is dated to the early period of timber-grave culture.

Е. И. БЕСПАЛЫЙ, И. Н. ПАРУСИМОВ

КОМПЛЕКСЫ ПЕРЕХОДНОГО И РАННЕСКИФСКОГО ПЕРИОДОВ НА НИЖНЕМ ДОНУ

В последние годы в археологической литературе значительное внимание уделялось нескольким раннескифским погребениям, исследованным в нижнедонских курганах, причем работы касались в основном одних и тех же погребений [1—6]. Повышенный интерес к этой группе погребений объясняется тем, что переход от бронзового века к железному является важнейшим этапом в истории населения Евразии, временем, когда происходят коренные изменения не только в способах хозяйствования и образе жизни, но и в социальной структуре общества.

Задача данной работы — показать новую серию погребений этого периода, обнаруженных в низовьях Дона в последние годы.

В 1979 г. экспедицией Ростовского областного музея краеведения были исследованы три кургана на ст. Хапры [1]. Два погребения VI в. до н. э. приведены в работе В. Е. Максименко [4, с. 26, рис. 9] [2] Хотелось бы отметить один интересный момент: во всех курганах, исследованных на ст. Хапры, подавляющее число погребений совершено с применением каменных закладов, а в обеих могилах VI в. до н. э. каменные конструкции отсутствовали [7]

Остановимся на группе впускных погребений кургана 1.

В центральной части кургана 1[3] было раскопано три впускных погребения, расположенных в ряд с запада на восток (рис. 1).

Погребение 13 (рис. 1), первое в ряду с запада, совершено на глубине 0,9 м от репера [4] в узкой яме шириной 0,9 м, ориентированной длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ, южный край ямы не прослежен. В верхней части ямы прослежены мелкие известковые камни заклада. Погребенный, взрослый человек, лежал на камышовой подстилке вытянуто на спине, головой на юг—юго-восток. Слева у основания черепа находился небольшой бронзовый кельт (рис. 2, 7) с петлей-ушком на широкой плоскости, на противоположной плоскости рельефный литой орнамент, по боковым граням остатки литейных швов. При сооружении могильной ямы было разрушено позднесрубное погребение 22.

Погребение 19 (рис. 1) расположено в 0,6 м восточнее погребения 13, на глубине 1,07 м; совершено по аналогичному обряду, но ниже каменного заклада прослежены следы древесины. Погребенная — взрослая женщина. Южный край погребения разрушен бульдозером. Северная часть срезана при сооружении в VI в. до н. э. погребения 25. Погребенную сопровождал следующий инвен-

---

[1] Выражаем благодарность начальнику экспедиции П. А. Ларенку за разрешение использовать неопубликованные материалы.

[2] Следует отметить, что часть вещей из погр. 25. кург. 1 изображена неточно [4, с. 163, рис. 9, *1, 2, 7—9*] В погр. 12 кург 3 действительно был найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с шипом на выступающей втулке, но не указано, что шип врос в кость грудины и наконечник является не столько погребальным инвентарем, сколько причиной гибели погребенного.

[3] Высота кургана 1,5, диаметр 28 м, сооружен в эпоху ранней бронзы и содержал 43 разновременных погребения. Распашке курган не подвергался. Все досыпки насыпи связаны с погребениями эпохи бронзы.

[4] Здесь и далее в тексте все глубины от центрального репера.

© Е. И. Беспалый, И. Н. Парусимов, 1991 г.

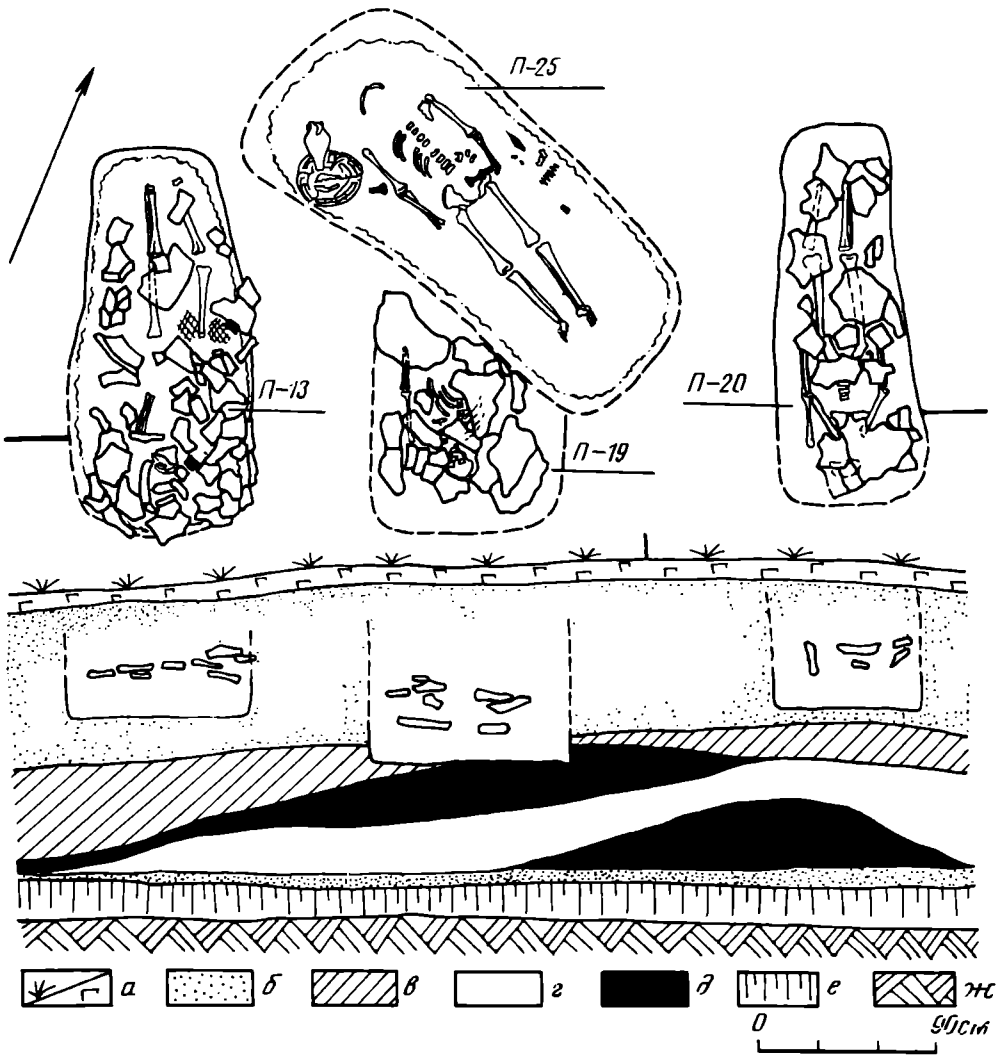


Рис. 1. Центральная часть кургана 1 у ст. Хапры. *а* — гумусный слой; *б* — третья насыпь; *в* — вторая насыпь; *г* — первая насыпь; *д* — выкиды из погребений; *е* — предматерик; *ж* — материк

тарь: справа у черепа встречены фрагменты бронзового височного кольца в 2,5 оборота, согнутого из узкой, сегментовидной в сечении полосы металла, концы кольца заострены; на грудной клетке находилась бронзовая булавка (рис. 2, *8*) с округлым в сечении стержнем и петлевидной головкой, подквадратной в сечении; в области шейных позвонков найдено девять бусин: пять лепешковидных (рис. 2, *4, в, д*) из минерала (?), две уплощенно-цилиндрические пастовые (рис. 2, *4, а, б*), одна пастовая рубчатая (рис. 2, *4, г*), одна бронзовая цилиндрическая.

Погребение 20 (рис. 1) расположено в 1 м к востоку от предыдущего, совершено на глубине 0,9 м по аналогичному обряду. Погребенный, взрослый человек, лежал вытянуто на спине, головой к югу — юго-востоку, слева у таза встречены фрагменты костяной кольцевой пряжки (рис. 2, *5*).

Исходя из стратиграфических наблюдений, а также из того, что погребения расположены компактной группой и совершены по аналогичному обряду, суммарно их можно датировать IX—VII вв. до н. э.

К этому же периоду следует отнести три погребения из курганов, исследованных в нижнем течении левобережья р. Маныч. В 1979 г. в кургане 3 могильника Тузлуки зафиксировано впущенное на глубину 0,8 м погребение 2 [8], совер-

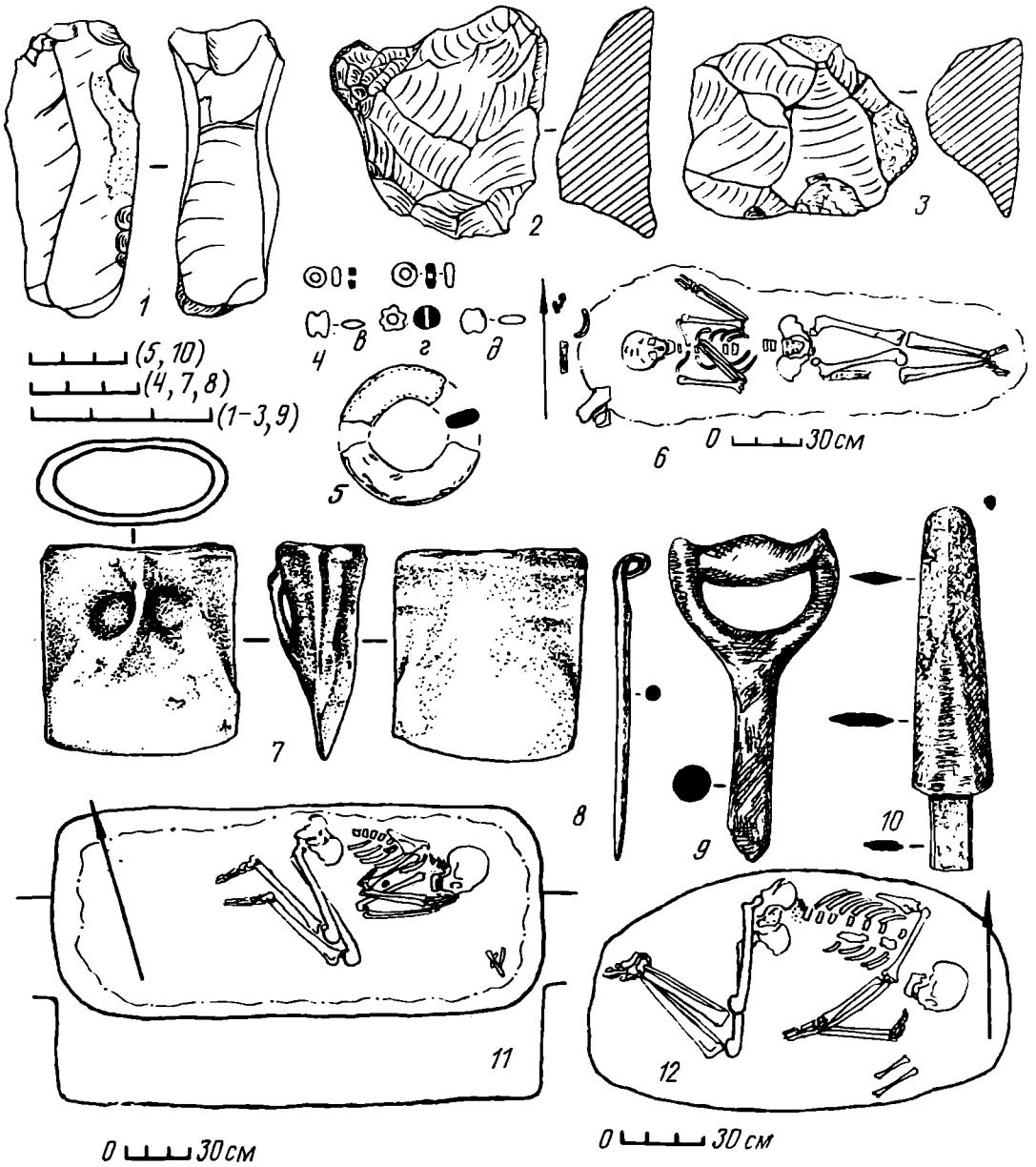


Рис. 2. *1* — обломок кремня из погр. 2 кург. 3 могильника Тузлуки; *2* — кремневый скребок из погр. 10 кург. 14 могильника Колдыри; *3* — обломок кремня из погр. 5 кург. 24 могильника Новоалександровка; *4* — бусы из погр. 19; *5* — костяная пряжка из погр. 20 кург 1 у ст Хапры; *6* — погр. 1 кург. 21 могильника Колдыри; *7* — бронзовый кельт из погр. 13 кург. 1 у ст. Хапры; *8* — бронзовая булавка из погр. 19 кург 1 у ст. Хапры; 9 — обломок бронзовых удил из погр. 1 кур. 21 могильника Колдыри; *10, 11* — план погр. 10 кург. 14 могильника Колдыри и бронзовый нож из него; *12* — план погр. 2 кург. 3 могильника Тузлуки

шенное в овальной в плане яме, ориентированной длинной осью по линии запад—восток (рис. 2, *12*). Погребенная, взрослая женщина, лежала на левом боку с подогнутыми влево ногами, головой к востоку, левая рука резко согнута в локте, кисть перед лицом, правая вытянута, кисть ее на локтевом суставе левой руки. На крестце черепная крышка ребенка. Перед левым запястьем кости ног барана. В грудной клетке найдена пронизь из свернутой в трубку тонкой бронзовой пластинки и обломок бронзовой полусферической бляшки, на поясничных позвонках в скоплении тлена ярко-желтого цвета найден обломок окатанного кремня (рис. 2, *1*). Поскольку контуры могильной ямы прослеживались только у дна, нельзя с полной уверенностью говорить о ее конструкции.

Поэтому весьма вероятно, что бронзовый черешковый однолезвийный нож, встреченный в насыпи кургана в 30 см к югу от могильной ямы, также относится к этому погребению. Близкое по обряду погребение предскифского времени известно в могильнике Кривая Лука XXXIV на Нижней Волге [25, с. 60].

В 1983 г. на могильнике Колдыри в кургане 14 раскопано погребение 10, совершенное на глубине 2,73 м в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии ВЮВ—ЗСЗ. Погребенный, взрослый мужчина, лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток (рис. 2, *11*). Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Под левым плечом прослежено пятно грязно-желтого тлена, перед лицом кости ног барана, перед грудью обломок кремня со следами употребления в качестве скребка (рис. 2, *2*), под правым локтем бронзовый кинжал (рис. 2, *10*), на боковых гранях черешка видны заусенцы, оставшиеся после отливки в двусторонней формочке. Такие ножи, относящиеся к белозерскому этапу, встречались в погребениях левобережья Среднего Маныча [4, с. 24]

Наиболее поздним погребением в этой группе мы склонны считать впускное погребение 1 кургана 21 этого же могильника. Погребение совершено на глубине 1 м, могильная яма не прослеживалась (рис. 2, *6*). Погребенный, взрослый мужчина, лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки резко согнуты в локтях, кисть правой на груди, кисть левой у левого плеча. Под костяком прослежен мощный слой (до 1 см) войлока (?), мел, горелый камыш, под костями правой ноги остатки продольной деревянной плашки, к западу от черепа фрагмент деревянной плашки, стоящей на ребре перпендикулярно оси погребения. В 15 см к юго-западу от черепа встречены кости конечностей лошади и обломок песчаника без следов употребления. Правый нижний клык кабана, пластинка гипса подтреугольной формы со стороной 2 см и обломок бронзовых удил со стремечковидными петлями (рис. 2, *9*) обнаружены в 20 см к северо-западу от черепа. Подобные удила наибольшее распространение получают в раннескифское время — VII—VI вв. до н. э., в большом количестве известны в курганах Поднепровья [10, с. 21, 24], реже — в памятниках Поволжья [13, с. 89]

Таким образом, за последние 7 лет на Нижнем Дону нами найдено всего шесть погребений, которые можно бесспорно отнести к переходному периоду, что составляет всего 1,5% от общего количества погребений, раскопанных в указанных выше могильниках.

С 1976 по 1979 г. Азово-Донецкая экспедиция проводила исследование курганов на Доно-Кагальницком водоразделе в 10—15 км к юго-востоку от г. Азова, в зоне строительства Приморской оросительной системы. За эти годы было встречено восемь погребений раннескифского времени, впущенных в курганы эпохи бронзы. Погребения сопровождались разнообразным инвентарем, позволяющим датировать эти комплексы VI в. до н. э. [3, с. 163; 4, С. 38—40].

В 1981 г. раскопки в этой зоне продолжил Приморский отряд Азовского краеведческого музея. За 5 лет исследовано 105 курганов, содержавших 309 различных погребений, из них 24 насыпи были сооружены в эпоху бронзы, и практически во все впущены погребения раннескифского времени, на которых мы и остановимся. Отметим, что курганы бронзового века в основном слабо насыщены погребениями и практически не содержат могил эпохи поздней бронзы. Насыпи распахиваются, высота обычно составляет 0,1—0,8 м, в некоторых случаях — 1,5—2 м, один курган — 4,2 м.

Курганы, расположенные на водоразделе рек Дон и Кагальник, представляют единую цепь, начинающуюся на окраине г. Азова и протянувшуюся на 15 км к юго-востоку; деление курганов на могильники в этой цепи условно. В 1981 г. работы велись на могильнике Высочино VII на восточной окраине курганной цепи [12, с. 109].

Курган 2. Погребение 2 впущено в центральную часть насыпи на глубине 0,7 м. Могильная яма прослежена частично, была подбойной конструкции, подбой располагался к северу от входной ямы. В плане подбой узкий, подпрямо-

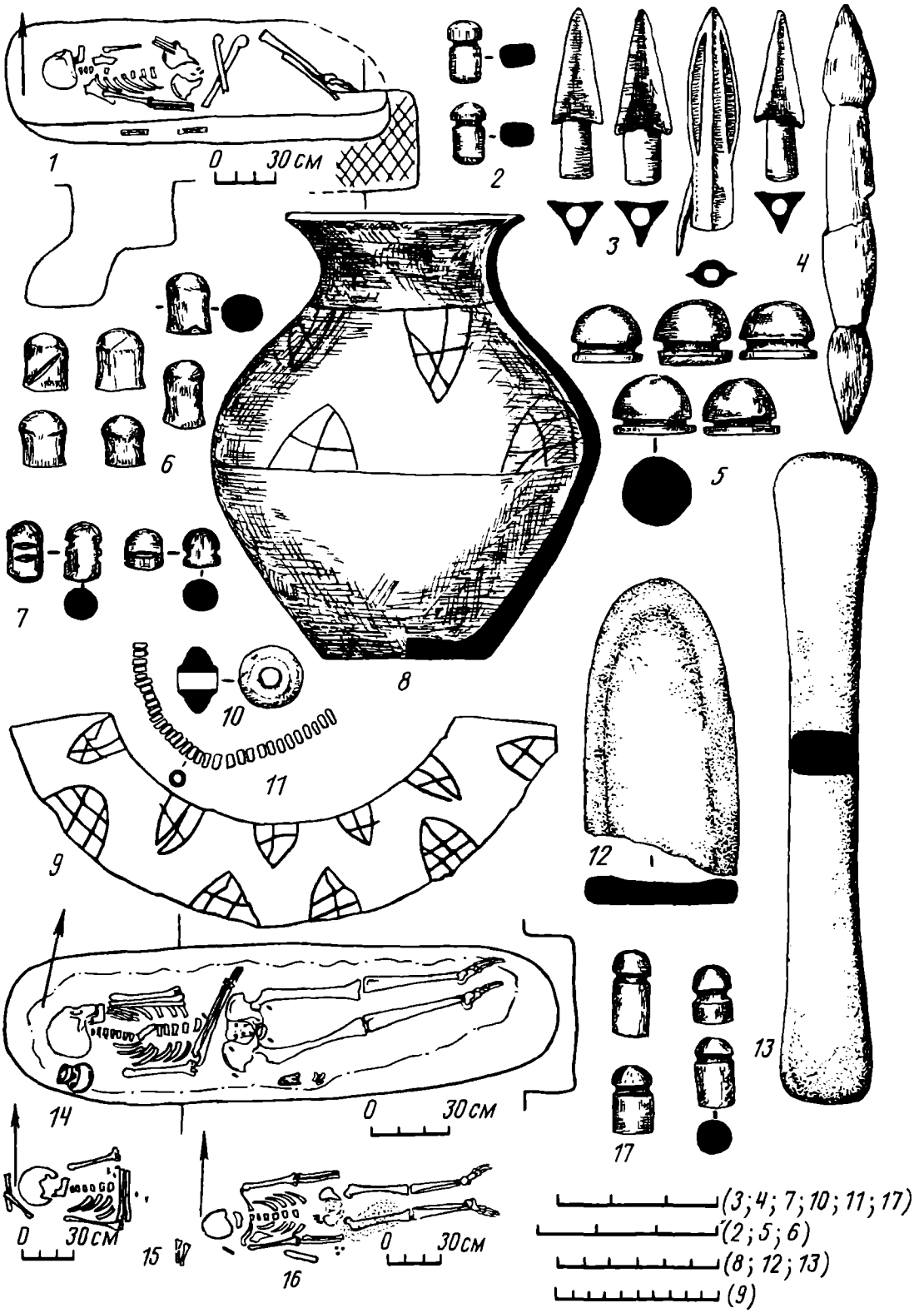


Рис. 3. Планы погребений и вещи из курганов могильника Высочино VII. *1, 6* погр. 2. кург. 2; *7—9, 12, 14* — план и вещи погр. 2, кург 3; *2—5, 10, 11, 13, 16* — план и вещи погр. 2 кург. 8; *15, 17* — план и вещи погр. 5 кург 14 (*2,4—7,17* — кость; *3* — бронза; *8, 9* — глиняный сосуд и прорисовка орнамента; *10, 11* — стекло; *12, 13* — камень)

угольной формы, с сильно скругленными углами (0,62×1,83 м), ориентирован длинной осью по линии запад-восток. На сохранившейся части дна входной ямы прослеживался слой тлена камыша мощностью до 1 см. Во входе залегали горизонтально на ребре остатки деревянных плах заклада. Погребенный, взрослый человек, лежал ничком с подогнутыми ногами, головой на запад. Череп лежал на левой височной кости и обращен лицевой частью к северу. Левая рука вытянута, правая чуть согнута в локте, кисти обеих рук вплотную к тазу (рис. 3, *1*). Под тазом найдено шесть костяных застежек цилиндрической формы с округлой головкой, диаметром 0,7—0,8, высотой 0,8—1 см (рис. 3, *6*)

Курган 3. Погребение 2 впущено в центральную часть насыпи на глубину 0,95 м (рис. 3, *14*). Могильная яма прослежена у дна, в плане овальная (0,63×2,2 м), ориентирована по линии запад—восток с незначительным отклонением. Погребенный, взрослый мужчина, лежал вытянуто на спине, головой на запад—юго-запад. Череп лежал на левой височной кости, левая рука резко согнута в локте, кисть у плеча, правая согнута в локте, лежала на костяке, кисть у левой тазовой кости. Под костяком прослеживался коричневый тлен. У правого бедра находился обломок оселка из светлого песчаника со следами употребления на обеих плоскостях (рис. 2, *12*). Здесь же находились три астрагала барана. В области таза встречено шесть костяных застежек цилиндрической формы с округлой головкой, на диаметрально противоположных сторонах стержня которых сделаны неглубокие горизонтальные прорези по одной с каждой стороны, в одном случае по две. Диаметр застежек 0,7, высота 0,7—1,1 см (рис. 3, *7*). К югу от черепа, вплотную к затылочным костям, стоял лепной лощеный сосуд (рис. 3, *8, 9*). Тулово шаровидной формы плавно переходит в невысокое, чуть раструбное горло, край венчика уплощен, переход ко дну скруглен. Наружная поверхность тщательно заглажена и залощена, имеет цвет от светло-серого до черного, черепок в изломе черный, с примесью песка и мелких известковых включений. Орнамент, прочерченный до обжига, выполнен довольно небрежно: по наибольшему диаметру проведена неровная горизонтальная полоса, на которой расположено пять треугольников вершинами вверх, внутри треугольников прочерчены горизонтальные и вертикальные линии, напоминающие конструкцию каркаса юрты. На шейке сосуда прочерчена горизонтальная неровная полоса, от которой вершинами вниз нанесены такие же пять треугольников. На тулове сосуда у дна пара просверленных и пара незаконченных отверстий диаметром 0,3 см.

Курган 8, погребение 2. Погребение впущено в центральную часть на глубину 1,1 м. Могильная яма не прослеживалась (рис. 3, *16*). Погребенная, взрослая женщина, лежала вытянуто на спине, головой на запад с незначительным отклонением к югу. Руки вытянуты вдоль туловища. В 20 см к юго-западу от черепа встречены кости барана, у правого плеча костяная застежка в виде овального в сечении удлиненного стерженька с коническими утолщениями на концах и двумя вырезами посередине, длина ее 8 см (рис. 3, *4*). У правого локтя лежал крупный оселок удлиненной формы (рис. 3, *13*), длиной 24, шириной 3,5 см. У правого запястья, на правой лучевой и локтевой костях, на правой тазовой и бедренной костях находились остатки колчана (?): три бронзовых трехлопастных наконечника стрелы с выступающей втулкой и чуть опущенными лопастями (рис. 3, *3*); один двухлопастной, сильно сточенный, с шипом на выступающей втулке (рис. 3, *3*); пять костяных застежек с полукруглой головкой, выделенной неглубокой кольцевой канавкой (рис. 3, *5*); две костяные полуцилиндрические застежки (рис. 3, *2*) с округлыми головками, выделенными кольцевыми проточками и чуть зауженным основанием, их диаметр 0,5, высота 1 см; стеклянный бисер черного и темно-коричневого цвета (рис, 3, *11*), вероятно, им был расшит колчан. Общее количество бисера чуть более 40 тыс. штук, диаметр его 0,2—0,3; толщина 0,15 см; более 100 биконических бусин желтого стекла очень плохой сохранности (рис. 3, *10*); вероятно, бусины нашивались вместе с бисером, так как почти во всех отверстиях бусин встречается бисер; диаметр бусин 0,9—1,2,

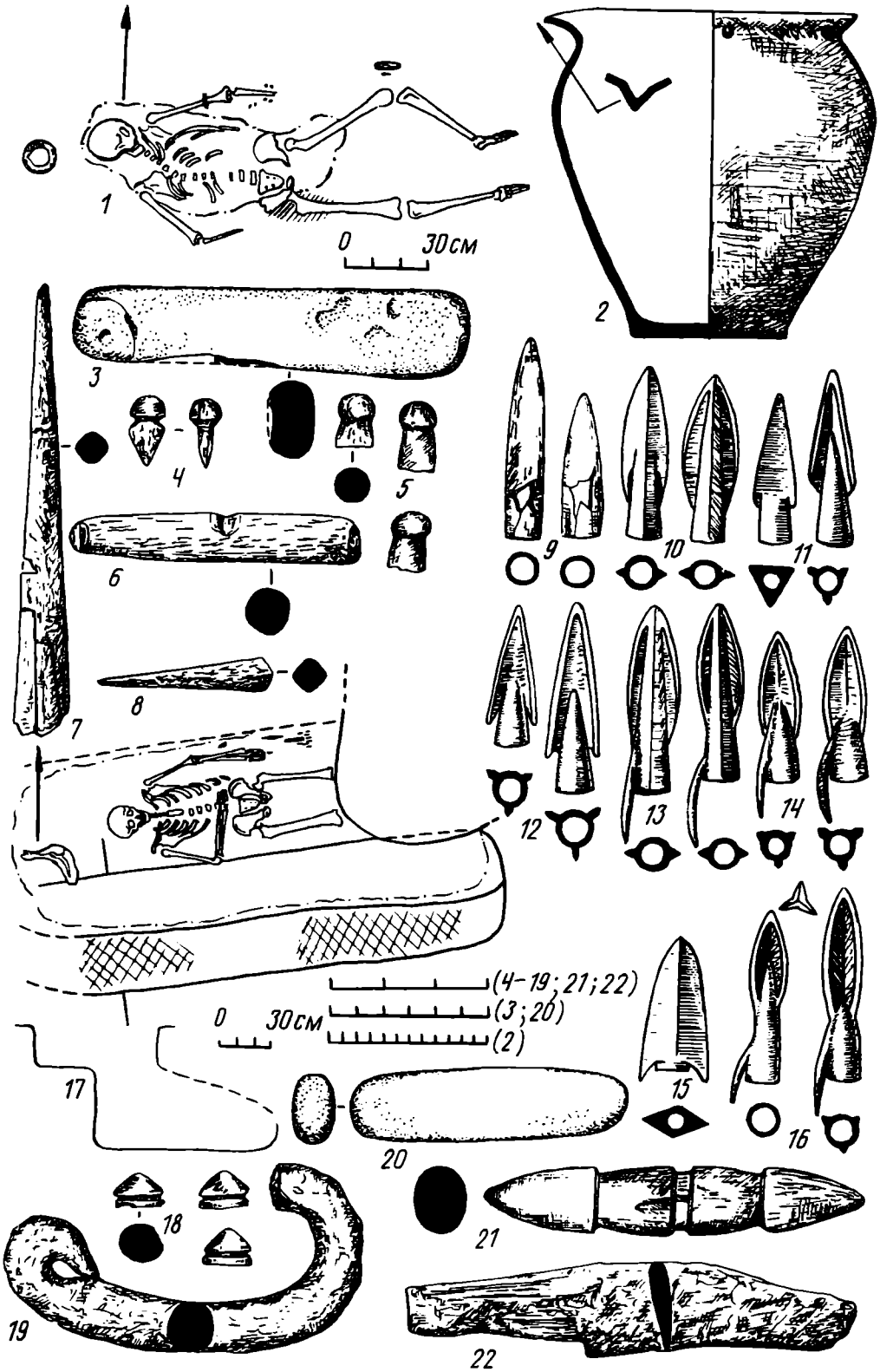


Рис. 4. *1—7* — план и вещи погр. 7 кург 26 могильника Высочино VII; *8—22* — план и вещи погр. 5 кург. 24 могильника Новоалександровка I (*2* — глина; *3, 20* — камень; *4—6, 9, 18, 21* — кость; *7, 8, 19, 22* — железо; *10—16* — бронза)

толщина 0,7—0,9, диаметр отверстия 0,35 см. У левого запястья найден голубой фаянсовый (?) бисер — 10 штук. Вероятно, с правого запястья происходит аналогичный бисер диаметром 0,3—0,4, толщиной 0,2 см, встречавшийся в скоплении находок справа от костяка.

Курган 14, погребение 5. Впущено в северо-западный сектор в 4 м от центрального репера на глубину 0,67 м (рис. 3, *15*). Могильная яма не прослежена, поэтому погребение разрушено бульдозером. Судя по сохранившимся костям, погребенная, молодая женщина (20—25 лет), лежала на спине, головой на запад. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на левом локтевом суставе. К западу от черепа вплотную лежали кости задней ноги барана, включая астрагалы и тазовую кость, поверх правой лучевой и локтевой костей обнаружены семь костяных цилиндрических застежек с округлой головкой, выделенной кольцевой проточкой (рис. 3, *17*), их диаметр 0,8—0,8, высота 1,2—1,6 см.

В 1982 г. на том же могильнике Высочино VII [14, с. 109] в кургане 26, в центральной его части, на глубине 1,3 м исследовано погребение 7 (рис. 4, *1*). Могильная яма не прослежена. Погребенный, старый человек, лежал вытянуто на спине, головой на запад. Левая нога подогнута влево. Под костяком черный тлен и остатки камыша, справа под тазом тлен грязно-желтого цвета мощностью 0,4 см. Вдоль левой руки встречены восемь костяных застежек: семь цилиндрической формы с утоньшением в средней части, один конец срезан, другой скруглен (рис. 4, *5*), высота 1—1,4, диаметр 0,7 см; одна застежка с грибовидной головкой и заостренной подтреугольной ножкой (рис. 4, *4*). На левой плечевой кости найдена костяная стержневидная застежка с неглубокой проточкой посередине (рис. 4, *6*), длина 5,5, диаметр 0,8 см. У левой кисти найден обломок обожженного кремня, раскрошившийся на мелкие кусочки. Возле левого колена лежал оселок из плитки песчаника со скругленными гранями (рис. 4, *3*), его длина 14,5 см, сечение 3,5×1,8 см. Вдоль оселка — обломок железного острия из округлого в сечении стержня (рис. 4, *7*) диаметром 1, длиной 8,5 см. Здесь же встречены фрагменты железного черешкового ножа. К западу у черепа стоял крупный лепной сосуд со сливом (рис. 4, *2*). Тулово коническое, расширяющееся кверху, наибольший диаметр в верхней трети, с выделенным переходом ко дну, с невысоким горлом, под которым проходит горизонтальный ряд пальцевых вдавлений. Венчик отогнут наружу. Снаружи сосуд грубо заглажен. Обжиг неровный. Цвет от охристого до темно-серого. В тесте примесь песка, шамота, извести (?). Высота сосуда 25 см; диаметры: венчика — 21,5, наибольший — 23 см, дна — 11,5 см.

В 1983 г. в том же могильнике [15, с. 130] в центральной части насыпи кургана 29 найдены остатки полностью разрушенного грабителями впускного погребения 2. Среди обломков костей взрослого человека найдена костяная грибовидная застежка с клиновидной ножкой (аналогичная рис. 4, *4*), диаметр 0,8, высота 1,7 см.

В полевом сезоне 1984 г. работы проводились на разных курганных могильниках, входящих в единую курганную цепь Доно-Кагальницкого водораздела [16, с. 3—169] В частности, были продолжены раскопки группы Новоалександровка I, начатые в 1977 г. [17, с. 127] Здесь в нескольких курганах, сооруженных в эпоху бронзы, исследованы впускные погребения раннескифского времени.

Курган 24, погребение 5. Впущено в центральную часть на глубину 1,32 м (рис. 4, *17*). Могильная яма подбойной конструкции. Входная яма прослежена частично, ширина ее 0,7, сохранившаяся длина 2,4 м; ориентирована по линии запад—восток с незначительным отклонением. Под южной стенкой проходит горизонтальная ступенька шириной 0,3, высотой 0,5 м. На ступеньке слой камыша до 1 см, а также желтый тлен. Вход в подбой располагался по всей длине северной стенки, во входе прослеживались остатки вертикальных жердочек и камыша. Длина подбоя не восстанавливается, так как часть его была разрушена в среднесарматское время при сооружении погребения 6. В подбое лежал скелет взрослого мужчины, вытянуто на спине, головой на запад. Левая рука вытянута, правая полусогнута, кисть правой ладонью вниз лежит на поясничных позвонках. Под скелетом, а местами и на костях коричневый тлен. В 20 см к юго-западу от черепа обломок таза лошади, слева у нижних ребер погребенного колчанный крюк (рис. 4, *19*) из округлого в сечении железного прута, верхний конец которо-

го согнут в кольцо. Длина прута 6,5 см, диаметр стержня 0,8 см. Слева вплотную к тазу лежала костяная стержневидная застежка (рис. 4, *21*) овальная в сечении, с ярко выраженными коническими головками и кольцевой проточкой посередине, длина 7,2, сечение 1,1×1,3 см. У левого предплечья комок мела (?) со сточенными гранями, размеры 5,5×2×1,5 см. У левой кисти железный черешковый нож с сильно сработанным лезвием (рис. 4, *22*). Длина его 8,5, ширина у черешка 1,7 см. Рядом с ножом находился овальный в плане и сечении оселок (рис. 4, *20*) длиной 10 см. Здесь же, частично на оселке, находилось скопление наконечников стрел — все остриями к востоку. Ширина скопления не более 12 см. Всего 45 бронзовых и два костяных наконечников разных типов: 5 двухлопастных с выступающей втулкой, часть из них сильно сточена, длина 3—3,4, ширина 0,8—1,1, диаметр втулки 0,7 см (рис. 4, *10*); 19 двухлопастных с шипом на втулке, длина 3,3—3,5, ширина 0,9—1,1, диаметр втулки 0,6—0,75 см (рис. 4, *13*); 4 трехлопастных с сильно сточенными головками, длина 2,5—3,1, диаметр втулки 0,6—0,7 см (рис. 4, *11*); 4 трехлопастных с шипом на удлиненной втулке, длина 3,2—3,9, диаметр втулки 0,7 см (рис. 4, *16*); 8 трехлопастных с шипом на укороченной втулке, часть сильно сточена, длина 2,2—3,3, ширина 0,7—0,8 см (рис. 4, *14*); 4 трехлопастных с укороченной втулкой, лопасти косо подрезаны, образуют шипы, длина 2,5—3,6, ширина 0,9—1,1 см (рис. 4, *12*); 1 ромбический в сечении с чуть выступающей втулкой, края лопастей образуют шипы, длина 2,5, ширина 1,1 см (рис. 4, *15*); 2 костяных пулевидных втульчатых, длина 2,8—3,8, диаметр основания 0,65 см (рис. 4, *9*).

В скоплении остатков древков стрел найдены три костяные цилиндрические застежки с коническими головками и кольцевой проточкой, диаметр 0,8, высота 0,7 см (рис. 4, *18*). Здесь же встречен обломок костяной бусины (?) диаметром 1,6, шириной 0,9 см. В заполнении найден обломок железного острия квадратного в сечении, длиной 3 см (рис. 4, *8*). В заполнении входной ямы обломок кремня с меловой коркой и следами употребления (рис. 2, *3*).

Курган 33, погребение 2. Впущено в северо-восточный сектор кургана на глубину 0,95 м (рис. 5, *1*). Могильная яма прослежена у дна, вероятно, была подбойной конструкции, в плане прямоугольной формы (0,52×1,9 м), ориентирована длинной осью по линии запад—восток. Погребенный, взрослый человек, лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки вытянуты, кисти ладонями вниз на тазобедренных суставах. Справа у черепа находилась тазовая кость барана, здесь же две костяные застежки с круглой головкой, выделенной кольцевой проточкой (рис. 5, *2*), диаметром 0,8—1, высотой 1 см. У правого локтя лежала костяная застежка в виде округлого стерженька с проточенной канавкой посередине (рис. 5, *3*), длиной 7, диаметром 1,3 см. На правой тазовой кости найдены две костяные цилиндрические застежки с конической головкой и проточенным кольцевым желобком (рис. 5, *4*), диаметром 1, высотой 1,7—2 см; слева у поясничных позвонков еще две аналогичные застежки (рис. 4, *4*).

Погребение 4 впущено в центральную часть того же кургана на глубине 0,74 м (рис. 5, *5*). Могильная яма прослежена частично у дна. Вероятно, она имела подбойную конструкцию, с подбоем к югу от входной ямы. Погребение частично разрушено бульдозером. Погребенный, ребенок около 10 лет, лежал вытянуто на спине, головой на запад—северо-запад, левая рука вытянута, правая согнута в локте под прямым углом. В заполнении под костяком встречен обломок известняка (5×3×1,5 см). В 10 см к северу от левого предплечья, вероятно на ступеньке входной ямы, лежала лопатка барана; здесь же, в 20 см к западу, стоял лепной сосуд с массивной петлевидной ручкой, уплощенной в сечении (рис. 5, *6*). Тулово шаровидной формы, у дна округлый рантик, горло низкое, венчик скруглен. Поверхность сосуда сглажена, цвет от серого до черного. Местами сосуд закопчен. В тесте крупный песок, блестки слюды, следы органики. Высота сосуда 15,5 см; диаметры: венчика — 10,5, наибольший — 15,5 см, дна — 8,5 см; ширина ручки — 2,3 см.

Погребение 5 впущено в центральную часть этого же кургана на глубину

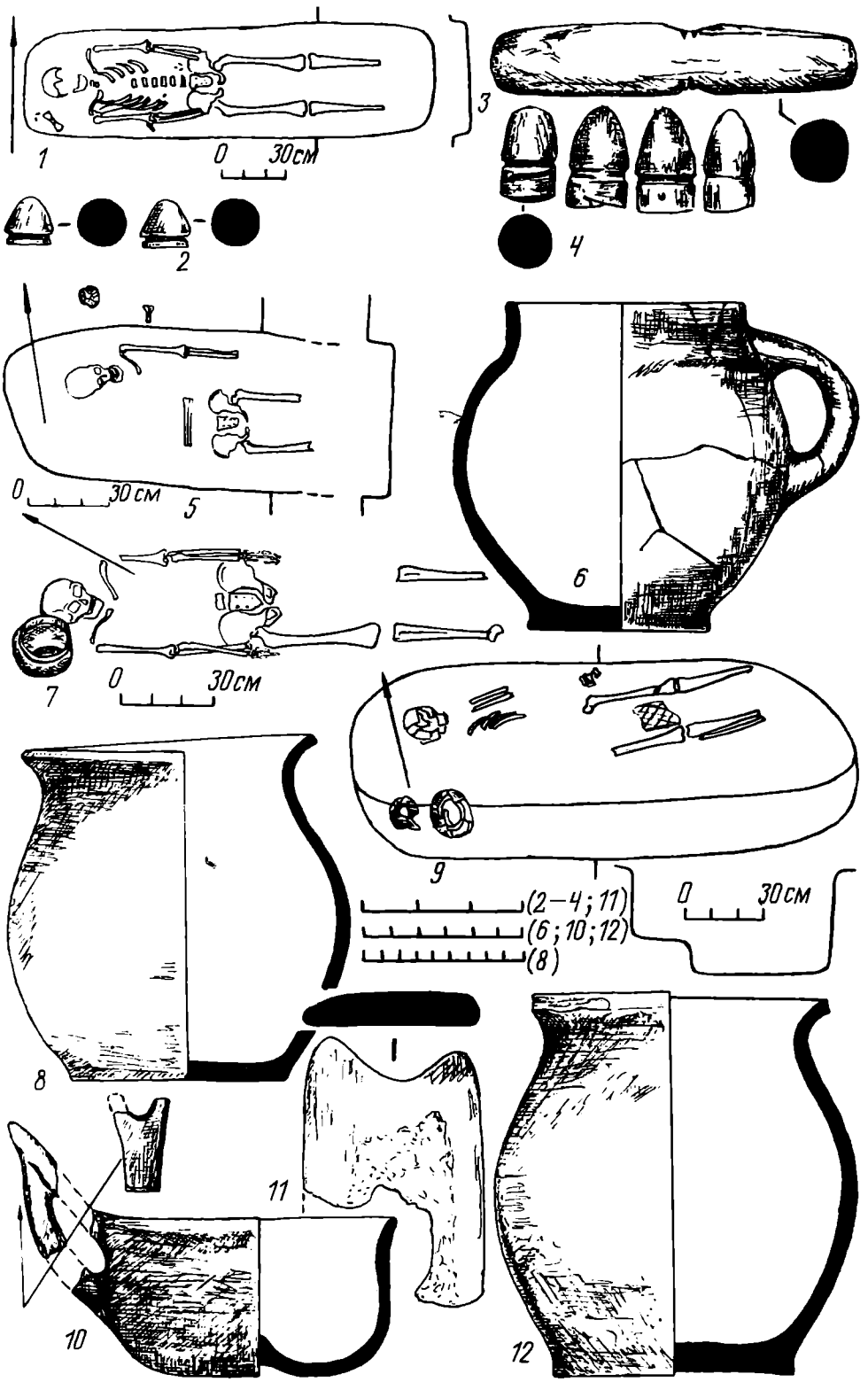


Рис. 5. Планы погребений и вещи из курганов могильника Новоалександровка I.
1—4 — погребение 2 кург. 33; *5, 6* — погр. 4 кург. 33; *7, 8* — погр. 5 кург. 33; *9—12* — погр. 5 кург 34 (*2—4, 11*— кость; *6, 8, 10, 12* — глина)

0,7 м (рис. 5, *7*). Могильная яма не прослежена. Погребенный юношеского возраста лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки вытянуты, кисти у таза (левая ладонью вверх, правая ладонью вниз). Справа у черепа вплотную стоял лепной сосуд (рис. 5, *8*). Тулово шаровидной формы, придонная

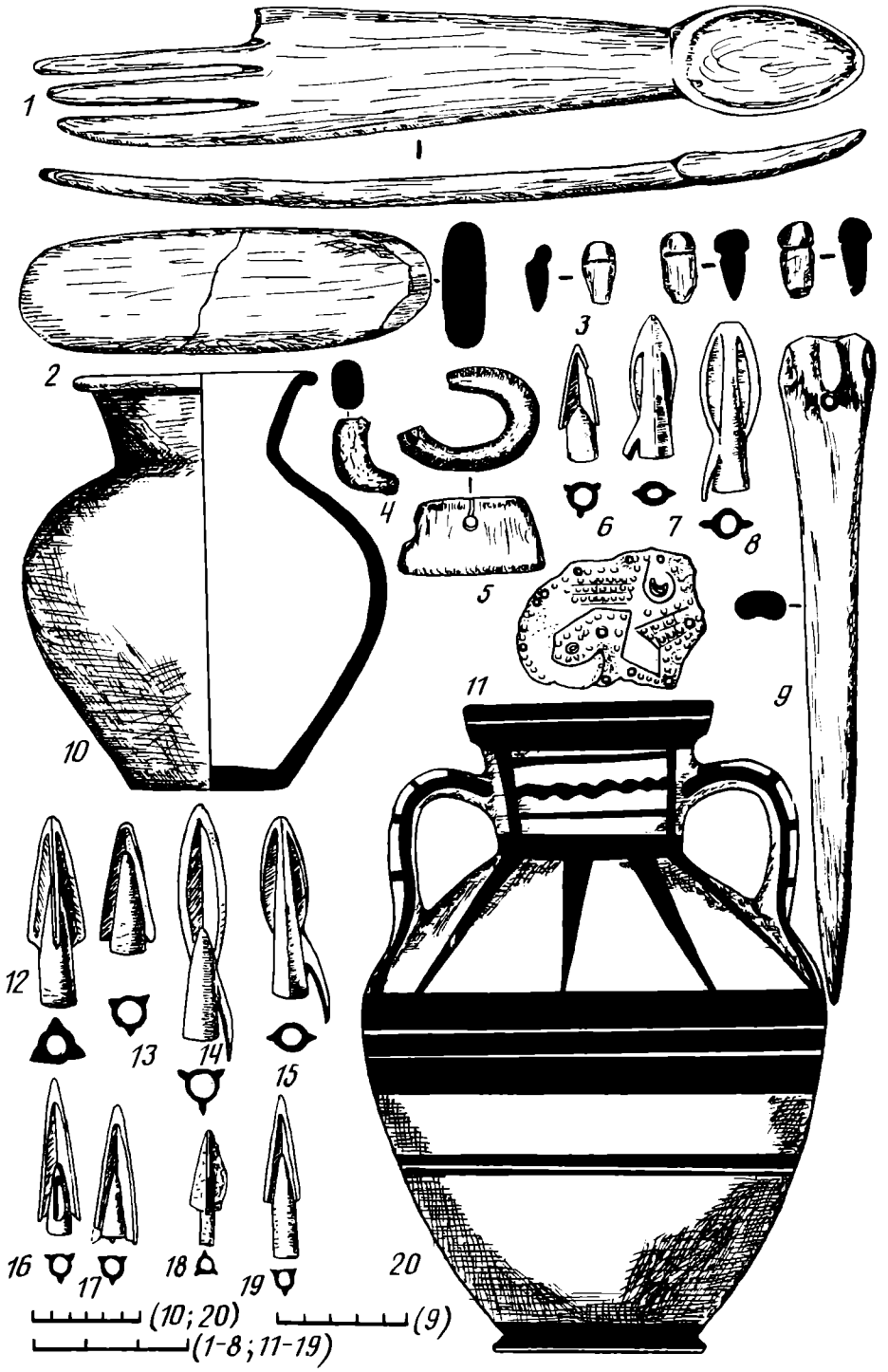


Рис. 6. Вещи из погребений в курганах могильников Красногоровка и Бушуйка. *1—7, 9* — погр. 3 кург. 4; *8* — кург 5; *10* — погр. 2 кург 9; *11, 16—19* — погр. 3 кург. 9; *12—15, 20* — погр. 10 кург. 2 могильник Бушуйка (*1—3, 5—9* — кость; *4, 18* — железо; 6—8, 12—17, 19 — бронза; *10, 20* — глина; *11* —золото)

часть выражена, переход к горлу плавный, венчик раструбный, лощение покрывает всю внешнюю поверхность, включая дно, залощена и внутренняя часть горла. Цвет от светло-охристого до черного, в тексте примесь песка, шамота и слюды. Высота сосуда 19 см, диаметры: венчика — 17, наибольший — 20 см дна — 12,5 см.

Курган 34, погребение 4. Впущено в центральную часть насыпи на глубину 1,12 м (рис. 5, *9*). Могильная яма прослежена у дна, подбойной конструкции. Подбой в плане овальной формы (0,5×1,8 м), ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ—ВЮВ, входная яма располагалась к югу от подбоя, размеры не восстанавливаются. Погребенный, подросток, лежал вытянуто на спине, головой на запад — северо-запад, левая рука резко согнута в локте, кисть находилась у левого плеча. По дну подбоя встречался коричневый тлен. У левого тазобедренного сустава лежали компактно 13 астрагалов барана и костяная пластинка (рис. 5, *11*). В 20 см к югу от черепа на ступеньке стояли два лепных сосуда. Лощеная чаша с ручкой (рис. 5, *10*), венчик чуть отогнут наружу, переход ко дну скруглен, дно вогнуто, ручка возвышалась над венчиком (сохранилась частично). Внешняя и внутренняя поверхности тщательно заглажены и имеют черный цвет. В примеси крупный песок и блестки слюды. Высота чаши 6 см, диаметр венчика 10,5 см. Лепной сосуд с округлым туловом имеет у дна слабовыраженный рантик, шейка короткая, венчик отогнут наружу (рис. 5, *12*). Внешняя поверхность хорошо заглажена, цвет от светло-серого до черного. В тесте примесь песка и шамота. Высота сосуда 14,5 см; диаметры: венчика — 12,3, наибольший — 15,5 см, дна — 9 см. В заполнении подбоя найден обломок известняка (3×2×1,5 см).

В том же 1984 г. раскапывались курганы в группе Красногоровка.

Курган 4, погребение 3. Впущено в центральную часть на глубину 1,55 м. Могильная яма не прослежена. Погребение почти полностью разрушено в позднесарматское время: от костяка сохранились кости стопы и левые берцовые. Вероятно, погребенный, взрослый человек, лежал вытянуто на спине, головой на запад. Под костями коричневый тлен. У левого коленного сустава лежала костяная ложечка-гребень (рис. 6, *1*), изготовленная из скола трубчатой кости крупного животного. Ложечка миниатюрная, овальная в плане, ручка уплощенная, расширяющаяся кверху и заканчивающаяся четырехзубым гребнем, один зуб которого утрачен в древности. Длина предмета 15,3 см. Здесь же под ложечкой находились два бронзовых втульчатых наконечника стрел (рис. 6, *6, 7*): один двухлопастной, с сильно сточенной головкой и шипом на втулке, длина 2,7 см; второй трехлопастной с подрезанными лопастями, длина 2,2 см. Здесь же обломок железного колечка (рис. 6, *4*) и три костяные грибовидные застежки с уплощенными стерженьками (рис. 6, *3*), длиной 1,5 см. Тут же найдена овальная в плане костяная ворворка с боковыми отверстиями, высота 1,5 см, основание 2×2,8 см (рис. 6, *5*). К западу от ложечки находилось (рис. 6, *9*), длина 24,5 см. Рядом с острием костяная овальная пластинка 2,5×8 см (рис. 6, *2*).

В центральной части кургана 5, которая была полностью разрушена грабительскими перекопами, найдены мелкие обломки костей человека и бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы с шипом на выступающей втулке (рис. 6, *8*), длина 3,3 см. На острие головки сохранился стерженек от литка, следовательно, наконечник после отливки не затачивался.

Курган 9, погребение 2. Впущено в центральную часть кургана на глубину 2,3 м (рис. 7, *1*). Могильная яма прослежена частично, разрушена при сооружении последующих погребений, восстанавливается как подбой. Длина входной ямы 2,15 м, ориентирована по оси запад—восток, подбой расположен с севера. Вход был закрыт наклонно поставленными стеблями камыша. Вход и свод просели в древности. Погребенная, взрослая женщина, лежала вытянуто на спине, головой на запад — юго-запад. Под костяком прослеживалась подстилка в виде коричневого тлена. К югу от черепа в 15 см лежали кости задней ноги барана, включая астрагал и тазовую кость. Здесь же стоял лепной сосуд (рис. 6, *10*). Тулово конической формы, плечики сосуда округлые, резко переходят в раструбное горло, край венчика резко отогнут наружу, дно слегка вогнуто. Поверхность сосуда, включая дно и внутреннюю часть горла,

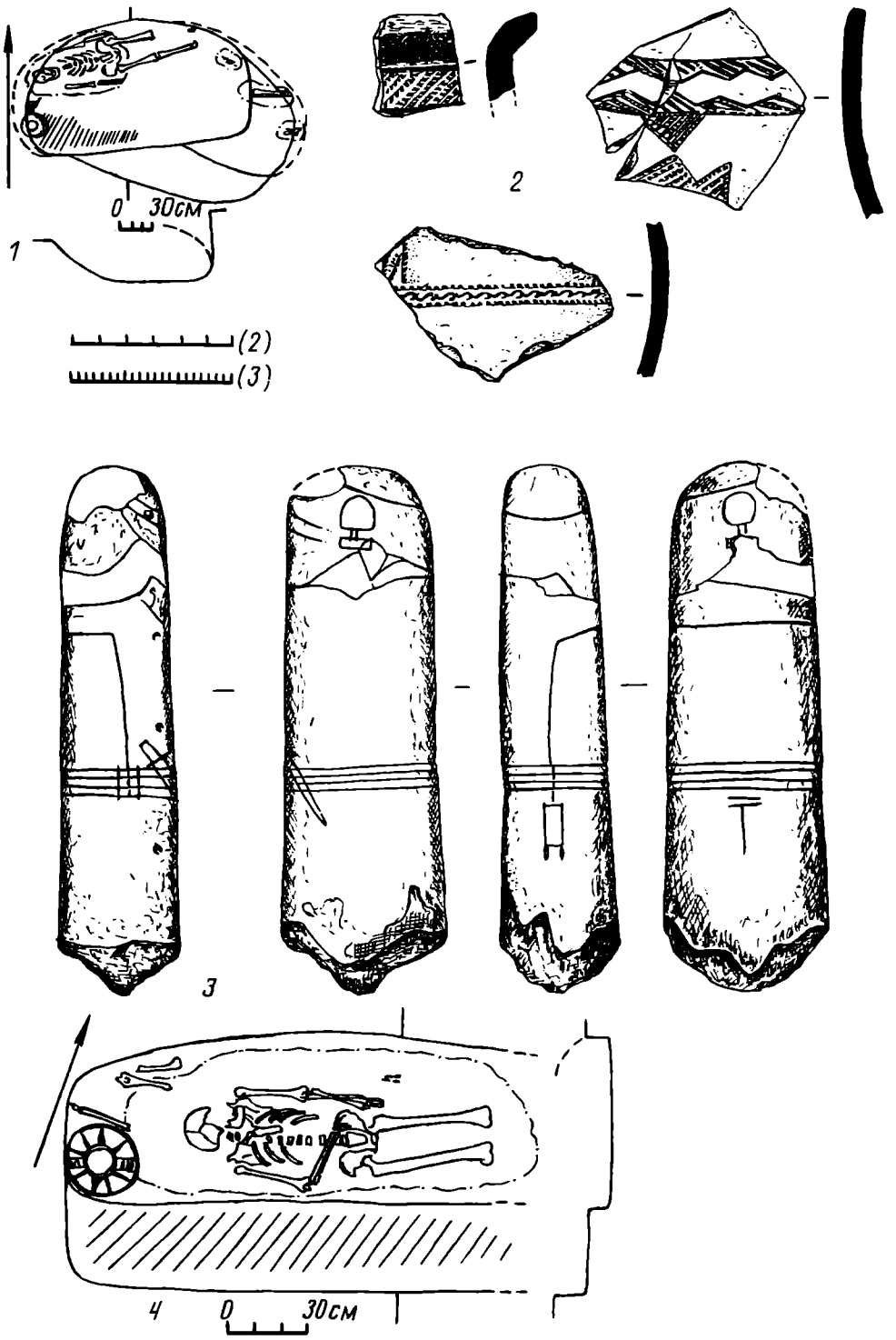


Рис. 7 *1* — план погр. 2 и 3 кург. 9 могильника Красногоровка; *2, 3* — яма 2 кург. 13 могильника Новоалександровка I; *4* — план погр. 10 кург. 2 могильника Бушуйка (*2* — глина; *3* — камень)

залощена, имеет темно-серый цвет. В примеси песок, шамот, следы выгоревших частиц. Высота сосуда 23,5 см; диаметры: венчика — 15, наибольший — 22 см, дна — 10 см.

В этом же кургане прослежены остатки погребения 3, совершенного после погребения 2 на глубине 2,03 м (рис. 7, *1*). Могильная яма была устроена большей частью в заполнении погребения 2, поэтому ее контуры не прослежи-

вались. В дальнейшем погребение было разрушено грабителями, непотревоженной сохранилась восточная часть могилы, восстанавливающаяся как подбойная, с входной ямой к югу от подбоя. Дно входной ямы круто понижалось к северу от входа в подбой. На дне подбоя сохранились непотревоженные кости ног взрослого человека; судя по ним, погребенный лежал на спине, головой на запад, под костями прослеживался коричневый тлен. У стоп найдена лучевая кость лошади, а в заполнении грабительской воронки встречались обломки костей конечностей и лопатки лошади. У левого колена к северу от него встречено скопление наконечников стрел, которые лежали остриями к востоку. 4 железных миниатюрных втульчатых трехлопастных (рис. 6, *18*), длина головки 1,5, ширина 0,5 см, длина втулки 0,7 см; 7 бронзовых трехлопастных, с внутренней или чуть выступающей втулкой, края лопастей спускаются ниже среза втулки, образуя шипы (рис. 6, *17*), длиной 2,2—2,5, шириной — 0,7—0,9 см; 16 бронзовых трехлопастных с выступающей втулкой, часть наконечников сильно сточена (рис. 6, *16*), длина 1,5—3,5, ширина 0,6—0,7 см; 1 бронзовый трехлопастной с удлиненной втулкой (рис. 6, *19*), длина головки 3,1 см, длина втулки 1,2 см.

В заполнении встречена золотая накладка на деревянную основу. На накладке пунсонным орнаментом передано стилизованное изображение головы грифона (рис. 6, *11*). Крепилась накладка бронзовыми гвоздиками длиной до 0,4 см. Это погребение, несмотря на сходство погребального обряда с группой описанных выше погребений, имеет несколько более позднюю дату. Наконечники стрел находят широкие аналогии в памятниках середины V—IV в. до н. э. [9, с. 12, 18, рис. 16—19] Золотая накладка по технике исполнения близка накладке из ограбленного кургана 411 у с. Пескари бывшего Черкасского уезда (раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1898 г.). Погребение датируется В. Г Петренко первой половиной V в. до н. э. [9, с. 19, рис. 6, *2*]

В 1985 г работы проводились на Доно-Кагальницком водоразделе и на правом берегу р. Кагальник. В группе Новоалександровка I был раскопан самый крупный курган 13, высотой 4,2 и диаметром около 100 м. Курган сооружен в эпоху ранней бронзы и неоднократно досыпался в эпоху средней бронзы. В центральной части насыпь прорезана грабительской воронкой до материка (яма 2), диаметром более 3 м. В заполнении на разной глубине встречались фрагменты лепного лощеного сосуда и обломки каменного стилизованного изображения воина. Крупный лепной сосуд (размеры не восстанавливаются), вероятно, имел высокое узкое горло с отогнутым венчиком и раздутое тулово, изготовлен из плотного теста с примесью песка, слюды и многочисленных выгоревших частиц слюды. Черепок в изломе двуцветный, внутренняя поверхность охристого, внешняя — черного цвета. Лощение неравномерное. Верхняя часть сосуда тщательно залощена, придонная же несколько небрежно. По горлу и плечу сосуда геометрический орнамент, выполненный оттисками мелкозубчатого штампа, имитирующего веревочку (рис. 7, *2*).

Каменное изваяние выполнено на призматической стеле ракушечника, все ребра скруглены, сечение 15×21 см, сохранившаяся высота 72 см. Антропоморфные черты отсутствуют, резными линиями схематически переданы детали одежды и предметы вооружения: слева на поясе акинак с прямым перекрестием, справа топор (?), сзади оселок (?), нижняя часть стелы отбита (рис. 7, *3*). Подобная стела найдена в Крыму [26, с. 97, 99, рис. 16, *1—4*]

На могильнике Бушуйка в 4 км к северо-западу от с. Высочино было исследовано два кургана, сооруженных в эпоху бронзы. Погребение 10 впущено в центральную часть кургана 2 на глубину 1,17 м (рис. 7, *4*). Могильная яма прослежена у дна, восстанавливается как подбойная. По дну входной ямы прослежен камышовый тлен. Погребенный, взрослый мужчина, лежал вытянуто на спине, головой на запад—юго-запад, левая рука вытянута, правая согнута в локте, кисть ладонью вниз лежала на поясничных позвонках. Под костяком прослежен коричневый и черный тлен. К западу от черепа лежали кости задних

ног барана, у левой кисти скопление бронзовых и железных наконечников стрел, обращенных остриями на восток — северо-восток: 3 бронзовых втульчатых трехлопастных с разной степенью сточенности головок (рис. 6, *12*), длина 3—3,5 см; 1 бронзовый трехлопастной с укороченной втулкой (рис. 6, *13*), длина 2,5 см; 2 бронзовых трехлопастных с шипом на втулке (рис. 5, *14*), длина 3—4,5 см; не менее 2 железных трехлопастных наконечников (размеры не восстанавливаются); 1 бронзовый двухлопастной с шипом на втулке (рис. 6, *15*), длина 3,5 см.

В 20 см к юго-западу от черепа погребенного стояла красноглиняная амфора на кольцевом поддоне (рис. 6, *20*). Тулово яйцевидной формы, с наибольшим диаметром в верхней части; горло вертикальное, чуть расширяющееся кверху, переходит в раструбный венчик. Ручки овального сечения, верхним краем крепятся к горлу чуть выше его середины, нижним краем — к плечикам. Тесто хорошо отмученное, с примесью мелких желтых блесток пирита (?) и известковых включений. Вся внешняя поверхность, включая ручки, дно и внутреннюю часть венчика, покрыта ангобом грязно-желтого цвета. Поверх ангоба нанесена роспись лаком красного цвета. По венчику, охватывая внутренний и внешний края, проходит полоса, по нижней части венчика — широкая полоса, такая же полоса проходит в нижней части горла. Само горло верхним прилепом ручек делится на две зоны, внутри которых проведен горизонтальный зигзаг, ограниченный у ручек узкими вертикальными полосами; такие же полосы проходят сверху и снизу зигзага. От горла к наибольшему диаметру опускаются сужающиеся книзу лучи. По наиболее широкой части сосуда проходят три горизонтальные полосы, ниже их на 4 см — две узкие полосы; по придонной части, заходя на поддон, проведена широкая полоса. По боковым граням ручек от верхнего прилепа к нижнему проходят узкие полосы, опускающиеся до наибольшего диаметра. На внешней поверхности ручек через равные промежутки нанесены четыре поперечные полоски, от нижней полоски и наибольшему диаметру опускается по два луча. Высота сосуда 37,3 см, диаметры: венчика — 14,3, наибольший — 29 см, поддона — 11,8 см; сечение ручек — 1,5×3,3 см.

Таким образом, нами рассмотрено 17 комплексов из курганов Доно-Кагальницкого водораздела, которые бесспорно относятся к раннескифскому времени. Есть еще ряд погребений (около 10), отсутствие инвентаря в которых не позволяет безоговорочно отнести их к рассматриваемой группе. Остановимся на некоторых общих для всей группы признаках.

Как уже упоминалось выше, все без исключения погребения были впущены в курганы, сооруженные в эпоху бронзы (высота курганов от 0,1 до 4,2 м). Могильные ямы сооружались преимущественно в центральной части, лишь два погребения удалены от центра на 4 м. К сожалению, не везде удалось проследить конструкцию могильной ямы. В восьми случаях это были подбои с узкими входными ямами, ориентированными в широтном направлении, подбои устраивались в северной стенке, за исключением одного погребения (рис. 5, *5*), где подбой расположен к югу от входной ямы. Вход в подбой во всех прослеженных случаях закрывался камышом и жердями. Ориентировка погребенных западная, лишь в двух случаях (рис. 5, *7, 9*) со значительным отклонением к северу. Преобладает положение умершего вытянуто на спине. В одном случае (рис. 3, *1*) погребенный, видимо, был положен на левый бок, а затем завалился на живот, в этом же погребении ноги погребенного были подогнуты влево. Левая рука обычно вытянута или чуть согнута в локте, в трех случаях резко согнута в локте, кисть у плеча. Правая рука либо вытянута вдоль туловища, либо согнута в локте и положена на живот. В одном случае левая нога подогнута влево.

В качестве напутственной пищи в погребения клали конечности барана, реже лошади.

Керамика встречена в восьми комплексах и представлена грубой кухонной

посудой, лощеной столовой и импортной расписной амфорой. Близкая по форме и некоторым деталям орнамента амфора известна из впускного погребения 12 кургана 1 у с. Шандровка на Днепропетровщине [18, с. 285, рис. 1]. Амфора датируется концом VII в. до н. э. Определенное сходство в орнаментации имеет «самосский светлоглиняный лекиф» рубежа VI—V вв. до н. э., происходящий из раскопок Н. Е. Бранденбурга [10, с. 29, табл. 12, *8*], а также «ионийский расписной кувшин» из гробницы 2 Репяховатой могилы VI в. до н. э. [21, с. 55, рис. 29]. К. К. Марченко склонен отнести амфору из погребения 10 кургана 2 группы Бушуйка к предметам североионийского круга середины VI в. до н. э. [5]

Лощеная посуда, представленная в погребениях (рис. 2, *8*; 4, *8, 10*; 5, *10*; 6, 2), находит многочисленные аналогии в погребениях VIII—VI вв. до н. э. Крыма и Украины [19, с. 227; 10, с. 12; 20, с. 100, табл. 20, *2*, и др.]. Наиболее близкие аналогии кухонной посуды из описанной группы погребений можно найти в погребениях VI в. до н. э. правобережья Нижнего Дона [4, с. 75, 76, рис. 46, *1, 2*]

В большинстве погребений встречены предметы из резной кости. В основном это застежки грибовидной формы, иногда они встречались в сочетании со стержневидными.

Подобные сочетания известны в раннескифских погребениях VII—VI вв. до н. э. степной и лесостепной зон Украины [5, с. 16; 10, с. 32, табл. 15, *14*; 21, с. 39, 43, 44; 23, с. 109, рис. 8, *4* и др.]. Ряд исследователей трактуют стержневидные застежки как застежки крышек колчана, а грибовидные — как застежки или украшения кожаной обшивки колчана [3, с. 162; 13, с. 33].

Можно предположить, что в некоторых публикуемых погребениях (рис. 3, *1, 14*) грибовидные застежки являлись украшением пояса, так как встречены в области таза, хотя не исключена вероятность, что в указанные погребения был положен колчан без наконечников стрел.

Представляют интерес костяные предметы из погребения 3 кургана 4 (рис. 6, *1, 9*), находки подобных вещей в погребениях этого периода нам не известны. В качестве аналогий можно привести находки костяных гребней на поселении у с. Жаботин [22, с. 177, рис. 4, *23, 24*], а костяные «иглы» известны на поселении у хут. Титчиха Воронежской обл. [24, с. 101, рис. 4, *6, 7*].

Наконечники стрел встречены в шести случаях, чаще всего они бронзовые, реже железные и костяные. Большая часть наконечников имеет широкие аналогии и датируется с середины VII до V в. до н. э. [13, 24]. Исходя из взаимоналожения принятых датировок, наиболее приемлемой датой большинства публикуемых наборов представляется середина VI в. до н. э., несколько позднее датируется комплекс из погребения 3 кургана 9 (рис. 6, *16—19*).

Таким образом, рассмотренная группа комплексов имеет настолько общие черты погребального обряда, что можно предположить единовременность их сооружения одной этнической группой населения, входившей в скифский племенной союз. Особый интерес в этом плане представляет находка каменного изваяния в кургане 13 могильника Новоалександровка I. Этот курган является самым крупным в курганной цепи водораздела, поэтому неудивительно, что именно его выбрали для устройства святилища.

Находки расписной амфоры и лепной керамики с примесью слюды в тесте позволяют сделать вывод, что группа населения, оставившая приведенные погребения, прежде чем попасть на Нижний Дон, побывала на Северном Кавказе и является частью скифского объединения, возвратившегося из походов в Переднюю Азию. Высокая концентрация погребений на небольшой территории говорит о многочисленности этой группы. А наличие нескольких погребений в одном кургане позволяет сделать вывод, что вновь прибывшее население длительное время проживало в степях левобережья Нижнего Дона.

---

[5] Благодарим К. К. Марченко за консультацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кияшко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1.
2. *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. 1978. № 3.
3. *Кореняко В. А., Лукьяшко С. И.* Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3.
4. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на/Д: ИРУ, 1983.
5. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
6. *Кореняко В. А* Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы // СА. 1985. № 4.
7. *Ларенок П. А.* Отчет о раскопках курганов на ст. Хапры Мясниковского района Ростовской области в 1979 г.// Архив РОМК.
8. *Беспалый Е. И.* Отчет о работе в совхозе «Орошаемый» Багаевского района в 1979 г.// Архив АКМ.
9. *Беспалый Е. И.* Работы Приморского отряда // АО — 1983. М., 1985.
10. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья // САИ. Вып. Д1-33. 1977
11. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Наук. думка, 1961.
12. *Беспалый Е. И.* Исследование курганов близ г. Азова // АО—1981. М., 1983.
13. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
14. *Беспалый Е. И.* Работы Приморского отряда // АО—1982. М., 1983.
15. *Беспалый Е. И.* Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 г.// Архив АКМ.
16. *Беспалый Е. И.* Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1984 г.// Архив АКМ.
17. *Лукьяшко С. И., Головкова Н. Н., Обозный В. И., Гамаюнов А. К.* Раскопки курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы // АО—1977. М., 1978.
18. *Ковалева И. Ф.* Работы в Орельско-Самарском междуречье // АО—1983. М. 1985.
19. *Троицкая Т. Н.* Погребение у с. Белоглинка // СА. 1957. XXVII.
20. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д1-7. 1981.
21. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
22. *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4.
23. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.
24. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964.
25. *Дворниченко В. В.* Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
26. *Корпусова В. Н.* Курганы у с. Целинное // Курганы степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984.

Музей истории Донского казачества,
Новочеркасск

E. I. BESPALY, I. N. PARUSIMOV

THE ASSEMBLAGES OF THE PRE-SCYTHIAN AND EARLY SCYTHIAN PERIODS AT THE LOWER DON

Summary

A series of graves of the pre-scythian and early scythian periods were investigated lately by the Azov museum in the kurgans of the Lower Don area. Especially numerous these sites are in the small territory of the Don and the Kagalnik interfluve. All burials were secondary ones in the earlier barrow mounds. These assemblages are characterized by the unity of the burial rite. The grave goods have their analogies in the sites of the forest-steppe zone of the Ukraine which existed in the 7th-6th centuries B. C. The analysis of the sites in question allowes the authors to suppose their identity with certain ethnic group of the ancient population included in the Scythian tribal unit in the mid 6th century B. C.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ, Е. М. ДАНЧЕНКО, А. Я. ТРУФАНОВ

БОГОЧАНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЛЕСНОГО ПРИИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железного века лесного Прииртышья изучены слабо, причем различные хронологические отрезки указанных исторических периодов исследованы неравномерно. К эпохе поздней бронзы здесь относятся памятники заключительного периода развития сузгунской культуры, материал которых известен пока преимущественно по данным раскопок культового места на Чудской Горе, расположенной по соседству с описываемым Богочановским городищем [1, с. 168—170]. К переходному времени от бронзового века к железному принадлежат сравнительно лучше изученные памятники красноозерской культуры [1, с. 189—193; с. 75, 76; 3, с. 92—97], а также смыкающиеся с ними хронологически, но выявленные недавно А. Я. Труфановым комплексы с керамикой журавлевского типа [4, с. 235; 5, с. 127—130], датированные VII—VI вв. до н. э. Их ареал пока точно не установлен, выявленные памятники локализуются в пределах лесной части Омского Прииртышья. Слабо изученная в южнотаежной зоне Прииртышья эпоха V—III вв. до н. э. характеризуется смешением лесных и лесостепных этнокультурных элементов. С одной стороны, сюда, до Тобольского Прииртышья, распространялось население саргатской культуры лесостепи, а с другой — представлен своеобразный местный комплекс, характеризуемый керамикой богочановского типа, названной так по Богочановскому городищу, анализу материала которого посвящена данная статья. В конце III—II в. до н. э. в лесное Прииртышье и в северную часть Прииртышской лесостепи проникает население кулайской культуры [6, с. 25—28], которое частично смешивается с местным населением, а с первых веков нашей эры, преимущественно во II—V вв. н. э., представлены и чистые комплексы, характерные для саровского этапа кулайской культуры, выделяемые здесь в дочернюю среднеиртышскую культуру [7, с. 48—52; 8, с. 224]. Такая этнокультурная пестрота была обусловлена локализацией южнотаежного Прииртышья на стыке лесных и лесостепных культур, а также экологическими условиями региона, позволявшими лесостепному скотоводческому населению проникать по остепненному левобережью Иртыша, а также по широким поймам Иртыша, Ишима и Тобола далеко на север, а лесному населению вдоль лесных массивов вклиниваться глубоко на юг, что приводило к мозаичности облика культуры в зоне взаимных контактов, отражавшего процесс смешения различных этнических групп.

В связи с изучением специфики культуры раннего железного века лесного Прииртышья большой интерес представляет рассматриваемый в этой статье материал Богочановского городища, особенно его керамика, как культурно-этнический детерминант, в котором представлены комплексы сузгунского, красноозерского, журавлевского, богочановского, саргатского и кулайского

© В. А. Могильников, Е. М. Данченко, А. Я. Труфанов, 1991 г.

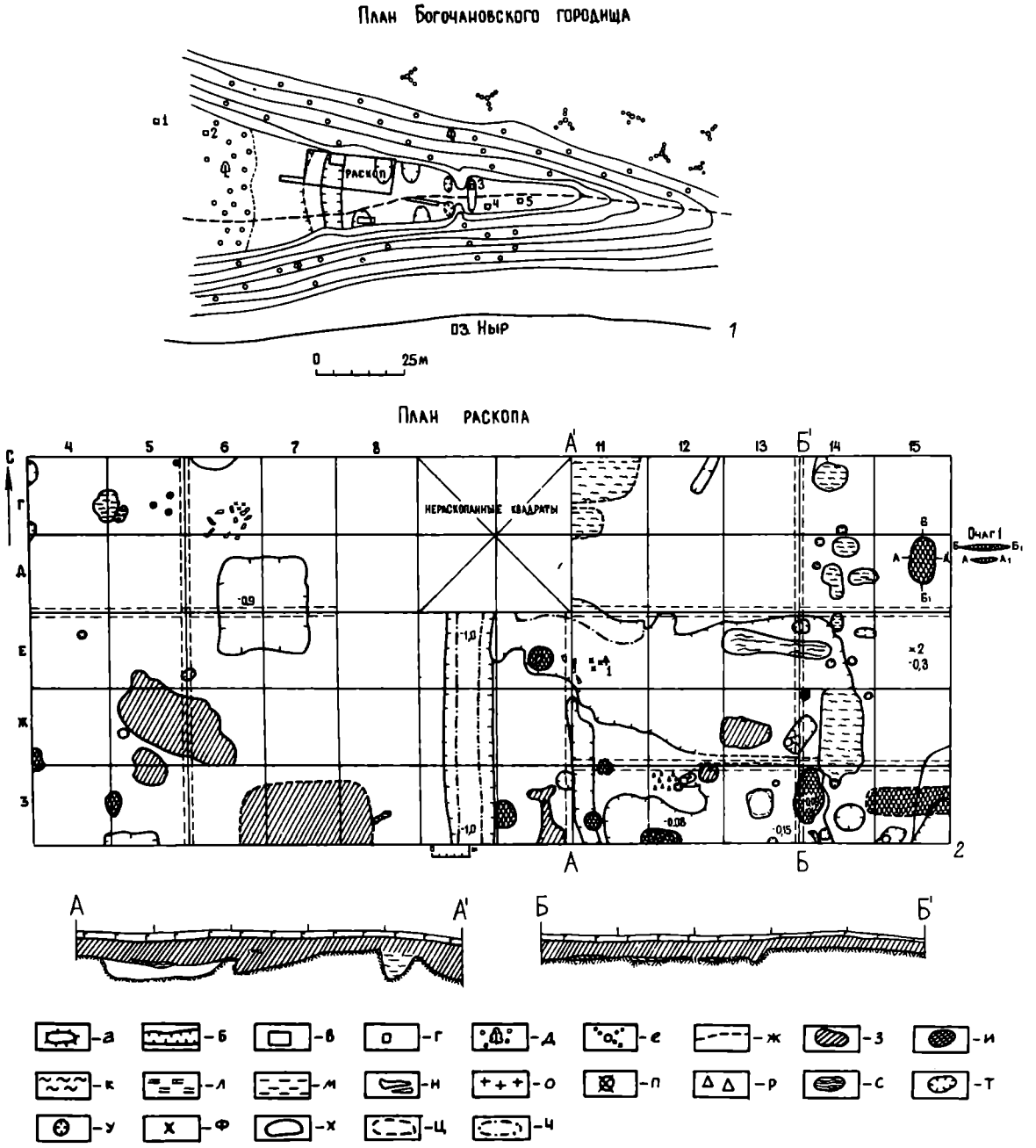


Рис. 1. Богочановское городище. *1* — план памятника; *2* — план раскопа. *а* — вал; *б* — ров; *в* — раскоп; *г* — шурф; *д* — смешанный лес; *е* — кусты; *ж* — полевая дорога; *з* — темно-серый культурный слой; *и* — прокаленный очажный грунт; *к* — зола; *л* — прокаленная глина; *м* — суглинок; *н* — кости; *о* — пережженные кости; *п* — перевернутые вверх дном раздавленные сосуды; *р* — скопления фрагментов керамики; *с* — дерево; *т* — яма; *у* — столбовая яма; *ф* — места нахождения вещей; *х* — контуры объектов на уровне материка; *ц* — нечеткие контуры объектов в культурном слое; *ч* — контуры объектов на глубине 0,2 м от уровня материка

типов. Материал Богочановского городища уже привлекался В. А. Могильниковым для определения западной границы кулайской культуры и констатации факторов, обеспечивавших проникновение кулайского населения в лесную полосу и лесостепь Прииртышья [9, с. 28—33].

Богочановское городище расположено в 1,2 км к востоку от д. Богочаново Знаменского р-на Омской обл. на вдающемся в пойму мысовидном выступе высокой коренной надпойменной террасы левого берега Иртыша у заболачивающегося старичного оз. Ныр (рис. 1, *1*). Удобное местоположение памятника, окруженного угодьями для скотоводства, рыболовства и охоты, обусловило неоднократное его заселение в различные эпохи. Поверхность террасы возвышается над уровнем воды в оз. Ныр на 16 м. По стрелке мыса идет отлогий спуск в пойму и проход на расположенный по соседству, через небольшой болотистый участок поймы, останец террасы, где находится культовое место сузгунской культуры «Чудская Гора», поселение с комплексом крестовой керамики красноозерской культуры [1, с. 142—145, 168—170, 190, рис. 73, *1*—6] и городище эпохи средневековья VI—IX вв. н. э. с материалом оронтурского облика.

По своему типу Богочановское городище мысовое, двухплощадочное. Каждая площадка защищена рвом и валом. Внутренняя площадка вытянутой подтреугольной формы, размером около 250 м^2, ограничена сильно расплывшимся валом высотой до 0,2, шириной около 5—6 м и рвом глубиной до 0,6—0,8 м, разделенным перемычкой шириной 4 м в средней части. Наружная площака трапециевидной формы (около 650 м^2) защищена с напольной стороны также сильно оплывшим валом высотой до 0,4 м и рвом, расположенным с внутренней стороны вала, ширина вала в основании около 6 м. С напольной стороны к валу примыкает селище, в культурном слое которого представлены преимущественно находки керамики сузгунской культуры. Селище сузгунской культуры существовало на мысу без укреплений. Устройство городища относится к раннему железному веку.

На городище были проведены небольшие раскопки Т. М. Потемкиной в 1976 г. [10, с. 235] и В. А. Могильниковым в 1980 г. Материал раскопок Т М. Потемкиной не опубликован и в данной статье не рассматривается. Раскоп В. А. Могильникова площадью 224 м^2 был заложен в северо-западной части наружной площадки городища и в своей западной части перекрывал вал и ров. Северная стенка раскопа примыкала к склону стрелки мыса. Для установления границ и характера распространения культурного слоя от юго-западного угла раскоп был продолжен траншеей длиной 8, шириной 1 м (рис. 1, *1*). Кроме того, для стратиграфических наблюдений и определения мощности и насыщенности культурного слоя были заложены траншея длиной 8, шириной 1 м в юго-восточной части наружной площадки и пять шурфов, размером каждый 1×1 м, два из которых располагались с напольной стороны, за пределами укреплений (№ 1, 2), один — на северном конце внутреннего вала (№ 3) и два — вдоль южного края внутренней площадки городища (№ 4, 5; рис. 1).

Культурный слой городища и прилежащего участка селища супесчаный темно-серый, мощностью 0,25—0,45 и до 0,9 м в углублениях, а в заполнении рва до 1,3 м, сверху перекрыт дерновым слоем толщиной 0,12—0,5 м. В культурном слое встречаются и в ряде мест подстилают его линзы темного супесчаного очажного слоя с углисто-сажисто-золистыми включениями, а также с кусочками пережженых костей. Подстилающий слой — материковый светло-коричневый песок.

В раскопе на участках Е/3—9 исследованы остатки рва, пересекавшего поперек площадку городища. Сверху он был перекрыт культурным слоем, а на горизонте материка имел ширину 1,2—1,25 м. Ров углублялся в материк на 0,9—1 м и имел наклонные стенки и приостренное дно. Общая его глубина от уровня дневной поверхности была 1,2—1,3 м. Каких-либо деревянных конструкций во рву не обнаружено. Судя по большой снивелированности культурного слоя над

рвом, представляется, что в качестве фортификационного сооружения он служил недолго и стал заплывать уже в эпоху раннего железного века, во время существования поселения.

Вдоль северного края площадки городища шли зольники, свидетельствующие, что зола из очагов осыпалась на край обрыва. Максимальная толщина зольника до 0,6 м, край его уходил на склон обрыва. Находки в слое зольников почти отсутствовали, кроме мелких невыразительных фрагментов керамики сузгунской культуры, датирующих зольники эпохой бронзы. Такая датировка подтверждается перекрыванием зольников темно-серым культурным слоем с находками керамики раннего железного века. К тому же следует отметить, что зольники вообще характерны для поселений эпохи поздней бронзы лесостепи Западной Сибири, хотя представлены и на поселениях саргатской культуры раннего железного века.

На участке Г/12 в сторону обрыва в материке проходила канавка длиной 1,2, шириной 0,25, глубиной 0,07—0,1 м, с округлым дном, заполненная золистым слоем. Назначение ее неясно. Возможно, это просто промоина.

В северо-западной части раскопа, за пределами укрепленной части, на участке Г/5, в предматериковом грунте находилось скопление крупных придонных частей сосудов сузгунской культуры, частично перевернутых вверх дном. Трудно определить, специально они были так положены или просто брошены у края площадки поселения. Положение сосудов вверх дном засвидетельствовано на расположенном рядом с городищем сузгунском культовом месте «Чудская Гора», уже упоминавшемся выше [12, с. 33].

Помимо крупных зольников, находившихся у края обрыва, мелкие золистые линзы и небольшие очаги встречены на других участках раскопа (рис. 1, *2*).

На участках Е—Ж/10—14 на уровне материка выявлены остатки наземного прямоугольного жилища размером 6×(3,8—4) м, углубленного основанием в грунт на 0,3 м до горизонта материка, почти не врезаясь в него. Контуры основания постройки обрисовывались по темному золисто-сажистому слою, натоптанному на полу жилища. В средине западной стенки прослеживался деформированный коридорообразный выход длиной 2,5, шириной 0,8—1,5 м, постепенно расширявшийся к торцовой стенке жилища. От северо-восточного угла постройки вдоль северной продольной стенки проходила полоса из сгнивших органических остатков типа дерева длиной до 3,9, шириной 0,4—0,5 м, представлявшая, возможно, остатки конструкции стен, реконструировать устройство которых трудно. Довольно неровные контуры постройки говорят об отсутствии прочной бревенчатой окантовки ее основания. Вероятно, стены были сложены из забранных в столбы бревен, остатки которых в большей части не сохранились в супесчаном культурном слое. На это могут указывать упомянутые остатки древесного тлена вдоль северной стены и столбовые ямки, три из которых находились вдоль восточной стенки и три — вдоль южной (рис. 1, *2*). Диаметры ямок 0,15—0,2 м, глубина в материке 0,1—0,4 м.

В жилище на полу у южной стенки в подовальной яме глубиной 0,3 м от уровня пола находился открытый очаг размером 1,3×0,75 м. В 0,3 м к востоку от очага располагалась прямоугольная яма размером 0,97×0,5 м, глубиной 0,2 м от уровня пола, заполненная темным, интенсивно гумусированным слоем. В юго-западном углу ее находилась столбовая ямка диаметром 0,17, глубиной 0,42 м от дна ямы. Вероятно, яма имела хозяйственное назначение. Об этом говорит ее местоположение возле очага, а столб, установленный в ее углу, мог служить для подвешивания или закрепления каких-либо необходимых предметов.

Кроме наибольшего основного в жилище выявлено два дополнительных очага, располагавшихся на уровне пола. Один из них, диаметром 0,65 и мощностью очажного слоя до 0,1 м, находился в расширении входа в жилище, а другой маленький очажок (0,3×0,25×0,05 м) помещался почти по осевой линии, в 1 м

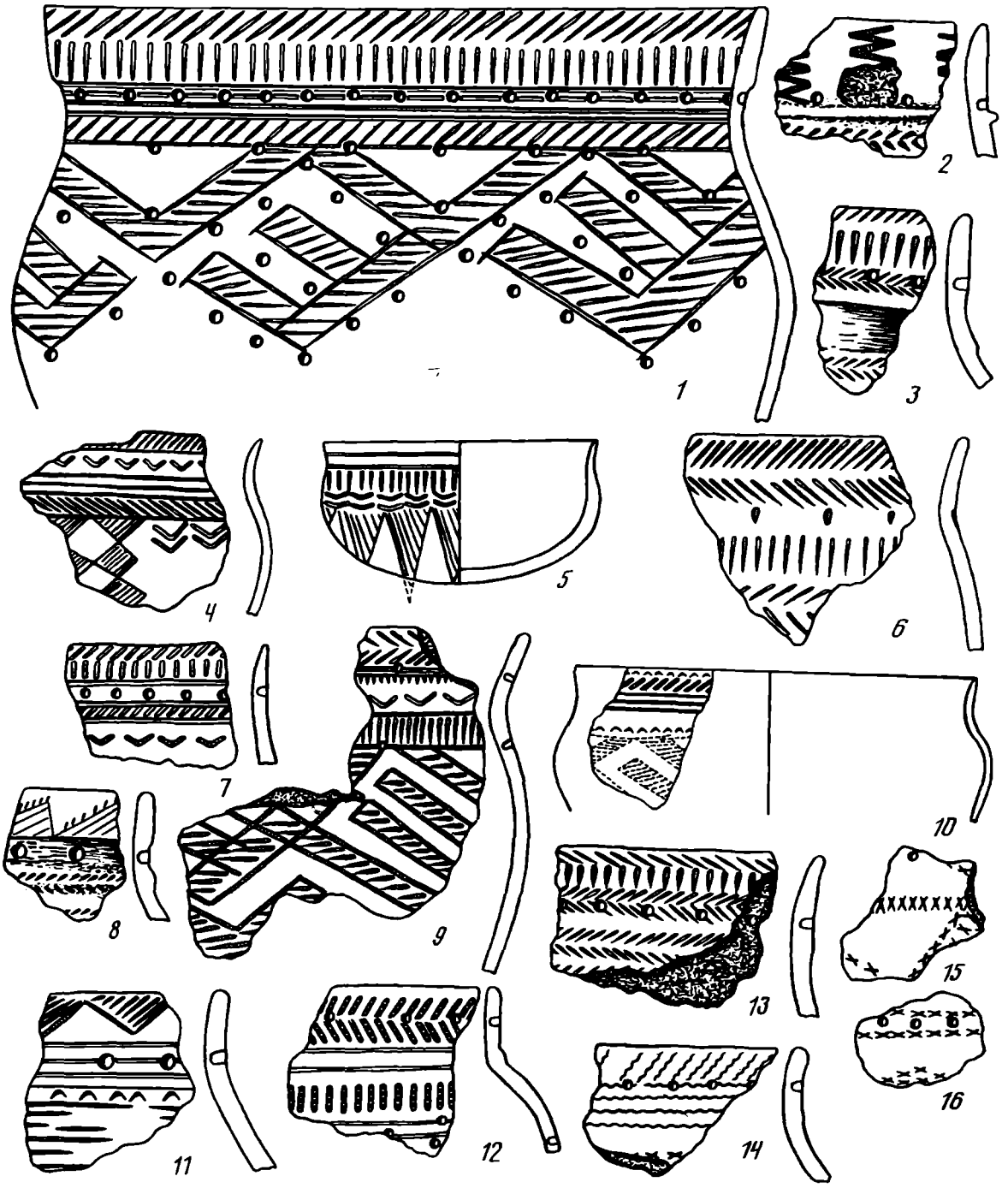


Рис. 2. Богочановское городище. *1—13* — керамика сузгунской культуры, *14—16* — крестовая керамика

от задней от входа стены. В юго-восточном углу жилища близ очагов на уровне материка лежал золистый слой размером 2,2×1,2×0,1 м (рис. 1, *2*).

С южной стороны к остаткам жилища примыкали контуры другого сооружения, вероятно, второго жилища, исследованного частично на участках 3/11—14. Вскрыта часть прямоугольной постройки размером 6×2 м. В северо-восточном ее углу находилась линза очажного слоя размером 1,4×0,68×0,1 м, углублявшаяся в материк на 0,05 м (рис. 1, *2*). В 0,5 м к западу от очага располагалась подпрямоугольная яма размером 0,8×0,7 м, глубиной 0,35 м от уровня материка, заполненная темным слоем. Вероятно, эта яма также хозяйственного назначения. В северо-западной части этой постройки частично вскрыты остатки

второго очага (1,1×0,4 м), устроенного в яме глубиной 0,3 м от уровня пола, заполненной темным очажным слоем с примесью золы. Вдоль контуров вскрытой части жилища 2 открыты следы четырех столбовых ям, подобных ямам у жилища 1.

Как видно из описания, конструктивно описанные постройки близки. Для них характерно подпрямоугольное основание, углубленное до уровня материка, по-видимому, столбовая конструкция бревенчатых стен, основной очаг в яме с расположенной рядом небольшой хозяйственной ямой и небольшие дополнительные очаги на уровне пола.

На полу вскрытых сооружений встречены фрагменты керамики раннего железного века богочановского типа, определяющие их культурную и хронологическую принадлежность. Последнее весьма существенно, поскольку это первые жилища, исследованные на богочановских памятниках.

За пределами жилищ открыто также несколько небольших ям и углублений культурного слоя различной формы. Вдоль западных стенок жилищ шла канавка шириной на уровне материка 0,45—0,52 м, глубиной 0,4 м от того же уровня, заполненная темным грунтом и перекрытая очажным слоем диаметром 0,45 м. Второй подобный очаг находился рядом с канавкой и содержал кусочки пережженых костей (рис. 2, *2*). Не исключено, что эта канавка относилась к конструкции жилищ.

Вероятно, часть какого-то невскрытого сооружения представляло Т-образное пятно темного культурного слоя, углублявшееся в материк до 0,4 м, шедшее параллельно описанной канавке и уходившее в южную стенку раскопа (рис. 1, *2*). Между ним и канавкой находилась котловидная яма диаметром и глубиной 0,4 м, заполненная темным слоем без находок.

В западной части раскопа на участках Д—Е/6,7 культурный слой прорезан позднейшей ямой от русской землянки размером 2,4×2,3 м, глубиной 1,4 м от окружающей поверхности. На дне ее встречены обломки двух русских сосудов и глиняная обмазка.

Материал памятника относится к трем периодам: эпохе поздней бронзы, переходному времени от бронзового века к железному и к раннему железному веку. К эпохе поздней бронзы относится керамика сузгунской культуры с существовавшего здесь в то время селища. В раскопе найдено 316 фрагментов от 68 сосудов. Формы их соответствуют типам сузгунской керамики, выделенным В. И. Мошинской для Сузгуна II [13, с. 120—125]. Присутствуют ярко выраженные горшковидные формы с примерно одинаковым соотношением диаметра венчика и высоты (рис. 2, *1—3, 6—9, 11—13*), приземистые горшки (рис. 2, *4, 10*); низкие круглодонные чаши (рис. 2, *5*). Диаметры сосудов колеблются от 10 до 45 см, наиболее распространены 15—35 см. Внутренняя и внешняя поверхности их хорошо заглажены, у некоторых внешняя поверхность имеет следы лощения. В силу фрагментарности материала и невозможности достоверно судить по профилю верхней части о пропорциях и форме дна сосудов, мы вынуждены ограничиться суммарной характеристикой сузгунского комплекса Богочановского городища, не проводя связи элементов и мотивов декора с формой сосудов.

Часть посуды (15%) имеет хорошо выраженный «воротничок», наличие которого в ряде случаев связано с лощеной полосой по основанию шейки (рис. 2, *3, 8*). Около 30% сосудов имеет формованный, реже налепной валик (рис. 2, *2, 3, 8*). Характеристика орнаментации сузгунской керамики по зонам дана на рис. 3. Выделив основные мотивы орнамента, мы объединили их в блоки по технике исполнения и характеру узоров (простые, геометрические). Внутри блоков мы выделили колонки, объединившие сходные мотивы, отличающиеся формой и характером штампа, техническими особенностями нанесения узоров, наличием орнаментов другого блока (рис. 3, табл. 1) Блок VIII включает геометрические узоры, внутри которых произведено деление по колонкам по основной технике нанесения узоров (резная, гребенчатая). Блок IX включает элементы, не образующие серий либо не имеющие аналогов в других блоках. Характерная высо-

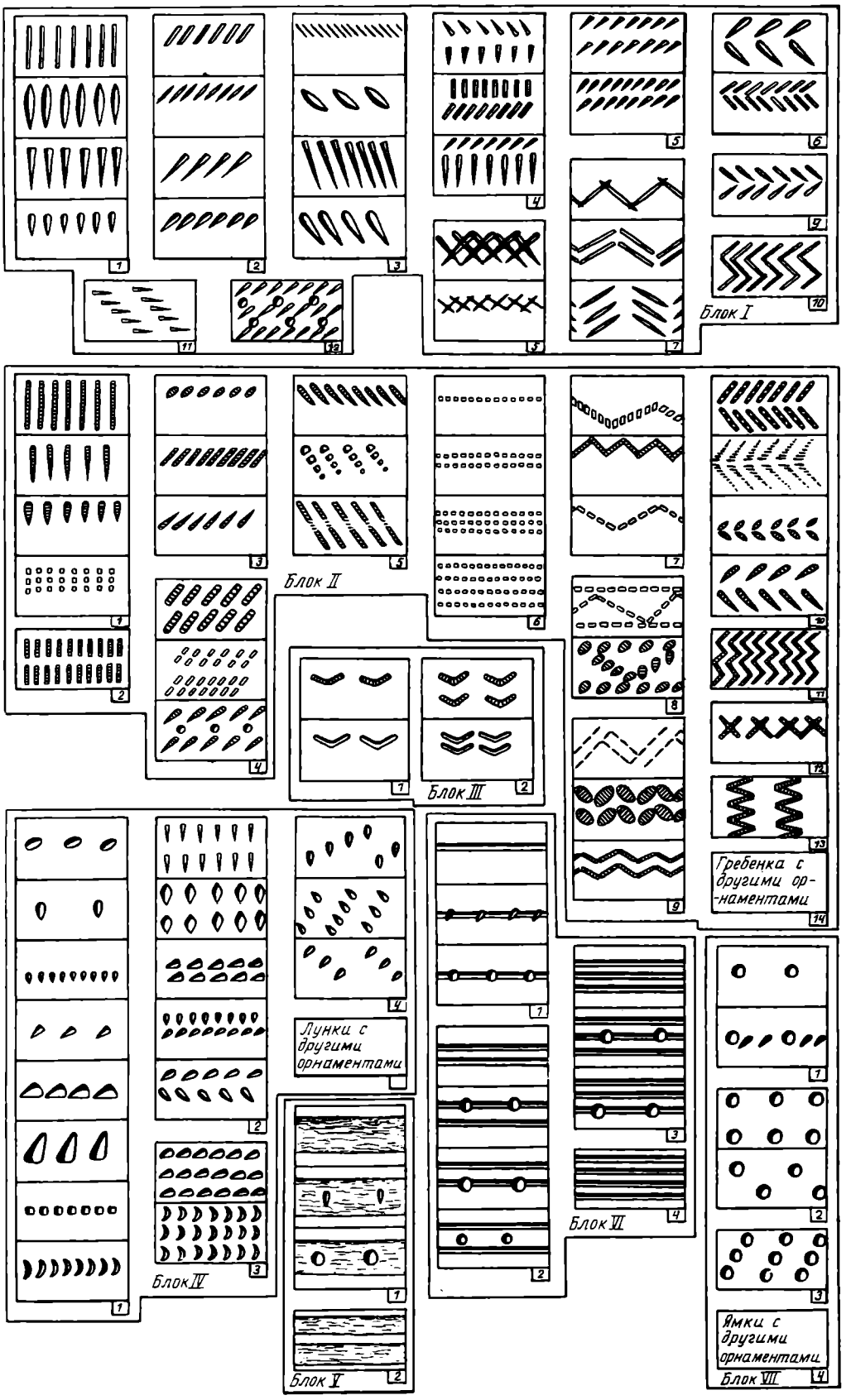
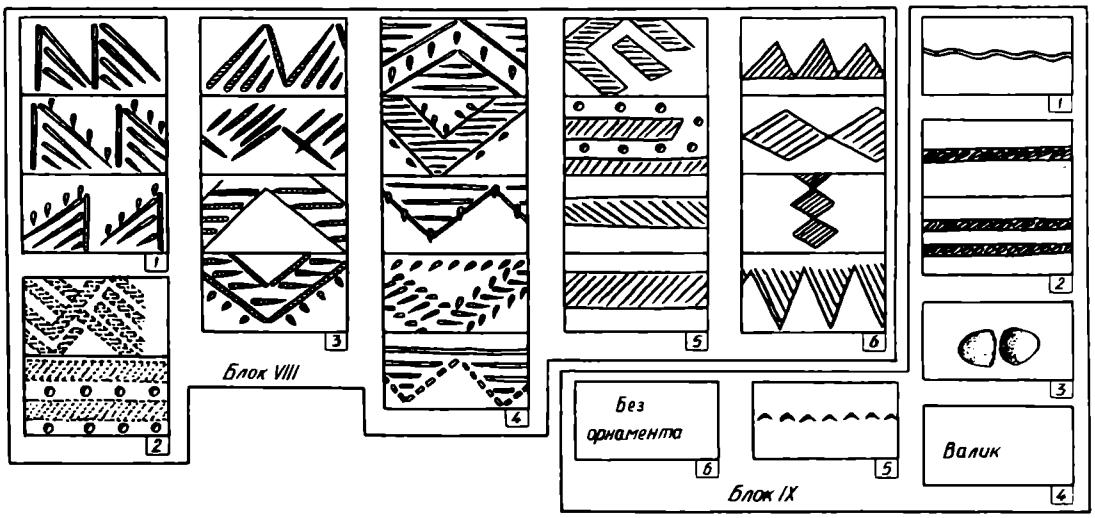


Рис. 3. Богочановское городище. Блоки элементов и мотивов орнаментации сузгунской керамики



кая степень орнаментированности сосудов — лишь изредка без орнамента оставлялась придонная часть, еще реже — тулово. Отмечены отдельные случаи украшения плоских днищ. Наиболее распространены резные орнаменты (35,9%), среди которых геометрические узоры занимают довольно скромное место (5,5%). Из простых резных узоров количественно выделяются мотивы из вертикальных и наклонных отпечатков гладкого штампа (блок I, *1, 2*) [1], а также мотив елочки (блок I, *8, 9*), часто обрамляющий валик (рис. 2, *3, 8*) Эти орнаменты характерны в основном для плечиков и тулова. На шейках наиболее распространено сочетание вертикальных и наклонных линий (блок I—IV; рис. 2, *1, 3, 7, 13*; 3, I—IV). Среди геометрических резных узоров треугольники вершиной вверх, как правило, встречаются на шейках (рис. 2, *8*), а треугольники вершиной вниз, а также меандровидные и ленточные узоры — на плечиках и тулове (рис. 2, *1, 5*). Встречаются сосуды, сплошь орнаментированные простыми резными узорами (рис. 2, *6, 13*).

Орнаменты, выполненные гребенчатым штампом (15,2%), в сравнении с резными демонстрируют в целом аналогичное количественное соотношение простых (13,1%) и геометрических (2,1%) узоров. Те же мотивы встречаются в качестве наиболее частых (рис. 3, блок II, *3, 10*). Следует отметить большое разнообразие форм гребенчатого штампа. Любопытно, прежде всего в генетическом плане, наличие на шейке одного сосуда вертикальных рядов шагающей гребенки (рис. 2, *2*).

Горизонтальные ряды гусеничного штампа, нередко сдвоенного (рис. 3, блок III) (3,1%), встречаются во всех зонах, кроме придонной части, но в большей степени характерны для зоны плечиков (рис. 2, *4, 5, 7, 9*).

Различного рода луночные узоры встречаются в сочетании с желобками, лощеной дорожкой, геометрическими узорами, но часто образуют и самостоятельные мотивы, чаще всего горизонтальные ряды — одинарные (рис. 2, *6*; 3, блок IV, *1*), двойные (рис. 3, блок IV, *2*), реже тройные (рис. 3, блок IV, *3*). Встречаются и диагональные ряды (рис. 3, блок IV, *4*). Луночные орнаменты присутствуют во всех зонах, но наиболее распространены на тулове и в придонной части.

В нижней части шейки сузгунских сосудов нередко присутствует одна (реже две) лощеная или подлощенная дорожка (2,3%) (рис. 3, блок V). В ряде случаев на нее наносился ряд ямок или лунок (рис. 2, *8*; 3, блок V, *1*). Хорошо представлены (4,8%) прочерченые желобки (рис. 3, блок VI), которые нередко сопровождаются ямками или лунками. Показательно, что ряды по три-четыре

[1] Римской цифрой указаны номер блока, арабской — номер колонки.

Таблица 1

зона / орнамент	шейка	плечики	тулово	придонная часть	всего
Блок I	26,9	37,5	31,7	36,6	30,4
1	3.0	12,9	7,8	4,0	6,1
2	4,6	8,2	14,8	12,0	8,8
3	1,3	3,5	3,3	12,0	2,7
4	4.3	—	0,5	—	2,3
5	2,7	—	0,5	—	1,5
6	1,0	1,2	—	—	0,6
7	1.0	1,2	0,5	—	0,8
8	5.9	9,3	0,5	—	4,3
9	2,7	1,2	2,3	4,0	2,4
10	0,4	—	1,0	—	0,5
11	—	—	0,5	—	0,2
12	—	—	—	4,0	0,2
Блок II	12,0	23,5	11,9	4,0	13,1
1	1,0	1,2	1,0	—	1,0
2	0,4	—	—	—	0,2
3	3,0	5,9	1,8	4,0	3,1
4	0,4	—	1,4	—	0,6
5	1,3	7,0	—	—	1,6
6	1,0	2,4	1,0	—	1,1
7	0,7	—	1,0	—	0,6
8	0,4	—	0,5	—	0,3
9	1,0	2,4	0,5	—	1,0
10	2,0	4,6	2,3	—	2,4
11	0,4	—	1,4	—	0,6
12	—	—	0,5	—	0,2
13	0,4	—	—	—	0,2
14	—	—	0.5	—	0,2
Блок III	3,1	7,0	1,9	—	3,1
1	2,7	4,6	0,5	—	2,1
2	0,4	2,4	1,4	—	1,0
Блок IV	10,3	11,8	12,6	24,0	12,0
1	4,6	4,6	6,9	20,0	6,1
2	1,0	2,4	3,7	4,0	2,3
3	0,4	—	0,5	—	0,3
4	1,0	2,4	0,5	—	1,0
5	3,3	2,4	1,0	—	2,3
Блок V	4,7	—	—	—	2,3
1	4,0	—	—	—	2,0
2	0,7	—	—	—	0,3
Блок VI	8,4	3,6	1,0	—	4,8
1	2,7	2,4	0,5	—	1,8
2	2,7	1,2	0,5	—	1,6
3	2,3	—	—	—	1,1
4	0.7	—	—	—	0,3
Блок VII	23,3	8,2	23,6	20,0	21,2
1	17,0	7,0	19,3	16,0	16,4
2	—	—	1,0	—	0,3
3	0,4	—	—	—	0,2
4	5,9	1,2	3,3	4,0	4,3
Блок VIII	3,8	4,8	14,4	4,0	7,6
1	2,0	—	—	—	1,0
2	—	—	2,3	—	0,8
3	1,0	—	2,3	—	1,3
4	0,4	1,2	3,7	—	1,6
5	—	2,4	5,1	—	2,1
6	0,4	1,2	1,0	4,0	0,8
Блок IX	7,5	3,6	2,9	12,0	5,5
1	0,4	1,2	—	—	0,3
2	0,4	—	0,5	—	0,3
3	—	—	1,0	—	0,3
4	6,3	—	—	—	3,1
5	0,4	2,4	—	—	0,5
6	—	—	1,4	12,0	1,0
Всего	100	100	100	100	100
Всего орнаментов	305	82	215	26	628

желобка располагаются только в нижней части шейки (рис. 2, *1*, *10*), в то время как два желобка кроме шейки зафиксированы на тулове (рис. 2, *12*).

Ряды цилиндрических ямок (рис. 3, блок VII) выполняют функцию разделителя орнаментальных зон практически по всему полю сосуда, а также нередко обрамляют ленточные меандры (рис.а 2, *1*). Ямки редко выступают в качестве самостоятельного узора, как правило, в том случае, когда они образуют двойной (рис. 3, блок VII, *2*) или тройной (рис. 3, блок VII, *3*) ряд. Встречаются сосуды, где ямки полностью отсутствуют (рис. 2, *4*, *5*, *10*).

Из одиночных орнаментов, не образующих серий (рис. 3, блок IX), отметим волну, защипы, вдавления уголка пластины. Последние присутствуют на шейке и плечиках (рис. 2, *10*).

Вышеописанный комплекс керамики является сузгунским. Внутренняя хронология сузгунских памятников Прииртышья практически не разработана, поэтому мы не можем констатировать принадлежность сузгунских материалов с Богочановского городища к какому-либо конкретному этапу этой культуры. Можно лишь отметить, что данная керамика прямо сопоставима с посудой городища Чудская Гора, расположенного, кстати, в 300 м к востоку от Богочановского поселения, опубликованной М. Ф. Косаревым и Т М. Потемкиной [1, с. 143, 144, 169; 12, с. 35, 36], и обладает всеми специфическими признаками сузгунской культуры, в числе которых: частое использование вертикальных оттисков гладкого и гребенчатого штампов, сочетание вертикальных и наклонных оттисков тех же штампов; обрамление меандров ямками, лунками, скобами; наличие лощеной дорожки по шейке; специфическое сочетание андроноидного и ирменского геометризма и т. д. Представляется, что в культурно-хронологическом отношении сузгунские материалы Богочаново ближе всего именно к Чудской Горе. Более того, исходя из культовой принадлежности сооружений Чудской Горы [10, с. 235], факта непосредственной топографической близости обоих памятников, сходства материала, можно предположить, что культовые комплексы Чудской Горы были оставлены именно населением Богочановского поселения.

Крестовая керамика на Богочановском городище немногочисленна и представлена 12 фрагментами приблизительно от 7 сосудов (рис. 2, *14—17*). Сосуды горшковидной формы, с прямой отогнутой шейкой. Дно плоское. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов тщательно заглажены. Оттиски крестового штампа, образующие горизонтальные ряды, ромбы и т. д., встречаются в сочетании с ямками, идущими горизонтально и подчеркивающими углы ромбов (рис. 2, *14—17*). На ряде фрагментов присутствует струйчатый штамп (рис. 2, *14*). Аналогичная керамика найдена в лесном Прииртышье на жертвенном месте Хутор Бор-I [2, с. 67—71], городище Чудская Гора [1, с. 190, 191; 12, с. 35, 36], Красноозерском поселении и городище [13, с. 271—276] и некоторых других пунктах. Несмотря на малочисленность крестовой посуды на Богочаново, можно предполагать принадлежность ее к начальному, хуторборскому этапу красноозерской культуры Среднего Прииртышья. В пользу этого свидетельствует отсутствие на ней сузгунских орнаментов, а также дугообразно вогнутых шеек, что является характерным признаком хуторборской крестовой керамики [2, с. 74].

Керамика журавлевского типа, относящаяся к концу переходного периода от бронзового века к железному — началу эпохи железа, на Богочановском городище представлена 8 фрагментами от 8 сосудов (рис. 4, *12—17*). Впервые она выделена на городище Ямсыса VII близ с. Журавлевка Тевризского р-на Омской обл. [4, с. 235] Для журавлевских сосудов этого памятника характерны выраженные горшковидные, реже баночные формы. Горшковидные сосуды круглодонны, имеют достаточно высокую шейку — прямопоставленную, отогнутую наружу или наклоненную внутрь; несколько сосудов сопровождаются дугообразно выгнутой шейкой. Внешняя поверхность посуды хорошо заглажена, на внутренней видны следы заглаживания гребенчатым шпателем или пучком травы. По орнаментации журавлевская керамика достаточно четко разделяется на группу с преобладанием гребенчатых орнаментов (рис. 4, *1—4, 7, 13*) и группу, где доминируют различного рода луночные узоры (рис. 4, *5, 6, 8—11*) [5, с. 235] Соответствующие группы выделяются и в журавлевской керамике с Богочановского городища (рис. 4, *12—17*). Керамика обеих групп достаточно своеобразна. Она сильно отличается от новочекинской, кулайской, иткульской, саргатской и богочановской посуды. Очевидна хронологическая близость журавлевской керамики с позднесузгунской и крестовой. Это доказывается сход-

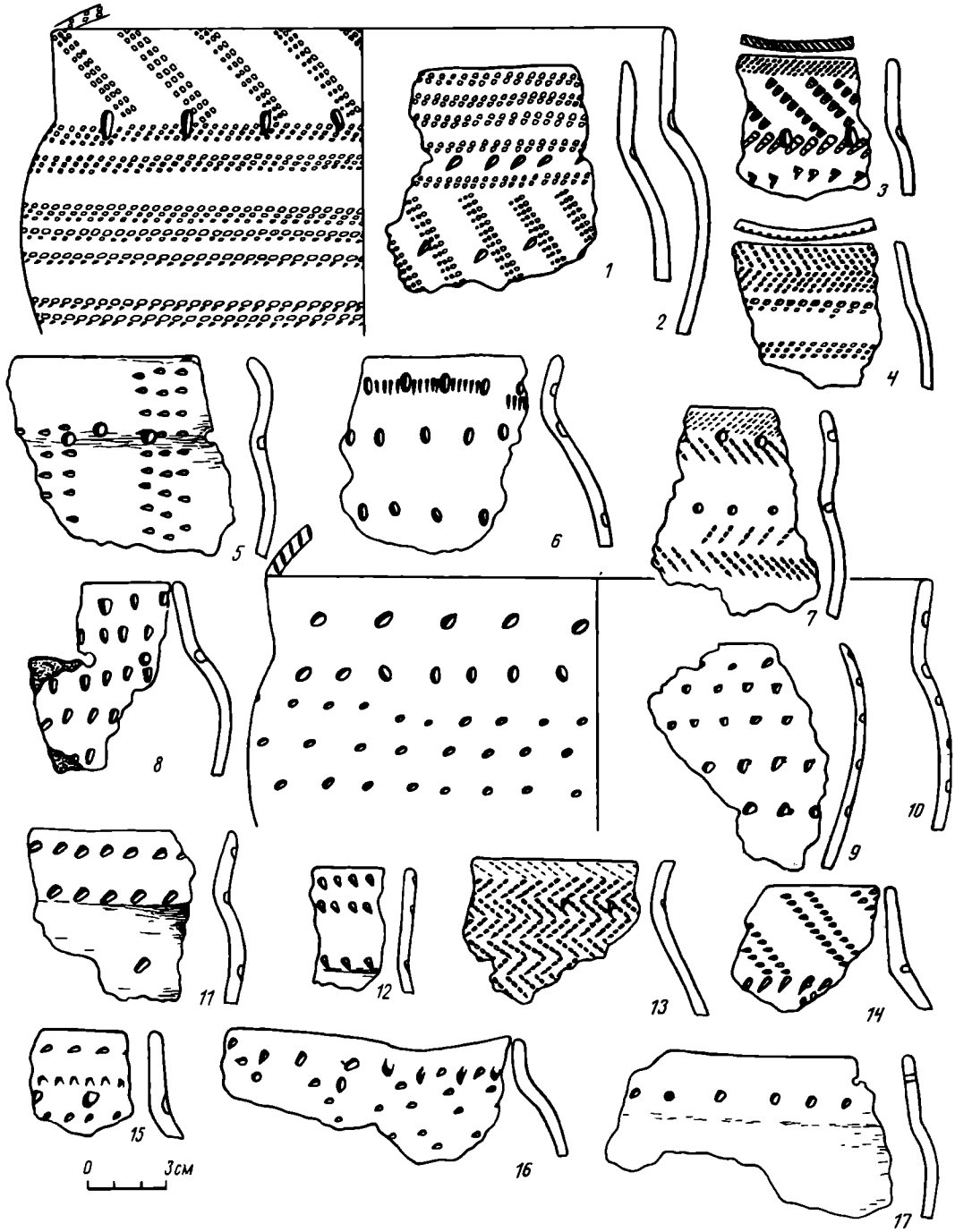


Рис. 4. Керамика журавлевского типа. *1—11* — городище Ямсыса VII, *12—17* — Богочановское городище

ством профилировки верхней части сосудов, наличием дугообразных шеек, сходных мотивов орнаментации, высокой степенью орнаментированности журавлевских сосудов. В комплексе с журавлевской керамикой на Ямсысе VII найден обломок глиняной модели карасукского бронзового шила, датирующегося в пределах VII—VI вв. до н. э. Показательно и наличие на журавлевской посуде Ямсысы VII отдельных трансформированных ирменских орнаментов.

Основная масса материала городища представлена *керамикой богочановского типа.* Найдено 449 фрагментов, из которых по обломкам верхней части выделено 118 сосудов. Кроме того, развал сосуда нижеописанного типа I обнаружен в шурфе 3. Для посуды характерно достаточно тщательное заглаживание

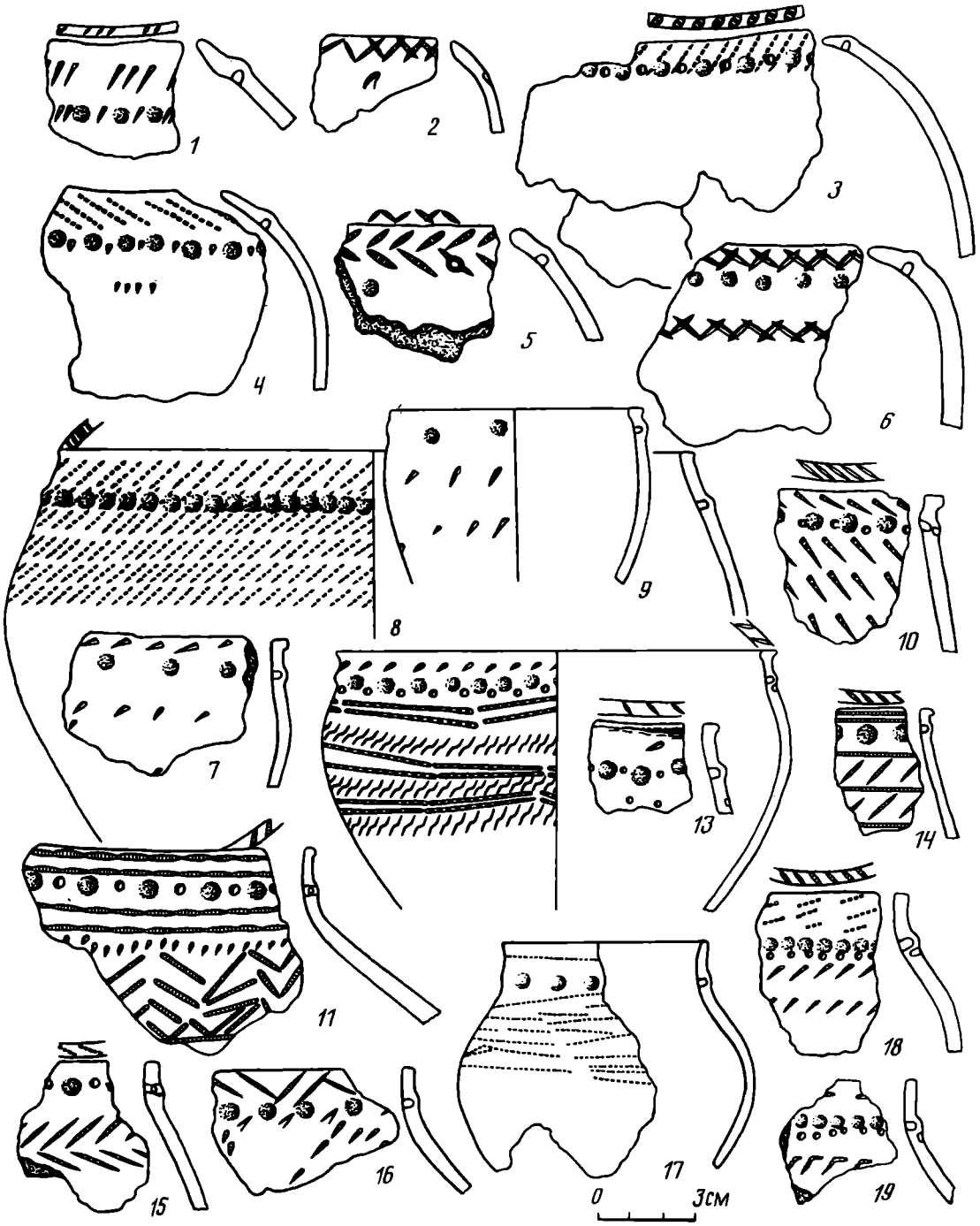


Рис. 5. Богочановское городище. Керамика богочановского облика. *1—6* — тип I, *7—10, 12—14* — тип II; *11, 15, 19* — тип III

внешней поверхности и небрежное заглаживание внутренней. Диаметр сосудов колеблется от 10 до 45 см. Наиболее часто встречаются сосуды диаметром 15—25 см. По профилировке верхней части посуду можно разделить на четыре типа: сосуды без выделенной шейки (I тип), сосуды с едва намеченной шейкой (II тип), сосуды с прямопоставленной шейкой (III тип) и сосуды с отогнутой шейкой (IV тип).

Тип I (25 экз.) — сосуды без выделенной шейки, закрытой формы, с наклоненным внутрь плечом, плавно переходящим в раздутое тулово (рис. 5, *1—6*). Край венчика закруглен или чуть приострен. Дно округлое, немного приостren-

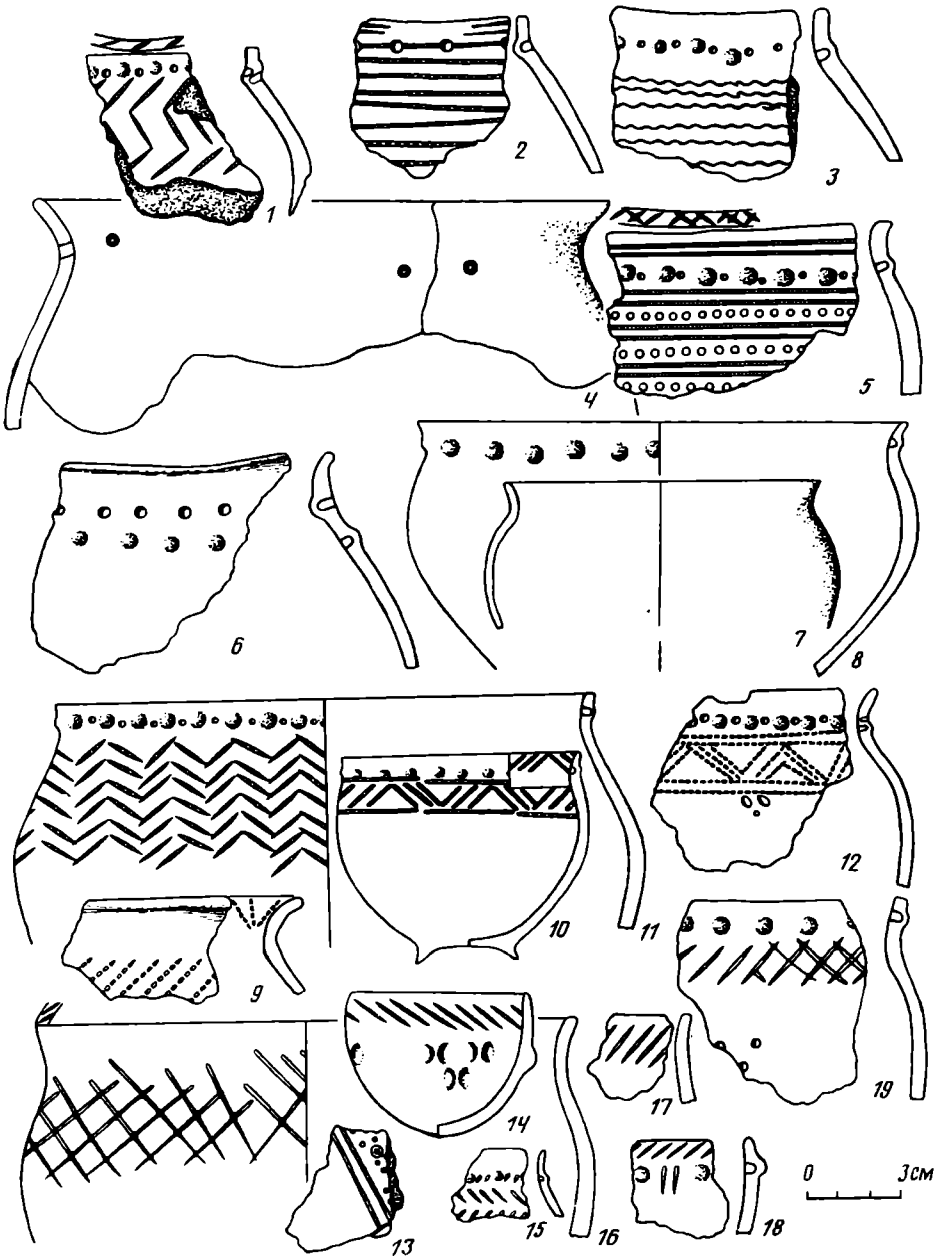


Рис. 6. Богочановское городище. *1—12* — керамика богочановского облика: *1—3* — тип III, *4—12* — тип IV; *13—19* — керамика саргатского облика

ное. Орнамент сосредоточен в верхней части вдоль венчика. В орнаментации доминируют жемчужные узоры в сочетании с ямками и лунками. Присутствуют гребенчатые и резные орнаменты. Характерной чертой орнаментации посуды I типа является отсутствие фигурных штампов. В целом набор орнаментов посуды данного типа в сравнении с другими типами достаточно ограничен: сетка, однорядовая елочка, наклонные линии, выполненные гребенкой или резной техникой (гладким штампом).

Тип II (29 экз.) — сосуды так называемой котловидной формы, с хорошо выраженным плечом и едва намеченной шейкой (рис. 5, *7—10; 12—14*). Венчик, как правило, имеет небольшой наплыв (карнизик) с внешней стороны. Тулово выпуклое, хорошо раздутое. Орнамент сосредоточен в верхней части сосудов, но в отличие от посуды I типа заполняет полностью плечо, нередко спускаясь и ниже. Изредка украшался и срез венчика. В орнаментации преобла-

дают гребенчатые узоры, которые отличаются бо́льшим разнообразием, нежели на сосудах I типа. Наиболее распространены наклонные и горизонтальные линии. Слабо представлены резные и ямочные узоры. Среди орнаментов из жемчужин преобладают одиночные ряды без ямок или лунок. Показательно наличие фигурных штампов, в числе которых струйчатый штамп, «скоба», «уточка».

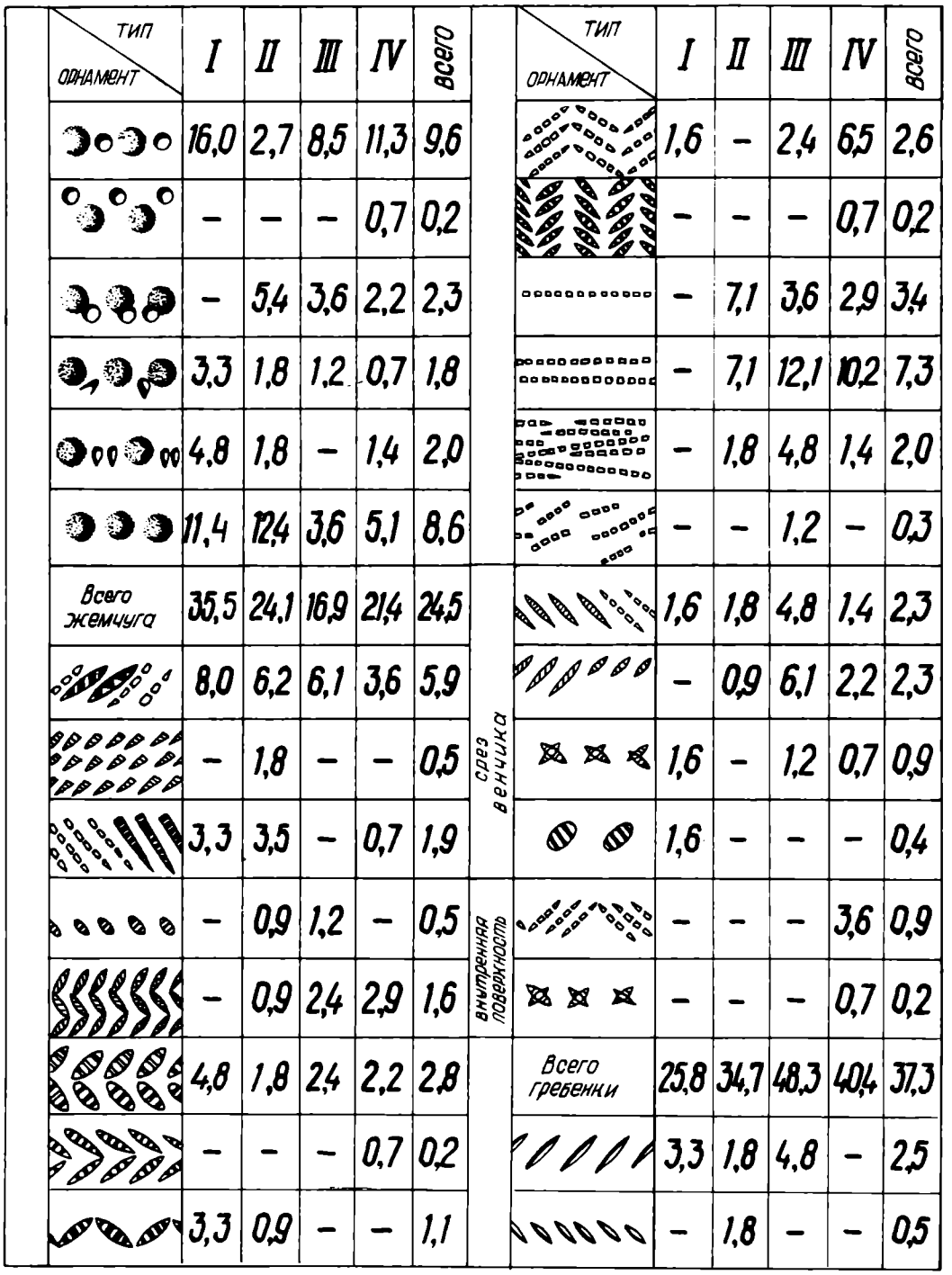
Тип III (24 экз.) — сосуды выраженной горшковидной формы, с прямо поставленной шейкой различной высоты, плавно переходящей в раздутое тулово (рис. 5, *11, 15—19;* 6, *1—3*). Дно округлое, венчик округлый или плоский. Орнаментировалась верхняя часть сосуда, иногда орнамент спускался на тулово. Изредка украшался срез венчика. Наиболее часто встречаются гребенчатые узоры, среди которых преобладают горизонтальные линии, наклонные линии, елочка. Значительно реже встречаются жемчужины, ямки, резные узоры. В минимальном количестве присутствуют лунки, фигурные штампы.

Тип IV (40 экз.) — сосуды выраженной горшковидной формы, с хорошо, в ряде случаев сильно отогнутой шейкой, переходящей в рельефно выраженное тулово. Дно, как правило, округлое, за исключением одного сосуда с плоским дном и хорошо выраженным невысоким поддоном (рис. 6, *4—12*) Орнамент располагается в верхней части сосуда, встречаются орнаменты по срезу венчика. Специфической чертой посуды IV типа является орнаментация внутреннего поля сосудов, как правило, на уровне шейки. Как и в орнаментации керамики уже описанных типов, на посуде IV типа преобладают гребенчатые узоры, из которых количественно выделяются горизонтальные линии, многорядовые горизонтальные зигзаги, елочка. Хорошо представлены жемчужные и ямочные узоры, реже встречаются лунки, резные узоры и фигурные штампы.

В целом следует отметить, что несмотря на имеющиеся различия в форме и орнаментации описанных типов, все они образуют единый в культурном отношении комплекс. В пользу этого помимо общих мотивов в орнаментации свидетельствует сходное пропорциональное соотношение элементов орнаментации всех четырех типов (рис. 7). Наиболее отлична от других орнаментация и форма сосудов I типа (рис. 8, *4*).

Вопрос о культурной принадлежности данной керамики достачно сложен. Мы не можем определенно идентифицировать ее с посудой какой-либо конкретной археологической культуры леса и лесостепи Западной Сибири — саргатской, иткульской, новочекинской и т. д. Наиболее обоснованным, пожалуй, будет сравнение данной керамики с посудой кулайской культуры, а точнее, васюганского этапа этой культуры. Вопрос о принадлежности богочановских материалов к кулайской культуре уже ставился одним из авторов [9, с. 28—34] Л. А. Чиндина отнесла Богочановское городище к кулайским памятникам васюганского этапа [14, с. 164] По-видимому, есть смысл возвратиться к этому вопросу на фоне более дробного изучения богочановской посуды. Визуальное сравнение выделенных нами типов с кулайской посудой показывает, что говорить о безоговорочной принадлежности богочановской керамики к кулайской культуре на сегодняшнем уровне изученности прииртышских памятников не приходится. Так, для кулайской посуды не характерны «закрытые» формы I типа [15, с. 42]. Форма сосудов II типа также в целом не свойственна кулайской и находит соответствия в котловидной посуде белоярской культуры Сургутского Приобья [16, с. 65, 66]. Формы сосудов III и IV типов сходны с аналогичными кулайскими формами, но одновременно известны в эпоху раннего железа на очень широкой территории, в силу чего не могут быть оценены как культурно определяющие.

Орнаментация богочановской керамики также не дает свидетельств принадлежности комплекса к кулайской культуре. Из всех сосудов орнаментацию лишь одного можно безоговорочно отнести к кулайской (рис. 5, *13*). Бедно орнаментированные сосуды с жемчужными и ямочно-жемчужными узорами сопоставимы с соответствующими кулайскими. Вместе с тем такого рода сосуды не являются собственно кулайскими, они хорошо известны, например, на саргатских



ТИП / ОРНАМЕНТ	I	II	III	IV	ВСЕГО
	16,0	2,7	8,5	11,3	9,6
	–	–	–	0,7	0,2
	–	5,4	3,6	2,2	2,3
	3,3	1,8	1,2	0,7	1,8
	4,8	1,8	–	1,4	2,0
	11,4	12,4	3,6	5,1	8,6
Всего жемчуга	35,5	24,1	16,9	21,4	24,5
	8,0	6,2	6,1	3,6	5,9
	–	1,8	–	–	0,5
	3,3	3,5	–	0,7	1,9
	–	0,9	1,2	–	0,5
	–	0,9	2,4	2,9	1,6
	4,8	1,8	2,4	2,2	2,8
	–	–	–	0,7	0,2
	3,3	0,9	–	–	1,1

ТИП / ОРНАМЕНТ	I	II	III	IV	ВСЕГО
	1,6	–	2,4	6,5	2,6
	–	–	–	0,7	0,2
	–	7,1	3,6	2,9	3,4
	–	7,1	12,1	10,2	7,3
	–	1,8	4,8	1,4	2,0
	–	–	1,2	–	0,3
	1,6	1,8	4,8	1,4	2,3
	–	0,9	6,1	2,2	2,3
	1,6	–	1,2	0,7	0,9
	1,6	–	–	–	0,4
	–	–	–	3,6	0,9
	–	–	–	0,7	0,2
Всего гребенки	25,8	34,7	48,3	40,4	37,3
	3,3	1,8	4,8	–	2,5
	–	1,8	–	–	0,5

СДВ ВЕНЧИКА

ВНУТРЕННЯЯ ПОВЕРХНОСТЬ

Рис. 7 Богочановское городище. Статистическая характеристика керамики богочановского облика

поселениях западносибирского региона. Это же относится и к неорнаментированным сосудам. Одновременно следует отметить, что отдельные мотивы богочановской орнаментации находят прямые аналогии в кулайской посуде: струйчатый штамп, специфическое чередование ямок и жемчужин по шейке, когда ямки располагаются вплотную к нижней кромке ряда плотно посаженных жемчужин, и т. д. Подобны кулайским богочановские бронзовые антропозооморфные изображения (рис. 9, *6*—*8*), которые, как показывают планиографические наблюдения, относятся ко времени бытования рассматриваемой керамики. Правда, справедливости ради следует отметить, что в то же время богочановские антропоморфные изображения в какой-то мере напоминают древовидных

	тип / орнамент	I	II	III	IV	всего
		–	–	–	0,7	0,2
		–	–	–	1,4	0,4
		–	–	–	0,7	0,2
		1,6	–	1,2	–	0,7
срез венчика		3,3	1,8	1,2	3,6	2,5
		–	0,9	–	0,7	0,4
		–	–	3,6	–	0,9
		–	0,9	–	–	0,2
внутренняя поверхность		–	–	–	0,7	0,2
	всего резных	8,2	7,2	10,8	7,8	8,7
		3,3	11,6	1,2	4,4	5,0
		–	–	–	0,7	0,2
		1,6	–	–	–	0,4
		–	0,9	1,2	0,7	0,7
	Лунки с жемчугом	8,0	3,5	1,2	2,2	3,7

тип / орнамент	I	II	III	IV	всего
Всего лунок	12,9	16,0	3,6	8,0	10,0
	1,6	–	3,6	2,2	1,9
Ямки с жемчугом	16,0	8,1	12,0	14,5	12,6
Всего ямок	17,6	8,1	15,6	16,7	14,5
	–	1,8	2,4	0,7	1,2
	–	–	–	0,7	0,2
	–	–	–	1,4	0,4
	–	0,9	1,2	–	0,5
	–	2,7	–	–	0,7
	–	0,9	1,2	–	0,5
	–	2,7	–	–	0,7
Защипы	–	–	–	0,7	0,2
Без орнамента	–	0,9	–	2,2	06
Всего прочих	–	9,9	4,8	5,7	5,0
Всего	100	100	100	100	100

идолов Урала [17, рис. 1, *1, 2*]. Окончательный вывод о степени сходства и различия богочановской и кулайской посуды можно будет сделать только после обработки прииртышских и приобских материалов по одной методике. На сегодня мы можем констатировать весьма определенное своеобразие богочановской посуды, за которой, по-видимому, следует закрепить данное название. Можно предположить, что отмеченное сходство может объясняться наличием во многом сходной основы формирования богочановских и кулайских памятников — сузгунской культуры в Прииртышье, еловской в Приобье. Показательно, что белоярские материалы Сургутского Приобья имеют определенное сходство с богочановскими и кулайскими [18, с. 124] Не исключено, что дальнейшие ис-

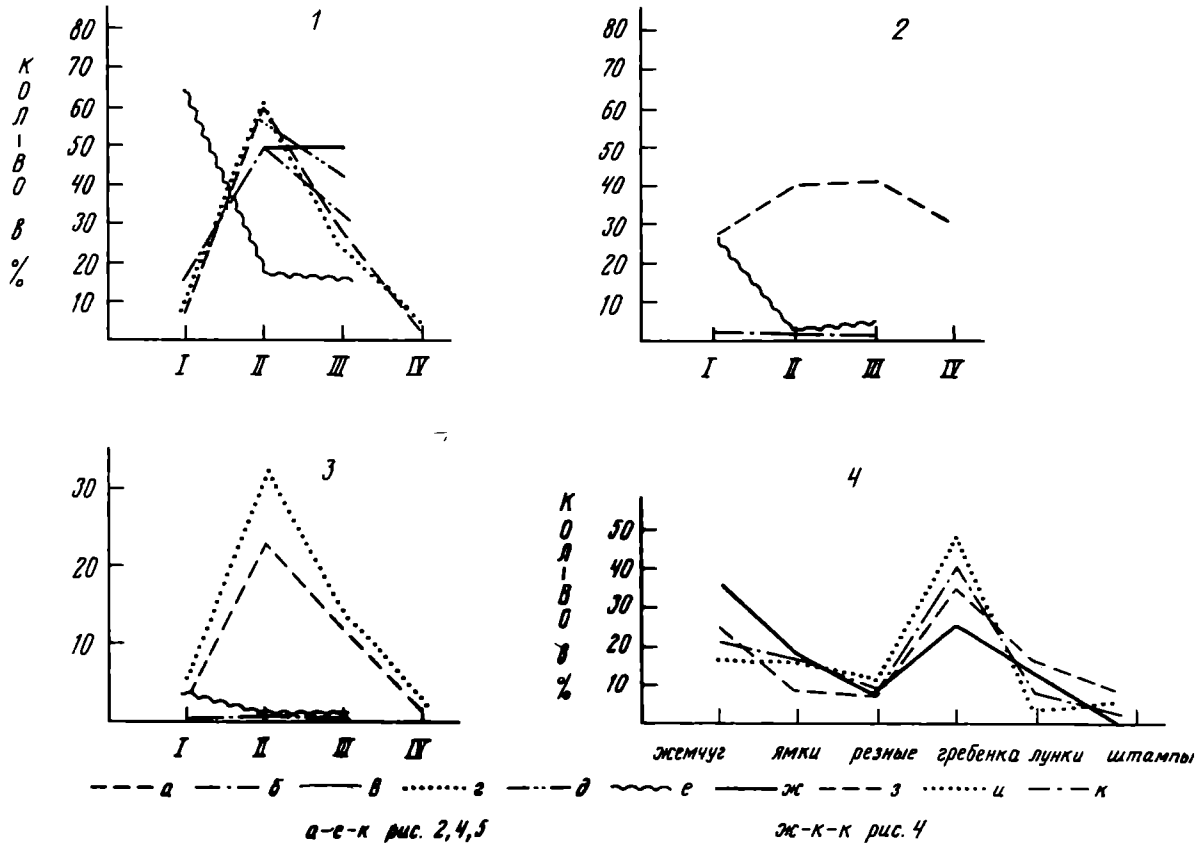


Рис. 8. Богочановское городище. Графики. *1* — процентное соотношение количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтам от общего количества фрагментов каждого типа; *2* — процентное соотношение количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтам от общего количества керамики каждого горизонта; *3* — процентное соотношение количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтам от общего количества фрагментов (керамика: *а* — сузгунская, *б* — крестовая, *в* — журавлевская, *г* — богочановская, *д* — саргатская, *е* — саровская), *4* — общая характеристика орнаментации типов керамики богочановского облика: *ж* — тип I; *з* — тип II; *и* — тип III; *к* — тип IV

следования поставят вопрос об объединении богочановских, белоярских, кулайских (васюганского этапа) памятников в одну общность. Возможно, что в эту общность войдут и новочекинские памятники Северной Барабы [19, с. 76—81; 20, с. 104—108]. На теперешнем этапе исследования можно утверждать, что помимо определенного сходства керамической посуды указанные культуры объединяет наличие «кулайской» металлообработки.

Керамика саргатского облика немногочисленна и представлена 11 фрагментами от 6 сосудов (рис. 6, *13—19*), которые характеризуются чертами, присущими поселенческой посуде саргатской культуры. Присутствуют сосуды как с хорошо выраженной шейкой (рис. 6, *15—17, 19*), так и без нее (рис. 6, *14, 18*). Орнаментация типично саргатская: наклонные линии, выполненные гладким штампом, реже гребенкой, резная сетка, елочка, жемчужины, треугольники, заполненные мелкими наколами. В связи с малочисленностью саргатской керамики на Богочаново говорить о ее своеобразии в сравнении с лесостепной не приходится. Можно лишь предположить, что столь малое число ее свидетельствует о том, что мы имеем дело с наиболее ранними саргатскими находками в лесном Прииртышье, что в целом соотносится с датой Богочановского городища и датировкой ранних саргатских материалов, происходящих с территории лесостепи Барабы и Прииртышья [20, с. 91—93; 21, с. 107, 108; 22, с. 174, 175; 23, с. 58, 59]

Керамика саровского типа насчитывает 40 фрагментов от 5 сосудов (рис. 9, *1—5*). Сосуды имеют чашевидную, чуть закрытую форму, с характерным карни-

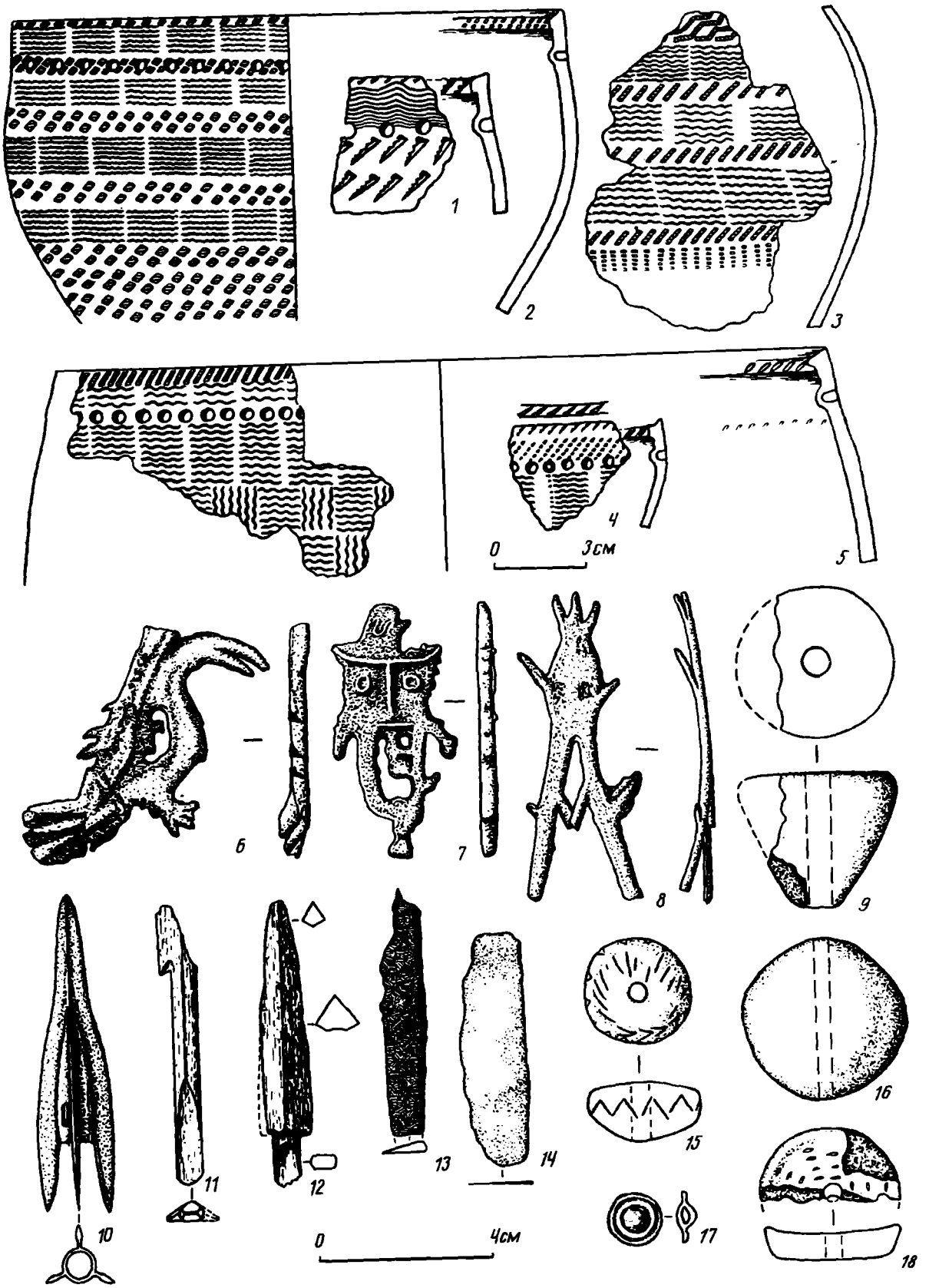


Рис. 9. Богочановское городище. *1—5* — керамика саровского типа; *6—18* — инвентарь (*6—8, 10, 14, 17* — бронза; *19* — камень; *11, 12* — кость; *13* — железо; *15, 16, 18* — глина)

зиком с внутренней стороны венчика, орнаментированным изнутри или сверху гребенчатым или гладким штампом. Внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена, на внутренней отчетливо видны следы гребенчатого шпателя. Для всех пяти сосудов характерен мотив волны, выполненной горизонтальными рядами струйчатого штампа и лишь в одном случае прочерченной гребенкой (рис. 9, *1*). Изредка струйчатым штампом выполнялись паркетные или вертикальные мотивы (рис. 9, *5*). Гребенчатый штамп с диагональным расположением зубцов выступает в качестве разделителя орнаментальных зон (рис. 9, *2, 3*). Им же в одном случае выполнен узор типа «уточка» (рис. 9, *3*). Вдоль края венчика наносился ряд ямок, образующий выпуклый жемчужник с внутренней стороны. Данная посуда является типично саровской и относится к четвертой группе керамики степановских памятников кулайской культуры на Васюгане, по Л. А. Чиндиной [15, с. 43, 44], и к седьмой группе посуды по ее же типологии для всего кулайского ареала [14, с. 92—94, 249, 250]. Ввиду малочисленности керамики саровского типа на Богочановском городище мы не можем говорить о ее своеобразии в сравнении с саровской посудой Васюганья и других районов Приобья.

Планиграфия распределения керамики. Керамика сузгунской культуры распределялась по площади раскопа достаточно равномерно, с некоторым увеличением (приблизительно 20%-ным) ее количества с запада на восток, т. е. по направлению к жилищу эпохи раннего железа. Не исключено, что это связано с последующим функционированием именно этого жилища, приведшим к некоторому измельчению сузгунской посуды в этой части памятника.

Крестовая керамика концентрировалась в юго-западной части раскопа, т. е. над жилищем.

Керамика журавлевского типа отчетливо концентрировалась в юго-восточной части раскопа непосредственно над жилищем. Керамика саргатского облика распределялась довольно бессистемно по всей площади раскопа. Керамика богочановского типа четко концентрировалась над жилищем и пространством, непосредственно к нему прилегающим. В западной части раскопа находки богочановской керамики единичны. Керамика саровского типа концентрировалась в северо-восточном углу раскопа, т. е. в стороне от жилища.

Планиграфия отдельных находок. Почти все находки вещей, в том числе и бронзовые изображения, располагались в восточной части раскопа над жилищем или на прилегающей площади. Исключение составляет железный нож (рис. 9, *13*), найденный в западной части раскопа.

Стратиграфия распределения керамики. Стратиграфия распределения различных типов керамики проведена по условным горизонтам (штыкам), каждый из которых составлял 20 см. Соответственно горизонт 1 включает находки, сделанные на глубине от 0 до 20 см от нулевой линии, горизонт 2 — находки на глубине от 20 до 40 см и т. д. На уровне горизонта 4 находки были сделаны только на площади жилища.

Анализируя табл. 2 и соответствующий график (рис. 8, *1*), можно констатировать, что и сузгунская и богочановская керамика в наибольшем количестве найдены на уровне горизонта 2. Пики «возмущения» гистограммы этих двух типов в целом совпадают. Аналогичную картину дают нам таблица процентного соотношения количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтам от общего количества фрагментов (табл. 3) и график (рис. 8, *3*).

Более показательны таблица процентного соотношения количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтали от общего количества керамики каждого горизонта (табл. 4) и соответствующий график (рис. 8, *2*). Если от горизонта 1 до горизонта 3 соотношение сузлунской и богочановской керамики держится примерно на одном уровне, то на уровне горизонта 4 удельный вес сузгунской керамики падает примерно до уровня горизонта 1, а удельный вес богочановской резко возрастает.

Что касается саровской керамики, то все три таблицы (табл. 2—4) и графики

Таблица 2

Процентное соотношение количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтам от общего количества фрагментов каждого типа

Слой	Керамика						Итого
	сузгунская	крестовая	журавлевская	богочановская	саргатская	саровская	
I	26/8	2/17	—	43/10	—	26/65	97/12
II	191/60	6/50	50	270/60	4/57	7/18	482/61
III	91/29	4/33	50	116/25	3/43	7/17	225/23
IV	8/3	—	—	20/5	—	—	28/4
Итого	316/100	12/100	100	449/100	7/100	40/100	832/100

Таблица 3

Процентное соотношение количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтам от общего количества фрагментов

Слой	Керамика						Итого
	сузгунская	крестовая	журавлевская	богочановская	саргатская	саровская	
I	26/3,1	2/0,2	—	43/5,2	—	26/3,1	97/11,6
II	191/22,9	6/0,7	4/0,5	270/32,5	4/0,5	7/0,8	482/57,9
III	91/10,9	4/0,5	4/0,5	116/13,9	3/0,5	7/0,8	225/27,1
IV	8/1,0	—	—	20/2,4	—	—	28/3,4
Итого	316/37,9	12/1,4	8/1,0	449/54,0	7/1,0	40/4,7	832/100,0

Таблица 4

Процентное соотношение количества фрагментов керамики определенного типа по горизонтам от общего количества керамики каждого горизонта

Слой	Керамика						Итого
	сузгунская	крестовая	журавлевская	богочановская	саргатская	саровская	
I	26/27	2/2	—	43/44	—	26/27	97/100
II	191/39	6/1	4/1	270/56	4/1	7/2	482/100
III	91/40	4/2	4/2	116/52	3/1	7/3	225/100
IV	8/29	—	—	20/71	—	—	28/100
Итого	316/35	12/2	8/1	449/56	7/1	40/5	832/100

(рис. 8, *1—3*) демонстрируют одну тенденцию: резкое уменьшение количества саровской посуды от горизонта 1 к горизонту 3 и ее отсутствие в горизонте 4.

Находки крестовой, журавлевской и саргатской керамики сделаны в основном на уровне горизонтов 2 и 3. Малочисленность посуды этих типов не дает возможности четко выявить тенденции изменения их количества по горизонтам. Из трех таблиц (табл. 2—4) и графиков (рис. 8, *1—3*) лишь табл. 2 и график *1* (рис. 8) дают некоторые данные на этот счет. Так, наибольшее количество крестовой керамики найдено на горизонте 2, к горизонтам 3 и 1 ее количество уменьшается. От горизонта 2 к горизонту 3 уменьшается и абсолютное количество саргатских фрагментов.

В целом наиболее насыщен керамикой горизонт 2. Отметим также, что керамика всех типов, кроме саровского, находит наибольшее количественное выражение (относительно общего количества фрагментов каждого типа) именно на горизонте 2. Некоторое увеличение удельного веса сузгунской и уменьшение количества богочановской керамики на горизонте 3, возможно, объясняется тем, что данный горизонт являлся основным жилым в сузгунское время, а в раннем железном веке был лишь «исходным», «отправным». Последующее увеличение удельного веса богочановской керамики на горизонте 4 объясняется тем, что на этом уровне мы имеем дело с заполнением жилища раннего железного века,

учитывая отсутствие культурного слоя на уровне горизонта 4 на площади, окружавшей жилище.

Таким образом, по итогам стратиграфических и планиграфических наблюдений на Богочановском городище нам представляется, что раскопанное жилище безусловно относится к эпохе раннего железа. Об этом свидетельствуют данные о концентрации сузгунской и богочановской керамики в разных горизонтах и локализации их в противоположных частях раскопа. Вероятнее всего, между бытованием здесь сузгунского поселения и сооружением исследованного жилища прошел определенный промежуток времени.

Относительная хронология. Решение вопроса об относительной хронологии рассматриваемых типов керамики Богочановского городища особенно важно в силу слабой разработанности общей культурологической схемы лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железного века, что связано с плохой изученностью памятников рассматриваемого периода.

Относительный возраст сузгунской керамики Богочановского городища определяется достаточно хорошо. Наличие в орнаментации сосудов ярко выраженных андроноидного геометрического и ирменского компонентов позволяет соотнести сузгунскую посуду с Богочаново, как указано, с соответствующими материалами городища Чудская Гора и Красноозерского поселения [1, с. 143, 144, 169] Эта керамика имеет мало общего с позднесузгунской посудой жертвенного места Хутор Бор-I (группа Б), для которой характерно отсутствие выраженного андроноидного и ирменского геометризма [2, с. 68, 72—74, рис. 4]. Это еще одно свидетельство, в совокупности с данными стратиграфии, существования хронологического разрыва между позднебронзовой сузгунской и раннежелезной богочановской керамикой памятника. Находки крестовой керамики на Богочаново скорее всего относятся к более позднему времени, чем сузгунская посуда этого памятника, либо в крайнем случае к финалу существования здесь сузгунского поселения. Однако крестовая керамика лишь частично «заполняет» отмеченный разрыв, так как, судя по ее облику, она скорее всего синхронна позднесузгунской посуде лесного Прииртышья, на Богочаново не представленной. В свою очередь позднесузгунская керамика хронологически не смыкается с богочановской. В настоящее время наиболее поздняя дата сузгунской керамики определяется находками на культовом месте Сузгун II глиняных моделей копья и двух кельтов предананьинских типов IX—VIII вв. до н. э. [24, с. 146] Этим же временем датирует В. И. Молодин позднесузгунские комплексы Барабы [22, с. 154], что частично синхронно хронологии памятников с крестовой керамикой. Интервал между позднесузгунскими и богочановскими комплексами VII—VI вв. до н. э. в лесном среднем Прииртышье помимо поздних комплексов крестовой керамики занимают генетически связанные с позднесузгунскими памятники журавлевского типа, представленные в слое Богочановского городища небольшой группой керамики журавлевского типа (рис. 4, *12—17*), известной в чистом виде по закрытым комплексам, выявленным под валом городища Ямсыса VII (5, с. 128—130). Показательно, что в этих комплексах журавлевская керамика (рис. 4, *1—11*) доминирует почти абсолютно. На основной же площади городища Ямсыса VII наряду с ней хорошо представлены богочановская посуда и керамика саргатского облика. Таким образом, очевидное увеличение в слое городища Ямсыса VII по мере его функционирования количества богочановской керамики дает достаточное основание для определения относительной хронологии журавлевской керамики, как занимающей место между сузгунскими материалами, в ряде случаев осложненными крестовым влиянием, и богочановскими. Унаследованные от сузгунской культуры черты констатируются в журавлевской керамике горшковидной формой сосудов, а в орнаментации — рядами ямок и слабо выраженными остатками геометризма, проявляющимися в группировке оттисков зубчатого штампа и ямок наклонными параллельными рядами (рис. 4, *1—3, 5, 14*). В настоящее время выявлено около 12 памятников с керамикой журавлевского типа, локализующихся преимущественно в южнотаежной подзо-

не Омского Прииртышья, которые оставлены, очевидно, потомками сузгунского населения, той его части, которая мало подверглась воздействию продвинувшегося с севера населения с крестовой керамикой и проживала параллельно, чересполосно с последним.

Что касается керамики саргатского облика, происходящей с Богочановского городища, а также с ряда других памятников лесного Прииртышья, то, на наш взгляд, трудно дать однозначную трактовку ее появления в данном регионе. Традиционным является объяснение, исходящее из гипотезы продвижения саргатского населения лесостепи Прииртышья на север. Нельзя, однако, начисто отрицать возможности появления керамики саргатского облика в лесу на местной позднесузгунской основе под влиянием с юга, как это происходило, по-видимому, на территории лесостепи Ишимо-Иртышского междуречья [23, с. 59; 25, с. 79]. В этом варианте речь идет не столько о формировании саргатской культуры в лесном Прииртышье, сколько о проявлении тенденции у лесного, сузгунского по происхождению, в том числе журавлевского, населения к формированию отдельных саргатских черт, что могло стимулироваться и влиянием саргатцев с юга. В этом случае оба варианта не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Итак, хронологическая схема культурного развития лесного Прииртышья представляется нам следующим образом: сузгунские памятники данного региона сменяются позднесузгунскими. В это время в лесном Прииртышье появляется население с крестовой керамикой, вступившее в контакт с поздними сузгунцами и поздними ирменцами — розановцами на севере лесостепи и вскоре растворившееся в местной среде. Следующий и частично синхронный с позднекрестовой керамикой этап культурного развития представлен керамикой журавлевского типа, сохранившей ряд сузгунских, а также характерных для крестовой керамики черт. Последние отмечены дуговидной формой венчика части журавлевских сосудов (рис. 4, *5, 7*). Появление керамики богочановского типа около середины I тыс. до н. э. знаменует сложение достаточно устойчивой керамической традиции уже собственно эпохи раннего железа. В это же время в лесном Прииртышье фиксируется саргатская керамика, присутствующая, как правило, в одном слое с численно преобладающей богочановской посудой и, независимо от решения модели ее происхождения, отражающая активные контакты населения юга лесного Прииртышья с обширным саргатским этническим массивом лесостепи.

Представляется, что изложенная последовательность может использоваться в качестве рабочей схемы, «оживление» которой на базе изучения вопросов генетических связей является задачей последующих исследований.

На настоящем этапе исследования древностей лесного Среднего Прииртышья, принимая во внимание своеобразие керамики богочановского типа и отличия ее от керамических комплексов культур окружающего региона, есть основание выделять особую богочановскую культуру. Сейчас выявлено около 30 памятников с керамикой богочановского типа, ареал которых охватывает в основном территорию лесного Прииртышья от Тобольска до устья р. Тары (рис. 10). Около половины из них исследованы раскопками, в том числе три поселения (Затонское, Утьма, Михайловка I) дали чистые богочановские слои [2] Очевидно, в этом ареале и надо локализовать богочановскую культуру. Кроме того, находки керамики богочановского типа представлены в Нижнем Прииртышье, к северу от Тобольска, на городище Уки II на Иртыше (раскопки В. А. Могильникова, 1985 г.), но пока уверенно распространять сюда ареал памятников богочановской культуры преждевременно ввиду слабой изученности памятников раннего железного века этой территории.

К памятникам богочановской культуры относятся поселения лесного Прииртышья, рассматривавшиеся ранее В. А. Могильниковым как ивановско-

[2] Раскопки Е. М. Данченко в 1988 г.

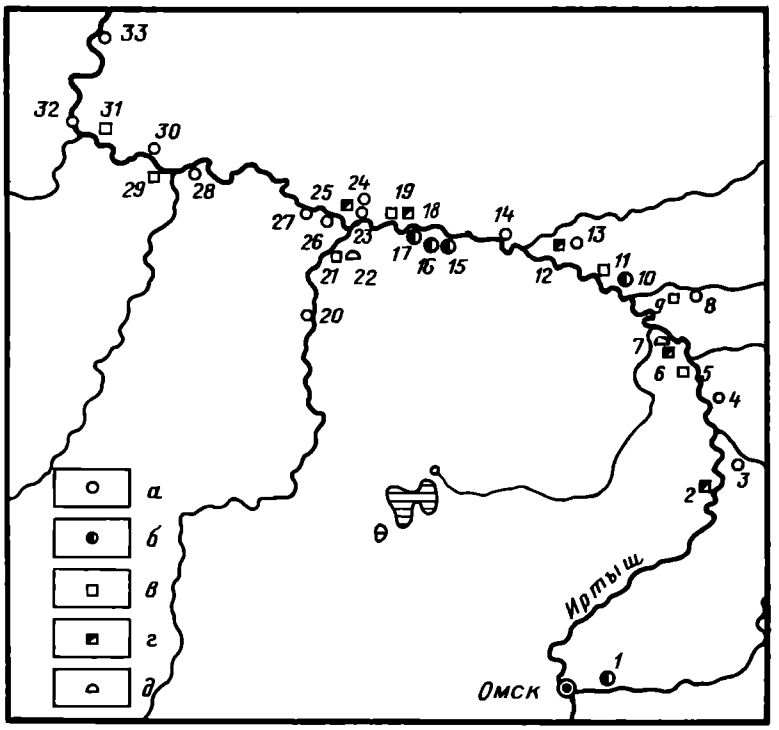


Рис. 10. Памятники журавлевского и богочановского типов. *а* — селища с керамикой богочановского типа; *б* — селища с керамикой богочановского и журавлевского типов; *в* — городища с материалом богочановского типа; *г* — городища с материалом богочановского и журавлевского типов; *д* — богочановские курганные могильники. *1* — Спирановка; *2* — Евгащинский ХПП; / Хлебоприемный пункт /, *3* — Окунево IV; *4* — Безымянное II; *5* — Копейкино; *6* — Богочаново; *7* — Богочаново II; *8* — Большая Пристань; *9* — Новоягодное; *10* — Зимнее I; *11* — Конашевка 3; *12* — Ямсыса VII; *13* — Ямсыса X; *14* — Александровка I; *15* — Кип IV; *16* — Кип III; *17* — Утьма; *18* — Верхнее Аксеново; *19* — Красноярка; *20* — Серебрянка III; *21* — Михайловка 1; *22* — Михайловка 2; *23* — Новоникольское I; *24* — Яр; *25* — Новоникольское 3; *26* — Затон; *27* — Саургачи; *28* — Экстезерье; *29* — Старый Погост; *30* — Загваздино I; *31* — Ивановское; *32* — Овсянниково; *33* — Уки 2. *1, 2, 4, 5—10, 12, 17—23, 26, 29, 31, 33* — исследованы раскопками, остальные рекогносцировочно

баитовские [26, с. 172—176]. Такая интерпретация этих поселений была дана в то время, когда материал, происходящий как с баитовских памятников Притоболья, так и с прииртышских лесных поселений, был очень небольшим и не позволял четко разграничить баитовские тоболо-ишимские и прииртышские «ивановско-баитовские» поселения. Поводом к их объединению в «ивановско-баитовскую культурную общность» послужило сходство в элементах орнаментации и частично в орнаментальных композициях керамики с поселений названных регионов, проявлявшееся, в частности, в наличии в орнаменте посуды Тоболо-Ишимья и Прииртышья узоров в виде ряда жемчужин, наколов конца палочки, «елочки» и полос из наклонных оттисков зубчатого и гладкого штампов и др. К настоящему времени на новом обширном материале установлено своеобразие баитовских памятников Тоболо-Ишимья, объединенных в баитовскую культуру [27, с. 5], и отличных от них богочановских памятников Прииртышья. Это дало основания рассматривать их как самостоятельные этнокультурные образования, имеющие к тому же различия в генетическом субстрате в виде памятников бархатовского типа [28, с. 87, 88, рис. 3, 4] у баитовцев и местных, прииртышских культурных комплексов переходной эпохи от бронзового века к железному с возможным участием протокулайских элементов у богочановцев. Поскольку термин «памятники ивановско-баитовского типа» недостаточно точно отражает своеобразие прииртышских памятников, от него следует отказаться, заменив более прецизионным — «памятники богочановской культуры»

по названию Богочановского городища, где впервые наиболее полно исследован характерный для лесного Прииртышья эпохи раннего железа вышеописанный керамический и вообще культурный комплекс. Наиболее вероятная дата памятников этой культуры VI—V — III—II вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
2. *Труфанов А. Я.* Жертвенное место Хутор Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983.
3. *Абрамова М. Б., Стефанов В. И.* Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // ВАУ. 1981. № 15.
4. *Труфанов А. Я.* Работы в лесном и лесостепном Прииртышье // АО — 1982. М.: Наука, 1984.
5. *Труфанов А. Я.* Закрытые комплексы городища Ямсыса VII // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье». Омск: Изд-во ОмГУ, 1987.
6. *Могильников В. А.* Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. 1986. № 186.
7. *Могильников В. А.* Спирановское городище // КСИА. 1971. № 128.
8. *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953. № 35.
9. *Могильников В. А.* О западной границе кулайской культуры // СА. 1984. № 3.
10. *Потемкина Т. М.* Раскопки в таежном Прииртышье // АО — 1976. М.: Наука, 1977.
11. *Мошинская В. И.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1957. № 58.
12. *Косарев М. Ф., Потемкина Т. М.* Городище Чудская Гора в свете этнической интерпретации андроноидных культур Западной Сибири // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985.
13. *Матющенко В. И., Чиндина Л. А.* Рец. на кн: Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974 // СА. 1976. № 2.
14. *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984.
15. *Чиндина Л. А.* Орнамент керамики степановских памятников // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1984.
16. *Чемякин Ю. П.* Городища Барсов Городок 1/13 и 1/14 // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981.
17. *Берс Е. М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. № 21.
18. *Чемякин Ю. П., Кокшаров С. Ф.* Поселение начала I тысячелетия до н. э. на Барсовой Горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. ВАУ. 1984. № 17
19. *Полосьмак Н. В.* Могильник Новочекино-2 в северной Барабе // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири // КСИА. 1985. № 183.
20. *Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987
21. *Полосьмак Н. В.* К вопросу о нижней дате саргатской культуры // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982.
22. *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985.
23. *Труфанов А. Я.* К вопросу о происхождении саргатской культуры (история изучения проблемы) // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1986.
24. *Галкин В. Т.* К вопросу о хронологических рамках сузгунской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1988.
25. *Могильников В. А.* Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983.
26. *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970.
27. *Матвеева Н. П.* Ранний железный век Среднего Притоболья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06.: Новосибирск, 1987.
28. *Стефанов В. И., Корочкова О. Н.* Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. ВАУ 1984. № 17.

Институт археологии
АН СССР, Москва

V. A. MOGILNIKOV, E. M. DANCHENKO, A. Yu. TRUFANOV

BOGOCHANOVO FORTIEFIED SETTLEMENT AND THE PROBLEM OF CULTURAL STRATIFICATION IN THE FOREST ZONE OF THE IRTYSH BASIN

Summary

In the article the materials of Bogochanovo fortified settlement are analysed. The site is situated on the left bank of the Irtysh, in Znamenskoye district, Omsk region. It is important for solving the problems of cultural stratification in the Late Bronze and Early Iron Ages. A specific pottery assemblage is described. It is characteristic for the forest zone of the Irtysh basin in the Early Iron Age. It differs from the pottery of neighbouring culture of the forest and forest-steppe territories of Western Siberia. This fact allows the authors to raise a question about the outlining of a new eponymous culture located in the forest zone of the Irtysh mainly between Tara and Tobolsk. It has some similarities with the Vasiugan stage of Kulay culture and Novochekinsk and Beloyarsk cultures in Surgut district of the Ob basin. The authors suppose a unity of these archaeological cultures formed on the basis of pit-comb pottery sites such as Suzgan and Yelovo, dated to the Bronze Age. The proposed date for the Bogochanovo-type antiquities is the period from the 6-5th up to the 3-2nd centuries B. C.

Г. АСЛАНОВ, С. КАШКАЙ

ПОГРЕБЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ МУНДЖУГЛУ-ТЕПЕ

Некрополь Мунджуглу-Тепе расположен к юго-востоку от селения Сабир-Диза Ордубадского р-на Нахичеванской АССР. Он занимает один из небольших холмов, прилегающих к подножию горы, на вершине которой сохранились развалины известной средневековой крепости Хараба-Гилан.

Поверхность холма (60×40 м) была сплошь покрыта обломками плит из местных скальных пород, черепками керамики и большим количеством бус (из-за которых холм и получил у местного населения свое название). Расчистка поверхности холма выявила распланированный некрополь, который имеет с севера на юг шесть рядов погребальных сооружений по пять-семь сооружений в ряду. Это вырытые в земле прямоугольные и квадратные ямы и только в двух случаях круглые в плане. Стены их сложены вперевязку из плитняка, благодаря свойствам породы имеющего вид обработанности. Иногда плиты ставились на ребро, а сверху достраивались вперевязку. Камеры были перекрыты большими каменными блоками и обложены вокруг различной величины плитками. Каждое погребальное сооружение состояло из двух самостоятельных помещений: прямоугольного склепа (глубиной от 0,7 до 1 м), содержащего захоронения и сопровождающий инвентарь, и квадратной камеры (глубиной до 0,5 м), названной жертвенником с набором керамических изделий. Чаще всего с западной стороны каждого склепа, редко с восточной в стене оставлялся входной проем, к которому вел узкий проход, также аккуратно сложенный из плит. Дно его, выложенное камнем, выше по уровню дна склепа. Проем закрывался вертикально поставленной плитой, как бы продолжающей стену. Плита, служившая дверью, легко убиралась и облегчала повторный доступ внутрь склепа. Как показали раскопки, склепы предназначались для многократных захоронений и содержали до 14 скелетов. Выявить определенную ориентацию захоронений невозможно, так как почти все костяки перемешаны. По-видимому, при новых подхоронениях предыдущие неоднократно сдвигались, а иногда погребенные укладывались один на другой. Судя по единичным нетронутым костякам, можно сказать, что захоронения производились в сильно скорченном положении на правом боку, с руками, сложенными перед лицом.

Все склепы были в большей или меньшей степени ограблены, причем грабители попадали в них, разрушив верхнее перекрытие. При раскопках удалось выявить предметы, оставшиеся под обломками плит и в углах склепов.

Жертвенники строились тем же способом, что и склепы, размещались со стороны прохода, но никак не были с ним связаны. Костные остатки в них, как правило, отсутствуют. Некоторые из вскрытых жертвенников были нетронуты и сохранились в первоначальном виде. В них обнаруживается набор керамических сосудов, редко — предметы украшений. Сосуды содержали, по-видимому, жидкую или растительную пищу, во всяком случае, ни в одном из них не обнаружено костей животных или птицы. Редким исключением были находки астрагальных костей, но не в сосудах, а в заполнении камеры. При последующих захоронениях жертвенники оставались нетронутыми, в то время как в склепы при каждом захоронении ставились новые сосуды. Лишь в

© Г Асланов, С. Кашкай, 1991 г.

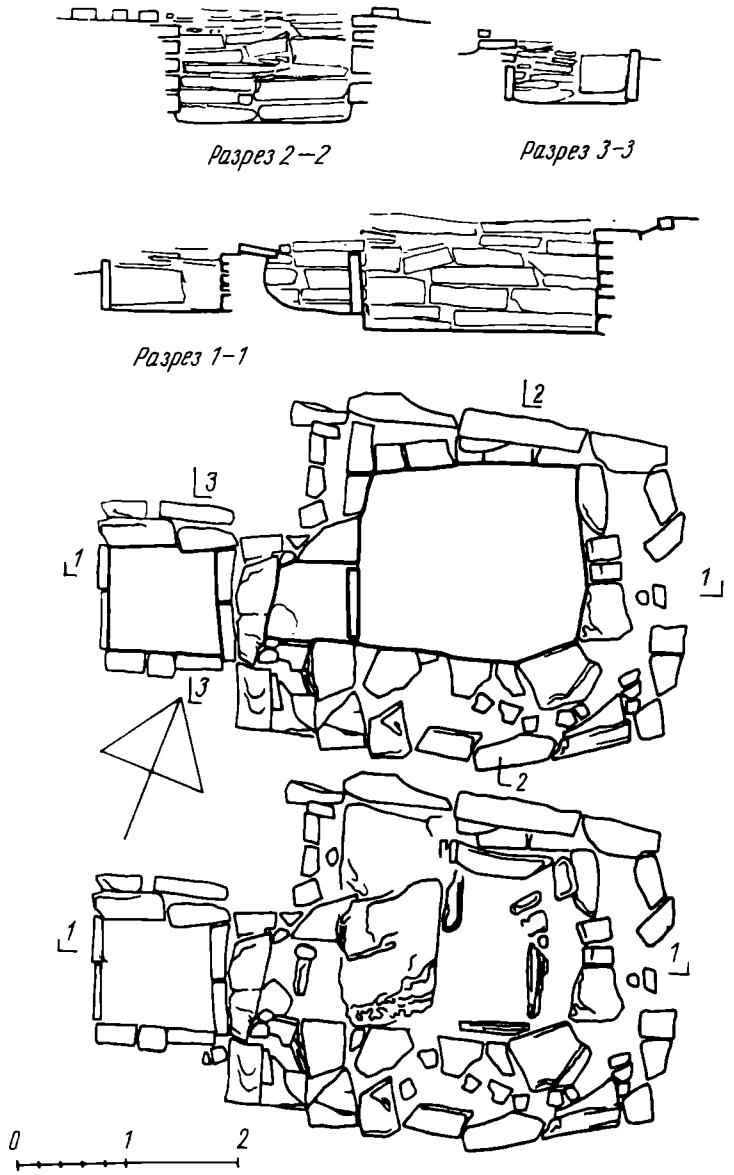


Рис. 1. План погребального сооружения 22

нескольких случаях можно отметить нарушение. В одном из жертвенников сосуды были поставлены один на другой или внутрь крупного более мелкие, в другом — камера была разделена на две части вертикальной плитой и в каждой части имелся одинаковый набор сосудов. Каждый жертвенник содержит до 15—20 сосудов. Они занимают две трети площади, расположены симметрично, рядами от более крупных и высоких к плоским. Примечательно, что для каждого жертвенника характерен горшок с небольшим отверстием на дне, «чайник» со свободно стоящим сливом или соединенным с краем венчика мостиком, вазы на полой конической ножке, плоская подставка на трех упорах в форме ноги, кувшин с ручкой, различной глубины и величины миски, кубки и др. Многие изделия вместо ручек имели небольшой вертикальный или горизонтальный налеп в виде «ушка» со сквозным отверстием. В отдельных случаях обнаруживаются предметы украшения.

Керамика представлена изделиями серо-черного и желтовато-розового цвета. Почти все сосуды жертвенников изготовлены лепным способом довольно неаккуратно, многие из них кособоки, неустойчивы, часто имеются технические дефекты. Они плохо обожжены и почти не имеют орнамента. Создается впе-

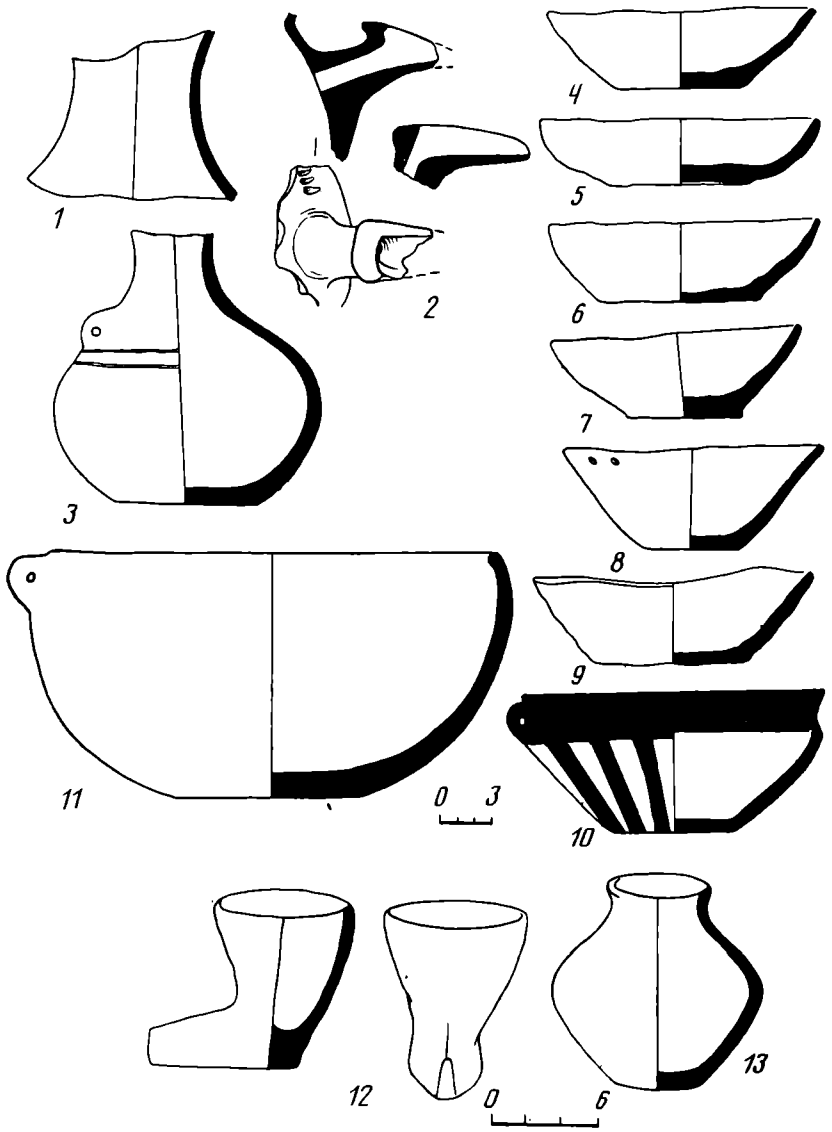


Рис. 2. Керамические изделия из склепа и жертвенника 22

чатление, что их делали наспех, очень просто и специально для погребального ритуала. Керамика из склепов представлена теми же формами более тщательной выделки, имеются сосуды, изготовленные на гончарном круге, нередко орнаментированные врезной техникой. Орнамент, нанесенный краской, представлен лишь на единичных экземплярах розовоглиняных мисок, по ободку которых с внешней и внутренней стороны проведены широкие красные полосы. Иногда полосы проведены по корпусу и поддону.

Металлический инвентарь склепов представлен в основном бронзовыми изделиями в виде браслетов, колец, заколок, иногда приклепленных к цепочкам, гривен, серег из бронзовой проволки, изогнутой меандром, или проволоки с нанизанными бусами, умбонов, различной величины пуговиц с петелькой на обратной стороне, подвесок и др. Из оружия найдено пять бронзовых стрел и два кинжала. Железо обнаружено в виде украшений, подвешенных к бронзовой цепочке, одного втульчатого наконечника копья (склеп 8) и неопределенных, иногда крупных фрагментов. Во всех склепах в изобилии собраны сердоликовые, пастовые, травертиновые, ракушечные, сурьмяные и бронзовые бусы, имеются также отщепы из обсидиана.

Многообразие довольно сложных форм изделий говорит об искусности ремесленников и дает представление о распространенной здесь культурной традиции.

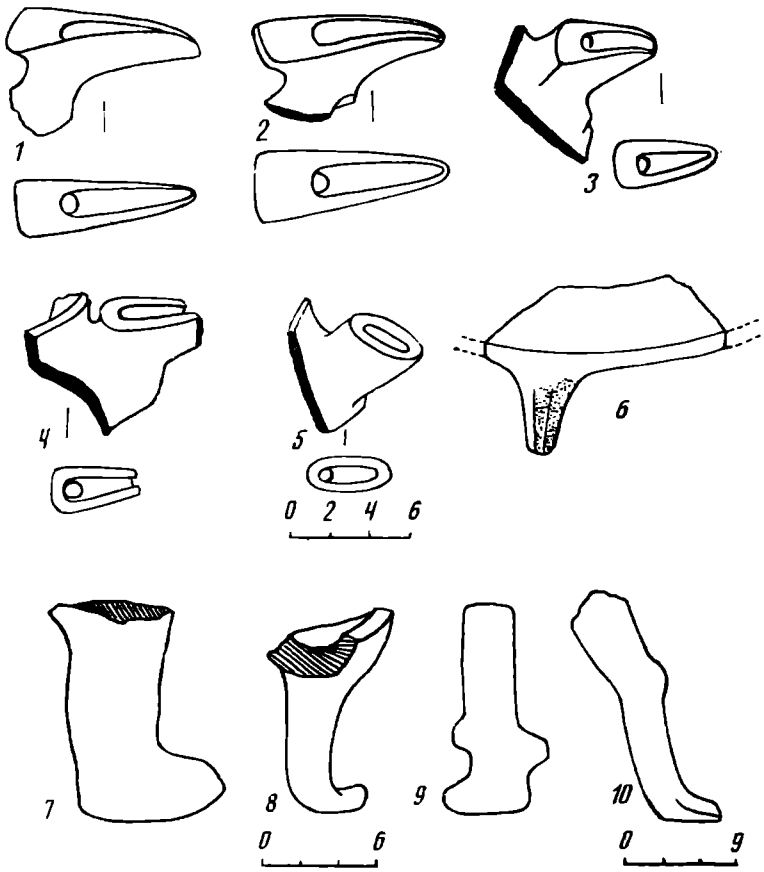


Рис. 3. Фрагменты керамики из склепов 22, 24, 25

В настоящей статье приводятся материалы нескольких погребений с наиболее выразительным инвентарем.

Склеп 22 (рис. 1) прямоугольной формы, размером 1,5×1,9 м, ориентирован по линии СЗ—ЮВ. Сверху был перекрыт тремя плитами. Одна шириной в 1 м сохранилась на месте; вторая, разбитая на две части, провалилась внутрь; третья — целая также упала внутрь склепа на ребро. После расчистки глубина склепа оказалась равной 1 м. В западной стене был оставлен проход размером 0,95×0,6 м, закрытый вертикально поставленной плитой, тщательно пригнанной. Дно прохода было на 0,4 м выше дна склепа. С самой поверхности склепа и прохода обнаруживалась битая керамика и различные бусы. Начиная с глубины 0,7 м, обнаружены разрозненные остатки семи скелетов и один целый: два черепа один над другим у южной стены и несколько в стороне третий, по одному у восточной стены и в северо-восточном углу, два в центре, совершенно разбитые. Нетронутый костяк обнаружен на глубине 0,9 м налево от прохода, сохранившийся благодаря своему местоположению, по-видимому, недоступному при новых подхоронениях. Голова лежала у северо-западной стены на небольшой плите, лицом к западу. Кисти рук сложены перед лицом. На одной руке бронзовый браслет с несходящимися концами. У спины на уровне лопаток большое количество бус и подвески из бронзовой проволоки с нанизанными бусами. Перед лицом находилось три сосуда: розовоглиняная миска с вертикальным налепом с отверстием у венчика; серо-черная глубокая миска с двумя сквозными отверстиями у венчика; серо-черный узкогорлый кувшин с шаровидным туловом с вертикальным налепом, верхнюю часть его опоясывают две врезные линии (рис. 2, *3*). Кроме того, на различной глубине обнаружены фрагменты желтоглиняной плоской подставки с ножками в виде столбиков (рис. 3, *6*); розовоглиняной подставки со слегка приподнятым бортиком — ножка его оформлена в виде обуви с вздернутым носком (рис. 3, *8*);

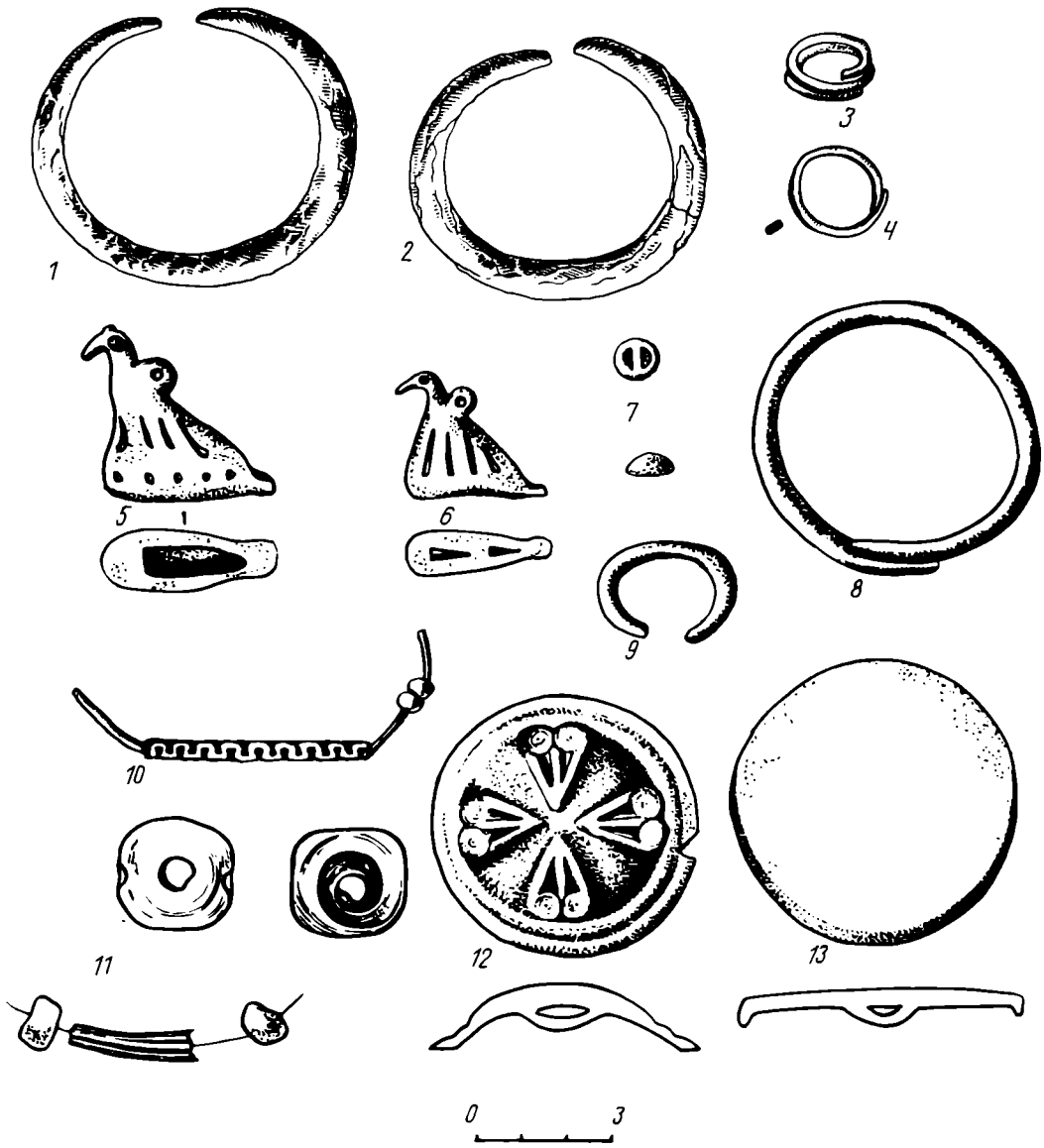
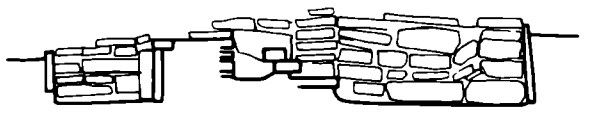


Рис. 4. Бронзовые украшения из склепов 22, 24 и жертвенника 23

тонкая бронзовая заколка длиной в 12 см; две пары серег из различных бус на бронзовой проволоке, часть которой изогнута в виде меандра (рис. 4, *10*); два бронзовых браслета с заостренными несходящимися концами; три бронзовых кольца с наложенными друг на друга концами и один в два оборота, плоские и круглые в сечении. Бусы из сердолика и раковин (рис. 4, *1—4, 11*).

Жертвенник 22а (рис. 1) квадратной формы, размером 1×1 м, размещен с юго-западной стороны склепа перед проходом, ориентирован по линии СЗ—ЮВ. Стены его сложены из вертикально поставленных плит, сверху дополненных кладкой вперевязку. Глубина жертвенника 0,5 м. Всего на различной глубине обнаружен 21 сосуд. Сосуды целые и разбитые. Некоторые поставлены один на другой, мелкие внутрь широкогорлых, многие перевернуты вверх дном. Возможно, часть сосудов была поставлена в жертвенник дополнительно, при одном из последующих подхоронений. Сосудик шаровидной формы, с невыраженным венчиком, плоским дном. Тесто желтовато-бежевое с темными пятнами на боках. Красноглиняный кубок в форме сапожка с вздернутым носком, с коническим корпусом и плоским поддоном. Корпус несимметричен, левая сторона более выпуклая (рис. 2, *12*). Кувшинчик с биконическим туловом, невысокой узкой горловиной. Тесто серо-бежевое (рис. 2, *13*). Различной величины розово-глиняные миски с прямыми или чуть закругленными стенками (рис. 2, *4—9*).



Разрез 1-1

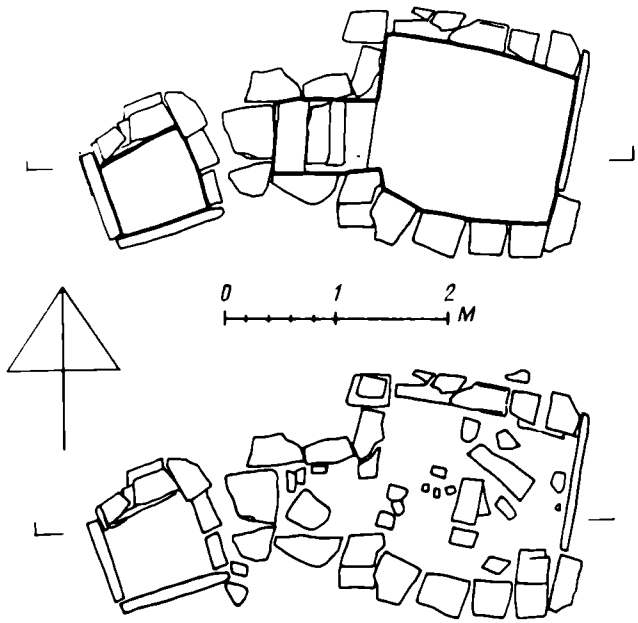


Рис. 5. План погребального сооружения 23

Розовоглиняная глубокая миска с загнутым внутрь венчиком, с небольшим плоским дном. У края венчика вертикальный налеп со сквозным отверстием (рис. 2, *11*). Розовоглиняная миска, сложнопрофилированная, стенки тулова прямые расходящиеся, горловина вогнутого профиля, венчик слегка отогнут; на горловине вертикальный налеп с отверстием; сосуд расписан красными полосками по горловине снаружи и внутри, по тулову проведены вертикальные полосы (рис. 2, *10*). Горловина розовоглиняного кувшина с винного цвета ангобом (рис. 2, *1*). Розовоглиняный фрагмент стенки «чайника» со свободно стоящим коротким сливом; на плечиках каплевидный вдавленный орнамент (рис. 2, *2*). Розовоглиняный широкогорлый горшок с округлым корпусом и отогнутым венчиком, плоским дном, в центре которого имеется круглое отверстие диаметром 1,5 см. Розовоглиняный горшок шаровидной формы с зауженной горловиной и выделенным венчиком. Фрагменты поддонов, венчиков, слив от «чайника» и др.

Склеп 23 (рис. 5) сооружен в форме неправильного прямоугольника, размером 1,55×1,15 м, глубиной 0,62 м, ориентирован по линии С—Ю. Перекрытие не сохранилось. Проход оставлен в западной стене, размеры его 0,45×0,55 м. Вертикальная плита, прикрывающая вход, не обнаружена. Остатки самого верхнего костяка плохой сохранности обнаружены в центре склепа, на глубине 0,55 м. Костные остатки в перемешанном виде разбросаны по всей камере на различной глубине, как и предметы материальной культуры. Сероглиняный горшок с округлым туловом, плоским, отогнутым наружу венчиком, плоским дном, в центре которого имеется отверстие диаметром 1,5 см. Сероглиняный «чайник» уплощенно-сферической формы, без выделенной головины; свободно стоящий слив расположен на плечиках, под ним зобовидное утолщение; придонная часть не сохранилась; сосуд опоясывают семь врезных

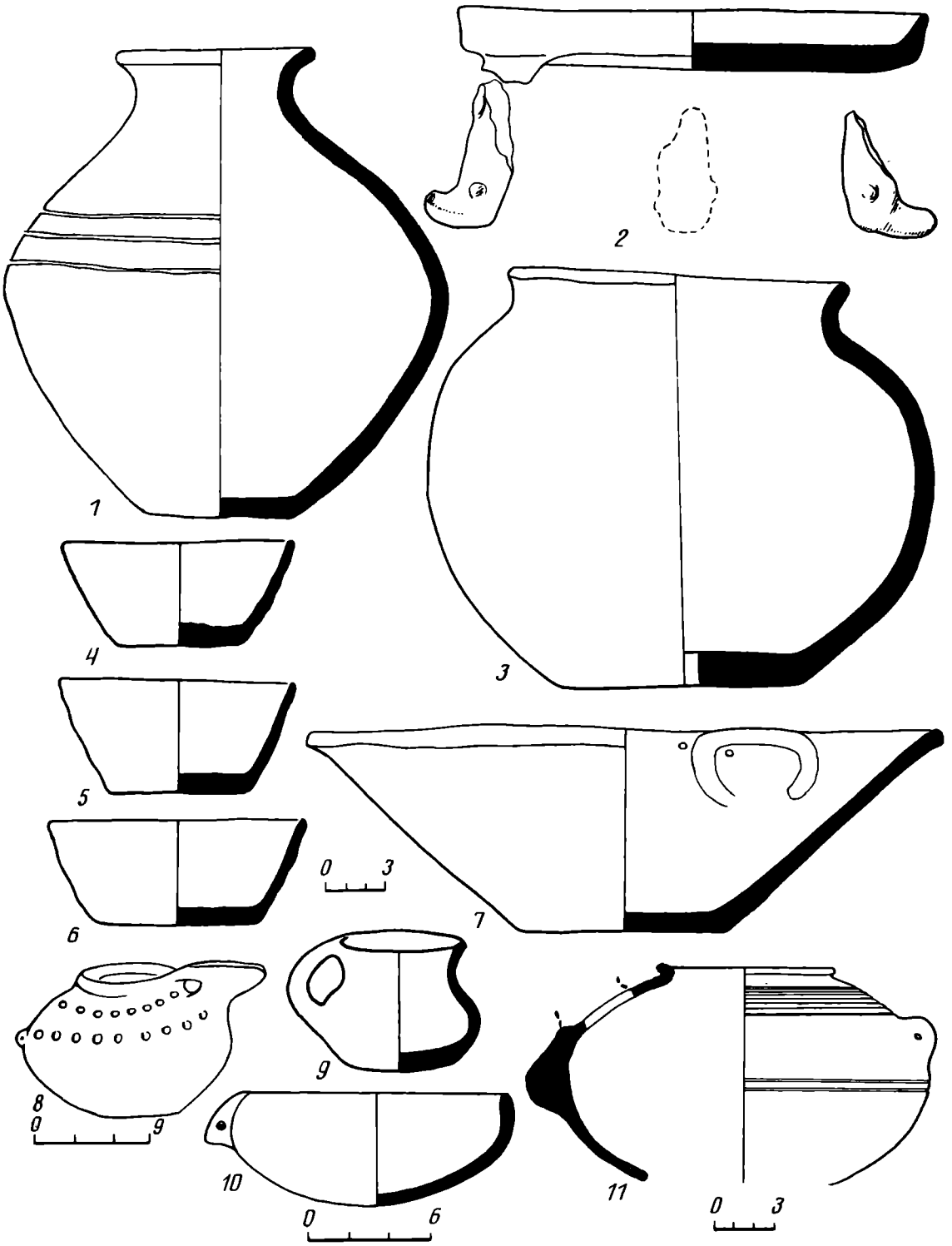
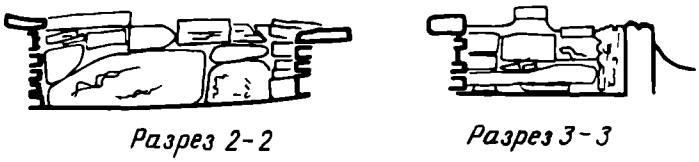
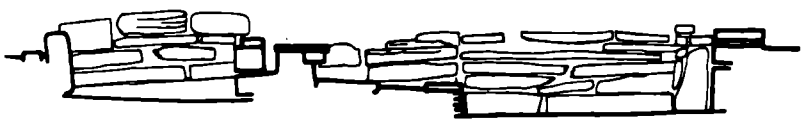


Рис. 6. Керамические изделия из склепа и жертвенника 23

желобков ниже венчика и два на линии наибольшего расширения тулова; на противоположной от слива стороне вертикальный налеп со сквозным отверстием (рис. 6, *11*). Сероглиняный одноручный сосудик типа кружки, с грушевидным туловом, ручка массивная, круглая в сечении, установлена у края венчика, нижним концом прикреплена к широкой части корпуса (рис. 6, *9*). Черноглиняная миска с пологими овальными стенками; на венчике налеп со сквозным отверстием (рис. 6, *10*). Серо-черная пологая миска с прямыми стенками, плоским дном, тщательно изготовленная. Фрагмент серо-черного сосуда с



Разрез 2-2 Разрез 3-3



Разрез 1-1

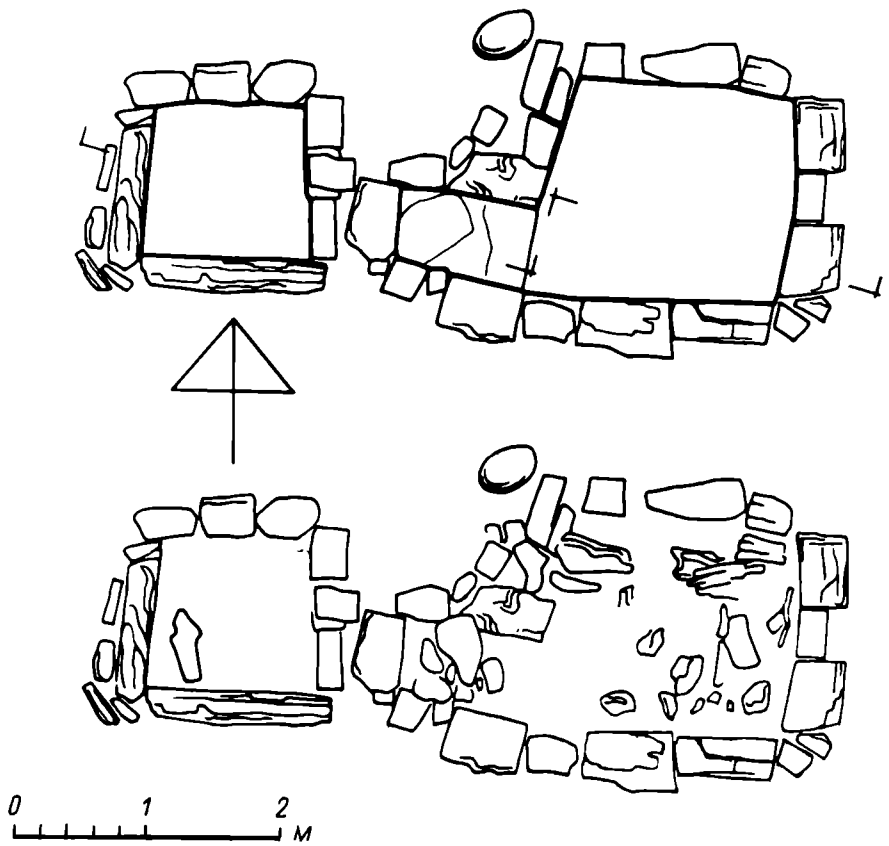


Рис. 7 План погребального сооружения 24

зубчатым орнаментом в виде двух параллельных линий и висячих треугольников. Фрагмент бронзового изделия длиной в 5 см, в сечении 2 мм; две бронзовые пуговицы диаметром 1,5 см, выпуклые, с петелькой на обратной стороне. Бусы сердоликовые, плохо обработанные: 45 экз., из раковин различной формы 46 экз., из крупных целых ракушек с отверстием 13 экз. и одна бронзовая круглая.

Жертвенник 23а (рис. 5) сооружен с западной стороны склепа, перед проходом, размеры: 1×0,8 м, глубина 0,5 м, ориентирован по линии СЗ—ЮВ. Три стены камеры сооружены из плоских, вертикально поставленных плит, четвертая сторона — из пяти рядов камней вперевязку. Перекрытие камеры не

обнаружено. На глубине 20—25 см находились керамические сосуды. Розовоглиняный широкогорлый горшок с шаровидным туловом, плоским, отогнутым наружу венчиком, плоским дном, в центре которого имеется отверстие диаметром 1,5 см (рис. 6, *3*). Серо-бежевый, ангобированный кувшин с зауженной горловиной и сильно отогнутым наружу венчиком; в верхней части тулова три врезные горизонтальные линии (рис. 6, *1*). Сероглиняная миска с прямыми стенками и отогнутым наружу венчиком, плоским, четко выделенным дном; на внутренней стороне у венчика имеется дуговидный налеп, один конец которого проходит между двумя сквозными отверстиями (рис. 6, *7*). Розовоглиняная подставка, плоская, с приподнятым на 2 см бортиком, на трех ножках в форме ноги с выделенной коленкой и косточками у щиколотки (рис. 6, *2*). Сероглиняные миски, плоскодонные, с неровными прямыми или чуть закругленными стенками; очень заметны следы формовки. Подобных мисок обнаружено 10 экз. (рис. 6, *4—6*). Черноглиняный «чайник» с шаровидным, несколько уплощенным туловом, с низким прямым невыраженным венчиком, слив прямой вытянутый, желобок соединен с венчиком «мостиком»; на противоположной от слива стороне корпуса вертикальный налеп со сквозным отверстием; в верхней половине корпуса орнамент из двух рядов круглых вдавлений (рис. 6, *8*). Грубо изготовленная сероглиняная чашечка с низкими овальными стенками, плоским дном. Сероглиняный сосуд цилиндрической формы в виде стакана с прямыми стенками, плоским дном. В северо-западном и юго-западном углах жертвенника обнаружены две бронзовые подвески. Они представляют собой полые фигурки птиц с треугольными щелевыми прорезями (рис. 4, *5—6*).

Склеп 24 (рис. 7) размером 1,65×1,6—1,9 м, глубиной 0,65 м, ориентирован по линии С—Ю. Проход (1×0,5 м) оставлен в юго-западном углу склепа. Дно прохода на 10 см выше дна склепа. Одна из плит перекрытия склепа сломана и провалилась внутрь. С самых верхних слоев начали попадаться фрагменты керамики, бронзы и бусы. У северо-восточной стены и в центре склепа под упавшей плитой сохранились перемешанные костные остатки и большое количество разбросанных в беспорядке бронзовых предметов, не тронутых при последующих вторжениях. Выпуклая пуговица с четырехчастным орнаментом в виде двойных завитков, обратная сторона заполнена плотной массой, в центре чуть выступает петелька (рис. 4, *12*). Массивная плоская бронзовая пуговица с загнутыми на обратную сторону краями и небольшой петлей в центре (рис. 4, *13*), выпуклая пуговица с орнаментом из концентрических кругов, на обратной стороне в центре широкая петля. 24 мелкие выпуклые пуговички 0,5 см в диаметре, с перекладиной на обороте, выполняющей роль петли (рис. 4, *7*). Четыре полукруглые бронзовые серьги, по диаметру проволока изогнута в форме меандра (рис. 8, *9*). Пара серег с симметрично нанизанными на бронзовую проволоку сердоликовыми и ракушечными бусами, с бронзовой подвеской в виде грозди винограда в центре (рис. 8, *13*). Серьга с бусами и меандровым украшением (рис. 8, *11*). Сережки — одна с сердоликовой бусиной, другая с ракушкой на бронзовой проволоке (рис. 8, *10*). Шесть бронзовых браслетов с чуть или до половины диаметра заходящими концами (рис. 8, *14, 16*). Три колечка из тонкой проволоки. Плоская круглая подвеска-медальон с петелькой, с лицевой стороны имеется рельефный ободок (рис. 8, *12*). Четыре заколки, утолщенный конец которых закруглен и украшен тремя врезными линиями (рис. 8, *1—3*). Четыре заколки с цепочками, закрепленными на утолщенном конце (рис. 8, *4—5*). Гривна из круглой в сечении проволоки, 15 см в диаметре. Две стрелы подтреугольной формы, с прямо срезанным основанием и чуть опущенными концами крыльев, четырехгранным черенком, рельефно выступающим до острия (рис. 8, *6—7*). Кинжал с плоским цельнолитым основанием рукоятки, с захватами для закрепления обкладки; под захватами местами сохранились частицы деревянной обкладки (рис. 8, *8*). В большом количестве различных форм бусы из различного материала. Керамический материал представлен многочисленными фрагментами серо-, черно- и розовоглиняных

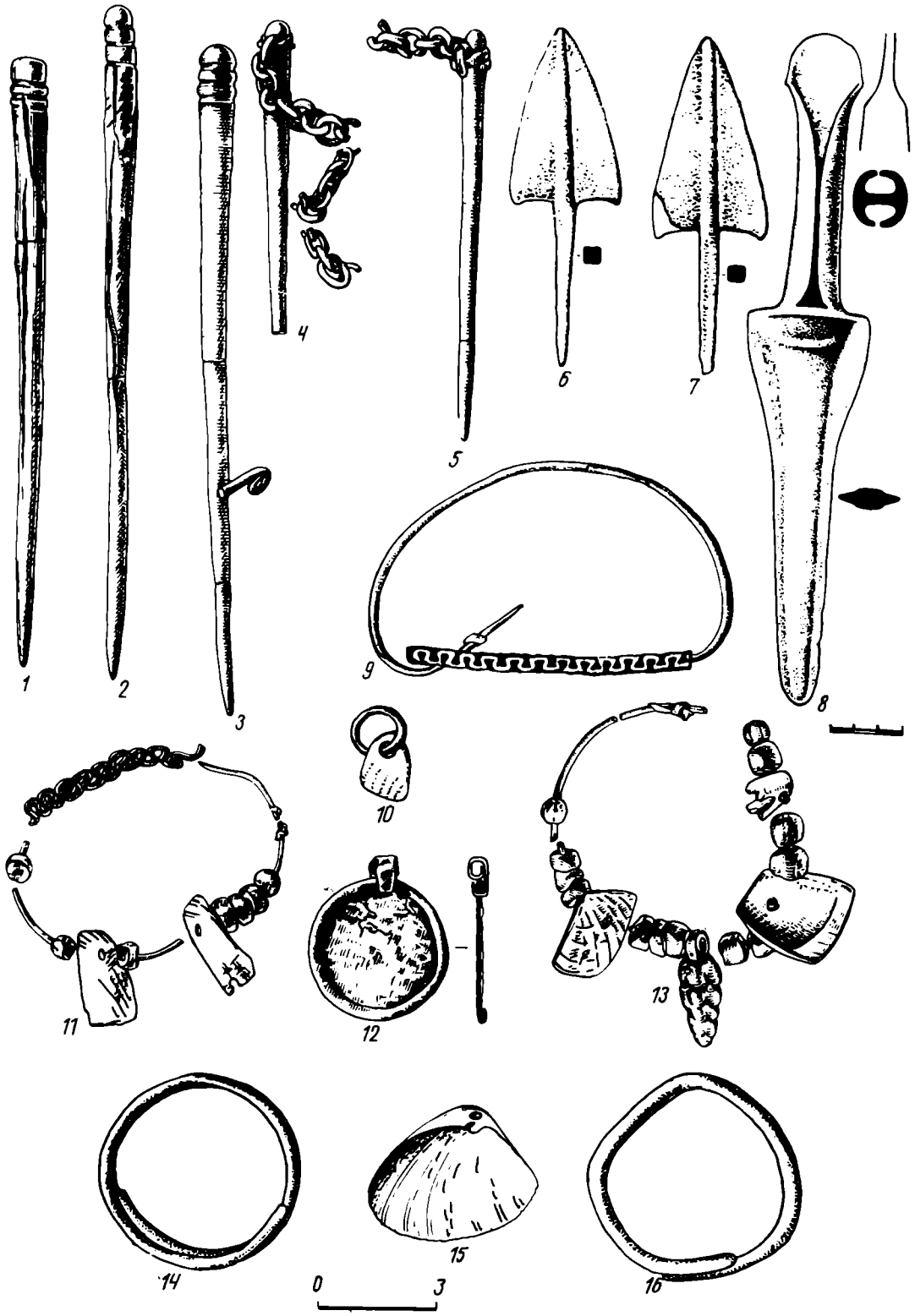


Рис. 8. Бронзовые украшения из склепа 24

изделий, повторяющих формы изделий из жертвенника. Сливы от «чайников» свободностоящие, как прямые с зобовидным утолщением у основания слива, так и изогнутые книзу в виде клюва (рис. 3, *2, 4*). Оригинальна довольно реалистично изготовленная скульптурная нога с плоской ступней и выступающей коленкой, служившая, по-видимому, ножкой от подставки, тесто желтоорозовое (рис. 3, *10*).

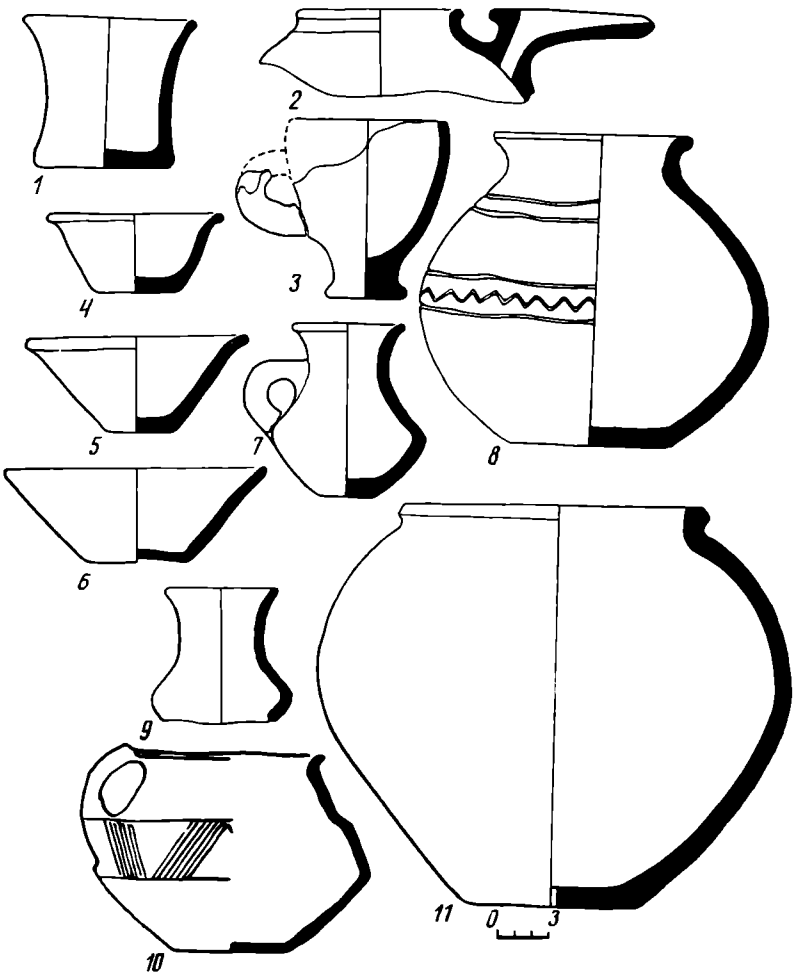


Рис. 9. Керамические изделия из жертвенников 24, 25

Жертвенник 24а (рис. 7), размером 1,2×1,1 м, глубиной 0,5 м, находился на расстоянии 0,8 м от входа с западной стороны, ориентирован по линии С—Ю, часть камеры была перекрыта плитами. Южная и западная стены были сооружены из вертикально поставленных плит, две другие — из пяти рядов кладки вперевязку. Жертвенник содержал как розовоглиняные, так и серо-черные сосуды, поставленные иногда один в другой, многие раздавлены. Сосуды сосредоточены в юго-восточной части камеры. Розовоглиняный широкогорлый горшок с плоским краем венчика, дно отбито. Сероглиняный кувшин с высокой цилиндрической горловиной и отогнутым наружу венчиком, дно отбито (рис. 9, *9*). Сероглиняный одноручный сосуд на короткой цельной ножке, ручка петлевидной формы низко посажена (рис. 9, *3*) Сероглиняный кувшин с биконическим туловом, зауженной горловиной, отогнутым венчиком, петлевидной ручкой (рис. 9, *7*) Сероглиняная миска с прямыми стенками и невыраженным венчиком, дно плоское; ниже венчика вертикальный налеп со сквозным отверстием. Розовоглиняный широкогорлый горшок с отогнутым венчиком, плоским дном, в центре которого имеется отверстие диаметром 1,5 см (рис. 9, *10*); сероглиняный сосуд вогнутого профиля, плоскодонный (рис. 9, *1*); сероглиняный ангобированный сосуд с шаровидным туловом, узким горлом и отогнутым наружу венчиком; горловина и тулово опоясаны двумя врезными линиями, между которыми проходит волнистая линия (рис. 9, *8*). Сероглиняные миски усеченно-конической формы (рис. 9, *4—6*). Фрагменты черноглиняной подставки с прямой ножкой и приподнятым на 1,5 см бортиком. Фрагменты розовоглиняной вазы на

цилиндрической ножке, на корпусе вертикальный налеп со сквозным отверстием. Фрагмент сероглиняного «чайника» с невысокой прямой горловиной, слегка отогнутым наружу округлым венчиком; слив прямой, свободностоящий; в основании слива плоская прямоугольная площадка (рис. 9, *2*).

Склеп 25 построен в форме трапеции, вытянутой с запада на восток. Северная и южная стены имеют по 2,6 м длины, западная — 1,4 м, восточная — 0,9 м. Глубина склепа 0,65 м. Входной проем и жертвенник отсутствуют. Перекрытие склепа разрушено. В заполнении обнаружены перемешанные остатки нескольких костяков и фрагменты керамики. Фрагмент черноглиняного кувшинчика с отогнутым венчиком. Сливы от «чайников» — розовоглиняный короткий сильноскошенный (рис. 3, *3*) и сероглиняный короткий кососрезанный цилиндрический носик (рис. 3, *5*). Фрагмент розоволиняной миски с оттянутым от венчика «ушком» с отверстием. Фрагмент коричневоглиняного сосуда с орнаментом из волнистых линий и точек; фрагмент плоской подставки и др.

Склеп 25 (1) примыкал к склепу 25 с восточной стороны и первоначально был принят за жертвенник. Сооружен в форме четырехугольника со сторонами: северной — 1,9, южной — 1,6, восточной, составленной из вертикально поставленных плит,— 1,8 и западной — 1,55 м. Перекрытие склепа не обнаружено. Вместе с плохо сохранившимися костными остатками обнаружены сероглиняная петельчатая ручка, круглая в сечении, с треугольным выступом на верхней части; фрагмент розоволиняной подставки с приподнятым бортиком; фрагмент тонкостенного розоволиняного сосуда с зауженной горловиной. Из разбросанных фрагментов удалось собрать лишь один целый сероглиняный сосуд сложнопрофилированный с одной ручкой; придонная часть его усеченно-конической формы, центральная часть выделена двумя перегибами, венчик отогнут наружу, ручка четырехгранного сечения; на центральной части тулова врезной орнамент в виде треугольников, образованных несколькими параллельными линиями (рис. 9, *11*). В обеих камерах найдены фрагменты бронзовых предметов, сердоликовые, ракушечные и бронзовые бусы.

Материалы, выявленные на некрополе Мунджуглу-Тепе, в основных своих формах характерны для зоны Нахичеванской АССР конца II — начала I тыс. до н. э. Как известно, распространенная на этой территории с начала II тыс. до н. э. расписная керамика приходит в упадок к началу эпохи раннего железа [1, с. 201, 202], и из-за скудости материалов этот период не мог быть освещен в достаточной степени. Исследования, проведенные на некрополе Мунджуглу-Тепе, восполняют существующий пробел, позволяя проследить принятый в этом регионе обряд, особенности ритуала и традицию ремесленного производства.

Среди керамического и металлического инвентаря некрополя Мунджуглу-Тепе представлены как уже известные формы из Кызыл-Ванка [2, с. 3—5], Шахтахты [3, с. 249—262; 4, с. 27—37], Кюль-Тепе I [1, табл. XXIX—XXX] и других случайных находок, так и большое количество изделий с рядом особенностей, которые свидетельствуют о дальнейшем развитии наблюдавшейся культурной традиции.

Как уже отмечалось, керамика некрополя Мунджуглу-Тепе представлена серо-черными и розоволиняными изделиями без росписи. Наряду с такими распространенными в предыдущий период изделиями, как «чайники» со свободно стоящим сливом и нанесенным краской геометрическим орнаментом появляются монохромные «чайники» со сливом, соединенным с краем венчика мостиком. Впервые встречаются миски с дуговидным налепом на внутренней стороне стенки у венчика. Кувшины с ручками, шаровидным туловом и высокой раструбной горловиной, также характерные для Северо-Западного Ирана, на Мунджуглу-Тепе изготовлялись без поддона. Подобные изделия хорошо известны из объектов бассейна оз. Урмия, датируемых железным веком I и II (1250—1000, 1000—800 гг. до н. э.). Нужно отметить, что параллели с керамикой Северо-Западного Ирана [5, с. 195—203; 6, с. 53—86; 7, с. 35—

85] можно проследить на большинстве керамических форм некрополя, в то время как они почти полностью отсутствуют в закавказском материале.

Украшения имеют множество параллелей как с формами, известными в Северо-Западном Иране, так и в Закавказье. Вместе с тем типы оружия сопоставляются в основном с закавказскими типами. Кинжалы (еще один обнаружен в склепе № 13 с цельнолитой рукоятью с захватами и навершием [8, рис. 6] близки к третьему, более позднему типу мингечаурских кинжалов [9, с. 78, табл. XIII, *4, 5, 8, 9*], датируемых IX—XIII вв. до н. э. К закавказским типам [9, табл. XV, *10;* 10, с. 72—74] относятся также наконечники стрел из склепа 24, хотя встречается (склеп 33) форма, близкая к листовидным наконечникам стрел, известным из Ирана [11, с. 26, 12, рис. 14]

Особый интерес представляет устройство погребальных сооружений. Обычай подхоронения в склепах и выделение отдельных камер для сосудов с пищей были приняты у населения этой зоны уже с начала I тыс. до н. э. На некрополе Мунджуглу-Тепе вводятся новые элементы — проход и входной проем, благодаря которым стало возможным совершать повторные подхоронения, не нарушая перекрытий склепа.

Приведенные материалы вместе с материалами, выявленными из других погребений некрополя Мунджуглу-Тепе, позволяют датировать его VIII—VI вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абибуллаев О. А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982.
2. *Спицын А.* Некоторые закавказские могильники // ИАК. Вып. 29. СПб., 1909.
3. *Алекперов А. К.* Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство // СА. 1937. № 4.
4. *Абибуллаев О. А.* Материалы Шахтахтинского погребения // Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук. 1961. № 5.
5. *Dyson R. H.* Problems protohistoric Iran as seen from Hasanlu // JNES. 1965. V XXIV № 3.
6. *Young T.* Cuyler. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran 1500—500 B. C. // Iran. 1965. V. III.
7. *Muscarella O. W* The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran // MMJ. 1974. V. 9.
8. *Kashkay S., Aslanov G.* New Archaeological Finds in Soviet Azerbaijan // AfO. 1982. Beiheft 19.
9. *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур. Баку, 1959.
10. *Погребова М. Н.* Иран в Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977
11. *Медведская И. А.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тыс. до н. э. // СА. 1980. № 4.
12. *Medvedskaya I. N.* Iran: Iron Age I // BAR Internat. Ser. 126. 1982.

Институт истории АН Азерб. ССР, Баку

G. ASLANOV, S. KASHKAY

BURIALS OF MUNJUGLU-TEPE NECROPOLIS

The necropolis of Munjuglu-tepe is placed on a hill 60-40 m in diameter situated to the south-east of the village of Sabir-Diza, Nakhichevan Autonomous Republic, Ordubad district. During the investigation of the surface a necropolis was discovered. The burials were arranged in rows orientated from north to south, each row numbering 5 to 7 stone burial constructions. Sometimes the lower part of the walls was built of slabs standing on their edges, and the upper part was constructed of stones. These cists were covered with large stone slabs and encircled with small stones. Each cist contained two rooms, the rectangular one was a sepulchre, where the dead and the funeral gifts were placed. It measured 0,7 to 1m in depth. The second room was quadrat-shaped, up to 0,5m deep. It is considered to be an offering-place and contained set of pottery. In the west wall of each cist (sometimes in the east one) there was an entrance, closed with a vertical slab. The number of skeletons in a cist reached 14. In the article the most interesting materials of the cists Nos. 22-25 are published. The pottery of Munjuglu-tepe necropolis has a lot of analogies from North-west Iran. The parallels for the ornaments also can be traced there and in Transcaucasia, but the weapons are similar to those of Transcaucasian types. The authors suggest the date of the 8th-6th centuries B. C. for the site.

А. П. АБРАМОВ, А. А. МАСЛЕННИКОВ

АМФОРЫ V В. ДО Н. Э. ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ НА МЫСЕ ЗЮК

Поселение на мысе Зюк (Зенонов Херсонес) занимает площадь около 1 га, исследовалось с 1978 до 1984 г.

На памятнике представлены слои от начала V в. до н. э. до первой трети VI в. н. э., причем строительные остатки в основном относятся к первым векам нашей эры. Слой V в. до н. э. зафиксирован в ряде мест, главным образом у берегового обрыва в юго-восточной части мыса. Мощность этого слоя, образовавшегося вследствие долговременного сбрасывания золы и мусора, достигает 1,5 м. Он насыщен многочисленными фрагментами амфор, простой столовой, кухонной и чернолаковой посуды, что позволяет уверенно коррелировать датировки отдельных категорий вещей. Строительных остатков V в. до н. э. пока не выявлено.

Данная статья посвящена анализу амфорной тары (около 100 фрагментов нижних и 35 фрагментов верхних частей сосудов, которые дают весьма представительную выборку) из вышеописанного слоя. Массовость рассматриваемой группы материала гарантирует от неточностей, неизбежно возникающих при датировке слоев по немногочисленным индивидуальным находкам, а возможность сопоставления полученного результата с датировкой по другим категориям находок позволит проверить и уточнить выводы, сделанные при анализе амфорного материала. Необходимо отметить в качестве характерной черты слоя V в. до н. э. наличие большого количества крупных фрагментов, что значительно облегчает задачу сопоставления с целыми формами амфор.

При сборе подъемного материала обнаружен пока единственный фрагмент амфоры, относящийся еще ко второй половине VI в. до н. э. Ножка (рис. 1, *1*) изготовлена в виде кольцевого поддона (высота 4,6, диаметр 9,35 см), расширяющегося книзу. Выемка в разрезе трапециевидная. Переход от донной части к внутренней образующей поддона резкий. Имеется грань при переходе выпуклой нижней образующей поддона к вогнутой внешней образующей. Глина красная с характерным серым запалом в центре и включениями песка и блесток слюды. Целые амфоры этого типа найдены в Болгарии [1, № 69—71] и Клазоменах [2, рис. 13]. Ближайшие аналогии происходят из материалов Торика [3, с. 122, табл. 11, 12] и Ягорлыкского поселения [4, с. 287, 288, рис. 2, 7] Эти амфоры, вероятно, производились в Клазоменах [5, с. 31, рис. 18].

Фрагменты керамической тары, найденные в слое V в. до н. э., можно разделить на две хронологические группы.

I *хронологическая группа* (вторая — начало третьей четверти V в. до н. э.) Для определения даты начала массового поступления товаров в керамической таре в район поселения на мысе Зюк важной представляется хронология позднего варианта раннего типа хиосских пухлогорлых амфор по И. Б. Брашинскому [6, табл. III, рис. 11, *а, б, е*; 7, с. 15, 16] или типа V по В. В. Рубану [8, с. 107]. К данному типу относятся 20 ножек и восемь фрагментов верхних частей сосудов (рис. 2). Все ножки изготовлены в виде кольцевого поддона, расширенного в нижней части. Исходя из метрических и морфологических признаков, их представляется возможным разделить на шесть вариантов.

Вариант 1. Ножки высотой 4,2—5,5 диаметром 6,0—6,2 см (рис. 2, *1*). Выемка сохраняет грибовидность, характерную для более раннего типа, переход от выпуклой нижней образующей поддона к внешней образующей обозначен гранью (3 экз.).

Вариант 2. Ножки высотой 3,6—5,3, диаметром 5,8—6,1 см (рис. 2, *2*). Выемка грибовидная, имеется грань при переходе нижней образующей к внеш-

© А. П. Абрамов, А. А. Масленников, 1991 г.

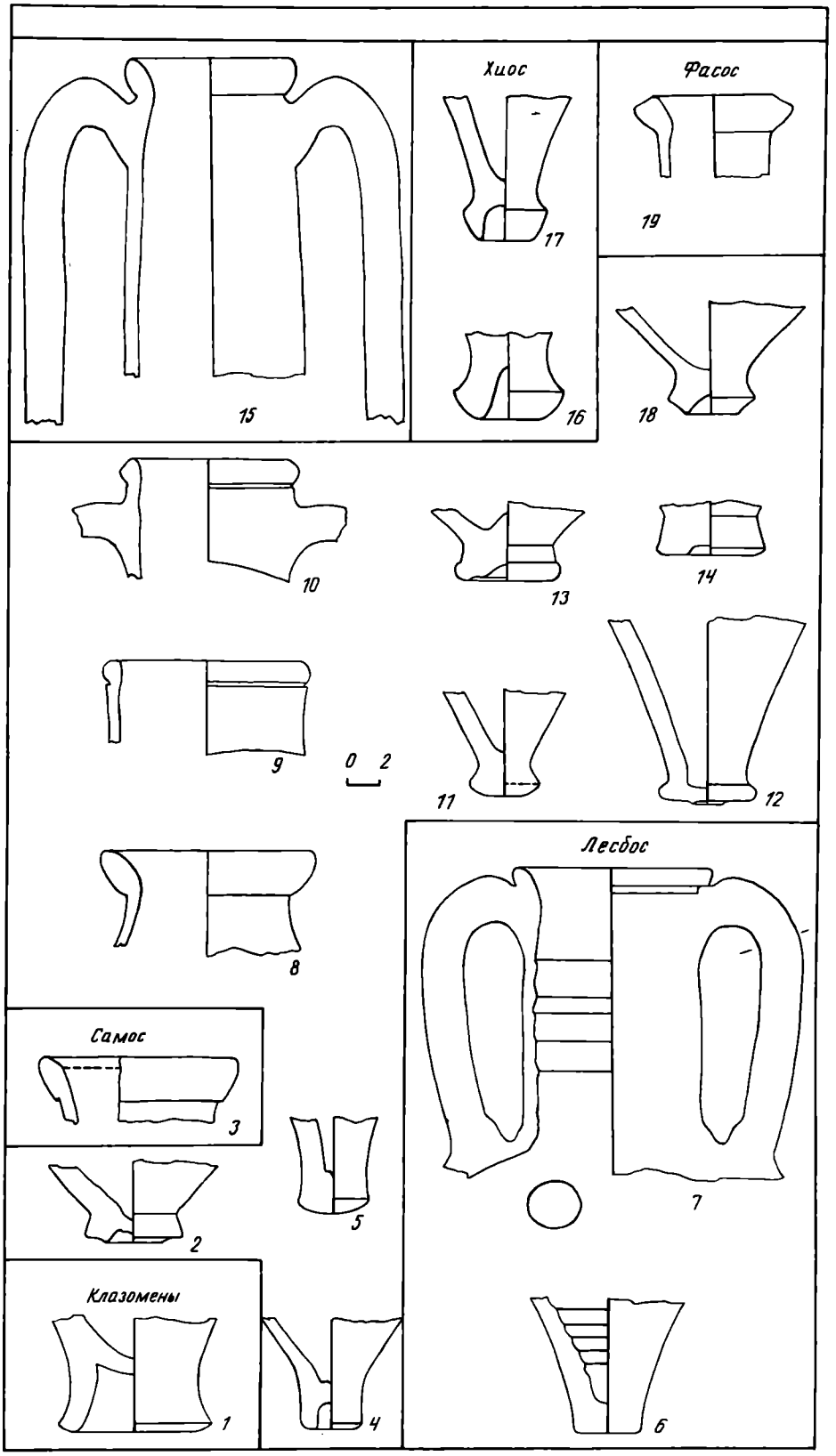


Рис. 1. Фрагменты амфор VI—IV вв. до н. э.

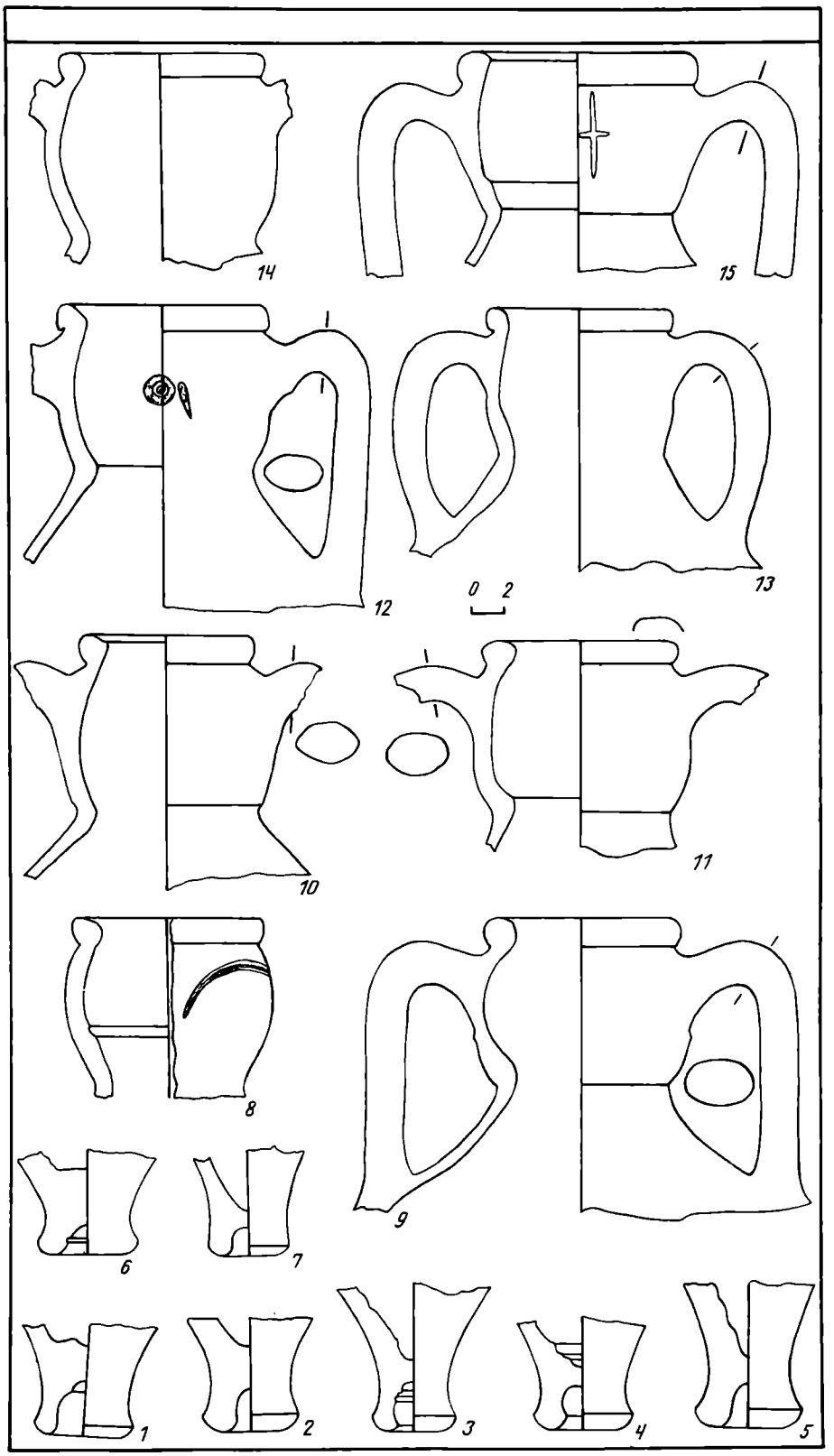


Рис. 2. Фрагменты хиосских амфор второй четверти — середины V в. до н. э.

ней. Разница максимального диаметра и диаметра перехвата составляет 1 см, у предыдущего варианта — 0,5 см (3 экз.) [9, рис. 5, 6]

Вариант 3. Ножки высотой 3—4, диаметром 5,2—5,6 см (рис. 2, *3*). Выемка грибовидная, выпуклая нижняя образующая поддона отделяется двумя гранями от вогнутых внешней и внутренней образующих. Вероятно, принадлежат сосудам объемом около 10 л [6, табл. IV, рис. 11, *е*] (2 экз.).

Вариант 4. Ножки высотой 3,7—4,5, диаметром 6,0—6,7 см (рис. 2, *4*) Отличаются от варианта 3 только размерами. Принадлежат сосудам с объемом около 20 л [10, приложение 1, № 36, 56, с. 172] (6 экз.).

Вариант 5. Ножки высотой 3,8—7,7, диаметром 6,4—6,9 см (рис. 2, *5*). Выемка на подошве конусовидной формы. Выпуклая нижняя образующая при переходе к вогнутой внешней образующей поддона образует резкую грань (4 экз.)

Вариант 6. Ножки высотой 3,6, диаметром 6,0—6,2 см (рис. 2, *6*). Отличается от предыдущих отсутствием граней, но на внутренней образующей имеется характерный желобок. Данный вариант встречен при раскопках Торика [3, табл. IV, 24, табл. VI, 23], только без желобка (2 экз).

Вариант 7. Представлен единственным экземпляром. Высота 2,7, диаметр 5 см. Ножка почти цилиндрическая. Разница между максимальным диаметром и диаметром перехвата составляет 0,3 см. Выемка грибовидной в сечении формы (рис. 1, *7*) [8, рис. 5, 7]

Горла хиосских амфор имеют характерную припухлость, которая резко отделяется от верхней части корпуса сосуда, а также сдавленность со стороны ручек. Высота их 9,5—11,0 см. Венчики в сечении иногда приближаются к кругу (рис. 2, *9, 10, 14*), но встречаются близкие к треугольной форме с закругленными углами (рис. 2, *8, 12*), с ребром или выступом при переходе внутренней образующей к верхней (рис. 2, *10, 15*). Встречаются дипинто красной краской в виде дуги (рис. 2, *8*) [11, с. 58, 62, табл. 1, *5*], креста (рис. 2, *15*) [11, рис. 2, 8; 12, с. 97, рис. 33; 13, с. 12, рис. 3, 5] и кружка с точкой в центре (рис. 2, *12*). Нельзя не обратить внимание на полное отсутствие орнаментации по венчику и ручкам, столь характерное для хиосских амфор конца VI — начала V в. до н. э.

На основании приведенных аналогий можно заключить, что начало массового поступления товаров в хиосских амфорах на поселение, расположенное на мысе Зюк, синхронно последнему периоду существования архаических поселений на хоре Ольвии, поселений Нижнего Поднестровья, Торика, а также верхнему слою кепского амфорного склада, датированному первой половиной V в. до н. э. [10, с. 132; 12, с. 9—16; 14, с. 120] Все амфоры верхнего ряда имели знаки в виде крестов, прочерченных линий и клейма в виде кружков, в то время как амфоры нижнего ряда имели стандартную окраску, но не имели ни крестов, ни знаков.

Для определения абсолютной даты данного типа хиосских амфор важную информацию дают комплексы второй четверти V в. до н. э.: из кургана 401 у с. Журовка [15, с. 15, 16, рис. 34], кургана 15 1966 г. Елизаветовского могильника [16, с. 114—116, рис. 44], кургана 1G Марицинского могильника [17, рис. 9, 10, с. 12, 15]; комплекс N 7: 3 Афин 460—440 гг. до н. э. [см. 18, с. 104, рис. 40, № 152]; комплекс, датирующийся около 430 г. до н. э., из Коринфа [19, с. 78, 79, рис. 1] Приведенные данные заставляют несколько расширить общепринятую хронологию этого типа, включив в нее и начало третьей четверти V в. до н. э.

Керамическая тара о. Лесбос представлена двумя фрагментами. Горло (высота 17, диаметр по венцу 12,4 по устью 11,2 см) имеет характерную припухлость в средней части и заканчивается валикообразным венчиком с рельефным уступом под валиком. Ручки в сечении круглые, диаметром 3 см. Параметры и форма горла по аналогии с афинским материалом дают дату 470—460 гг. до н. э. (рис. 1, *7*) [20, с. 265, рис. 70, *5*] Ножка лесбосской амфоры имеет плоскую

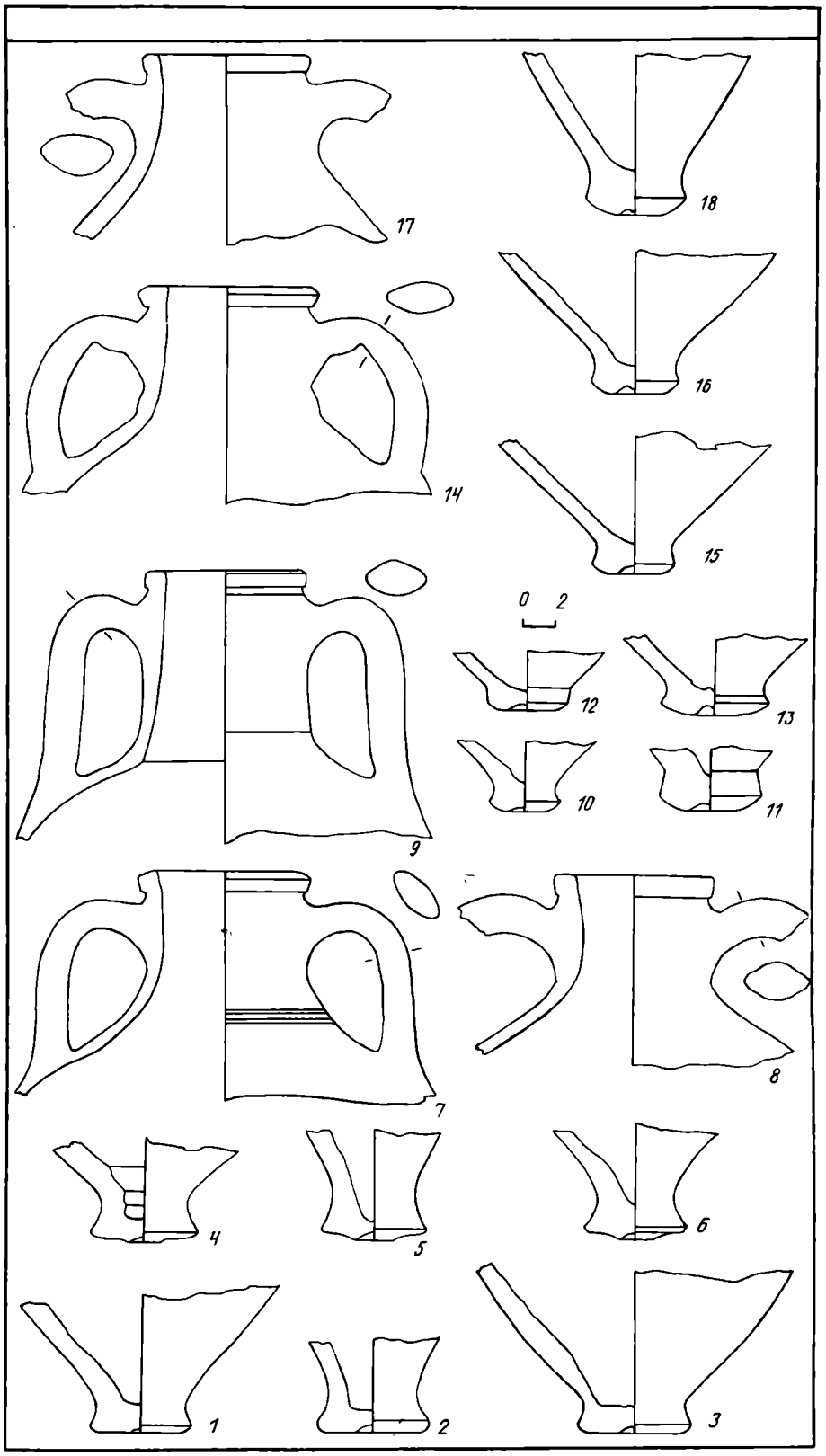


Рис. 3. Фрагменты амфор круга Фасоса первой половины V в. до н. э.

подошву диаметром 4,4 см, высота ножки 1,85 см. Диаметр ножки для данного центра является важным хронологическим признаком. Это заставляет отнести рассматриваемый фрагмент ко второй половине V в. до н. э., скорее к концу столетия [1, с. 21, № 91, 94—96] Оба фрагмента изготовлены из мелкозернистой серой глины с блестками слюды.

Три ножки (рис. 3, *1—3*) высотой 1,3—1,9, диаметром 6,2—7,0 см принадлежат сосудам с корпусом пифоидной формы. Они имеют в разрезе вид усеченного конуса, расширяющегося книзу. В центре подошвы неглубокая выемка диаметром 1,6—2,4 см. Форма ножки, выемки и характер глины (красно-коричневая с примесью песка и блестками слюды) позволяют предположить, что они относятся к производству г. Менды. Аналогичные по форме ножки найдены в ранних слоях Мирмекия и Тиритаки [21, с. 45, рис. 44; 22, рис. 50, *2*].

Очень близки вышеописанным две ножки (рис. 3, *4*) высотой 1,1—1,6, диаметром 6,7—6,8 см. Их отличает выпукло-вогнутая форма подошвы. Они изготовлены из красно-бурой глины с песком, белыми включениями и покрыты светло-желтым ангобом. Аналогичную ножку имеет амфора, хранящаяся в Керчи [6, табл. VII, рис. 18, *б*]. Исходя из типологического развития керамической тары Менды, рассматриваемые образцы можно датировать второй четвертью, серединой V в. до н. э. (амфоры третьей четверти V в. до н. э. имеют уже короткий цилиндрический ствол).

Две ножки сходной профилировки принадлежат амфорам с коническим корпусом. Первая (высотой 1,1, диаметром 6,2 см) имеет полусферическую выемку, которая образует плавный выступ на подошве с вогнутой нижней образующей. Глина красно-бурая с блестками слюды (рис. 3, *5*). Вторая (высотой 1,9, диаметром 6,2 см) имеет сходную профилировку подошвы, однако в отличие от предыдущей снабжена пояском, проходящим по наиболее расширенной части основания. Глина светло-коричневая с белыми включениями и покрыта светло-желтым ангобом.

Ножки амфор, имеющие в разрезе форму усеченного конуса, расширяющегося книзу, выпуклую подошву с выемкой в центральной части, разделяются на следующие варианты.

Вариант 1. Ножка высотой 2,3, диаметром 6,4 см (рис. 3, *11*). Отличается прямой внешней образующей, которая резко отделяется от нижней части корпуса. Глина серая с блестками (1 экз.).

Вариант 2. Ножка высотой 1,5, диаметром 6,5 см (рис. 3, *13*). Выделяется из последующих только на основании метрических признаков. Изготовлена из светло-коричневой глины с блестками слюды (1 экз.).

Вариант 3. Ножки высотой 1,1—1,9, диаметром 5,1—5,6 см (рис. 3, *15, 16*). Выпуклая нижняя образующая резко отделяется от вогнутой внешней резкой гранью, которая проходит на высоте 0,4—0,9 см. Глина светло-коричневая с блестками слюды (4 экз.).

Вариант 4. Отличается от предыдущего только размерами (рис. 3, *10*). Высота ножки 1,8, диаметр 4,5 см (1 экз.).

Вариант 5. Ножки высотой 1,7—2,9, диаметром 6,0—6,2 см (рис. 3, *18*). Принадлежат в отличие от предыдущих вариантов амфорам с коническим корпусом. Глина светло-коричневая или розовая с блестками слюды (3 экз.).

Две ножки имеют в сечении форму, близкую цилиндрической (рис. 3, *12*). Вогнутая подошва с выемкой в центре резко отделяется от прямой внешней образующей. Четко просматривается на внешней поверхности место соединения ножки с нижней частью тулова. Высота 1,1—1,7, диаметр 5,0—5,2 см. Глина светло-коричневая с включениями слюды и белых частиц. Поверхность покрыта светло-желтым ангобом (2 экз.).

Верхние части сосудов, которым соответствуют, вероятно, рассмотренные выше ножки (рис. 3, *1—6, 10—13, 15, 16, 18*), делятся на пять вариантов.

Вариант 1. Горло с диаметром устья 7,2 см и диаметром по венчику 10 см плавно соединяется с корпусом сосуда (рис. 3, *8*). Венчик в разрезе приближается к форме прямоугольника, все образующие прямые, переходы между ними плавные. Ручки, овальные в сечении, профилированы пологим валиком по внешней поверхности [23, табл. 20, 3] Глина красная, грубая, слоистая, с включениями крупных частиц кварцевого песка, известняка и блестками слюды (1 экз.).

Вариант 2. Диаметр устья 8,0—8,4, диаметр по венчику 10,4—11,0 см. Горло плавно соединяется с корпусом. Венчик в разрезе приближается к форме прямоугольника, все образующие прямые, переходы между ними плавные. Ручка в сечении приближается к треугольной форме (рис. 3, *17*). Глина красно-коричневая с включениями известняка и блестками слюды (2 экз.).

Вариант 3. Диаметр устья 8,6, диаметр по венчику 11 см. Горло более высокое, чем у вариантов 1 и 2, плавно соединяется с верхней частью корпуса. Венчик в разрезе имеет форму четырехугольника. Почти прямая внутренняя образующая резко отделена от верхней, скошенной наружу. Четкая грань отделяет также верхнюю и наружную образующие венчика. Ниже верхнего края венчика (на 9—10 см) проходят две узкие полосы, нанесенные красной краской, что является характерной орнаментацией для керамической тары Менды второй половины V в. до н. э. Ручки овальные в сечении. Глина красная с песком и блестками слюды (3 экз.) (рис. 3, *7*).

Вариант 4. Диаметр устья 7,2, диаметр по венчику 11,5 см (рис. 3, *14*). Горло расширяется книзу и плавно соединяется с верхней частью тулова. Венчик в разрезе имеет форму пятиугольника. Все образующие — прямые, грани четко отделяются друг от друга. Ручка в сечении овальная. Глина красновато-оранжевая с белыми включениями и слюдой (1 экз.).

Вариант 5. Горло высотой 12, диаметром устья 7,8—8,0 см (рис. 3, *9*). Горло постепенно расширяется книзу. Переход к тулову хорошо читается на внутренней поверхности. Венчик в разрезе имеет форму пятиугольника. Все образующие прямые, отделяются гранями. Между верхней и наружной образующими угол подрезан острым инструментом. Ручки в сечении овальные. Глина светло-коричневая с мелкими белыми включениями (2 экз.).

Обращают на себя внимание две ножки (рис. 1, *2*), по своей профилировке напоминающие ножки самосских амфор конца VI — начала V в. до н. э. Высота 1,3—1,4, диаметр 5,6—6,0 см. Выемка трапециевидной в сечении формы резко отделяется от вогнутой нижней образующей. Прямая внешняя образующая отделяется гранями от нижней образующей поддона и нижней части корпуса сосуда. Изготовлены они из светло-коричневой или желтовато-коричневой глины с песком и слюдой. В одном случае прослеживается светло-желтый ангоб. Не представляется возможным в настоящее время уверенно сопоставить их с каким-либо типом амфор Самоса. От более ранних вариантов они отличаются пропорциями поддона и выемки и небольшими размерами. Близкая аналогия обнаружена в слоях Мирмекия [24, рис. 32] Из подобной глины изготовлен и массивный, вытянутый по вертикальной оси венчик. Диаметр устья 8,6, диаметр по валику 12,5 см. Его, вероятно, можно датировать временем около середины V в. до н. э. [25, рис. 3, *1*]

Еще две расширяющиеся книзу ножки амфор изготовлены в виде кольцевых поддонов с четкой профилировкой. Более массивная ножка (рис. 4, *2*) диаметром 6,2 и высотой 1 см имеет очень маленькую (высотой 0,3 см) трапециевидную в сечении выемку. Внешняя образующая резко отделена от нижней образующей и нижней части корпуса сосуда. Вторая (рис. 4, *3*) (высота 1, диаметр 5 см) имеет полусферическую выемку на подошве. Прямая внешняя образующая четко отделяется от нижней части корпуса сосуда и от вогнутой нижней образующей. Они изготовлены из красно-коричневой, бурой глины, насыщенной кварцевым песком и многочисленными белыми включениями и покрыты светлым ангобом. Близкие по профилированию фрагменты встречены в Истрии [26, с. 46, 97, рис. 53, № 432]

Ножка амфоры (рис. 1, *4*) изготовлена в виде цилиндрического кольцевого поддона высотой 3,4 и диаметром 4,3 см. Все образующие поддона почти прямые, переходы между ними плавные. Выемка имеет трапециевидную в разрезе форму. Глина красная с многочисленными белыми известняковыми включениями. Ангоб желтый.

Достаточно уверенно к керамическому производству Менды можно отнести

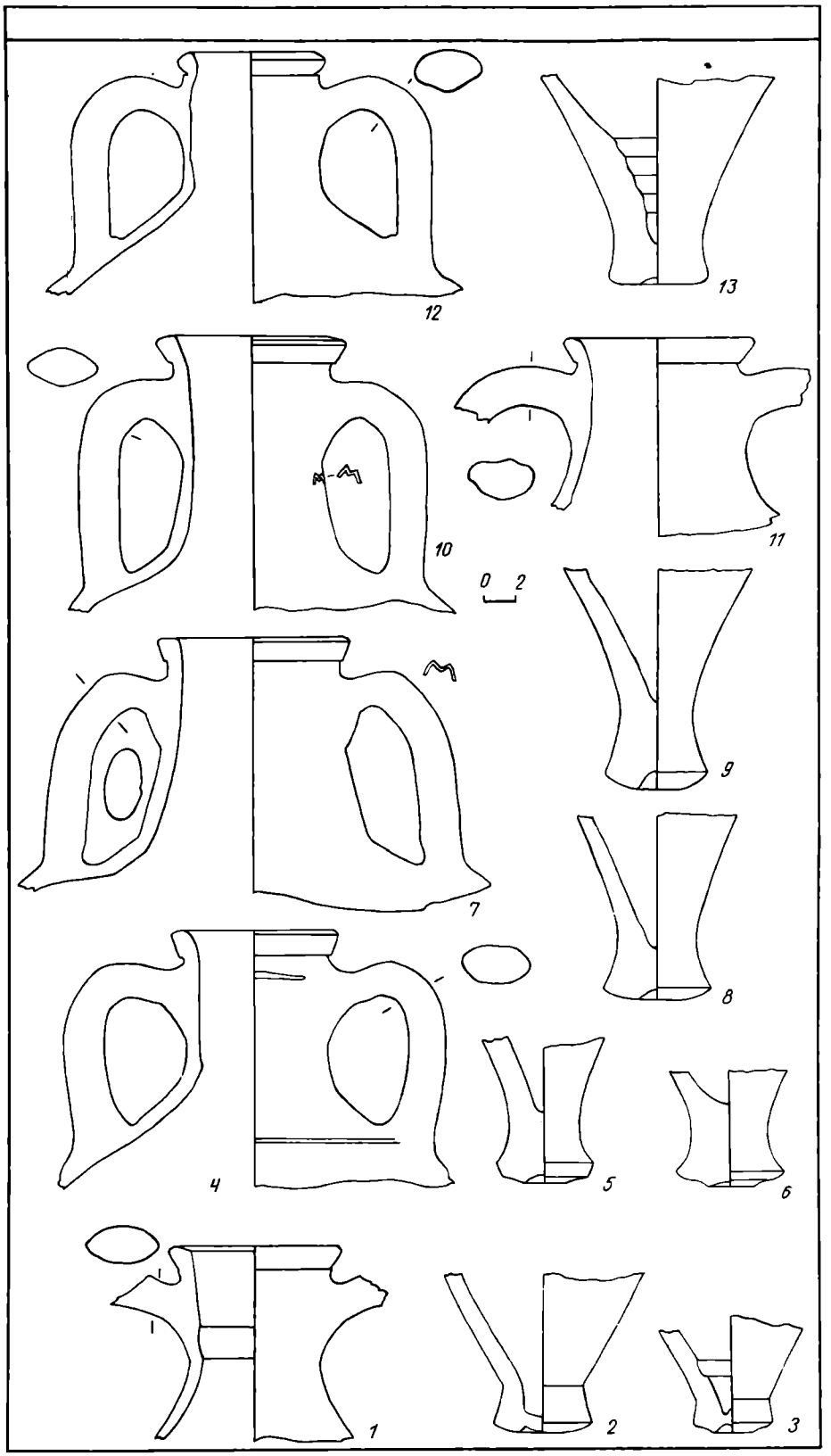


Рис. 4. Фрагменты амфор круга Фасоса V в. до н. э.

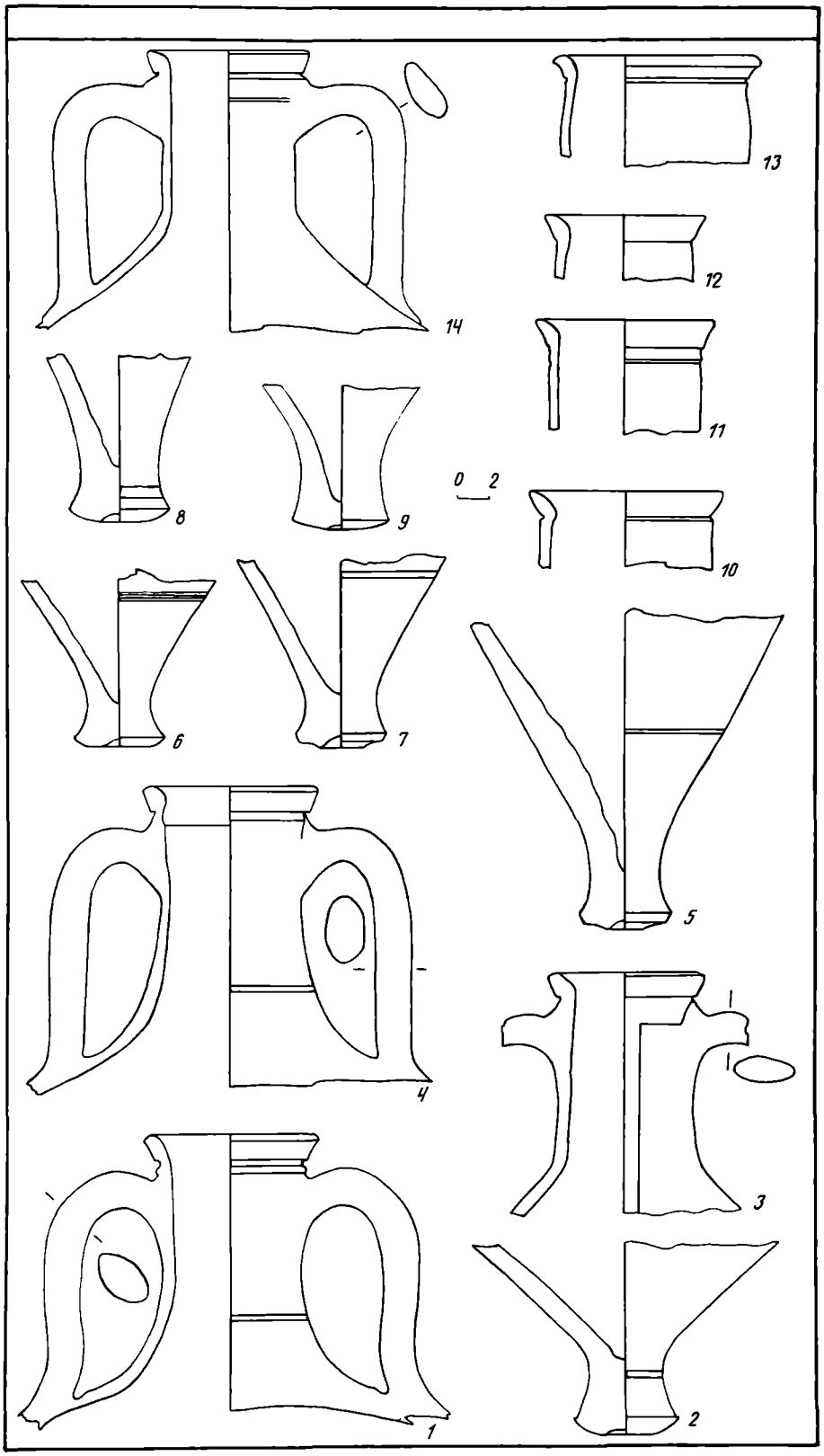


Рис. 5. Фрагменты амфор круга Фасоса середины — второй половины V в. до н. э.

два фрагмента верхних частей амфор (рис. 5, *1, 4*). Горло в верхней части цилиндрическое, затем плавно расширяется и без резкого перехода соединяется с туловом. Высота его 15—16 см. Диаметр устья 10, диаметр по венчику 11,0—11,2 см. Внутренняя образующая плавно соединяется с верхней образующей венчика. Внешняя образующая вогнутая или прямая (рис. 5, *1, 4*). Под венчиком имеется рельефный поясок в виде ребра или плавного валика. Ручки овальные в сечении. По горлу на 12—13 см ниже верхнего края венчика проходит горизонтальная полоса красной краски. Глина красная, рыхлая, с белыми включениями и блестками слюды. К данному типу относится и ножка с трапециевидной в разрезе формой, расширяющаяся книзу. Подошва выпуклая, с неглубокой выемкой в центре. Высота 4,6, диаметр 6,4 см. Выпуклая нижняя образующая отделяется от вогнутой внешней рельефным уступом. Чуть ниже места перехвата проходит горизонтальная полоса, нанесенная красной краской (рис. 5, *2*). Все три фрагмента датируются 460—440 гг. до н. э. [18, с. 106—107, рис. 5, № 161]

Для уточнения нижней хронологической границы рассматриваемого слоя необходимо сопоставить имеющийся материал с материалом предшествующего хронологического периода, встречающегося при раскопках памятников Причерноморья и Средиземноморья. Комплексы конца VI — первой четверти V в. до н. э. обнаружены в Афинах Q 12:3 [20, рис. 70, *4*, рис. 71, *4*; 25, с. 93, рис. 15, *3*; 27, с. 62—72, рис. 41—44], Надлиманское III, полуземлянка 28, яма 41 [28, с. 125, 127, 128], пос. Чертоватое II, участок В, углубление 1 [29, с. 64—70, рис. 1, 2], Ольвия, комплекс святилища [30, с. 157], Басовка, курган 6 1889 г. [31, с. 59, каталог № 72], Поставмуки, курган 6 [31, с. 58, каталог № 66; 32, с. 165], Нимфей, курган Д-2 1976 г. [33, с. 264; 34, с. 114], Тиритака, архаическое здание [6, с. 85; 22, рис. 104], Мирмекий, погребение 1938 г. под оборонительной стеной [6, табл. VI, рис. 15, *г*; 35, с. 142, рис. 16], шесть погребений в Кепах [36, с. 60, 61, рис. 23, *1, 2*; 37, с. 33, рис. 1], Фанагория, подвал 1939 г. [6, с. 74, 80; 38, с. 297, 298; 39, с. 5, рис. 3, 4], Пятиколодезное, погребение 9 [6, с. 80; 40, с. 80], Рассвет, погребения 2 (1969 г.), 65 (1972 г.), 100 (1976 г.) [41, с. 103].

Основными тремя типами керамической тары этих комплексов являются так называемые протофасосские амфоры [6, табл. V—VI, рис. 15, *а—г*], происхождение некоторых из них в настоящее время можно связывать с Абдерами [42, с. 496, рис. 13]; красноглиняные амфоры со стаканообразными донышами [6, табл. III, рис. 9, *а—б*] и ранние варианты хиосских пухлогорлых амфор [7, с. 103 сл.]. На основании комплекса из Фанагории 1939 г. можно полагать, что протофасосские амфоры существовали и во второй четверти V в. до н. э.

Отсутствие в слое основных типов амфор конца VI — первой четверти V в. до н. э. подтверждает датировку наиболее ранних фрагментов второй четвертью этого столетия.

На протяжении второй четверти V в. до н. э. происходит определенное изменение направления торговых связей Средиземноморья с городами, а через их посредничество и с варварскими племенами Северного Причерноморья. На смену амфорам со стаканообразным дном и протофасосским амфорам приходит керамическая тара Фасоса и Менды. Причем бывшие союзники Персии Самос, Хиос и Лесбос, а в рассматриваемый период инициаторы Делосского союза сохранили свою роль.

Среди боспорских поселений очень близкий по времени материал происходит из района Киммерика (холм А), что указывает, возможно, на одновременное возникновение этих поселений [6, с. 82, табл. VI, рис. 17, *б*; 43, с. 237, рис. 14, 14, *а*]

За исключением единственной ножки клазоменской амфоры, амфорный материал, найденный в слое V в. до н. э. на мысе Зюк, синхронен началу массового поступления товаров в керамической таре на Елизаветовское городище в дельте Дона [7, с. 12, 13, 33]. В этот период начинается новый этап греко-варварских торговых связей в районе Боспора. Второй четвертью — серединой

V в. до н. э. датируются наиболее древние скифские курганные захоронения в некрополе Нимфея [44, с. 37] и наиболее ранний материал из Семибратных курганов [45, с. 175; 46, с. 20]

II *хронологическая группа* (третья — четвертая четверть V в. до н. э.). Хиосские позднепухлогорлые амфоры представлены единственной ножкой диаметром 6,5 см. Выемка конусовидная. Выпуклая нижняя образующая резко отделяется от вогнутой верхней образующей (рис. 1, *16*). Датируется она третьей четвертью V в. до н. э. [7, с. 16] По-видимому, несколько занижена В. В. Рубаном датировка около 460 г. до н. э. начала поступления хиосских позднепухлогорлых амфор на основании комплексов кургана 41 1975 г., Елизаветовского могильника и погребения 5 1946 г. из Ольвии [7, с. 108, каталог № 10, 159; 8, с. 109—111; 47, с. 205 сл.; 48, с. 167, каталог № 277].

Пять ножек (рис. 1, *17*) высотой 3,7—6,9, диаметром 4,9—5,7 см принадлежат, вероятно, уже прямогорлым амфорам Хиоса [6, табл. IV, рис. 13]. Выемка полусферическая или конусовидная. Максимальный диаметр ножки находится на высоте 1,3—2,3 см от подошвы. Нижняя образующая, таким образом, постепенно превращается в характерную для ножек хиосских прямогорлых амфор опоясывающую часть. К этому же типу принадлежит горло с вытянутым по вертикальной оси валикообразным венчиком. Диаметр устья 9,4, диаметр по венчику 10,8 см. Горло сдавлено со стороны ручек (рис. 1, *15*). Хиосские амфоры с прямым горлом начали производиться в 30-х годах V в. до н. э. [19, с. 78, 79].

Значительным количеством фрагментов представлен импорт Фасоса второй половины V в. до н. э. Ножки имеют расширенное основание и по характеру профилировки делятся на пять вариантов.

Вариант 1. Единственная ножка высотой 4,4, диаметром 5,8 см (рис. 4, *5*). Выемка полусферическая, резко отделяется от вогнутой нижней образующей. По наиболее расширенной части основания проходит вертикальный поясок, скошенный вовнутрь. Глина коричневая с мелкими включениями песка и слюды (близка [6, табл. VI, рис. 16, *а*]

Вариант 2. Ножки высотой до 5,2, диаметром 6,0—6,4 см (рис. 4, *6*). Очень неглубокая (0,3 см) выемка резко отделяется от выпукло-вогнутой нижней образующей основания ножки. Верхняя вогнутая образующая отделяется от нижней гранью, проходящей по наиболее расширенной части основания. Глина красно-коричневая с мелкими темными включенйями и блестками слюды (3 экз.) (ср. [6, табл. VII, рис. 19]).

Вариант 3. Ножки высотой 2,0—3,2, диаметром 6,0—6,4 см (рис. 4, *8*). Полусферическая выемка переходит в выпуклую нижнюю образующую основания, в наиболее расширенной части которого имеется резкая грань, разделяющая нижнюю и вогнутую верхнюю образующие. Глина красно-бурая или светло-коричневая с песком, белыми включениями и блестками слюды, в одном случае встречен светло-желтый ангоб (5 экз.) [6, табл. VI, рис. 16, *б*].

Вариант 4. Ножки высотой 3,8—5,5, диаметром 5,9—6,6 см (рис. 4, *9*). Отличаются от предыдущего только более значительной глубиной выемки (1,0—1,1 см) и более высоким расположением наиболее расширенной части основания — 1,1 см. Глина красно-коричневая с белыми непрозрачными включениями, покрыта светлым ангобом (2 экз.) [6, рис. 16, *в*].

Вариант 5. Ножка высотой 2,5, диаметром 6,3 см (рис. 4, *13*). Выемка полусферическая, подошва почти плоская, место наиболее расширенной части основания слабо выражено. Глина красная с серым запалом и блестками слюды (1 экз.) [6, табл. VII, рис. 18, *а*]

Горло амфоры (рис. 4, *1*) цилиндрическое в верхней части, ниже места прикрепления ручек плавно расширяется. Диаметр устья 8,4, диаметр по венчику 10,9 см. Форма венчика в разрезе приближается к треугольной, все образующие прямые. Верхняя образующая скошена внутрь. Под венчиком с внешней стороны имеется характерный уступ, образовавшийся в результате обработки валика острым инструментом. Ручка в сечении овальная. Глина красно-коричне-

вая с мелкими известняковыми включениями. Близкую форму венчика с подрезкой имеет и другой фрагмент амфоры (рис. 4, *12*). Верхняя образующая венчика в отличие от таковой вышеописанного образца скошена не внутрь, а наружу. Диаметр устья 7,2, диаметр по венчику 9,3 см. Горло цилиндрическое, высотой 9,2 см. Ручки в сечении овальные, по внешней поверхности профилированы валиком. Глина имеет аналогичный характер [6, табл. VII, рис. 18, *а*]

Несколько иную профилировку венчика имеет цилиндрическое, высотой 11,2 см, горло амфоры (рис. 4, *4*) с диаметром устья 8,6 см и диаметром по венчику 10,5 см. Внутренняя и верхние образующие венчика выпуклые, плавно соединяются друг с другом. Внешняя образующая прямая, несколько скошена внутрь, резко отделена от верхней образующей. На 3 см ниже верхнего края венчика имеется врезной поясок, а на 10,5 см ниже него проходит полоса красной краски. Ручки в сечении овальные. Глина красная с редкими включениями слюды и песка [6, табл. VI, рис. 16, *а*].

Расширяющееся книзу горло (рис. 4, *7*), с диаметром устья 10,2, диаметром по венчику 12,2 см, имеет венчик, приближающийся в сечении к прямоугольнику. Все образующие венчика прямые, переход между внутренней и верхней образующими плавный, все остальные переходы резкие. Ручки в сечении овальные, на горле знак в виде буквы М, нанесенный красной краской. Глина красно-бурая, плотная, с примесью кварцевого песка. Другой фрагмент, близкий по форме и характеру профилировки венчика (рис. 4, *11*), с диаметром устья 9,6 и диаметром по венчику 12 см, изготовлен из светло-коричневой глины с включениями кварцевого песка, блесток слюды и покрыт светлым ангобом. Ручка профилирована по несколько уплощенной внешней поверхности валиком (ср. [6, табл. VI, рис. 16, *б*]).

Еще одно горло отличается от вышеописанных своими вытянутыми пропорциями. Высота его около 14 см, диаметр устья 9,4, диаметр по венчику 12 см. Венчик в сечении напоминает четырехугольник. Все образующие его прямые, переходы между ними резкие. На горле знак в виде буквы М, нанесенный красной краской (рис. 4, *10*). Глина красная с мелкими блестками слюды и песком. Ручки в сечении овальные.

Фрагменты мендийских амфор второй половины V в. до н. э. имеют светло- или красно-коричневую глину с многочисленными примесями белого кварцевого песка и блесток слюды. Характерна орнаментация в виде полос красной краски на верхних и нижних частях сосуда. Большинство встреченных в слое фрагментов сопоставляются с типами, отнесенными И. Б. Зеест к продукции Менды [6, с. 81, 82, табл. VI, рис. 17, *а, б*, табл. XII, рис. 25, *а, б*] Ножки подразделяются на два варианта.

Вариант 1 (рис. 5, *5, 7*). Ножки с расширенным основанием, высотой 1,7—3,5, диаметром 5,5—6,4 см. В центре подошвы имеется выемка полусферической формы, которая резко отделяется от нижней образующей основания. По наиболее расширенной части основания проходит поясок, резко отделяющийся от вогнутых верхней и нижней образующих. Наблюдается орнаментация в виде полос красной краски, проходящих по наиболее расширенной части основания и по нижней части корпуса на высоте 11—15 см от подошвы. Краска лакообразная, иногда коричневая (7 экз.).

Вариант 2 а (рис. 5, *6*). Ножки высотой 2,4—2,6, диаметром 5,5—5,6 см. Выемка полусферическая, плавно соединяется с нижней образующей основания. Вогнутая верхняя образующая резко отделяется от выпуклой нижней. Орнаментация состоит из двух узких полос коричневой лакообразной краски, проходящих по нижней части корпуса на высоте 10 см от подошвы (2 экз.)

Вариант 2 б (рис. 5, *8, 9*). Отличается от предыдущего подварианта отсутствием ярко выраженного перехвата между наиболее расширенной частью основания и нижней частью корпуса сосуда. Ножки высотой 0,9—3,5, диаметром 5,7—6,0 см. Морфологические признаки аналогичны варианту 2а. Встре-

чается орнаментация в виде одной полосы красноватой или коричневой лакообразной краски чуть выше или ниже места наибольшего расширения основания ножки (8 экз.).

К фрагментам амфор Менды середины V в. до н. э. примыкает горло (рис. 5, *3*) с иным характером орнаментации, которая состоит из горизонтальной полосы под венчиком и вертикальной полосы, проходящей по горлу (ср. [6, табл. XII, рис. 25, *б*]). Диаметр устья 8,8, диаметр по венчику 10, высота горла около 12 см. Внутренняя образующая венчика выпуклая, верхняя и внешняя — прямые, переходы между ними резкие. Верхняя образующая скошена наружу, внешняя книзу. Глина светло-коричневая, рыхлая, с редкими блестками слюды и песком. Поверхность покрыта светлым ангобом, орнаментация выполнена красной краской.

Целая серия фрагментов принадлежит амфорам с желобком под венчиком. В первом случае (рис. 5, *10*) венчик оформлен в виде отогнутого наружу края горла с желобком под ним. Диаметр устья 9, диаметр по венчику 12,3 см. Глина светло-коричневая, без заметных примесей, покрыта светлым ангобом (ср. [6, табл. X, рис. 23, *а*]). Близкий по характеру профилировки венчик, но с вогнутой внешней образующей имеет дополнительную профилировку в виде уступа, расположенного на 2,6 см ниже верхнего края венчика, с желобком под ним (рис. 5, *11*). Диаметр устья 8,4, диаметр по венчику 11,3 см. Глина оранжевая с мелкими белыми включениями. Близок первому венчик амфоры из светло-коричневой глины с белыми включениями и блестками слюды (рис. 5, *12*). Желобок под валиком отсутствует. Диаметр устья 7, диаметр по венчику 12 см. Более сложную профилировку имеет венчик амфоры, изготовленный из красной глины с блестками слюды. Вогнутость внешней образующей выделена ярко. Желобок расположен непосредственно под валиком. Диаметр по венчику 13, диаметр устья 9,8 см (рис. 5, *13*) [6, табл. VI, рис. 17, *а*].

Амфорный материал второй половины V в. до н. э. известен достаточно хорошо благодаря серии комплексов, собранных и проанализированных И. Б. Брашинским [10, приложение II, 1, № 3—8], к чему можно добавить только комплексы из Варны [1, № 20, 91], Ольвии [49, с. 107, рис. 58] и Афин [50, с. 40, рис. 43]

Среди наиболее поздних фрагментов выделяется массивный фасосский венчик рубежа V—IV вв. до н. э. (рис. 1, *19*). Подобные массивные венцы, по нашим наблюдениям, встречаются только у сосудов этого времени.

Ряд фрагментов не представляется возможным пока связать с каким-либо центром производства и достаточно точно датировать. Так как они найдены совместно с перечисленным выше материалом, их датировка второй четвертью—концом V в. до н. э. вряд ли может вызывать сомнения.

Горло высотой 11 см имеет диаметр устья 7,8 и диаметр по венчику 10,1 см. Венчик в разрезе имеет форму, близкую к треугольнику из-за сильной скошенности верхней образующей внутрь. Внешняя и внутренняя образующие прямые, переходы между ними плавные. Валик характерно завернут, на 1,4 см ниже верхнего края венчика проходит ребро, а на 1,2 см под ним желобок. Форма горла цилиндрическая, ручки в сечении овальные (рис. 5, *14*). Глина светло-коричневая с мелкими включениями слюды и песка.

Верхняя часть горла (рис. 1, *8*) с массивным валикообразным венчиком, вытянутым в сечении по вертикальной оси, имеет диаметр устья 8,6 и диаметр по венчику 13,5 см. Изготовлено из красно-розовой глины без заметных примесей. Из розовой глины без заметных примесей сделаны два горла, характерной особенностью которых является хорошо выделенный валик округлой или треугольной формы с желобком под ним (рис. 1, *9—10*).

Почти цилиндрическая ножка амфоры, высотой 2,2, диаметром 4,1 см (рис. 1, *5*), имеет слегка расширенное основание и полусферическую форму подошвы. Глина розовая с блестками слюды. Из подобной глины изготовлена и массивная ножка в виде кольцевого поддона с трапециевидной выемкой на подошве. Высота ее не сохранилась, наибольший диаметр 7 см. Нижняя образующая

поддона выпуклая, все остальные — прямые. Резкие переходы прослеживаются между нижней и верхней образующими и на месте соединения ножки с нижней частью корпуса (рис. 1, *14*). В материалах ранних слоев Мирмекия находят аналогию ножки амфор из красно-бурой глины с большим количеством белых включений, имеющие расширенное основание в виде валика [21, с. 123, рис. 44] (рис. 1, *12*). Высота их 1,1—1,2, диаметр 6,1—6,4 см. Еще одна ножка изготовлена в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона (рис. 1, *13*). Глина светло-коричневая. Высота ножки 3,2, диаметр 6,7 см. Биконическую в разрезе форму имеет основание ножки из розовой глины с мелкими блестками слюды (высота 2,7, диаметр 4,2 см). Ножка высотой 2,8 см имеет расширенное основание диаметром 5,6 см (рис. 1, *18*). Выемка на подошве полусферическая, глина красная, плотная, с блестками слюды.

Пользуясь случаем, напомним, что среди античных памятников Восточного Крыма самый ранний материал, судя по опубликованным данным по керамической таре, обнаружен в Пантикапее [6, с. 69—82] и Нимфее [6, с. 70—82; 10, с. 131, 177, 179; 51, с. 247, 248; 52, с. 211; 53, с. 17, 18] Его датировка серединой — второй половиной VI в. до н. э. общепринята. Материал конца VI — начала V в. до н. э. кроме вышеуказанных пунктов встречен в Тиритаке [6, с. 70—82], Мирмекии [6, с. 71—82; 21, с. 31—34; 54, с. 213] и на поселениях Героевка I, Андреевка Южная, Южно-Чурубашское [55, с. 42, 46, 49, 50, 220]. На протяжении второй четверти V в. до н. э. к ним добавляются материалы из поселения в районе Киммерика (холм А) и на мысе Зюк. Значительная часть информации о находках этого времени в других пунктах нуждается в проверке и уточнении. Еще позднее, во второй половине V в. до н. э., возникает Китей [56, с. 43].

Рассмотрение амфорных находок VI—V вв. до н. э. в Восточном Крыму позволяет, в порядке гипотезы, высказать мнение о заметном отличии динамики заселения греками этого района в сравнении с Нижним Побужьем. Здесь в течение V в. до н. э. идет постепенное увеличение количества поселений, в то время как на хоре Ольвии они по большей части прекращают свое существование во второй четверти V в. до н. э. [57, с. 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лазаров М.* Антични амфори (VI—I ст. пр. н. э.) от Българского Черноморие // ИНМВ. 1973. Т. IX (XXIV)
2. *Doger E.* Premieres remarques sur les amphores de Clazomenes // BCH. 1986. Suppl. XIII.
3. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.
4. *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА. 1983. № 1.
5. *Dupont P* Classification et determination de provenance des ceramiques Greques orientales archaiques d'Istros // Dacia. 1983. V XXVII. № 1—2.
6. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
7. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980.
8. *Рубан В. В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
9. *Охотников С. Б.* Поселение Надлиманское VI в Нижнем Поднестровье // СА. 1983. № 1.
10. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984.
11. *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Комплекс вещественных находок из поселения Старая Богдановка 2 // АСГЭ. 1983. № 24.
12. *Сокольский Н И* Отчет о раскопках Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1970 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4251.
13. *Мелюкова А. И.* Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР Киев: Наук. думка, 1980.
14. *Долгоруков В. С., Сокольский Н. И., Сорокина Н. П., Стручалина Р А.* Работы Таманской экспедиции // АО-1970. М., 1971.
15. *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14.
16. *Брашинский И. Б., Демченко А. И.* Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 116.
17. *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Couv. Cherson (Süd-Russland) // PZ. 1913. V
18. *Boulter C.* Pottery of the mid-fifth century from a well in the Athenian Agora // Hesperia. 1953. V. XXIII.

19. *Mattingly H. B.* Goins and amphoras-Chios, Samos and Thasos in the fifth century B. C. // JHS. 1981. V. 51.
20. *Clinkenbeard B. C.* Lesbian wine and storage amphoras. A progres report on identification // Hesperia. 1982. V 51. № 2.
21. *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Варшава, 1959.
22. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
23. *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев: Наук. думка, 1980.
24. *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987
25. *Grace V R.* Samian amphoras // Hesperia. 1971. V. 40. № 1.
26. *Dimitrio S.* Cartierul de Locuinte din zone de west a cetătii in epoca arhaica (căpături 1955—1960) // Histriu. 1966. V II.
27. *Roberts S. R.* The stoa gutter well. A late arhaic deposit in the Athenian Agora // Hesperia. 1986. V. 55. № 1.
28. *Охотников С. Б.* Археологический комплекс из поселения Надлиманское III в Нижнем Поднестровье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
29. *Рубан В. В.* Археологический комплекс из поселения Чертоватое II на Бугском лимане // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
30. *Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище в Ольвии // Ольвия. Киев: Наук. думка, 1975.
31. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1-27
32. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
33. *Грач Н. Л.* К характеристике этнического состава населения Нимфея VI—V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
34. *Грач Н. Л.* Раскопки Нимфея // АО-1977 М., 1978.
35. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1936 гг. // МИА. 1952. № 25.
36. *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95.
37. *Сокольский Н. И., Сорокина Н. П.* Раскопки г. Кепы и его некрополя в 1957—1963 гг. // Ежегодник ГИМ — 1963—1964. М., 1966.
38. *Блаватский В. Д.* Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3—4.
39. *Зеест И. Б.* Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны // Бюл. ГМИИ им. А. С. Пушкина. 1947. № 2.
40. *Блаватский В. Д.* Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957 Вып. 70.
41. *Карасев В. Н.* Экономические связи синдов с греками в VI—III вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
42. Caterine Peristeri-Ototzi. Amphores et limbres amphoriques d'Abdere // BCH. 1986. Suppl. XIII.
43. *Кругликова И. Т* Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. // МИА. 1958. № 85.
44. *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
45. *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратных курганов // СА. 1957 № 2.
46. *Горбунова К. С.* Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратных курганов // Культура и искусство античного мира. Л.: Аврора, 1971.
47 *Капошина С. И.* Погребения скифского типа в Ольвии // СА. 1950. № XIII.
48. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—III ст. до н. э. Киев: Наук. думка, 1974.
49. *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. // ИАК. 1906. № 13.
50. *Grace V. R.* Amphoras and ancient wine trade // Excavations of the Athenian Agora. 1961. № 5.
51. *Худяк М. М.* Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № XVI.
52. *Скуднова В. М.* Скифские памятники Нимфея // СА. 1954. № XXI.
53. *Худяк М. М.* Из истории Нимфея. Л.: Наука, 1962.
54. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. // МИА. 1958. № 85.
55. *Кругликова И. Т* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
56. *Молев Е. А.* Боспорске місто Кітей IV—III ст. до н. э. (За матеріалами розкопок 1970—1981 гг.) // Археология. 1986. № 54.
57. *Буйских С. Б.* Некоторые вопросы пространственной структуры развития Ольвийской хоры (VI—II вв. до н. э.) // Ольвия и ее округа. Киев: Наук. думка, 1986.

Институт археологии АН СССР,
Москва

A. P. ABRAMOV, A. A. MASLENNIKOV

THE AMPHORAE OF THE 5th CENTURY B. C. FROM THE SETTLEMENT AT THE ZIUK CAPE

Summary

The article is devoted to the detailed analysis of the amphorae' sherds dated to the 5th century B. C. during the excavation at the Ziuk cape conducted by the East Crimean expedition of the Institute of Archaeology in 1978—84. Some chronological groups of pottery and centres of production are outlined. The main part of amphorae were brought to the settlement beginning from the second quarter of the 5th century B. C. There was a mass import of products brought in ceramic vessels of Chios, Phasos and Menda. Some other centres are also present (Lesbos). Several sherds of unknown centres are noticed. The analysis of the amphorae gives the authors a possibility to outline more precisely the foundation of the settlement and to receive better information about the trade contacts on the shores of the Azov sea in those times.

А. Т. СИНЮК, В. Д. БЕРЕЗУЦКИЙ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОДЗЕМНОЕ СВЯТИЛИЩЕ-ЛАБИРИНТ

В процессе исследования в 1988 г. Второго Власовского могильника нам удалось проследить под едва заметной насыпью конструктивные признаки не встречавшегося ранее типа археологического памятника.

Второй Власовский могильник занимает восточную оконечность высокого водораздельного плато, переходящего в пойму р. Баклуша (приток р. Ворона), примерно в 2 км к северу от с. Власовка Грибановского р-на Воронежской обл., что географически соответствует южной границе лесостепи донского левобережья (рис. 1) Поскольку на площади могильника располагались курганные насыпи разной величины, включая и совсем небольшие (содержавшие погребения эпохи бронзы и раннего железного века), было решено произвести раскопки рассматриваемой насыпи прямыми траншеями с помощью бульдозера. Вскрытие верхних наслоений как будто бы подтверждало правильность определения объекта в качестве надмогильной насыпи: под пахотным слоем (0,25—0,35 м) фиксировалось несколько материковых выкидов, а близ них при зачистке материка (плотная желтая глина) — контуры прямоугольных ям, напоминавшие шахты катакомбных погребальных сооружений. Правда, настораживал тот факт, что два периферийных выкида (всего их оказалось три) располагались строго на одном уровне — на погребенной почве, тогда как следы центрального выкида залегали несколько выше, в толще насыпного слоя. Вместе с тем планиграфическая концентрация выкидов на ограниченной площади исключала предположение о существовании здесь разновременных курганных насыпей. При исследовании объекта оставлялись бровки толщиной 0,4 м через каждую траншею, расстояние между которыми равнялось 3 м. Было проложено пять траншей (бровки II—V), но позднее, с обнаружением в материке системы подземных ходов, возникла необходимость их полного оконтуривания, в связи с чем были дополнительно проложены еще две траншеи с восточной и одна с западной стороны (бровки I, VI, VII) (рис. 2, 3).

Наиболее высокая отметка на современной поверхности объекта, от которой велись замеры, находилась на линии бровки II, в 7 м от ее южного края. Стратиграфия в этом месте следующая: под пахотным слоем (0,35 м) шел насыпной слой чернозема с включением глины и известняковой щебенки (0,4 м), который достаточно четко отделялся от погребенной почвы, имевшей более осветленный цвет (0,35 м), ниже залегала материковая темно-желтая глина. Таким образом, общая мощность наслоений здесь составила 1,15 м. Рассмотренная система напластований характерна и для других участков изучаемого объекта. Отметим, что от нулевой отметки идет понижение современной поверхности (и материка): более плавное к северу, где перепад через 18 м составил всего 0,2 м, к востоку перепад через 15 м составил уже 0,3 м, а в южную сторону понижение более резкое, до 0,4 м через 7 м [1] В целом же данное место представляет собой относительно ровную площадку на краю водораздельного плато, откуда начинается склон к югу и востоку, к пойме р. Баклуша.

---

[1] Расстояния берутся до внешних сторон объекта.

© А. Т Синюк, В. Д. Березуцкий, 1991 г.

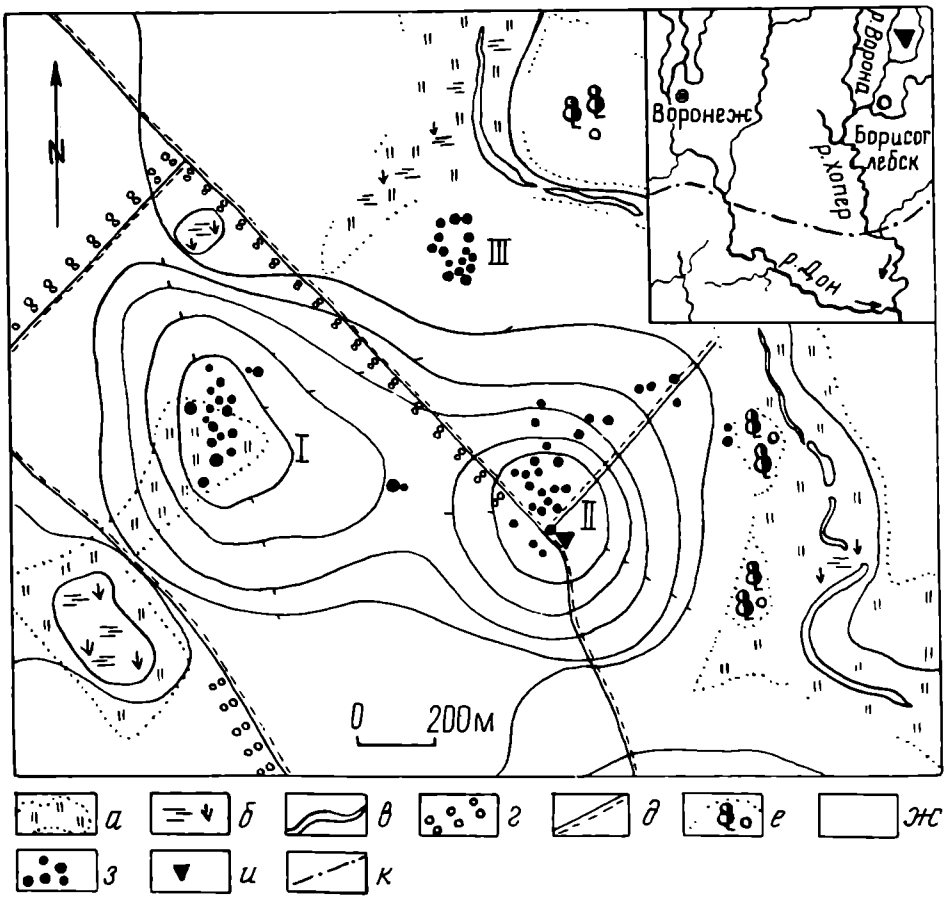


Рис. 1. Общий план места расположения святилища. *а* — луг; *б* — болото; *в* — р. Баклуша; *г* — лесополоса; *д* — грунтовая дорога; *е* — широколиственный лес; *ж* — пашня; *з* — курганы (римскими цифрами обозначены три могильника у с. Власовка); *и* — святилище; *к* — граница степи и лесостепи

При исследовании темных пятен близ материковых выкидов выяснилось, что они не принадлежали погребениям, а сам объект раскопок представляет собой иной, нежели обычный курган, тип археологического памятника. Пятна принадлежали вертикальным колодцам, от которых шли подземные ходы, создавая причудливые переплетения (рис. 4). В целом определялись как общие контуры, так и центр подземного сооружения. Надо полагать, у древних строителей имелась заготовленная схема, предполагавшая центральную (алтарную) часть со своеобразными конструктивными признаками и прямоугольную форму всего сооружения, хотя в процессе подземных работ его форма получила известные отклонения (рис. 2).

Сооружение ориентировано строго по сторонам света. Длина западной и восточной сторон 17,5 м, северной и южной — 14,5 м (размеры взяты от фиксируемых углов сооружения без учета отдельных ответвлений ходов) Таким образом, его площадь составила около 254 м^2

Как показывают стратиграфические признаки, с одного уровня одновременно в нескольких местах, до появления каких-либо искусственных подсыпок, на выбранной для строительства поверхности были заложены подпрямоугольные колодцы-входы. Размеры и глубина их несколько варьируют. Так, колодец в юго-западном углу сооружения имел размеры 2,15×1,1 м и глубину от уровня древней поверхности 1,5 м (1,25 м от уровня материка). Размеры колодца близ северной стороны 3,05×1,2 м при глубине 1,8 м от уровня погребенной почвы (1,5 м от уровня материка). Сразу отметим, что выкида рядом с ним не оказалось, тогда как сам он был забутован в нижней части материковой глиной,

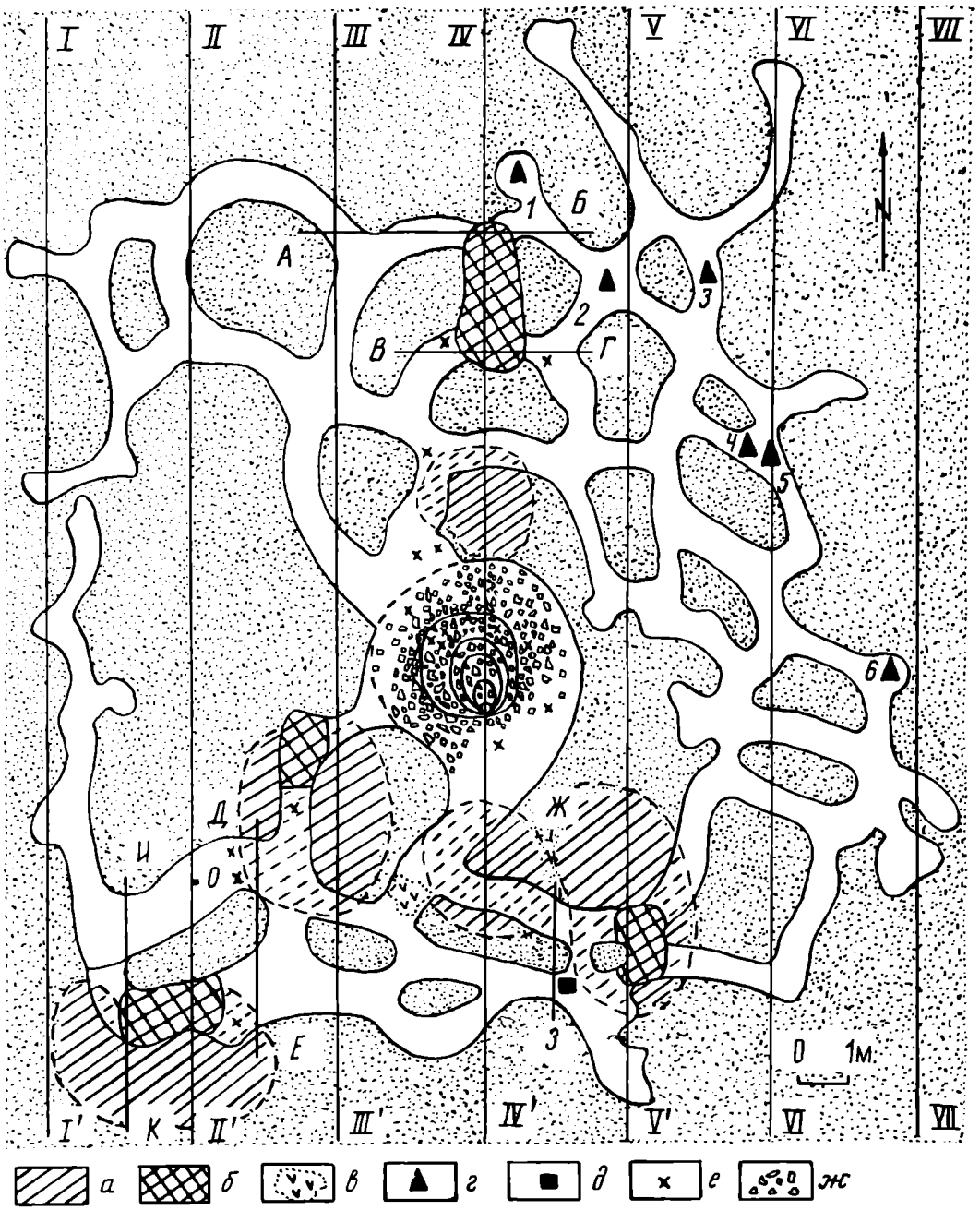


Рис. 2. Общий план. *а* — глина; *б* — входные колодцы; *в* — скопление угля; *г* — жертвоприношения животных; *д* — алтарный камень; *е* — керамика; *ж* — камень

а в верхней — глиной с черноземом. Меньших размеров колодец оказался близ юго-восточного угла сооружения (1,45×0,75 м и глубиной от уровня материка 1,15 м). Еще один колодец (1,2×0,75 м) зафиксирован недалеко от центра сооружения. Его глубина от уровня материка 1 м. Колодцы имели относительно ровные полы. От каждого из них выводилось несколько ходов, проложенных в материке или несколько выше пола колодца, или на одном уровне. В некоторых местах своды врезались в погребенную почву. Ходы, как уже говорилось, взаимопереплетаются, в целом формируют тип прямоугольного, приближающегося к квадрату лабиринта с отдельными отростками. В разрезе ходы прямоугольные и овальные, со сводчатыми потолками. Ширина их варьирует от 0,5 до 1,5 м, но в большей части их протяженности она составляет 0,75—1,0 м. Высота, как правило, превышает ширину и колеблется от 1 до 1,3 м, хотя есть участки,

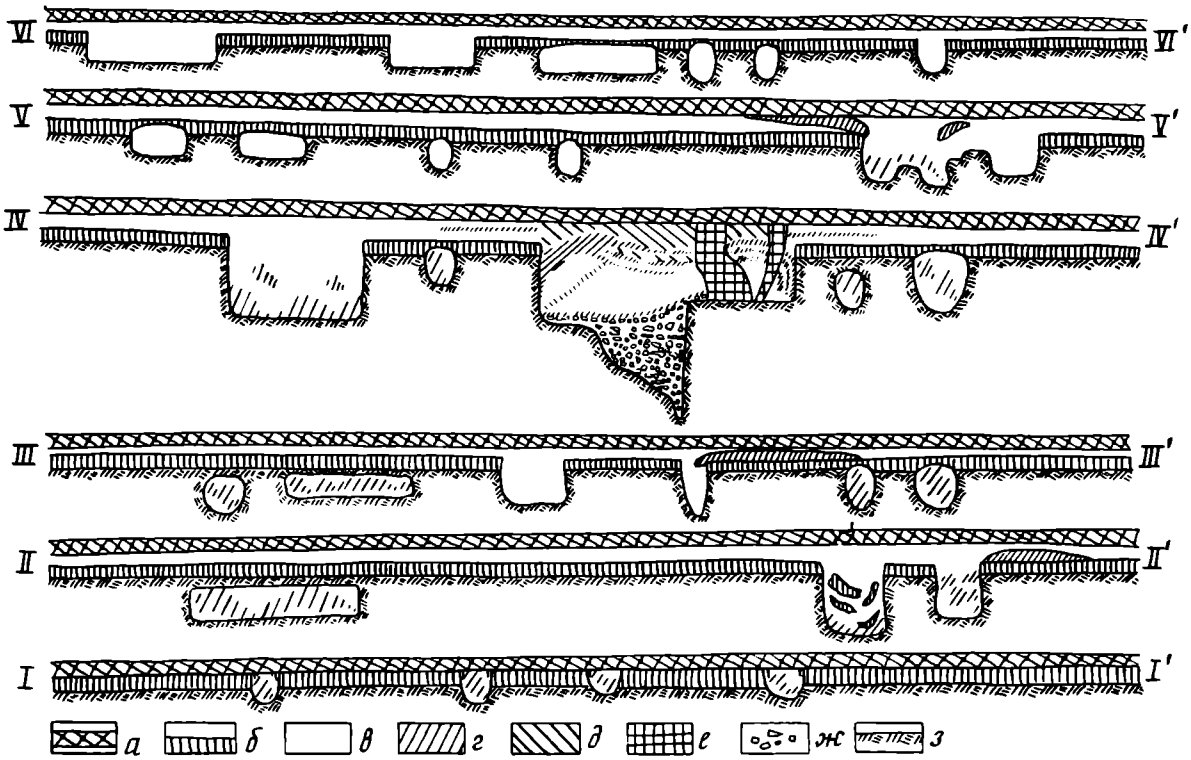


Рис. 3. Профили бровок. *а* — пахотный слой; *б* — погребенная почва; *в* — чернозем; *г* — глина; *д* — осветленный чернозем; *е* — поздние перекопы; *ж* — камень; *з* — материк

прежде всего в восточной части лабиринта, и с меньшей высотой. Практически все четыре колодца связаны между собой системой ходов как по периметру лабиринта, так и через его центр. Необходимо оговориться, что во избежание обвалов лабиринт исследовался лишь после снятия погребенной почвы, а часто и после глубокой зачистки материка.

Конструкция центра лабиринта достаточно сложна, но одновременно хорошо «читается» как в плане, так и стратиграфически, поскольку через него прошла бровка IV (рис. 2, 3). Наличие двух выкидов, которые залегали несколько выше погребенной почвы (в отличие от уровня выкидов входных колодцев), позволяет говорить, что центр был выбран на поверхности небольшой (диаметр 6—8 м) древней насыпи. На это же указывает и тот факт, что внутренний край выкида из колодца близ юго-восточного угла лабиринта был расположен также над погребенной почвой (рис. 3, бровка V). Совсем не исключено, судя по данным расположенных по соседству курганов, что такая насыпь могла принадлежать сарматскому захоронению, уничтоженному при строительстве лабиринта. Сначала была вырыта обширная яма неровно-округлой формы, диаметром в среднем не менее 4 м и глубиной в материке 1,15 м. Затем в нее «вписалась» более глубокая яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Размеры ее 2,25×1,9 м, ориентирована, как и сам лабиринт, большими сторонами по линии север — юг. Пол ямы путем нескольких овальных уступчатых понижений преобразуется в глубокую круглую «столбовую» яму, совмещенную в плане с юго-восточным углом меньшей (прямоугольной) ямы и центром ямы большей (рис. 5, *1*). Диаметр «столбовой» ямы 0,2 м, глубина от уровня материка 3,8 м. Она, вероятно, была вырыта для закрепления деревянного или каменного столба (идола?). Заметим, что в ее заполнении на разных уровнях уступов ямы фиксировалась забутовка из плитчатого известняка. После установки «столба» всю подпрямоугольную яму забутовали землей с камнем до уровня пола большей ямы, покрыв его каменной вымосткой и обмазав слоем материковой глины. Затем воздвигли

Рис. 4. *1* — вид с юго-запада на ходы и бровку IV (заполнения ходов выбраны не полностью); *2* — центральная яма (здесь и далее в линейке 0,3 м)

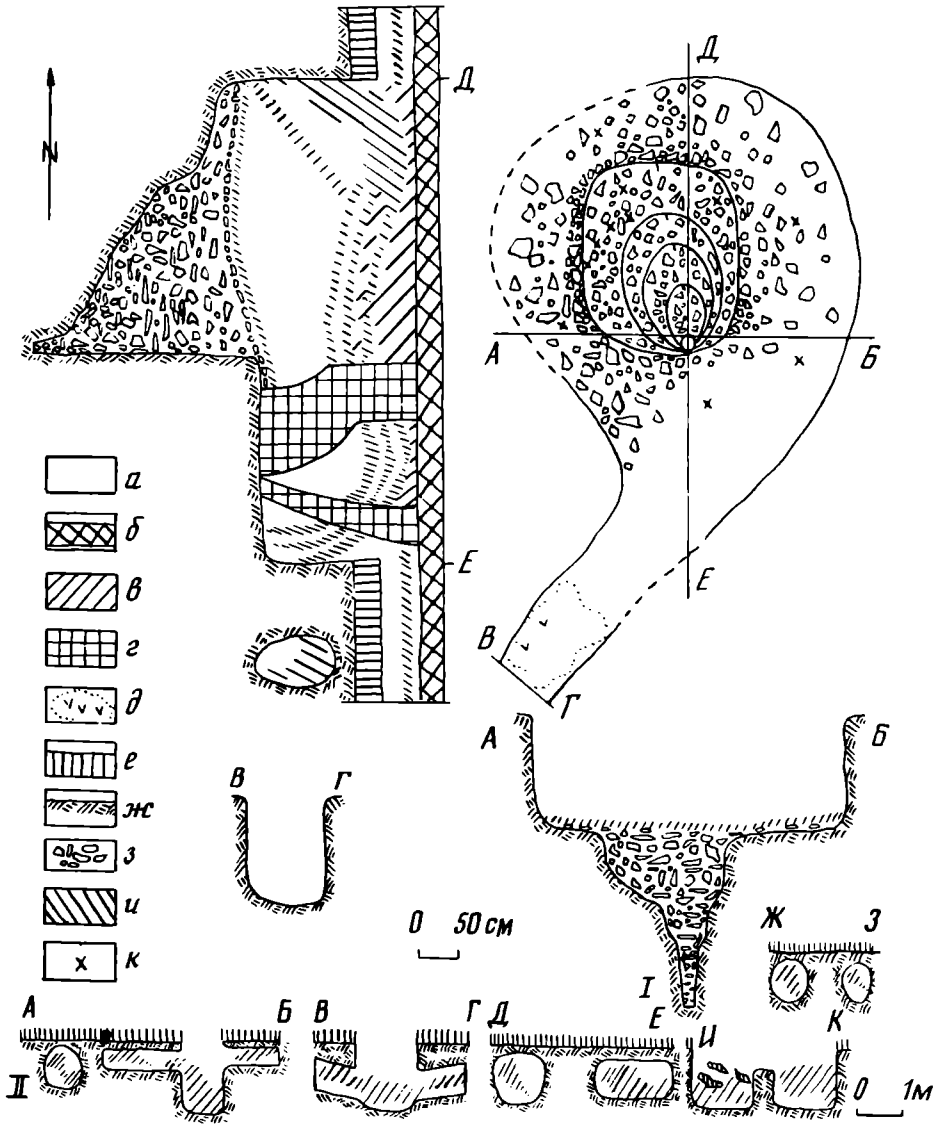


Рис. 5. I — план и профиль центрального сооружения; II — дополнительные профили ходов и входных колодцев. *а* — чернозем; *б* — пахотный слой; *в* — глина; *г* — поздние перекопы; *д* — скопление угля; *е* — погребенная почва; *ж* — материк; *з* — камень; *и* — осветленный чернозем; *к* — керамика

купольную конструкцию («юрту»), которую «спрятали» (как и сам лабиринт) под землю и обмазали той же материковой глиной. При этом верхняя часть купола несет следы трехслойной обмазки, а в северной части стенки «юрты» слой сохранился в виде монолита толщиной до 0,4 м. «Юрту», по всей видимости, забутовали, а затем извлекли «столб», вследствие чего образовался характерный прогиб глиняных обмазок, т. е. последовало проседание купола. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что глиняная обмазка «юрты» не рухнула на пол. Просадка отмечена и над внутренней ямой. Видимо, в какой-то мере это было связано и с последующим возведением над всем лабиринтом насыпной площадки. Насыпка хорошо определяется ввиду того, что материковые выкиды залегают под пахотным слоем [2]. Возведенный купол, если учесть его просадку, был поднят над уровнем древней поверхности примерно на 0,5 м, а общая его

[2] В профиле прослежены также поздние перекопы в виде двух лазов амфорных очертаний, которые частично разрушили глиняную обмазку купола; с южной стороны они подошли к материковому полу внешней ямы в стороне от центра.

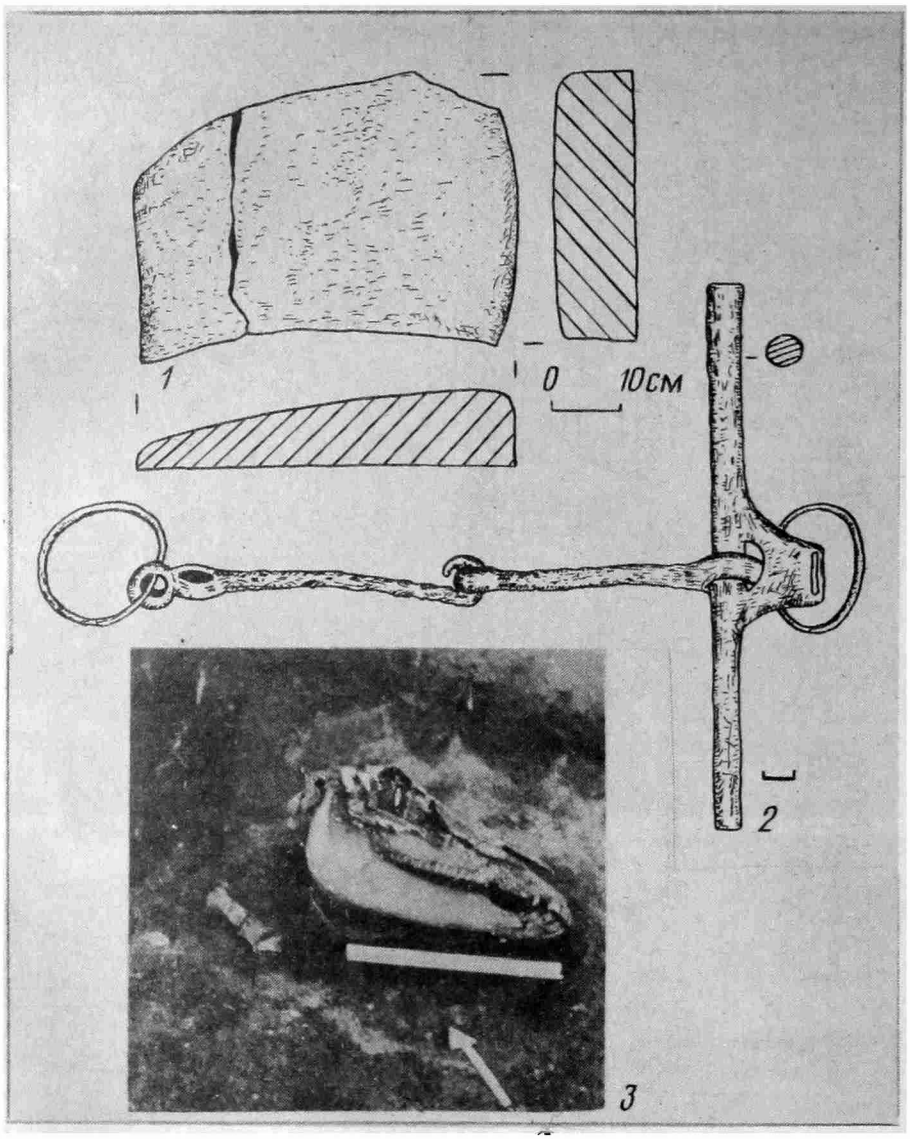


Рис. 6. *1* — алтарный камень; *2* — удила из жертвоприношения 6; *3* — жертвоприношение 5

высота, таким образом (от пола большей ямы), составляла примерно 2 м при среднем диаметре основания в 4 м (около 12,5 м^2).

В процессе изучения приемов устройства лабиринта и последовательности их применения мы приходим к выводу о том, что прежде всего был выбран его центр на древней насыпи. Купольная же конструкция сооружена либо до, либо после прорытия подземных ходов от колодцев. Затем в ней был установлен «столб» (идол?). Далее последовали основные ритуальные отправления, следы которых дошли до нас в виде остатков человеческого жертвоприношения, жертвоприношений животных, фрагментов амфорной керамики, а также скопления древесного угля.

Кости взрослого человека (фрагменты черепа и бедренных костей) находились в заполнении большей ямы рядом с местом установки «столба». Каких-либо сопутствующих вещей, типичных для обычных захоронений, не обнаружено, что дает основание видеть в отмеченных остатках ритуальное жертвоприношение.

Чрезвычайный интерес представляют жертвоприношения животных. Все они сосредоточены в ходах восточной половины лабиринта (рис. 2).

Жертвоприношение 1 — череп и путовые кости жеребенка. Череп мордой

повернут на запад, основание его покоилось на земляной подушке. Выявлено в отростке хода близ северного колодца лабиринта (рис. 2).

Жертвоприношение 2 — бессистемно сложенные кости овцы (козы?) на месте перекрещивания ходов, в 1,5 м к востоку от упомянутого колодца (рис. 2).

Жертвоприношение 3 — положение в ряд на земляную подушку путовые кости и копыта жеребенка внутри хода, в 2 м восточнее предыдущего жертвоприношения (рис. 2).

Жертвоприношение 4 — череп лошади на правой щеке, ориентированный на запад. Находился на земляной подушке в устье хода, в 3,5 м юго-юго-восточнее вышерассмотренного жертвоприношения (рис. 2).

Жертвоприношение 5 — череп лошади на левой щеке с юго-восточной ориентировкой и конечность передней ноги с копытом. Располагались на земляной подушке в непосредственной близости от предыдущей находки (рис. 2; 6, *3*).

Жертвоприношение 6 — череп лошади на правой щеке с западной ориентировкой, с удилами и псалиями. Находился на земляной подушке в конце одного из самых восточных отростков хода, в 4,5 м юго-восточнее рассмотренного жертвоприношения (рис. 2).

Кроме того, рядом с колодцем, близ юго-восточного угла лабиринта, в одном из ходов на полу лежал алтарный камень в виде крупной кварцитовой плиты (0,55×0,38×0,12 м) прямоугольных очертаний со следами заглаживания по внешней поверхности (рис. 6, *1*) [3]

Фрагменты амфорной керамики концентрировались главным образом в заполнении ходов близ центральной части лабиринта, а также в заполнении «юрты» (рис. 2). Цвет фрагментов красный, светло-коричневый и светло-желтый. Глина хорошо промешена, плотная. Внешняя поверхность большинства фрагментов имеет рифление.

Следы огня в виде линзы древесного угля толщиной до 0,05 м зафиксированы в одном из ходов южной части лабиринта, в 2 м от центральной конструкции (рис. 2; 5, *1*). Головни и отдельные угольки (вероятно, от факелов) встречались в заполнении ходов лабиринта практически на всей их протяженности.

На основании полученных наблюдений следует полагать, что после совершения рассмотренных выше жертвоприношений и других сопутствовавших им ритуалов лабиринт прекратил функционирование. Он подвергся забутовке всех своих ходов, центрального сооружения, а затем был по всей площади засыпан землей. В профиле бровки IV удалось проследить полосу, идущую от пола кверху, к центру «юрты». Полоса (ширина до 0,15 м) выделялась на общем фоне заполнения осветленным черноземом (рис. 3; 5, *1*). Причины ее появления для нас остаются неясными.

Как правило, ходы западной половины лабиринта забутованы материковой глиной, а восточной — в большей степени черноземом. Именно приемом забутовки можно объяснить тот факт, что своды большинства ходов, частично прорезавшие погребенную почву (не говоря уже о тех, которые имели тонкие, в несколько сантиметров материковые своды), оказались ненарушенными и лишь в одном случае отмечен провал свода (рис. 3, бровка II). Этим же объясняется и отсутствие пустотных участков в ходах, а также относительно слабый прогиб глиняных обмазок купола «юрты». Отметим также, что ни в одном случае не отмечено материковых выкидов, которые бы принадлежали ходам. Трудно ответить на вопрос о том, как и где складировали строители лабиринта массу глины при его сооружении, а также каким образом люди могли передвигаться и размещать жертвоприношения в столь ограниченных по размерам ходах. Тем не менее не вызывает сомнения, что рассмотренный памятник представляет собой капище — место ритуальных отправлений кратковременного (возможно, разового) использования. При длительном его функционировании потребовались бы препятствующие обвалу ходов крепежные устройства.

[3] Следы обработки камня установлены В. В. Килейниковым трасологическим методом.

Таким образом, в пользу искусственного происхождения рассмотренного археологического объекта говорят следующие признаки.

1. Системность контуров всего объекта, приближающегося к прямоугольной форме.

2. Все подземные ходы устроены примерно на одном уровне, что исключалось бы при образовании карстовых трещин.

3. Ходы имели выраженные стенки и относительно ровные полы.

4. Ходы непосредственно связаны с колодцами, а также с центром сооружения, имеющими организованные выкиды.

5. Нахождение в ходах обработанной каменной плиты, углей, керамики, а главное жертвоприношений животных, сохранившихся в непотревоженном виде. При этом некоторые жертвоприношения (2, 3, 6) не были связаны с впуском их через верх.

6. Характер оформления центра сооружения (устройство ямы, включая «столбовую», забутовка последней черноземом и камнем, наличие здесь скопления угля, фрагментов керамики, остатков скелета человека и т. д.).

Вместе с тем не на всех участках восточной части объекта удалось проследить строго подземное расположение ходов (в частности, на это указывает профиль бровки VI). Для западной же половины подземный характер ходов установлен вполне определенно.

Время сооружения капища достаточно твердо устанавливается на основании железных удил с псалиями из жертвоприношения 6. Удила двусоставные, двукольчатые, со стержневидными прямыми псалиями, которые в верхней части имеют более широкий диаметр. Оба псалия — с приваренными ушками, которые имеют прорези для ремня (рис. 6, *2*). Этот тип удил был широко распространен в степях в VIII—IX вв. [1, с. 81]. Фрагменты амфор типичны для памятников салтово-маяцкой культуры.

Более сложной выглядит проблема этнокультурного определения подземного капища-лабиринта. Сравнение имеющихся признаков как в сумме, так и по отдельности (причем только в самых общих чертах) с учетом типа и датировки рассмотренных выше удил и фрагментов амфор оставляет место для довольно широкой трактовки этнической принадлежности памятника, хотя поиск, как нам представляется, следует вести в среде тюркского этнокультурного мира.

Так, прямоугольная форма святилища сопоставляется с культовыми установками тюркского этнокультурного мира. Например, квадратные, а иногда прямоугольные каменные оградки (обращенные сторонами или углами строго по сторонам света) широко распространены на Алтае и в Туве. Они датируются VI—VIII вв. и, по мнению большинства исследователей, представляют собой поминальные памятники, аналогичные по назначению храмам, которые строились при погребении каганов и других представителей тюркской знати [2, с. 35]. Обратим внимание на то, что Власовский лабиринт планиграфически отвечает устройству святилищ по принципу «квадрат в квадрате», соблюдавшемуся в среде носителей салтово-маяцкой культуры [3], и в частности в среде ранних болгар в их бытность на Северном Кавказе [4], а затем на Балканах [5].

Вполне отвечает традициям домостроительства тюркского кочевнического мира (хотя и перенесенным на религиозно-культовую почву) реконструируемая нами центральная часть лабиринта — в виде юрты.

Перечисленные признаки в основе своей имеют общетюркский характер, причем прослеживается их тенденция к длительному сохранению в данной среде. Так, в частности, печенежский погребальный обряд остался неизменным и в половецкий период [6, с. 219]. Но это же нам дает основание заглянуть в ретроспективу и считать, что и человеческие жертвоприношения, выявленные на половецких святилищах [7, с. 73], имеют более давние традиции в тюркском этнокультурном мире.

Другие же признаки, и прежде всего само устройство подземного лабиринта, пока не имеют аналогий в средневековых древностях, но тем не менее и они происходят из сферы религиозных и идеологических воззрений.

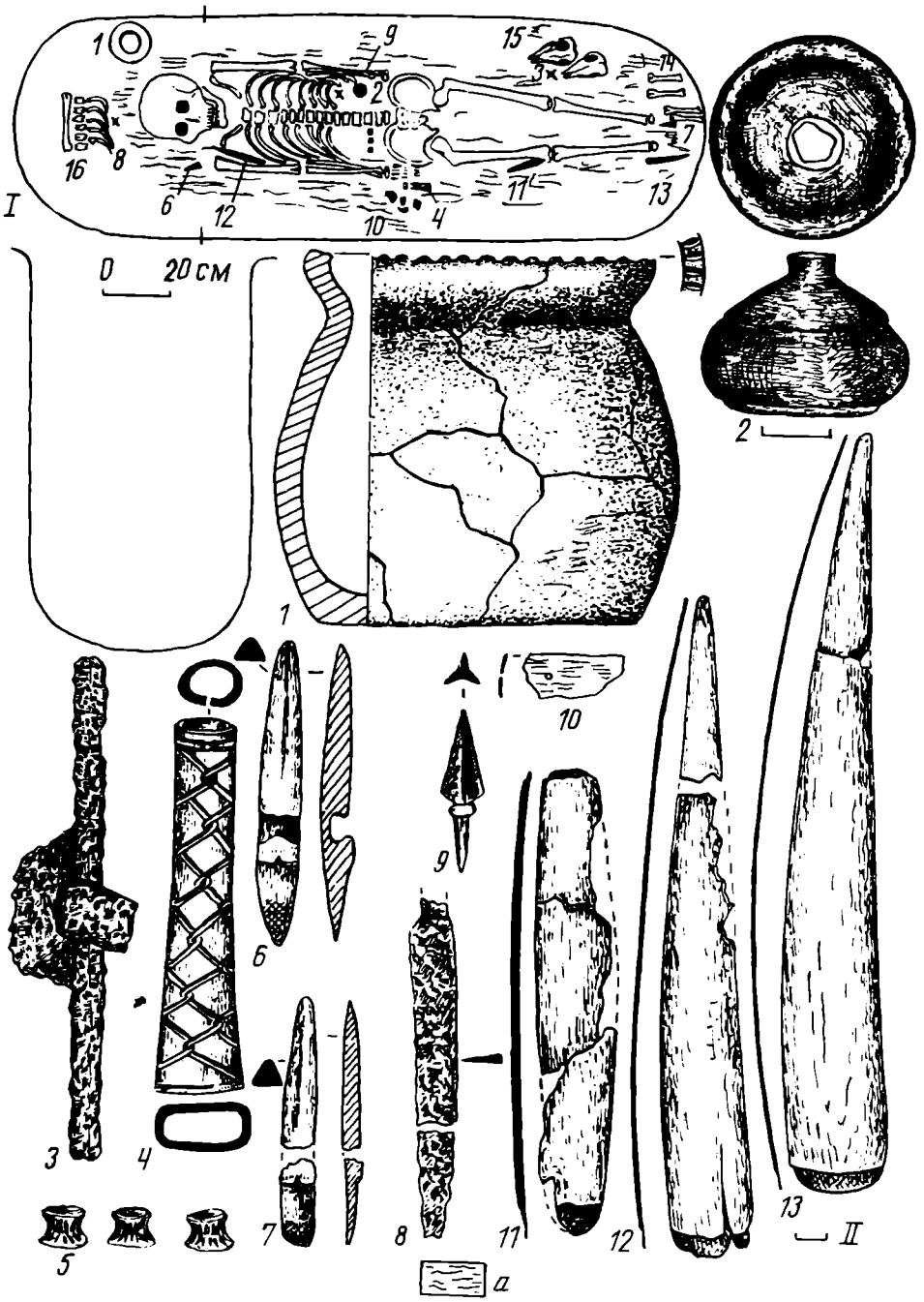


Рис. 7 Погребение 2 кургана 15 Первого Власовского могильника (I). *1* — глиняный сосуд; *2* — бронзовый кистень; *3* — железный псалий; *4* — костяная трубочка; *5* — рыбьи позвонки; *6, 7* — концевые костяные накладки лука; *8* — железный нож; *9* — железный наконечник стрелы; *10* — фрагмент деревянной чаши; *11—13* — срединная (II) и фронтальные костяные накладки лука; *14* — конечности овечьих ног; *15* — овечьи черепа; *16* — жертвенное животное. *а* — органическая подстилка

Лабиринт — весьма древняя форма устройства культовых центров, имеющая известную рассредоточенность в пространстве, включая области северного европейского побережья, Средиземноморья, а также и Восточно-Европейскую равнину [8] Совсем не исключено, если принять во внимание существование способа выкладки лабиринтов (помимо мегалитического) с помощью дерна [9], что они в реальности применялись значительно чаще и на протяжении более длительного времени, чем мы до сих пор предполагали. Являясь материализованным выражением религиозно-идеологических установок для отправления обрядов (нередко сопряженных и с практическими соображениями), данный тип

святилища, надо полагать, связан не столько с этнической спецификой, сколько с общими мировоззренческими тенденциями, которые, как известно, хронологически проявляли себя далеко не равномерно. Но всегда и всюду лабиринты отражают сложный, «запутанный» характер (понятный, естественно, лишь служителям культа) самих мировоззренческих систем, взаимоотношений мифологических сил как между собой, так и с людьми и их душами, что в целом соответствует достаточно высокому уровню развития языческих религий. В этой же связи следует обратить внимание на имеющиеся в салтово-маяцких древностях рисунки, в которых, как нам кажется, можно увидеть изображения святилищ-лабиринтов [10, с. 164, рис. 50, 30, 31]

Видимо, соответствует направленности культовых обрядов и место сооружения капища — на площади могильника. В частности, по мифологии ариев, обитание злых демонов (которых надо задабривать) предполагается на кладбище [11, с. 184] Наиболее же общим мотивом могло выступать отправление обрядов, посвященных либо прощанию с сородичами при переселении на новые места, либо испрашиванию условий для сохранения рода.

Возможно, что ключом к этнокультурной дешифровке рассматриваемого памятника может стать оценка одного из погребений Первого Власовского могильника [12] Оба объекта (лабиринт и погребение) находились поблизости друг от друга (на расстоянии около 1 км). Погребение было впущено в небольшой курган эпохи бронзы. В узкой (0,65 м) длинной (2 м) яме, углубленной в материк на 1,15 м и ориентированной по линии восток — запад, находился скелет юноши вытянуто на спине, головой на запад (рис. 7, *1*).

Верхнюю дату погребения определяет трехлопастный наконечник стрелы (тип 13, по классификации А. Ф. Медведева) (рис. 7, *9*). Подобные наконечники выходят из употребления в самом начале X в. н. э. [13, с. 58—59]. Нижнюю дату определяет бронзовый кистень (тип IV, вариант 1, по А. В. Крыганову) (рис. 7, *2*). Такого типа изделия получают относительно широкое распространение в салтово-маяцкой культуре в IX—X вв. [14, с. 66]. Не противоречит предполагаемой дате (IX — начало X в.) и остальной вещественный материал. Железный псалий, вероятнее всего, относится к тому же типу, что и псалий с удилами из Власовского святилища-лабиринта, т. е. его дата определяется в рамках VIII—IX вв. н. э. Костяные накладки на лук широко известны в кочевнических древностях VIII—XI вв. Горшок из погребения находит близкие аналогии в круге салтово-маяцких древностей, хотя и не является типичным [10, с. 161, рис. 47, *1*; 15, с. 233, рис. 18, с. 237, рис. 27], а также в погребальных памятниках ранних болгар [16, с. 57, рис. 3; *1*; 17, с. 158]. В последних встречены и амулеты из позвонков крупных рыб [1, с. 96; 10, с. 78]. Для болгар характерны также и устройство длинных узких погребальных ям, вытянутое на спине положение костяка, западная ориентировка погребенного. По всей вероятности, данное погребение можно рассматривать как древнеболгарское.

Ввиду однотипности псалиев из капища и погребения, данные памятники могут быть сопряжены в рамках IX — начала X в., а следовательно не исключено, что они принадлежали одному этносу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989.
2. *Могильников В. А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
3. *Плетнева С. А., Афанасьев Г. Е., Винников А. З., Флеров В. С.* Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция // АО-1978. М.: Наука, 1979.
4. *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкасск, 1983.
5. *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. София, 1977.
6. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
7. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.
8. *Синюк А. Т.* Каменный лабиринт в бассейне Дона // Тез. докл. археол. конф. М., 1987.

9. История Европы с древнейших времен до наших дней. В 8-ми томах. Т 1. М.: Наука, 1988.
10. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
11. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1969.
12. *Синюк А. Т.* Отчет об археологических исследованиях 1986 г. // Архив ИА АН СССР Р-1, № 11315.
13. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие: лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
14. *Крыганов А. В.* Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. 1987. № 2.
15. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1967. № 75.
16. *Флеров В. С.* Болгарские погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: Изд-во Казан. фил. АН СССР, 1989.
17. *Васильев И. Б., Матвеева Т. Н.* У истоков истории самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

Воронежский государственный
педагогический институт

A. T. SINIUK, V. D. BEREZUTSKY

UNDERGROUND LABYRINTH SHRINE OF THE EARLY PHASE OF THE MIDDLE AGES

Summary

The article is a publication of a unique monument of the Early Mediaeval period — underground labyrinth shrine which was discovered by the authors in 1988 at the high place of the Vorona and Baklusha rivers' interfluv. The site is situated near Vlasovka village, Gribanovo district, Voronezh region, this territory is a border of the steppe and forest-steppe zones on the left bank of the Don river. A detailed analysis of construction of the shrine as well as some stratigraphic notes are presented. The monument consisted of central circular construction of yurta type where in a special pit a vertical beam was placed, maybe idol. A net of underground passages and 4 wells rectangular in section were discovered. In the underground part of the site some charcoal and horse bones (heads and legs) were found, which is interpreted as the traces of sacrifitions. In the central construction human bones were discovered. A number of analogies, particularly the types of iron horse—bits and pottery allowed the authors to suppose the site belonged to ancient Bolgars, who were the part of Saltovo-Mayatskaya culture. The most probable date for it is the 8th—9th centuries A. D.

Г. П. ИВАНОВ

КУВСАЙСКИЙ МОГИЛЬНИК VII—VIII ВВ. В ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Осенью 1979 г. при строительстве селехранилища в 1 км к востоку от г. Кувасай был разрушен ранее неизвестный грунтовый могильник, ничем не обозначенный на поверхности. Благодаря тому что рабочие сообщили о находке древних вещей в Ферганский областной музей, на памятнике удалось собрать подъемный материал и зафиксировать три комплекса из неполностью разрушенных погребений. Вывоз грунта с места, где был расположен могильник, производился скреперами послойно сразу по всей площади. К моменту обследования практически повсеместно он был снят на уровень ниже древних захоронений. Только в трех случаях удалось расчистить частично потревоженные кости скелетов, лежавших на глубине 180 см от современной поверхности, судя по реперным отметкам строителей. Установить конструкцию погребального сооружения было уже невозможно. Из-за большой влажности грунта границу захоронения вокруг костяков также не удалось проследить. Судя по сохранившимся костям, во всех трех случаях погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой почти строго на запад. По рассказам рабочих, древние предметы собирали на площади примерно 70×100 м. Расчищенные костяки находились в юго-западной части этой территории. Погребение 1 самое западное, погребение 2 в 3 м к юго-востоку от него и погребение 3 в 7 м к юго-востоку от погребения 2. Однако не исключено, что между ними были еще захоронения. До нас не дошло ни одного керамического сосуда из могильника (найденные в разрушенных погребениях строители не сохранили, а в трех расчищенных погребениях керамики не было). Возможно, что сосуды, как наиболее крупные предметы, были выдернуты ножом скрепера и увезены вместе с грунтом. В погребениях остались только мелкие предметы. Больше всего их было в лучше сохранившемся первом погребении. Среди костей кисти левой руки, как бы зажатой в кулак, найдены две литые бронзовые монеты тюргешского типа (рис. 1, *1*). По внешнему виду они практически одинаковые, отличаются только размером. Диаметр одной из них 2,9 см, другой — 2,7 см. В центре монет квадратное отверстие 0,8×0,8 см. На лицевой стороне бортики, окаймляющие монеты по кругу и по периметру отверстия. Слева от отверстия согдийским письмом написан тюркский титул «хакан» [1, с. 267]. Справа тамга. Оборотная сторона монет чистая. Серебряный перстень обнаружен в костях кисти правой руки (рис. 1, *3*). Глазок перстня выполнен в виде чаши с прогнутым внутрь бортиком. Чашу с двух сторон держат в пасти головы фантастических животных, которыми завершается округлое в сечении кольцо. По внешней поверхности кольца местами просматривается рубец по стыку частей литейной формы. На грудных позвонках расчищены мелкие обломки бронзового дисковидного зеркала толщиной 1,5×2 мм и диаметром около 7 см. Справа на груди лежали остатки бронзовой коробочки в виде обломков двух ободов из листовой бронзы шириной 10 и 12 мм (рис. 1, *2*). Судя по остаткам, коробочка была диаметром 3—4 см. Дно и крышка практически не сохранились, от них осталось только несколько

© Г. П. Иванов, 1991 г.

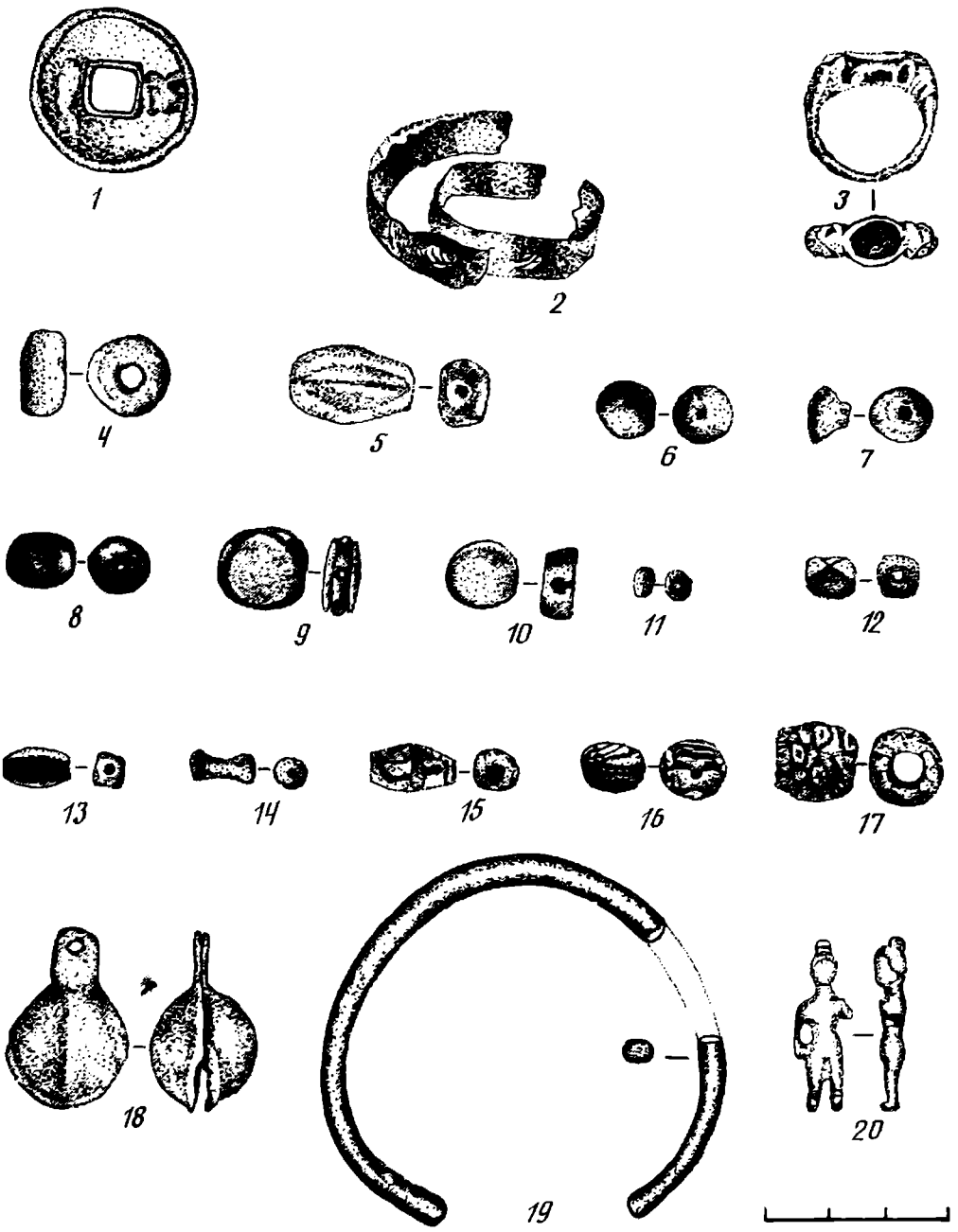


Рис. 1 Погребальный инвентарь из Кувсайского могильника

мелких сильно окисленных обломков. В обоих ободах бортиков были проделаны отверстия диаметром около 2 мм, в которых дошли до нас остатки круглой веревочки из хлопчатобумажных нитей. В погребении найдено более 150 различных бус из стекла, стеклянной пасты, керамики и камня. В основном это бусины шаровидной формы из стекла и пасты синего цвета, диаметром от 0,3 до 1,1 см (рис. 1, *8, 11*) Такие же бусины, за исключением мелких, были из пасты желтого, зеленого и бирюзового цветов. Из пасты синего, желтого и зеленого цветов найдено несколько бусин в форме прямоугольной призмы со срезанными углами (рис. 1, *12*) В. Б. Деопик относит подобные к типу «б» (14-гранные) третьего отдела первой группы [2, с. 218] Размеры их 0,7—1,1 × (0,7—0,8) см. В наборе имеются также две монетообразные

бусины из стекла синего цвета (рис. 1, *10*), диаметром 1,2 и толщиной 0,5 см, и бантообразная из стекла зеленого цвета (рис. 1, *14*) длиной 1,1 см. К редким можно отнести бусину из прозрачного желтоватого стекла в виде плоского диска с приклеенными с двух сторон линзовидными пластинками из такого же стекла (рис. 1, *9*). Диаметр бусины 1,5 см, толщина в собранном виде 0,7 см. Многоцветных бус в погребении найдено всего шесть. Одна мозаичная бочонковидная из стекла зеленого цвета и с вкраплениями красных точек на салатном фоне (рис. 1, *17*). Диаметром бусины 1,5, длина 1,6 см, отверстие большое, диаметром 0,6 см. Пять полосатых бус выполнены с помощью разных технических приемов. Одна — шаровидная из куска многоцветного стержня (вариант «б») диаметром 0,9 см (рис. 1, *16*); четыре из свернутых плоских листов с полосами разного цвета (вариант «г», по В. Б. Деопик) [2, с. 224], шаровидные и вытянутая (рис. 1, *15*). Интересны две керамические бусины красно-коричневого цвета. Одна шаровидная диаметром 1 см, вторая повторяет в миниатюре пряслице грушевидных очертаний (рис. 1, *7*) высотой 0,8 см.

Каменных бусин всего две. Одна крупная, в форме колесика (рис. 1, *4*) диаметром 1,6 см и шириной 0,8 см — из белого ракушечника. Вторая хрустальная, в форме приплюснутого с двух сторон яйцевидного овала со сточенными ребрами (рис. 1, *5*) длиной 2,3 см. В прозрачном теле бусины хорошо видно, что канал точился с двух сторон.

Кроме перечисленных предметов в погребении 1 были найдены обломки небольшого железного однолезвийного ножа и часть рукоятки железного ножа с прилипшим к ней сильно окисленным бронзовым колечком диаметром 1,6 см.

В погребении 2 удалось расчистить только остатки человеческого скелета и сильно корродированные обломки однолезвийного кинжала, длина лезвия около 22 см. В месте перехода к черенку прослеживалась обойма из полоски железа. Возможно, что это деталь отделки верхней части деревянных ножен, тлен от которых сохранился на обломках кинжала.

Погребение 3 было самым разрушенным. Здесь удалось расчистить только верхнюю часть скелета. Среди костей кисти левой руки найдены кусочки плохо сохранившейся бронзовой монеты с квадратным отверстием. Собрать ее из кусочков на удалось. В области грудных позвонков лежали полторы бусины из черного непрозрачного стекла вытянутой биконической формы. Длина целой бусины 3,1 см, наибольший диаметр 0,8 см.

Несомненный интерес представляют и предметы из разрушенных погребений. В основном это бусы, большинство из которых точно такие же, как в погребении 1. Кроме того, встречаются шаровидные бусины из сердолика, небольшие ребристые бусины из стеклянной пасты белого цвета и раковин каури с проделанными отверстиями для подвешивания. В разных местах найдены две каменные палочки для подкрашивания бровей. Одна крупная веретенообразной формы, длиной 9,5, диаметром 1,7 см; другая небольшая, длиной 4,3 см, с отверстием для подвешивания. По классификации Н. Г Горбуновой, они соответствуют III и I типам [3, с. 179] Из бронзовых вещей до нас дошли обломки двух браслетов с несомкнутыми расширяющимися концами (рис. 1, *19*), литые половинки бубенчиков с прорезью (рис. 1, *18*) и бронзовый амулет-подвеска в виде фигурки человека высотой 2,9 см (рис. 1, *20*).

Наличие в первом погребении двух монет, зажатых в руке покойного, как бы предназначенных для оплаты и, следовательно, имевших хождение в период захоронения, облегчают его датировку. До нашей находки было известно 19 подобных монет [4, с. 53], причем большинство из них найдено во время раскопок Кувинского городища: одна в храмовом комплексе и 13 на территории жилого квартала около буддийских храмов VII в. [5, с. 48, 59]. О. И. Смирнова, определявшая кувинские монеты, считает, что они выпускались в VII—VIII вв. в самой Куве, и по типу тамги разделяет их на ранние и более поздние. По ее классификации [4], тамга на кувасайских монетах скорее всего ранняя. С локализацией выпуска монет в Куве согласен В. А. Лифшиц, но он счи-

тает возможным датировать нашу находку началом VIII в.[1] Следовательно, можно считать, что захоронение погребения 1 было произведено не раньше этой даты. Остальной материал погребения имеет более широкие хронологические рамки. Различные стеклянные бусы широко распространены в разновременных памятниках, причем каждый из типов живет довольно долго. Но по набору различных типов бусы из погребения 1 близки к бусам из памятников VII—VIII вв., например Бит-Тепе в Чаганиане [6, с. 194, рис. 3, 5, 7]. На памятниках VIII—IX вв. Юго-Восточной Европы бантообразные бусы из полупрозрачного стекла, подобные нашим, являются датирующими [2, с. 217], там же мы находим аналогии и датировку не ранее рубежа VII—VIII вв. мозаичной бусине с желто-красно-зелеными глазками и желто-зелеными ресничками [7, с. 62].

Несмотря на то что дисковидные бронзовые зеркала сарматской культуры датируются не позднее II в. н. э., в Средней Азии, в том числе и в Фергане, они бытуют дольше [8, с. 39] и встречаются на раннесредневековых памятниках в слоях VII—VIII вв. городища Пенджикент [9, с. 171], среди вещей из могильника Бит-Тепе [6, рис. 1, *16*, 4, *21*] и др.

Бронзовые коробочки встречаются довольно редко. До нашей находки их было опубликовано всего три. Одна из могильника Обишир (Фергана) [10, с. 69], вторая из кургана 19 могильника Кургак (Чон-Алай) [11, с. 201, 202], третья из кургана 102 могильника Аламышык (Центральный Тянь-Шань) [11, с. 86]. Н. Г Горбунова считает, что бронзовые туалетные коробочки появились в Фергане на последнем этапе кугайско-карабулакской культуры, т. е. не ранее IV в., основываясь на поздней датировке нашей находки и дате кургана 102 могильника Аламышык, в котором найдены бронзовая и железная пряжки IV—V вв. н. э. [8, с. 39; 12, с. 40]. Несколько иная точка зрения у Э. Кадырова. Он датирует коробочку, найденную в могильнике Оби-шир I—II вв. н. э., опираясь на датировку аналогичной коробочки из кургана 19 могильника Кургак. Но, на наш взгляд, столь ранняя дата, предложенная Кадыровым, недостаточно убедительна. Во-первых, А. Н. Бернштам с некоторой долей сомнения относит упомянутый курган к гуннскому времени [11, с. 202] только по типу погребального сооружения и помещает рисунок коробочки из него в соответствующий раздел сводной таблицы (именно на таблицу ссылается Э. Кадыров). Во-вторых, в той же таблице в разделе «тюркский период (VI—VIII вв.)» помещена такая же, но лучше датированная коробочка из кургана 102 могильника Аламышык [11, сводная таблица]. Кроме того, судя по публикациям, основная часть вещей из могильника Оби-шир имеет близкие аналоги среди предметов, найденных на памятниках третьего этапа кугайско-карабулакской культуры, и должна датироваться не ранее IV в. [10, рис. на с. 70]. В связи с малочисленностью находок пока еще трудно говорить о точном времени появления бронзовых туалетных коробочек в Фергане. Находка в погребении 1 Кувасайского могильника доказывает, что они были в употреблении в VIII в. Даже если считать, что это наиболее поздняя дата их бытования, первые коробочки вряд ли появились в Фергане раньше, чем на позднем этапе кугайско-карабулакской культуры. Обращает на себя внимание отличие в размерах коробочек из могильника Аламышык, Оби-шир и Кувасайского могильника. Возможно, что на более поздних этапах они становятся меньше в диаметре.

Первое погребение скорее всего не является уникальным для Кувасайского могильника, поскольку инвентарь из других погребений и подъемный материал хронологически близки ему. Остатки монеты с квадратным отверстием, найденные в погребении 3, бусы, собранные по всей территории могильника, практически такие же, как в первом погребении. Браслеты с несомкнутыми, уплощенно расклепанными концами появляются в Средней Азии около рубежа

[1] Выражаю искреннюю признательность В. А. Лифшицу, любезно согласившемуся определить монеты из Кувасая, за предоставленную возможность опубликовать его точку зрения на их датировку.

нашей эры, но на памятниках V—VIII вв. еще встречаются браслеты с утолщающимися концами [13, с. 13], подобные нашим. Среди женских украшений древних ферганцев среднего этапа кугайско-карабулакской культуры довольно часто встречаются бубенчики с прорезью внизу [8, с. 33, рис. 6, *24*]. Бубенчики, найденные в Кувасайском могильнике, резко отличаются тем, что они составлялись из двух литых половинок. Точно такие же найдены в слоях второй половины VII—VIII вв. городища Пенджикент [9, с. 171, рис. 35, *2*]. Там же найдена близкая нашей бронзовая подвеска в виде фигурки человека [9, рис. 37]. В Фергане наиболее близкими по исполнению являются фигурки из могильника Кара-булак [14, с. 49, рис. 10].

В целом же, учитывая все приведенные выше аналогии, представляется возможным датировать Кувасайский могильник второй половиной VII — первой половиной VIII в. н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнова О. И.* К вопросу о языке легенд на тюргешских монетах // Тюркологические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. *Деопик В. Б.* Классификация бус Юго-Восточой Европы VI—IX вв. // СА. 1961. № 3.
3. *Горбунова Н. Г* Древний Ферганский косметический прибор // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
4. *Смирнова О. И.* О древнетюркских монетах Кувы (Фергана) (Предварительное сообщение) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). М., 1977. Ч. 1.
5. *Булатова В. А.* Древняя Кува. Ташкент: ФАН, 1972.
6. *Ртвеладзе Э. В.* Среневековый могильник Бит-Тепе в Чаганиане // СА. 1986. № 4.
7. *Деопик В. Б.* Классификация бус Северного Кавказа // СА. 1959. № 3.
8. *Горбунова Н. Г* Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3.
9. *Ставиский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища // Тр. Таджикской археологической экспедиции: МИА. 1964. № 124.
10. *Кодиров Э.* К хронологии могильника Оби-шир в Южной Фергане // ОНУ. 1974. № 1.
11. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26.
12. *Горбунова Н. Г* Основные этапы развития культуры Древней Ферганы // Информ. бюл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. ЮНЕСКО. М., 1983. Вып. 5.
13. *Литвинский Б. А.* Украшения из могильника Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. М., 1973. Вып. III.
14. *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе: Наука, 1962.

Ферганский областной краеведческий
музей

G. P. IVANOV

KUVASAY CEMETERY OF THE 7TH — 8TH CENTURIES IN FERGHANA REGION

Summary

In autamn of 1979 during bulding a dam to the east of Kuvasay (Ferghana region, Uzbek SSR) a flat cemetery was destroyed. It had not any signs on the surface of the soil Some materials were collected by the builders and three burials were investigated by the author. The obtained materials suggest the 7th — 8th centuries A. D. as a date for the cemetery. In the first burial two coins were found (Fig. 1, *1*), which were dated by V A. Livshits to the beginning of the 8th century. This allowes the author to date more precisely the period of existance of bronze toilet boxes, as the remains of such a box were discovered in this burial (Fig. 1, *2*).

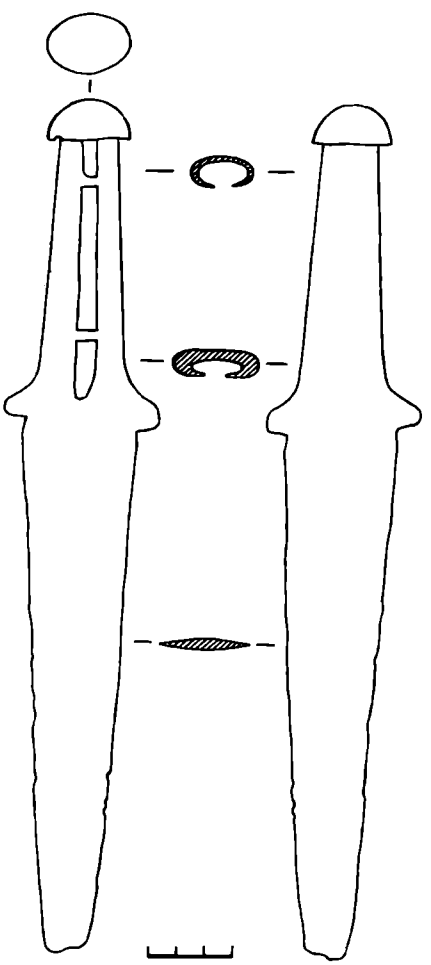
Заметки

В. А. РОМАШКО, Г. Н. КАЛАГИНА

НОВАЯ НАХОДКА КАРАСУКСКОГО КИНЖАЛА В ПОДНЕПРОВЬЕ

В Павлоградском краеведческом музее хранится бронзовый кинжал (инв. № 203), поступивший в 1989 г. от учителя средней школы с. Водяное Днепропетровской обл. Г А. Дмитриченко. Из регистрационной карточки следует, что он был найден в реке у с. Водяное. При встрече авторов публикации с Г. А. Дмитриченко ею были указаны иное место и обстоятельства находки: кинжал был выпахан трактористом на поле в окрестностях с. Кочережки Павлоградского р-на.

Отлитый из бронзы кинжал имеет полое грибовидное навершие, полую, овальную в сечении рукоять с вертикальным желобком,разделенным двумя перемычками. Перекрестье образовано пластинчатыми выступами-шипами, отделенными от клинка выемками подтреугольной формы. Широко раскованный клинок сужается к острию. Длина рукояти с навершием и перекрестьем составляет 12 см, минимальная ширина рукояти (под навершием) — 2,3 см, максимальная (над перекрестьем) — 3,3 см, общая толщина рукояти — 1,4 см, толщина стенок полой рукояти — 0,15 см, максимальная ширина щели в рукояти — 0,7 см, ширина перекрестья — 5,6 см, длина клинка — 18,7 см, ширина клинка у перекрестья — 4,1 см, у острия — 1,6 см, толщина средней части клинка — 0,5 см. Общая длина кинжала — 30,7 см (рисунок).



Кинжал из с. Кочережки

Находки карасукских кинжалов на территории Северного Причерноморья достаточно редки, чем объясняется интерес к ним и необходимость данной публикации. Аналогиями публикуемому являются кинжалы из с. Чмыревка Черкасской обл., бывшего Киевского уезда Киевской губернии, меч из с. Гербино Одесской обл., имеющие такие же перекрестья, грибовидные навершия, овальные в сечении рукояти с вертикальной щелью, двумя или тремя перемычками [1, с. 106, рис. 12, *5*, 41, *1*, 59] Еще один кинжал с грибовидным навершием, но с несколько иным оформлением перекрестья и рукояти происходит из с. Обуховка Днепропетровской обл. [2, рис. 9, *6*] Приведенным списком исчерпываются известные нам находки

© В. А. Ромашко, Г Н. Калагина, 1991 г.

карасукских кинжалов на территории Украины, являющейся, по-видимому, крайней западной областью их распространения.

Несколько кинжалов, отмечающих, по мнению Н. Л. Членовой, пути проникновения карасукских изделий в Восточную Европу, происходят из Зауралья [2, с. 50—54, табл. 9, *1, 2*]

В Сибири, Центральной и Восточной Азии известны значительные серии кинжалов, представляющих как прямые аналогии [2, табл. 1, *4, 4а, 5, 6, 7, 8, 18,* 8, *2*, 10, *1, 2*] северопричерноморским, в том числе и кочережскому, так и отличающиеся от них формой навершия. Все они, исключая кинжалы из погребений переходного карасукско-тагарского времени Старшего Томского могильника [3, с. 35, рис. 20, *2;* с. 42, рис. 25, *9*], представлены случайными находками, что в значительной степени затрудняет их датирование.

По типологии, предложенной Н. Л. Членовой [2], кинжал из с. Кочережки относится ко II группе, по типологии, разработанной Э. А. Новгородовой [4] — к III группе. Включенные в них кинжалы датируются указанными авторами позднекарасукским, предтагарским временем. Конкретно кинжалы Восточной Европы Н. Л. Членова датирует VIII в до н. э. [2, с. 52]. А. И. Тереножкин, рассматривая эти кинжалы в качестве прототипов киммерийских биметаллических мечей и кинжалов с крестовидным перекрестьем, относит их появление в Северном Причерноморье к X — началу IX в. до н. э. [5, с. 31].

Кинжал из с. Кочережки, найденный вне комплекса, не дает оснований для уточнения времени распространения оружия карасукского типа в Северном Причерноморье, однако сам факт такой находки с учетом уже известных свидетельствует о его достаточно широком использовании племенами степной Украины начала раннего железного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Членова Л. Н.* Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976.
3. *Комарова М. Н.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1952. № 24.
4. *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.
5. *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.

Днепропетровский государственный
университет

Павлоградский историко-краеведческий
музей

ДЕЙВИД С. БРАУНД

РИМСКО-СИРИЙСКАЯ СТЕКЛЯННАЯ ЧАША ИЗ ЛОО БЛИЗ СОЧИ

В ноябре 1960 г. в ходе строительных работ около Лоо, небольшого курорта примерно в 25 км к северу от Сочи, был сделан случайно ряд находок. Среди обнаруженных предметов были вещи из серебра, стекла, бусы и великолепные золотые украшения. Они были опубликованы в представляющей значительный интерес статье М. И. Ивановой и П. М. Голубева; повторять здесь их описание не представляется необходимым [1, с. 284—290]

Авторы вполне резонно полагают, что эти предметы представляли собой часть женского погребального комплекса. Изучив сопоставимые находки, сделанные в других местах Причерноморья и Закавказья, авторы пришли к выводу,

© Дейвид С. Браунд, 1991 г.

что вещи, найденные около Лоо, были изготовлены в период между I в. до н. э. и I или II в. н. э. Если их доводы верны, то погребение должно датироваться I или II в. н. э. или, может быть, еще более поздним временем. Проведенные ими сравнения золотых украшений из Лоо со сходными (но не идентичными) предметами из Мцхеты и Клдеети, по-видимому, говорят в пользу того, что погребение датируется временем не ранее II в. н. э. Клад из Гонио, найденный в Аджарии (Грузия) в 1974 г., расширил наши знания о золотых ювелирных изделиях этого периода и, вероятно, также говорит в пользу того, что погребение датируется II в. н. э. [2, с. 44—47]

Цель нашей заметки состоит в изучении одного из этих предметов — разбитой стеклянной чаши, сохранившейся примерно на две трети. Внимательное ее исследование подтверждает датировку погребения, предложенную М. И. Ивановой и П. М. Голубевым, и позволяет несколько уточнить ее. Более того, тщательное изучение этой стеклянной чаши показывает, что находка в Лоо имеет более чем местное значение и представляет интерес для специалистов по древнему стеклу на мировом уровне.

Авторы приводят следующее описание находки: «Разбитый сосудик из тонкого стекла янтарного цвета с простым орнаментом и непрочитанной надписью на греческом языке» [1, с. 284].

Надпись окаймляет чашу в виде непрерывного фриза. Прочесть ее возможно, хотя сохранились и не все буквы, и надпись эта абсолютно необходима для идентификации чаши. Часть надписи видна на иллюстрации в опубликованной статье. Во время моего посещения Абхазского государственного музея в 1988 г. мне показали детальную зарисовку чаши и полную транскрипцию сохранившейся части надписи, выглядевшую следующим образом:

ЄΥΦ[---]ΦΥЄΦѠΠΑΡЄΙ

Надпись относится к хорошо известному типу, полностью сохранившемуся на аналогичных находках, дошедших до нас в лучшем состоянии и хранящихся в коллекциях по всему земному шару. Полный текст может быть реконструирован как

εὐ[φραίν]ου 'εφῷ πάρει

Перевод: «Возрадуйся потому, что ты здесь (т. е. пьешь)» [1]

Надпись эта — веселый застольный девиз. Некоторые исследователи думали, что здесь приводится христианский текст, но, несмотря на некоторое подобие тому, что мы читаем в Евангелии от Матфея [Матф. 22, 40], ничего христианского в этой надписи нет. Более того, другие надписи на подобных чашах также представляют собой веселые застольные девизы, а не христианские легенды [3, с. 182, 183; 4, с. 1—10].

Стеклянная чаша из Лоо — один из малочисленных экземпляров подобных чаш, по-видимому, производившихся в Сирии методом дутья в форму. Этот тип был детально исследован Харденом [3, р. 162—186] Чаша из Лоо вполне соответствует типу G по его классификации не только своей надписью, но также формой и янтарным цветом, характерными для этого типа. Она не единственная находка чаш подобного типа в Причерноморье: другая чаша типа G была найдена в Ольвии и куплена Британским музеем в 1906 г., а еще одна чаша этого типа была найдена в Керчи [2] и в последний раз упоминалась в составе частной коллекции [3, с. 174, 175]. Харден датирует ее I—II вв. н. э. Что же касается типа G, то он предпочитает датировку II в. н. э., хотя и отмечает, что лишь очень немногие образцы этого типа можно отнести к известным ком-

[1] Использование 'εφῷ делает надпись не совсем понятной: поскольку 'εφῷπάρει означает «Почему ты здесь?», надпись на чаше из Лоо должна значить буквально «Возрадуйся потому, что ты здесь!», т. е. «Возрадуйся своему питию!».

[2] Керченская чаша имеет несколько отличную надпись: вместо омеги на чашах из Лоо и Ольвии здесь стоит омикрон [5, № 811]

плексам находок. Наиболее точно датируемый экземпляр подобных чаш относится к типу А, к так называемой «Эннионской группе»: данная чаша не могла попасть в культурный слой ранее правления императора Клавдия, так как была найдена вместе с монетой этого императора, ее форма и стилистика, нехарактерные для типа в целом, заставляют предположить, что она была изготовлена в I в. н. э. и представляет собой, вероятно, ранний экземпляр этого типа.

Важность находки в Лоо состоит в том, что подобная чаша, а это случается редко, была обнаружена в составе комплекса. Форма подобных чаш (включая тип G) и надписи на них привели Хардена к мысли о том, что они изготовлялись скорее всего во II в. н. э. Комплекс, найденный вместе со стеклянной чашей из Лоо, хорошо согласуется с датировкой, предложенной Харденом для типа G и комплекс этот следует учитывать во всех будущих дискуссиях о данном типе стеклянной посуды. В частности, комплекс находок в Лоо придает больший вес мнению Хардена о том, что производство такого типа стеклянной посуды следует, вероятно, датировать II в. н. э., хотя более точная датировка все еще не представляется возможной [3, с. 182].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова М. И., Голубев П. М.* Находки в Лоо // СА. 1961. № 3.
2. *Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А.* Гонийский клад. Тбилиси, 1980.
3. *Harden D. B.* Romano-Syrian glasses with mouldblown inscriptions // J. Roman Studies. 1935, № 25.
4. *Harris J. R.* Class chalices of the first century // Bulletin of the John Rylands Library. Manchester, 1927 № 11.
5. Supplementum Epigraphicum Graecum. № VII.

Department of Classics
University of Exeter,
England

В. С. СОЛОВЬЕВ

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЛИТКА ИЗ КАФЫРКАЛЫ

В 1987 г. во время раскопок городища Кафыркала в Вахшской долине на юге Таджикистана, которое идентифицируется с раннесредневековым Хелавердом — столицей области Вахш, на объекте № 3 (жилой городской дом) найдена очень интересная керамическая плитка с рельефным изображением процессии из трех персонажей: царя, мальчика и слуги. Плитка имеет квадратную форму (18×19 см), толщина ее 1,5—2 см. Рельеф нанесен на плитку штампом (16×16 см) до обжига, высота его 0,5—1,3 см. По краю рельефа идет бортик шириной 1,2—1,5 см, покрытый круговым орнаментом, образующим беспрерывную цепочку (рисунок). Обжиг изделия хороший. Недалеко от этой находки обнаружен обломок точно такой же плитки, что говорит об их массовом производстве. Стратиграфически обе они относятся к кроющему слою городища (период КФ-1) и датируются первой половиной VIII в.

На рельефе царь возглавляет процессию, он одет в двубортный кафтан, отороченный по краям, и штаны, обозначенные внизу складками. На голове царя корона, увенчанная двумя выступами, среди которых располагается полумесяц с диском. В левой руке он держит какой-то предмет, возможно чашу, в правой — связку веточек священного растения. К поясу с левой стороны у царя подвешен кинжал. Непосредственно за царем следует мальчик, вероятно

© В. С. Соловьев, 1991 г.

Кафыркала. Керамическая плитка

его сын или служка, который держит в левой поднятой руке какой-то предмет. Замыкает процессию слуга, несущий лук в чехле, колчан со стрелами и предмет, напоминающий формой гривну с геммой в центре. В правом ухе у него крупная круглая серьга. Мальчик и слуга одеты в кафтаны того же покроя, что и царь, головы их ничем не покрыты; подол кафтана слуги оторочен, штаны внизу собраны в складки. Кафтаны всех персонажей своим покроем восходят непосредственно к кафтанам кушанского типа. Слегка согнутые в коленях ноги передают движение людей вправо.

Представляется, что композиционная схема кафыркалинского рельефа восходит к образцам гандхарских каменных рельефов со сценами подношения даров Будде. На одном из рельефов, хранящемся в Пешаварском музее, изображены два донатора, которых возглавляет буддийский монах, держащий в руке какой-то предмет, за ним следует мужчина с непокрытой головой, крупными серьгами в ушах, большой чашей в руках. Процессию завершает третий персонаж. Все фигуры на рельефе фронтальные, ноги их немного согнуты в коленях — стремление передать движение фигур. Покрой костюмов у данных персонажей похож на покрой костюмов кафыркалинских донаторов [1, рис. 418] В гандхарских рельефах имеются аналогии и другим деталям

кафыркалинского рельефа, в частности положению руки царя, держащего у плеча ветви растения. Например, на рельефе из Буткары I у мужчины и женщины, стоящих вокруг жертвенника огня, в левой руке, у плеча — ветви растений [2, № 2465].

Аналогии можно продолжить, привлекая памятники гандхарского искусства Афганистана. Так, например, в музее Гиме в Париже хранится великолепный каменный рельеф из Шоторака (№ 21157), на котором Будда стоит рядом с двумя боддисатвами и двумя донаторами, которые держат в правой руке ветви растений, а в левой — какие-то предметы [1] Из Шоторака происходят и отдельные скульптурные изображения донаторов в кушанских костюмах [3, рис. 90, 137]. Похожие фигурки имеются и в рельефах Хадды [4, рис. X, 40].

Однако обращает на себя внимание не только сходство, но и различие в трактовке сюжетов на кафыркалинской плитке и на перечисленных памятниках гандхарского искусства. Ни в одном случае на гандхарских рельефах донаторы не несут в руках оружия. Поэтому нам кажется, что на кафыркалинском рельефе изображена не совсем обычная сцена подношения даров Будде. Очень вероятно, что рельеф иллюстрирует популярное в буддийской традиции предание о царе-охотнике, который решил прекратить охоту и стать верующим-буддистом. Он пришел в храм с дарами для Будды, а слуга принес царское оружие, которым он не будет больше пользоваться. В этой связи интересно отметить, что на Кафыркале, в том же доме, где найдена описанная выше плитка, несколькими годами раньше обнаружена более крупная плита со сценой охоты царя на горного барана [5, с. 213, рис. 1]. Думается, обе плиты тематически были связаны между собой, последовательно раскрывая превращение заядлого охотника в верующего-буддиста.

Несколько иначе интерпретированная сцена с изображением царя-охотника, отказавшегося от убийства живых существ, имеется в настенной живописи Какрака, расположенного недалеко от Бамиана в Афганистане [6, с. 35, 36]. Здесь фигура царя располагается рядом с фигурой Будды. Царь сидит на зооморфном троне, держит в руках ставший ненужным лук, рядом с ним воткнуты две стрелы. На голове у него корона, увенчанная тремя эмблемами, сочетающими символы солнца и луны [7, с. 42, 43]

Сюжет на Кафыркалинском рельефе вызван отчасти долгим существованием в искусстве Тохаристана, владения Вахш в частности, гандхарских традиций. Об этом свидетельствует также находка недалеко от Кафыркалы каменной скульптурной головки Будды, выполненной в дозднегандхарском стиле [8, № 356].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ingholt H.* Gandharan art in Pakistan. N. Y., 1957.
2. *Faccena D.* Sculptures from the sacred area of Butkara I. V. II. 2. Roma, 1962.
3. *Meunié J.* Shotorak. Mémoires de la Delegation Archéologique Francaise en Afghanistan. T X. P., 1942.
4. *Dagens B.* Mark le Berre et Daniel Schlumberger. Monuments preislamiques d'Afghanistan. Mémoires de la Delegation Archéologique Francaise en Afghanistan.
5. *Соловьев В. С.* К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафыркала) // СА. 1985. № 1.
6. *Godard A., Godard Y., Hackin J.* Antiquites Boudhiques de Bamiyan // Mémoires de la Delegation Archéologique Francaise en Afghanistan. T. II. P., 1928.
7. *Rowland B.* Art in Afghanistan. L., 1971.
8. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.

Институт истории, археологии и этнографии
АН ТаджССР, Душанбе

[1] Пользуясь случаем, приношу благодарность м-м Ф. Тиссо за знакомство с коллекциями гандхарского искусства в музее Гиме.

В. Й. ВАСИЛЕВ

БРОНЗОВАЯ НАКЛАДКА В ВИДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ФИГУРЫ ИЗ ЮЖНОЙ ДОБРУДЖИ

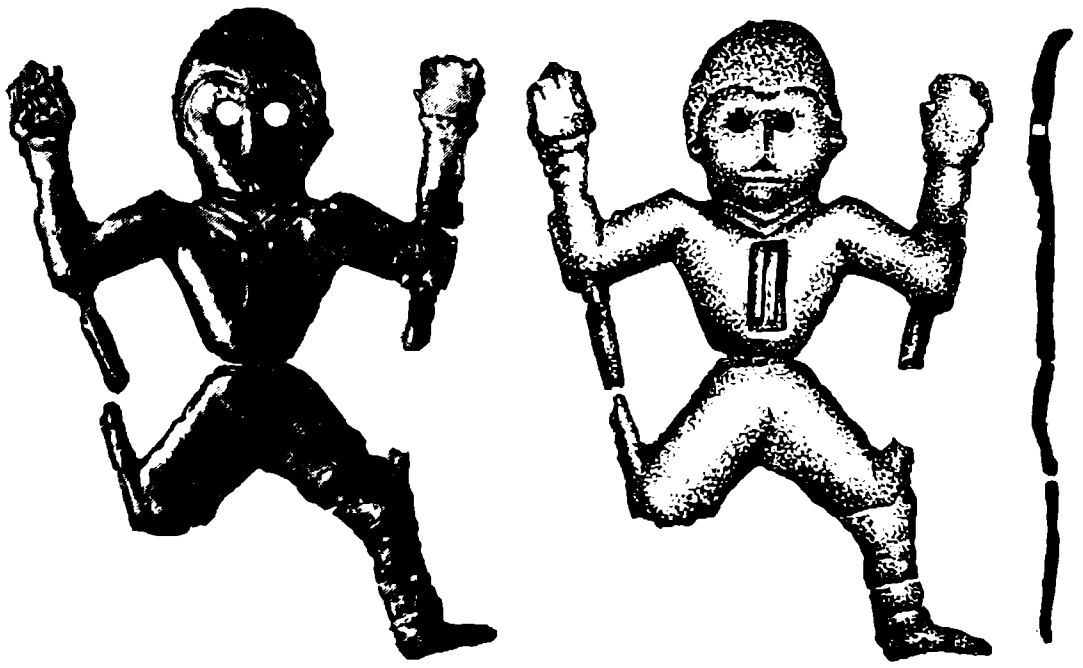
В Историческом музее города Толбухина в Болгарии хранится литая бронзовая барельефная фигурка человека (рис. 1). Ее размеры: высота 6,8 см, максимальная ширина 5 см, толщина 1 мм. Лицевая сторона рельефна, обратная — вогнута. Черты носа и глаз сделаны штамповкой, а некоторые другие элементы лица и одежды — гравировкой. Отсутствует правая нога. Ладони и пальцы рук плохо сохранились. В целом фигурка представляет собой человека в танцующей (или даже пляшущей) позиции с согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками с широко раскрытыми ладонями. Локти и колени были соединены стержнями, в настоящее время сломанными. Верхняя часть тела покрыта одеждой, которая схематично показана надрезами на плечах и груди, а на поясе стянута. На ногах легко угадываются узкие брюки и мягкая обувь. Отсутствие петельки для подвешивания показывает, что фигурка служила накладкой.

Сведения о месте нахождения и археологической среде, в которой она была найдена, не ясны. Поэтому особенно важно найти ей близкие аналоги. Подобные бронзовые и серебряные фигурки, изображающие человека, хорошо известны как во времена поздней античности, так и в раннем средневековье. Их обычно считают амулетами и приписывают гуннам, аланам, славянам [1, с. 87—93; 2, с. 176; 3, с. 266]. В качестве наиболее точных параллелей в отношении иконографии и техники обработки можно назвать четыре серебряные аппликации из клада у с. Мартыновка на Украине [4, с. 76—89] и две серебряные фигурки с Северного Кавказа: одна из ст. Преградной [5, с. 133—137, рис. 52], а другая из Кисловодской долины [6, с. 240, рис. 6, *3*]. Некоторое сходство имеет наша фигурка с одной бронзовой фигуркой из Северной Греции, которая также представляет человека с поднятыми вверх руками [7, с. 3, табл. 2, *2*] Из всех перечисленных находок самыми существенными (хорошо сохранившимися в комплексе) являются фигурки из Мартыновского клада. О предназначении и этнической принадлежности предметов этого клада, и прежде всего о семантике человеческих фигур и фигур животных, высказаны различные, часто противоречивые точки зрения. Н. Фетих [8, с. 280—293], который первый приступил к исследованию Мартыновского клада, а позже Г Ласло [9, с. 276—284] приписывают его аварам. Н. Фётих дает специальное название «культура Мартыновки» археологическим памятникам, которые содержат вещи, близкие предметам из этого клада [8, с. 292]. По мнению Б. А. Рыбакова, Мартыновский клад состоит из предметов, которые в основном произведены в местных славянских мастерских [4, с. 89]. Такое мнение защищают Й. Вернер [7, с. 5] и А. Т. Смиленко [10, с. 98]

По вопросу датировки Мартыновского клада большинство авторов единодушны и относят его к VI в. [4, с. 89; 8, с. 292] VI—VII вв. датируются находки на Северном Кавказе [5, с. 136; 6, с. 246] и из Северной Греции [7, с. 7]

Археологические памятники из круга «мартыновской культуры» являются хорошей основой для выяснения предназначения, семантики и датировки рассматриваемой в данной заметке бронзовой фигурки. Прежде всего нужно отметить, что иконографическая близость отчетливо проявляется в изображении тела и положении ног. Такое положение человеческой фигуры очень характерно для множества археологических и этнографических памятников, в том числе для графитти, накладок, амулетов, вышивок. Элемент, который связывает локти и бедра, не является единичным явлением. Так же связаны все части фигур животных из Мартыновского сокровища [4, рис. 21]. Различие существует в

© В. Й. Василев, 1991 г.



1 *2*

Рис. 1. Бронзовая накладка из Южной Добруджи. *1* — фото; *2* — прорисовка

положении рук. В нашей (толбухинской) фигурке руки подняты вверх, а в большинстве аналогий они упираются в бедра. Как известно, положение рук имеет большое значение, что весьма убедительно доказал А. К. Амброз в своей статье о русской вышивке [11, с. 61—76]. Некоторое различие существует и в трактовке лица. Лица фигур из Мартыновки и с Северного Кавказа очень стилизованы, превращены в условные маски. В рассматриваемой фигуре лицо более реалистично, несмотря на общую стилизацию всего изображения.

По вопросу о предназначении бронзовой фигурки можно предполагать, что это была накладка или на луке седла, как предполагал Г Ласло о подобных предметах [9, рис. 81, 82], или на одежде.

При датировке нужно учитывать некоторые дополнительные наблюдения кроме указанных иконографических аналогий толбухинской находки с вещами мартыновского круга. В ней выявляется близость с антропоморфными фибулами V—VI вв., у которых изображение головы имеет значительное сходство в абрисом лица накладки [12, с. 151—173]

Все сказанное дает основание считать, что публикуемая вещь, несомненно, относится к группе памятников мелкой металлопластики, характерной для VI—VII вв. Этническую принадлежность их в настоящее время трудно определить категорично. Рассматриваемые часто в рамках «мартыновской культуры», они имеют широкое распространение от Кавказа до Северной Греции. Очевидно, на территорию современной Южной Добруджи накладка попала при передвижении этнических масс (с востока) на юг от Дуная в VI—VII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шелов Д. Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.; Наука, 1978.
2. *Ковалевская В. Б.* Антропоморфные амулеты VI—IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. № 176.
3. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
4. *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. 1953. Т. XVII.
5. *Минаева Т М.* Находки близ ст. Преградной на р. Урупе // КСИИМК. 1957 Вып. 68.

6. *Рунич А. П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4.
7. *Werner J.* Slawishe bronzefiguren aus Nordgriechenland. B., 1953.
8. *Fettich N.* Die Metallkunst des Landnehmenden Ungarn // Arch. Hung. 1937. XXI.
9. *Laszlo G.* Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // Arch. Hung. 1955. 34.
10. *Смиленко А. Т* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпро'ї (II—XIII ст.) // Київ: Наук. думка, 1975.
11. *Амброз А. К.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. 1966. № 1.
12. *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reincke Festchrift. Mainz, 1950.

Исторический музей, г. Толбухин,
Болгария

Л. Г. ЧАЙКИНА

О НАЗНАЧЕНИИ ДВУХ КАМЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

В течение ряда лет экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Е. Н. Носова и при участии Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника проводятся исследования Рюрикова городища под Новгородом. Основные материалы этого памятника относятся к средневековому времени, когда здесь функционировали княжеская резиденция и торгово-ремесленное поселение. Кроме того, в 1934—1935 гг. исследованиями М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова открыты неолитические слои. В результате раскопок последних лет на возвышенной части городища, у церкви Благовещения, зафиксированы остатки поселения эпохи раннего металла. Среди вещей, обнаруженных на городищенском холме в 1981 г., были сланцевые стержни неизвестного назначения [1]

Форма одного из них вытянуто-подцилиндрическая, длина 4,6, диаметр 0,4 см (рис. 1, *1;* 2, *2*). На его поверхности невооруженным глазом прослеживаются две плоские грани, одна напротив другой. На них четко видны следы заточки на абразиве в виде частых диагональных рисок, параллельных друг другу. Один из концов стержня подконусовидный, эта форма придана ему с помощью длинных плоских круговых срезов; другой округлый, слегка выпуклый. На обоих концах предмета фиксируется приглушенный блеск.

Второй стержень, обломанный в древности, имеет конусовидную или карандашевидную форму, слегка асимметричную в результате подправки острия в процессе его изнашивания, длиной 3,5 см, больший диаметр 0,7, меньший — 0,5 см (рис. 1, *2,* 2, *1*). На предмете видны следы продольных срезов шириной от 0,1 до 0,4 см, образующих грани по всей поверхности орудия. На некоторых плоскостях этого стержня прослеживаются следы абразивной обработки, такие же, как на первом стержне. Острый конец предмета как бы заточен с помощью косых срезов разной длины. Другой конец сломан, причем концы слома имеют закругления и острые углы, свидетельствующие о том, что деформация изделия имела место в древности. Блеск утилизации виден только на заостренном конце, слегка притупленном в результате использования.

Таким образом, оба стержня изготовлены одними и теми же техническими приемами. Их форма образована с помощью длинных плоских срезов, окончательная доделка осуществлена с помощью абразива. Результаты исследований абразивной техники С. А. Семеновым показали, что можно различать следы обработки, произведенной с помощью крупно- и мелкозернистых абразивов [1]. Микроанализ поверхности рассматриваемых изделий показал, что последние

[1] Автор выражает благодарность Е. Н. Носову за предоставленную возможность ознакомиться с материалами.

© Л. Г Чайкина, 1991 г.

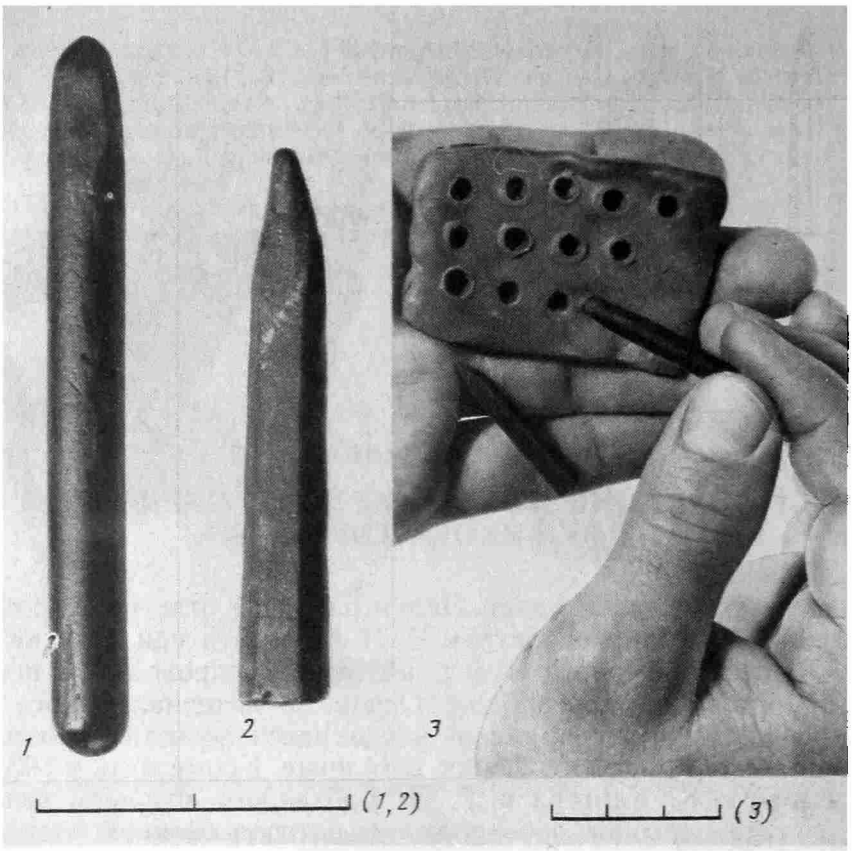


Рис. 1. *1*, *2* — стержневидные сланцевые предметы (фото), *3* — эксперимент с пластилином

были оформлены путем применения крупнозернистых песчаниковых абразивов. Следы износа наблюдаются только на кончиках острий и примыкающих к ним гранях. Их заполированность, более темный оттенок поверхности указывают на утилизацию этих изделий.

Проведенный трасологический анализ подтвердил, что стержни имели утилитарное назначение. Под бинокулярным микроскопом хорошо видно, что у орудия подцилиндрической формы на более остром конце концентрируются участки сильной затертости. Этот конец время от времени подправляли, заостряли. Следы подправки также хорошо прослеживаются. Другой конец округлый, имеет оплывшие и сглаженные грани. Трасологические исследования показали, что оба торца употреблялись в работе по мягкому материалу, а именно по сырой глине. Острый конец другого изделия — с карандашевидным острием имеет такие же следы изношенности. Последние позволяют определить оба предмета орнаментирами, использовавшимися для нанесения орнамента на стенки слегка подсушенных сосудов.

Интерпретация этих предметов стала возможной благодаря многочисленным экспериментам, проводившимся в Литовской опытной экспедиции. В один из полевых сезонов было поставлено большое количество опытов, связанных с изучением технологических процессов керамического производства, и в частности приемов орнаментации, а также самих орудий, с помощью которых сосуды оформлялись. В экспериментах использовалось большое количество разнообразных орнаментиров, изготовленных из разных материалов, таких, как птичьи косточки, перья, заостренные ветки, щепки, раковины, сланец. Результаты этих работ и идентификация следов подтвердили установленную нами функцию исследуемых изделий. Опираясь на эталоны, полученные Литовской экспериментально-трасологической экспедицией, мы можем с уверенностью интерпретировать исследуемые предметы с Рюрикова городища как

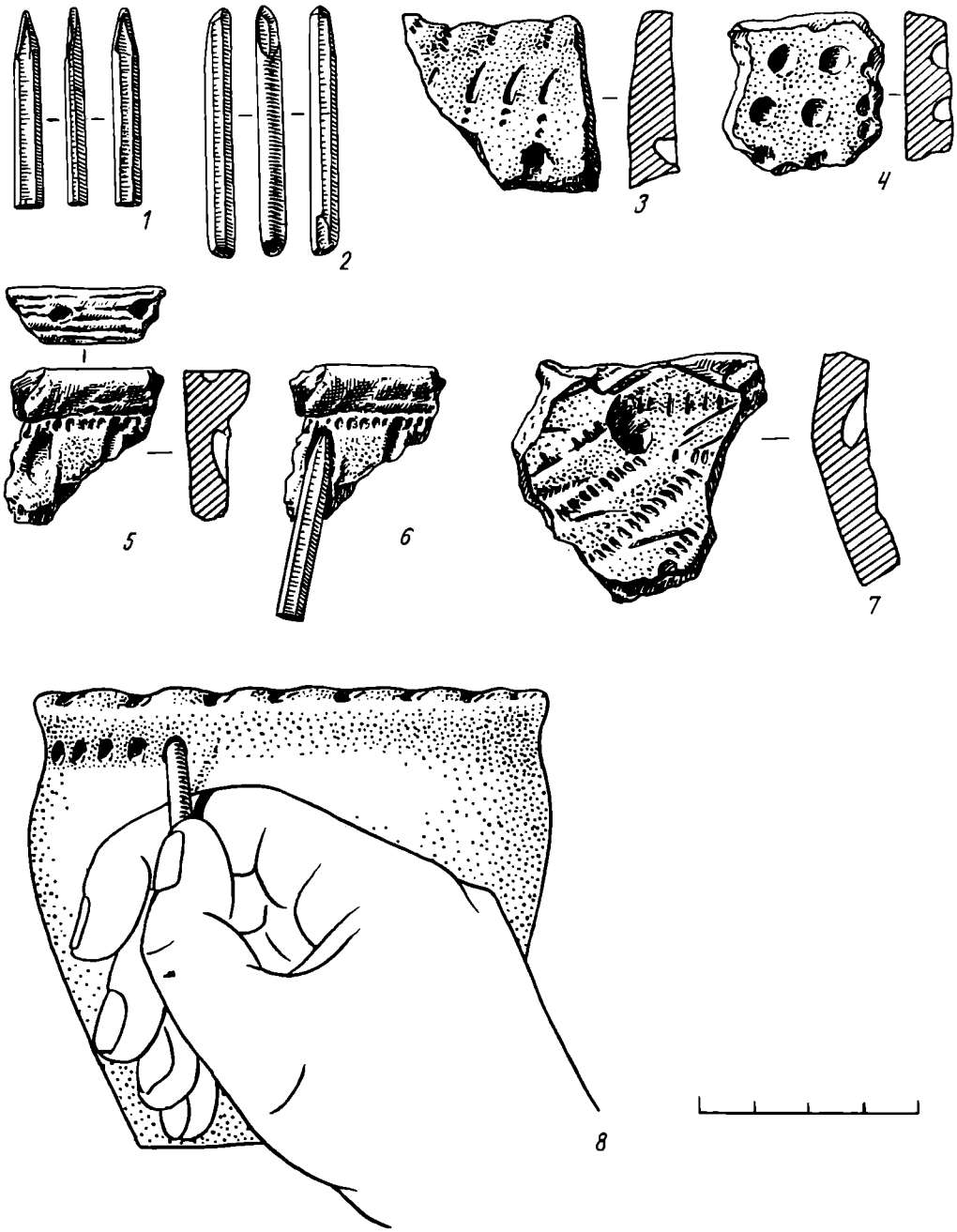


Рис. 1. *1, 2* — сланцевые предметы (прорисовка); *3—5, 7* — фрагменты керамики с Рюрикова городища; *6, 8* — способы употребления каменных орнаментиров

орнаментиры для керамики [2] Как показали опыты, блеск на орнаментирах образуется от соприкосновения их с поверхностью сырых или слегка подсушенных сосудов.

В одном из раскопочных сезонов на Рюриковом городище неподалеку от местонахождения орнаментиров были найдены фрагменты керамики эпохи раннего металла с ямками и отпечатками гребенчатого штампа (рис. 2, *3—5, 7*), характерной для памятников Приильменья и Поволховья второй половины II — первой половины I тыс. до н. э. [3, с. 8—10]

Для выяснения характера орнамента нами были проведены эксперименты, в ходе которых с помощью описанных выше стержней на поверхности пластилина были оттиснуты ряды ямок. Оказалось, что диаметр и глубина этих ямок

аналогичны диаметру и глубине ямок на археологических фрагментах керамики (рис. 1, *3*; 2, *6, 8*).

Таким образом, трасологические исследования и проведенные опыты позволяют с уверенностью сказать, что сланцевые стержни, обнаруженные на Рюриковом городище, использовались как орнаментиры и употреблялись в керамическом производстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957 № 54.
2. *Семенов С. А., Коробкова Г Ф.* Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
3. *Плохов А. В.* Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом городище под Новгородом // История и археология Новгородской земли. Тез. докл. научно-практ. конф. Новгород, 1987.

Ленинградское отделение ИА АН СССР

Критика и библиография

Е. Э. НОСЕНКО

КЕЛЬТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «GALLIA»

Журнал «Gallia» (полное название: «Gallia. Fouilles et monuments en France métropolitaine») начал выходить во Франции в 1943 г. в соответствии с законом 1941 г. о регламентации археологических раскопок. Изданный тогдашним министром национального образования и виднейшим ученым Ж. Каркопино, закон предусматривал, чтобы результаты всех проводившихся во Франции раскопок публиковались государственным печатным органом. Речь шла вовсе не о том, чтобы составить конкуренцию многочисленным историческим и археологическим периодическим изданиям, выходившим и выходящим в различных регионах Франции (например, «Cahiers languédociens», «Bulletin historique et scientifique de l'Auvergne»), а о том, чтобы научная общественность могла получить представление о важнейших находках и текущих раскопках на территории страны.

Журнал «Gallia» издается по инициативе Национального центра научных исследований (C.N.R.S.). «Gallia» — печатный орган Технического комитета археологических исследований во Франции, президентом которого первоначально был А. Марлен, постоянный секретарь Академии надписей и изящных искусств. В комитет входили известные историки (А. Гренье, А. Леруа-Гуаран, П.-М. Дюваль), представлявшие крупнейшие научные центры, коллежи и музеи Франции (в том числе Музей человека в Париже). Подлинными же вдохновителями и создателями журнала были Ж. Каркопино и А. Гренье, составившие программу «Gallia», цель которой они определили как возможно более полное информирование о состоянии археологических раскопок в стране. Программа охватывала изучение протоистории, преистории (пользуясь принятой во Франции терминологией), эпохи античности и «варварского периода» (до VII в. н. э. включительно). Создавая «Gallia», А. Гренье учитывал лучший мировой опыт подобного рода (в частности, итальянских журналов «Notizie degli Scavi» и «Monumenti antichi»). Франция к тому времени уже создала журнал «Syria», и «Gallia» должна была походить на нее.

Структура журнала в целом такова: ежегодный выпуск, как правило, состоит из двух (редко трех) полутомов (в самом начале были и однотомники) со сплошной пагинацией. Основная часть первого полутома обычно включает несколько фундаментальных статей, посвященных крупным археологическим комплексам, интересным находкам; в них нередко даются обобщающие результаты исследований за несколько лет. Затем следует раздел «Заметки», посвященный публикации отдельных находок или их серий, реже — публикации дотоле не известных экспонатов из музеев Франции. Второй полутом почти целиком занят «Археологической информацией» — описанием текущих раскопок в различных департаментах Франции. Этому разделу редколлегия журнала придает особое значение, поэтому многие сообщения выходят за рамки просто информации. Здесь очень велика роль директоров местных центров по изучению древностей — они в основном авторы текущей информации. В журнале время от времени также публикуются списки трудов видных ученых-археологов, а также списки ежегодно издаваемых материалов. Важен также раздел «Хроника», который с 1945 г. вел Р. Лантье и в котором публиковались известия о важнейших событиях (семинарах, конференциях и пр.) в научной жизни страны. В 60-е годы объем археологических раскопок резко возрос, вследствие чего часть материалов и документов оставалась неопубликованной; поэтому редколлегия ввела новую рубрику — «Комментарии к документам», где помещались полевые планы и чертежи, фотографии (в том числе аэрофотоснимки), рисунки отдельных предметов и комплексов с краткими комментариями, содержащими основные сведения, и отсылками к более подробным публикациям. Кроме того, с 1946 г. выходит еще специальное «Приложение» к журналу «Gallia», где дается нечто вроде обзоров многолетних раскопок; так, раскопки, прово-

© Е. Э. Носенко, 1991 г.

димые А. Роланом в поселениях Гланум и Сен-Блэз, были обобщены в соответствующих «Приложениях» [1—4]

Теперь несколько слов следует сказать о редколлегии журнала. Первоначально ее возглавил виднейший историк кельтских древностей и западноримских провинций А. Гренье. Кроме него в так называемую дирекцию входили П.-М. Дюваль и М. Туссен. Членами редколлегии журнала были многие известные историки и археологи — А. Леруа-Гуаран, Э. Виль, Р. Лантье, Ш. Пикар и др. В 1958 г. ввиду обилия археологических материалов и невозможности публикации их в одном журнале было принято решение издавать две серии «Gallia»: «Gallia Préhistoire», редколлегию которой возглавил А. Леруа-Гуаран, и «Gallia», главным редактором которой стал А. Гренье (а его заместителем — П.-М. Дюваль, возглавивший журнал после смерти А. Гренье в 1961 г.). В первой серии публикуются материалы, относящиеся к каменному и бронзовому векам. Прочие периоды освещаются на страницах «Gallia» (в редколлегию которой вошли новые члены: крупные ученые А. Пиганьоль, М. Лежен и др.). Кроме того, с 1958 г. издаются соответственно две серии «Приложений».

В «исторической» серии журнала, которая здесь будет рассматриваться, основное внимание уделяется рассмотрению гальштатской и латенской эпох, а также галло-римскому периоду. Однако не остаются без внимания памятники эпохи Империи, раннехристианские находки и материалы так называемого «варварского» периода — галло-франкского, меровингского, иногда начала эпохи каролингов [5—14 и др.]

Нас в основном интересует кельтская археология, т. е. памятники гальштатской и латенской эпох. Иногда к ним вплотную примыкают сообщения о раскопках периода поздней бронзы (ряд поселений и погребений датируется концом бронзового — началом железного веков), а также галло-римского периода (святилища, некрополи, поселения, нередко возникшие в «период независимости»). Сюда следует отнести не только собственно кельтские, но и кельто-иберийские, кельто-лигурийские и другие памятники. Кроме того, необходимо вкратце остановиться на наиболее значительных греческих, этрусских, финикийских и пунических находках, поскольку они проливают свет на историю данного региона.

Наиболее полно в журнале представлено изучение поселений, как собственно кельтских, так и смешанных. Особенно интересны материалы раскопок галльских «столиц», описанных Цезарем,— Алезии, Герговии, Бибракте и др., а также безымянных кельтских oppida [15—22]. Много внимания на страницах «Gallia» уделяется изучению поселений на юге Франции, таких как Антремон, Анзерюн, Майяк, Русино и др.,— их население, как правило, было смешанным [23—29] Материалы раскопок наиболее значительных поселений впоследствии легли в основу посвященных им монографий. Из них наиболее интересны фундаментальное исследование Ж. Жаннорэ, посвященное кельто-иберийскому поселению IX—II вв. до н. э., расположенному возле современного Анзерюна [30], очерк Ф. Бенуа об Антремоне — «столице» конфедерации салиев [31], капитальный труд Р. Жофруа, где оппидум возле Вис изучается в контексте различных позднегальштатских памятников восточной Франции [32], а также монографии Р. Этьена [33] и М. Лабруса [34] о древностях Бордо и Тулузы.

Значительное место в журнале отведено рассмотрению некрополей и отдельных погребений, плану гробниц, способу захоронения, изучению погребального инвентаря [35—45]. Особое место в этом ряду занимают так называемые погребения с колесницами — когда останки находились на погребальной колеснице или возле нее [46—48]

Много внимания в рецензируемом издании уделяется также укреплениям поселений разных эпох, их структуре, типу, строительной технике, материалу и т. п. [49—55] Особое место в журнале «Gallia» занимает изучение святилищ. Поскольку собственно кельтские святилища на территории Франции почти не известны, то исследователи обращаются к материалам более поздних — галло-римских святилищ, которые дают представления о функциях отдельных частей этих святилищ, их структурно-пространственном расположении. В ряде случаев удается выявить сходный для всех кельтских святилищ план, а также атрибуировать их [45, 56—58].

Немало места отведено рассмотрению местной керамики и центров ее производства, ее датировке (абсолютной и относительной) и соответственно датировке всего археологического комплекса, где обнаружена данная керамика, декоративному стилю. Статьи, посвященные керамическому производству, как правило, снабжены фотографиями, рисунками, профилями керамики [6; 59—63]. К сожалению, фотографии только черно-белые, что в случае полихромной росписи затрудняет ее описание.

Целый ряд фундаментальных статей, сообщений, а также небольших заметок и публикаций посвящен монетам Галлии — как кельтским, так и греческим, иберийским, пуническим, римским. Помимо фотографий и прорисовок к таким статьям нередко прилагаются таблицы, в которые сведен публикуемый и ранее известный материал, что позволяет в большинстве случаев датировать находки [64—70]

Значительное число статей, заметок и отдельных публикаций посвящено оружию и утвари кельтов, а также их украшениям и предметам декоративно-прикладного искусства [71—85] Все они иллюстрированы многочисленными рисунками, прорисовками и фотографиями. К сожалению, только сообщение о находке кельтской бронзовой пластины, украшенной разноцветной эмалью, снабжено цветной вкладкой [85], пока единственной во всем журнале «Gallia». Насколько информативнее в данном случае цветные фотографии, можно судить по роскошному изданию П.-М. Дюваля, посвященному в основном кельтским предметам декоративно-прикладного искусства [86] Примечательно, что в альбоме П.-М. Дюваля целый ряд иллюстраций воспроизводит фотографии из рецензируемого издания, но уже в цветном варианте.

В особом, хотя и сравнительно небольшом блоке статей и публикаций рассказывается о кельтских и галло-римских надписях, а также о местной каменной и деревянной скульптуре и коропластике [10, 87—92]

Значительный интерес представляют раскопки греческих колоний и факторий: Массалии, Ольвии, Антиполиса, Гланума (Гланона), Сен-Блэза (Мастрамелы), Алалии и др., материалы которых обобщены в целом ряде статей [93—101], а также представлены в разделе «Археологическая информация». В прямой связи с греческой и этрусской торговой экспансией стоят обнаруженные во время раскопок изделия греческого и этрусского импорта: керамика, амфоры, бронза. Этой теме также посвящены серии статей и отдельные сообщения [102—106]. Очень интересны материалы подводных раскопок, постоянно проводимых возле Марселя и периодически у всего южного побережья Франции [107, 108].

К сожалению, несмотря на обилие статей о различных погребениях, лишь очень немногие содержат антропологический анализ костных находок. Собственно антропологической можно считать лишь статью Ж. Бийи [41], в остальных приводятся самые общие данные [35, 45]

Большой интерес вызывают публикации, представляющие современные методы в археологических исследованиях: аэрофотосъемку, металлографию, фотограмметрию, а также их результаты [109, 110]

Помимо фундаментальных статей во всех указанных случаях имеется, как уже говорилось, текущая археологическая информация. В этом разделе отсутствует анализ находок, зачастую дается лишь предварительная их датировка. Но именно публикации данного раздела дают общее представление об археологических памятниках рассматриваемого региона. На основе этих материалов созданы обобщающие труды, посвященные отдельным поселениям или целым районам и написанные сотрудниками рецензируемого издания — Ф. Бенуа, П.-М. Дювалем, М. Лабрусом, Г. Барюолем и др. [30—34; 86; 111—119]

Благодаря опубликованным в журнале «Gallia» материалам можно более или менее полно реконструировать многие явления и процессы, имевшие место в рассматриваемый период. Так, на основе археологических данных возможно представить разные стороны материальной и духовной культуры, выделить хозяйственно-культурные типы, восстановить процессы урбанизации, этнических контактов и т. п. Надо сказать, что раскопки погребений и поселений несут не очень много информации о хозяйстве и ремеслах у древних кельтов. Так, отдельные сельские жилища изучены слабо, их труднее выявить. На сегодняшний день известно несколько таких домов в разных департаментах Франции — они мало отличаются по планировке и строительному материалу от городских жилищ, тоже прямоугольных в плане, однокамерных, глинобитных или сложенных из мелкого камня на каменном же цоколе. Данные, свидетельствующие о занятиях сельским хозяйством, немногочисленны: так, почти повсеместно распространены зерновые ямы возле жилищ, каменные зернотерки различных типов, мотыги и серпы. В приморских областях немалую роль играла рыбная ловля и добыча моллюсков, о чем говорят раковинные кучи и панцири крабов, а также рыбьи кости. Значительное место почти повсюду занимало скотоводство — на поселениях обнаружены кости быка, барана, лошади, реже козы и свиньи. Охота имела явно подсобное значение — лишь в центральных областях обнаружены кости кабана и оленя.

Гораздо лучше археологически засвидетельствовано ремесло: ткачество (многочисленные пряслица), кожевенное производство (находки конской упряжи, поясов), обработка камня (на юге)

и рудное дело. Особенно было развито керамическое производство, о чем говорят находки разнообразной керамики (лепной и круговой), моно- и полихромной (иногда подражающей греческим и этрусским образцам), гончарные горны и т. п. Не меньшее значение имела обработка металла, в том числе художественная: об этом свидетельствуют многочисленные орудия, оружие и украшения местного производства; удается также выявить различные стили художественной металлообработки (особенно бронзы). На территории поселений известны мастерские по обработке металлов. Ремесленники селились особыми кварталами.

На основании археологических данных, опубликованных в журнале, можно составить относительно полное представление о военном деле у кельтов и других населявших Галлию народов. Наиболее распространенными видами оружия были длинные прямые мечи и копья, реже широкие кинжалы. Употребление лука и стрел почти не засвидетельствовано. Из защитного вооружения иногда встречаются шлемы круглой формы и умбоны от щитов. Видимо, первоначально для ведения боя предназначались и колесницы, позже имевшие чисто ритуальное значение.

Изданные в «Gallia» материалы позволяют также составить представление об утвари, украшениях и т. п. Наиболее часто на поселениях встречаются ножи, топоры, сверла, глиняная и металлическая посуда, котелки, сита и другие хозяйственные предметы. Очень широко были распространены фибулы, типологии которых посвящен ряд статей. Чрезвычайно разнообразны украшения: браслеты, кольца, бусы, различные поясные бляхи, цепочки и др. Особый интерес представляют торквесы, имевшие сакральное значение. Приемы художественной обработки металла также были чрезвычайно разнообразны: литье, чеканка, холодная ковка, эмаль, инкрустация полудрагоценными камнями (в том числе привозными, например янтарем) и т. п. В упоминавшейся уже работе П.-М. Дюваля [86] использованы многочисленные публикации «Gallia».

Как уже говорилось, пожалуй, больше всего места в журнале занимают сообщения о раскопках различных поселений. Благодаря им можно в общих чертах реконструировать процесс урбанизации в Галлии, составить представление о типах поселений (постоянные, убежища, торговые или культовые центры), их планировке, типах укреплений и жилищ, строительной практике и т. п. Для разных периодов удается выявить различные градостроительные ареалы. В эпоху гальштата выделяется три таких ареала: 1) восток и северо-восток Галлии (земляные укрепления галльского и белгского типов, хаотичная планировка, глинобитные жилища); 2) юго-запад, где были сильны строительные традиции культуры Эль-Аргар (циклопические стены, каменные четырехугольные дома, мощеные улицы, водоотводная система, попытка ортогональной планировки); 3) юго-восток, где преобладали примитивные убежища, укрепленные природой, и небольшие каменные жилища. В латенский период картина меняется — на востоке и в центре преобладают поселения очень больших размеров, хаотичной планировки, укрепленные стенами и валами смешанной кладки, разными типами каркасных укреплений (известно более 20 случаев классических «галльских стен», описанных Цезарем) Изредка здесь встречаются панцирные, или так называемые двойные стены, а в конце латенского периода — каменные укрепления иррегулярной кладки без раствора или на глине. Жилища почти не отличаются от домов предшествовавшей эпохи. На юго-востоке на месте примитивных убежищ возникают крупные торговые и сакральные центры, в застройке и укреплениях которых обнаруживается явственное влияние греческой, реже этрусской строительной практики (каменные стены регулярной кладки, благоустройство и мощение улиц, деление на верхний и нижний город, ортогональная планировка и др.). Подобные процессы протекали и на юго-западе, где в крупных торговых поселениях постепенно были утрачены традиционные приемы каменного строительства, замененные греческими образцами (не всегда органично — вплоть до создания собственной псевдоордерной системы, подробнее об этом см. [120]).

Помимо материальной культуры публикации рецензируемого издания дают возможность составить представление о различных сторонах духовной культуры. Таков погребальный обряд и тесно связанные с ним представления о загробном мире. Можно выделить разные типы погребений: курганные, шахтовые, в каменных ящиках, в сферических, овоидных или биконических урнах или же в металлических сосудах. В центральных и северных областях преобладает ингумация, хотя доля погребений с трупосожжениями также велика, на юге наблюдается обратная картина. Гетерогенность погребального обряда указывает на неоднородность этнического состава населения Галлии. Подтверждаются сообщения античных авторов о пышности погребального обряда у галлов. Особенно это характерно для гальштатской эпохи. Судя по погребениям периодов гальштат и латен, социальная стратификация была не очень резкой, усиливаясь к концу латенской эпохи. Большинство погребений имеет очень богатый погребальный инвентарь, который содержит все необходи-

мое для загробного существования, а также предметы, которые, по сообщениям античных авторов, покойный особенно любил. Наиболее интересны уже упоминавшиеся погребения на ритуальных колесницах — на них хоронили как мужчин, так и женщин. Все это подтверждает наличие сложных представлений о жизни после смерти.

Большую ценность представляют данные, касающиеся религиозных верований и мифологии. Прежде всего это материалы раскопок святилищ и культовых центров. Собственно кельтские святилища известны в Галлии только для конца латенской эпохи, они представляли собой четырехили многоугольные здания с остатками внешней стены или галереи для торжественных процессий; в центре или в одном из углов святилища находился алтарь. На территории святилищ нередко находки грубо обработанных антропоморфных камней или деревянных столбов, на юге Галлии — каменной скульптуры (испытавшей влияние греческой пластики), вотивных статуэток, оружия. Иногда на территории культового центра находят человеческие погребения. Более ранние святилища, вероятно, строили из дерева — остатки подобных сооружений известны в центральных районах Галлии. На юге, где довольно сильно ощущалось греческое и этрусское влияние, сооружали каменные культовые комплексы. Нередки святилища у водоемов и источников, что связано с существованием культа воды. Среди наиболее часто встречающихся в святилищах и вообще в кельтском искусстве мотивов — солярные (крест, свастика, спираль), связанные с культом плодородия (изображения богини-матери), почитанием умерших (изображения хтонических существ: чудовищ, коней, птиц). Наиболее широко засвидетельствован (в том числе в районах со смешанным населением) описанный античными авторами культ отрубленной головы (возможно, средоточия жизненной силы) [120]. Известен также культ богов-воителей или героев, божеств с молотом или палицей, божеств в «позе Будды». Практиковались, хотя, возможно, не так широко, как представлено в греко-римской традиции, человеческие жертвоприношения.

Материалы рецензируемого издания позволяют также реконструировать некоторые другие стороны духовной жизни кельтов и иных этнических групп, населявших Галлию. Так, о существовании у кельтов календаря говорит находка в деп. Вогезы пластинок из кости с изображениями знаков зодиака и лунно-солнечной символики. Надписи выполнены греческим алфавитом, но названия туземные, местным также является деление года на 36 декад [121] Использование греческого, а также иберийского алфавитов засвидетельствовано в разных районах Галлии: греческий чаще встречается в центральных и южных областях, иберийский — преимущественно на западе и юго-западе.

Небольшой «блок» публикаций в «Gallia» посвящен местной скульптуре. Здесь надо отметить небольшие вотивные статуэтки из дерева, терракоты, камня, изображающие людей, части человеческого тела, животных, а также модели хозяйственных орудий и пр. Кроме них известны различные рельефные (низкие и высокие) изображения божеств. На севере и в центре страны распространены стелы из местного камня с грубо высеченными рельефными изображениями: чаще всего бога с молотом, женского божества, божества с торквесом на шее и многочисленных отрубленных голов. В более поздний период под воздействием античного искусства появляется каменная скульптура. Наиболее популярно женское божество (вероятно, богиня плодородия). Известное распространение получили бронзовые культовые статуэтки с тщательной проработкой деталей. Что же касается юго-востока Галлии, то в этой области широкую популярность приобрела каменная скульптура, изображающая богов и геров, в том числе в «позе Будды», женских божеств и различных хтонических существ, реже львов. Очень часты всевозможные изображения отрубленных голов. Наиболее известна скульптура из сакральных центров в Антремоне и Рокпертюз — здесь можно говорить о храмовой скульптуре и архитектуре (четырехугольные в плане святилища, в которых находились статуи и рельефные изображения). К святилищу вела мощеная сакральная дорога или лестница, по бокам которых находились скульптуры божеств, стелы с изображениями отрубленных голов или нишами для черепов. В целом искусство этого региона развивалось под довольно значительным воздействием греческого и этрусского искусства, сохраняя, однако, немало самобытных черт

На юге Франции нередко встречаются настенные росписи, в которых преобладают геометрические узоры и солярные символы.

Материалы раскопок и музейные экспонаты, опубликованные в «Gallia», представляют богатое декоративно-прикладное искусство кельтов и других народов, населявших Галлию. В художественной вазописи исследователи выделяют гальштатский и латенский стиль, а также их различные периоды. Для гальштатского стиля в целом характерна одно- или двухцветная керамика с преоб-

ладанием геометрических узоров и солярных знаков. В латенскую эпоху ее сменили прекрасные полихромные сосуды с разнообразным криволинейным орнаментом. Как уже говорилось, значительное развитие получила художественная обработка металла, образцы которой во множестве представлены на страницах рецензируемого журнала. В технике литья, холодной ковки, инкрустации, цветной эмали изготавливали не только украшения (кольца, браслеты, торквесы, бляхи и т. п.), но и оружие (особенно ножны и шлемы), а также культовые предметы (разнообразные пластины, диски с эмалью и инкрустацией жемчугом, полудрагоценными камнями, стекловидной пастой). Особенно изысканны бронзовые и золотые изделия в так называемом кельтском «пламенеющем» (Flamboyand) стиле.

Статьи и заметки в «Gallia» далеко не исчерпываются описанием перечисленных предметов и комплексов: они дают возможность восстановить многие явления и процессы, имевшие место в данном регионе. Поэтому вызывает недоумение то, что исследователи столь редко обращаются к антропологическому анализу материалов погребений. Собственно антропологические измерения были проведены лишь однажды в 60-е годы на материале гальштатского могильника в Шабестане (Верхние Альпы) [41], выявившие антропологическую неоднородность населения этой области (вероятно, следствие этнической миксации, произошедшей в результате миграции кельтов). Некоторые замеры были произведены также в некрополе Сент-Юрнель-ан-Пломер (Финистер), существовавшем с гальштатской эпохи до периода раннего средневековья [34]. Хотелось бы в дальнейшем на страницах «Gallia» видеть больше такого рода статей.

Вместе с тем журнал богат сообщениями, посвященными торговому обмену, колонизационному и миграционным процессам на территории Галлии. Так, разнообразный греческий импорт (керамика, амфоры, бронзовые изделия, монеты) неоднократно становился предметом изучения в рецензируемом издании. Ф. Бенуа в своей работе об эллинизации юга Галлии [115] на основании картографирования греческого импорта выявил так называемые сухопутные оловянные пути, по которым греки получали от местного населения олово и другие металлы в обмен на вино, масло и предметы роскоши. Подобные торговые пути этрусков удается проследить при картографировании этрусского импорта, прежде всего этрусской керамики и бронзы [102]. Любопытно, что греческие и этрусские торговые пути почти нигде не совпадают, что может свидетельствовать о своеобразном разделе территории Галлии на «сферы влияния». Надо отметить также многочисленные местные подражания греческим и этрусским образцам (особенно фокейской и ионийской керамике и этрусским бронзовым сосудам). Немногочисленные финикийские и пунические находки свидетельствуют о неудаче попыток проникнуть на территорию Галлии.

В целом хотелось бы отметить, что в журнале «Gallia» преобладают описательные публикации, в том числе и в статейном разделе. Такое обилие описательных материалов имеет свои преимущества для советского исследователя, занимающегося историей или археологией рассматриваемого региона и лишенного собственного материала. Особенно ценны в этом плане публикации раздела «Археологическая информация», где содержатся краткие сообщения о новейших раскопках, а также музейного раздела, где подробно публикуются как недавно найденные экспонаты, так и приобретения прошлых лет. Все же хотелось бы пожелать, чтобы в дальнейшем в «Gallia» было больше теоретических и обобщающих работ, в том числе посвященных новым археологическим методам, а также публикаций по физической антропологии. Хотелось бы также — это касается оформления журнала — постоянно видеть в нем цветные фотографии и вкладки.

«Gallia» по количеству и качеству теоретических статей явно не может соперничать с такими изданиями, посвященными кельтской истории, как «Ogam» и «Révue celtique». Но справедливости ради надо отметить, что «Gallia» преследует иные цели, а именно давать наиболее полную и своевременную информацию о крупнейших археологических изысканиях и тем самым знакомить научную общественность с состоянием археологических исследований на территории Франции. Поэтому можно только выразить сожаление, что в исследованиях советских авторов, посвященных истории и культуре кельтов, материалы «Gallia» используются явно недостаточно.

Подачей только французского материала «Gallia» отличается, например, от основанного в 1917 г. журнала «Germania», где публикуются результаты крупнейших раскопок на всей территории Европы (кроме того, «Gallia» в отличие от «Germania» не помещает рецензий). С другой стороны, под непосредственным влиянием рецензируемого журнала возникли журналы «Britannia» (в Англии), «Helvetia» (в Швейцарии) и «Helinium» (охватывает Бельгию и Нидерланды).

В заключение хотелось бы сказать, что последний из томов рассматриваемой серии (т. 45 за 1987/1988 гг.) отличается от предыдущих. Дело в том, что в середине 80-х годов журнал подверг-

ся коренной реформе. Она назрела давно и отвечала эволюционным сдвигам, произошедшим во французской археологии. Начиная с 45-го тома форма подачи информации в журнале изменена. Теперь материал группируется по отдельным регионам. Наряду с «Gallia Préhistoire» и «Gallia» создана новая серия — «Informations archéologique», которая будет выходить ежегодно и также состоять из двух полутомов. В ней материал по-прежнему будет публиковаться по региональному принципу, но будет включать как доисторический, так и исторический периоды, включая археологию современности или так называемую «индустриальную археологию». Директор новой серии — Кр. Гудино. Что касается доисторической и исторической серии «Gallia», то они будут по-прежнему выходит ежегодно, но включать больше фундаментальных статей, посвященных крупным археологическим комплексам и значительным находкам. Текущая же информация целиком перейдет в новую серию. Президентом редколлегий обеих «Gallia» с 1984 г. стал Р. Мартен, вице-президентом и главой редакции доисторической серии Ж. Гилен, а исторической — Кр. Гудино. Дирекция обеих серий выражает надежду, что в недалеком будущем появится новая серия «Gallia», посвященная средневековой археологии. Впрочем, судить о достоинствах и недостатках претерпевшего реформу журнала еще рано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bolland H.* Les Fouilles de Glanum (Saint-Rémy-de-Provence) // Suppl. I. à Gallia P., 1946.
2. *Rolland H.* Fouilles de Saint-Blaise (Bouches-du-Rhône) // Suppl. III à Gallia. P., 1951.
3. *Rolland H.* Fouilles de Saint-Blaise (1951—1956) // Suppl. VIII à Gallia. P 1956.
4. *Rolland H.* Fouilles de Glanum. 1958. // Suppl. XI à Gallia P., 1958.
5. *Eble E.* Découvertes á Saint-Aubin-sur-Mer // Gallia. 1950. T. 6. Fasc. 2.
6. *Balsan L.* Reprise de fouilles à la Gtaufesenque // Gallia. 1952. T 8.
7. *Dolfus M.-A.* Le cimiètre franc de Leurleau (Eure) // Gallia. 1962. T. 20. Fasc. 2.
8. *Will E.* Recherches sur le development urbaine sous l'empire romaine dans le Nord du France // Gallia. 1962. T. 20. Fasc. 1.
9. *Brézillon M.* Gimiètre mérovingien à Nytry (Yonne) // Gallia. 1964. T. 22. Fasc. 1.
10. *Marcade J.* Au musèe des antiques de Bordeaux: stelles, cippes et loculi // Gallia. 1965. T. 23. Fasc. 1.
11. *Audin A.* Fouilles en avant du théâtre de Lyon // Gallia. 1967. T. 25. Fasc. 1.
12. *Lassus J.* Remarques sur les mosaïques de Vaison-la-Romaine // Gallia. 1970. T. 28. Fasc. 1; 1971. T. 29. Fasc. 1.
13. *Maurin E.* Le cimiètre mérovingien (Charente-Maritime) // Gallia. 1971. T. 29. Fasc. 1.
14. *Gros P.* Pour une chronologie des arcs de triomphe de Gaulle Narbonnaise // Gallia. 1979. T. 37. Fasc. 1.
15. *Burnand Yv.* Une nouvelle inscription chrétienne de Lyon // Gallia. 1984. T. 42. Fasc. 1.
16. *Hatte J.-J.* Fouilles de Gergovie // Gallia. 1947. T. 5. Fasc. 2.
17. *Toutaine J.* Les fouilles executées à Alesia en 1942 // Gallia. 1943. T. 1. Fasc. 2.
18. *Wernert P.* Mont Lassoix — Vix // Gallia. 1951. T. 7. Fasc. 1.
19. *Perrin M., Pèrichon R.* Un site de la Tène dans la vallée de la Saône // Gallia. 1972. T. 22. Fasc. 2.
20. *Hatt J.-J.* Les fouilles de Pègue (Drôme) // Gallia. 1976. T. 24. Fasc. 1.
21. *Cordier G.* Les habitats halstattiens de Chinon // Gallia. 1985. T. 43. Fasc. 1.
22. *Dedet B., Coupry B.* Un habitat de plain du premier âge du Fer à Saint-Martin (Gard) // Gallia. 1987/1988. T. 45.
23. *Formigè J.* L'oppidum d'Enserune // Callia. 1943. T 1. Fasc. 1.
24. *Martin-Granel H.* Les fouilles de l'oppidum du Gayla ă Mailhac // Gallia. 1944. T. 2.
25. *Larderet M. P.* L'oppidum préromain de la Roque // Gallia. 1957. T. 15. Fasc. 1.
26. *Lagrand Ch. H.* Un habitat côtier à la Couronne // Gallia. 1959. T 17 Fasc. 1.
27. *Benoit F.* Resultats historiques des fouilles d'Entremont // Gallia. 1968. T 26. Fasc. 1.
28. *Courtois J.-Cl.* Un village protohistorique à Sainte-Colombe (Hautes-Alpes) // Gallia. 1966. T. 24. Fasc. 1.
29. *Barruol G.* Perpignan (Ruscino) // Gallia. 1975. T. 33. Fasc. 2.
30. *Jannoray J.* Enserune. P. 1955.
31. *Benoit F.* Entremont. Capital celto-ligure des Salyins. Aix-en-Provence, 1957
32. *Joffroy J.* L'oppidum de Vix et la civilizatienne halstadtienne final de l'Est de la France. Dijon, 1960.
33. *Etienne R.* Bordeaux antique. Bordeaux, 1962.
34. *Labrousse M.* Toulouse antique. P., 1968.
35. *Ciot P.-R., Cogne J.* La necropole de Sait-Urnel-en-Plomeure // Gallia. 1952. T. 9.
36. *Abbé Hudry M.* Decouverte d'un tombe de la Tène à Saint-Laurent-de-la-Côte // Gallia. 1955. T. 13. Fasc. 1.
37. *Fouet G.* Puits funéraires de l'Aquitaine // Gallia. 1958. T 16. Fasc. 1.
38. *Taffanel O., Taffanel J.* Deux tombes à Mailhac // Gallia. 1960. T 18. Fasc. 1.
39. *Taffanel O., Taffanel J.* Deux tombes des cavaliers du âge du Fer à Mailhac // Gallia. 1962. T. 20. Fasc. 1.

40. *Courtois J.* Une sépultre de chef sous tumulus à Chabéstan // Gallia. 1964. T. 22. Fasc. 1.
41. *Billy G.* Les ossements humains d'un tumulus Halstattien à Chabéstan // Gallia. 1968. T. 26. Fasc. 1.
42. *Boisseaux R., Lambert J.* Un champ des tumulus de premier âge de Fer à Glandon // Gallia. 1975. T. 33. Fasc. 1.
43. *Flouest J.-L., Sead Ian-M.* Recherches sur les cimitièrs de la Tene à Champagne (1971—1976) // Gallia. 1977. T. 35. Fasc. 1.
44. *Lintz G.* Le tumulus du Puy-de-Lafout // Gallia. 1981. T. 39. Fasc. 1.
45. *Cadoux J.-Cl.* L'ossuaire gauloise de Ribemont-sur-Ancre // Gallia. 1984. T. 42. Fasc. 1.
46. *Joffroy J., Bretz-Mahler D.* Le tombe à char de la Tène dans l'Est de la France // Gallia. 1959. T. 17 Fasc. 1.
47. *Chapotat G.* Le char processionel de la Côte-Saint-Andre // Gallia. 1962. T. 20. Fasc. 1.
48. *Joffroy J.* Le tombe à char de Pernant (Aisne) // Gallia. 1963. T. 21. Fasc. 1.
49. *Scapula M.-J.* Fouilles de la butte d'Isle-Aumont // Gallia. 1952. T. 8.
50. *Duval P.-M.* Une enquête sur les enseintes gaulois de l'Ouest et du Nord // Gallia. 1959. T 17 Fasc. 1.
51. *Cotton A., Frère Ch.* Enceints de L'âge du Fer au pays des Lemovices // Gallia. 1961. T. 19. Fasc. 1
52. *Bushchenschutz O., Ralston Ian-B.* Decouverte d'un *murus gallicus* à Levroux // Gallia. 1975. T. 33. Fasc. 1.
53. *Deyber A.* L'habitat fortifier de la «Pierre d'Appel» à L'Estivale-Clairefontaine // Gallia. 1984. T. 42. Fasc. 1.
54. *Desbordes J.-M.* Les fortifications de seconde âge du Fer en Limousin: charactere et fonctions // Gallia. 1985. T. 43. Fasc. 1.
55. *Mandy B.* Un reseau des fosses defensifs aux origins de Lyon // Gallia. 1987/1988. T. 45.
56. *Frézoules E.* Mouzon // Gallia. 1967. T. 25. Fasc. 2; 1969. T. 27. Fasc. 2; 1971. T 29. Fasc. 2; 1975. T 33. Fasc. 2.
57 *Bertin D.* Le sanctuaire celto-romain du Mesnil de Baron-sur-Odon // Gallia. 1976. T. 34. Fasc. 1.
58. *Bruneaux J.-L. Meniel P., Rapin A.* Un sanctuaire gaulois' à Cournay-sur-Aronde // Gallia. 1980. T. 38. Fasc. 1.
59. *Durant-Lefeuvre M.* Fragment de sigillée décorée découverte à Alesia // Gallia. 1958. T. 16. Fasc. 2.
60. *Fouet G.* Vases gauloises de la région toulousaine // Gallia. 1970. T. 28. Fasc. 1.
61. *Petrequin P., Peningre J.-P., Vuaillat D.* Deux fours de potier halstattiens à Florange (Moselle) // Gallia. 1972. T. 30. Fasc. 2.
62. *Maniers G.* Les fours de potier gaulois de Saint-Cizy et leurs productions (Haute-Garonne) // Gallia. 1978. T. 36. Fasc. 1.
63. *Leman-Delerive G.* Céramique latennienne domestique de la région lilloise (Nord) // Gallia. 1984. T. 42. Fasc. 1.
64. *Colbert de Beaulieu J.-B.* La contremarque dans le monnayage d'or gaulois // Gallia. 1954. T. 12. Fasc. 1.
65. *Fabre G., Mainjonet M.* La trouvaille de Fontaine-Salles (Yonne) // Gallia. 1965. T. 23. Fasc. 1.
66. *Colbert de Beaulieu J.-B.* La trouvaille de monnaies gauloises de Saint-Pierre-de-Maillet // Gallia. 1971. T. 29. Fasc. 1.
67. *Jouve M.* Découverte d'un statère d'or attribué aux atrebates // Gallia. 1972. T. 30. Fasc. 2.
68. *Taffanel O., Taffanel D., Richard J.-Cl.* Les monnaies de Mailhac (Aude) // Gallia. 1979. T. 37. Fasc. 1.
69. *Fisher B.* Les monnaies gauloises du musée Carnavalet // Gallia. 1981. T. 39. Fasc. 2.
70. *Sirex M. et al.* Les monnaies de Mouillet-et-Villemartin (Gironde) // Gallia. 1983. T. 41. Fasc. 1.
71. *Durand-Lefeuvre M.* Etude sur la décoration des vases de Montans // Gallia. 1954. T. 12. Fasc. 1.
72. *Faidre-Frytmans G.* La mater de Bavai // Gallia. 1950. T. 6. Fasc. 2.
73. *Armand-Gaillat L.* Deux disques en bronze de style celtique flamboyand découvertes à Autin // Gallia. 1955. T 13. Fasc. 1.
74. *Idem.* Un casque antique en bronze au musée du Chalon-sur-Saône // Gallia. 1965. T 23. Fasc. 1.
75. *Taffanel O.* et J Les épées á spheres du Cayla à Mailhac // Gallia. 1967. T 25. Fasc. 1.
76. *Vernat P., Périchon R.* Vase paint à décor zoomorphe découverte à Roanne // Gallia. 1970. T. 28. Fasc. 2.
77. *Duval A., Eluère Ch., Mohen J.-P.* Les fibules anterieures au VI-e siecle av. notre ère, trouvées en France // Gallia. 1974. T. 32. Fasc. 1.
78. *Bertin D.* Le fourreau d'épée celtique décoré de Baron-sur-Odon (Calvados) // Gallia. 1974. T. 32. Fasc. 2.
79. *Bonnamour L., Bulard A.* Une épée celtique à fourreau décoré, découverte à Montebellet (Saône-et-loire) // Gallia. 1976. T. 34. Fasc. 2.
80. *Vidal M.* Les seaux de bois ornés de Vielle Toulouse (Haute Garonne) // Gallia. 1976. T. 34. Fasc. 1.
81. *Guillomet G.-P.* Les passoires de la fin de la Tène en Gaule et dans le monde celtique // Gallia. 1977. T. 35. Fasc. 2.

82. *Megaw J. V. C.* Les fragments de feuille de bronze décorés de Levroux (Indre) // Gallia. 1968. T. 26. Fasc. 1.
83. *Kruta V. et al.* Les fourreaux d'Epias-Rhus (Val-d'Oise) et de Saint Germainment (Ardennes) et l'art celtique du IV-e siecle av. J.-C. // Gallia. 1984. T. 42. Fasc. 1.
84. *Duval P.-M., Kruta V* Le fourreau celtique de Cernon-sur-Coole (Marne) // Gallia. 1986. T. 44. Fasc. 1.
85. *Léman-Delerive G. et al.* Une plaque celtique émaillée découverte à Paillart (Oise) // Gallia. 1986. T. 44. Fasc. 1.
86. *Duval P.-M.* Les celtes. P. 1977.
87. *Blanc A.* Nouveaux bas-réliefs des déesses-mères et du dieux aux maillet chez les Tricastes // Gallia. 1967. T. 25. Fasc. 1.
88. *Bousquet J.* Inscriptions de Rennes // Gallia. 1970. T. 28. Fasc. 1.
89. *Jacques F.* Inscription latins de Bourges // Gallia. 1973. T. 31. Fasc. 2.
90. *Kooy C.* Le croissant lunaire sur les monuments funéraires gallo-romains // Gallia. 1981. T. 39. Fasc. 1.
91. *Richard L.* Un dieux au maillet en Bretagne // Gallia. 1970. T. 28. Fasc. 2.
92. *Romeuf A. M.* Ex-votos en bois de Chamalières (Puy-de-Dôme) et des sourses de la Seine // Gallia. 1986. T. 44. Fasc. 1.
93. *Rolland H.* Fouilles de Glanum (1951—1952) // Gallia. 1953. T. 11. Fasc. 1.
94. *Coupry J.* Fouilles à Olbia (Hyères) // Gallia. 1954. T. 12. Fasc 1.
95. *Rolland H.* Fouilles de Glanum. 1956—1957 // Gallia. 1958. T. 16. Fasc. 1.
96. *Fevrier P.-A.* Les plans de Fréjuse et d'Antibes antiques // Gallia. 1959. T 17. Fasc. 1.
97. *Benoit F* Topographie antique de Marseille // Gallia. 1966. T 24. Fasc. 1.
98. *Lauxerois R., Vichy M.* A propos des origines d'Alba Helviorum // Gallia. 1975. T. 33. Fasc. 1.
99. *Nickels A.* Les maisons à abside d'époque grecque atchaïque de la Monédièr à Bessan (Herault) // Gallia. 1976. T 34. Fasc. 1.
100. *Boulomier B.* Saint-Blaise: Note sommaire sur cinque années de fouilles et de recherches (1974—1978) // Gallia. 1978. T. 37 Fasc. 2.
101. *Jéhasse J* Les fouilles d'Aleria (Corse) // Gallia. 1963. T. 21. Fasc. 1.
102. *Boucher S.* Importation etrusque en Gaule à la fin du VII-e siècle av. J.-C. // Gallia. 1970. T. 28. Fasc. 2.
103. *Boulomier B.* Les oenochoés en bronze du type Schnabelkanne en France et Belgique // Gallia. 1973. T. 31. Fasc. 1.
104. *Boulomier B.* Les cistes à cordons trouvées en Gaule (Belgique, France, Suisse) // Gallia. 1976. T. 34. Fasc. 1.
105. *Boulomier B.* Situles en bronze trouvées en Gaule (VII—IV s. av. J.-C.) // Gallia. 1979. T. 35. Fasc. 1.
106. *Marchand G.* Importations de céramique grecques archaïques sur le littoral lagunaire des environs de Montpellier // Gallia. 1978. T 36. Fasc. 1.
107. *Benoit F.* Amforès et céramique de l'épave de Marseille // Gallia. 1954. T. 12. Fasc. 1.
108. *Benoit F.* Nouvelles épaves de Provence // Gallia. 1958. T. 16. Fasc. 1; 1960. T. 18. Fasc. 1.
109. *Piron M. et al.* Recherches techniques sur les bronze de Gaule romaine (I, II, III) // Gallia. 1966. T. 24. Fasc. 2; 1967. T. 25. Fasc. 2; 1968. T. 28. Fasc. 2.
110. *Duval P.-M.* Relève photogrammetrique d'object archéologique // Gallia. 1972. T. 30. Fasc. 2.
111. *Martin R., Varène P.* Le monument d'Ucuetis à Alesia, 1973 // Suppl. XXVI à Gallia. P 1973.
112. *Py M.* L'oppidum des Castels à Nages (Gard) // Suppl. XXXV à Gallia. P., 1978.
113. *Py M.* Recherches sur Nimes préromain // Suppl. XXVI à Gallia. P., 1981.
114. *Baratier E.* Histoire de Marseille. Toulouse, 1974.
115. *Benoit F.* Recherches sur l'Hellénisation du Midi de la Gaule. Aix-en-Provence, 1965.
116. *Fabre G.* Les civilisations protohistoriques de l'Aquitaine. P., 1952.
117. *Richard J.-Cl.* La région montpélliéraine a l'époque préromaine. Bruxelles, 1973.
118. *Villard F.* La céramique grecque de Marseille. P., 1960.
119. *Barruol G.* Les peuples préromains du Sud-Est de la Gaule. Étude de géographie historique. P., 1969.
120. *Носенко Е. Э.* Представления кельтов о загробном мире (дохристианская эпоха) // ВДИ. 1990. № 3.
121. *Billoret R.* Grand (Vosges) // Gallia. 1970. T. 28. Fasc. 2.

Институт этнографии АН СССР,
Москва

Б. М. Керефов. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 214 с. 26 рис.

Композиционно рецензируемая книга Б. М. Керефова построена в достаточно распространенной для исследований, основанных на археологических материалах, манере: первоначально следует описание памятников, затем типология вещественного материала, хронология, анализ погребального обряда и историческая интерпретация.

В первой главе дана характеристика всего датируемого сарматским временем и происходящего из поселений и погребальных памятников Кабардино-Балкарии материала, известного автору на момент написания книги. В дальнейшем основным объектом исследования остаются погребальные комплексы как наиболее представительные.

Вторая глава посвящена типологической классификации вещественного материала. В ней выборочно рассматриваются только те категории, которые информативны в хронологическом отношении: керамика, мечи, копья, наконечники стрел, бронзовые зеркала, фибулы, пряжки, украшения, за исключением бус — они опущены по соображениям лимита объема книги. Такой подход вполне оправдан, поскольку этот раздел работы носит подчиненное значение и служит разработке хронологии. Автором для большинства категорий использованы уже ставшие традиционными в сарматской археологической литературе типологические схемы. И если в отношении вооружения, фибул, зеркал это в определенной мере оправданно, то для керамики необходимо было бы выбрать более совершенную методику классификации, основанную на строгом перечне типообразующих и вариантных признаков.

В основу разработки хронологии сарматского времени Кабардино-Балкарии Б. М. Керефовым были положены материалы наиболее крупных памятников: Нижнеджулатского могильника и Чегемского кургана-кладбища, общим числом 212 комплексов. На основании использования корреляционного метода автор выделяет четыре хронологические группы: II—I вв. до н. э.; I в. до н. э. — I в. н. э.; I — начало II в.; II—III вв. н. э. Следует согласиться с мнением М. П. Абрамовой, автора предисловия, которое предпослано книге, о проблематичности выделения погребальных комплексов I в. до н. э. — I в. н. э., которых было всего около десяти. Эта группа выделена не столько по каким-то твердым датировкам вещей этим временем, сколько по причине неясности для самого автора, к какому из основных периодов эти комплексы относятся — к группе памятников II—I вв. до н. э. (91 комплекс) или I — начала II в. (78 комплексов). Если бы автор проверил свои первоначальные хронологические выводы взаимовстречаемостью типов вещей в комплексах, то определенно можно сказать, что он бы не стал выделять эту переходную группу памятников. Помимо этого замечания, в остальном работа по хронологии выполнена автором достаточно убедительно.

Нетрудно заметить, что выделенные Б. М. Керефовым хронологические периоды по вещевому материалу проявляют большую схожесть с сарматскими культурами степных районов Дона, Поволжья и Южного Приуралья. Для хронологических разработок древностей сарматского времени Северного Кавказа стало уже традиционным выделять памятники последних веков до н. э. и первых веков н. э., проводя границу между ними по рубежу эр [1, с. 41—109; 2, с. 34—39]. Памятники, относимые Б. М. Керефовым ко II—I вв. до н. э., во многом сходны с вещевым материалом прохоровской культуры. Это мечи с серповидным навершием (рис. 10, 25), бронзовые зеркала с валиком по краю и штырем для насадки ручки и без него (рис. 17, *1, 2*), пряжки с неподвижным крючком (рис. 19, *1—10*), втульчатые железные наконечники стрел (рис. 25, *19—21*), котловидные подвески (рис. 26, *23*), отдельные типы керамики (рис. 6, *2;* 10, *5;* 12, *1—3, 11, 12*), причем большинство ее украшено вертикальными кучками линий, что особо характерно для керамики прохоровской культуры. Находки в комплексах I — начала II в. в большей мере синхронизируются с памятниками среднесарматской культуры: бронзовые зеркала-подвески с конической выпуклостью на диске (рис. 17, *11—13*), лучковые фибулы ранних вариантов (рис. 18, *13—16*); ряд типов керамики (рис. 22). В погребениях II—III вв. обнаружены вещи, встречаемые в памятниках позднесарматской культуры: орнаментированные бронзовые зеркала-подвески (рис. 17, *16*), профилированные фибулы и фибулы с завитком на конце приемника (рис. 18, *18—23*), миски с загнутыми внутрь краями (рис. 20, *11, 12*), кинжал без перекрестия и металлического навершия (рис. 25, *27*).

© А. С. Скрипкин, 1991 г.

Эта картина согласуется с новыми разработками по сарматской хронологии и периодизации, в частности с передатировкой ранне- и среднесарматской культур [3, с. 118—131].

Погребальный обряд в рецензируемой книге рассматривается по двум ландшафтно-географическим зонам Кабардино-Балкарии: горной и плоскостной, явно несоразмерных между собой по числу исследованных памятников. Поскольку на территории плоскостной части сосредоточено 98% погребальных комплексов, основное внимание уделено их характеристике. Все памятники разделены на грунтовые могильники, которые преобладают, и подкурганные погребения.

В литературе уже дискутировался вопрос о типологическом статусе погребений сарматского времени Чегемского кургана. На мой взгляд, отнесение их к типу грунтовых — а именно такой точки зрения придерживается автор — проблематично. Хотя он и оговаривает условность такого определения (с. 68), но в дальнейшем во всех статистических подсчетах погребения Чегемского кургана фигурируют как грунтовые, что сказывается на последующих выводах. Конечно, Чегемский курган — уникальное явление в археологии, под его насыпью обнаружено 135 погребений. Но по принятой археологической классификации памятников он остается курганом с впускными погребениями. Все они не выходят за пределы его насыпи, и, вероятно, когда первоначальная площадь стала недостаточной, она была досыпана, явно в расчете на увеличение ее диаметра (с. 136, рис. 2). Все это находит аналогии в степных памятниках, когда в курганы эпохи бронзы впускается иногда по нескольку десятков сарматских погребений (причем в аналогичных с чегемскими конструкциях ям) с последующей досыпкой их насыпей. Чегемский курган, конечно, превосходит все их по числу погребений, и в этом, пожалуй, сказалась традиция грунтовых северокавказских погребальных памятников, но типологически как археологический памятник Чегемский курган и его погребения должны соответствовать своему названию.

Анализ погребального обряда в работе лучше бы было дать по выделенным хронологическим периодам, что дало бы возможность более наглядно проследить динамику его развития во времени. Суммарное же по преимуществу описание несколько сглаживает отдельные частности. В целом же исследователь считает, что резких изменений в погребальном обряде в пределах II в. до н. э. — II в. н. э. не произошло, чтобы можно было говорить о каких-то серьезных этнических изменениях в этом районе.

Такая ситуация вызывает особый интерес в плане сравнения с теми процессами, которые протекали в степных районах, где они в это время были более бурными. По крайней мере в Подонье и Поволжье в сарматскую среду дважды включались новые объединения кочевников, которые оказывали значительное влияние на особенности развития этого района.

Большой интерес представляет заключительная глава книги, посвященная исторической интерпретации археологического материала. Решение проблем такого рода по археологическим источникам считалось всегда трудоемким, особенно для мест, где осуществлялись контакты различных этносов. Для Северного Кавказа принято считать, что грунтовые погребальные памятники в большей мере связаны с субстратным населением, а погребения в курганных насыпях — с кочевым элементом сарматского круга. Б. М. Керефов допускает возможность объединения впускных в курганы погребений с погребениями в подбоях и катакомбах грунтовых могильников, которые, как он считает, можно «связать с „сарматским" этнокультурным комплексом, сильно трансформированным в новых условиях» (с. 103). Правда, данное суждение высказывается им в очень осторожной форме, в плане генетических истоков данных явлений. На долю же субстратного сарматизированного населения остаются погребения в грунтовых ямах. Следует заметить, что и на исходной сарматской территории этот тип могильной ямы был широко представлен во все времена. Думаю, что выявление истоков этой погребальной традиции остается гипотетичным.

Ко всему следует добавить, что и у сарматов курганный обряд не являлся единственным. Известны сарматские погребения и в естественных возвышенностях, например в Бэровских буграх — задернованных дюнах Волгоградского Заволжья. Наконец, в районе с. Бережновка в Волгоградской обл. недавно был открыт сарматский грунтовый могильник [1]

Очень много места в этом разделе книги отведено выяснению истоков катакомбного обряда на территории Кабардино-Балкарии. Мнение автора о появлении этого обряда не ранее середины II в. до н. э. и о связи его с сарматским этнокультурным миром считаю достаточно обоснованным. Сейчас уже невозможно говорить о каком-то хронологическом и территориальном разрыве между катакомбными погребениями Северного Кавказа и степными сарматскими. В последние годы

[1] Раскопки П. Е. Захарова. Материалы не опубликованы.

в Краснодарском и Ставропольском краях в результате интенсивной работы новостроечных экспедиций исследованы сотни сарматских погребений и десятки катакомб, которые датируются преимущественно II—I вв. до н. э. [4, с. 35—37] Этого же времени есть катакомбы и в междуречье Волги и Дона (могильник Новый). Раскопками 70—80-х годов значительно увеличено число сарматских катакомб в Поволжье. Таким образом, для последних веков до н. э. можно говорить практически о сплошной зоне распространения этой конструкции в погребальном обряде от Волги и Дона до Северного Кавказа. Анализ обряда степных катакомб Кубани выявил их тесную связь с более северными сарматскими катакомбами [4, с. 36]. То же можно сказать и о ставропольских катакомбах, причем материальная культура их близка между собой, с явным преобладанием черт прохоровской культуры. Та же тенденция характерна и для материальной культуры катакомбных погребений II—I вв. до н. э. Кабардино-Балкарии.

Актуальной является поднятая автором тема о передвижениях кочевников во II в. до н. э. Сейчас все отчетливей проявляется связь таких явлений, как гунно-юэджийский конфликт, приведший к передвижению народов, падение Греко-Бактрии в середине II в. до н. э. под ударами кочевников, освоение степных пространств Скифии сарматами не ранее середины II в. до н. э. [5, с. 13—16], новый прилив кочевников в прикубанские степи и усиление их активности здесь с середины II в. до н. э. [6, с. 48, 49]. Распространение катакомб на Северном Кавказе, как считает автор, также связано с продвижением сюда в это время нового кочевого компонента.

II в. до н. э. имел, вероятно, решающее значение и для кочевого мира степных районов от Днепра до Приуралья. Проверка хронологии сарматских памятников к востоку от Дона показывает проблематичность выделения здесь комплексов III в. до н. э. Археологическая картина этого региона не создает впечатления массовости памятников в указанное время, а соответственно и населения, что согласуется с ситуацией в Скифии, где степные курганы III в. до н. э. практически отсутствуют, а в правобережье Кубани памятники IV—III вв. до н. э. значительно уступают памятникам последующего времени.

Положение в восточноевропейских степях, вероятнее всего, резко меняется во II в. до н. э. К этому времени относится начало формирования крупных курганных могильников кочевников, причем в материальной культуре сарматов начиная со II в. до н. э. прослеживаются далекие восточные аналогии, фиксируемые в культурах Алтая и более восточных районов.

Б. М. Керефов пытается выявить и конкретные народы, которые появились в результате отмеченных передвижений в центральных районах Северного Кавказа. На мой взгляд, в его работе получила более убедительное подтверждение гипотеза об участии в этом движении тохаров, о чем свидетельствует рассмотренная им северокавказская топонимика (с. 128—130).

В этом же процессе, по мнению Б. М. Керефова, могли принять участие аорсы и роксоланы, возглавившие после событий середины II в. до н. э. сарматские племенные союзы, значительную часть которых составляли «племена массагетского круга» (с. 130). Не имея ничего против этих суждений, хотел бы возразить автору в его попытке отождествить асиев-асианов (Страбона — Помпея Трога) непременно с аорсами. Б. М. Керефов опирается в основном на работы Я. Шарпантье и В. Ф. Минорского. Однако в науке существует более распространенное мнение о связи этнонимов с основой «ас» с аланами. Да и Я. Шарпантье в нашей историографии считается сторонником отождествления среднеазиатских асиев-асианов с аланами [7, с. 186—190; 8, с. 21]. Кроме того, в литературе уже не раз высказывалось сомнение в том, что «арси» является этническим термином [7, с. 189; 9, с. 123—135], что серьезно подрывает реконструкцию асии — арси — аорсы, которой придерживается Б. М. Керефов.

В вопросе о появлении аланов в Юго-Восточной Европе Б. М. Керефов исходит из гипотезы К. Ф. Смирнова о том, что они как политическая сила сложились в аорском союзе племен. Подтверждением этого он считает тот факт, что после появления новой волны кочевников во II в. до н. э. других передвижений с Востока мы не знаем, и, таким образом, племена, сформировавшие аланский союз в I в. н. э., находились здесь еще со II в. до н. э. Но этот тезис не совсем верен. Давно существует мнение Б. А. Раева о появлении с Востока в середине I в. н. э. новых кочевников, центром которых стал Нижний Дон, где сосредоточена основная часть богатых сарматских курганов типа Хохлач, Садовый и др. с явными восточными чертами в материальной культуре и в отдельных случаях в погребальном обряде, находящими параллели в памятниках Средней Азии и Алтая. Эти нижнедонские курганы он связал с погребениями аланской знати [10, с. 126—132].

Анализ более широкого круга памятников позволил рецензенту прийти к выводу о значитель-

ных изменениях, происшедших в погребальном обряде и материальной культуре сарматов к востоку от Дона на рубеже эр или в самом начале нашей эры. Все эти изменения и фон, на котором они происходили, в сопоставлении с письменными источниками могут быть связаны с инновациями этнического плана, скорее всего с продвижением и утверждением аналов в степях Восточной Европы [3, с. 127—129].

Исходя из вышеизложенного, реконструируется следующая этническая ситуация в районе от Дона до Северного Кавказа. Активизация кочевнических перемещений во II в. до н. э. привела к усилению сарматского компонента в прикубанских и ставропольских степях, а также в районах Северного Кавказа. В культурном, этническом и, вероятно, политическом отношении кочевники этого массива были близки между собой, ведущую роль среди них могли играть аорсы. Эта близость выражалась в общности материальной культуры и погребального обряда, наиболее типичных для прохоровской культуры.

Такая ситуация сохранялась до рубежа эр. С начала н. э. в связи с теми изменениями, которые происходят в Подонье и Поволжье, наблюдаются значительные различия в характере памятников сарматского времени Северного Кавказа и степных районов к северу от линии, примерно проходящей от устья Дона по Манычам к Каспийскому морю. Если на Северном Кавказе не происходит существенных изменений и в первые века н. э. здесь наблюдается развитие тех тенденций, которые были заложены ранее, то в междуречье Дона и Волги и в поволжско-уральских степях широко распространяются так называемые диагональные погребения, которые в I и II вв. н. э. составляют специфику курганных могильников этих районов. В предкавказских степях диагональные погребения в это время отсутствуют. Как отмечают исследователи, на правобережной Кубани и в Ставрополье погребений начала н. э. вообще очень мало. На Северном же Кавказе от Кубани до Терека в это время господствует катакомбный обряд погребения.

Археологические данные свидетельствуют о том, что новые передвижения кочевников в начале нашей эры не затронули северокавказских районов. Там этнические процессы продолжали развиваться своим путем. Их основным содержанием было взаимодействие местного и ранее пришедшего сарматского населения.

Центром же раннеаланского союза, вероятно, был Нижний Дон, где сосредоточено большинство так называемых «царских» курганов. Достаточно четкая ранняя локализация аланов по Танаису, имеющаяся у И. Флавия, приурочена к событиям 70-х годов н. э. Это, видимо, не исключало возможности установления политического протектората аланов над более южными районами, в том числе Северным Кавказом, и участия их в кавказских и закавказских событиях.

Новый же приток населения из степных районов в центральные районы Северного Кавказа, по мнению Б. М. Керефова, происходит в III и в конце IV в., что подтверждается возрождением здесь подкурганного обряда захоронения, начавшего затухать с рубежа н. э. (с. 133). С середины III в., вероятно, вновь восстанавливается археологическая общность между Северным Кавказом и степными районами междуречья Волги и Дона. Именно с этого времени здесь появляются катакомбные подкурганные погребения с северокавказскими чертами в материальной культуре.

Таким образом, этнические процессы в центральных районах Северного Кавказа в последние века до н. э. и в первые века н. э., по Б. М. Керефову, характеризовались постепенным усилением иранского этнического компонента в результате ряда сарматских передвижений. В целом концепция Б. М. Керефова вписывается в те представления о роли ираноязычных кочевников, их взаимоотношений с местным населением и о становлении аланской народности, к которым в последнее время пришли и другие исследователи [11, с. 54—56].

Книга Б. М. Керефова представляет значительный интерес как с точки зрения изучения одного из древних периодов истории Северного Кавказа, так и в плане общей истории сарматов. Она отличается новизной выводов и располагает к серьезной научной дискуссии, в чем я вижу основные ее достоинства.

Волгоградский государственный университет

А. С. Скрипкин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
2. *Абрамова М. П.* О хронологии ранней группы погребений Нижнеджулатского могильника // КСИА. 1983. Вып. 176.
3. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988.
4. *Ждановский А. М.* К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье — Поволжье — Средняя Азия) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье (тезисы докладов к семинару). Новочеркасск, 1987
5. *Полин С. В.* Население северопричерноморских степей в III—II вв. до н. э. (этнополитический аспект): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1989.
6. *Ждановский А. М., Марченко И. И.* Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988.
7. *Умняков И.* Тохарская проблема // ВДИ. 1940. № 3—4.
8. *Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966.
9. *Фрейман А. А.* Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // История и филология стран Востока. Сер. востоковедческих наук. Уч. зап. ЛГУ. № 128. Вып. 3. Л., 1952.
10. *Раев Б. А.* «Княжеские» погребения сарматского времени в г. Новочеркасске // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985.
11. *Виноградов В. Б., Березин Я. Б.* Катакомбные погребения и их носители в центральном Предкавказье в III в. до н. э. — IV в. н. э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе: Изд-во Сев.-Осет. ун-та, 1985.

Хроника

Провозглашена
IX Генеральной Ассамблеей
Международного Союза по памятникам
и достопримечательным местам
Октябрь 1990 г.

ХАРТИЯ ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Введение

Общепризнано, что знание и понимание истоков и развития человеческого общества имеет огромное значение для человечества в плане познания его общественных и культурных корней.

Археологическое наследие представляет собой основное свидетельство человеческой деятельности в прошлом. Его сохранение и активное управление им является поэтому весьма важным, так как дает возможность археологам и исследователям других наук изучать и интерпретировать его в интересах нынешнего и будущих поколений.

Сохранение этого наследия крайне важно для будущих изысканий, учитывая совершенствование применяемой археологической методики и техники. Оно требует более глубокой базы профессиональной и научной компетентности и знаний. Некоторые элементы археологического наследия являются компонентами архитектурных строений и в таких случаях должны сохраняться в соответствии с критериями охраны таких объектов, провозглашенными в 1966 г. Венецианской хартией по реставрации и консервации памятников и достопримечательных мест; другие объекты археологического наследия являются составной частью живых традиций местных жителей, участие которых становится важнейшим в их сохранении и консервации.

По этим и многим другим причинам охрана археологического наследия должна основываться на эффективном сотрудничестве специалистов различных областей. Она также требует сотрудничества между государственными учреждениями, академическими исследователями, частными предпринимателями и широкой общественностью.

Таким образом, Хартия провозглашает принципы, относящиеся к различным аспектам управления археологическим наследием. Они включают ответственность государственных властей и законодателей, профессиональные правила, применяемые в области инвентаризации, исследований, сохранения, консервации, восстановления, информацию и представление широкой публике, а также определение квалификации лиц, ответственных за охрану наследия.

Создание этой Хартии мотивировано успехом Венецианской хартии, которая стала и нормативным документом, и источником вдохновения по основным направлениям теоретической и практической работы государственных органов, ученых и специалистов по охране наследия.

Хартия отражает самые основные принципы и направления глобального значения. По этой причине в ней не рассматриваются специфические проблемы и возможности отдельных регионов. На региональном и национальном уровнях Хартия должна быть дополнена действующими принципами и правилами, отвечающими потребностям определенного региона и местности.

1. Определение и введение

Археологическое наследие является частью материального наследия, основная информация по которому может быть получена археологическими методами. Наследие включает все следы человеческого обитания и состоит из мест, фиксирующих все проявления деятельности человека, в том числе покинутых строений и руин всех видов (включая подземные и подводные) вместе со всем подъемным культурным материалом.

2. Общая политика охраны

Археологическое наследие — непрочное и невосстановимое культурное богатство. Сельское хозяйство и землепользование поэтому должны быть регламентированы и развиваться так, чтобы сократить до минимума разрушение археологического наследия.

Политика, направленная на охрану археологического наследия, должна составлять неотъемлемую часть деятельности в области землепользования, культуры окружающей среды и просвещения. Политика по сохранению археологического наследия должна постоянно совершенствоваться. Организация археологических служб должна стать частью этой политики. Сохранение археологического наследия должно составлять единое целое с политикой планирования на международном, национальном, региональном и местном уровнях.

Активное участие населения должно стать частью политики сохранения археологического наследия. Это особенно существенно там, где речь идет о наследии местного населения. Участие последнего должно основываться на открытом доступе к знаниям и всей необходимой информации. Информированность общественности, следовательно, является важным элементом сохранения археологического наследия.

3. Законодательство и экономика

Охрана археологического наследия является моральной обязанностью для каждого человека. Вместе с тем это и коллективная, и общественная ответственность. Эта ответственность должна быть оформлена соответствующим законодательством и обеспечена достаточным финансированием для выполнения программ, необходимых для эффективного сохранения наследия.

Археологическое наследие является частью культурно-исторического наследия всего человечества и поэтому долгом каждой страны является выделение достаточных средств для его сохранения.

Законодательство должно гарантировать сохранение археологического наследия в соответствии с потребностями истории и традициями каждой страны и региона при обеспеченности охраны и исследования его.

Законодательство должно основываться на концепции, что археологическое наследие является наследием всего человечества, а не отдельных лиц или наций.

Законодательство должно запретить любое разрушение, искажение или переделку посредством модификации памятника или достопримечательного археологического места, а также его окружения без согласования с компетентными археологическими службами.

Законодательство в принципе должно требовать опережающих исследований и составления полной археологической документации в тех случаях, когда речь идет о разрушении памятника и оно санкционировано органами охраны.

Законодательство должно обеспечивать поддержание памятников в порядке и гарантировать для этого средства.

В случаях нарушения законодательства об археологическом наследии должны быть предусмотрены законом санкции.

Если законодательство простирается только на официально охраняемые памятники, паспортизированные или зарегистрированные, то должны быть предприняты меры для временной охраны еще неохраняемых и вновь открытых участков наследия или памятников до тех пор, пока не будет произведена их оценка с точки зрения археологии.

Проекты экономического развития составляют одну из крупнейших физических угроз археологическому наследию. Обязанность проектировщиков убедиться в том, что археологическое наследие будет изучено до внедрения проектов. Поэтому необходимо такое законодательство, которое бы предусматривало включение археологического изучения в стоимость проекта.

В законодательстве должен быть также воплощен принцип разработки планов экономического развития с минимальным воздействием на археологическое наследие.

4. Инвентаризация

Охрана археологического наследия должна основываться на самом полном знании относительно его существования, численности и значимости. Общая инвентаризация археологического потенциала также является основным орудием разработки стратегии в области сохранения археологического наследия. Вследствие этого инвентаризация должна быть основным условием охраны и использования археологического наследия.

В то же время инвентаризация представляет собой источниковый банк данных для научных исследований. Инвентаризация, таким образом, должна быть постоянным и динамичным процессом. Она должна включать информацию различных уровней и достоверности, так как даже поверхностные обследования могут оказаться важными для выработки мер по охране археологического наследия.

5. Полевые исследования

В археологии знания сильно зависят от научного вмешательства в памятники или достопримечательные места. Такие исследования включают всю гамму методов, разведку, ограниченные зондажи без каких-либо разрушений или сборы образцов.

Основной принцип — это признание того, что при сборе информации, необходимой для консервационных и научных целей по археологическому наследию, его разрушение должно быть минимальным. Методы, не разрушающие памятники — осмотр их с воздуха, зондажи и взятие проб — должны применяться всюду, где только возможно, вместо полных раскопок.

Раскопки всегда подразумевают необходимость отбора фактов, которые документируются ценой потери другой информации, и часто приводят к разрушению памятников. Поэтому решение о проведении раскопок должно приниматься после зрелого размышления.

Раскопки должны производиться предпочтительно на достопримечательных местах и памятниках, обреченных на разрушение в силу программ экономического развития, изменений в землепользовании, в силу порчи их или разрушений по природным причинам.

В исключительных случаях раскопки могут производиться на памятниках, не подвергающихся угрозе разрушения, с целью разрешения исследовательских проблем или в связи с демонстрацией их широкой публике. В этих случаях раскопкам должен предшествовать глубокий научный анализ потенциала памятника, раскопки должны производиться в части его, при этом необходимо сохранить неприкосновенным участок памятника для будущих исследователей.

По результатам раскопок в соответствии с общепринятыми стандартами должен быть составлен научный отчет в определенный период времени после завершения исследований.

Раскопки должны производиться в соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО (Рекомендации, определяющие международные принципы в области археологических раскопок. 1956), а также с учетом международных и национальных профессиональных норм.

6. Содержание и консервация

Основная цель управления археологическим наследием — сохранение памятников и достопримечательных мест в первоначальном облике, включая сюда долгосрочную консервацию, тщательность в составлении документации и хранении коллекций и всего того, что относится к ним. Любое изменение элементов наследия представляется нарушением его сохранения в первоначальном виде. Этот принцип подчеркивает необходимость хорошего содержания, консервации и использования памятников археологии. Он подразумевает еще одно обстоятельство: археологическое наследие не должно экспонироваться, если существует для него угроза со стороны воздействия солнца, ветра и т. п., не может быть оставлено после раскопок в открытом виде, если невозможно его надежное содержание.

Привлечение и участие местного населения к охране памятников должны поощряться как действенное средство по сохранению археологического наследия. В некоторых случаях было бы целесообразным передать ответственность за охрану памятников и достопримечательных мест местному населению.

Финансовые средства всегда будут недостаточными, поэтому активное поддержание памятников и достопримечательных мест может быть осуществлено на основе выборочности, определяемой по научным критериям, а не только из-за их престижности и привлекательности.

Рекомендации ЮНЕСКО 1956 г. должны применяться также при охране и консервации археологического наследия.

7. Музеефикация, информация, реконструкция

Демонстрация археологического наследия широкой публике является важным средством ознакомления с истоками и эволюцией современного общества. В то же время это самый лучший способ для понимания необходимости сохранять это наследие.

Показ археологического наследия широкой аудитории является популяризацией научных знаний и поэтому должен неоднократно обновляться. Он должен учитывать самые различные подходы к познанию прошлого.

Восстановление отвечает двум важным функциям — экспериментальным изысканиям и популяризации. Оно должно осуществляться с большой осторожностью, чтобы избежать искажения любой археологической детали, а также должно учитывать свидетельства из всех без исключения источников, чтобы обеспечить достоверность. Восстановленные объекты не должны возводиться на самих археологических руинах, а определяться как таковые самостоятельно.

8. Профессиональная квалификация

Для обеспечения управления археологическим наследием важно освоить многие научные дисциплины на современном уровне. Подготовка достаточного количества специалистов соответствующей компетентности должна вследствие этого быть важной целью политики просвещения в каждой стране. Необходимость в подготовке высоко квалифицированных экспертов требует международного сотрудничества. Должны быть разработаны нормы по профессиональной подготовке и этике. Профессиональная подготовка археологов в университетах должна учитывать в своих программах изменения, происходящие в политике сохранения памятников археологии, меньше уделять внимание раскопкам, нежели сохранению наследия в дошедшем до нас облике.

Следует также принять во внимание, что изучение истории местного населения столь же важно в сохранении и познании археологического наследия, как и исследование самих памятников и достопримечательных мест.

Охрана археологического наследия является постоянным и динамичным процессом. Вследствие этого, профессионалам, работающим в данной области, должны предоставляться льготы для обеспечения повышения их квалификации. Должны быть разработаны специальные программы подготовки специалистов на высшем уровне, в которых основное внимание необходимо уделить вопросам охраны и управления археологическим наследием.

9. Международное сотрудничество

Археологическое наследие, являясь общим для всего человечества, требует международного сотрудничества и для того, чтобы выработать критерии управления этим наследием и соблюдать их.

Существует насущная необходимость создания международного механизма для обеспечения обмена информацией и опытом среди специалистов, на которых лежит ответственность управления археологическим наследием. Это предполагает организацию конференций, семинаров, совместных работ в мастерских и т. д. как на международном, так и региональном уровнях. Это предполагает также создание региональных центров по подготовке на высоком уровне. ИКОМОС должен содействовать этой деятельности, учитывая это в своих долгосрочных и краткосрочных программах.

Международные программы по обмену административным и научным персоналом должны развиваться как способ повышения уровня компетентности в этой области.

Под эгидой ИКОМОС должны развиваться и программы технической помощи в сфере археологического наследия.

XVI КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (СТАВРОПОЛЬ, 1990)

17—21 апреля в Ставрополе состоялись очередные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, посвященные памяти лауреата Ленинской премии проф. Евгения Игнатьевича Крупнова. Конференция проводилась на базе Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г К. Праве и Ставропольского государственного пединститута. В организации работы приняло участие Ставропольское отделение Советского фонда культуры. Участники конференции представляли научные центры всего региона Северного Кавказа, Москвы, Ленинграда, Киева, Сухуми, Ростова, Волгограда. На заседаниях было заслушано и обсуждено 35 докладов, посвященных древней истории Северного Кавказа от палеолита до позднего средневековья. На основании представленных докладов был составлен и издан сборник тезисов «XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа» (Ставрополь, 1990).

В Ставрополе Крупновские чтения проводились впервые, поэтому ведущей темой конференции была предложена историография древностей Кавказа и Предкавказья. Три доклада были посвящены обзорам археологического изучения Ставрополья. В докладе Н. А. Охонько «Археологическое изучение Ставропольской возвышенности» была изложена история археологических исследований, проводившихся на Ставрополье с конца XVIII в. до 80-х годов нынешнего века, показаны своеобразие этой территории и особая роль в истории Предкавказья, прежде всего в связи с его географическим положением; определены основные этапы изучения края, в частности отмечено, что начало изучения археологических памятников Ставропольской возвышенности принадлежит путешественникам конца XVIII — начала XIX в., местной интеллигенции, краеведам конца XIX — начала XX в. и образованной в 1906 г Ставропольской ученой архивной комиссии.

Создание краеведческого музея положило основание археологической коллекции края и способствовало началу планомерной раскопочной деятельности.

До 70-х годов изучение Ставрополья проводилось помимо краеведов только работниками музея, деятельность которых (Г Н. Прозрителев, Т. М. Минаева, А. Л. Нечитайло, А. В. Найденко) охватывала широкий круг памятников от эпохи бронзы до средневековья.

И наконец, после создания новостроечной Ставропольской экспедиции, потребовавшей привлечения научных кадров из Москвы, начался новый период в изучении края, характеризующийся содружеством ученых Ставрополя, Москвы, Ленинграда и других городов. В результате значительного расширения источниковедческой базы появилась возможность по-новому решить многие вопросы древней истории края.

Я. Б. Березин в докладе «Пятигорье в археологии Центрального Предкавказья» проанализировал состояние изученности археологических культур от эпохи бронзы до позднего средневековья. Наиболее изученными, по его мнению, являются памятники кобанского и аланского круга. При этом он особо выделил роль пятигорского археолога-краеведа А. П. Рунича, благодаря кото-

© З. В. Доде, Н. А. Охонько, 1991 г.

рому Пятигорье сегодня может считаться одним из наиболее изученных районов Центрального Предкавказья.

А. В. Найденко сделал обзор археологического изучения края и также показал, что наиболее изученными являются районы Кавказских Минеральных Вод и Верхнего Прикубанья.

Е. П. Алексеева в докладе «Археологические работы в Карачаево-Черкессии после VII Крупновских чтений (1977—1987 г.)» подвела итог археологического изучения области за последние 10—12 лет. При этом докладчица последовательно прослеживала связь между археологическими памятниками и конкретными этносами, доводя материал до этнической истории карачаевцев, адыгов, ногайцев, абазин, проживающих сегодня в Карачаево-Черкессии.

Н. В. Анфимов выступил с докладом «Историография раннего железного века Адыгеи». Изложив кратко содержание работ, вышедших за последние 30 лет и посвященных древней истории адыгов, он отметил свое несогласие с некоторыми авторами по ряду вопросов, а именно с А. М. Ждановским по поводу принципа деления на группы захоронений II—III вв. н. э. («О погребальном обряде группы захоронений Ленинохабльского могильника», 1977 г.) и с Н. Г Ловпаче, считая, что последний весьма искаженно осветил процесс этнокультурного развития адыгов («Киммерийцы в Северо-Восточном Причерноморье», 1987 г.). Среди фундаментальных работ-исследований Адыгеи Н. В. Анфимов назвал монографию Л. К. Галаниной «Курджипский курган» (1980).

Большой интерес вызвал доклад И. М. Чеченова «Некоторые общие тенденции в искажениях ранней истории Северного Кавказа за последний период». Актуальность доклада определялась обострением национальных процессов в наши дни и преследовала цель выявить причины появления работ, искажающих раннюю историю Северного Кавказа и трактующих ее с ненаучных, тенденциозных позиций. Было отмечено, что ранее уже подвергались критике В. И. Кузнецовым, Ю. С. Гаглоевым, В. Н. Каминским, В. М. Батчаевым и др. положения и концепции, изложенные в работах В. А. Сафронова, Н. А. Николаевой, М. М. Блиева, И. М. Мизиева, А. Ж. Кафоева. Однако в последние годы появились новые методологически ущербные, научно необоснованные и тенденциозные версии и концепции, среди которых наиболее сомнительными представляются:

а) аргументы и выводы о возникновении в III—II тыс. до н. э. на обширной территории Прикубанья и Восточного Причерноморья классового общества и государства с царским управлением, городскими центрами, древнейшей в нашей стране письменностью и т. д. (Г. Ф. Турчанинов, Н. Г Ловпаче);

б) локализация на Центральном Кавказе геродотовых скифов-пахарей с их священным «городом мертвых» Герросом... (А. Ж. Кафоев);

в) попытки связывать происхождение кобанской культуры и этногенез осетин с продвижением в горы Центрального Кавказа определенных групп иранского населения с территории древней Персии (М. Ч. Джуртубаев);

г) суждение о тюркоязычности этрусков древней Италии и их этногенетическом родстве с балкаро-карачаевцами (А. М. Алишев).

Убедительно прозвучали выводы И. М. Чеченова, объясняющие причины появления отмеченных негативных тенденций, среди которых стремление авторов к «сверхоткрытиям», использование ненаучных методов исследования, произвольное толкование данных наук, в которых авторы не являются специалистами, предвзятая идеализация отдельных этносов региона путем удревнения связанных с ними исторических процессов, расширения территории их расселения и преувеличения их культурно-исторической роли. Особо опасным является то, что большая часть таких работ написана не специалистами-археологами, а преподавателями. Работы публикуются не столько в научных изданиях, сколько в средствах массовой информации. Настораживает, что многие из них получают рекомендации ученых, ориентированных на конъюнктуру (В. Б. Виноградов, М. М. Блиев, Х. Х. Биджиев и др.).

Доклад З. В. Доде «К истории изучения города Маджар» был посвящен анализу сведений о городе, известном из средневековых письменных источников. Поставлена проблема изучения города в XIX—XX вв. и в наши дни, особо подчеркнута роль архитектора А. П. Архипова, оставившего первое серьезное исследование о Маджаре. Одна из целей доклада — ознакомить слушателей с еще не опубликованными и отсутствующими в научном обороте материалами Г Н. Прозрителева и Н. П. Ивлева, рукописи которых хранятся в фондах Ставропольского краеведческого музея.

М. П. Абрамова в докладе «Вопросы историографии и проблемы археологии Центрального Предкавказья сарматского времени» на основании новых материалов, полученных за последние два десятилетия, вновь обратилась к проблеме этнической истории древнего населения сарматского времени в Центральном Предкавказье, актуальность которой она видит в ее связи с этногенезом осетинского народа. Говоря о путях сложения культуры населения Центрального Предкавказья последних веков до н. э., М. П. Абрамова подчеркнула важность работ Ставропольского краеведческого музея, экспедициями которого в последние годы получены новые материалы о поселениях и городищах IV—III вв. до н. э. в Центральном Предкавказье. Автор остановилась и на проблеме трансформации культуры сарматского времени в раннесредневековую культуру алан, выделив две группы: восточную (затеречную) и западную (кабардино-пятигорскую), более перспективным считая изучение восточной группы в связи с планомерными раскопками Зилгинского городища (В. Б. Ковалевская, И. А. Аржанцева), которое стало «ключевым памятником раннеаланской культуры».

Необычным по своей направленности явился доклад В. Б. Ковалевской «Сармато-аланы в Западной Европе (IV—V вв. н. э.)». Используя разнообразные методы исследования и данные, собранные во время собственных поездок во Францию и Англию, В. Б. Ковалевская составила подробную карту расселения алан в Западной Европе. Пожалуй, впервые в советской археоло-

гии получило на практике использование в едином комплексе данных письменных источников, топонимики, археологических раскопок, палеоантропологии, палеозоологии и дерматоглифики.

В. М. Косяненко в докладе «К вопросу об историографии фибул раннего железного века» отметила, что фибулы являются благодатным материалом для классификации и хронологических определений, позволяющим внести уточнения в датировки материала, выявить некоторые детали, определяющие даты. Далее В. М. Косяненко делает вывод, что в изучении фибул крен был сделан в сторону морфологического анализа, между тем как конструктивные и орнаментальные особенности, а также контекст их применения предполагают сложную смысловую нагрузку в древнем обиходе, что требует более углубленного изучения семантического значения фибул и связанных с ними атрибутов.

С. М. Васютькин в докладе «Проблемы типологии и периодизации средневековых погребений Северо-Западного Прикаспия» проанализировал подходы к периодизации средневековых древностей с территории Калмыкии такими учеными, как Н. К. Арзютов, П. С. Рыков, И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев, Г. А. Федоров-Давыдов, Е. В. Шнайдштейн, после чего предложил результаты собственной периодизации, разработанной им на основе периодизации Г. А. Федорова-Давыдова. Им выделены группы погребений IX—XI и XIII—XIV вв., поставлена проблема выделения погребений VIII—IX вв.

В заключение первого дня работы конференции В. И. Марковиным был прочитан доклад «Северокавказская культурно-историческая общность или кубано-терская культура (некоторые аспекты изучения)». В основу темы автор поставил обсуждение введенного В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой термина «кубано-терская культура» эпохи бронзы. Рассмотрев эволюцию этого понятия на широком историографическом фоне, В. И. Марковин пришел к выводу, что название «кубано-терская культура» по сути дела является не очень удачным синонимом «северокавказской общности». Понятие «северокавказская общность» появилось в 1976 г. в связи с увеличением объема археологических источников, сменив термин «северокавказская культура».

По итогам первого дня состоялась дискуссия, в которой приняли участие Ю. Н. Воронов, В. А. Кузнецов, Н. В. Анфимов, С. Н. Кореневский, Я. Б. Березин, Н. А. Охонько и др. Выступающие отметили важность проводимых археологических исследований на Ставрополье, материалы которого становятся ключевыми в понимании многих процессов древней и средневековой истории Северного Кавказа, Предкавказья и Юго-Восточной Европы. Особенно это касается скифской проблематики, а также эпохи ранней и средней бронзы, сарматского периода и древностей салтово-маяцкого круга VIII—X вв.

Ю. Н. Воронов подчеркнул важность изучения этнической истории эпохи средневековья, что стоит в прямой связи с современными национальными процессами на Кавказе. Выступающий поддержал положения доклада И. М. Чеченова, остановившись на сложностях абхазо-грузинских отношений в Абхазии на почве возросшего национализма. Вместе с тем Ю. Н. Воронов заявил, что существование в науке различных точек зрения способствует выработке объективной истины.

В. А. Кузнецов в своем выступлении привел ряд данных, дополняющих выводы доклада В. Б. Ковалевской, которая, по его словам, в 4—5 раз увеличила число сармато-аланских топонимов в Западной Европе и подтвердила данные исторических источников о продвижении алан в Галлию и Паннонию. Выступавший согласился, что аланы двигались с Кавказа. Обращаясь к докладу И. М. Чеченова, В. А. Кузнецов отметил своевременность поднятого автором вопроса, так как в условиях обострения национальных отношений начали использоваться в политических целях данные археологии. Поиск же «престижных» предков ведет к подтасовкам и искажениям подлинной истории.

С. Н. Кореневский остановился на правомерности этнических определений при изучении культур эпохи ранней бронзы. Он призвал не торопиться отождествлять ту или иную культуру с конкретным этносом и конкретным языком, так как при отсутствии письменности подобные выводы не имеют под собой почвы. С. Н. Кореневский констатировал, что сегодня научные дискуссии начинают терять свой академизм и многие исследователи забывают о существовании рамок, за пределами которых ученый перестает быть ученым.

Н. В. Анфимов предложил активизировать популяризацию археологических данных самими специалистами, а не отдавать это на откуп журналистам.

Я. Б. Березин выразил согласие по основным позициям доклада М. П. Абрамовой и заметил, что, несмотря на различие в понимании некоторых проблем сарматской истории, в частности в вопросе о происхождении катакомб, их позиции благодаря новым данным постепенно сближаются.

Н. А. Охонько отметил необходимость фиксации истории археологического изучения регионов «по горячим следам событий» и в качестве примера привел деятельность Е. П. Алексеевой, которая из года в год ведет своеобразную летопись археологического изучения Карачаево-Черкессии.

Доклады второго дня работы конференции продолжили обсуждение проблем археологии Кавказа и Предкавказья на конкретном археологическом материале. Исключение составил, пожалуй, доклад М. А. Очир-Горяевой «Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии». Проанализировав существующие на этот счет точки зрения ученых, опирающихся на исторические или археологические источники, М. А. Очир-Горяева поставила под сомнение тезис о савромато-сарматской преемственности как не подтверждающийся не только письменной традицией, но и археологическими данными. Автор доклада предложила «отказаться от привычных представлений о савроматах как об этнической группе, населявшей нижневолжские и южно-приуральские степи, а заодно и от понимания савроматов как ранних сарматов».

Раскопкам последних двух сезонов был посвящен доклад И. А. Аржанцевой и Д. В. Деопика «Зилгинское городище в Северной Осетии. Исследования последних лет». Раскопки обогатили и уточнили представления о структуре городища и его сложной оборонительной системе. Авторы

вводят новый термин «жилое полукольцо» для обозначения частей городища, расположенных концентрическими полукольцами вокруг цитадели. Останавливаясь на керамике, докладчица отметила, что практически все керамические формы Зилги имеют свои корни в местных культурах Северного Кавказа более раннего периода, а имеющееся несомненное сходство с некоторыми керамическими формами, бытующими в определенных районах Средней Азии, авторы объясняют влиянием Кавказа на Среднюю Азию. Авторы находят аналогии слоям Зилги на городищах Эльхотово, Брут, Заманкул и делают вывод, что все они принадлежали одному этносу и могут быть материальными следами какой-то конфедерации больших родов.

Н. И. Ш и ш л и н а выступила с докладом «О позднеямной культуре Калмыкии», где отметила, что постепенное насыщение ямного погребального обряда элементами других культур свидетельствует о готовности носителей ямной культуры усвоить их. Неямный инвентарь в погребениях с ямным обрядом свидетельствует о существовании «ямников» в среде мигрантов-колонистов, а не о катакомбной принадлежности таких погребений. По мнению автора, форма могильной ямы и поза погребенного оказались наиболее устойчивыми в связи с тем, что они были связаны со сложными идеологическими представлениями и социальной системой, тогда как элементы материальной культуры усваивались легко и быстро. На основании карты-диаграммы автор определяет время проникновения в Калмыкию разных групп населения и отмечает что ямная культура на заключительном этапе развития приобретает многие элементы пришлых культур и сохраняет стабильность своей системы, но этот процесс привел в конечном итоге к ее полной ассимиляции катакомбной культурой.

В докладе А. В. Д м и т р и е в а и А. П. К о н о н е н к о «Дольмены в окрестностях Новороссийска» подытожены сведения о всех известных на сегодняшний день памятниках в районе Новороссийска, являющегося северо-западной границей распространения северокавказских дольменов.

Оживленный интерес и обмен мнениями вызвал доклад А. Б. Б е л и н с к о г о «О культурной принадлежности склеповых сооружений раннего железного века на Ставропольской возвышенности». Автор дал объяснение не имеющим прямых аналогий подземным каменным склепам с дромосами V—III вв. до н. э., обнаруженным под Ставрополем на р. Вербовке и Беспутской поляне. В 1989 г. А. Б. Белинскому удалось раскопать полностью аналогичный склеп под курганом. Связав происхождение склепов с более ранними памятниками скифов в Предкавказье, автор отмечает их существенные отличия от кобанских погребальных сооружений и находит аналогии среди скифских древностей V—III вв. до н. э. в Восточном Крыму и Северном Причерноморье. В то же время в составе инвентаря ставропольских склепов выделены элементы, характерные для кобанской культуры, что объясняется длительным сосуществованием скифской и кобанской культур в Центральном Предкавказье.

Доклад С. Н. К о р е н е в с к о г о «Новые источники по эпохе энеолита» вводит в научный оборот чрезвычайно интересные материалы раскопок и разведок автора в 1985—1989 гг., производившихся на поселениях энеолита ранней и средней бронзы у ст. Галюгаевской (левый берег Терека), «Замок» под Кисловодском и других памятниках. Полученные материалы позволяют ставить вопрос о возникновении в Предкавказье производящего хозяйства и раннего земледелия у племен майкопской культуры, связях майкопской и куро-аракской культур, преемственности культур энеолита, ранней и средней бронзы.

А. А. Д е м а к о в и И. А. Ч у м а к в докладе «Транскавказский шелковый путь», опираясь на находки в районе Архыза и используя собственные результаты изучения горных путей через перевалы Северо-Западного Кавказа, поставили вопрос о существовании здесь одного из участков «Великого шелкового пути».

Доклад Л. В. Г о л о в а н о в о й был посвящен изучению палеолита Верхнего Прикубанья в последние годы. Автор познакомила участников конференции с древнейшими на сегодняшний день следами жизни человека на Северном Кавказе.

С. В. А р а п о в в докладе «К территориальным и хронологическим позициям предкавказской катакомбной культуры» остановился на вариантах предкавказской культуры, выделенных такими авторами, как А. Л. Нечитайло, В. А. Трифонов, А. А. Иерусалимская, А. И. Мелентьев и др. В докладе говорится о том, что калмыцкая группа содержит довольно выразительный культурный комплекс, который обнаруживает полное сходство с катакомбными погребениями северной части Ставропольской степи (Чоградские могильники, Веселая Роща) Автор считает возможным предварительно объединить катакомбную культуру Калмыкии и сопредельных территорий Ставрополья в восточноманычскую или восточнопредкавказскую катакомбную культуру на основании пространственных позиций катакомбных памятников степного Предкавказья и их культурно-типологических характеристик.

Доклад М. Г Г а д ж и е в а «К локализации Варачана» был посвящен «великолепному городу Варачану», упоминающемуся в ряду средневековых городов Дагестана. По мнению автора, памятником, с которым может быть связан Варачан, является городище Шах-Сенгер, местоположение которого соответствует данным письменных источников.

Проблема соотношения ислама и язычества была поднята в докладе В. Х. Т м е н о в а «К вопросу о происхождении мавзолеев Северного Кавказа».

В выступлениях приняли участие 13 человек. Оживленная дискуссия разгорелась по докладу А. Б. Белинского. В ней приняли участие В. Г Петренко, М. П. Абрамова, Н. А. Охонько, В. И. Козенкова и др. Главная тема дискуссии: с чем связывать каменные склепы — со скифскими или кобанскими памятниками, и можно ли в них видеть отражение античных традиций. В. Г Петренко, отметив важность возможно полного изучения склепов и всего периода V—III вв. до. н. э., призвала не спешить с выводами, а продолжить изучение этих уникальных погребальных сооружений.

А. Б. Белинский, говоря о связях с античными центрами, убедительно сослался на склеп у горы Брык, раскопанный в 1887 г. и доисследованный в начале века художником Владимировым. Н. А. Охонько предложил рассматривать ставропольские склепы в общем контексте истории скифов, кочевая часть которых, оттянувшись с V в. до н. э. в Причерноморье, долго, вплоть до III в. до н. э., сохраняла связи с Центральным Предкавказьем.

Разброс мнений вызвал доклад И. А. Аржанцевой и Д. В. Деопика. Обсуждались вопросы планировки Зилгинского городища, ставился вопрос, считать ли его городом; в дискуссии появился даже термин «протогород». И. М. Чеченов выступил против названия Зилгинского памятника «городом» и подчеркнул, что здесь не было развитой торговли, а преобладал натуральный обмен. И. А. Аржанцева, отвечая оппонентам, отстаивала свое мнение.

А. Л. Нечитайло остановилась на докладах Н. И. Шишлиной, С. В. Арапова и С. Н. Кореневского. Отметив полезность докладов Н. И. Шишлиной и С. В. Арапова, она подчеркнула большую значимость доклада С. Н. Кореневского, указав, что его работы в значительной мере меняют традиционные представления о майкопской культуре и что С. Н. Кореневский обладает сегодня «банком данных» по энеолиту Северного Кавказа.

И. М. Чернов предложил сопоставить материалы поселения «Замок» с материалами из Кабардино-Балкарии (Нальчикская гробница). Ю. Н. Воронов дополнил доклад В. Х. Тменова постановкой вопроса о борьбе язычества и мусульманства на Северном Кавказе. Говоря об этом же, М. С. Гаджиев заметил, что в Дагестане ислам почти не оставил переходных языческо-исламских памятников.

Критические суждения вызвал доклад А. А. Демакова и И. А. Чумака. Ряд выступающих предложили авторам отказаться от термина «транскавказский шелковый путь», заменив его понятием «северозападнокавказский участок...».

В. Г Петренко и Я. Б. Березин не согласились с выводом доклада М. А. Очир-Горяевой об отсутствии преемственности между савроматами и сарматами. Я. Б. Березин поставил вопрос: если отказаться от термина «савроматы», то как в этом случае называть тех, кто жил в данное время на территории от Дона до Урала? В. Г Петренко, отметив правильность системного подхода при изучении письменных и археологических источников, порекомендовала М. А. Очир-Горяевой глубже проанализировать не только прошлое нации, но и современное состояние савроматской проблематики, где многие вопросы, затронутые в докладе, решаются не так однозначно, как это прозвучало в изложении автора.

В третий день конференции было заслушано 12 докладов. Доклад А. Л. Нечитайло был посвящен традиции обмазки поверхности посуды жидкой глиной с иным составом массы, чем достигались огнестойкость черепка и теплоемкость посуды. Автором выявлены на широком пространстве от Дагестана до Украины пункты наличия керамики с обмазкой в катакомбных культурах эпохи средней бронзы. Передача этого технологического приема, по мнению А. Л. Нечитайло, осуществлялась посредством включения северовосточнокавказского населения в среду племен Предкавказья, Подонья и Донетчины.

А. Г Каменский выступил с докладом «Химический состав металла периода средней бронзы Северной Осетии». Спектроаналитическое исследование бронзы позволило автору сделать вывод, что племена Кабардино-Балкарии, Северной Грузии и Северо-Восточного Кавказа использовали различные по геохимической природе источники металла, причем металл привозился как в виде готовых изделий, так и в виде слитков-заготовок. Автор считает, что в период средней бронзы в предгорной области Северной Осетии сложился самостоятельный центр металлургии и металлообработки, а на территории Моздокского района развивался очаг металлообработки предкавказского варианта катакомбной культуры, имевшего более широкие географические границы.

В докладе «Традиционные направления, характер и формы межзональных коммуникаций кобанской культуры в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э.» В. И. Козенкова указывает, что одной из причин формирования представления об особом консерватизме древней культуры Северного Кавказа и ее отставании от других европейских регионов (В. Ф. Миллер) было мнение о слабой системе коммуникаций в древности, между тем как материалы кобанской культуры на обоих склонах Большого Кавказского хребта документируют наличие в эпоху поздней бронзы и раннего железного века не менее трех-четырех направлений коммуникаций. В. И. Козенкова рассматривает зависимость направления путей от географического, экономического, демографического факторов, а также военных иноземных вторжений глобального в пределах региона характера и считает, что первые три фактора не вносили резкого видимого изменения в структуру и контуры ареала, в то время как четвертый создавал ситуацию, при которой происходило смещение всего ареала культуры в северном (вторая половина II тыс. до н. э.) или в южном (первая половина VII в. до н. э.) направлениях.

Источниками исследования А. П. Мошинского, изложенного в докладе «Керамический комплекс памятников кобанской культуры в Дигории в V—IV вв. до н. э.», послужили материалы раскопок поселения Саур и находящегося рядом с ним синхронного ему могильника Гастон Уота, на основании которых автором был выделен хронологический пласт кобанской культуры V—IV вв. до н. э. Инновации, появившиеся в изученном комплексе, автор объясняет возможностью влияния Закавказья, где гончарная керамика и сходные приемы орнаментации существовали задолго до времени их появления в Дигории. Данный хронологический пласт, по мнению А. П. Мошинского, является временем резкого изменения культурных традиций, за которыми непосредственно последовали второй, позднекобанский период и потеря культурой в значительной степени своей самобытности.

Доклад В. Н. Каминского «Конская узда у алан Северного Кавказа» посвящен рекон-

струкции конской узды. Автор считает, что уздечные наборы позднеаланского времени предстают перед нами уже в полностью сформировавшемся виде, а появление роскошной упряжки коней свидетельствует об определенной социальной значимости атрибутов конской узды, в особенности начельников, которые всегда происходят только из богатых погребений.

Р. С. Сосранов и Э. Л. Чердзиев в докладе «Раскопки курганов в Моздокском районе Северной Осетии» на основании исследования семи курганов в зоне мелиоративных работ делают вывод о пребывании киммерийцев и савроматов на левобережье Терека.

А. А. Малышев представил доклад «К вопросу о терракотовых горгонейонах в Прикубанье». Автор считает, что основная масса позолоченных медальонов с изображением головы Медузы Горгоны сконцентрирована в Среднем Прикубанье, Закубанье и в предгорной части Адыгеи. Автор отмечает большую роль данного украшения в погребальном ритуале и предполагает связь этого образа с образом змеи, весьма популярным в меото-скифском и меото-сарматском искусстве.

М. Х. Багаев в докладе «К проблеме хурито-урартских и нахо-дагестанских связей» считает, что не хурито-урарты мигрировали во второй половине III тыс. до н. э. на Северный Кавказ, а некоторые нахо-дагестанские племена влились в закавказскую среду, принеся туда с собой древненахский язык, следы которого четко прослеживаются учеными в урартских клинописных текстах (И. М. Дьяконов). При этом автор не исключает перемещения хурито-урартских племен на Северный Кавказ, но отмечает, что для такого вывода одних лингвистических материалов недостаточно.

С докладом «Джики грузинских источников (к историографии проблемы)» выступил Ю. Н. Воронов. Автор указывает, что грузинские источники X—XVIII вв. в противовес современным не придавали значения этнониму «джики». Этноним «зихи» означал первоначально население небольшого района, примыкавшего к Абасгии и Сангии. Прямыми потомками этого населения, считает Ю. Н. Воронов, были садзы, анбгинцы, ахчипеховцы, убыхи и ряд других абазинских обществ. Автор заключает, что конкретизация данных о населении Джикетии в XVIII — начале XIX в., как и в случае с зихами греко-римских авторов, свидетельствует об изменениях в характере формации, отражающей новые веяния, а не о каких-либо вторжениях в регион.

Б. М. Салихов выступил с докладом «Новый археологический памятник Кайтага». На основании исследования материалов могильника автор говорит о местном характере данного памятника и единой культурно-исторической общности этого региона с сопредельными территориями Дагестана. В заключение с сообщением выступил И. В. Отюцкий, который сделал обзор научного архива Т. М. Минаевой. Архив хранится в Ставропольском краеведческом музее им. Г. К. Праве и представляет большой интерес в деле археологического изучения Ставрополья и Прикубанья.

При обсуждении докладов М. С. Гаджиев поддержал положения доклада А. Л. Нечитайло и в этой связи остановился на том, что наиболее древние катакомбы эпохи бронзы фиксируются в Дагестане. В. И. Марковин же отметил, что ранние катакомбы Дагестана специфичны и нет оснований связывать с ними возникновение погребального обряда катакомбной культуры. Что касается керамики с обмазкой, то нельзя ее происхождение связывать с Дагестаном.

Касаясь доклада М. Х. Багаева, В. И. Марковин подчеркнул, что для решения поставленной проблемы необходимо знать «механизм» обособления языков. Обсуждая доклад А. Г. Каменского, С. Н. Кореневский заметил, что методика сопоставления металлорудных тел и металла еще не выработана и в данный момент можно ставить вопрос о Большом Кавказе как общей базе металлургии. Оловянные бронзы, отметил выступающий, появляются в конце средней бронзы в могильнике Тенгли.

В. Б. Ковалевская остановилась на докладах раннесредневековой тематики. Она выразила свое безусловное согласие с докладом Ю. Н. Воронова о джиках. Возвращаясь к докладу И. А. Аржанцевой и Д. В. Деопика, В. Б. Ковалевская отметила, что Зилгинское городище — очень сложный памятник, который ставит ряд трудных вопросов, и на сегодняшнем уровне его трудно интерпретировать. В. Б. Ковалевская выразила пожелание подготовить на очередную конференцию специальный доклад, который бы обобщил все данные по средневековому городу, выделив систему его основных признаков, и выработал понятие «города», которое сегодня не определено.

В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов и А. Л. Нечитайло поддержали предложение И. В. Отюцкого и Н. А. Охонько формировать и передавать на хранение архивы ученых, как это сделано с архивом Т. М. Минаевой.

В заключительный день работы конференции участники осмотрели археологические памятники в районе Ставрополя, каменные склепы V—III вв. до н. э. на р. Вербовке, Грушевское и Татарское городища со слоями раннежелезного века и средневековья.

Конференция приняла резолюцию, в которой обратилась к археологам, занимающимся изучением Северного Кавказа, с призывом повышать научный уровень исследований. Участники конференции высказались за соблюдение всей полноты научной этики при освещении этнических проблем в условиях многонационального Кавказа.

Следующие Крупновские чтения планируется провести в г. Майкопе. Ведущей темой предстоящей конференции предложено считать «Актуальные проблемы древней истории и археологии Адыгеи и сопредельных регионов».

Были решены организационные вопросы. По просьбе В. А. Кузнецова, избранного народным депутатом РСФСР, он освобожден от обязанностей председателя оргкомитета. Участники конференции выразили ему благодарность и отметили, что, являясь председателем оргкомитета Крупновских чтений в течение 20 лет, В. А. Кузнецов внес важный вклад в развитие археологии Северного Кавказа. Председателем организационного комитета избран И. М. Чечонов.

Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей им. Г. К. Праве

З. В. Доде, Н. А. Охонько

СКИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. Москва
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей. Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.-Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.-Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.-Пг.
ИНМВ — Известия на Народния музей. Варна
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КБИ — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В. В. Струве. М.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.-Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.-Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquity. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
CAn — Cirrent Antropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revie archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klastchen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 16.04.91. Подписано к печати 06.06.91. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7 Усл. кр.-отт. 67,7 тыс. Уч.-изд. л. 29,8 Бум. л. 9,5
Тираж 2715 экз. Зак. 1343. Цена 3 р. 60 к.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВСЕМ, КТО ИНТЕРЕСУЕТСЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИЕЙ И АРХЕОЛОГИЕЙ

Если Вы интересуетесь историческим прошлым нашей родины и хотите быть в курсе новых открытий и находок — в океане информационной литературы надежным лоцманом станет для Вас новый (основан в 1989 г.), своеобразный, единственный на Украине, научный журнал «АРХЕОЛОГІЯ».

Это издание Института археологии АН УССР. Журнал освещает актуальные проблемы археологии и истории Украины от эпохи палеолита до позднего средневековья, рассчитан на археологов, историков, этнографов, всех, кому небезинтересна история родного края. На страницах журнала Вы найдете детальную, на высоком научном уровне информацию о новейших исследованиях памятников древней культуры на территории УССР и в других регионах. Несомненный интерес вызовут рубрики «Дискуссии», «Археология в СССР и за рубежом», рецензирование новых изданий. Рубрика «Память археологии» объединяет публикации, посвященные жизни и деятельности знаменитых представителей археологической науки, а также выдающимся памятникам отечественной археологии.

Надеемся, что наш журнал станет для Вас лучшим информационно-справочным изданием по вопросам истории и археологии. Будем рады видеть Вас среди наших подписчиков, читателей, авторов. Ждем Ваших предложений, критических замечаний и отзывов.

Журнал выходит на украинском языке с русским и английским резюме, ежеквартально. Его индекс 74006. Подписка без каких-либо ограничений принимается всеми отделениями «Союзпечати» СССР, а также за рубежом. Подписная цена на год — 12 руб. 80 коп. Цена одного номера — 3 руб. 20 коп.

Наш адрес: 252025 г. Киев, ул. Владимирская, 3
журнал «Археологія», тел. 228-44-05.